

С.А. Сафронов

П.А. СТОЛЫПИН: РЕФОРМАТОР НА ФОНЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

В двух томах

ТОМ 1. ПУТЬ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОЛИМПУ

Монография

Гуманитарный институт

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.А. Сафронов

**П.А. СТОЛЫПИН: РЕФОРМАТОР НА ФОНЕ
АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ**

Монография

В двух томах

ТОМ 1. ПУТЬ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОЛИМПУ

Красноярск
СФУ
2015

УДК 94(470+571),18
ББК 63.3(2)533-210.6
С683

Рецензенты:

М.Д. Северьянов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета;

А.И. Бакиев, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета

Сафронов, С.А.

С683

П.А. Столыпин: реформатор на фоне аграрной реформы : монография : в 2 т. Т. 1. Путь к политическому олимпу. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. – 438 с.

ISBN 978-5-7638-3211-2 – общий

ISBN 978-5-7638-3212-9 – т. 1

В первом томе монографии рассматривается процесс становления П.А. Столыпина как личности и реформатора и его вклад в разработку программы аграрных преобразований; освещается деятельность правительства П.А. Столыпина и его ближайших помощников: А.В. Кривошеина, С.Е. Крыжановского, В.И. Гурко, В.Н. Коковцова и т. д. Исследуются специфика исторической ситуации, в которой приходилось жить П.А. Столыпину, ее влияние на его характер и взгляды.

Предназначена для научных работников, преподавателей и аспирантов.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 94(470+571),18
ББК 63.3(2)533-210.6

ISBN 978-5-7638-3211-2
ISBN 978-5-7638-3212-9

© Сибирский федеральный
университет, 2015

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Д.	– дело
дес.	– десятина
ГАИО	– Государственный архив Иркутской области
ГАКК	– Государственный архив Красноярского края
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)
ГУЗиЗ	– Главное управление землеустройства и земледелия
Л.	– лист
М.	– Москва
МВД	– Министерство внутренних дел
Оп.	– опись
ОР	– Отдел рукописей
Отд.	– отделение
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГИА	– Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
СПб.	– Санкт-Петербург
Ст.	– статья
Ф.	– фонд

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
1. П.А. Столыпин в 1862–1902 гг.: формирование личности и взглядов	27
1.1. 1862–1881 гг.: детство и юность, гимназический период.....	27
1.2. 1881–1889 гг.: учеба в Санкт-Петербургском университете, служба в Министерстве внутренних дел и в Министерстве земледелия и государственных имуществ.....	60
1.3. Ковенская губерния: от уездного к губернскому предводителю дворянства	84
2. 1902–1906 гг.: губернаторский период	130
2.1. Гродненская губерния: небольшая губерния на национальной окраине	130
2.2. Саратовская губерния: бурное время и беспокойное место.....	157
3. П.А. Столыпин-премьер: на вершине власти	230
3.1. На посту министра внутренних дел: попытка компромисса с революцией	230
3.2. Правительству «джентльменов» – премьер-«джентльмен»	262
4. Правительство П.А. Столыпина: союз консерваторов и либералов.....	313
4.1. Председатель Совета министров и министр внутренних дел П.А. Столыпин	313
4.2. Ближайшее окружение П.А. Столыпина: заместители министра внутренних дел, главноуправляющие землеустройством и земледелием, начальник переселенческого управления	330
4.3. Министр финансов, министры путей сообщения	386
4.4. Военные, морские министры, министр иностранных дел, промышленности и торговли, государственный контролер, обер-прокуроры Святейшего Синода	408

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX в. Россия оказалась на пороге масштабного политического кризиса. После отмены крепостного права начала разрушаться главная опора монархической власти – система земельной аристократии. Значительная часть помещичьих хозяйств без рабского труда крепостных крестьян стала просто нерентабельной. Задача аграрной реформы П.А. Столыпина состояла в том, чтобы вырастить на месте той части помещиков, которая разорилась, класс новых земельных собственников капиталистического типа, которые смогли бы адаптироваться к новой социально-экономической системе и стать опорой существовавшего режима. Место земельной аристократии должен был занять средний класс: порождение нового рыночного общества поддерживало бы средневековую монархию. Постепенно из верхушки этого среднего класса появились бы буржуазные земельные «магнаты», наподобие тех, которые были до отмены крепостничества. Тема предлагаемой работы остается актуальной и в настоящее время, поскольку попытки встроить Россию в мир капиталистического производства не прекращаются и сейчас. При этом часто совершаются те же ошибки, что и во времена П.А. Столыпина. Между тем в истории нашей страны существует значительный опыт неудачной попытки построить капитализм в сжатые сроки. «Двадцать лет покоя» слишком маленький период для изменения сознания такого большого народа, как русские.

В монографии исследовано развитие П.А. Столыпина как личности и политического деятеля, а также проведение курса его основных реформ. При этом автор хотел бы проследить формирование экономических взглядов П.А. Столыпина, а особенно эволюцию взглядов реформатора по крестьянскому вопросу; изучить механизм проведения столыпинской аграрной реформы; оценить его социально-экономические взгляды; проанализировать роль П.А. Столыпина в подавлении первой российской революции 1905–1907 гг.; рассмотреть взаимоотношение реформатора с членами его правительства; проследить ход и степень интенсивности землеустройства и реформы крестьянского надельного землевладения; выяснить, насколько подготовленными оказались землеустроительные службы Сибири к отводу большого количества земельных участков для прибывавших новоселов; проанализировать ход переселенческого дела, эффективность различных служб Переселенческого управления на местах; сформулировать выводы, вытекающие из анализа хода реформ.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX в. – начала XX в. Объясняется это тем, что формирование политико-экономических взглядов П.А. Столыпина, его карьерный рост, а также сами его реформы происходили именно в этот период.

Методологической основой исследования является принцип объективности, а также многосторонний подход к анализу общественных явлений. Сильная сторона формационного метода состоит в том, что на основе определенных критериев он создает четкую объяснительную модель всего исторического развития. История человечества предстает как объективный, закономерный, поступательный процесс. Ясны движущие силы этого процесса, основные этапы. Однако формационный подход предполагает однолинейный характер исторического развития (исторические исследования показали, что и в Азии, и в Европе развитие определенных стран (например, России) не всегда можно вставить в схему смены формаций); решающее значение в объяснении исторических явлений отводится объективным, внеличностным факторам, а основному субъекту истории – человеку предназначена второстепенная роль; исторический процесс в этой методологии описывается преимущественно через призму классовой борьбы, отсюда наряду с экономическими значительная роль отводится политическим процессам.

Методологии формационного подхода в современной исторической науке в какой-то мере противостоит методология цивилизационного подхода. Основной структурной единицей исторического процесса, с точки зрения этого подхода, является цивилизация – целостная общественная система, включающая в себя различные элементы (религию, культуру, экономическую, политическую и социальную организацию и т. д.), которые согласованы друг с другом и тесно взаимосвязаны. Каждый элемент этой системы несет на себе печать своеобразия той или иной цивилизации. Это своеобразие весьма устойчиво. И хотя под влиянием определенных внешних и внутренних воздействий в цивилизации происходят определенные изменения, их некая основа, их внутреннее ядро остается неизменным.

Методологический принцип историзма также помог рассмотреть исследуемые процессы с учетом тех экономических и политических условий, в которых они находились. Метод сравнительно-исторического анализа обусловил возможность выяснения степени реализованности задуманных правительством преобразований. В ходе работы над монографией использовался проблемный подход, а также другие общенаучные методы:

синтез, индукция, дедукция, систематизация, аналогия, моделирование, восхождение от абстрактного к конкретному, системный анализ и его производные (например, структурно-функциональный анализ). Применялись и конкретно-предметные методы исследования – ретроспективный, статистический и др.

В процессе работы над данным исследованием автор использовал большое количество работ, посвященных деятельности П.А. Столыпина. В целом хронологически историографию данной проблемы можно разделить на следующие периоды: 1) в 1906-м – октябре 1917 гг. господствовала официальная точка зрения правительства П.А. Столыпина и отчасти получали популярность произведения авторов, принадлежавших к либерально-демократическому лагерю; 2) ноябрь 1917-го – середина 1930-х гг. – продолжали существовать некоторые старые исторические школы (в основном либерально-демократического направления), но в то же время началось становление марксистско-ленинской исторической школы; 3) вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг. – развитие и господство марксистско-ленинской исторической школы сталинского периода; 4) вторая половина 50-х – 1987–1988 гг. – время существования постсталинской советской исторической науки и появления многочисленных фундаментальных научных работ по аграрной реформе П.А. Столыпина; 5) с 1987–1988 гг. по настоящее время – переосмысление исторических ценностей, осуществляется трансформация исторической науки, по-новому освещается деятельность одного из главных реформаторов XX в. – П.А. Столыпина.

В первый период истоки официальной историографии нужно искать в высказываниях председателя Совета министров П.А. Столыпина, Главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, начальника Переселенческого управления Г.В. Глинки. Официальная концепция была представлена в целом ряде ведомственных изданий Министерства земледелия и государственных имуществ (по Указу от 6 мая 1905 г. – Главное управление землеустройства и земледелия), Совета министров, Министерства путей сообщения, Переселенческого управления (журнал «Вопросы колонизации»), а также в трехтомном труде «Азиатская Россия»¹. В данных работах (в связи с установкой на

¹ Известия Главного управления землеустройства и земледелия. СПб.; Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912) / сост. Г.К. Гинс, П.А. Шафранов. СПб., 1914; Тресвятский В.А. Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1916 г. // Вопросы колонизации. 1917. № 20. С. 45–86; Введенский И. Переселение и аграрный вопрос // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 1–78; Соколов М. Землеустройство Ир-

создание частного крестьянского землевладения) освещались немногочисленные в Сибири частновладельческие хозяйства, положение которых приукрашивалось. Сверх того, были несколько пересмотрены некоторые вопросы переселенческой политики. Так, изменилась оценка самовольных переселений. В частности, в ряде публикаций позднего периода столыпинской реформы (в отличие от периода реформ Александра II, когда отношение правительства к самовольным переселенцам было враждебным) самовольные переселенцы назывались «пионерами сибирской колонизации», а ограничения, ранее созданные на пути свободного переселения в Сибирь, объявлялись устаревшими¹. Ценные материалы содержат и труды одного из главных идеологов столыпинской аграрной реформы датчанина А.А. Кофода².

На наш взгляд, среди исследователей столыпинских преобразований этого времени особого внимания заслуживают труды А.А. Кауфмана, который являлся наиболее значительным теоретиком и историком аграрной реформы П.А. Столыпина. Он был либералом. В его работах исследуется широкий круг проблем: землеустройство, землепользование (особенно крестьянской общины в Сибири), переселение. А.А. Кауфман видел причины аграрного кризиса в России в экстенсивной форме ведения хозяйства и низкой агрономической культуре, что вызывало малоземелье, так как для ведения экстенсивного хозяйства требовалось большее количество земли, чем для интенсивного. Выход из этого положения он видел в повышении интенсификации сельскохозяйственного производства³.

кутских бурят в связи с колонизацией Иркутской губернии // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 138–157; Чиркин Г. К вопросу об урегулировании земельных отношений переселенцев // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 130–136; Гинс Г. Переселение и колонизация // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 16–64; Азиатская Россия: в 3 т. СПб., 1914.

¹ Ленский И. Самовольное переселение и переселенческое законодательство // Вопросы колонизации. 1914. № 14. С. 96–120.

² Кофод А.А. Крестьянские хутора на надельной земле: в 2 т. СПб., 1905; Кофод А.А. Хуторское расселение. СПб., 1907; Кофод А.А. Внутреннее землеустройство. СПб., 1909; Кофод А.А. К вопросу о практическом обучении крестьян сельскому хозяйству. СПб., 1912; Кофод А.А. Русское землеустройство. СПб., 1914; Кофод А.А. 50 лет в России (1878–1930 гг.). М., 1987.

³ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1908; Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь (Ее современное состояние и нужды). СПб., 1908. С. 79–140; Кауфман А.А. К вопросу о принципах и вероятной будущности русских переселений // Труды юридического общества, состоящего при императорском Московск. ун-те. М., 1908. Т. 2; Кауфман А.А. Сибирское переселение на исходе XIX в. СПб., 1901; Кауфман А.А. Переселение и его роль в аграрной программе // Аграрный вопрос. М., 1905. С. 134–170;

Марксистский взгляд на столыпинскую аграрную реформу начал разрабатывать В.И. Ленин. Он писал: «Столыпин, верой и правдой служивший "объединенному совету крепостников" и проводивший его политику, говорил сам: "Дайте мне 20 лет покоя, и я реформирую Россию". Под "покоем" он понимал покой кладбища, покой молчаливого, овечьего перенесения деревней неслыханного разорения, обнищания, которое на нее обрушилось. Под "реформированием" России Столыпин понимал такую перемену, чтобы в деревне остались только довольные помещики, довольные кулаки и живоглоты, да раздробленные забитые, беспомощные и бессильные батраки»¹.

В целом В.И. Ленин делил столыпинскую аграрную реформу на две составляющие: а) переселение и б) раздел общины на хутора. Хуторян, в свою очередь, он разделял на два разряда: «Один разряд хуторян, ничтожное меньшинство, это – зажиточные мужики, кулаки, которые и до нового землеустройства жили отлично. Такие крестьяне, выделяясь и скупая наделы бедноты, несомненно, обогащаются за чужой счет: еще больше разоряя и закабалая массу населения. Но таких хуторян... совсем немного. Преобладает, и преобладает в громадных размерах, другой разряд хуторян – нищие, разоренные крестьяне, которые пошли на хутора от нужды, ибо им некуда деться»².

Разрабатывал В.И. Ленин и переселенческий вопрос. В 1907–1908 гг. он написал ряд статей по аграрному вопросу, в которых поставил вопрос о переселениях³. В 1912–1913 гг. В.И. Ленин написал несколько специальных работ о переселениях⁴. В научных трудах этого периода он сформировал марксистский взгляд на переселение, указывая на пагубное влияние феодально-крепостнических пережитков на колонизацию России. Успех переселения В. И. Ленин прежде всего связывал

Кауфман А.А. Переселение (Мечты и реальность). М., 1906; Кауфман А.А. Община и ее успех в сельском хозяйстве Сибири (Община, переселение, статистика). М., 1915.

¹ Ленин В.И. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 23. С. 264.

² Там же. С. 265–270.

³ Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу во II Государственной Думе // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 15. С. 127–160; Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 16. С. 103–413; Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 17. С. 57–137.

⁴ Ленин В.И. Перспективный вопрос // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 21. С. 325–326; Ленин В.И. Значение переселенческого дела // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 23. С. 103–109; Ленин В.И. Еще раз о переселенческом деле // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 25. С. 128–130.

с ликвидацией помещичьих хозяйств. Отчасти это утверждение является верным, так как нередко помещики, стремясь удешевить стоимость рабочих, сознательно тормозили переселенческое движение. В.И. Ленин также отмечал низкое качество землеотводных работ, указывал на ограничения, которые в ряде случаев ставились переселенцам, в выборе места водворения. Негативно оценивая столыпинскую реформу, В.И. Ленин считал: «Ломка должна быть крутой, потому что несоответствие чересчур велико, потому что старое слишком старо, болезнь чересчур запущена»¹.

Особое место в буржуазном направлении занимала областническая концепция П.М. Головачева². В трудах этого ученого содержатся интересные наблюдения о влиянии Сибирской железной дороги на различные стороны экономической жизни Сибири, о формах найма крестьян. Однако П.М. Головачев также отрицал наличие закономерностей в развитии Европейской России и Сибири, чрезмерно преувеличивая различия между русскими-сибиряками и жителями центра страны. Эта мысль перекликалась с мнением Г.Н. Потанина, искавшего «идею» областничества «в целях сибирского крестьянства»³. В связи с этим также интересны взгляды Д.М. Головачева⁴. Он объяснил провал попытки насаждения помещичьего землевладения в Сибири климатическими условиями и неорганизованностью сбыта продукции. Первое утверждение Д.М. Головачева не совсем верно, второе же имеет под собой полное основание, так как плохие дороги довольно часто мешали развитию в Сибири крупных товарных хозяйств. Автор также неверно считал сибирскую деревню сплошь «трудовой», не имеющей основы для капиталистического развития. Внесли областники свой вклад и в изучение процесса переселения⁵. Их недостатком является то, что они неправильно противопоставляли крестьянство Сибири крестьянству Европейской России, считая первых носителями сепаратистских идей.

¹ Ленин В.И. Сущность «аграрного вопроса» в России // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 21. С. 310.

² Головачев П.М. Сибирь, природа, люди, жизнь. М., 1902; Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М., 1914.

³ Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию Г.Н. Потанина. Томск, 1915. С. 89.

⁴ Головачев Д.М. Сельское хозяйство крестьян Енисейской губернии и условия его развития // Труды Краснояр. отд-ния Москов. общества сельского хозяйства. Красноярск, 1903. Вып. 3. С. 42–80.

⁵ Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907; Козьмин Н. Областничество // Сибирские записки. 1918. № 1.

В 1910 г. появляется, по сути, первая прижизненная биография П.А. Столыпина. Очерк, изданный в Риге П.Н. Кречетовым, открыл премьеру для современников, которые знали о нем в основном понаслышке. В брошюре наряду с известными фактами были изложены любопытные сведения о быте, семье, привычках реформатора¹. Далее следует назвать труд Е.В. Варпаховской, который был издан отдельными частями и книгами в Санкт-Петербурге в 1909 и 1911 гг. Этот труд, основанный на публикациях прессы, стал на многие годы основным источником информации о работе и, частично, личной жизни премьер-министра. Интересно, что издание первого сборника, охватывающего период с 8 июля 1906 г. по 8 июля 1908 г., было благосклонно встречено самим П.А. Столыпиным². Вторым заметным изданием о П.А. Столыпине стал выпущенный в 1912 г. отдельной книгой очерк кадета А.С. Изгоева (Лянде)³, который содержал определенную долю критики реформатора.

Во второй период (ноябрь 1917 г. – середина 1930-х гг.) вопросы развития капитализма в сельском хозяйстве освещались в книге С.М. Дубровского, посвященной столыпинской реформе⁴. Автор придерживался марксистско-ленинской идеологии. Аграрный капитализм он рассматривал на общерусском фоне капитализации сельского хозяйства. Причины, тормозящие развитие аграрного капитализма в Сибири, С.М. Дубровский видел в полукрепостнической собственности на землю, выкачивании средств из сельского хозяйства, большая часть которого, по его мнению, уходила на непроизводительное потребление господствующих классов Европейской России, за границу или капитализировалось в отечественную русскую промышленность. Недостаток средств сдерживал переход к интенсивному земледелию. В 1930 г. вышла еще одна книга С.М. Дубровского, в которой исследовалась тема столыпинской реформы⁵. В ней были введены в научный оборот документы из архивов Главного управления землеустройства и земледелия и Земского отдела Министерства внутренних дел. Однако вопросам переселения в ней уделено не слишком много внимания.

¹ Кречетов П.И. Петр Аркадьевич Столыпин: Его жизнь и деятельность. Рига: Тип. Л. Бланкенштейна, 1910.

² Варпаховская Е.В. Государственная деятельность председателя Совета министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина: в 3 т. СПб.: Изд-е составителя (Е.В. Варпаховская), 1911.

³ Изгоев А.С. П.А. Столыпин: Очерк жизни и деятельности. М.: К.Ф. Некрасов, 1912.

⁴ Дубровский С.М. Столыпинская реформа (Капитализация сельского хозяйства в XX в.). Л., 1925.

⁵ Дубровский С.М. Столыпинская реформа. М., 1930.

Заслуживает внимания и вышедшая несколько раньше работа советского историка Н. Карпова¹. В его книге увидели свет некоторые новые, не опубликованные ранее документы и материалы. Тем не менее, как и предыдущий автор, Н. Карпов почти не разрабатывал вопросы, связанные с ходом столыпинского переселения.

Вместе с тем во втором периоде были авторы, придерживавшиеся несколько иных взглядов. Так, один из сотрудников Государственного колониального научно-исследовательского института, существовавшего в первые годы советской власти, А.А. Ярилов, в 1919 г. выдвинул проект заселения «новых мест технически подготовленными и опытными колонистами – русскими и иностранцами»², что в условиях советской действительности было, по меньшей мере, странным. Этот автор и в середине 20-х гг. продолжал изучать переселенческое дело³. Другой сотрудник Государственного колониального научно-исследовательского института, Э.Д. Grimm опубликовал интересную работу по проблеме колонизации⁴.

В 20-х гг. по вопросу колонизации также выступали И.А. Язмин, В.П. Вошинин, Г.Ф. Чиркин⁵. Авторы полагали, что эмиграция и внутреннее переселение «происходят и развиваются вне воли людей и государств, вытекая из экономического состояния страны, отвечая уровню народного хозяйства, в особенности сельского, то есть происходят закономерно, поддаваясь в той или иной степени лишь регулированию со стороны государства»⁶. Это не совсем совпадало с марксистско-ленинской точкой зрения, согласно которой только эксплуататорские государства не могли регулировать процесс колонизации, что являлось преувеличением.

После октября 1917 г. продолжал разрабатывать тему столыпинской аграрной реформы и А.А. Кауфман⁷. В послереволюционном из-

¹ Карпов Н. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925.

² Ярилов А.А. Колонизация и использование природных богатств как основные предпосылки развития России. М., 1919. Вып. 5. С. 38.

³ Ярилов А.А. Пути колониального строительства // Труды Государственного колониального научно-исследовательского института. М., 1924. Т. 1.

⁴ Grimm Э.Д. Основные типы миграционно-колониального процесса, их происхождения и характер // Труды Государственного колониального научно-исследовательского института. М., 1924. Т. 2.

⁵ Вошинин В.П., Язмин И.А. Учение о колонизации и переселении. М.-Л., 1926; Чиркин Г.Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петроград, 1922. Вып. 2 и др.

⁶ Вошинин В. П., Язмин И. А. Указ. соч. С. 14.

⁷ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. М.: Москов. науч. изд-во, 1918.

дании он еще более критично отзывался о мерах и формах проведения столыпинской реформы, подчеркивая тем самым недостаточную «исчерпанность» крестьянской общины.

А.А. Ансон сделал вывод, что сельское хозяйство в Сибири капитализировалось быстрее, чем в Европейской России. Он объяснял это отсутствием помещиков и земств, своеобразием форм землепользования и преобладанием государственных крестьян. Поэтому в Сибири, как и на других окраинах России, «быстрее и интенсивнее шел распад крестьянства на сельскохозяйственных предпринимателей и рабочих, резче выделялся «коммерческий», торговый характер зажиточного крестьянства, рельефнее выпячивались два противоположных полюса – кулак и бедняк»¹. На наш взгляд, А.А. Ансон преувеличивал уровень развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири.

Вызывает интерес работа Д.А. Батурина², которая была напечатана на немецком языке в 1920 г., а написана в 1917 г. для представления в Бернский университет в качестве докторской диссертации. При выборе темы автор руководствовался целью осветить перед иностранными читателями социально-экономическую роль бывшего русского Крестьянского банка как одного из могучих орудий аграрной политики царского правительства. Попутно работа должна была представить собой краткую монографию Крестьянского банка – самого большого в мире и наиболее своеобразного земельно-кредитного института, деятельность которого имела огромный научно-практический интерес.

Любопытен ряд работ А.Н. Челинцева³. Первый труд посвящен анализу экономических особенностей крестьянского хозяйства в первой четверти XX в., в нем рассматриваются проблемы влияния экономических особенностей на организационный строй сельского хозяйства; промыслы в крестьянском хозяйстве; средства производства; деньги и денежный оборот. Второй – представляет собой экономическое исследование сельскохозяйственной деятельности в предреволюционной России и содержит данные эволюции сельского хозяйства, географию полеводства и животноводства, сравнения бывшего помещичьего и крестьянского хозяйств.

¹ Ансон А.А. Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревне до революции 1917 г. // На ленинском пути. 1931. № 3–4. С. 43.

² Батуринский Д.А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М.: Новая деревня, 1925.

³ Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919; Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. М.: Новый агроном, 1928.

В 1927 г. в Париже вышел очерк Аркадия Петровича Столыпина (сына реформатора). Исследователь после краткого обзора становления П.А. Столыпина как государственного деятеля особое внимание уделил главным направлениям его забот: землеустройству крестьян и поездке в Сибирь и Поволжье, сооружению Амурской железной дороги и воссозданию флота, западному земству и думским запросам, а также вопросам вероисповедания, заботе о городах и финляндскому кризису¹. В 1931 г. в Берлине была опубликована книга В. Богрова (брата убийцы П.А. Столыпина – Д.Г. Богрова)².

Пятая и самая младшая дочь П.А. Столыпина – Александра Петровна Столыпина оставила воспоминания о своем отце. Первые их фрагменты появились в 1931 г. в парижском журнале «Revue des deux Mondes» на французском языке. В этом же году она вышла отдельной книгой (Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин). Правда, есть версия, что она писала данную книгу со своим братом Аркадием, а муж А.П. Столыпиной – прибалтийский немец Л. Кейзерлинг издал ее под фамилией жены. Тем не менее данная книга содержит интересные факты, особенно о начальном периоде жизни П.А. Столыпина (в Вильно, Ковно, Колноберже и Саратове). Сам же А.П. Столыпин также опубликовал книгу о своем отце, но несколько раньше, с очень коротким перечислением преобразований П.А. Столыпина³.

В третий период (вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг.) наибольшего внимания заслуживает работа П.Н. Ефремова, вышедшая из печати в 1941 г.⁴ Однако ограниченный объем книги и широта поставленной задачи позволили автору лишь собрать по выработанной схеме высказывания В.И. Ленина о переселениях, прокомментировать и проиллюстрировать их фактическим материалом довольно общего характера.

В 1951 г. в Иркутске была издана работа В.В. Покшишевского, которая носила историко-географический характер и охватывала процесс заселения Сибири в целом за весь период – с момента присоединения ее к русскому государству до Первой мировой войны⁵. Переселениям эпохи П.А. Столыпина посвящен один из разделов книги, в которой на ос-

¹ Столыпин А.П. П.А. Столыпин. 1862–1911 гг. Париж, 1927.

² Богров В. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Разоблачение действительных и мнимых тайн. Берлин: Изд-во «Стрела», 1931.

³ Столыпин А.П. П.А. Столыпин. 1862–1911 гг. ...

⁴ Ефремов П.Н. Столыпинская аграрная политика. М., 1914.

⁵ Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.

нове опубликованных материалов рассматриваются все аспекты переселений. Автор поднял вопрос об условиях организации переселенческих хозяйств и о их капиталистическом развитии с учетом работ В.И. Ленина о переселениях. Но широкие хронологические и тематические рамки исследования и в этом случае позволили автору лишь в общем коснуться того основного, что связано с жизнью переселенцев на новых местах. Заслуга В.В. Покшишевского состоит в том, что он первым из советских историков дал общую картину заселения Сибири.

В 1935 г. в парижском журнале «Возрождение» появились воспоминания старшей дочери П.А. Столыпина – Марии Петровны фон Бок. В 1953 г. эти воспоминания вышли в Нью-Йорке отдельной книгой¹. Его дочери было всего 19 лет, когда П.А. Столыпин был назначен сначала министром внутренних дел, а вскоре и Председателем Совета министров. Менее чем через два года она вышла замуж и вместе с мужем поселилась в Берлине, где тот занимал пост русского морского атташе. О дальнейшем разворачивании деятельности отца она узнавала из переписки, из разговоров во время нечастых поездок на родину и общих источников осведомления. Тем не менее воспоминания М.П. фон Бок имеют очень большую ценность, особенно о начальном периоде жизни реформатора.

В предпоследний, четвертый период (вторая половина 1950-х гг. – 1987–1988 гг.) появилось большое количество работ, посвященных столыпинской аграрной реформе в России. Среди них можно выделить монографии С.М. Сидельникова, А.Я. Авреха, П.Н. Першина и др.² В них впервые было опубликовано большое количество новых юридических документов, статистических материалов, что явилось значительным вкладом в изучение данной темы.

Особого внимания также заслуживает и первый том двухтомника С.П. Трапезникова, где в сжатой форме показан ход и масштабы переселения в Сибирь и на другие азиатские окраины России. Автор проанализировал эволюцию аграрных отношений от реформы 1860-х гг. до настоящего новейшего времени³. На основе большого материала С.П. Трапезников попытался проследить эволюцию ленинской аграрной программы. Определенное внимание было уделено здесь и столыпин-

¹ Бок М.П. Воспоминание о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953.

² Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. М.: Наука, 1968; Першин П.Н. Аграрная революция в России: в 2 т. М.: Наука, 1966.; Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М.: Изд-во МГУ, 1980.

³ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Мысль, 1983. Т. 1.

скому реформированию крестьянской общины, а также развитию кооперативного движения в России. Однако критика С.П. Трапезниковым деятельности П.А. Столыпина излишне радикальна. Так, автор утверждал, что «переселенческая политика Столыпина – это аграрный авантюризм, прямой и открытый обман трудового крестьянства»¹. Это, на наш взгляд, не совсем правильно, поскольку переселенческая политика П.А. Столыпина (при всех ее недостатках) во многих случаях улучшала материальное положение трудового крестьянства, решившегося на смену места жительства, что находит подтверждение в реальных фактах.

В.Г. Тюкавкин придерживался концепции неразрывного единства Сибири и России, действия общих закономерностей в их развитии, причем общественные отношения в центре страны имели решающее значение и для Сибири². Тему реформы крестьянского наделного землевладения исследовал Л.Ф. Складов. Характеризуя социально-экономические отношения в сибирской деревне в начале XX в., он исходил из представления о сохранении вплоть до 1917 г. «системы государственного феодализма». «В Сибири, – писал он, – правительство сохранило устаревшую систему государственного феодализма, не ввело частной собственности на землю»³. В числе наиболее значительных феодально-крепостнических пережитков автор называл кабинетное и государственное землевладение. Л.Ф. Складов подчеркивал взаимность процессов обострения аграрного кризиса в Европейской России и в Сибири, считал, что сельское хозяйство Сибири пошло по прусскому пути.

В последний, пятый период (с 1987–1988 гг. до наших дней) продолжал усиливаться интерес к преобразованиям П.А. Столыпина. Так, в 1991 г. вышла работа А.Я. Авреха, в которой предпринята фундаментальная попытка обобщить и проанализировать опыт столыпин-

¹ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос... С. 202.

² Тюкавкин В.Г. Проведение «нового курса» переселенческой политики в Восточной Сибири (1911–1914 гг.) // Науч. докл. высшей школы (Сер. «Исторические науки»). М., 1958. Вып. 4; Тюкавкин В.Г. Сибирь в эпоху реакции 1907–1914 гг. // История Сибири. Л.: Наука, 1958. Т. 3. С. 299–340; Тюкавкин В.Г. Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь. Иркутск, 1958; Тюкавкин В.Г. Влияние переселения крестьян на развитие капиталистических отношений в Восточной Сибири (1906–1917 гг.) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1916. С. 149–163; Тюкавкин В.Г. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX в. Иркутск, 1961 и др.

³ Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 18, 348, 557.

ской реформы в России¹. Вместе с тем с 1987–1988 гг. начался процесс переосмысления освещения как советской, так и досоветской истории, особенно после августа 1991 г. Этому способствовало появление в печати и различных средствах массовой информации новых документов и материалов, репринтных изданий книг русских эмигрантов, воспоминаний современников П.А. Столыпина, переводимых зарубежных изданий и т. д.²

В 1991 г. была опубликована монография И.В. Островского, которая была посвящена аграрной политике царского правительства в Сибири периода 1900–1917 гг. В данной работе особого внимания заслуживают разделы, где достаточно подробно раскрывается попытка распространить на Сибирь ту часть аграрного законодательства, которая предусматривала образование частного крестьянского землевладения³. В 1992 г. И.В. Островский опубликовал книгу, где рассматриваются вопросы социально-экономической и политической истории России начала XX в.⁴ Основное внимание в ней уделяется личности П.А. Столыпина и его реформаторскому курсу. Показаны истоки столыпинской политики, приведен материал об отношении к ней различных политических сил, раскрыты особенности аграрной реформы в Сибири. В работе рассказывается и об убийстве П.А. Столыпина и расследовании обстоятельств гибели премьер-министра.

В книге П.Н. Зырянова⁵ освещается жизненный путь П.А. Столыпина, прослеживается формирование его взглядов по основным проблемам российской действительности. Особое внимание уделяется аграрной и другим реформам, разработанным под руководством Столыпина.

¹ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ. М.: Изд-во полит. лит.-ры, 1991.

² Анфимов А.М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994. № 3. С. 68–77; Бок М.П. Столыпин (Воспоминания о моем отце). М.: Современник, 1992; Бородай Ю. Кому быть владельцем земли? // Наш современник. 1990. № 3. С. 102–120; Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 г. – Екатеринбург, май 1918 г.). М., 1991; Зырянов П.Н. Столыпин // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 54–75; Иванов В. Столыпин // Молодая гвардия. 1990. № 3. С. 43–56; Казарезов В.В. Столыпин: История и современность. Новосибирск, 1991; Островский И.В. Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX вв. (Проблемы регионального управления) // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60–73; Столыпин П.А. Думские речи. М.: Знание, 1990; Ферро М. Николай II: пер. с фр. М.: Междунар. отношения, 1991 и др.

³ Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991.

⁴ Островский И.В. Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992.

⁵ Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М.: Высш. шк., 1992.

Раскрываются взаимоотношения российского премьера с двором, высшей бюрократией, Думой, правым дворянством. Отдельная глава посвящена отношениям П.А. Столыпина и Л.Н. Толстого.

В 1998 г. была опубликована статья белорусского исследователя В.Н. Черепицы¹. Данная статья повествует о деятельности П.А. Столыпина на посту гродненского губернатора. В.Н. Черепица сравнивает П.А. Столыпина с видным философом и публицистом И.Л. Солоневичем, чьи труды со значительным опозданием лишь сегодня возвращаются к нам. В.Н. Черепица также утверждает, что П.А. Столыпин живо интересовался местными проблемами.

В 2001 г. вышло фундаментальное исследование В.Г. Тюкавкина «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа», которое посвящено исследованию крестьянства в тесной связи со столыпинской аграрной реформой². В.Г. Тюкавкин придавал большое значение развитию фермерского типа хозяйства, считая, что российское крестьянство получило большую выгоду от изменения землепользования, так как «более половины укрепленцев и землеустроенных дворов не только стали личными собственниками, но у них появились преобразованные участки; ликвидированы многополосица, мелкополосица, чересполосица, множество межей, значительно уменьшено дальнотемье»³.

Е.А. Юртаева опубликовала монографию о деятельности Государственного совета⁴. Книга представляет собой научное исследование, в котором достаточно подробно и полно освещаются организация и деятельность одного из важнейших высших государственных учреждений императорской России – Государственного совета – после его реорганизации в «верхнюю законодательную палату» в 1906 г. Данная научная работа знакомит с опытом формирования Государственного совета, его структурой, компетенцией, основными функциями, формами его взаимодействия с монархом, Государственной думой и Советом министров, содействуя тем самым верному оценочному пониманию политико-юридического прошлого России, ее системы государственной власти предреволюционного периода.

¹ Черепица В.Н. П.А. Столыпин – гродненский губернатор // Православный вестник. 1998. № 2–3.

² Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

³ Там же. С. 299.

⁴ Юртаева Е.А. Государственный Совет в России (1906–1917 гг.). М., 2001.

Известный экономист и политик Б.Г. Федоров издал двухтомную биографию П.А. Столыпина¹. Написанная с использованием уникальных архивных документов, книга является одним из самых полных и авторитетных трудов о П.А. Столыпине. В ней рассказывается о происхождении реформатора, прабабушкой которого была бабушка М.Ю. Лермонтова – Е.А. Столыпина (по мужу Арсеньева), дедом был канцлер А.М. Горчаков, отцом – генерал-адъютант А.Д. Столыпин. Среди его преподавателей на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета был Д.И. Менделеев. Профессиональная деятельность П.А. Столыпина прослеживается от сотрудника МВД до губернатора Саратовской губернии, министра внутренних дел и главы правительства.

Известный исследователь реформаторской деятельности П.А. Столыпина Г.П. Сидоровнин опубликовал монографию по этой теме². Работа содержит обстоятельное жизнеописание великого реформатора, основанное на документах отечественных и зарубежных архивов, мемуарах современников П.А. Столыпина и его близких, исторической и научной литературы о нем. Оригинальные фрагменты раскрывают отношения Столыпина с Николаем II, С.Ю. Витте, Г.Е. Распутиным, Л.Н. Толстым, а также воззрения на выдающегося реформатора его современников – Вильгельма II, В.И. Ленина, В.А. Маклакова, Л.А. Тихомирова и других известных исторических персонажей. В книге использованы речи знаменитого премьер-министра России в Государственной Думе и Государственном Совете, его отчет о поездке в Сибирь, многочисленные факсимильные свидетельства и документы, а также своеобразное завещание П.А. Столыпина – его «Проекты преобразования России».

Публицист и историк С.Г. Кара-Мурза написала ряд полемических монографий о П.А. Столыпине и его реформах³. Автор считает, что роль П.А. Столыпина в русской истории далеко не однозначна, а его реальный образ далек от усиленно создаваемого властью идеала. Миф о П.А. Столыпине нужен нынешней власти для оправдания проводимых ею реформ, ради чего предаются забвению все отрицательные черты этого государственного деятеля, – даже то, что он фактически стал «отцом» русской революции 1917 г. В своих книгах С.Г. Кара-Мурза собрал множество свидетельств современников и документальных материалов о П.А. Сто-

¹ Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: в 2 т. СПб.: Лимбус Пресс, 2002.

² Сидоровнин Г. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Саратов, 2002.

³ Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М.: Эксмо, 2003; Кара-Мурза С.Г. Ошибка Столыпина. Премьер, перевернувший Россию. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011.

лыпине – все это позволяет оценить личность человека, который объявлен ныне «символом России».

Книга С.Ю. Рыбаса, изданная в серии «Жизнь замечательных людей», представляет собой, строго говоря, не историческое исследование, а документально-исторический роман с особенностями этого жанра и достаточно яркой эмоциональностью (достаточно отметить прогноз автора, утверждающего, что, «если бы Столыпин довел свое дело до конца, не было бы ни Сталина, ни Ленина. Возможно, не было бы ни Первой, ни Второй мировой войны»¹).

В 2003 г. из печати вышел двухтомный сборник документов и материалов под редакцией П.А. Пожигайло, в котором собрана основная масса столыпинских законов и законопроектов². В данном сборнике собраны документы, дающие развернутое представление о замыслах П.А. Столыпина в области землеустройства, насаждения крестьянской частной собственности, кооперативного строительства, развития кредитно-финансовой системы, ссудной помощи переселенцам, церковно-школьного строительства. Из обзора этих документов видно, что не все замыслы реформатора смогли осуществиться на деле. Например, так и не была реализована идея создания Государственного сельскохозяйственного банка, который должен был помогать в деле распространения частной собственности на землю и в повышении уровня сельскохозяйственного производства. Вместе с тем в данном сборнике показывается масштаб столыпинской реформы, грандиозность замыслов последнего реформатора царской России. В этом же году вышел сборник документов под общей редакцией П.А. Пожигайло, в котором рассказывается о гибели П.А. Столыпина³.

В 2008 г. П.А. Пожигайло опубликовал еще один сборник документов о П.А. Столыпине⁴. В публикацию включен комплекс ранее неизвестных мемуаров современников П.А. Столыпина, позволяющих в своей совокупности значительно расширить представления о его облике, личных и деловых качествах, роли в подготовке и реализации системных преобразований России начала XX в. В книгу вошло более 30 воспоминаний родственников, сослуживцев, видных общественных и политических

¹ Рыбас С.Ю. Столыпин. М., 2003. С. 254.

² П.А. Столыпин: Программа реформ (Документы и материалы): в 2 т. / под ред. П.А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2003.

³ Тайна убийства Столыпина / под общ. ред. П.А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2003.

⁴ П.А. Столыпин глазами современников / под ред. П.А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2008.

деятелей. В Приложение включено более 20 неопубликованных писем П.А. Столыпина.

В 2011 г. П.А. Пожигайло выпустил из печати монографию о П.А. Столыпине¹. В данном исследовании предпринята попытка комплексного анализа столыпинской концепции разрешения системных кризисов, программы его масштабных преобразований, технологий ее реализации, итогов и перспектив реформ для исторических судеб России. Исследование позволяет понять исходный замысел, содержание и механизмы перемен, выведших Россию в число ведущих мировых держав, обеспечивавших укрепление ее целостности и единства, формирование среднего класса, гражданского общества и правового государства, повышение уровня образования и улучшение материального положения народа.

Американский историк Д. Мейси, размышляя о судьбе аграрной реформы, акцентирует внимание на роли прямой и обратной связи между правительством и крестьянством². В связи с этим он обращает внимание на два процесса: децентрализацию власти в рамках учреждений, проводивших реформу (проведение совещаний на уровне регионов и губерний, учреждение местных органов Крестьянского поземельного банка); начало перехода от традиционных и патерналистских форм вмешательства администрации к наблюдательной роли. В современной литературе продолжается дискуссия об эффективности аграрной реформы. Д. Мейси настаивает на том, что программа П.А. Столыпина не только не потерпела поражения, но и нашла положительный отклик среди широких масс крестьянства. Данный вывод автор основывает на анализе обширного статистического материала.

А.П. Бородин написал ряд крупных работ об истории России начала XX в.³ Первое исследование данного автора повествует о работе реформированного Государственного Совета периода столыпинских реформ. Замысел второй книги А.П. Бородина заключается в том, чтобы взглянуть на П.А. Столыпина глазами современников, что позволяет преодолеть искажения в восприятии облика государственного деятеля несколькими поколениями наших соотечественников. Автор по-новому расставляет

¹ Пожигайло П.А. Петр Аркадьевич Столыпин. Интеллект и воля. М.: РОССПЭН, 2011.

² Мейси Д. Аграрные реформы Столыпина как процесс: центр, периферия, крестьяне и децентрализация // Россия сельская. XIX – начало XX в. / отв. ред. А.П. Корелин. М., 2004. С. 266, 271.

³ Бородин А.П. Государственный Совет России (1906–1917 гг.). Киров, 1999; Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004.

приоритеты в оценке карьеры П.А. Столыпина, обращая внимание на некоторую категоричность вывода о близком уходе его с поста главы правительства весной 1911 г., так как «вопрос о направлении правительственного курса окончательно решен не был»¹. Не столь однозначными, по мнению А.П. Бородин, являются и оценки национальной политики (приведение местного законодательства в соответствие с общеимперскими), отношения к дворянскому землевладению (стремление добиться добровольной продажи частью помещиков своих имений).

Книга П.С. Кабытова отличается тем, что здесь впервые рассмотрены особенности личности П.А. Столыпина с учетом факторов повседневной жизни, взаимоотношений с семьей и сослуживцами. На основе мобилизованного материала региональных архивов им была предпринята весьма удачная попытка изучения стиля деятельности саратовского губернатора, а также практики хозяйствования².

Монография американского профессора Я. Коцониса посвящена исследованию взаимодействия между представлениями о крестьянстве и практикой реформ в аграрной сфере в 1861–1914 гг. В отдельной главе рассмотрен сюжет о дискуссиях о собственности в период реформ П.А. Столыпина. Автор отмечены особенности дискуссии о политическом и социальном значении понятия «собственность». Главным аргументом представителей элиты и правительственных кругов, демонстрировавших свою сословную ментальность, являлось стойкое убеждение в том, что «крестьяне недостаточно зрелы для того, чтобы им можно было доверить их собственную землю и вообще средства к существованию», поскольку они «нуждаются в неусыпном надзоре государственных учреждений и некрестьянской по своему составу администрации»³. Анализируя содержание кредитной политики, Я. Коцонис приходит к выводу о том, что ссуды, выданные под залог наделных земель (около 11 млн руб.), в основном были предназначены для крестьян-переселенцев, что исключало возможность эффективной поддержки хозяйств в Европейской России. В представлении П.А. Столыпина кооперативы, наряду с обновленным землепользованием, являлись прообразом новой интегрированной системы, которая должна быть бессословной по своей природе.

¹ Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России... С. 122–123, 218.

² Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006. С. 68–94, 134–155.

³ Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 гг. М., 2006. С. 121.

Крупная научная работа В.А. Демина также повествует о реформированном Государственном Совете. Подробно рассматриваются история его создания, порядок и практика формирования его выборной и назначаемой частей, законодательные, финансовые и контрольные полномочия Совета. Выявляется его место в системе органов власти. Анализируются состав и идеология политических групп верхней палаты, а также ее внутренняя структура и порядок работы¹.

Историк Д. Струков в 2012 г. опубликовал биографию П.А. Столыпина². Автор считает, что кризис того времени оказался настолько всесторонним и глубоким, что никакие титанические усилия одного человека были не в состоянии преодолеть государственный развал. Николай II мучительно искал себе деятельного помощника. Но никто из тогдашнего царского окружения не мог ответить на тот шквал страшных вопросов, который обрушила на власть смута 1905 г. Провозвестником спасения России стал П.А. Столыпин. Д. Струков считает, что Николай II и П.А. Столыпин стали знаковыми фигурами этих исторических процессов, органично соединившими в себе высокую нравственность и государственный талант.

К.И. Могилевский в соавторстве с К.А. Соловьевым выпустил ряд монографий, посвященных деятельности П.А. Столыпина³. В книгах представлен жизненный путь и государственная деятельность П.А. Столыпина. На основе широкого круга источников воссоздается программа реформ П.А. Столыпина, имевшая своей целью системную модернизацию России в начале XX столетия. Авторами подробно рассматриваются пути ее реализации и результаты правительственной политики в 1906–1911 гг. К.А. Соловьеву также принадлежит работа, рассказывающая о деятельности Государственной Думы и Государственного Совета⁴. Как показывает автор, правительство сталкивалось со многими трудностями на всех этапах обсуждения законопроектов. Причем на любой стадии существовали особые «правила игры», к которым нужно было принастраиваться правительству. Вопреки представлениям, популярным в историографии, и Дума, и Государственный Совет далеко не во всем

¹ Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917 гг. М., 2006.

² Струков Д. Столыпин. М.: Вече, 2012.

³ Могилевский К.И., Соловьев К.А. П.А. Столыпин: личность и реформы. Калининград, 2007; Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства. М., 2008; Могилевский К.И., Соловьев К.А. П.А. Столыпин: Имя Россия. Исторический выбор 2008 г. М., 2008.

⁴ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914 гг.). М.: РОССПЭН, 2011.

соглашались с министрами, задерживали, а иногда и вовсе блокировали прохождение правительственных инициатив, существенно влияли на распределение средств государственного бюджета. Все осложнялось тем, что и верхняя, и нижняя «палаты», как и Совет министров, в силу несовершенства юридических норм, особенностей политической культуры того времени, разнородности состава этих учреждений не обладали определенной политической волей. Представители этих учреждений нередко вели самостоятельную «игру», вступая в альянс друг с другом. Возникали сложные сетевые, горизонтальные связи, основанные на неформальных контактах высшей бюрократии и депутатского корпуса. В силу этого появлялись альтернативные алгоритмы принятия решений, устанавливались отношения между администрацией и группами интересов, стоявшими за депутатами. В итоге расширялась сфера компетенции представительных учреждений, а народные избранники постепенно интегрировались в политическую систему, которая, собственно, и формировалась усилиями депутатов и министров.

Цикл статей В.В. Шелохаева фокусирует внимание на базовых ценностях столыпинской программы модернизации, взаимодействии законодательной и исполнительной ветвей власти. Выводы В.В. Шелохаева основаны на системном изучении всего комплекса документов, связанных с именем реформатора. Речь идет о том, что П.А. Столыпин осуществлял консервативно-либеральный тип модернизации, который, по мнению автора, представлял собой оптимальный вариант преобразований – нечто среднее между правоконсервативной моделью переустройства страны и леворадикальными вариантами, способными стимулировать национальную катастрофу¹. Автор весьма объективно проанализировал социально-политическую среду реформирования, трудности, просчеты в реализации внутренней политики. Речь шла об асинхронности в ходе разработки законопроектов, финансировании мероприятий в социальной сфере по остаточному принципу, недостаточном учете остроты противоречий между политическими элитами, специфике взаимоотношений с фракциями политических партий, представленных в Государственной думе. Наконец, П.А. Столыпин как политик не в должной мере учитывал

¹ Шелохаев В.В. Столыпинский тип модернизации России // Историк и время. Пенза, 2004. С. 7–32; Шелохаев В.В. Столыпин и Государственная дума // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. Пенза, 2004. Вып. 2. С. 4–7; Шелохаев В.В. Опыт и уроки П.А. Столыпина // П.А. Столыпин. Программа реформ: документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 19–20; Шелохаев В.В. Столыпинская программа модернизации // Родина. 2006. № 12. С. 9.

необходимость вовлечения в процесс преобразований широких общественных кругов, что, в частности, требовало особой роли печати.

Британский историк-аграрник Т. Шанин исходит из того, что теоретическое и концептуальное содержание проектов П.А. Столыпина не было воплощено в «связную теорию», поскольку «теоретические умы России были заняты другими проблемами»¹. Впрочем, вынося данный вердикт, автор признает логичность программы П.А. Столыпина по выходу страны из системного кризиса, что еще не гарантирует достижения политических результатов. Т. Шанин делает вывод о том, что успех преобразований «нельзя исключать по чисто теоретическим соображениям», однако роковое значение, по его мнению, для «команды П.А. Столыпина» имели кадровый «голод», недоверие к правительству либеральной интеллигенции и жесткая позиция консерваторов-монархистов.

Категоричность суждений Т. Шанина, называющего аграрную реформу «революцией сверху», не пользовавшейся поддержкой ни одного крупного общественного класса, ни одной партией, не разделяется А.Н. Медушевским². Его вывод основан на признании правильности стратегии реформы. Что касается сопротивления ей традиционалистских слоев, то оно было неизбежно, а трудности реализации определялись сжатостью исторического отрезка времени. Главное же, по мнению А.Н. Медушевского, состоит в том, что «вектор современных реформ в точности соответствует представлениям П.А. Столыпина». Автор на весьма широком материале системно рассмотрел проблемы преодоления правового дуализма и переходных форм собственности. Справедливо обращая внимание на неопределенность этимологии понятий «общинная», «общая», «общественная» собственность, он заключает, что подобная ситуация была весьма искусно использована левыми партиями, исходившими из идеологической презумпции о преимуществах общественной собственности над частной. В конечном итоге проблемы правового обеспечения аграрной реформы приобретали особое значение в конкретно-исторических условиях начала XX в.

Можно утверждать, что развитие советской и российской исторической науки имеет поступательный характер и дает толчок для дальнейшего изучения истории столыпинских преобразований. Однако еще

¹ Шанин Т. Уроки истории и следующая революция: границы политического воображения. URL: www.strana-oz.ru/?numid=58&article=268.

² Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII в. – начало XXI в. М., 2005. С. 289, 291.

не все аспекты данной исторической темы нашли освещение в работах отечественной и зарубежной историографии. Остается незавершенным и ряд вопросов, разработка которых способна не только конкретизировать и уточнить те или иные оценки, но и существенно расширить имеющиеся представления по ряду сюжетов в политической биографии П.А. Столыпина. Историографический анализ литературы последних лет свидетельствует, что многие взгляды на столыпинскую аграрную реформу остаются спорными. В ряде публикаций данная реформа П.А. Столыпина стала идеализироваться, ее экономические результаты – преувеличиваться. Многие стороны реформы раскрыты еще недостаточно: состояние сельского хозяйства накануне реформы, программа организации самой аграрной реформы в центре и на местах.

1. П.А. СТОЛЫПИН в 1862–1902 гг.: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ И ВЗГЛЯДОВ

1.1. 1862–1881 гг.: детство и юность, гимназический период

Фамилия «Столыпин» считается не очень часто встречающейся на территории России, она была образована от прозвища «Столыпа» – так называли человека, который часто бродил без дела, вел праздный образ жизни. Дворянский род Столыпиных восходит к началу XVI столетия. Первый письменный документ о роде Столыпиных датирован 1566 г., когда «второй Титович Столыпин подписался на поручной записи бояр и дворян по князю Охлябину». Последовательная поколенная роспись начинается с Григория Столыпина, жившего в конце XVI в. По свидетельству известного русского писателя-славянофила А.П. Аксакова, исследовавшего нисходящие ветви рода этого предка, «сын его Афанасий Григорьевич и внук Сильвестр Афанасьевич писались», как это видно из официальных документов, муромскими городовыми дворянами. Последний из них, Сильвестр, за участие в войне с Польшей в 1654–1655 гг. был награжден поместьем в Муромском уезде. У внука этого Сильвестра Афанасьевича – Емельяна Семеновича, бывшего товарищем Пензенского воеводы, было два сына: секунд-майор Дмитрий Емельянович и Пензенский предводитель дворянства Алексей Емельянович. От брака последнего с Марией Афанасьевной Мещериновой было шесть сыновей. Александр, бывший адъютант генералиссимуса Суворова; Аркадий, друг М.М. Сперанского, женатый на дочери графа Николая Семеновича Мордвинова – Вере Николаевне и умерший в звании сенатора в 1825 г.; умершие в молодых годах Петр и Николай, генерал-лейтенант, убитый во время бунта в Севастополе в 1830 г.; Афанасий, бывший саратовский предводитель дворянства; Дмитрий, генерал-майор; и пять дочерей, из которых старшая, Елизавета Алексеевна, была замужем за капитаном Преображенского полка Михаилом Васильевичем Арсеньевым и имела дочь Марию, которая вышла замуж за Юрия Петровича Лермонтова, отца знаменитого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова¹. Дед будущего реформатора, Дмитрий Алексеевич Столыпин (1785–1826), генерал-майор, артиллерист, участ-

¹ Аксаков А.П. Высший подвиг. СПб.: Изд-во Всероссийского национального клуба, 1912. С. 9–10.

ник кампании 1805–1807 гг., отличился под Аустерлицем, впоследствии стал военным теоретиком, автором многих книг и специальных статей, он «был близок с П.И. Пестелем, и его, как передового и просвещенного человека, декабристы прочили, наряду с братом Аркадием Алексеевичем, Н.С. Мордвиновым и М.М. Сперанским, в состав Временного правительства» после свержения самодержавия¹.

Отец П.А. Столыпина (он был двоюродным дядей М.Ю. Лермонтова) – Аркадий Дмитриевич Столыпин родился 21 декабря 1822 г. Его детские годы прошли в усадьбе Середниково. В шестнадцать лет он определился в конную артиллерию в должности фейерверкера 4-го класса, в девятнадцать – получил первый офицерский чин – прапорщика, но, дослужившись до подпоручика, вышел в отставку; когда русские войска отправились в Венгрию, А.Д. Столыпин вновь поступил на военную службу, затем участвовал в Крымской войне 1853–1856 гг. В период между Крымской и Русско-турецкой войнами, в сентябре 1857 г. он был назначен наказным атаманом Уральского казачьего войска. В первом браке А.Д. Столыпина с Екатериной Адриановной Устиновой в 1846 г. родился сын Дмитрий. В следующем году его первая жена умерла. Вторым браком А.Д. Столыпин был женат на княжне Наталье Михайловне Горчаковой – матери будущего премьер-министра, принадлежавшей к древнему роду, ведущему «отсчет от русского святого – князя Михаила Черниговского, замученного в Орде в 1246 г. «за твердое стояние за православную веру» (мощи его покоятся в Архангельском соборе Московского Кремля). Правнук мученика – князь Иван Титович Козельский принял фамилию Горчаковых в XVI в. Дмитрий Петрович Горчаков был писателем, противником сентиментализма. Сын его, Михаил Дмитриевич, руководил обороной Севастополя в Крымскую войну в самые трудные месяцы этой эпопеи. Наконец, дед Петра Аркадьевича Столыпина по матери – Александр Михайлович Горчаков был министром иностранных дел, а с 1870 г. – канцлером России². «Таким образом, – по мнению А.П. Аксакова, – в Петре Аркадьевиче Столыпине соединилась кровь старинного весьма почтенного дворянского рода Столыпиных и княжеская кровь Рюриковны»³.

П.А. Столыпин начал свой жизненный путь в период «оттепели» XIX в. – либеральных реформ Александра II. Предыдущий царь Нико-

¹ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 552.

² Столыпин. Жизнь и смерть / сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов: Приволжское книжн. изд-во, 1991. С. 36–37.

³ Аксаков А.П. Высший подвиг... С. 10.

лай I был, по образному выражению знаменитого философа В.С. Соловьева, «могучим самодержцем» и «державным великаном», у которого «за суровыми чертами грозного властителя, резко выступавшими по требованию государственной необходимости... таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала». По мнению В.О. Ключевского, царствование Николая I многие «считали реакцией, направленной не только против стремлений, которые были заявлены людьми 14 декабря, но и против всего предшествовавшего царствования» либерального и прозападного Александра I. Согласно Л.М. Жемчужникову, Николай I «совмещал в себе качества противоположные: рыцарство и вероломство, храбрость и трусость, ум и недомыслие, великодушие и злопамятность... Он был верующий, но отличался жестокостью»¹. Николай I был твердо убежден во всеилии государства как единственного выразителя интересов общества. Для этого ему необходим был мощный централизованный аппарат управления. Отсюда то исключительное положение в системе органов власти, которое занимала личная канцелярия монарха с пятью ее отделениями, «подмявшими под себя и подменившими собой всю исполнительную структуру власти в стране»². Суть отношений общества и отдельных его членов с верховной властью была четко определена самим самодержцем: «Сомневаюсь, чтобы кто-либо из моих подданных осмелился действовать не в указанном мною направлении, коль скоро ему предписана моя точная воля»³.

Александр II очень сильно отличался от своего отца. Родители будущего императора были люди очень разные, но Александр гораздо более унаследовал характер своей матери. Он рос мягким, чувствительным и даже сентиментальным мальчиком. Чувства и переживания всегда играли в его жизни большую роль. Твердость и непреклонная власть, присущие Николаю I, никогда не были отличительными чертами его сына. В детстве Александр отличался живостью, быстротой и сообразительностью. Воспитатели отмечали в нем сердечность, чувствительность, веселый нрав, любезность, общительность, хорошие манеры и красивую внешность. Но вместе с тем признавали, что цесаревичу недостает настойчивости в достижении цели, что он легко пасует перед

¹ Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. Л., 1974. С. 191.

² Готье Ю.В. Император Николай I. Опыт характеристики. М., 1913. С. 290; Рахматуллин М.А. Император Николай I глазами современников // Отечественная история. 2004. № 6. С. 35.

³ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. I. С. 314.

трудностями, не имеет характера и воли. Так, по свидетельству А.И. Герцена, сначала его вид «не выражал той узкой строгости, той холодной, беспощадной жестокости, как вид его отца; черты его скорее показывали добродушие и вялость». Однако со временем, по мнению Ф.И. Тютчева, Александр II «считал себя обязанным почти всегда принимать суровый и внушительный вид, который в нем был только плохой копией». Придя к власти, Александр II, под давлением обстоятельств и не имея никакой программы, начал принимать новые решения, не укладывавшиеся в старую систему и даже прямо противоположные ей. Он встал на путь освободительных реформ. Освобождение крестьян существенно изменило все основы русского государственного и общественного быта.

Петр Аркадьевич Столыпин родился (согласно метрическому свидетельству) 2 апреля 1862 г. (через год с небольшим после отмены крепостного права) в столице Саксонии Дрездене, где в то время у родственников находилась его мать. Детство П.А. Столыпин провел в Середниково, Колнобере, Вильно и Орле. Середниково (первоначальное название местности – Горетов Стан, по протекающей поблизости реке Горетовке. В центре Горетова Стана находилась пустошь Середняя, и поселение на ней было названо Средниково. Впоследствии название трансформировалось в современное Середниково, находилось в 30 верстах от Москвы). В 1825 г. Середниково приобрел генерал-майор Дмитрий Алексеевич Столыпин, брат бабушки М.Ю. Лермонтова – Е.А. Арсеньевой. Спустя год после покупки усадьбы Д.А. Столыпин умер, и владелицей стала его вдова Екатерина Аркадьевна. Сюда поэт вместе с бабушкой в 1829–1832 гг. приезжал на летние каникулы. Здесь М.Ю. Лермонтов испытал чувство первой любви, писал юношеские стихи, читал, переводил. В 1855 г. владельцем усадьбы стал Аркадий Дмитриевич Столыпин. Середниково в этот период представляло собой величественное зрелище: «Этот сад за дремлющим прудом, этот старинный барский дом, увенчанный бельведером, соединенный подковообразной колоннадой с четырьмя каменными флигелями, это строгое и простое в своей классической красоте произведение Растрелли»¹. Кроме этого, в Середниково была большая библиотека – около 10 000 томов.

Между тем время было беспокойное. На исходе мая 1862 г. Санкт-Петербург оказался охвачен эпидемией пожаров, слишком многочисленных, чтобы их можно было считать случайностью. Не успевало догореть в одном месте, как уже поднимался столб дыма в другом. Начавшись

¹ Столыпин А. Середниково (Из семейной хроники) // Столица и усадьба. 1913. № 1. С. 2.

с окраин, пожары добрались и до элитной части города. Полностью выгорели два крупных рынка близ Невского проспекта – Апраксин и Щукин дворы. Специальная следственная комиссия так и не нашла организаторов пожаров. Но и общество, и правительство были уверены, что это дело рук социалистов – за считанные недели до страшных пожаров жители Санкт-Петербурга, а затем Москвы и других городов начали получать по почте, обнаруживать в университетских клиниках, просто находить на улицах листовку «Молодая Россия»¹. Решительностью заявлений она превосходила все, к чему уже успели привыкнуть столичные обыватели: «Своею кровью заплатят они за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых!» Меры противодействия социалистам со стороны власти ограничились арестом в течение июня–июля 1862 г. вождей первой «Земли и воли» (включая Н.Г. Чернышевского), закрытием журнала «Современник», воскресных школ и шахматного клуба.

Резко ухудшилась ситуация и на западных окраинах России. С началом либерального царствования в Польше тяга к независимости приняла демонстративные формы: празднование памятных польских дат, ношение траура, отказ от русского языка. Александр II действовал по отношению к ней так же, как по отношению к студентам. 27 марта 1862 г. великий князь Константин Николаевич был назначен наместником Царства Польского. Император был обеспокоен подъемом национального движения в крае, но надеялся найти с поляками компромисс. Новому наместнику было предписано проводить «примирительную политику» (устранить самых неподходящих русских чиновников, расширить сеть школ, открыть Главную школу в Варшаве – по существу, восстановить университет, закрытый в 1831 г.). Но полякам этого было мало. В июле–августе 1862 г. состоялось три покушения на великого князя Константина Николаевича и руководителя гражданского управления маркиза А.И. Велепольского. Готовилось восстание, об этом открытым текстом сообщалось в «Колоколе». Главной целью восстания провозглашалась независимость Польши от России. Восстание началось в январе 1863 г. и было окончательно подавлено к маю 1864 г. Таким образом компромисс найти не удалось. Покидая Варшаву в октябре 1863 г., оставленный Константин Николаевич горько заметил: «Теперь наступает время палачей». Восстание ничего не дало для польской самостоятельности, но оно сильно изменило обстановку внутри России. Консервативная партия

¹ Революционный радикализм в России: Век XIX. М.: Археографический центр, 1997. С. 35.

праздновала поражение великого князя Константина Николаевича и в его лице – всех реформаторов. Либеральная политика Константина Николаевича в Польше окончилась провалом, тогда как грубая солдатская работа пришедшего ему на смену М.Н. Муравьева обеспечила восстановление порядка, то есть «примирительная политика» закончилась традиционно: ружейной пальбой и артиллерийской канонадой. Польша стала для великого князя тяжелым поражением. Его открыто обвиняли в измене, в попустительстве националистическим устремлениям поляков. Давление было настолько сильным, что Константин Николаевич на некоторое время был вынужден отойти от дел и уехать за границу. Великий князь категорически отвергал обвинения: «Я свято исполнил данную мне программу. К глубокому сожалению, она не привела к доброму результату»¹. Вероятно, это было правдой, он просто выполнял поручение Александра II.

Жизнь дворян второй половины XIX в. очень сильно отличалась от первой половины столетия (до отмены крепостного права). «Известно, что в старые годы... гостеприимство наших бар доходило до баснословных пределов, – писал П.А. Вяземский, – ежедневный открытый стол на 30, на 50 человек было дело обыкновенное. Садись за этот стол, кто хотел: не только родные и близкие знакомые, но и малознакомые, а иногда и вовсе незнакомые хозяину». У В.А. Всеволожского «даже в обыкновенные дни за стол садилось 100 человек». Все иностранные путешественники отмечали необычайное гостеприимство русских дворян. «В то время гостеприимство было отличительной чертой русских нравов, – читаем в «Записках» француза Ипполита Оже, – можно было приехать в дом к обеду и сесть за него без приглашения. Хозяева предоставляли полную свободу гостям и в свою очередь тоже не стеснялись, распоряжаясь временем и не обращая внимания на посетителей: одно неизбежно вытекало из другого. Рассказывали, что в некоторых домах, между прочим, у графа Строганова, являться в гостиную не было обязательно. Какой-то человек, которого никто не знал ни по имени, ни какой он был нации, тридцать лет сряду аккуратно являлся всякий день к обеду. Неизбежный гость приходил всегда в том же самом чисто вычищенном фраке, садился на то же самое место и, наконец, сделался как будто домашнею вещью. Один раз место его оказалось не занято, и тогда лишь граф заметил, что прежде тут кто-то сидел. «О! – сказал граф, – должно быть, бедняга помер». Действительно, он умер дорогой, идя по обыкновению обедать к графу»².

¹ Перетц Е.А. Дневник. М.-Л., 1927. С. 28.

² Записки Ипполита Оже // Русский архив. 1877. Кн. 1. М.: Тип. Лебедева, 1877. С. 53–78.

Крупная помещичья благоустроенная усадьба первой половины XIX в. представляла собой замкнутый хозяйственный организм. Из продуктов раз или два в год закупали на ярмарках только чай, кофе, сахар, рис, изюм, чернослив для вина. Эта замкнутость усадьбы усиливалась еще и наличием в ней собственных мастерских с крепостными ткачами, кружевницами, вышивальщицами, портными, сапожниками, столярами, живописцами, музыкантами и певчими, поварами, виноделами. В пореформенный период все изменилось. Многие дворяне практически потеряли свое первоначальное престижное положение высшего сословия империи в связи с ухудшившимся материальным положением. Продавая большую часть земли и по возможности оставляя за собой усадебный дом предков с приусадебной территорией, эти поместные дворяне все чаще стремились поступить на службу в город. Но формируемое поколениями у многих помещиков-крепостников нежелание и неумение трудиться, склонность к беспечности, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности вызывали на службе в городе подчас неприязнь и даже презрение у деловых людей. Поэтому они пытались возвратиться к своему старому положению, особенно если у него еще сохранились не только усадебный дом, но и часть имения, и в новых условиях путем повинностей, сдачи в аренду земли, стараясь удержаться «на плаву» уходящего из-под ног прежнего благополучия¹.

Поэтому в 1869 г., не имея финансовой возможности поддерживать такое большое имение, А.Д. Столыпин продал его купцу 1-й гильдии И.Г. Фирсанову (известному московскому купцу, нажившему в сравнительно короткое время громадное состояние в несколько десятков миллионов рублей). Имение было куплено за 75 тыс. руб., причем И.Г. Фирсанов вернул эти деньги, только продав на вырубку окружавший усадьбу лес (около 1 тыс. дес.); распродажа антикварной обстановки усадьбы дала ему еще 45 000 руб.² Пахотные земли, леса и усадьба впоследствии были проданы более чем за миллион рублей, а на его землях был построен полустанок Фирсановка Николаевской железной дороги³.

До XVIII в. включительно дворянский ребенок был желанным как продолжатель рода, но бесправным существом. Его обыденные от-

¹ Оноприенко И.Г. Изменение социально-экономического статуса дворянского сословия в пореформенный период (на примере Центрального Черноземья) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. №1 (32). С. 63–66.

² Галашкина А. Середниково. М.: Де Агостини, 2011. С. 1–10.

³ Варенцов Н. Книга судеб. Фирсанов // Новая юность. 1998. № 1–2 (28–29).

ношения с родителями определялись этикетом и не были особо близкими. Становясь взрослыми, дети сохраняли зависимость от родителей в повседневной жизни. Во взаимоотношениях с братьями и сестрами, которые были на положении взрослых, сохранялась та же дистанцированность. Ниже детей в повседневной жизни по положению были только крепостные. По отношению к детям допускалось любое действие (например, наказания, переходящие в истязания). Положение ребенка-дворянина в XVIII – первой половине XIX в. можно назвать полубесправным: он занимал низшее положение в повседневной жизни по отношению ко всем свободнорожденным, но в то же время не смешивается с крепостными. Государство начинало рассматривать дворянского ребенка как потенциального служащего по достижении 10 лет. К этому возрасту обыденная жизнь и обучение ребенка были таковы, что он, как правило, оставался малограмотным или совсем неграмотным. В первой половине XVIII в. родители сначала под нажимом государственной власти, а позже добровольно делали уроки частью повседневной жизни своих детей. Дети, отданные в учебные заведения, где весь распорядок их обыденной жизни был направлен на обучение, имели шанс получить неплохое по тем временам образование, но их было меньшинство. Мальчиков готовили к исполнению служебных обязанностей, а девочек – к семейной жизни. При низком уровне образованности и полной несамостоятельности малолетний дворянин оказывался на военной или гражданской службе чаще всего по решению взрослых. Служба для таких детей составляла содержание их повседневной жизни. После часов, проведенных на рабочем месте, ребенок возвращался к своим играм и занятиям. Для некоторых мемуаристов служебная повседневность заменила школу. Несмотря на низкий образовательный уровень, детям могли доверять исполнение ответственных поручений¹.

В первой половине XIX в. взаимоотношения детей с родителями в обыденной жизни стали менее холодными и натянутыми, но патриархальность в целом сохранялась. К середине века стали распространяться педагогические учения, рекомендовавшие строить повседневные взаимоотношения с детьми на основе любви и понимания. Родители контролировали детей в их повседневной жизни, не ущемляя их самолюбия, обращали внимание на их чувства. Детей уже ставили в те же материальные условия, что и взрослых, в зависимости от общего достатка. Их

¹ Мартианова И.Ю. Дворянское детство в отечественной истории XVIII в. // «Под сенью Святого Георгия»: материалы V Междунар. дворянских чтений / отв. ред. Е.М. Сушачева. Краснодар: Кубанькино, 2009. С. 166–172.

любовь взрослые стремились заслужить, а не принудить к почитанию репрессивными мерами. Забота об образовании потомства стала обыденной нормой. Значительное число дворян продолжало получать домашнее образование, которое более зависело от повседневного течения жизни, чем образование в казенном учреждении по специальным программам. Дети в меньшей степени подвергались дома идеологической обработке, знакомились с более разнообразными мнениями взрослых. Ранний переход к обязанностям взрослой жизни сохранялся, но уровень подготовки детей становился выше. Положение в отношении детской службы изменилось, так как государство с 1803 г. потребовало для исполнения должностей предъявлять документ об образовании. Однако общество реагировало на такое нововведение медленно, и только к середине XIX в. детская служба фактически исчезла. Девочки, как и мальчики, рано приступали к обязанностям повседневной взрослой жизни. Для них они начинались с выходом замуж. Закон позволял замужество с 16 лет, но его соблюдение не контролировалось. С 11 лет девочка могла считаться невестой. Мужчины, бравшие в жены девочек-подростков, обычно мотивировали свой выбор тем, что малолетние еще не развращены светской жизнью. Выйдя замуж, малолетние жены должны были рожать и воспитывать детей, вести хозяйство. Повседневная практика раннего замужества у дворян просуществовала дольше, чем отдача на службу малолетних мальчиков¹. Во второй половине XIX в. нормой обыденной жизни и мальчиков, и девочек стали учебные занятия, которые велись вплоть до поступления на службу и замужества. Детство удлинилось и стало самоценным в глазах взрослых.

Светское общество относилось к бытовой стороне жизни как к явлению, глубоко содержательному, имеющему самостоятельное значение. Правила хорошего тона отнюдь не сводились к набору рекомендаций типа: в какой руке держать вилку, когда снимать шляпу и проч. Разумеется, этому дворянских детей тоже учили, но подлинно хорошее воспитание основывалось на ряде этических постулатов, которые должны были реализовываться через соответствующие внешние формы поведения. Обучение искусству нравиться людям становилось важнейшим моментом в воспитании дворянского ребенка. Никаких особенных секретов здесь не было: детям объясняли, что следует быть с людьми неизменно внимательным и доброжелательным, с уважением относиться

¹ Мартианова И.Ю., Минц С.С. Дворянский ребенок XVIII – первой половины XIX вв. как объект и субъект истории: методологические заметки // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2009. М.: Изд-во ЭКОНОМИНФОРМ, 2009. С. 125–133.

к чужим взглядам и привычкам, не задевать самолюбие других, а самому держаться скромно и приветливо. Но помимо нравственных принципов их вооружали умением дать почувствовать людям свое уважение и доброжелательность, причем сделать это в тактичной и ненавязчивой форме. Юные дворяне усваивали не только элементарные правила, вытекающие из этих принципов (не перебивать собеседника, смотреть людям в глаза, не сидеть, когда другие стоят, и т. п.), но перенимали множество едва уловимых оттенков в поведении и манерах, которые и сообщают человеку качества, именуемые такими словами, как «любезность» и «учтивость». Чтобы выглядеть естественно, хорошие манеры должны стать привычкой, выполняться машинально – и потому рядом с каждым дворянским ребенком неизменно присутствовал гувернер или гувернантка, бдительно следящие за каждым его шагом. Чтобы уверенно играть свою роль – держаться свободно и непринужденно – светскому человеку, как актеру, нужно было уметь хорошо владеть своим телом. В этом отношении особое значение имели уроки танцев. Танцам обучали всех дворянских детей без исключения, это был один из обязательных элементов воспитания. Сложные танцы того времени требовали хорошей хореографической подготовки, и потому обучение начиналось рано (с пяти-шести лет), а учителя были очень требовательными, порой просто безжалостными. На уроках танцев дети учились не только танцевать, но и умению держать себя: изящно кланяться, легко ходить, подавать руку даме и т. д. Многолетняя упорная тренировка придавала светским людям их непринужденную элегантность. Их свободная и уверенная манера держать себя проистекала из убеждения, что им некому подражать – напротив, другие должны подражать им.

Главными предметами, на которые тратили большую часть учебного времени, были иностранные языки. Наряду с манерами именно знание иностранного языка сразу определяло место дворянина на внутриворонской иерархической лестнице. В первой половине XVIII в. таким языком был немецкий, хотя некоторые дворяне, благодаря хозяйственным связям и участию в войнах, могли говорить и по-английски, по-шведски, по-фински, по-голландски. Со времен Елизаветы Петровны «королем языков» становится французский. Сама Елизавета владела этим языком свободно и охотно общалась на нем с европейскими дипломатами и своим медиком И.Г. Лестоком. мода на французский язык «свалилась» на дворянство достаточно неожиданно. Так начался французский этап дворянского образования и воспитания, о котором столько было сказано обличительных и негодующих слов. И все же во второй

половине XIX в. французскому языку пришлось потесниться. К этому времени он был общепринят. Из языка дворянской элиты французский превратился в язык интеллигенции, и в высших слоях дворянства появился новый фаворит – английский. На рубеже XIX–XX вв. русский высший свет предпочитал подчеркивать свою элитарность именно английским языком и вообще англоманией. На этом языке говорили в семье Николая II; ему учили английские бонны и гувернантки, оказавшиеся в эти годы очень востребованными.

По воспоминаниям брата П.А. Столыпина – Александра, первое, что он помнил, – это то, как горько плакал, когда какой-то старик дразнил его «Александрой Аркадьевной» за то, что всех маленьких детей (в том числе и мужского пола, до 4–8 лет), по моде того времени, «одевали девочками». (Обычай этот среди привилегированных классов зародился в Европе еще в эпоху Возрождения. Постепенно, вместе с остальными прозападными веяниями, он проник и в Россию и достиг даже царской семьи. Причиной его возникновения было повывисшееся в этот период внимание к женской одежде. Угасать данный обычай стал в период Первой мировой войны и окончательно исчез в 20-х гг. XX в. Противоположным данному течению в моде был возникший интерес среди женского населения на Западе (особенно в США) к ношению атрибутов мужской одежды.) В Середниково они жили лето и зиму. «Были снежки, катанье на салазках, а в дурную погоду беготня и игры по всему дому, – писал он. – Однажды играли в войну. Старший брат Михаил поставил мою сестру на часы и дал ей охотничью двухстволку, которую она держала наперевес, стоя в темном коридоре. Брат мой Петр с разбегу наткнулся носом на дуло ружья и, весь окровавленный, упал в обморок. Можно себе представить волнение нашей матери, пока в трескучий мороз, за тридцать верст, привезли из Москвы доктора. Горбинка на носу брата Петра осталась навсегда следом этого происшествия»¹.

С 1869 г. П.А. Столыпин жил в имении Колноберже (по немецки – Березовая гора), находившимся в Ковенской губернии (нынешняя Литва), в 30 км от Кедайнай. Три столетия данное имение принадлежало графам Радзивиллам, а после – графам Чапским. После подавления Польского восстания 1863 г. граф Э. Чапский за участие в нем был сослан в Сибирь, а имение Колноберже было конфисковано. Конфискованные имения по бросовым ценам начали продавать лицам русского происхождения. В результате Колноберже досталось родственнику

¹ Столыпин А. Сердннково (Из семейной хроники)... С. 2.

Столыпиных генерал-адъютанту С.Е. Кушелеву, командиру гвардейского Измайловского полка, который проиграл отцу П.А. Столыпина – А.Д. Столыпину в Санкт-Петербургском яхт-клубе солидную сумму денег. Не имея возможности отдать долг, С.Е. Кушелев уступил А.Д. Столыпину Колноберже (835 дес.). Впоследствии А.Д. Столыпин приобрел для своей сестры соседнее с Колноберже имение, владелец которого, был также сослан на каторгу за участие в Польском восстании 1863 г. Отец П.А. Столыпина, однажды наведавшись в Колноберже, настолько полюбил его, что решил обосноваться в Литве и купил дом в Вильно, как он объяснял, чтобы быть поближе к этому поместью. Двухэтажный дом с большим садом располагался на Стефановской улице (ныне улица Швянто Стыпоно). По воспоминаниям А. Гене: «Перед русско-турецкой войной жил в Вильно отец молодого Столыпина, шталмейстер Столыпин. Это был человек разносторонне образованный, обширного ума, доступный в обращении. Он рассказывал, как, приехав в Петербург из Крыма, он докладывал государю Николаю ход военных действий, причем, за неимением чертежей, рисовал местность мелом на ломберном столе. Несмотря на свое высокое положение, Столыпин не чуждался общественной деятельности: он был гласным в городской думе, членом дворянского клуба и принимал поручения по делам города и клуба. Незадолго до объявления войны в дворянском клубе была назначена ревизия хозяйства и в ревизионную комиссию были выбраны три члена, в том числе шталмейстер Столыпин. Этот аристократ не отказался от нового дела. Он вместе с комиссией подробно осматривал клубное имущество, поверял хозяйство, ведущие книги и даже спустился в винный погреб. Один из членов клуба, поляк, имевший придворное звание, узнав, что Столыпин находится в погребе, спустился также туда и выразил удивление, что русский сановник принимает участие в счете бутылок. Ревизионная комиссия выполнила свое поручение весьма хорошо, поверила все имущество, рассмотрела более 20-ти книг и составила по сему предмету подробный доклад, который был прочитан общему собранию членов... Столыпин жил в собственном доме с большим садом на Стефановской улице. Эта улица не отличалась чистотой, и Столыпин пожаловался однажды полицеймейстеру на существующую грязь. Тот отвечал: "Я скажу в городской управе, что вас собирается навестить генерал-губернатор; тогда городское управление очистит улицу". Живя в Вильно и занимаясь музыкой, оба Столыпина, отец и сын, написали театральную пьесу патристического содержания, отвечавшую на злобу

дня: ополчение русских. Эта пьеса шла несколько раз в Виленском театре и имела успех. Особенно нравилось публики пение последних слов:

И Белоруссия, Литва

Не будут Польшей никогда¹».

Все теплое время года (с апреля месяца) вплоть до 1889 г. родители П.А. Столыпина проводили теперь в Колноберже. Имение это было скромным: относительно небольшой и простой главный дом в два этажа, длинный одноэтажный каменный флигель, хозяйственные постройки. Главный дом был построен в первой половине XIX в. в голландском стиле и использовался бывшим владельцем как охотничий домик. Он был небольшим по размерам и весь уместился бы в одном флигеле барского дома в Середниково. В Колноберже перенесли часть обстановки и огромную (примерно 10 000 томов) библиотеку из старых великорусских имений, в первую очередь из Середниково. В библиотеке Колноберже стояли шкафы из красного дерева из Середниково, кабинет из светлого дуба с мебелью, обтянутой вышивкой собственной работы матери П.А. Столыпина. Над диваном в кабинете висели большие портреты в дубовых рамах родителей П.А. Столыпина. Были в Колноберже и старые голландские картины, которые были проданы в начале революции, чтобы приобрести хлеб и другие продукты питания. К Колноберже также примыкали фольварки – хутора Петровский и Ольгино, так названные, очевидно, в честь хозяев. Водопровод в Колноберже собрались построить только в 1904 г. Управляющий Штраухман писал П.А. Столыпину: «Водопровод обойдется около 1 000 руб. Ямы для клозетов можно на 30 сажен от дома устроить, устроитель водопровода ручается, что клозеты вонять не будут»².

В Колноберже братья Столыпины много ездили верхом и знакомились с помещичьим бытом, читали книги. По свидетельству брата Александра, в детстве старшими товарищами по играм у Столыпиных были князья Павел и Петр Долгорукие. Значительную часть жизни они проводили также с матерью. Отец продолжал служить в армии и не уделял детям постоянного внимания; они говорили позднее, что он был для них скорее дядя, чем отец. Однако это не мешало хорошим отношениям П.А. Столыпина с отцом. Здесь же он получил домашнее образование. По семейной традиции П.А. Столыпину и братьям дали хорошее образование. Воспитывали его первоначально дома английская гувернантка,

¹ Гене А. Виленские воспоминания // Русская старина. 1914. № 6. С. 580–610.

² Жиргулис Р. Петр Столыпин и Кедайняйский край // Невыученные уроки П.А. Столыпина: материалы Междунар. конференции. Кедайняй, 2010. С. 151.

французский и немецкий учителя, благодаря чему он свободно говорил на четырех языках (и до конца жизни регулярно читал по-французски и по-немецки). Мать П.А. Столыпина в повседневной жизни обычно говорила на французском языке.

Наступала пора поступать в гимназию. Сам термин «gymnasion» (греч.) и «gymnasium» (латин.) имел несколько значений: 1) место для физических упражнений и ведения бесед философов и ученых; 2) общеобразовательная школа, обладающая следующими признаками: гуманитарный уклон обучения; подготовка к университетскому образованию; наличие классических языков (латинского и греческого). Первые гимназии были образованы в Древней Греции. В Средние века название «гимназия» было введено для обозначения специальных средних школ, которые готовили учащихся для поступления в университеты. Основным предметом преподавания был латинский язык. В гимназиях изучались лучшие латинские писатели «золотого века», много внимания уделялось трудам Цицерона. Эпоха Реформации характеризовалась понижением интереса к античной культуре, и, хотя древние языки остались в системе обучения важнейшими, главными задачами гимназий стала подготовка к поступлению в университет, где преподавание велось на латыни, и подготовка чиновников и служителей церкви. В конце XVI в. в Германии в гимназиях стали вводить новые языки, естествознание; преподавание стало вестись на национальном языке, однако классические языки остались в большом объеме. Многие ученые того времени настаивали на обучении с учетом реалий современного мира. Это педагогическое направление получило название реалистического, что привело в дальнейшем к появлению реальных гимназий и реальных училищ. В реальной школе на первом месте стояли математика и естествознание. В XIX в. вокруг гимназического образования велись споры, в результате которых в ряде стран были приравнены в правах классическая гимназия с двумя древними языками (латинским и греческим), классическая гимназия с одним языком (латинским) и реальные училища, где древние языки отсутствовали. Древние языки занимали значительное место в общей системе преподавания (около 70 %). С 1870 г. в Европе аттестат зрелости реальной школы позволял учащемуся поступать в университет наравне с выпускниками классических гимназий.

Учебные заведения гимназического типа в России существовали давно. Славяно-греко-латинская академия ведет свою историю с 1685 г., когда братья Лихуды открыли школу в Благовещенском монастыре. Преподавание там велось на латинском и греческом языках. Сословно-

го ограничения при приеме в академию не было. История собственно гимназий началась с немецкой школы, открытой в 1701 г. в Немецкой слободе. Она занимала просторные палаты боярина В. Нарышкина и получила официальное название гимназии, где учили «языкам и философии мудрости». Программа включала, помимо древних и новых языков, философию, политику, риторiku, арифметику и географию. Начало перелома в деле гимназического образования в России было положено в XVIII в. В 1726 г. при Академии наук была открыта гимназия, получившая название академической. Основной задачей гимназии считалась подготовка к военной и гражданской службе. Главными предметами гимназии являлись латинский, греческий, немецкий и французский языки, риторика, логика, история, арифметика. С 1747 г. преподавание стало вестись на русском языке, учащиеся были освобождены от наказаний плетью. В начале XIX в. в России были введены учебные округа и гимназии стали открываться повсеместно. В 1803 г. Александр I приказал в каждом губернском городе открыть гимназию. В 1804 г. был принят первый гимназический устав, по которому целью провозглашалась подготовка к поступлению в университеты. В 1811 г. по указанию министра народного просвещения графа С.С. Уварова была проведена следующая реформа. В ходе ее были сделаны изменения в учебном плане: введен Закон Божий, отечественный язык (русский), логика; исключены политэкономия, мифология, коммерческие науки, эстетика, философия. В 1819 г. для всех гимназий России был введен единый учебный план, который практически свел на нет реформу 1804 г. Были установлены сословный прием и возвращены телесные наказания, значительная роль стала отводиться религии. Обучение длилось семь лет.

Следующий этап развития гимназии связан с царствованием Николая I. Направление новых реформ объявил новый министр просвещения А.С. Шишков. «Обучать грамоте весь народ или несоразмерное число одного количеству людей, принесло бы более вреда, чем пользы». Уже в 1825 г. с высочайшего утверждения было приказано: науки политические исключить; число уроков, назначаемых для изучения риторики и поэзии, уменьшить; выбор тем для сочинений не представлять выбору учителей; списки учащихся в гимназии предоставлять в полицию; все предметы преподавать на русском языке. В результате этого 8 декабря 1828 г. «Комитет устройства учебных заведений», организованный в 1826 г., составил новый устав, согласно которому гимназии должны были в своем обучении преследовать такие цели, как подготовка к поступлению в университеты и уклон на общее воспитание

и образование¹. При Николае I была введена форма для гимназистов: «Сюртук синий однобортный с белыми медными пуговицами, воротник малиновый, с погончиками на плечах, панталоны синие поверх сапог, фуражка синяя солдатская с малиновым околышем» – для разночинцев. Для благородных гимназистов полагался «университетский мундир с треугольной шляпой, но без шпаги»².

Постепенно в обществе складывалось мнение о необходимости приближения гимназического образования к реальной жизни, и 21 марта 1849 г. в России была проведена следующая гимназическая реформа. Курс стал делиться на общее и специальное обучение. Начиная с четвертого класса, все учащиеся разделялись на юридическое и латинское отделения. Первое готовило для чиновной службы, второе – для поступления в университет. Под влиянием общественности с 1861 г. стала смягчаться система гимназического образования, специальные комиссии начали работу по составлению нового устава, отражающего потребности жизни и общества. В 1864 г. был введен новый Устав, и гимназии стали делиться на классические и реальные; первые, в свою очередь, подразделялись на обучение с одним древним языком и с двумя древними языками. Окончившие классическую гимназию принимались в университет без экзаменов, а окончившие реальную гимназию могли поступать в высшие специальные учебные заведения и на физико-математический факультет университета. Была провозглашена безусловная всеобщность гимназии. Телесные наказания были категорически отменены. В 1866 г. министр просвещения Д.А. Толстой назначил комиссию по разработке нового устава, целью которого оставалось возрождение классицизма в образовании. 30 июля 1871 г. новый устав гимназий и прогимназий был утвержден. Обучение длилось восемь лет (седьмой класс был двухгодичным). Согласно новому уставу основное значение придавалось изучению древних языков; исключалась естественная история; космография заменялась математической географией; шло уменьшение числа часов на чистописание, рисование, черчение, историю и Закон Божий. Вновь вводилась логика. Была введена система классных наставников; на преподавателей были

¹ Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского (8 декабря 1828 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. III. СПб.: Тип. II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 1111.

² Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Издание Министерства народного просвещения, 1902. С. 453.

возложены воспитательные функции; одному преподавателю разрешалось вести разные предметы; директор и инспектор должны были вести предметные уроки в классах¹.

В 1874 г. в 12 лет П.А. Столыпин был определен во второй класс Виленской гимназии. Данный округ очень сильно отличался от учебных округов, располагавшихся в русских губерниях. В Литве и Белоруссии, которые когда-то входили в Речь Посполитую, было очень сильно польское влияние. Виленский учебный округ был учрежден через 8 лет после третьего раздела Польши в 1803 г. Первоначально в его состав входили Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Киевская, Подольская и Волынская губернии. Первым попечителем округа стал князь А. Чарторыйский, большое влияние на сферу управления образованием оказывал ректор Виленского университета И. Стройновский². Основу системы народного образования в Виленском учебном округе составили учебные заведения, существовавшие еще в XVIII в. К ним относились католические и униатские училища³. Опираясь на поддержку императора Александра I, А. Чарторыйскому удалось укрепить позиции польской культуры в области образования. Было переведено на польский язык преподавание во всех учебных заведениях округа, существовавших изначально как русскоязычные⁴. Уровень среднего образования в Виленском учебном округе в дореформенный период был значительно выше, чем в губерниях Европейской России⁵. По количеству гимназий Северо-Западный край превосходил Московский и Санкт-Петербургский учебные округа. В 1864 г. в четырех губерниях Виленского учебного округа было 13 гимназий и 3 прогимназии⁶.

¹ Горбунов П. Программы и устав городских училищ министерства народного просвещения (по Положению 31 мая 1872 г.). М.: Тип. А.Г. Кольчугина, 1891. С. 5–6.

² Сергеев В.В., Ершова О.И., Гулюк М.А., Шараева Е.И. Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX в. – начало XX в.) // Российские и славянские исследования: научн. сб. Вып. III. Минск: БГУ, 2008. С. 57–75.

³ Гурецкий А. А. Политика царизма в области образования в Белоруссии в конце XVIII в. – первой четверти XIX в. (1772–1825 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск: БГПУ им. М. Танка. 1998. С. 12.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Евдокимова Е.Л. Гимназическое образование в Беларуси: Исторический опыт и тенденции развития (XIX в. – нач. XX в.). Минск, 1998. С. 36.

⁶ Сергеев В.В., Ершова О.И., Гулюк М.А., Шараева Е.И. Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX – начало XX в.)... С. 57–75.

Работа гимназий Виленского учебного округа осуществлялась в соответствии с российским учебным законодательством. В основных чертах организация гимназического образования была такой, как и в других регионах империи. Вместе с тем в политике правительства здесь прослеживалось стремление использовать учебные заведения для решения политических проблем. Польское восстание 1863–1864 гг. стало поворотным событием в политике правительства в северо-западных губерниях. В нем участвовали учителя и ученики средних учебных заведений Виленского учебного округа. Трудно определить точное количество учащихся, выступавших против властей. Можно говорить о том, что гимназии и прогимназии округа значительно опустели. Так, в отчете по управлению Виленского учебного округа за 1863 г. отмечалось: «Шавельская, Поневежская, Гродненская, Новогрудская и Слуцкая гимназии потеряли около половины или даже более своих учеников; Минская и Виленская также потеряли каждая около трети части учащихся»¹. Этот факт местные власти не могли игнорировать. Генерал-губернатор Северо-Западного края М.Н. Муравьев считал, что именно гимназии Виленского учебного округа воспитали в своих недрах врагов правительства и самодержавия. Он предлагал сократить число средних учебных заведений в крае. Однако И.П. Корнилов считал, что средние учебные заведения – это сильное орудие русского общества для культурной борьбы с местным польским влиянием. По его мнению, нужно было позаботиться не о закрытии средних учебных заведений, а о том, чтобы «сделать их не только безвредными, но и полезными для государства и для русского образовательного и культурного дела»². Такие разные точки зрения в дальнейшем определили два основных направления в политике правительства в области среднего образования в Виленском учебном округе: сокращение числа гимназий и прогимназий и усиление русской культуры и проправительственных настроений среди учащихся и преподавателей³.

Также из средних учебных заведений полностью был вытеснен польский язык. Учителей обязали следить за тем, чтобы воспитанники

¹ Извлечение из отчета управления Виленского учебного округа за 1863 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. № 7. С. 498.

² Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае: Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб., 1901. С. 10.

³ О закрытии одних и преобразовании других средне-учебных заведений в Северо-Западном крае с обращением части их сумм на устройство там женского образования // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1871. Т. 4. С. 927.

в гимназиях и прогимназиях и вне их во время игр и занятий разговаривали между собой только по-русски. Более того, правительство пошло на радикальную меру: ввело преподавание Закона Божьего римско-католического исповедания на русском языке. При этом на русский язык было переведено только несколько учебников и катехизисов, прошедших строгую цензуру. В рамках политики русификации правительство приняло меры по увеличению в гимназиях и прогимназиях числа православных учащихся, облегчив им доступ в учебные заведения.

Система подготовки педагогических кадров для Виленского учебного округа сложилась в середине 60-х – первой половине 70-х гг. XIX в. и практически в неизменном виде просуществовала до революции 1905–1907 гг. Отдельные попытки готовить учителей предпринимались и в дореформенную эпоху. Но только после восстания 1863–1864 гг. правительство разработало и стало проводить в белорусско-литовских губерниях особую образовательную политику, реализация которой потребовала целого комплекса мероприятий по подготовке педагогов. Помимо образовательного, эта политика имела важный внутривнутриполитический аспект: заменить польское культурное влияние в крае русским. В условиях бурного развития пореформенной России, сопровождавшегося поисками самоидентификации населения национальных регионов, от успеха борьбы с полонизмом зависело будущее российского правления в северо-западных губерниях. Поэтому подготовка педагогических кадров заняла важное место в образовательной политике правительства. Готовить не просто лояльных учителей, а активных проводников «русского начала» в образовании – таким был замысел А.П. Ширинского-Шихматова и И.П. Корнилова, стоявших у истоков системы подготовки педагогических кадров для Виленского учебного округа¹.

Восстание 1863–1864 гг. показало, что многие преподаватели-католики не были лояльны к российскому правительству. В течение 1864 г. И.П. Корнилов уволил практически всех учителей-поляков, выплатив им жалованье за год вперед. Был закрыт и Виленский дворянский институт, готовивший преподавателей польского языка. Русским же преподавателям и немцам-остзейцам, прибывшим в округ, в феврале 1864 г. правительство предоставило ряд серьезных льгот. Так, они получали 50 %

¹ Гулюк М.А. Подготовка преподавателей для Виленского учебного округа в российских университетах во второй половине XIX в.: правительственная политика // Вытокі гістарычнай навукі БДУ. Минск, 2005. С. 201–204; Белецкий А. Краткий исторический обзор деятельности управления Виленского учебного округа в XIX столетии // Виленский календарь на 1904 г. Вильна, 1903. С. 262.

надбавки к окладу, двойные прогоны, подъемные, ускоренную выслугу. В результате введения этих льгот на 80 вакансий в гимназиях и уездных училищах к осени 1864 г. было подано 360 прошений. Кроме того, М.Н. Муравьев предложил создать в округе «русский» университет, где все преподаватели и подавляющее большинство студентов были бы православными. Однако Министерство народного просвещения предложило иной план по русификации средних учебных заведений округа. В 1863–1864 гг. в университетах страны было создано 60 новых педагогических стипендий для Виленского учебного округа. Воспользоваться ими могли только православные уроженцы края и русские либо немцы-остзейцы. За пользование стипендией (300 руб. в год) полагалось отработать шесть лет в гимназиях округа. Именно этот вариант был одобрен Александром II, и стипендиаты Виленского учебного округа стали до начала XX в. основным источником кадров для средних заведений округа. К 80-м гг. XIX в. Виленский учебный округ занял третье место в России по числу работавших в средних учебных заведениях выпускников столичных университетов¹.

Виленскую гимназию не раз посещали высокопоставленные лица. Так, в августе 1838 г. ее посетил министр народного просвещения, граф С.С. Уваров. Это событие было записано в протоколах заседания Совета «для всегдашнего воспоминания». 20 августа 1838 г. «назначен был общий смотр ученикам и представление чиновников гимназии», которые были собраны на гимназическом дворе. После представления преподавателей С.С. Уваров вместе с князем Долгоруковым «обошел ряды воспитанников и любовался их красивою наружностью». В рисовальном зале министра приветствовали речами на русском, латинском и немецком языках. 21 августа было испытание учеников всех классов. Испытание производилось «в русском языке по чтению, декламации и правописанию, по русской истории и хронологии (по методу Язвинского) и по латинскому языку». «Я многого ожидал, – заметил министр, – но то, что здесь нашел, превзошло все мои ожидания»².

С 1845 г. при Виленской гимназии начал действовать «конвикт для бедных учащихся в Виленских средне-учебных заведениях» (на углу Михайловского переулкa, около костела св. Михаила), который

¹ Сергеевкова В.В., Ершова О.И., Гулюк М.А., Шараева Е.И. Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX – начало XX в.)... С. 57–75.

² Юницкий Н. Виленская первая гимназия // Сборник сведений о средних учебных заведениях Виленского учебного округа. Вильна: Тип. М.Р. Ромма, 1873. С. 20.

в 1870 г. был переименован в «общую ученическую квартиру». Впоследствии при ней было открыто общежитие, куда принимались пансионеры с платой в 300 руб. в год и полупансионеры – в 240 руб. Плата за обучение в гимназии вносилась особо. При поступлении в общежитие единовременно уплачивалось 30 руб. на «первоначальное обзаведение». Пансионеры получали все необходимое, а полупансионеры – только стол, учебники, пособия, письменные принадлежности и стирку белья.

6 сентября 1858 г. Виленскую гимназию посетил император Александр II. Вначале он осмотрел музей, потом – учебные классы на втором и третьем этажах. После этого царь вышел на гимназический двор, где были собраны все преподаватели и гимназисты. Увидев большое количество людей, он спросил: «Сколько учащихся?» Директор ответил, что в гимназии с тремя параллельными классами учится 575 человек. «Много, очень переполнено», – сказал на это Александр II. Попечитель Виленского учебного округа заметил, что такая картина почти везде и для того, чтобы снять данную проблему, нужно открывать новые гимназии. После этого царь осмотрел конквикт, больницу при нем на 4 кровати, столовую и кухню. Общаясь с обитателями конквинкта, Александр II спросил: «Не далеко ли детям ходить из конквикта в классы?» В кухне он приказал налить себе из общего котла супа, приготовленного к обеду и начал есть его с хлебом. Пообедав, император сказал: «Но и детям Вашим пора обедать! Они ведь обедают в 3, а теперь 4 часа». Выходя после осмотра, Александр II сказал попечителю: «Хорошо! Все чисто, опрятно. Все, что я видел сегодня, чрезвычайно радует и утешает меня. Благодарю Вас за Ваше попечение и вполне надеюсь, что оно увенчается совершенным успехом. Благодарю!» Визит этот имел благоприятные последствия. Так, 17 апреля 1859 г. по высочайшему указу были усилены штаты гимназий. В Виленской гимназии годовое жалованье старших учителей было увеличено до 650 руб., младших – до 550¹.

Окончивший гимназию в Вильно в 1895 г. сын артиллерийского офицера, живописец, график, художник театра, ведущий участник творческого объединения «Мир искусства» М.В. Добужинский (1875–1957) оставил очень интересные воспоминания о ней: «Гимназия, куда я поступил, находилась на узенькой, очень оживленной Замковой улице, в самом центре города, и занимала длинный флигель упраздненного университета. Дом, наверно, был XVIII в., может быть и старше, стены и пол были неровные, а окна наших классов громадной высоты и почти

¹ Юницкий Н. Виленская первая гимназия... С. 35–36.

до полу. Громадной величины были и кафельные печи, которые жарко на-тапливал маленький старичок, наш гимназический сторож». Стены были «необыкновенной толщины... широкий коридор поднимался в верхний этаж пандусом вместо лестницы, – там помещалась домашняя православная церковь... Старый университет представлял из себя довольно сложный конгломерат зданий с внутренними двориками и переходами. От прежних времен сохранилась и небольшая башня давно упраздненной обсерватории с красивым фризом из знаков Зодиака. Все эти здания окружали большой двор... засаженный деревьями; ко двору примыкал стройный фасад белого костела св. Яна, а рядом с костелом стояла четырехугольная колокольня с барочным верхом, возвышавшаяся над всеми крышами Вильны. В Вильне старина как бы обнимала меня (даже в гимназии), и я жил среди разных преданий, связанных с городом». По словам М.В. Добужинского, в Вильно «было множество мест, о которых рассказывали таинственные истории, говорили, что под городом протекает подземная река, что из Замковой горы ведут какие-то древние подземные ходы и коридоры чуть ли не к Троцкому замку... У подножья горы, среди площади, в стороне от других зданий, стояла высокая колокольня кафедрального костела св. Казимира, и ее неуклюжая странной формы база тоже говорила о седой древности: по преданию, которому хотелось верить, этот массивный каменный блок и был тот самый языческий алтарь Знич, где горел неугасимый огонь вайделотов. В то время Вильна была исследована мало, мы постоянно натывались на неожиданные открытия: так, в одном упраздненном католическом монастыре нашли в подвалах огромное количество черепов – все отмеченные на лбу красным знаком креста, что изумило своей загадочностью. Живым преданием был в Вильне почитаемый всеми чудотворный образ Остробрамской Божьей Матери: в часовне, над городскими воротами с гербом Литвы – скачущим витязем с обнаженным мечом, сиял среди свечей и лампад кроткий лик этой Мадонны в обрамлении тяжелой золотой ризы, украшенной короной и нимбом... А внизу узенькая улица, проходящая под воротами, всегда была полна коленопреклоненной толпы. Драгоценным делало город и то, что в величавом кафедральном костеле почивали в гробницах великие князья и княгини литовские, и, по преданию, сам воинственный Витовт; все в Вильне казалось полным таинственности, геройства и святости»¹.

«Город с его необыкновенно оживленной уличной жизнью еще больше оживлялся в большие праздники, на Рождество и Пасху. На рож-

¹ Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 92–96.

дественские каникулы наезжало множество студентов из Варшавы, Петербурга и Москвы, и еще более праздничными делались улицы, всегда полные веселого звона бубенчиков – неперменной принадлежности извозчичьих санок (зима всегда была снежная, с крепким морозом). В Сочельник ходили по домам "славильщики", эти певчие распевали неуклюжие вирши, а иногда это сопровождалось пантомимой. Помню одни такие "стихи": "Ах, вы глупые литвины, ведь Христос не ест ботвиньи, принесите кашку с молочком или меду с сочком". На Крещение по домам ходили – тоже по старому обычаю – "три короля!" – Каспар, Мельхиор и Балтазар и обязательно в компании с безымянной королевой. На головах у них всех были картонные золотые короны, а у королевы еще и белая вуаль до пят, которая в оттепель жалко обмокала и грязнилась. Балтазар был арап ("мужин" – по-польски), и лицо его было густо замазано сажей. В Великом посту, 4 марта, – день св. Казимира – был еще один народный праздник – Кермаш (Kermess), который оживлял тоже весь город. Большая пустая площадь перед Кафедрой (позже там был разведен сад) заполнялась огромным базаром. Из окружных деревень и местечек наезжали телеги, нагруженные всяким товаром – самодельной глиняной посудой, домоткаными материями, коврами, дорожками и, главное, бубликами и баранками с тмином, маком, "чернушкой" и без всего, которых были целые горы. Наиболее лакомые были аппетитно поджаренные сморгонские бублики – круглые шарики с дырочкой, нанизанные на бечевку, как бусы. Их на базаре покупатели надевали, как бусы, и разгуливали, шлепая по весенним лужам. Такой же базар и гулянье – праздник, но поменьше, был и летом в день св. Петра и Павла около красивейшего собора этих святых на Антоколе, в предместье Вильны, где почему-то особенно много продавалось пряников. Были пряники белые, мятные, и вроде "вяземских", медового цвета и вкуса, а также какие-то розовые, в виде подбоченившихся человечков и скачущих лошадок. На Пасху город снова радостно оживал, и тогда уже пахло весной. В каждом доме накрывался пасхальный стол со всевозможными яствами, который стоял целую неделю. Кроме традиционной творожной пасхи, кулича с бумажной розой и окорока, изготавливались разные торты и "мазурки", из которых помню необыкновенно вкусную миндальную "легуминку" – специальность виленской Пасхи. Стол украшали и расписными яйцами, "писанками", часто очень затейливого рисунка, их привозили из литовских деревень – произведения настоящего народного литовского творчества. Таял снег, и ручьи бежали с веселым журчаньем вдоль всех тротуаров (по "ринштокам", как называли глубокие уличные канавки в Вильне), и веяло какими-то незнакомыми мне и волну-

ющими весенними запахами. Когда мы жили на окраине города, то даже зловоние "полей орошения", которые лежали между нашей "усадьбой" и "Закретом" – заповедным лесом, как-то странно-приятно соединились с весенними воспоминаниями»¹.

Совершенно другое восприятие от Виленской гимназии осталось у Юзефа Пилсудского, будущего главы Польши и известного русофоба: «Я стал учеником... Виленской гимназии, – писал он в 1903 г. в статье "Как стать социалистом", – находящейся в стенах старинного Виленского университета, бывшей альма-матер Мицкевича и Словацкого. Выглядело все здесь иначе, чем в их времена. Хозяйствовали здесь, учили и воспитывали молодежь царские педагоги, которые приносили в школу всякие политические страсти, считая в порядке вещей попирающие самостоятельности и личного достоинства своих воспитанников. Для меня гимназическая эпоха была своего рода каторгой... Не хватило бы воловьей кожи на описание неустанных, унижающих придирок со стороны учителей, их действий, позорящих все, что ты привык уважать и любить... В таких условиях моя ненависть к царским учреждениям, к московскому притеснению возрастала с каждым днем»².

Однако Юзеф Пилсудский благополучно закончил эту «школу угнетателей», в отличие от председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, также бывшего в свое время учеником Виленской гимназии и отчисленного из последнего восьмого класса. Гуляя в 1909 г. со своей будущей женой в окрестностях Кракова, Ф.Э. Дзержинский эти годы вспоминал неохотно. «Скупое, но с ненавистью вспоминал Феликс гимназический режим, русификаторство, шпионаж за учениками, принудительное посещение в табельные дни молебнов, дрессировку на квартире учителя гимназии в Вильно, где он жил вместе с братьями», – писала С.С. Дзержинская³. Много лет спустя, в 1914 г., Ф.Э. Дзержинский утверждал практически то же: «Когда я вспоминаю гимназические годы, которые не обогатили моей души, а сделали ее более убогой, я начинаю ненавидеть эту дрессировку, которая ставит себе задачей производство так называемых интеллигентов. И светлые воспоминания мои возвращаются к дням детства и перепрыгивают через школьные годы к более поздним годам, когда было так много страданий, но когда душа приобрела столько много богатств»⁴.

¹ Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 92–96.

² Цит. по: Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский (Легенды и факты). М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 11.

³ Дзержинская С.С. В годы великих боев. М., 1975. С. 123.

⁴ Феликс Дзержинский. Дневник и письма. М., 1956. С. 158.

Русский язык в тот период был больной темой для Ф.Э. Дзержинского. Виленская гимназия считалась цитаделью русского образования и культуры, и все преподавание строилось вокруг этого. Несмотря на предпринятые меры по его адаптации к учебе, в первом классе он остался на второй год, так как плохо знал русский язык, на котором велось обучение в гимназии. Между тем в семье Ф.Э. Дзержинских всегда говорили по-польски, и обучение русскому языку молодого Феликса началось при помощи старшей сестры Альдоны только в 7 лет. Однако помощь сестры ограничивалась каникулярным периодом. Домашнего обучения было явно недостаточно, как учитывая указанное обстоятельство, так и то, что у самой Альдоны на шестом году обучения была переэкзаменовка по русскому языку. Впрочем, как и оставление Феликса на второй год, так и переэкзаменовку Альдоны можно рассматривать не только как оценку их знаний, но и как результат целенаправленной политики русификации, характерной для виленских гимназий того времени. Так, Альдона была оставлена на переэкзаменовку по русскому языку только потому, что не смогла объяснить значение всего лишь одного русского выражения «студеная вода». На вопрос учителя она ответила, что это вода из студня (по-польски «колодец»). На недоуменный вопрос педагога одноклассница сестры Дзержинского объяснила, что по-польски колодец называется студней. Узнав, что Альдона дома говорит по-польски, преподаватель заявил: «Я научу вас говорить по-русски. Получите переэкзаменовку!»¹

Формальным поводом для исключения Ф.Э. Дзержинского из Виленской гимназии был его конфликт с преподавателем русской словесности И.Г. Раком. Сущность данного инцидента состояла в том, что Ф.Э. Дзержинский, проходя по коридору, заметил объявление, которое вывесил Рак. В нем содержалось следующее предписание: «Настоящим доводится до сведения господ гимназистов, что разговаривать в классах, коридорах и иных помещениях вверенной мне гимназии разрешается только на русском языке. Виновные в нарушении сего предписания будут строго наказываться». Гимназист Ф.Э. Дзержинский сорвал это объявление и побежал в учительскую. Там вокруг большого овального стола сидело несколько преподавателей: пили чай, разговаривали, просматривали тетради. Ф.Э. Дзержинский швырнул на стол перед И.Г. Раком сорванное объявление и сказал: «Вот ваше предписание, вы сами готовите борцов

¹ Дзержинская-Кояллович А.Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 17; Ратьковский И.С. «Гимназистки влюблялись в него по уши»: Виленская гимназия в жизни «железного Феликса». 1887–1896 гг. // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 197–217.

за свободу! Неужели вы не понимаете, что национальное угнетение ведет к тому, что из ваших учеников вырастут революционеры?!¹

Вместе с тем следует отметить, что, в отличие от Юзефа Пилсудского, Ф.Э. Дзержинский все-таки стал продуктом русификации и даже В.И. Ленин, намекая на него, говорил, что обрусевший инородец является еще более русским, чем сами русские.

Не очень хорошо отзывался о Виленской гимназии и другой ее знаменитый ученик, известный в будущем актер В.И. Качалов, тогда еще не взявший свой псевдоним и носивший фамилию Шверубович. В разговоре с профессором В.Н. Сперанским, также выпускником гимназии и своим однокашником, он говорил, что, «несмотря на принадлежность свою тогда к господствующей национальности и к привилегированному православию, он вспоминает гимназические годы с одной только грустью, даже жутью»².

Для поступления в Виленскую гимназию требовались следующие документы: 1) метрическое свидетельство (для христиан) или заменявшее его удостоверение (для нехристиан); 2) свидетельство о звании или послужной список отца; 3) удостоверение о привитии оспы; 4) фотографическая карточка. Плата за обучение взималась в размере 40 руб. в год в «нормальных и приготовительных» классах и 60 руб. в год – в параллельных. Кроме того, лица иудейского вероисповедания вносили по 8 руб. в год за «слушание закона божьего еврейской веры». Также еще по 4 руб. платили те ученики IV–VIII классов, которые занимались рисованием³. «Наибольшим многолюдством отличались младшие классы гимназии, до IV включительно... Среднее число учащихся в каждом отделении названных классов – 51 человек, больше установленной нормы на 11 человек. В старших классах число учащихся постепенно понижалось... Среднее число учеников в каждом из них 30 человек. Многочисленности гимназии... не соответствовало назначенное для нее помещение, в котором, при тесноте большей части классных комнат, а также при неудобстве некоторых из них по недостатку света и воздуха, ощущался и недостаток нужного количества комнат: в гимназии не было рекреационного зала, так что ученики принуждены в холодное время года и в ненастную погоду наполнять во время перемен коридоры»⁴.

¹ Неизвестный Дзержинский (Факты и вымыслы). Минск, 1994. С. 18.

² В.Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 января.

³ Виноградов А.А. Путеводитель по городу Вильне и его окрестностям. Вильна: Тип. Штаба Виленского военного округа, 1904. С. 241.

⁴ Серебряков С.В. Исторический очерк столетнего существования Первой гимназии. 1803–1903 гг. Ч. 1. Вильна. 1903. С. 57–93; Ратьковский И.С. Из Вильно в Петербург:

Главная задача Виленской гимназии состояла в том, чтобы «дать образованию юношества направление, согласное с общим духом народного просвещения в России... сблизить его с русскими понятиями о долге гражданина и человека». Это было особенно трудно после Польского восстания 1863 г., так как «страсти, пробужденные тогда беспорядками», на тот момент еще не утихли, «волнение умов продолжалось». На гимназистов оказывало влияние не только образование, но и родители, многие из которых принимали деятельное участие в мятеже. Поэтому необходимо было побороть среди учащейся молодежи «возбужденное раздражение, пересоздавая в то же время коренные основы воспитания и заменяя польские начала русскими»¹.

Большая часть учеников, почти 80 %, жили у своих родителей или ближайших родственников. «Для возможно более успешного достижения благоприятных результатов своей воспитательной деятельности гимназия постоянно имела в виду привлечь к участию в делах умственного и нравственного воспитания детей их родителей. С этой целью между классными наставниками и родителями и воспитателями учеников были установлены постоянные сношения». Следя за ходом учебных занятий в их классах и за всей классной жизнью учеников, классные наставники принимали все меры к тому, чтобы родителям учеников или лицам, «заступавшим их место», постоянно и своевременно сообщались сведения обо всем, что касается учеников. Для этого требовалось, чтобы ученики с точностью записывали в свои классные журналы каждый заданный им урок и еженедельно проверяли эти записи, внося в то же время в них свои замечания и замечания других преподавателей, а также выставляя полученные за учебу баллы. Журналы свои ученики должны были каждый раз предъявлять дома родителям для просмотра и засвидетельствования своей подписью. Кроме того, для личных свиданий классных наставников с родителями учеников назначались в течение всего учебного года и объявлялись «во всеобщее сведение особые часы» (не менее двух раз в неделю), а в некоторых случаях родители приглашались в гимназию. Меры взыскания, применявшиеся для предупреждения или пресечения проступков со стороны учеников, были следующими: а) одиночное сидение в классе; б) выговор классного наставника перед классом; в) оставление в гимназии на 1 час после уроков с оповещением об этом родителей; г) назначение особых занятий на дом в праздничные и вос-

выпускники Первой Виленской гимназии в Санкт-Петербургском университете // Клио. 2013. № 10. С. 99–101.

¹ Юницкий Н. Виленская первая гимназия... С. 37.

кресные дни, «для пополнения упущенного»; д) задержание в гимназии на время до 3 часов; е) выговор инспектора перед классом с внесением в штрафной журнал; ж) заключение в карцер на время от 1 до 4 часов; з) выговор директора перед классом, с понижением балла за поведение; и) заключение в карцер на время от 4 до 8 часов; к) заключение в карцер на время от 8 часов до одних суток; л) выговор от имени педагогического совета.

Форма учеников в гимназий и прогимназий по Уставу гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения 1864 г. включала: а) однобортный полукафтан темно-зеленого цвета с черными пуговицами, с отложным воротником и с петличками на нем из синего сукна; б) жилет темно-зеленого сукна, однобортный, с черными пуговицами; в) галстук черный, суконный или шелковый; г) пальто темно-зеленое, суконное по существовавшим образцам, с суконными петлицами синего цвета и с черными пуговицами; д) фуражка темно-зеленого сукна, с суконным околышем синего цвета. Попечители учебного округа имели право разрешать отступление от этой формы сообразно местным условиям и времени года¹. Форма данного образца весьма напоминала обмундирование русской армии – был возвращен стоячий «гвардейский» воротник, введены французские кепи. С военными гимназистов роднило и серое двубортное пальто «офицерского образца», а также песочного цвета башлык из верблюжьего сукна, надев который воспитанники в полной мере ощущали себя «господами военными». Иногда их действительно с ними путали. М.В. Добужинский приводил такой случай: «Один хлыщеватый драгунский вольноопределяющийся в потемках около того же самого катка принял меня за офицера: я был высокого роста, и мое форменное светло-серое пальто было совсем офицерского покроя. Он вытянулся и взял «под козырек», я же нашелся и вежливо сказал: "Пожалуйста, не беспокойтесь, проходите" (как говорил мой папа юнкерам и кадетам в таких случаях), тут же расхохотался»². В 1870 г. чиновники неожиданно спохватились – они позабыли о повседневном платье. Ведь не целый же день мальчишкам носить красивые александровские полукафтаны. Было решено ввести домашнюю одежду для пансионеров, а также для тех воспитанников, которые жили на общих ученических квартирах. Таким образом, в 1870 г. появились серые суконные однобортные пиджачки с отложным воротничком и шестью костяными пу-

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. III. Столб. 1301–1311.

² Добужинский М.В. Воспоминания... С. 102.

говицами, носившиеся с суконными темно-серыми шароварами. Тогда же воспитанникам, учившимся в южных областях Российской империи, в летние месяцы разрешили носить такие же пиджаки, но из беленого хлопка и парусины. В этом тоже ощущалось влияние военного стиля, ведь еще в 1860 г. офицеры русской армии надели белые полотняные кители (полотнянники). В 1881 г. кепи заменили фуражками, при этом их цвет, выпушки и арматура были оставлены прежними. В зимнее время их подбивали ватой, а в летнее – покрывали белыми чехлами, как это было принято в армии.

Ученики Виленской гимназии также исправно обязаны были посещать богослужение «в воскресные и праздничные дни в гимназическом храме, и их всегдашнее благоговение, с которым они относились к церковной службе, а также усердие, с которым многие из учащихся принимали на себя исполнение различных обязанностей во время богослужения, прислуживая священнодействующему в алтаре, зажигая свечи и лампы, исполняя обязанности чтецов и т. д., всегда заслуживали похвальные отзывы даже со стороны посторонних посетителей гимназического храма». Помимо умственного и нравственного «преуспеяния» своих воспитанников Виленская гимназия обращала самое серьезное внимание на здоровье учащихся. Для этого классные наставники и вообще все преподаватели во время уроков наблюдали за тем, чтобы учащиеся правильно сидели на своих местах, заботились о чистоте рук, лица, одежды и всех находящихся в их распоряжении вещей. Военная гимнастика, которая назначалась в промежуточные между предметными уроками часы (постоянно, за исключением холодного зимнего времени и ненастной погоды), проходила на площадке гимназического двора. Кроме нее, для учащихся в часы, назначенные для уроков гимнастики, и после дневных уроков, устраивали военные прогулки за город. Они производились под руководством учителя гимнастики и в сопровождении инспектора и помощников классных наставников. Строем, мерным маршем под звуки музыки, ученики проходили по улицам Вильно в лес «Закрет» и в том же порядке возвращались в гимназию. Иногда во главе шествия был хор военной музыки, который присылался в распоряжение Виленской гимназии по приказу командиров местных пехотных полков.

Крайне любопытны темы письменных работ, предложенных в Виленской гимназии на переводных и выпускных экзаменах. Например, по русскому языку в I классе предлагался следующий диктант: «Я снова здесь, в своей усадьбе, вместе со своими друзьями. Солнце только что показалось, на небе ни одного облачка...» и т. д. общим объемом примерно

половину страницы; во II классе – «Яблоко (Пересказ)»; в III классе – «Из жизни купца Иголкина (Изложение содержания)»; в IV классе – «Поступление в гимназию (Повествование по плану)»; в V классе: «Прогулка по окрестностям Вильны (Описание)»; в VI классе: «Старая чьти, яко отьца (Владимир Мономах)»; тема сочинения в VII классе – «Значение удобных путей сообщения»; по латинскому и греческому – и в III, и в IV классах – переводы отрывков и отдельных предложений; в V классе по латинскому языку – перевод отрывка «Между тем, как афиняне воевали в Сицилии, полководец их Алкивиад в его отсутствии был обвинен в Афинах в том, что опубликовал тайны Цереры» и т. д.; такой же величины, на полстраницы, отрывок по греческому языку: «С восходом солнца появились у эллинских форпостов вестники царские. Как раз в то время, когда Клеарх смотрел войско», то же – по французскому и немецкому, но уже начиная со II класса; в V классе по французскому языку – перевод «Мир неизмерим и бесконечен. Дом, в котором живет каждый из вас, и сад, которым он окружен, образуют только уголок деревни или города, в котором вы родились, а Россия, ваше отечество, составляет только уголок земного шара»; по немецкому языку – перевод отрывка из басни Лафонтена; по арифметике: в I классе нужно было решить следующее задание: «Из двух сортов кофе составлено $1\frac{1}{2}$ пуда смеси, причем 1-го сорта взято на 8 фунтов больше, чем 2-го; фунт 1-го сорта стоит 90 коп., а фунт 2-го на 30 коп. дешевле. $\frac{1}{3}$ этой смеси продана за 15 руб. 60 коп. По сколько нужно продавать каждый фунт оставшейся смеси, если желают от продажи всей смеси получить 3 руб. 40 коп. прибыли?»; во II классе: «Из фруктового магазина все яблоки были распроданы четырьмя покупателями по $1\frac{1}{2}$ руб. за сотню: первый взял $\frac{7}{24}$ всего числа яблок и еще 5 яблок, второй – 0,2666... всего и еще 4 яблока, третий – 0,3 всего и еще 12 яблок, а четвертый взял остальные 30. Сколько яблок было в магазине, сколько денег заплатил каждый покупатель и сколько самому купцу стоили все яблоки, если при продаже он получил прибыль, равную $\frac{1}{8}$ стоимости яблок?»; в III классе: «Чайный торговец, имея вексель в 1 500 руб., дисконтирует его (коммерчески), считая по 3,2 % в год за 2,4 месяца до срока, и на вырученную сумму покупает чай двух сортов по 3 руб. 50 коп. и по 3 руб. 80 коп. за фунт. Смешавши оба сорта, купец рассчитал, что, продавая смесь по 4 руб. 50 коп. за фунт, он получит 25 % прибыли. Сколько он купил фунтов 1-го и сколько 2-го сорта?»; в IV классе: «Из двух сортов кофе, в 68 коп. и 42 коп. за фунт, купец составил смесь, которую продал трем покупателям по 65 коп. за фунт, от чего имел 25 % прибыли. Числа фунтов, проданных покупате-

лям, находились соответственно в отношении $2, (3) : 3,5 : 1,75$; кроме того, известно, что второй покупатель заплатил на 13 руб. 65 коп. более третьего. Сколько фунтов кофе каждого сорта купец взял для образования смеси?»; в V классе по алгебре – задача: «Торговец, имея 100 лимонов, роздал их 3 разносчикам с тем, чтобы они продавали их по одной и той же цене. Возвратясь домой, первый отдает хозяину вырученные от продажи 1 руб. 80 коп. и оставшиеся не проданными 4 лимона, а второй отдает 1 руб. 60 коп. и 3 лимона. Цена лимонов была ниже 5 коп. Сколько лимонов было дано каждому для продажи?»; по геометрии – «В круг радиуса $r = 2$ дюйма вписан правильный 12-угольник, каждая сторона которого служит диаметром полуокружности, огибающей дугу, стягиваемую этой стороной. Определить сумму площадей луночек, ограниченных связанными полуокружностями и окружностью данного круга» и т. д. Неудивительно, что почти четверть учащихся Виленской гимназии «по мало-успешности» оставались на второй год.

Библиотека Виленской гимназии по тем временам была огромной – 6 000 названий (15 000 томов); учебная литература составляла 3 500 томов. Физический кабинет имел 602 прибора, а естественно-исторический – 980 учебных пособий. Для ознакомления учащихся с историческими памятниками, художественными произведениями, другими городами и местностями ежегодно, под наблюдением педагогического персонала, устраивались экскурсии. Школьные экскурсии обычно делились на три типа: а) паломничества, имевшие целью поклонение местным святыням и осмотр церковно-исторических памятников и достопримечательностей; как правило, в них участвовали только православные учащиеся; б) образовательные экскурсии служили для общего развития гимназистов, обогащения их новыми впечатлениями и знаниями в той или иной области, а иногда и для непосредственного обучения; в) прогулки предназначались для «доставления учащимся здорового развлечения и содействия их физическому развитию». По своему характеру они делились на увеселительные и военные. Программа экскурсий обычно была такой: 1) обзор школьного участка; 2) обозрение старинной части Вильно; 3) посещение ботанического сада; 4) прогулка в городском и школьном садах; 5) визит в национальный музей; 6) ознакомление с минералогическим музеем; 7) восхождения на возвышенности для обзора города; 8) осмотр заводов. Экскурсии были однодневными и многодневными. Например, в Виленской гимназии устраивались поездки по Гродненской губернии (по маршруту: Гродно–Белосток–

Супрасль-Беловежская Пуща), летом ездили на Кавказ или в Крым¹. Для тех же учеников, которые по семейным или имущественным условиям не могли в них участвовать, Виленская гимназия устроила летнюю колонию при станции Побродье Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги. В эту колонию воспитанники гимназии могли поступать на лето за плату 15 руб. в месяц².

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. приостановила гражданскую жизнь отца П.А. Столыпина – А.Д. Столыпина. В начале войны император Александр II проезжал через Вильно, где А.Д. Столыпин встречал его на вокзале. Увидев А.Д. Столыпина в придворном мундире, царь сказал: «Как грустно мне видеть тебя не в военной форме», на что А.Д. Столыпин ответил: «Буду счастлив ее надеть, ваше величество». «Тогда назначаю командовать корпусом действующей армии», – решил Александр II. Таким образом, А.Д. Столыпин опять поступил на военную службу в действующую армию и отправился на войну, где за отличие 21 ноября 1878 г. был пожалован орденом Белого орла с мечами. Его жена поехала с мужем. Она выполняла работу сестры милосердия, ухаживала за ранеными под неприятельским огнем, за что была награждена бронзовой медалью. По окончании войны А.Д. Столыпин был назначен генерал-губернатором Восточной Румелии и Адрианопольского санджака (будущей Болгарии); позже командовал 9-м армейским и гренадерским корпусами, после того как 9-й армейский корпус, которым командовал отец П.А. Столыпина, был возвращен из Болгарии в Орел, Столыпины поселились на Садовой улице (ныне улица М. Горького). В сентябре 1879 г. Петр и Александр Столыпины были переведены в Орловскую гимназию. Построена она была в 1795 г. на средства Приказа общественного призрения для Главного народного училища, открытого в Орле в 1786 г. В 1865–1867 гг. здание было расширено пристройкой до конца квартала (в сторону р. Орлика), которая включала в себя новую домовую Александро-Невскую церковь, освященную 4 декабря 1867 г. 17 марта 1808 г. на базе Главного народного училища была открыта 4-классная мужская гимназия. В ноябре 1812 г. здание гимназии было предоставлено под одно из помещений Главного временного госпиталя, созданного в Орле по приказу М.И. Кутузова. 13 сентября 1859 г. император Александр II, находясь в Орле, посетил это учебное заведение. В 1833 г. гимназия была преобразована в 7-летнюю губернскую гимна-

¹ Описание экскурсий учащихся Виленского учебного округа за 1910 г. / сост. А.И. Шестов. Вильна: Тип. И. Завадского, 1911. С. 5–27.

² Виноградов А.А. Путеводитель по городу Вильне и его окрестностям... С. 240–241.

зию, а в 1864 г. реорганизована в классическую гимназию и переименована в Орловскую мужскую гимназию. В 1876 г. в ней был открыт 8-й класс. С 1835 г. при гимназии существовал Благородный пансион на 35 человек, который в 1842–1861 гг. размещался в здании гимназии. Количество учеников гимназии доходило до 600. Кроме П.А. Столыпина в разное время в ней учились литераторы Л.Н. Андреев, Н.С. Лесков, художник Г.Г. Мясоедов, математик А.П. Киселев. Высокий уровень знаний, получаемых гимназистами, обеспечивался не только преподавателями, но и тремя гимназическими библиотеками: фундаментальной, ученической и пансионной. В конце XIX в. только в фундаментальной библиотеке было 9208 томов книг на русском, украинском, немецком, французском языках; выписывались журналы «Вера и разум», «Русский архив», «Исторический вестник», «Записки Императорской Академии Наук», на немецком языке из Лейпцига приходил «Ежегодник для филологов и педагогов». Ученическая библиотека в это время состояла из 1531 учебника и учебного пособия. В библиотеке пансиона находились 900 томов отечественной и зарубежной художественной литературы, обязательной для изучения по программе внеклассного чтения. Отличная учеба в гимназии стимулировалась именными стипендиями: императора, гвардии полковника Н.В. Киреевского, пожертвовавшего на гимназию 16,5 тыс. руб., купца Байковского и других лиц. В гимназии отсутствовала практика телесных наказаний; наиболее распространенным взысканием было «оставление на один час в гимназии после уроков с оповещением об этом родителей» за «грубое объяснение» с учителем или воспитателем¹.

В 1881 г. П.А. Столыпин окончил гимназическое образование. В аттестате зрелости, выданном ему 3 июня 1881 г., говорилось, что он обучался 7 лет (5 лет – в Вильно, 2 года – в Орле). За время обучения в гимназии у него было «отличное» поведение и «вполне удовлетворительное» прилежание и любознательность, «исправность» в посещении занятий и приготовлении уроков. По французскому языку, физике и математической географии он получил «отлично», по греческому и немецкому языкам, математике, истории, географии – «хорошо». А по Закону Божьему, русскому, церковнославянскому, латинскому языкам, логике – «удовлетворительно». Его брат Александр учился еще хуже. Соучениками П.А. Столыпина по гимназии был Николай Долгорукий и будущий

¹ Воробьева В.А. Роль Орловской гимназии начала XX в. в образовании и воспитании юношества // Аргументы и факты. Новая библиотека. 2004. № 6. С. 13–15.

прокурор и начальник департамента полиции А.А. Лопухин¹. Одним из условий дворянского детства XIX в. в обеспеченных семьях стали путешествия по стране и Европе, в ходе которых дети могли в повседневном общении расширять свой кругозор. В гимназический период П.А. Столыпин побывал в Швейцарии, где любила отдыхать его мать с дочерью и постоянно жила в Лозанне его бабушка по материнской линии – Агафья Николаевна Горчакова (Бахметева), к которой они дважды ездили в одиночку со своим братом Александром.

1.2. 1881–1889 гг.: учеба в Санкт-Петербургском университете, служба в Министерстве внутренних дел и в Министерстве земледелия и государственных имуществ

Столица Российской империи – Санкт-Петербург строился как крепость и порт. Но строился он не на море, а на реке. Город не обращен к морю – вся его жизнь в течение по крайней мере двух веков ориентировалась на реку и каналы. И застраиваться город начал главным образом по рекам. Нева главенствовала в столице, даже когда крепость утратила свое военное значение и порт переместился с Троицкой площади ближе к морю. Центром Санкт-Петербурга был Невский проспект и пересекающие его улицы: Большая Морская, Малая Морская, Садовая (ее средняя часть), Литейный проспект с поперечными к нему улицами – Кирочной, Сергиевской, Фурштатской, Захарьевской, конечно, набережные реки Невы (от Литейного моста до Николаевского), набережные Фонтанки (до Чернышева моста) и Мойки. На правах значительных магистралей были Большие проспекты Васильевского острова и Петербургской стороны и, конечно, Каменноостровский. Несмотря на прекрасную архитектуру, улицы производили довольно унылое впечатление, так как окраска домов в центре была очень однообразна: в основном желтая охра или темно-красный сурик. Даже Зимний дворец был весь выкрашен в однотонный темно-красный цвет. Карнизы, наличники и капители не выделялись другими тонами. Сразу за Обводным каналом начинались совершенно неблагоустроенные территории.

Асфальтовых мостовых почти не было, только кое-где у вокзалов и гостиниц устраивались асфальтовые полосы для стоянки извозчиков.

¹ Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию» (Биография П.А. Столыпина). СПб.: Лимбус Пресс, 2002. Т. 1. С. 77–79.

Мало было и каменной брусчатки – этой долговечной и удобной мостовой. Улицы в большинстве своем были замощены булыжником со скатом от середины к тротуарам. Эти мостовые были неудобны: лошади очень уставали, тряска неимоверная, стоял грохот, особенно при проезде тяжелых подвод, между камнями застаивалась грязь, необходим был частый ремонт. Тротуары в центре, как правило, настилались из пугиловской плиты. На окраинах – из досок, рядом с водоотводными и сточными канавами, иногда даже под ними. Освещение улиц тоже было весьма различным. В центре были газовые фонари, на окраинах – керосиновые. В центре города постепенно вводились электрические фонари, сначала дуговые, позже с лампами накаливания. Заменялись и столбы на более красивые. Но на окраинах долго еще улицы освещались при помощи керосина¹.

Площади Санкт-Петербурга были вымощены булыжником, даже у Зимнего дворца. Только для царского проезда устроили торцовую полосу. Марсово поле совсем не имело мостовой. Это была пыльная площадь без единой травинки. В сухую ветреную погоду над ней стояла страшная пыль. Поле окружали невысокие деревянные столбики с медными шарами наверху. Между столбиками шла толстая пеньковая веревка. Местами она была оборвана, шаров на некоторых столбиках не было, они кем-то были отвинчены. На Дворцовой площади, у Александровской колонны, и на Мариинской площади, у памятника Николаю I, на часах стояли старики с седыми бородами из инвалидов роты дворцовых гренадер в очень живописной форме – высокие медвежьи шапки, черные шинели, на груди кресты и медали, на спине большая лядунка – старинная сумка-патронташ, белые ремни крест-накрест, большое старинное ружье со штыком. Здесь же находилась полосатая будка, где старый воин отдыхал.

На больших улицах Санкт-Петербурга первые этажи домов, как правило, занимали магазины, лавки, трактиры, харчевни, рестораны, кафе, кондитерские. Всего в городе того времени было около 12 тыс. магазинов и лавок; на одной только Садовой улице было 1,5 тыс. таких заведений и 4 рынка. Зимой и летом торговцы стояли у входов в свои заведения и не только зазывали покупателей, громко расхваливая свой товар, но буквально тащили их за руки, приговаривая: «Хоть не купите, а посмотрите, какой у нас товар». Торговали с безбожным запросом, покупатели торговались отчаянно. Опытный покупатель знал, что с него

¹ Засосов Д., Пызин В. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX – начале XX вв. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 9–37.

запрашивают втридорога, предлагал свою цену, несколько раз уходил, его возвращали, уступали и в конце концов достигали того, что он ушел с покупкой.

В 1858 г. в Санкт-Петербурге проживало 495 тыс. человек, а к концу 1880-х гг. – уже 955 тыс. После Лондона, Парижа и Берлина Санкт-Петербург занимал в то время четвертое место по численности населения среди европейских городов. На конец 1870-х гг. распределение жителей города по сословиям было таким: потомственные дворяне и чиновники составляли более 14 %, почетные граждане и духовенство – по 1 %, нижние военные чины – почти 20 %, мещане – 21 %, купцы – 3,3 %, разночинцы – 2,7 %, иностранцы – 3,2 %. И наиболее весомую часть населения, почти треть, составляли лица крестьянского сословия, в основном, приехавшие в столицу на заработки. Суммарно с нижними военными чинами, также временно пребывающими в городе, они составляли более половины населения. Если добавить сюда еще студентов из других регионов, немалое число чиновников, гостящих в столице по долгу службы, то число приезжих существенно превышало число коренных петербуржцев. По утверждению писателя, историка быта и современника данных событий В.О. Михневича: «Даже в чисто механическом, так сказать, отношении Петербург представляет своего рода этнографический калейдоскоп, в который брошены типичные самоцветные кристаллы всех, по выражению поэта, «племен, наречий, состояний», населяющих наше обширное отечество. В самом деле, нет почти ни одной губернии, ни одного «инородческого» племени, которые не имели бы своих представителей в массе петербургского населения. В этом убеждают нас адресные сведения о столичных жителях, не говоря о наших личных, поверхностных наблюдениях»¹.

По мнению одного из идеологов правого движения князя В.П. Мещерского, Санкт-Петербург очень сильно отличался от остальной России: «Русская Россия живет... веруя в бога, уважая семью, себя, свое отечество и благоговейно чтя своего монарха русского царя. Петербург ведь не Россия, и Россия не Петербург!.. Незнание России – вот отличительная черта Петербурга», а также «его духовная беспочвенность: в Петербурге... вы замечаете... дух безнародности, дух безыдеальности, дух безверия в самых разнообразных проявлениях... Отсюда ряд страшно важных недоразумений, прямо влиявших на весь ход развития русской государственной жизни, недоразумений, направляющих внимание

¹ Живописная Россия. СПб., 1881. Т. 1, Ч. 2. С. 35.

и недоверие правительства на мнимых врагов русского государственного строя (русофилы, славянофилы), гораздо более, чем на таких действительных врагов его, каковы, например, нигилисты Петербурга в широком значении этого слова... Нигилизм явился роковым и неизбежным детищем Петербурга от незаконного и развратного брака его с какой-то фиктивной цивилизацией Европы после развода с Россией... Нигилиста не было на Руси до пятидесятых годов. Но были петербуржцы, не знавшие России, в тысяче видов, которых держала под строгой властью сильная дисциплина. Как только дисциплина нового порядка вещей стала слабее, из петербуржца выродился нигилист... Явились аристократы-нигилисты, явились демократы-нигилисты; явились даже военные-нигилисты... Общая соединительная черта у всех этих нигилистов разных видов была... работа для какой-то современной, воздушной и бездушной либеральной России... Все это варилось и творилось в Петербурге и посредством интеллигенции разносилось по разным центрам России»¹.

1 марта 1881 г. стало поворотным в истории России. В этот день был убит Александр II. Покушение произошло, когда царь возвращался после войскового развода в Михайловском манеже, с «чая» (второго завтрака) в Михайловском дворце у великой княгини Екатерины Михайловны. Гибель «Освободителя», убитого народовольцами от имени «освобожденных», казалась многим символичным завершением его царствования, приведшим, с точки зрения консервативной части общества, к разгулу «нигилизма». Политические деятели правого крыла (в их числе К.П. Победоносцев, Е.М. Феоктистов и К.Н. Леонтьев) с большей или меньшей прямоотой даже говорили, что император погиб «вовремя»: процарствуй он еще год или два, катастрофа России (крушение самодержавия) стала бы неизбежностью.

8 марта 1881 г. в официальной газете «Санкт-Петербургские ведомости» была напечатана «горячая и откровенная статья», произведшая «переполох в петербургской печати». В статье, в частности, говорилось: «Петербург, стоящий на окраине государства, кишит инородческими элементами. Тут свили себе гнездо и иностранцы, жаждающие разложения России, и деятели наших окраин... Петербург полон нашею бюрократией, которая давно потеряла чувство народного пульса... Оттого-то в Петербурге можно встретить очень много людей, повидимому и русских, но которые рассуждают как враги своей родины, как изменники своего народа».

¹ Мещерский В.П. За Великую Россию. Против либерализма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 250–264.

10 марта 1881 г. народовольцы отправили открытое письмо наследнику престола Александру III. В основу «Письма Исполнительного комитета Александру III» был положен текст Л.А. Тихомирова с незначительной стилистической правкой публициста Н.К. Михайловского. Текст обсуждался народовольцами на квартире В.Н. Фигнер – Г.П. Исаева. В письме было следующее: «Ваше величество! Вполне понимая то тягостное настроение, которое вы испытываете в настоящие минуты, исполнительный комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время... Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. После всего, происшедшего в течение последнего десятилетия, она являлась совершенно неизбежной, и в этом ее глубокий смысл, который обязан понять человек, поставленный судьбою во главе правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышлением отдельных личностей или хотя бы "шайки" – может только человек, совершенно неспособный анализировать жизнь народов... Правительство, конечно, может еще переломить и перевешать многое множество отдельных личностей. Оно может разрушить множество отдельных революционных групп... Из этих несовершенных организаций, путем естественного подбора, вырабатываются только более крепкие формы... Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка... Отчего же происходит эта печальная необходимость кровавой борьбы? Оттого, ваше величество, что теперь у нас настоящего правительства, в истинном его смысле, не существует... правительство выродилось в чистую камарилью и заслуживает названия узурпаторской шайки... Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от вас. Мы не ставим вам условий. Пусть не шокирует вас наше предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их. Этих условий – по нашему мнению, два: 1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга; 2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и перedelки их сообразно с на-

родными желаниями. Считаю необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно... Итак, ваше величество – решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение единственно сообразное с благом России, вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страной»¹. Письмо было вложено в конверт, адресованный Александру III, и опущено в почтовый ящик, находившийся у здания городской думы на Невском проспекте. Одновременно текст письма был отпечатан в нелегальной типографии «Народной воли» тиражом около 13 тыс. экземпляров. Письмо народовольцев Александру III было написано в условиях полицейских погромов, фактически уничтоживших организацию. Народных антиправительственных выступлений, как ожидали революционеры, не последовало. В дни мартовского кризиса, не имея более надежд на поддержку масс, Исполнительный комитет решил использовать напряженное положение в стране для предъявления правительству своеобразного ультиматума. Но своей цели народовольцы не достигли: правительство не пошло ни на какие уступки.

Александр III был совершенно другим человеком, чем его отец. Еще в те времена, когда он был наследником, которым он стал после смерти своего старшего брата Николая, наиболее близкими людьми к нему были деятели правого движения: князь В.П. Мещерский (издатель «Гражданина»), К.П. Победоносцев, граф И.И. Воронцов-Дашков, Н.А. Орлов. По воспоминаниям графа С.Д. Шереметева, в разговоре в привычном для него стиле он нелестно называл министров «коровами». В марте 1881 г., уже после восшествия на престол, Александр Александрович в разговоре с А.А. Половцовым о необходимости правительственного единства, имея в виду министров отца, в том числе, очевидно, и тех, которые еще продолжали занимать свои посты, пренебрежительно заметил, что «до сих пор министры были такие, что с ними и совещаться не стоило»². Очень сильно ухудшились отношения отца с сыном после женитьбы Александра II на княжне Е.М. Долгоруковой (Юрьевской). «Носились зловещие слухи, – вспоминал А.Н. Куломзин, – о желании государя короновать княгиню Юрьевскую; мне за верное передавали, что в Министерстве двора отыскивали церемониал

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX в. Сборник документов и материалов. М.-Л.: Наука. 1965. Т. 2. С. 170–174.

² ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 18. Л. 223.

коронования Екатерины I; был слух о том, что наследник заявил, что в таком случае он уедет в Данию, что государь ответил на это, что в этом последнем случае он наследником провозгласит Георгия Юрьевского»¹.

В апреле 1881 г. великий князь Владимир Александрович рассказал министрам, бывшим в совещании у М.Т. Лорис-Меликова, о том, что «в понятиях молодого императора сильно впечатлелась фраза, вырвавшаяся у покойного государя утром злополучного дня 1-го марта, когда он, дав окончательное разрешение на предположения графа Лорис-Меликова, по выходе этого последнего из кабинета, сказал молодым великим князьям: "Я согласился, хотя не могу скрыть от себя, что мы идем по пути к конституции". Граф Д.А. Милютин, занесший этот рассказ в дневник, считал, что эти "вещие слова должны были глубоко запасть в мысли обоих молодых царевичей и приготовить почву к восприятию ретроградных теорий Победоносцева, Каткова и компании"»². В результате, по мнению С.С. Ольденбурга, «Александр III повел русский государственный корабль иным курсом, чем его отец. Он не считал, что реформы 60–70-х гг. – безусловное благо, а старался внести в них те поправки, которые, по его мнению, были необходимы для внутреннего равновесия России». Этот курс получил название – контрреформы.

29 апреля 1881 г. Манифеста Александра III «О незыблемости самодержавия», который фактически означал отказ от дальнейших либеральных реформ и определял новый внутривластный курс, состоящий в укреплении традиционных абсолютистских начал государственной власти. 8 сентября 1881 г. было опубликовано «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». По нему устанавливалось два основных метода обеспечения государственной безопасности, очередность введения которых определялась степенью угрозы существующему государственному строю. Усиленная охрана, которая вводилась на год, «когда общественное спокойствие в какой-либо местности будет нарушено преступными посягательствами против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ, или подготовкой таковых, так что для охранения порядка применение действующих постоянных законов окажется недостаточным». Чрезвычайная охрана, которая вводилась на

¹ ОР РГБ. Ф. 178. К. 9803. Д. 5. С. 73; Астанков В.А. Великий князь Александр Александрович и Александр II // Российская история. 2013. № 1. С. 120–136.

² Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881 гг. М., 2005. С. 318; Астанков В.А. «Против совершившегося факта идти нельзя». Цесаревич Александр Александрович в последние месяцы царствования императора Александра II // Родина. 2013. № 8. С. 80.

шесть месяцев, «когда такими посягательствами население известной местности будет приведено в тревожное настроение, вызывающее необходимость принятия исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного порядка»¹.

В такой политической ситуации П.А. Столыпин решил поступать в Императорский Санкт-Петербургский университет, который был основан 28 января 1724 г. Петром I в составе Академии наук (в историографии для этого периода закрепилось название «Академический университет»). В конце XVIII – начале XIX вв. он претерпевал различные организационные и структурные изменения, с 1804 г. существовал под именем Педагогического, а с 1816 г. – Главного Педагогического института. 8 февраля 1819 г. по инициативе попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уварова был возрожден под именем Санкт-Петербургского университета в системе Министерства народного просвещения. Возрожденный университет унаследовал от института все: профессоров и студентов, структуру факультетов, объемы и программы преподавания, помещения, библиотеку и учебные кабинеты².

С 1860-х гг. происходил бурный рост естествознания в России. Физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета во второй половине XIX в. стал одним из крупнейших в стране центров естествознания, что, естественно, привлекало к нему молодых людей. Интересно отметить, что в период действия устава 1863 г., за исключением ректорства юриста П.Г. Редкина в 1873–1876 гг., все ректоры были представителями физико-математического факультета: физик Э.Х. Ленц (1863–1865), химик А.А. Воскресенский (1865–1867), зоолог К.Ф. Кесслер (1867–1873), ботаник А.Н. Бекетов (1876–1883). По уставу 1863 г. факультет, сохраняя разделение на два отделения (естественное и математическое), состоял из 12 кафедр: чистой математики, механики аналитической и практической, астрономии и геодезии, физики, химии опытной и теоретической, минералогии, физической географии, геогнозии

¹ Ермаков В.А. Подготовка нормативной базы для обеспечения государственной безопасности в период правления Александра III // Политическая Россия: прошлое и современность. СПб., 2009. Вып. 6. С. 37–50.

² Окунь С.Б. Основание Санкт-Петербургского университета и начальный период его деятельности (1819–1855) // История Ленинградского университета. 1819–1969 гг.: Очерки. Л., 1969. С. 11–69; Павлова Г.Е. Истоки организации Петербургского университета (1724–1819 гг.) (От Академического до Санкт-Петербургского университета 1724–1819 гг.) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1989. Т. 6. С. 175–189; 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724–1999 гг. // сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин. СПб., 1999. 421 с.

и палеонтологии, ботаники, зоологии, технической химии, агрономической химии¹.

Устав 1863 г. требовал от студентов жесткой учебной дисциплины, они должны были проходить курс по строгому учебному плану и сдавать экзамены в соответствии с этим планом. Плата за обучение оставалась прежней – 50 руб. в год, но университет имел возможность давать отсрочки и освобождать полностью или частично от уплаты за слушание лекций. Так, в 1868 г. 354 студента (более 30 %) были полностью освобождены от платы. В 1870-е гг. уже около 70 % студентов пользовалось различными льготами по плате за обучение. Многим студентам приходилось зарабатывать себе на хлеб, и они не могли регулярно посещать лекции. Зная это, университетское начальство сквозь пальцы смотрело на «незаконные» пропуски занятий студентами. Для облегчения материального положения студенчества все более развивалась система государственных, общественных и частных стипендий. В течение 1863–1869 гг. было учреждено 100 «императорских» стипендий, 12 стипендий Санкт-Петербургской городской Думы, 5 стипендий Кавказского Комитета и множество частных стипендий. Одним из наиболее крупных пожертвований стала сумма в 200 000 руб., переданная университету в 1880 г. известным меценатом, строителем железных дорог С.С. Поляковым для строительства общежития для студентов. Оно было открыто в 1882 г. под именем коллегии императора Александра II. Количество учащихся в университете неуклонно возрастало: если в 1869 г. было 944 студента и 126 вольнослушателей, то к 1 января 1884 г. число студентов доходило до 2246 человек².

Университетский устав 1884 г. открыл эпоху контрреформ 80-х гг. XIX в., проводимых правительством Александра III. Уже современниками этот устав рассматривался как «выражение недоверия к добросовестности и благонадежности профессорских коллегий». Автономия университета фактически была ликвидирована. Университетский и факультетские советы в вопросах управления оказались настолько скованы, что не могли своей властью перенести лекции с одного часа на другой. Вся жизнь университета была подчинена мелочной опеке министра

¹ Тихонов И.Л. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2005. С. 52–81; Зубарев В.И., Зубков В.А. Ленинградский государственный университет; история и современность // Современная высшая школа. 1986. № 4. С. 121–133; Тихонов И.Л. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета... С. 52–81.

² Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1925.

и попечителя учебного округа. Попечитель получал право созывать совет, правление и присутствовать на их заседаниях, назначать деканов, контролировать преподавание приват-доцентов. Замещение вакантных кафедр происходило или по утверждению министром избранника университета, или по его собственному усмотрению. По уставу ректор не избирался, а назначался министром, что иногда приводило к определенному антагонизму между советом университета и ректором, как и было в случае с первым «ректором по назначению» – М.И. Владиславлевым. Соединение, разделение и открытие новых кафедр, ранее решавшиеся факультетом с утверждения совета, теперь также утверждались министром. В ведении факультетского собрания оставались текущие учебные и научные дела: издание сочинений, выдача студентам выпускных свидетельств, медалей и почетных отзывов, рассмотрение отчетов преподавателей, выбор тем для ежегодных студенческих работ, испытания на ученые степени и т. д. Зато избрание новых профессоров теперь стало происходить на факультете, а не в совете университета. Но в решении всех учебных дел факультеты должны были руководствоваться инструкциями и правилами, разработанными министерством. Многие дела передавались в университетский совет, функции которого оказались весьма ограниченными. Самостоятельное решение принадлежало совету лишь при утверждении ученых степеней, при определении общего числа медалей, присуждаемых студентам и т. д. В итоге значительно укреплялась крайне бюрократизированная система, когда самые частные вопросы, например оставление при университете того или иного кандидата или допущение к чтению лекций приват-доцента, в конечном счете окончательно решались министром народного просвещения¹.

Краеугольным камнем нового устава стало кардинальное изменение экзаменационной системы. Переходные экзамены с курса на курс отменялись и заменялись обширным списком государственных экзаменов, которые надлежало сдавать все сразу по окончании университета для получения диплома. Причем принимать эти экзамены должны были не профессора, читавшие соответствующие курсы, а особые испытательные комиссии по профилю каждого факультета, назначаемые попечителем учебного округа и министром. То есть, по сути дела, испытания для получения диплома оказывались оторванными от собственно университетского преподавания. За факультетами оставалось право зачитывания студентам полугодий при условии прослушивания определен-

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1884. № 92. 29 августа.

ного количества лекций, участия в практических занятиях и прохождения проверочных испытаний. Успешно проучившись в университете 4 года и получив в том выпускное свидетельство, студент мог и не получить диплома, если не выдерживал государственных экзаменов или вообще не сдавал их. Например, в 1892 г. новые дипломы получили всего 317 человек, окончивших Петербургский университет. Кандидатская степень отменялась, выпускники, успешно сдавшие государственные экзамены, получали диплом I или II степени. Положительным моментом оказывалось развитие системы практических и семинарских занятий, облегчающей «вхождение в науку» молодым людям. А вот введение системы гонорара, когда студенты помимо суммы в пользу университета, вносили суммы из расчета 1 руб. за недельный час (в среднем 50 руб. в год) в пользу тех преподавателей, чьи лекции или занятия посещали, себя не оправдало, хотя она вроде бы и была направлена на улучшение материального положения профессуры. На практике она тормозила расширение преподавания, поскольку влекла за собой увеличение гонорара, противореча более чем скромным материальным возможностям большей части студентов.

16 июля 1881 г. П.А. Столыпин написал прошение на имя ректора Императорского Санкт-Петербургского университета с просьбой о зачислении его на первый курс естественного отделения физико-математического факультета. 31 августа 1881 г. он был зачислен. Помимо физики и математики на факультете преподавали химию, геологию, ботанику, зоологию и агрономию. Именно эти науки привлекали его особое внимание. К тому же на естественном отделении большое внимание уделялось не теории, а практическому применению науки. Писатель В.В. Вересаев, который поступил в Санкт-Петербургский университет несколько позже П.А. Столыпина (в 1888 г.), так описывал первые впечатления от студенческой жизни: «Университет. Бесконечно длинное, с полверсты, узкое здание. Концом своим упирается в набережную Невы, а широким трехэтажным фасадом выходит на Университетскую линию. Внутри такой же бесконечный, во всю длину здания, коридор, с рядом бесконечных окон. По коридору движется шумная, разнообразно одетая студенческая толпа (формы тогда еще не было). И сквозь толпу пробираются на свои лекции профессора – знаменитый Менделеев с чудовищно огромной головой и золотистыми, как у льва, волосами до плеч».

С семи лет П.А. Столыпин тяжело болел. У него было редкое недомогание – тиф костного мозга, из-за которого он всю жизнь не владел кистью правой руки. П.А. Столыпин очень много в своей жизни писал и при этом испытывал физические страдания, всякий раз поддерживая

правую руку левой. В течение 10 лет он каждый год переносил операции. У него было лишь два-три месяца на учебу в году, и тем не менее он неизменно наверстывал упущенное. Санкт-Петербургский университет не предлагал узкой специализации, поэтому, обучаясь в нем, П.А. Столыпин начал готовиться к будущей жизни помещика и изучал те предметы, которые могли ему в этом деле пригодиться: почвоведение, физиологию животных, медицину. Особенно его увлекала химия. На характер данного поколения студентов оказала влияние реформа системы российского образования 1870-х гг. Студенты, поступившие в университеты в начале 1880-х гг., закончили классическую гимназию А.Д. Толстого. Они уже не слишком увлекались революционными идеями. Наоборот, тогда в моде были славянофильские и патриотические течения. Требования, которые предъявлялись к выпускникам гимназии, и требования, предъявляемые к студентам профессорами университетов, отличались друг от друга. Профессорско-преподавательский состав хотел видеть в студентах думающих людей, способных к самостоятельному анализу научных данных. Но вчерашние гимназисты первые несколько лет были не готовы к подобным требованиям, так как гимназическое образование не предусматривало развитие аналитического мышления¹. Очень ярко сложившаяся ситуация показана в романе «Восьмидесятники» А.В. Амфиатрова: «Кого восемь лет изо дня в день колотили по мозгам Ходобаем и Курциусом, тот на первых порах потом обыкновенную человеческую речь и серьезную мысль слушает туго и дико. Вы привыкли зубрить, в лучшем случае, учить уроки, а вам читают лекции, рассчитанные на критическое восприятие. А его-то у вас и нет»².

Подобная межпоколенческая граница была обусловлена и реформой системы высшего образования в 1880-е гг. Правительство и администрация университетов относились «настороженно» к студенчеству, выстраивая взаимоотношения скорее в форме административных указаний, нежели в форме сотрудничества. Т.М. Бон отмечает, что университетский устав 1884 г. и дополнительные предписания министерства «придали университетам казарменный характер»³. В XIX в. неблагона-

¹ Серых А.А. «Связь-разрыв» поколений в сообществе российских историков конца XIX – первой трети XX вв. // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории, 2011. № 36. С. 279.

² Амфиатров А.В. Восьмидесятники. Книга первая // Собр. соч. в 10 т. Т. 5. Концы и начала. Хроника 1880–1910 гг. М.: НПК «Интелвак», 2002. С. 114.

³ Бон Т.М. Русская историческая наука (1880–1905 гг.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб.: Олеариус Пресс, 2005. С. 30.

дежных казеннокоштных (то есть находящихся на гособеспечении) студентов могли отдать в солдаты, а вплоть до 1874 г. в империи был рекрутский набор и солдаты служили сначала 25, потом 15 лет. Фактически для забритого в солдаты студента это означало сломанную жизнь. Нередки были случаи, когда за участие в несанкционированной сходке бывший студент отправлялся в ссылку или в тюрьму. Да и простое исключение из университета было большой жизненной трагедией – университетов было не так много, поступить в них было нелегко, а оказаться за стенами университета без диплома значило обречь себя на прозябание на самых низших этажах служебной лестницы (при этом перечеркнув все надежды своих родных, которые ради того, чтоб выучить чадо, иногда отдавали последние деньги). Человек без высшего образования дальше чина титулярного советника пойти не мог, служи он хоть всю жизнь.

Формально в Российской империи был провозглашен принцип бессословности образования. Фактически же путь в гимназию для ребенка из разночинцев был гораздо труднее, чем для ребенка из дворян, а ведь именно окончание гимназии давало право на поступление в университет. Начиная с эпохи Николая I царское правительство делало все, чтобы поощрить учебу в гимназиях дворян и ограничить приток туда разночинцев (не говоря уже о низших сословиях, с 1827 г. крепостных просто запретили принимать в гимназии и университеты). Полностью сделать гимназическое образование привилегией дворян не удалось (империя нуждалась в большом количестве госслужащих, особенно среднего и низшего звена, где дворяне служить просто не могли, так как за одно происхождение им полагался более высокий класс по «Табели о рангах»), но усилия к этому прилагались большие. Главным орудием при этом было постоянное повышение платы за образование, но также льготные банковские кредиты для обедневших дворян и просто разное отношение со стороны учителей к ученикам – разночинцам и ученикам-дворянам. Таким образом, разночинец, поступивший на первый курс университета, был молодым человеком, который благодаря самоотверженности родителей и собственному трудолюбию и усердию окончил гимназию. Еще в гимназии он убедился, что никакого снисхождения к нему нет и не будет; к нему всегда будут относиться как к человеку второго сорта и за ошибку, оплошность, которые простят дворянам, его сурово накажут. Жил этот студент, как правило, отдельно от родителей. В империи было не так много университетов: в начале XIX в. – 4, в начале XX в. – около 10, причем все они были расположены в крупных городах, которые представляли собой место жительства элиты общества.

Студенты-разночинцы же чаще всего были выходцами из маленьких провинциальных городков. Поэтому такой студент был вынужден подрабатывать, чтобы платить за учебу (обычная причина отчисления из университета в то время – неуплата годового взноса за учебу), которая в императорских университетах стоила недешево, а также за пропитание, одежду, проживание в снимаемой квартире, за учебники, тетради и т. д. Обычно студенты зарабатывали уроками; большого дохода это не приносило, и они жили впроголодь. Для того чтобы выжить, студенты объединялись в землячества, коммуны, совместно закупали продукты и питались, вместе снимали квартиры. Среди них была широко распространена взаимовыручка. При этом студенты-разночинцы постоянно видели перед собой студентов – детей дворян и крупных чиновников, сытых, прилично одетых, уверенных в себе и в своем будущем. Им не грозило отчисление за неуплату, к ним относились подобострастно даже некоторые профессора и магистры, закрывая глаза на пропуски занятий, на слабые ответы на экзаменах. Затем эти студенты из дворян становились их начальниками в департаменте.

Социально-охранительное регулирование состава студенчества имело и исповедально-национальный аспект. Высшая школа была русской по языку преподавания и предназначалась, в первую очередь, для юношества православного вероисповедания. Тем самым самодержавие пыталось, с одной стороны, устранить возможность студенческих антиправительственных выступлений на национальной почве, а с другой – затормозить развитие национального самосознания народов, входивших в состав империи, ради сохранения ее целостности. В отзыве на проект плана государственной обороны, который обсуждался в Совете министров, министр народного просвещения А.Н. Шварц писал, в частности: «Необходимо неуклонно отстранять всякие притязания инородцев на какую бы то ни было обособленность и национализацию школы. Руководящим началом должна быть единая русская государственная школа на всех ее ступенях и для всех без исключения инородцев империи... Во всех учебных заведениях должно неуклонно и строго последовательно проводиться образование и воспитание в духе любви к русской народности и русским идеалам»¹. Главным объектом регулирования состава студенчества была его еврейская часть. Самодержавие пыталось всемерно ее сократить, ибо в глазах правительства еврейская молодежь в основной массе была подвержена революционным настроениям. Дан-

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 143. Л. 11–12.

ный взгляд не был беспочвенным. Вместе с тем царская бюрократия не возражала против приема в высшую школу еврейской молодежи из богатых буржуазных семей. В 1886 г. Министр народного просвещения И.Л. Делянов внес на рассмотрение Комитета министров предложение допускать в среднюю школу детей евреев только из высших сословий (не ниже купцов I гильдии). Предложение было принято с рекомендацией о приеме в высшие учебные заведения и детей купцов II гильдии. Однако Комитет не считал возможным законодательно оформить свое же постановление. Осуществление данной меры возлагалось на министра народного просвещения. 10 июня 1887 г. И.Д. Делянов издал циркуляр о процентной норме для евреев в учебных заведениях: 10 % в черте оседлости, 5 % – вне ее, 3 % – в столицах¹.

По воспоминаниям действительного статского советника, журналиста, писателя, члена-учредителя Русского Собрания С.Н. Сыромятникова (1864–1933), он впервые увидел П.А. Столыпина в 1884 г. в коридоре Санкт-Петербургского университета. В своей статье «Железный министр» С.Н. Сыромятников отмечал следующее: «Я встретил высокого черного студента с выразительными глазами и задумчивым лицом. Меня заинтересовал его вид, и я спросил у товарища, университетского старожилы, кто это. «Столыпин, естественник», – ответил мне товарищ... Прошло 22 года, и с хор георгиевского зала Зимнего дворца я смотрел на членов I Государственной Думы и Совета, которые пришли выслушать тронную речь. В толпе министров, стоявших налево от трона, я увидел новое неизвестное Петербургу лицо: это был новый министр внутренних дел Столыпин»².

Однокурсником П.А. Столыпина был в будущем знаменитый ученый В.И. Вернадский (они оба учились в 1881–1886 гг. на естественном отделении физико-математического факультета). 14 апреля 1938 г., делая запись в своем дневнике о студенческом периоде, В.И. Вернадский отметил следующее: «Тогда мне были особенно близки Оболянинов и Книпович – кроме друзей по гимназии Краснова и Ремезова. Еще Столыпин, Шнитников»³. Известно тогдашнее деление студентов на три категории. Это «белоподкладочники» – аристократы, названные так за тужурки особого покроя и с белой подкладкой. Они, конечно, с презрительной миной стояли в стороне от всех общественных веяний

¹ Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976. С. 203–204.

² Сыромятников С.Н. «Железный» министр // Скрипицын В.А. Богатырь мысли, слова и дела. СПб., 1911. С. 62.

³ Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941 гг. М.: Изд-во РАН, 2008. Т. 2. С. 45.

и ценили альма-матер лишь за те знакомства, которые здесь завязывались, и за возможность государственной карьеры. Вторая категория – «культурники». Сюда входили В.И. Вернадский и его друзья – дети дворянских трудовых семей. Здесь проповедовали «положительное культурное строительство вместо разрушительного натиска», как писал И.М. Гревс. И третья – радикалы, как раз исповедовавшие этот натиск. Их внешние приметы были таковы: сапоги, косоворотки, иногда даже синие очки. Из них рекрутировались народники, социалисты и террористы.

Вокруг В.И. Вернадского и его друзей вначале образовался типичный студенческий кружок: вместе собирались, говорили, потом стали вместе читать, обсуждать книги. Обнаружилась общность взглядов, настроений и мыслей, обусловленных происхождением, воспитанием и одинаковым мировоззрением. А.А. Корнилов вспоминал забавный и весьма красноречивый эпизод. Собрались в богатом доме. Говорили горячо и долго о народных нуждах и бедах, о правительственной реакции, о долге перед униженными и оскорбленными. И тут распахнулись двери столовой, и хозяйка пригласила гостей отужинать. Они вошли и обомлели. Многочисленные свечи освещали великолепный стол, накрытый с аристократической изысканностью. Блестели бутылки с вином, хрустальные фужеры на тонких ножках. Вокруг стола застыли лакеи в белых перчатках, готовые обслужить молодых господ. Контраст с настроением и воодушевлением был убийственным. Все покраснели, стыд душил их. Они не могли ни говорить, ни смотреть друг на друга. Поэтому чаще всего встречались у братьев С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургов. Обстановка в доме была благожелательная, сердечная. Любили здесь собираться еще и потому, что в гостиной по диванам и на полу лежали громадные тигровые шкуры. Молодые люди возлежали на них, как древние римляне, в свободных пластических позах. «Мы еженедельно собирались, кажется, по четвергам, у Ольденбургов и даже раза два до утра, беседуя, мечтая и споря об основаниях нашей будущей жизни и деятельности», – писал А.А. Корнилов¹. «Клятва на тигровых шкурах», как потом оказалось, для членов братства стала руководящим девизом. И самое интересное, что они ее выполнили, все как один участвуя в конституционном движении. Кроме А.А. Корнилова (будущего историка и писателя), В.И. Вернадского, С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургов, историка И.М. Гревса в Ольденбургский кружок, а с 1886 г. «Приютинское» брат-

¹ Корнилов А.А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // Русская мысль. 1916. № 8. С. 58.

ство, входили: князь Д.И. Шаховской (депутат Государственной думы, министр государственного призрения Временного правительства), Е.М. Крыжановский (в будущем тайный советник, статс-секретарь Николая II, автор и разработчик ряда важнейших государственных актов, в том числе избирательных законов 1905 и 1907 г., товарищ министра внутренних дел в 1906–1911 гг., соратник П.А. Столыпина), который был наиболее «левым» среди участников этого движения, и др. Д.И. Шаховской сформулировал аксиомы «Приютинского» братства: 1) так жить нельзя; 2) все мы ужасно плохи; 3) без «Братства» мы погибли; отсюда вытекали правила: а) работай как можно больше; б) потребляй (на себя) как можно меньше; в) на чужие беды смотри как на свои. Члены «Приютинского» братства вошли в Бюро земских съездов, в «Союз освобождения» и партию конституционных демократов; двое стали членами первого русского парламента, один из них был арестован в составе последнего царского правительства, другой расследовал преступления этого правительства. Тут были и три будущих министра Временного правительства. Кое-кто не избежал и тюрьмы, и сумы в советское время. Один закончил дни в лубянских подземельях, а другой получил Сталинскую премию¹. На наш взгляд, П.А. Столыпин не мог не знать о существовании этого «Братства», так как оно поставило себе задачу работать легально, не скрываясь. Тем более что некоторые из его будущего политического окружения либо непосредственно участвовали в деятельности «Приютинского» братства, либо разделяли его идеалы. Другой вопрос – посещал ли он сам его собрания, – на наш взгляд, остается открытым.

Женился П.А. Столыпин на Ольге Борисовне Нейдгардт (состоявшей фрейлиной при императрице Марии Федоровне) летом 1884 г. в 22 года и стал чуть ли не самым молодым женатым студентом. (Нейдгардты принадлежали к дворянскому роду австрийского происхождения, внесенного в шестые части родословных книг Московской и Казанской губерний. Родоначальниками этого рода были Николас и Лоренц Нейдгардт, которые в конце XVII в. выехали в Россию. Вплоть до начала XIX в. представители фамилии Нейдгардтов сохраняли протестантское вероисповедание.) По воспоминаниям родственников, студенты даже пальцами на него показывали и говорили: «Женатый, смотри, женатый». Для того чтобы получить разрешение на брак, П.А. Столыпин подал 23 июня 1884 г. прошение на имя ректора. На что было вынесено две

¹ Аксенов Г. Вернадский. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 30–35.

резолуции: первая – «отказать», вторая – «обратиться к министру». Трудно сказать, было ли это разрешение в конце концов получено. Во всяком случае, П.А. Столыпин решил уйти с четвертого курса и продолжать образование самостоятельно, сдавая экзамены экстерном. 11 октября 1884 г. он подал прошение на имя ректора Санкт-Петербургского Императорского университета об увольнении из университета. На следующий день эта просьба была удовлетворена. О.Б. Нейдгардт была на два с половиной года старше П.А. Столыпина и изначально являлась невестой его старшего брата Михаила, который был убит на дуэли 7 сентября 1882 г. князем И.Н. Шаховским. Согласно одной из легенд, П.А. Столыпин дрался на дуэли с князем И.Н. Шаховским и получил ранение в руку. Однако документального свидетельства эта теория не получила.

Вскоре после свадьбы супруги Столыпина поселились в Санкт-Петербурге в пятикомнатной квартире на первом этаже дома в Соляном тупике. У них не было своего экипажа, и они нанимали извозчиков. Их прислуга состояла из трех человек, включая кухарку и горничную. По воспоминаниям дочери П.А. Столыпина – Александры, ее родители «жили тогда не на широкую ногу. В то время в России было принято обеспечивать молодую семью лишь умеренными средствами: входя в жизнь, они должны были вести дом без излишней роскоши... но надо сказать, что все у них в доме было устроено изысканно и удобно. Уже тогда мои родители принимали у себя за столом и в гостиной, в узком кругу, самых интересных людей столицы. С раннего детства они были знакомы с цветом общества; и в доме родителей моего отца в Петербурге, и в московском доме родителей матери принимали достойнейших людей того времени. Мама заботливо хранила альбом, в котором Сара Бернар, Рашель (знаменитая французская актриса. – *Прим. авт.*), Патти (выдающаяся итальянская певица. – *Прим. авт.*) записали когда-то несколько мыслей или любезностей и которые она так любила перечитывать и показывать нам. Рубинштейн (русский пианист, композитор, дирижер. – *Прим. авт.*) оставил там несколько импровизированных музыкальных фраз. Страниц альбома касалась рука Толстого, Тургенева, многих других»¹.

Во время учебы в университете П.А. Столыпин поддерживал отношения с будущим министром иностранных дел А.П. Извольским, хотя тот на 6 лет старше П.А. Столыпина и с 1875 г. (после окончания Александровского императорского лицея) работал в канцелярии Ми-

¹ Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания // П.А. Столыпин в воспоминаниях дочерей. М.: Аграф, 2003. С. 12.

нистерства иностранных дел. По воспоминаниям А.П. Извольского, П.А. Столыпин был чистым, скромным и симпатичным юношей, которого любили и уважали сверстники. П.А. Столыпин был не чужд искусству. В основном его привлекала живопись и литература. Особенно он любил прозу И.С. Тургенева, поэзию А.К. Толстого и А.Н. Апухтина. По свидетельству дочери П.А. Столыпина М.П. фон Бок, в 1884–1889 гг. А.Н. Апухтин часто бывал на квартире П.А. Столыпина, и одно время в ее классной комнате даже стояло кресло, называвшееся «апухтинским», так как оно было единственным, на которое тот садился. Согласно ее словам: «Кресло это было исключительной ширины, удобное для поэта, знаменитого своей необыкновенной толщиной. И то раз, вставая, он поднял его вместе с собой!». В целом у П.А. Столыпина «собиралась молодежь мыслящая, интересующаяся всеми жизненными, захватывающими ум и душу вопросами, жившая прекрасными и высокими идеалами. Благодаря посещениям людей типа Апухтина кружок этот приобрел в Петербурге такую славу, что многие представители петербургского света, часто люди уже зрелые, стали не только стараться попасть в это общество, но даже заискивали перед ним». И после женитьбы П.А. Столыпин А.Н. Апухтин стал бывать в его доме. Там он читал в рукописи свое знаменитое «Письмо». Он даже спрашивал, читая стих:

«Склонив головку молодую

И приподняв тяжелое драпри»,

совета, чем заменить слово «драпри», которое он находил претенциозным, но так и не нашел другой рифмы к «зари»¹.

А.П. Столыпина писала, что ее отец был всегда веселым, живым, великолепным шутником, «умел сводить вместе самых разных гостей и делать так, чтобы они чувствовали себя как дома. Когда завязавшаяся беседа была ему по вкусу, он начинал мерить комнату широкими шагами. Высокий и стройный, с горящими, полными жадного внимания глазами, волевым изгибом губ, выражающим неукротимую энергию и сознание собственной силы, он всем своим видом производил впечатление бурного, насыщенного темперамента, превосходно контролируемого, однако, сильной волей»².

Столыпины в этот период часто ходили в театр (на оперу, французские пьесы и русские комедии), на светские балы, проводили время с друзьями, представлялись многочисленным родственникам. Напри-

¹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М.: Центрполиграф, 2007. С. 10.

² Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания... С. 12.

мер, они иногда встречались с М.А. Вяземской (урожденной Столыпинной). В 1874 г. она была пожалована в гофмейстерины к великой княгине Марии Павловне. Во мнении света княгиня М.А. Вяземская имела большой вес. Ее имя вместе с графиней де Мойра и княгиней Гагариной фигурировало в «истории с тремя дамами», к которым в 1880 г. император Александр II обратился, чтобы они первыми из придворных дам нанесли визиты его жене – княгине Е.М. Юрьевской (Долгоруковой).

В 1885 г. П.А. Столыпин подготовил высоко оцененную преподавателями дипломную работу под названием «Табак», которая была посвящена разведению табачных культур в южной России; за нее он получил степень кандидата. Однажды П.А. Столыпину пришлось сдавать экзамен самому Д.И. Менделееву. Великий ученый так увлекся, что начал задавать вопросы, не освещенные в лекционном курсе. По воспоминаниям дочери будущего премьера Марии, «учившийся и читавший по естественным предметам со страстью, П.А. Столыпин отвечал на все, не задумываясь, так что экзамен стал переходить в нечто похожее на ученый диспут. Наконец, профессор опомнился, схватился за голову: «Боже мой, что же это я? Ну, довольно, пять, пять, великолепно!»¹ По окончании Санкт-Петербургского университета П.А. Столыпин получил диплом кандидата физико-математического факультета.

П.А. Столыпин легко мог остаться в университете и сделать карьеру ученого, но предпочел выбрать путь чиновника, поступив 20 октября 1884 г. на службу в Министерство внутренних дел. Можно лишь предположить, почему из многих имперских государственных учреждений он выбрал именно МВД, которое было сложным государственным механизмом, и занимался практически всем: от политического сыска до тушения пожаров. Казалось, было где развернуться молодому честолюбивому юноше. Но обстановка в МВД того периода не слишком способствовала сохранению подобного возвышенного представления о своей миссии. П.А. Столыпин не мог воплотить в министерстве свои чаяния о необходимых преобразованиях (а он уже тогда считал, что Россия нуждается в проведении кардинальных реформ), так как никаких сколько-нибудь серьезных поручений он в силу занимаемого положения получить не мог. А о том, чтобы предоставить всесильному министру внутренних дел Д.А. Толстому (который был одним из наиболее приближенных лиц к императору Александру III) собственные соображения по тому или иному вопросу, не могло быть и речи. Впрочем, даже если бы

¹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине... С. 10.

такая возможность и была – в то время П.А. Столыпину это ничего бы не дало. Пока что он имел только общие представления о характере преобразований – до тщательно разработанной программы было еще очень и очень далеко. В итоге П.А. Столыпин так и остался причисленным к МВД, и его связь с министерством являлась формальной.

12 декабря 1885 г. он подал прошение о переходе в Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ, которое возглавлял в это время Д.П. Милютин. В феврале 1886 г. это прошение было удовлетворено, хотя сотрудничать с Департаментом земледелия П.А. Столыпин начал несколько раньше. Так, в отчете данного Департамента за 1885 г. указывалось: «Для составления некоторых статей было приглашено в отдел несколько посторонних лиц, в том числе И.И. Мамонтов, И.И. Мещерский и П.А. Столыпин, которым поручалась предварительная разработка сведений, полученных от корреспондентов»¹. Какими движущими мотивами был обусловлен подобный выбор, представляется очевидным. П.А. Столыпина чрезвычайно интересовали вопросы перестройки системы земельных отношений, что впоследствии позволило ему создать целостную концепцию реформ в аграрной сфере. А Департамент земледелия и сельской промышленности был учреждением, обладавшим огромным объемом информации по земельному вопросу. Следует также учитывать, что само Министерство государственных имуществ было создано в 1837 г. другим реформатором – графом П.Д. Киселевым. В тот период оно ведало семнадцатью миллионами государственных крестьян. Министерство государственных имуществ проводило разнообразные мероприятия по развитию крестьянского самоуправления, облегчению податной нагрузки на крестьян, увеличению ссуд и пособий нуждающимся крестьянским семьям, введению кредитных товариществ и сберкасс, страхованию от огня, строительству кирпичных заводов (для улучшения качества крестьянских жилищ) и образцовых специализированных ферм (для ознакомления с новыми технологиями), расширяло возможности крестьян в области оптовой торговли, передало крестьянским обществам миллионы десятин леса. Даже защищало крестьянские общины от притеснений чиновников и захвата крупных землевладельцев. В ведомстве П.Д. Киселева считалось, что увеличение материального и морального благополучия земледельцев автоматически приносит пользу и казне, государству. Одним из важнейших направлений ра-

¹ 1885 г. в сельскохозяйственном отношении: общий обзор года. СПб., 1886. Вып. 3. Ч. 1–2.

боты Министерства государственных имуществ того времени стало наделение землей малоземельных крестьян. Для этого было организовано переселение из центра на пустынные окраины (на основании Правил 1842 г., 24–83 ст. Устава о благоустройстве в казенных селениях). Обычно переселялись крестьянские семьи, которые имели менее 5 дес. на душу; в степной полосе переселенцы получали обычно более 15 дес. на душу, в нестепных районах – 8. Ведомство государственных имуществ должно было заботиться о том, «чтобы переселенцы не были сколько возможно подвержены дальним и затруднительным переходам, чтобы климат тех мест, куда они должны переселиться, по возможности менее отличался от климата, к которому они привыкли на родине». Земельные участки для переселенцев готовились заранее, в том числе заготавливался хлеб, сено, рабочий скот и сельскохозяйственные орудия. Местные палаты госимуществ снабжали переселенцев продовольствием, обеспечивали удобным ночлегом, заботились о больных. На постройки отпускался бесплатно лес и выдавалось пособие до 60 руб. на семью (стоимость дома или 5–6 коров). Переселенцам предоставлялись 6-летняя льгота от воинского постоя, 4-летняя полная и 4-летняя половинная льгота от податей, сложение всех недоимок, а на три набора – освобождение от рекрутской повинности. Таким образом было переселено до 400 тыс. чел. Основными местами нового поселения были Воронежская, Харьковская, Тамбовская, Саратовская, Оренбургская, Астраханская губернии и Северный Кавказ. С 1845 г. уже пошло активное переселение в Сибирь: в Тобольскую, Томскую, Енисейскую губернии. В огромном большинстве случаев места для поселения были выбраны удачно, и поселки киселевских переселенцев достигли устойчивого благополучия, в том числе и в Сибири.

Поэтому не вызывает сомнения, что работа П.А. Столыпина в Министерстве государственных имуществ дала ему уникальные знания, без которых ему было бы значительно труднее реализовывать в будущем свою программу реформ. И в Департаменте земледелия он именно работал, а не просто числился, как ранее в МВД. 21 апреля 1886 г. П.А. Столыпин получил чин коллежского секретаря, а 26 января 1887 г. был назначен на свою первую руководящую должность: помощником столоначальника в статистическом отделе. Содержание его было небольшим – 770 руб. в год (450 руб. – жалованье, 250 руб. – столовые, 70 руб. – добавочные деньги). 1 января 1888 г. П.А. Столыпин по высочайшему указу получил в качестве награды придворное звание камер-юнкера и впервые попал в дворянский адрес-календарь. Это соответствовало V классу «Табеля

о рангах» (гражданский чин статского советника), к нему теперь должны были обращаться «Ваше благородие». Это звание открывало двери в лучшие дома Санкт-Петербурга. Здесь, конечно же, сказалось влияние его отца, так как камер-юнкеров в России тогда было немного, всего 600 человек. Реальная же должность П.А. Столыпина была более чем скромной – помощник столоначальника в чине коллежского секретаря (X класс «Табеля о рангах»). Формально же камер-юнкером не мог быть человек ниже чина коллежского асессора (VIII класс). В своем департаменте он занимался в основном систематизацией сельскохозяйственной литературы и в 1887 г. подготовил и издал указатель книг, журнальных и газетных статей по сельскому хозяйству за 1886 г.¹ Указатель, составленный П.А. Столыпиным, был вторым в этой серии – впоследствии она была продолжена известным библиографом агрономом-статистиком А.Д. Педашенко. (В 1890–1915 гг. издавались составленные им ежегодные указатели книг, журнальных и газетных статей по сельскому хозяйству за 1889–1911 гг. В них было отражено около 215 тыс. названий. Материалы за 1912–1917 гг., собранные А.Д. Педашенко, не были опубликованы (их картотека, насчитывающая около 112 тыс. карточек, хранится в Петербургском отделении Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки). Указатели за 1918–1925 гг. (свыше 337 тыс. названий зарегистрированной литературы) вышли в свет отдельными выпусками после смерти А.Д. Педашенко в 1927–1930 гг.) Таким образом, П.А. Столыпин стоял у истоков знаменитой аграрно-библиографической серии. В данном «Указателе» хорошо видны личные пристрастия П.А. Столыпина. Так, в самом начале в разделе «Сельское хозяйство вообще» вынесены работы А.Ф. Фортунатова о земельной собственности, А.И. Скворцова об использовании государственных земель, И.А. Стебута о крестьянском хозяйстве. А.Ф. Фортунатов и А.И. Скворцов преподавали в Петровско-Разумовской земледельческой академии, а И.А. Стебуг – в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства.

В стенах этих учебных заведений в конце XIX в. формировалась идейная база крестьянского хозяйства, влияние которой, по-видимому, испытал П.А. Столыпин. Выход из кризиса, в котором находился аграрный сектор российской экономики, многие ученые-аграрники видели на пути повышения земледельческой культуры. Важная роль в этой агрокультурной концепции отводилась высшей сельскохозяйственной

¹ Столыпин П.А. Указатель книг, журнальных и газетных статей по сельскому хозяйству за 1885 г. М., 1887.

школе, переориентированной с крупного помещичьего хозяйства на массовое, крестьянское. «Улучшение нашего сельского хозяйства нуждается в известного рода специалистах, как то: сельскохозяйственных механиках, сельскохозяйственных инженерах, сельскохозяйственных архитекторах, ветеринарах, землемерах», – писал И.А. Стебут¹. Участникам дискуссии был ясен главный социальный адрес высшего сельскохозяйственного образования. Это были, во-первых, «хозяева» в широком смысле этого слова (люди с деньгами или землевладельцы), а не только помещики, во-вторых, «наемные заведующие хозяйством. «Высшая сельскохозяйственная школа предназначается для специального образования самостоятельно управляющих, организаторов, крупных администраторов»², – подчеркивал профессор И.А. Стебут. Последние предназначались для государственного аппарата и органов общественного самоуправления. Речь, вместе с тем, шла не просто о специалистах высшей квалификации, но о «научно-образованных деятелях»³, «общественных агрономах», наконец, о новом типе «общественного деятеля-хозяина»⁴, которые свое главное предназначение видели в том, чтобы вывести отечественное сельское хозяйство «на правильный путь и руководить им в сложных и разнообразных почвенных, климатических, экономических и бытовых условиях»⁵. Здесь же в начале XX в. сформировалось и так называемое организационно-производственное направление русской аграрно-экономической мысли в лице А.В. Чаянова и А.Н. Челинцева. Поскольку А.В. Чаянов являлся учеником А.Ф. Фортунатова, а А.Н. Челинцев – А.И. Скворцова, то можно с достаточной уверенностью сказать, что и столыпинская аграрная концепция, и теория семейно-трудового крестьянского хозяйства имели одним из идейных источников труды профессоров Петровско-Разумовской Академии и Новоалександрийского института⁶. Уже через много лет, выступая во II Государственной думе 10 мая 1907 г. с речью «Об устройстве быта крестьян и о праве собственности», он так оценил свою работу в Министерстве государственных имуществ: «Пробыв около 10 лет у дела

¹ Стебут И.А. Сельскохозяйственное знание и сельскохозяйственное образование. Сборник статей. СПб., 1889. С. 31.

² Там же. С. 48, 99.

³ Мещерский И.И. Высшее сельскохозяйственное образование в России и за границей. СПб., 1893. С. XXIII.

⁴ Щусев С. В. Сельскохозяйственная наука и высшая школа. М., 1911. С. 10.

⁵ Мещерский И.И. Указ. соч. С. XXIII.

⁶ Глаголев А. Формирование экономической концепции П.А. Столыпина (1885–1905 гг.) // Вопросы экономики. 1990. № 10. С. 57–58.

земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа»¹.

В мае-августе 1888 г. П.А. Столыпин взял длительный отпуск без содержания для поправки здоровья. П.А. Столыпин стал полноправным хозяином имения Колноберже, когда его отец получил назначение на должность коменданта Московского Кремля, то есть он стал помещиком и землевладельцем Ковенской губернии. 28 февраля 1889 г. он подал прошение министру внутренних дел с просьбой разрешить переход в Ковенские уездные предводители дворянства с оставлением причисленным к Министерству государственных имуществ. После удовлетворения данного ходатайства он 18 марта того же года приказом Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора был назначен уездным предводителем дворянства и одновременно возглавил съезд мировых посредников. Еще через год П.А. Столыпин стал почетным мировым судьей Ковенского уезда.

1.3. Ковенская губерния: от уездного к губернскому предводителю дворянства

Ковно (ныне Каунас) был вторым по величине город Литвы. Согласно легенде в X в., из Италии в Литву прибыло 500 рыцарей под командованием Палемона, которые поселились между реками Неманом и Дубиссой. Сын Палемона Кунас в 1030 г. построил замок – один из самых ранних оборонительных фортификационных сооружений на территории Литвы. Кунас был убит князем Ярославом в сражении при Слониме в 1040 г. В 1316 г. Ковно был сожжен крестоносцами. В 1361 г. Ковно был впервые упомянут в письменных источниках. Расположенный в стратегически важной географической точке – у слияния рек Нерис и Нямунас, – Ковно неоднократно подвергался нашествиям крестоносцев. Падение Ковенского замка в 1361 г., а именно этим годом датируется первое упоминание Каунаса в хрониках, стало одним из важнейших поражений в истории сопротивления литовцев натиску Тевтонского ордена. Из 4000 солдат гарнизона в живых осталось только 36. После того как объединенная литовско-польская армия разгромила Тевтонский орден в битве при Грюнвальде, Ковно получил возможность использовать свое стратегически выгодное положение в мирной деятельности –

¹ Петр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991. С. 96.

в торговле. Кенигсберг, Данциг и другие ганзейские торговые города находились в сфере его экономических интересов. Хотя Ковно так и не присоединился к Ганзейскому союзу, ни один из городов Литвы не смог превзойти его по широте экономических связей и масштабам торговли. В 1441 г. в здесь была открыта Ганзейская контора, которая просуществовала до 1532 г. Исторические источники XV в. и XVI в. свидетельствуют о весьма прочной позиции города – важного коммерческого и экономического центра, располагавшего речным портом. Из Ковно вывозили лес, воск, зерно, здесь процветали ремесла. В XVI в. здесь насчитывалось 40 различных ремесленных цехов – профессиональных объединений свободных мастеров, была построена первая школа, действовала публичная больница, аптека. Однако войны, происходившие в XVII в., повторявшиеся эпидемии и пожары неблагоприятно сказались на его развитии. В 1655 г. шведские войска разграбили Ковно и сожгли многие здания. Понесенный ущерб был столь велик, что сейм, желая возродить былую славу города, в 1662 г. на 10 лет освободил ковенских жителей от уплаты общественных и таможенных налогов. Горожанам было разрешено беспощинно сплавлять по реке в Пруссию лес в течение 4 лет. Проводились торговые ярмарки, на которых иностранцам дозволялось заключать сделки только с местными купцами. Город вышел из состояния разрухи и вновь стал набирать силу в период правления короля Станислава Августа (в 1764 г. в Ковно насчитывалось 28 000 жителей), однако упадок Речи Посполитой и последующее нашествие наполеоновских войск вновь привели к опустошению города (в 1815 г. в Ковно было всего 2400 человек). В 1842 г. вследствие проведенных административных реформ город стал центром Ковенской губернии¹. В середине XIX в. сюда была проложена железная дорога, соединившая Ковно с Кенигсбергом, в 1862 г. в Ковно было завершено строительство первого в Российской империи железнодорожного туннеля, оживилась торговля.

По воспоминаниям владельца одного из имений в Ковенской губернии директора Департамента Министерства иностранных дел В.Б. Лопухина, во времена крепостного права «феодалами-панами в крае были поляки, а литовцы являлись их быдлом, и быдлом не только жестоко эксплуатировавшимся, но и подвергнутым сугубо жестокому крепостному режиму, перед которым бледнел крепостной режим старой России. Во многих панских замках сохранились подвалы-казематы со

¹ Памятная книжка Ковенской губернии на 1848 г. Ковно: Губ. тип., 1847. С. 123–140.

вделанными в стены концами цепей, в которые заковывалось несчастное быдло, подвергавшееся всяческим истязаниям и без конца томившееся в мрачных подвальных тюрьмах. Угнетенное литовское население, естественно, ненавидело угнетателей-поляков. Ненависть традиционно сохранилась и по освобождению населения от крепостной зависимости. Пришедших в край после польского мятежа русских помещиков, с которыми старых счетов у литовских крестьян не было, население встретило в общем приязненно. Отношения установились бы и совсем хорошие, если бы не разжигаемая католическим духовенством религиозная нетерпимость к православным, являвшимся в глазах католиков схизматиками и еретиками. А ксендзы держали в крепком подчинении религиозное сознание крестьян. Женская половина населения проявляла, под влиянием духовенства, крайнюю религиозную экзальтированность и фанатизм. Как-никак, с крестьянами у русских отношения наладились, и многим втайне прощалась их принадлежность к схизматикам и еретикам. Не так обстояло дело у русских с польскими панам. Последние, вне официальных сношений, систематически бойкотировали русских после подавления польского мятежа. И время, смягчающее всякую злобу и гнев, поколебать эту враждебную настроенность поляков к русским оказывалось бессильным. Во взаимоотношениях помещичьего класса к крестьянству русские помещики вели себя куда культурнее поляков, уважая человеческое достоинство в мирном, спокойном, рассудительном и хотя медлительном, но трудолюбивом крестьянине-литовце. Для заносчивого же и гонорливого польского пана и особенно выскочки-шляхтича крестьянин оставался прежним быдлом. Это давалось ему чувствовать, и только для расправы с ним панские руки были уже коротки»¹.

Местную русскую администрацию В.Б. Лопухин характеризовал следующим образом: «Верхи были удовлетворительные, более того, за редкими исключениями, хорошие. Но низы оставляли желать много лучшего. И не удивительно. Прощтрафится какой-нибудь мелкий или средний чиновник на службе в центральной губернии, и начальство не придумает ничего лучшего, как в наказание, либо для исправления перевести его на окраины, в ту же Литву. Это была система. И сколь вредная и нелепая! Именно на окраинах требовалось сосредотачивать лучший служилый элемент. Посылались отбросы, своим поведением дискредитировавшие власть и питавшие центробежные сепаратические тенденции». Тем не менее, по его утверждению: «За всем тем в крае

¹ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 49.

жилося хорошо. Ровный, мягкий климат обеспечивал постоянный хороший урожай. Не бывало шальных переизбытков. Но не случалось и недородов, тем паче голодовок. Обилие овощей и фруктов. Хорошее скотоводство. Молочное хозяйство. Пчеловодство. Птицеводство. К осени, предварительно подкованные смешанным со смолою мелким гравием, тучные гуси сотнями и тысячами гнались по почтовому тракту к немецкой границе. Неподкованные до границы не дошли бы. Шел в Германию сплавом лес, строительный и для переработки в бумажную массу. Шел хлеб. Шел скот»¹.

К моменту приезда П.А. Столыпина в Ковенской губернии проживало около 1,5 млн человек (в Ковно – около 60 тыс.), причем большинство населения составляли литовские крестьяне, с небольшими вкраплениями украинцев и белорусов. На евреев приходилось 13 %, и преобладали они в основном в городах. Русских насчитывалось менее 5 %. Первыми на территорию Ковенской губернии в XVIII в. начали проникать старообрядцы, но только после Польского восстания 1831 г. российское правительство по инициативе Министра государственных имуществ графа П.Д. Киселева была разработана широкая программа заселения Прибалтики русскими крестьянами. Однако, по свидетельству Виленского генерал-губернатора графа Э.Т. Баранова, данная программа «сделалась жертвой бюрократической переписки, растворилась в канцелярской стихии: проект русского землевладения в западных губерниях разрешился устройством двух майоратов (Юрбург и Тауроген), колонизация крестьян дала 158 семейств, поселенных в северо-западных губерниях, а выселение шляхты (на Кавказскую линию) затруднилось настолько, что ограничилось выселением 28 семейств и то по собственному их желанию». Часть этих переселенцев попала и в Ковенскую губернию, но без государственной поддержки, «растворилась бесследно в чужой среде». После мятежа 1863 г. по инициативе губернатора Северо-Западного края М.Н. Муравьева (которого либералы прозвали «Вешателем») и по просьбе местного русского населения решено было собрать все русское население Прибалтики в ряд крупных русских центров, чтобы они имели возможность «защитить себя от насилия мятежников и постоянной опасности от нетерпимости к русским окружающей их шляхты и помещиков». Русские поселения-слободы предполагались («впредь до обеспечения из казенных земель») на землях выселенной шляхты, оказывая при этом помощь хлебом, лесом, передачей крестья-

¹ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел... 2009. С. 50.

нам построек и небольших денежных сумм от 25 до 50 руб. Однако количество конфискованной земли было незначительным (к тому же их решено было передать дворянам), а количество желающих получить ее доходило до 3 000 семей. Поэтому Казенные палаты в целях экономии начали выдавать не участки, а «полуучастки» размером от 9 до 12 дес. К 1884 г. на территории Ковенской губернии возникло около 526 русских поселений (2 070 дворов на 33 017,8 дес.)¹.

Дворянское сословное самоуправление, и в том числе институт предводителей дворянства, возникло в эпоху Екатерины II. Первый раз уездные предводители дворянства упоминаются в 1766 г., должность была учреждена как постоянная (с выборами на два года) «Учреждением о губерниях» 1775 г. и подтверждена изданием «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» в 1785 г. Должность предводителя оставалась узко сословной до конца царствования Николая I; начиная с эпохи Великих реформ, к ней постепенно, по мере усложнения государственного устройства, присоединялись общегосударственные обязанности.

Потомственные дворяне каждой губернии, занесенные в местную родословную книгу, составляли отдельное дворянское общество. Органом дворянского общества являлось дворянское собрание, на котором могли присутствовать все потомственные дворяне губернии. Не участвовали в постановлениях и выборах те, правоспособность которых была ограничена (из-за нахождения под следствием и судом, несостоятельности и т. п.), а также исключенные из дворянских собраний постановлением последних. Дворянство имеет право исключать из своих собраний дворянина, опороченного судом, или такого, «которого явный и бесчестный поступок всем известен, хотя бы он судим не был». Первоначально собрание постановляло удалить дворянина, обвиняемого в бесчестном поступке, от участия в работе собрания, предоставляя ему через уездного предводителя представить объяснения, какие он сочтет нужным; затем следующее губернское собрание рассматривало дело окончательно, но для исключения обвиняемого дворянина необходимо было большинство в 2/3 голосов. Постановления этого рода не подлежали обжалованию (кроме случаев несоблюдения порядка, предписанного для собрания голосов и подписания приговора; жалоба подавалась в Сенат); они не могли быть отменены ни самим собранием, ни даже царским манифестом о прощении преступников. Необходимыми усло-

¹ Виленский временник. Вильно: Губ. тип., 1909. Кн. 4. Русские поселения Ковенской губернии. С. 30–40.

виями для участия в работе дворянского собрания являлись: 1) внесение в родословную книгу губернии и владение в ней недвижимой собственностью; 2) достижение гражданского совершеннолетия, то есть 21 года; 3) чин не менее XIV класса; 4) российский орден; 5) окончание курса в высшем или среднем учебном заведении; 6) предшествующая служба в течение трех лет в некоторых должностях, перечисленных законом. Право голоса на выборах могло быть: а) личным, или непосредственным и б) коллективным, или через уполномоченных. Правом лично избирать в должности пользовались дворяне, владевшие в уезде на праве собственности или пожизненном количестве земли, дававшим непосредственное право на избрание гласных в уездные земские собрания, а также дворяне, имевшие в городе или уезде другие, кроме земель, недвижимые имущества, ценою не ниже 15 тыс. руб. Дворяне, получившие на действительной службе, а не при отставке чин полковника или действительного статского советника или же получавшие пенсию или аренду в количестве не менее 900 руб. в год, допускались к выборам, если они владели в губернии недвижимым имуществом в каком бы то ни было размере, а дворяне, прослужившие полное трехлетие в звании предводителя – тогда, когда они не имели никакой недвижимой собственности. Дворянин, владевший в нескольких губерниях полными участками, имел право лично участвовать в выборах, пользуясь правом голоса во всех этих губерниях, если он был внесен в местные родословные книги. Если же участки были в разных уездах одной губернии, то можно было участвовать в выборах уездных должностных лиц по каждому из уездов, где находились его имения, но в губернских выборах он имел лишь один голос. Владельцы нераздельного имения посылали столько непосредственных избирателей, сколько в нем было полных участков. Если владельцы имения были братья, то право быть уполномоченным принадлежало старшему брату. Также право личного участия в выборах принадлежало дворянам, управлявшим полными участками своих малолетних детей в качестве опекунов по распоряжению правительства. Посредством уполномоченных участвовали в выборах дворяне, владевшие в пределах одной губернии не менее $\frac{1}{20}$ того количества земли, которое давало право непосредственного участия в выборах. Такие мелкопоместные дворяне допускались к избранию уполномоченных, количество которых исчислялось по величине участков, принадлежавших дворянам, явившимся на выборы уполномоченных, причем на каждый полный участок полагался один уполномоченный. Служба по выборам дворянства признавалась обязательной для всех дворян, ко-

которые своевременно не заявили, что не желают быть избранными. Избранными могли быть все потомственные дворяне, даже те, которые, не владея недвижимым имением, не участвовали в делах дворянского собрания. Служба была безвозмездной, но давала права государственной службы.

Дворянские собрания подразделялись на губернские и уездные; те и другие – на обыкновенные и чрезвычайные. Чрезвычайное собрание имело право рассуждать только о предметах, давших повод к его созыву. Обыкновенные собрания созывались раз в 3 года, причем все губернии были подразделены на 3 очереди. Закон определял и время созыва – декабрь и январь, и продолжительность губернских собраний – 15 дней; с разрешения губернатора этот срок мог быть продлен. Уездные собрания под председательством уездных предводителей проходили за 3 месяца до губернского собрания; на них поверялся список дворян уезда и избирался депутат для ревизии отчета об употреблении и состоянии дворянской казны; мелкопоместными дворянами назначались уполномоченные. Выборы уездных должностных лиц производились поуездно, но в губернском собрании, которому предшествовали: 1) съезд депутатов для ревизии отчета о дворянской казне; 2) предварительное собрание предводителей дворянства и членов депутатского собрания, которые рассматривали уездные списки дворян и отзывы лиц, не могущих явиться на выборы. Собрание открывалось губернатором, после чего присутствующие приводились к присяге. Все дальнейшие распоряжения предоставлялись губернскому предводителю, который и председательствовал в собрании. Губернатору запрещалось входить в дворянские собрания и участвовать в его работе, даже если он был местным помещиком. Губернский прокурор же обязан был присутствовать в собрании для разъяснения законов, но не имел права участвовать в рассуждениях.

Дворянские выборы проводились во всех губерниях и областях Европейской России, кроме тех, где дворянство было настолько малочисленным, что не могло заполнить выборные должности (Архангельская, Олонецкая, Вятская, Пермская губернии и все регионы Сибири). В Вологодской губернии дворянские выборные должности были введены только в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уезде, а в Оренбургской губернии – только в Оренбургском и Троицком уездах. В Северо-Западном крае, в порядке борьбы с преобладанием дворян польского происхождения, предводители дворянства назначались правительством. В губерниях Ковенской, Виленской и Гродненской назначение произ-

водил генерал-губернатор; в Витебской, Минской и Могилевской – министр внутренних дел. В Царстве Польском, Кавказском крае и в Средней Азии дворянство не имело корпоративной организации, не могло организовывать дворянские собрания и выборы. Дворянские родословные книги в этих регионах вели губернские правления. Всего, по состоянию на 1897 г., существовало 417 должностей уездных предводителей дворянства.

Уездные предводители дворянства считались находящимися на действительной государственной службе. Они, независимо от наличия у них классного чина, считались «зауряд» (на время нахождения в должности) чинами V класса (статский советник). По выслуге двух трехлетию они утверждались в чине VI класса (коллежский советник), а по выслуге трех трехлетию – в чине V класса. Предводители не получали содержания, но имели право на пенсию. Уездные предводители дворянства были полностью независимы от губернских предводителей дворянства. Обязанности предводителя состояли из двух несвязанных частей – по дворянским делам он действовал как выборное лицо дворянского самоуправления, подчиненное только дворянству уезда в целом, по общегосударственным административным делам – как несменяемый чиновник, ограниченно ответственный перед губернатором. Хотя законодательство Российской империи не предусматривало единого управления на уровне уезда, уездные предводители, возглавлявшие все уездные коллегияльные учреждения, на деле выступали как главы уездов¹.

Сословные обязанности уездного дворянского собрания были следующими: а) председательство в уездном дворянском собрании (уездные собрания, в отличие от губернских, имели малое значение, занимаясь только делами дворянской опеки и утверждением списка дворян); б) участие в собрании предводителей и депутатов дворянства – распорядительном собрании, готовившем повестку для губернского дворянского собрания; в) ведение списка всех дворянских родов уезда; г) председательство в Дворянской опеке – сословном учреждении, управлявшем имуществами сирот и недееспособных дворян и по уполномочию дворянства, о нуждах и пользах общественных; е) управление «дворянскими суммами» (то есть сословной кассой); ж) участие в судейской коллегии суда с сословными представителями (суд с сословными представителями производился судебными палатами (суды второго уровня) по делам о тяжких государственных и политических

¹ К.Е.Т. Справочная книга для уездных предводителей дворянства. СПб.: Тип. Волынского, 1887. 54 с.

преступлениях, уездные предводители вызывались в суд по очереди, по жребию). Общегосударственные обязанности состояли из: 1) председательства: а) в уездном земском собрании, представительном органе уездного самоуправления; б) в уездном съезде (уездный съезд был одним из «установлений, заведующих крестьянскими делами», судебно-административной инстанцией, контролировавшей земских начальников и городских судей. Уездные съезды были учреждены в 1893 г. вместо упраздняемых уездных по крестьянским делам присутствий. Присутствия, в свою очередь, были учреждены в 1874 г. вместо съездов мировых посредников, учрежденных в 1859 г. Председателями всех этих предшествующих учреждений также были уездные предводители дворянства); в) в уездном по воинской повинности присутствии; г) в уездной оценочной комиссии, которая занимались контролем за работой по оценке земли и недвижимых имуществ (служившей базой для ряда государственных налогов и земских сборов), проводимой земствами; д) в уездном училищном совете (совет занимался координацией работы всех учреждений, финансировавших и содержавших начальные училища Министерства народного просвещения, духовного ведомства, земств); е) в уездном попечительстве детских приютов; ж) во временных комиссиях для составления очередных списков присяжных заседателей по уезду; 2) участия: а) в губернском земском собрании; б) в губернском попечительстве детских приютов; в) в уездном Комитете попечительства о народной трезвости; 3) ведения списка лиц, которые могли быть назначены земскими начальниками; 4) проверки приговоров волостных и сельских сходов об удалении (высылки) из крестьянских обществ порочных членов, после утверждения их земским начальником; 5) ревизии, по своему усмотрению, делопроизводства земских начальников, волостных и сельских управлений¹.

Фактически уездный предводитель дворянства концентрировал в своих руках значительную власть и полностью руководил уездом, в том числе и образованными при предыдущем либеральном царствовании земствами. При этом контроль губернаторов над уездными предводителями дворянства был, как правило, достаточно условным – во всяком случае, они не считали нужным входить в подробности уездной жизни. Таким образом, П.А. Столыпин получил почти неограниченные полномочия, и в его руках оказалось благополучие довольно крупного уезда. Конечно, он понимал, что назначением был обязан вовсе не своим

¹ Сборник законов о российском дворянстве / сост. Г. Блосфельдт. СПб.: Изд. Д.В. Чичинадзе, 1901.

личным достоинствам, а связям и влиянию отца. Он не стремился к проектерскому реформаторству на уездном уровне, а делал все возможное, чтобы наладить эффективное управление в доверенном уезде. При этом подавляющее большинство ковенских помещиков и вообще образованных людей (за исключением офицерства и чиновников) составляли поляки, у которых русскому добиться признания было не так легко.

Обратимся к свидетельству старшей дочери П.А. Столыпина Марии. Она писала: «Патриархальные нравы царили в милой Ковне 1890-х гг. По бокам улиц тянулись деревянные тротуары, а рядом с ними текли ручейки грязной воды, через которые были перекинuty слегка горбатые мостики. Зимой по замерзшим ручейкам лихо носились на одном коньке уличные мальчишки... Как я им завидовала! И как досадовала на Эмму Ивановну, немку, сменившую няню Колабину, за то, что она, по непонятным мне тогда причинам, не позволяла присоединиться к ним. Улицы были мощены поразительно выпуклыми булыжниками, по которым тряслись и немилосердно шумели дрожки гарнизонных офицеров, большинство еще без резиновых шин. Так же тряслись и красные, как бифштекс, щеки полковника Пыжова, когда он, к радости моей и всех гуляющих по бульвару, сам объезжал в шарабане вороного своего жеребца. Все были знакомы друг с другом, если не лично, то все же знали, кто это, и появление нового лица на улицах вызывало толки и пересуды. Когда брали извозчика, тот спрашивал: "Домой или в гости прикажете ехать?"... Из дома в старом городе, где мы поселились сначала, скоро переехали в маленький деревянный домик с большим садом на одной из боковых улиц центральной части города. Улица эта вообще не была мощена, и по городу ходил анекдот, что когда кто-нибудь нанимал извозчика, чтобы ехать к нам в осеннее или весеннее время, тот отвечал: "Если к Столыпиным желаете, то лодку нанимайте, а не меня". И я хорошо помню громадную лужу перед нашими окнами... Я ходила гулять на набережную Немана. С самого раннего детства знала, в каком месте Наполеон перешел со своей армией Неман, и в каком доме он в 1812 г. останавливался. Высота набережной, дома, горы на противоположном берегу в Алексотах, пароходы на Немане – каким все это казалось прекрасным, когда я гуляла по Ковне, держа за руку няню. Алексоты находились уже в Сувальской губернии, где, как и во всем Царстве Польском, был введен новый стиль. В Ковне по этому случаю задавалась загадка: «Какой самый длинный в мире мост»? Следовал ответ: «Неманский, потому что через него надо проезжать 12 дней». Лавочки были маленькие, убогие, и выставленные в окнах товары стояли там месяцами, покрытые

густым слоем пыли. Веселье в уличную жизнь вносили солдаты, часто проходившие по городу с музыкой, и еще больше парады на Соборной площади в торжественные дни высочайших праздников»¹.

Не такое романтическое впечатление о Ковно осталось у другой дочери П.А. Столыпина – Александры: «Это был... очень маленький городок, в общем-то "дыра", с плохонькими постройками и еще худшей мостовой, но на прекрасной реке, великом Немане... Общество состояло из чиновников, приехавших из Петербурга, и крупных помещиков уезда, людей, любивших роскошь, имевших дома в городе и часто подолгу живших здесь. А для их досуга существовало только одно развлечение: театр. Сам театр был очень скромным, однако иногда сюда заезжали великие артисты: ведь Ковно лежал на пути из Берлина в Петербург и Москву. Звезды, переезжавшие из одной столицы в другую и ни за что на свете не заезжавшие в маленькие городки центральной России, останавливались у нас, и потому здесь иногда случались спектакли-гала, когда зал был переполнен. Для нас это бывали целые события. Однажды было объявлено о выступлении великого Мазини. Моментально были раскуплены все билеты. Артист, узнав об этом, объявил в день представления, что цена на билеты удваивается и что, если зрители не доплатят, он не станет петь. Губернатор послал ему передать, что уже слишком поздно и его капризу не уступят. Настал вечер, в зале царило крайнее напряжение. Все только и говорили что о произошедшем. Поднялся занавес, и маэстро появился спиной к публике. Он решил петь весь спектакль, стоя лицом к декорациям. Вначале люди были возмущены, но потом его талант покориł их; и в конце представления Мазини устроили овацию, оглушив его аплодисментами и забросав цветами»².

В самом Ковно Столыпины сначала поселились в очень неудобном доме в старом городе (напротив ратуши) – П.А. Столыпину приходилось из спальни идти в свою уборную, надев на халат пальто, но потом они переехали в маленький деревянный дом с большим садом на одной из боковых улочек центральной части города. В 1892 г. из маленького дома на Лесной улице Столыпины переехали в гораздо больший дом на Соборной площади, в котором сначала занимали одну часть второго этажа. Потом, по мере рождения младших детей, прибавлялось по комнате, и семья постепенно заняла весь этаж. Сразу же после обеда, до того, чтобы перейти уже на весь вечер в кабинет, Ольга Борисовна са-

¹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 13.

² Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания... С. 13–14.

дилась к своему письменному столу в гостиной, являлся повар и приносил счета и меню на следующий день. Составление счетов доставляли мучения жене Столыпина, она была до щепетильности аккуратной, но очень плохой математичкой: как-то выходило, что копейки всегда сходились верно, а рубли – нет, и постоянно приходилось призывать на помощь мужа, который с улыбкой садился за приходно-расходную книгу, проверял итог и, «поправив все дело», уходил снова к себе. Завтракали в половине первого. Обедали в шесть часов и лишь под самый конец ковенской жизни – в семь, так что вечера были длинные. После обеда взрослые пили кофе за столом, а детям разрешалось встать. А.П. Столыпина вспоминала это время так: «Зимой, в Ковно, я смотрела из окна нашей квартиры на большую площадь, собор, редких прохожих на то-скливой мостовой и на группу солдат в углу площади, упражняющихся в маршировании. После обеда мы отправлялись на неизменную прогулку по бульвару, единственной приличной улице в Ковно. Мы знали наизусть все вывески и были знакомы со всеми прохожими. Однажды мама заметила незнакомца в экипаже. На нем была светло-серая шляпа. Ей очень понравилось, что в ковенской жизни появилось хоть что-то загадочное. Но полчаса спустя очарование уже растаяло: к тому времени весь город знал имя не таившегося приезжего». Ольга Борисовна не была, мягко говоря, счастлива переселением из блестящего столичного Санкт-Петербурга в провинциальную глушь Литвы. Культура и весь уклад жизни там были для нее чуждыми. Как писал сын Столыпиных Аркадий, его матери было нелегко привыкнуть к литовским крестьянам. Эти люди П.А. Столыпина знали с детства, а она была здесь чужая. Их монотонные песни в сравнении с русскими народными песнями из широких приволжских просторов сначала ей навели тоску. Но скоро это все кончилось, когда она почувствовала здесь себя настоящей хозяйкой. Литовцев из своего имения она полюбила искренне и даже страстно. Вся литовская прислуга каждый год до самой революции перевозилась из Колноберже в Санкт-Петербург. Это было потому, что жена П.А. Столыпина так привыкла к литовцам и уже не хотела прислуги из русских¹.

Иногда к Столыпиным приходили гости. По воспоминаниям А.П. Столыпиной: «В день большого приема гостей нас обычно запирали в комнатах, чем мы, конечно, бывали очень раздосадованы, но получали и некоторую компенсацию. Нам разрешали попробовать некоторые блюда с праздничного стола, и мы вдоволь объедались взбитыми

¹ Жиргулис Р. Петр Столыпин и Кедайняйский край... С. 151.

сливками и сладостями. Нам разрешалось из-за двери наблюдать, как съезжались приглашенные. И мы с жадностью разглядывали мужчин и дам, о которых ходили удивительные истории и легенды. Например, величественная и прекрасная княгиня О..., которая приводила меня в полное восхищение не только своей красотой и чудесными нарядами, но и тем, что, как я узнала от отца, у нее, как у сказочной принцессы, был свой домашний оркестр, свой театр и целый шлейф поклонников. Все эти приемы, и посвященные серьезным беседам, и просто светские вечера, постепенно делали жизнь в Ковно насыщенной и интересной»¹.

М.П. фон Бок вспоминала: «Были у моих родителей другие имения и побольше размерами, и, быть может, более красивые, нежели Колноберже. Но мы, все дети, их заглазно ненавидели, боясь, что вдруг папе и маме заблагорассудится ехать на лето в Саратовскую, Пензенскую, Казанскую или Нижегородскую губернию, что мне и моим сестрам представлялось настоящим несчастьем». Зимой семья Столыпиных обычно жила в Ковно (примерно 5 месяцев), а после Пасхи, по старой помещичьей традиции, переезжала в имение на все лето. Причем выезд происходил сначала на конке («парк» конок был рядом с домом П.А. Столыпина), и вся его семья, веселой гурьбой с дорожными мешками, пакетами и корзинками, наполняла собой целый вагон конки, из которого пересаживалась на вокзале в железнодорожный вагон «микст», нанятый также целиком. В первом классе устраивалась семья с гувернантками, няней и кормилицей младшей сестры, а во втором классе – прислуга. Поездом ехали до Кедайняй, а оттуда до Колноберже – в повозках. Поезд шел скромные 60 верст от Ковно до Кедайняй целых 9 часов из-за долгих простоев на узловой станции в Кайшедорай (П.А. Столыпин, проводивший летом половину недели в Ковне, всегда шутя говорил потом, что половину времени своей службы предводителем он провел на кошедарском вокзале). Дети же П.А. Столыпина этот вокзал очень любили. Для них заранее письменно заказывался в станционном буфете завтрак, и всё, что там подавалось, было необычайно вкусным. Долгие годы спустя, когда где-нибудь какое-нибудь блюдо им очень нравилось, они говорили: «Совсем как в Кошедарах». Это была высшая похвала. Встречал их в буфете его владелец, Бодиско. Он подходил к стойке, выбирал несколько коробок конфет и, ничего не платя, раздавал их нам. В Кедайняй их встречали все: батюшка, отец Антоний Лихачевский, доктор И.И. Евтуховский, следовательно, мировой посредник – словом, все кедай-

¹ Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания... С. 15–16.

найские знакомые. А перед вокзалом ждала целая вереница экипажей и телег. Не сразу удавалось всех рассадить и устроить. По несколько раз пересчитывался ручной багаж, всегда чего-нибудь не хватало. Наконец, все рассаживались, все укладывалось, и, мерно покачиваясь на мягких рессорах, первой двигалась карета, запряженная четверкой цугом с Ольгой Борисовной, кормилицей и младшим ребенком, с кучером Осипом, в цилиндре и с длинным бичом, на козлах. За ней следовала коляска с П.А. Столыпиным и старшими детьми, а дальше – «курлянка», «нытычанка», «тележка» и последней, подпрыгивая по мостовой станционного двора, проезжала нагруженная сундуками и корзинами телега. Около въездных ворот в усадьбу, украшенных по случаю приезда хозяев зеленью и флагами, стояли, выстроившись в два ряда, рабочие: с одной стороны – мужчины, с другой – женщины. Этого П.А. Столыпин не любил, он вообще был врагом всякой театральности, а тут люди сошлись по приказанию управляющего. «И к чему отрывать их от работы, а женщин – от домашнего хозяйства?» – говорил П.А. Столыпин. Но управляющий, послушный и исполнительный во всем остальном, в этом никак не мог отказаться от раз заведенного обычая. Как же это, господа приехали, а их рабочие не встретят с честью? Не годится это. И на следующий год повторялось то же самое¹.

А.П. Столыпина также оставила воспоминания об этих поездках: «На лето родители переезжали в имение неподалеку от Ковно. Там я появилась на свет в 1897 г. Мама обожала нас и никогда не покидала. Она не захотела нас оставить, моих двух сестер и меня, даже в год коронации императора Николая II. Как сильно было искушение поехать в Москву и вновь увидеть древнюю столицу царей, где она провела все свое детство, в сиянии несравненного празднества; ради нас она отказала себе в том, чтобы наблюдать захватывающее зрелище вступления на трон молодого правителя; в том, чтобы слышать радостный звон бесчисленных колоколов великого города. Она осталась рядом с нами, обитавшими в тишине и спокойствии, под мирным небом, среди счастливых людей. Отца мы привыкли видеть очень занятым, но не подозревали, какая тяжелая ноша уже тогда лежала на его плечах. Мы были рады, когда каждый год, летом, к нам в дом съезжались окрестные помещики, в основном поляки; а ведь эти визиты, развлекавшие нас, имели и огромную важность, ускользавшую от нашего понимания. Мой отец задумал сблизиться с ними, создать общий круг, чтобы осуществить экономический

¹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине... С. 17–19.

союз в провинции, соединив ее столь различные элементы – русских, поляков, литовцев, евреев. Прекрасными летними вечерами, возвращаясь с короткой прогулки по парку, мы любили тайком рассматривать через окна освещенной керосиновыми лампами гостиной множество гостей, игравших в карты и оживленно беседовавших, а среди них виднелся мой отец, еще такой молодой и стройный, переходивший от одной группы гостей к другой; когда было тепло и окна бывали открыты, мы слышали его сильный и проникновенный голос, но говорил он о вещах, в которых мы ничего не могли понять. Но они, гости, его понимали. Эти польские помещики, за чьими выразительными и восторженными взглядами мы восхищенно следили, слушали его с воодушевлением. Несмотря на свою вековую неприязнь к России, они на всю жизнь полюбили этого твердого и неутомимого человека, друга их сердец и их полей, потому что, как и они, он слышал голос земли. Какое потрясающее различие между этим глубоким умом и теми посредственностями, которых обычно присылали из Петербурга в провинцию!»¹

О представлении будущего главы правительства относительно задач мирового суда красноречиво свидетельствует следующий отрывок из выступления П.А. Столыпина на праздновании юбилея Ковенского съезда мировых судей: «В России умеют и привыкли говорить только члены судебного ведомства. Мы, люди служивые и помещики, умеем только писать и пахать. Поэтому попробую с грехом пополам выразить свою мысль сравнением из сельскохозяйственной жизни. Когда мы обрабатываем землю, то в процессе обработки участвуют три элемента: пассивный – сама почва и орудия обработки, плуг, активно же – пахарь – лицо, одухотворяющее работу своей мыслью, направляющее ее своей волей. Успех работы зависит от него, и он ведет хозяйство по пути сельскохозяйственной культуры. Нечто подобное мы видим и в деле народного правосудия. Народ, общество, судебные учреждения, закон представляют из себя элемент пассивный, пахарем же является судья,двигающий общество вперед по пути культуры нравственной. Разница тут в одном: земля в случае дурной ее обработки мстит неурожаем, но молчит, не ропщет, общество же без ропота несправедливости не переносит. В течение службы моей представителем части здешнего общества в течение трети того периода, окончание которого мы сегодня празднуем, я ропота на правосудие не слышал!»

Однажды П.А. Столыпин тяжело заболел и мог умереть. М.П. фон Бок рассказывала об этом так: «Когда мой отец был уездным предводителем,

¹ Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания... С. 14–15.

он осенью уезжал на призыв новобранцев по своему уезду. Папа говорил, что это самая неприятная из его обязанностей. Жить приходилось в "местечках". После работы не было ни где посидеть, ни где заняться, так что это было единственным временем, когда мой отец играл в винт. Ефима он брал на эти шесть недель с собой, а дома его на это время заменял другой повар. Ефим очень любил эти поездки, вносящие приятное разнообразие в его службу... В один из этих годов, когда мой отец не так давно еще уехал и мы не скоро ждали его назад, мы все мирно сидели вечером в библиотеке и слушали какую-то интересную книгу, которую нам вслух читала наша гувернантка. Вдруг раздается лай Османа, нашего верного сторожа, и к крыльцу подъезжает экипаж. Казимир выбегает открыть двери, и каково же наше удивление, когда мы, высыпающие гурьбой в переднюю, видим, что вернулся папа. Но какой он странный. Воротник шинели поднят, как в лютый мороз, а его лицо такое же красное, как околыш дворянской фуражки, надеваемой специально для таких деловых поездок. Папа говорит с трудом, и мы с ужасом слышим, что у него сильный жар, что он болен. Начались тяжелые, томительные недели... Тут же ночью приехал наш кейданский доктор, давнишний друг нашего дома, Иван Иванович Евтуховский. Выслушав папу, он не сказал свое всегдашнее, так утешительно звучащее: "Ничего-с, ничего-с опасности нет-с", а определенно заявил, что это воспаление легких. Помню, как я, притаившись за дверью, слушала, как он ставил папе банки. Иван Иванович ужасно волновался и обжигал папу немилосердно, папа громко стонал, а Иван Иванович нервно повторял: "Я терплю-с, я терплю-с". Это восклицание со стороны доктора было так комично, что, несмотря на волнение, я не могла не рассмеяться. Болезнь была очень тяжела. Очевидно, папа не обратил внимания на начинающуюся простуду и продолжал сидеть на сквозняках во время осмотра новобранцев. Дело обстояло даже настолько серьезно, что на подмогу Ивану Ивановичу приехал из Москвы домашний доктор дедушки Аркадия Дмитриевича Эрбштейн. Он знал папу с детства и искренно его любил, а я смотрела на него, как на своего рода дядюшку, и любила слушать его рассказы о детстве папы. Дедушка всегда его поддразнивал:

– Avouez, docteur, que vous êtes Juif – votre nom de famille le prouve (Сознайтесь, доктор, что вы еврей.).

– Non, – отвечал Эрбштейн, – je ne le suis pas, mais... je soupçonne mon gran'père (Нет, я не еврей, но... я подозреваю моего деда.).

Эрбштейн, выслушавший моего отца, согласился с Иваном Ивановичем в серьезности положения и остался у нас на несколько дней.

Иван Иванович также часто ночевал у нас в Колноберже. Камердинер папы Илья (Казимир был в это время буфетчиком) спал в уборной мамы на матрасе перед дверью в спальню. Мы на цыпочках, еле дыша, проходили через столовую, лежащую по другую сторону спальни, и все с трепетом и молитвами ждали девятого дня. Наконец, наступил этот памятный для меня день. Я знала, что эти сутки должны быть решающими, и с неописуемым волнением ждала утром мою мать. Она вошла в гостиную усталая, бледная, но сияющая улыбкой счастья и сказала: "Кризис прошел, опасность миновала" и разрыдалась. Явился наш верный Оттон Германович и, услышав радостную весть, тоже расплакался, а Илья весь день ходил именинником, будто он вылечил папу, и всем рассказывал, что он сам слышал, – как Петр Аркадьевич несколько раз в бреду звал его, Илью, и что-то о нем говорил. Вот, мол, как Петр Аркадьевич обо мне заботится!»¹

20 октября 1894 г. умер Александр III, и на престол взошел последний царь из династии Романовых – Николай II. По воспоминаниям одного из деятелей правого движения, действительного статского советника И.И. Колышко, «у Александра III были два резко выраженные фобства: юдофобство и немцефобство... Кто внушил ему первое – неизвестно... сломить упрямство Александра III было невозможно. Русское революционное движение он приписывал еврейству. И, хотя погромов не одобрял, но смотрел на них сквозь пальцы. После крушения у станции Борок, чудесно спасшийся, он схватил обломок подгнившей шпалы и, сунув ее под нос оторопевшего тогдашнего министра путей сообщения Посьета, проворчал:

– Вот вам ваши жидовские дороги!..

(Сеть южных дорог тогда принадлежала евреям братьям Поляковым). Юдофобство Александра III... было тем страннее, что он вверил свою жизнь еврею доктору Захарьину и чутко прислушивался к голосу Каткова, связанного дружбой с Поляковыми. При нем не мог иметь места Союз русского народа, как и все, выросшее из юдофобства и черносотенства. Остается предположить, что эта черта, наложившая тень на все его царствование, явилась следствием ступенчатого, в противовес царствованию Александра II, национализма»².

Далее И.И. Колышко продолжал: «Этот сверхнационализм, как единственная самобытная опора царствования, лежал в основе и его

¹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине... С. 68.

² Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 26–37.

германофобства. В пору Франко-прусской войны Александр III, тогда еще юный наследник, не называл пруссаков иначе, как «свиньями», предсказывал близкий реванш французов и стал в антагонизм с тогдашним русским правительством и особенно с военным министром Милютиным, опасаясь воинской поддержки немцам. Став царем, он не замедлил изменить внешний вид онемеченных русских войск, удалил от дворца немецких выходцев и повел антинемецкую политику. Отдавая дань уважения своему дяде Вильгельму I, Александр III не выносил Вильгельма II и не мог простить Берлинского трактата Бисмарку. Чтобы не встречаться с железным канцлером, он ездил в Данию морем, а когда вынужден был проезжать через Берлин, на все ухаживания Бисмарка отвечал суровой холодностью. В Эймсе, куда Вильгельм I послал своего внука поухаживать за русским царем, царь наговорил юному Вильгельму дерзостей»¹.

По мнению С.Ю. Витте, Александр III был хорошим хозяином, но «не из-за чувства корысти, а из-за чувства долга. Я не только в царской семье, но и у сановников никогда не встречал того чувства уважения к государственному рублю, к государственной копейке, которым обладал Император Александр III. Он каждую копейку русского народа, русского государства берег, как самый лучший хозяин не мог бы ее беречь... Он терпеть не мог излишней роскоши, терпеть не мог излишнего бросания денег; жил с замечательной скромностью». Тем не менее «Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования; по наружности – походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошел бы костюм: полушубок, поддевка и лапти – и тем не менее, он своею наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и, вместе с тем, твердость – несомненно импонировал и, как я говорил выше, если бы не знали, что он император, и он бы вошел в комнату в каком угодно костюме – несомненно все бы обратили на него внимание»².

Личный друг царя С.Д. Шереметьев утверждал, что «в Александре III не могло быть ничего мелкого, а потому и взгляды его были широки и человечны. Он уважал чужое мнение, но имел и свое личное, определенное. Он не боялся простора и света, потому что не боялся правды, потому что сам был воплощением этой правды!.. Он был силы

¹ Кольшко И.И. Великий распад. Воспоминания... С. 26–37.

² Витте С.Ю. Воспоминания. М., 2001. Т. 1. С. 56.

необыкновенной, мог сплюснуть серебряную мелкую монету в трубку и перекинуть мяч из Аничковского сада через крышу дворца. Однажды кто-то проезжал на конке мимо Аничковского дворца и видел, как он выворачивал в саду снежные глыбы. "Ишь силища-то какая!" – с уважением сказал сидевший тут же мужичок. Он редко сердился. Я даже никогда не видел его во гневе, не многие видели его вышедшим из себя, но слышал я, что, когда это бывало, становилось жутко. Он имел тогда привычку ударять кулаком об стол, и удар был серьезный. Вообще же он отличался необыкновенною ровностью характера. Озабоченность выражалась у него тем, что он тер переносицу пальцем. Когда же бывал он в духе, у него было необыкновенно светлое и доброе выражение, и было что-то особенное в сочетании выражения этих добрых и проницательных глаз с неуловимым изгибом кончиков рта и улыбкою его, в которой сквозил оттенок юмора. У него была замечательная способность подражать. Иногда в лицах передавал он целый рассказ и очень метко. Смех его громкий и звонкий, как вообще его голос, отчетливый, ясный, он редко говорил тихим голосом»¹.

Согласно В.П. Мешерскому, «царь Александр III был великим русским государем. Он был велик не громкими и славными делами, он был велик духом своего царствования, духом своего служения России, проникавшим постепенно не только во все пути и тропинки духовной жизни государства как целебное, успокаивающее врачевание, но шедшее дальше, за пределы России, как волшебный двигатель и миролюбия, и умиротворения, и сила этого духа была так велика, что уже после первых годов царствования Александра вся Европа с Бисмарком, знавшим толк в вопросе о величии во главе, сознавала, что Россия растет государственной мощью, отражая в себе рост своего монарха. Историограф его призван невольно сопоставлять это действие царя, названного своим народом миротворцем, на Европу и это признание Европой роста и возвышения России от роста ее монарха – с другим царем, Александром, с Александром I, тоже названным Россией и Европой Великим, и сопоставлять, говорю я, для того, чтобы наглядно изобразить различие между сими двумя великими Александрями. Александр III, в продолжение своего царствования не вынув меча из ножен, добыл свое величие, тоже свершая победоносное шествие через Европу, но это шествие и эти победы совершал волшебного духа, и об этом шествии и об этой победе свидетельствует громко летопись всего света, вещающая, что благодаря

¹ Шереметьев С.Д. Мемуары. М.: ИНДРИК, 2004. Т. 1. С. 135.

влиянию русского монарха Александра III, не извлекшего меча из ножен, и в Европе мечи не вынимались из ножен, и во славу мира ни капли солдатской крови не было пролито»¹.

Николай II был совершенно не похож на своего отца. По воспоминаниям великого князя Александра Михайловича: «Будущий император Николай II рос в напряженной атмосфере вечных разговоров о заговорах и неудавшихся покушениях на жизнь его деда императора Александра II. Пятнадцати лет он присутствовал при его мученической кончине, что оставило неизгладимый след в его душе. Николай II был мальчиком общительным и веселым. Детство его протекало в скромном Гатчинском дворце в семейной обстановке, среди природы, которую он очень любил. Его воспитатели были сухой, замкнутый генерал, швейцарец-гувернер и молодой англичанин, более всего любивший жизнь на лоне природы. Ни один из них не имел представления об обязанностях, которые ожидали будущего императора Всероссийского. Они учили его тому, что знали сами, но этого оказалось недостаточным. Накануне окончания образования, перед выходом в лейб-гусарский полк, будущий император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его по знанию английского языка за настоящего англичанина, Точно также знал Николай Александрович французский и немецкий языки. Остальные его познания сводились к разрозненным сведениям по разным отраслям, но без всякой возможности их применять в практической жизни. Воспитатель-генерал внушил, что чудодейственная сила таинства миропомазания во время священного коронования способна была даровать будущему российскому самодержцу все необходимые познания»².

«Смерть отца, – продолжал Александр Михайлович, – застала его командиром батальона лейб-гвардии Преображенского полка в чине полковника, и всю свою жизнь он остался в этом сравнительно скромном чине. Это напоминало ему его беззаботную молодость, и он никогда не выражал желания произвести себя в чин генерала. Он считал недопустимым пользоваться прерогативами своей власти для повышения себя в чинах. Его скромность создала ему большую популярность в среде офицеров-однополчан. Он любил принимать участие в их вечерах, но разговоры офицерских собраний не могли расширить его умственно-

¹ Мещерский В.П. За Великую Россию. Против либерализма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 35–36.

² Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Иллюстрированная Россия. Париж, 1933. С. 109–115.

го кругозора. Общество здоровых, молодых людей, постоянной темой разговоров которых были лошади, балерины и примадонны французского театра, могло быть очень приятно для полковника Романова, но будущий российский монарх в этой атмосфере мог приобрести весьма мало полезного. В семейной обстановке он помогал отцу строить дома из снега, рубить лес и сажать деревья, так как доктора предписали Александру III побольше движения. Разговоры велись или на тему о проказах его младшего брата Михаила, или же о моих успехах в ухаживании за его сестрой Ксенией. Все темы о политике были исключены. Поэтому не было случая увеличить запас знаний. В царской семье существовало молчаливое соглашение насчет того, что царственные заботы царя не должны были нарушать мирного течения его домашнего быта. Самодержец нуждался в покое. Монарх, который сумел обуздать темперамент Вильгельма II, не мог удержаться от смеха, слушая бойкие ответы своих младших детей»¹.

По утверждению заместителя министра внутренних дел в будущем правительстве С.Ю. Витте князя С.Д. Урусова, за два года до смерти Александр III заболел «инфлюэнцией», после чего его здоровье быстро «пошло под гору». Это очень долго скрывали, и новость долго не проникала за стены царского дворца. Александр III сильно изменился, похудел, стал злым и мстительным, «реакционная система усиливалась и наконец достигла той степени, какая характеризует ма-ньяка». У приближенных царя даже возникла дерзкая мысль удалить Александра III на такое расстояние от Санкт-Петербурга, чтобы устранить его физическое участие в управлении государством. Местом его пребывания сначала выбрали Беловежье, потом – Спалу, а затем – Ливадию. Существовал также проект перевезти его на остров Корфу. Однако больной царь воспротивился этому. Между тем состояние его здоровья ухудшалось, и он согласился уехать в Ливадию. Смертельно больной Александр III продолжал работать, «засыпая над бумагами». Заграничные газеты уже всю писали о его будущей смерти и о том, как она повлияет на судьбу Европы. Последним делом Александра III было редактирование будущего Манифеста о восшествии на престол Николая II, где главной темой проходило требование преданности русского народа престолу².

¹ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Иллюстрированная Россия. Париж., 1933. С. 109–115.

² Князь У... Император Николай II. Жизнь и деяния венценосного царя. Лондон, 1910. С. 36–40.

О смерти Александра III российские подданные узнали из иностранных газет, одновременно с этими сообщениями в Исакиевском соборе Санкт-Петербурга служились молебны о «выздоровлении» уже умершего царя. Наконец, о его смерти было объявлено, и народ начал приносить присягу новому царю Николаю II. Однако произошел скандал. Марь Николая II, императрица Мария Федоровна, отказалась ему присягать. Министры и придворные «совершенно растерялись от такой неожиданности». Дело принимало тревожный характер. Запахло дворцовым переворотом, на который рассчитывал великий князь Владимир Александрович (третий сын императора Александра II). Волнение достигло наивысшего предела, никто не решался обратиться к Марии Федоровне с требованием принести присягу. Наконец, в отчаянии придворные обратились к одесскому генерал-губернатору А.И. Мусину-Пушкину, известному своей храбростью. Тот в сопровождении придворных вошел к императрице, «громко провозгласил императором Николая II, ободренные придворные поддержали его, и императрице ничего не оставалось, как преклониться перед совершившимся фактом... ее партия, с Воронцовым-Дашковым во главе, оказалась совершенно бессильной»¹.

Чем же был вызван столь отчаянный шаг Марии Федоровны? По мнению князя С.Д. Урусова, мать наследника опасалась, что «освободившийся от родительской опеки молодой царь» попадет «под влияние либералов» (Александр III отметил в 1892 г., когда наследнику было уже 24 года: «Он совсем мальчик, у него совсем детские суждения»). Следует отметить, что эти опасения были не напрасными. Либералы действительно ожидали от Николая II «чего-нибудь лучшего», чем «режима насилия, окриков и ударов». «Надежды зашевелились» сразу же после приезда нового царя из Ливадии в Санкт-Петербург. Новый император выразил недовольство полицией, «оттирающей» от него народ, не захотел ездить среди «шпалер солдат и шпионов», милостливо призвал поляков, которых не хотели к нему пускать. Во время поездки в Лондон он сказал депутации евреев, что «не любит религиозных и национальных гонений»².

По свидетельству И.И. Колышко, «вступив на престол еще более "неожиданно", чем его отец, Николай II знал Россию лишь по урокам Победоносцева (гражданское право) и Витте (политическая экономия) и по своему короткому путешествию на Восток... Царствование Ни-

¹ Князь У... Император Николай II. Жизнь и деяния венценосного царя... С. 46–47.

² Там же. С. 48–49.

колая II, как и его прадеда, началось с либеральных веяний... Чуть ли не с первых дней этого царствования в Царское Село стали ездить два ничего общего между собой не имевших человека: земский статистик Клопов и редактор "Петербургских ведомостей" князь Э. Ухтомский... Князь Ухтомский был одним из лиц, сопровождавших царя, тогда еще наследника, в его путешествии на Дальний Восток. Путешествие это, как известно, закончилось покушением японского фанатика, после чего наследник был спешно вызван обратно и уже ни в какие путешествия не выпускался... А с воцарением Николая II... стал во главе тогдашних либеральных кружков. Было время, когда гранки набора "Петербургских ведомостей" отсылались на просмотр в Царское Село. Царь стал как бы редактором газеты. А в состав своей редакции Ухтомский пригласил известнейших тогдашних столпов радикализма (во главе с Ашешовым). Была таким образом налажена оригинальная связь между самодержавием и революцией. Под двуглавым орлом печатались статьи, которых не решались печатать левые газеты. А ближайшие к Александру III лица, во главе с князем Мещерским, очутились в опале... Конец этим затеям положил Победоносцев при содействии графов Шереметева и Воронцова и императрицы Марии Федоровны. Из Царского Села был изгнан Клопов, а из редакции "Петербургских ведомостей" – революционеры. Ухтомский мгновенно перекрасился в правого... Витте написал свою нашумевшую книгу против земств. Царь произнес перед делегацией от земств свою речь о "бессмысленных мечтаниях". На смену либеральному Горемыкину был выдвинут Шереметевым обер-реакционер, близкий родственник князя Мещерского, Сипягин. А этот последний наладил примирение царя с издателем "Гражданина". Словом, был восстановлен во всей чистоте культ Александра III. Мечты царя о славе эмансипатора России разбились. Но их поспешили заменить другими»¹.

Постепенно «связь князя Мещерского с Царским Селом стала настолько тесной, что стороны перешли на "ты". Влияние императрицы-матери и дворцовой "камарильи" стушеввалось. Закадычный друг князя Мещерского, адмирал Ниллов, став флаг-капитаном его величества, разъезжал между Петербургом и Царским Селом, обменивая настуканные на машинке послания князя Мещерского (у Мещерского был такой почерк, что царь однажды взмолился: "Пожалей меня, разобрать твои каракули я не в силах") – на послания царские, каллиграфически написанные и запечатанные печатью с двуглавым орлом. В одном из таких пакетов

¹ Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания... С. 40–43.

в начале 1900-х гг. появилось письмо с заглавной дважды подчеркнутой фразой: "Я уверовал в себя!". «Союз» самодержца с подданным был типичен личными чертами "союзников". Мещерский брюзжал и капризничал, а царь истеризировал: "Не могу же я во всем тебя слушаться", – писал он "союзнику". Мещерский ослаблял нажим. Только лишь в отношении к Витте Мещерский не сдавался. Трижды царь за спиной своего "союзника" подписывал отставку Витте, но, застигнутый "союзником" (которого Витте предупреждал), рвал отставку и подписывал сочиненный Мещерским благодарственный рескрипт. Эта самоотверженная настойчивость Витте не спасла, а "союзу" Мещерского с царем нанесла почти смертельную рану»¹.

Таким образом, Николай II был совершенно не готов к роли правителя огромного раздираемого социальными и национальными противоречиями государства. Определенное время недостаток инициативы и необходимых деловых качеств царя первоначально не играл решающей роли в жизни государства, так как компенсировался способностями лиц, выдвинутых боготворимым им отцом. Он не спешил менять сановников, приближенных и облеченных особым доверием Александра III, несмотря на огромное влияние на Николая II, которым обладали великие князья – родные и двоюродные дяди царя. При этом у самодержца были собственные идеи. Как отмечает М. Ферро, «царь был мирным человеком по своей натуре, по крайней мере, в отношениях с дворами и европейскими державами. Он верил в свою «миссию» в Азии, желал мира другим, и интересы, которыми он руководствовался, совпадали, таким образом, с его идеалами. «Великий замысел» Николая II заключался в проведении разоружения и заключении всеобщего мира. У министров царя, воспитанных Александром III Миротворцем, в частности у С.Ю. Витте, были все основания поощрять его в этом деле. В то же время, как писал в своем дневнике военный министр А.Н. Куропаткин о мечтаниях Николая II в ту пору – «захватить Маньчжурию, Корею и Тибет, а затем Персию, Босфор и Дарданеллы ... государь хитрит с нами, но он быстро крепнет опытом и разумом и, по моему мнению, несмотря на врожденную недоверчивость в характере, скоро сбросит с себя подпорки и будет прямо и твердо ставить нам свое мнение и свою волю». Воля царя была направлена на осуществление его мечтаний: прежде чем вступить победителем в Константинополь – «второй Рим», который он называл Царьградом, стать адмиралом Тихого океана. Экс-

¹ Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания... С. 41–42.

пансия в Китае или где-либо в Азии считалась не войной, а «крестовым походом» – походом за цивилизацию.

В мае 1896 г. П.А. Столыпин участвовал в коронации Николая II. По древней традиции русские цари короновались в Москве. К этому времени отец П.А. Столыпина вот уже четыре года как ушел с военной службы и занимал должность заведующего дворцовой частью, то есть был комендантом Кремля. На его плечи легла значительная часть забот об устройстве коронации, устройство помостов для гостей, ковров на Красном крыльце, украшений и иллюминации. 14 мая 1896 г. в Успенском соборе состоялась коронация. Митрополит Санкт-Петербургский Палладий, первенствующий член Святейшего Синода, поднес императору бархатную подушечку с короной. В соответствии с чином священного коронования Николай II сам возложил на свою голову Большую императорскую корону, а потом Малую корону на голову императрицы Александры Федоровны. После этого царь произнес коронационную молитву, а митрополит Палладий прочел от лица народа молитву за царя. На картине придворного художника Лаурица Туксена запечатлен момент, когда митрополит, стоя на коленях и глядя на царя в горностаевой мантии со скипетром и державой в руках, произносит слова: «Покажи его врагам победительна, злодеям страшна, добрым милостива и благонадежна... Подчиненное ему правительство управляя на путь истины и правды». Справа от царя стоит золотая стена придворных. Среди них должен быть П.А. Столыпин в новом мундире с золотым ключом – знаком камергера, ибо он был пожалован этим придворным чином в связи с коронацией императора.

Коронация Николая II запомнилась не цепью торжеств и парадных обедов. Через четыре дня в обиход раз и навсегда вошло страшное слово «Ходынка». На Ходынском поле царь должен был встретиться со своим народом. По этому случаю в деревянных ларьках были заготовлены для бесплатной раздачи тысячи кулчков с подарками: кружка с царскими вензелями, фунтовая сайка, полфунта колбасы, вяземский пряник с гербом и орехи. Подарков заготовили десятки тысяч, а на поле собралось около полумиллиона. Народное гулянье было организовано из рук вон небрежно, никто не распорядился закопать ямы на краю поля или остановить толпы людей, с ночи прибывающих за подарками. Главным распорядителем коронационных торжеств был Московский генерал-губернатор. Этот пост занимал дядя царя великий князь Сергей Александрович, который, как говорили, сделал из генерал-губернаторства отдельное княжество или даже пашалык, не подчинявшийся никаким

законам. Полиции, занятой охраной высоких особ, некогда было думать о простом народе. Когда в толпе разнесся слух, что буфетчики раздают подарки своим и их на всех не хватит, толпа бросилась к ларькам. Полицейское заграждение смели, началась давка, в которой, только по официальным данным, погибло свыше 1 300 человек¹.

Проживая в Ковно, П.А. Столыпин лишь на короткое время приезжал в Москву и останавливался в огромных кремлевских апартаментах, которые занимал его отец. Несмотря на возраст, генерал вел полноценную жизнь. Одна из комнат была отведена под музыкальный салон. Там он музицировал на своей скрипке работы Страдивари. В этом же салоне была поставлена опера «Норма», которую с большим успехом приняла изысканная публика, приглашенная генералом. Очевидно, любовь к домашнему театру была у Столыпиных наследственной, и генерал следовал стопам своего деда, владельца крепостных артистов. А.Д. Столыпин лепил скульптуры и даже участвовал в художественных выставках. В его апартаментах собирались художники и поэты, устраивались философские и богословские диспуты. Пережив жену на десять лет, генерал по-прежнему отдавал дань сердечным увлечениям. Правда, его последний роман, как говорили, был самым странным. Он увлекся дамой еврейского происхождения. Как часто бывает с людьми богатырского здоровья, он заболел и умер в один день. Телеграмма о болезни отца и телеграмма о его кончине были доставлены в Колноберже одновременно. По словам дочери, П.А. Столыпин очень горевал о смерти отца. Она впервые увидела его лицо, мокрое от слез. Генералу от артиллерии А.Д. Столыпину устроили пышные похороны. Чеканным шагом прошли части Гренадерского корпуса, которым он командовал до своей отставки. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, которого после коронации прозвали «князь Ходынский», сказал по-французски: «Сегодня мы хороним последнего вельможу».

По данным дочери П.А. Столыпина – Александры, знакомство ее отца и Николая II произошло, когда П.А. Столыпин был еще Ковенским уездным предводителем дворянства: «Несомненно, слухи о том движении, которое создал в уезде мой отец, дошли и до императора, потому что отца часто вызвали в Петербург, откуда он возвращался с сияющим лицом и полный раздумий. Мама тогда очень оживлялась, и мы слышали разговоры о том, что молодой царь, подобно своему августейшему деду стремившийся к разрешению аграрного вопроса, намеревался при-

¹ Степанов С. Великий Столыпин. «Не великие потрясения, а Великая Россия». М.: Эксмо, 2012. С. 120.

близить к себе моего отца, так как подбирал для будущих реформ молодых и энергичных соратников»¹.

Судя по всему, П.А. Столыпин смог завоевать уважение и у помещиков, проживающих в его уезде. 22 июня 1899 г. он пишет жене из Ковно, что по секрету узнал: к именинам местные помещики поднесут ему бокал с аллегорическими фигурами великолепной работы. «Мне приятно, что они стараются сделать мне удовольствие и что мне удалось внушить им добрые чувства. Достанет ли умения и впредь не быть статистом и делать что-нибудь хорошее? Ведь до сих пор я служил себе просто, исполнял свои обязанности и не мудрил, а теперь надо большое умение и умение быть общительным, сохраняя авторитет и престиж». Много лет спустя, будучи премьер-министром России, П.А. Столыпин однажды в публичной речи прямо обратился к своему периоду жизни на западе Российской империи: «Именно в тех губерниях, о которых я теперь говорю, я научился ценить и уважать высокую культуру польского населения и с гордостью могу сказать, что оставил там немало друзей»².

П.А. Столыпин превратил свое имение в образцовое хозяйство с многопольным севооборотом и развитым животноводством. Здесь выращивались ячмень, горох, овес, картофель. Вместе с тем П.А. Столыпин видел, что растениеводство на малоплодородных и переувлажненных землях Прибалтики невыгодно, так как требует крупных затратных мелиоративных работ и удобрений. Поэтому он считал необходимой постепенную переориентацию местного сельского хозяйства в направлении животноводства. Время подтвердило этот вывод. П.А. Столыпин пытался лично следить за имением, даже когда стал губернатором. В Колноберже он следил за выращиванием и сбором урожая, занимался вопросами обработки фруктовых садов, лесопосадками, содержанием скота и другими сельскохозяйственными проблемами, но больше всего его интересовали лошади. Он с детства увлекался верховой ездой, владел несколькими верховыми лошадьми. Таким образом, П.А. Столыпин сделал это хозяйство полигоном для своих экспериментов по организации труда на земле. По словам его старшей дочери Марии, он весь «уходил в заботы о посевах, покосах, посадках в лесу и работах в фруктовых садах... Мой отец в своей непромокаемой шведской куртке, в высоких сапогах, веселый и бодрый, большими шагами ходит по мокрым скользким дорогам, наблюдая за пахотой, распоряжаясь, порицая или хваля управляющего, приказчика, рабочих. Подолгу мы иногда стоим под до-

¹ Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания... С. 15–16.

² Жиргулис Р. Петр Столыпин и Кедайняйский край... С. 148.

ждем, любуясь, как плуг мягко разрезает жирную, блестящую землю». С молодых лет к нему приклеилось прозвище «барин Пьер», оно сопровождало его всю жизнь¹.

Здесь, в Литве, он знакомится с хуторскими хозяйствами. «Общаясь с крестьянами, — писала дочь П.А. Столыпина Мария, — он затрагивал вопросы, которые их интересовали, выслушивал их просьбы и старался их удовлетворить, давая им советы, которые часто единогласно принимались жителями деревень». К нему тянулись и крестьяне соседних с Ковенским уездов. Поле его деятельности простиралось и за пределы губернии. Имелось у Столыпиных кроме Колноберже и еще одно имение, расположенное у границы с Германией. Прямой железнодорожной ветки в те места не было, и П.А. Столыпин ездил туда через Пруссию. Обычно, возвращаясь из очередной такой поездки «за границу», он делился впечатлениями. Его восхищало устройство бюргерских хуторов, организация работ на прусской земле. И многое из виденного там и передуманного легло в дальнейшем в основу столыпинской земельной реформы. П.А. Столыпин, изучив опыт литовской хуторской системы, организацию труда у прусских бюргеров, стал ратовать за то, чтобы и в России земля могла закрепляться за крестьянами в качестве личной собственности, за создание самостоятельных хуторских хозяйств, то есть особых имений. В результате, считал П.А. Столыпин, если в массе своей крестьяне станут собственниками, то они станут опорой государства. Он также выдвинул предложение о закреплении за крестьянами не только общинных, но желательного и государственных земель. При этом, считал реформатор, государственная помощь должна оказываться прежде всего крепким крестьянским хозяйствам, середнякам, то есть тем, кто уже доказал, что умеет хозяйствовать на земле.

П.А. Столыпин живо интересовался всеми видами деятельности на селе. Близким его соседом по Колноберже был некто Сигизмунд Кунат, человек деятельный, который устроил у себя в имении ряд мелких промышленных предприятий. На них изготавливались шляпы, одеяла, пледы. С. Кунат выставлял свои изделия на общероссийских выставках. На одной из них С. Кунат преподнес в дар императору Николаю II плед собственного производства. Заводчик рассказывал П.А. Столыпину, что царь, взяв подарок из его рук, произнес: «Благодарю вас, у меня как раз не было хорошего пледа». И он видел, что, уезжая с выставки в карете, Николай II покрыл себе колени этим пледом. По воспоминаниям

¹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине... С. 14.

потомка Кунатов Чеслава Милоша: «Колнобережье принадлежало Столыпинным. Они проводили здесь лето, в прекрасной провинции империи. Ближайшие соседи через реку моих дедушки и бабушки Кунатов. В детстве я слышал о лодке с колесами, которые вращали рукояткой. Ездили друг к другу на чай, навещали друг друга часто. Столыпину нравились барышни Кунат»¹. П.А. Столыпин во время каждого посещения Куната осматривал цеха и мастерские, а позже, будучи премьером, способствовал расширению промыслов соседа по Колнобережью.

В.Б. Лопухин вспоминал: «Неподалеку находилось имение Колнобережье Петра Аркадьевича Столыпина, женатого на весьма надменной Ольге Борисовне, урожденной Нейгардт, сестра которой Анна Борисовна была замужем за Сергеем Дмитриевичем Сазоновым, в ту пору советником посольства в Лондоне, впоследствии, в 1910 г., назначенным Министром иностранных дел». П.А. Столыпин, по его словам, сдружился с русским помещиком из дворянской служилой семьи А.А. Миллером, которому принадлежало имение Чехово. «Он (А.А. Миллер. – *Прим. авт.*) близко сошелся с хозяйничавшим верстах в тридцати в имении под Кейданами Петром Аркадьевичем Столыпиным, ставшим впоследствии премьер-министром, – вспоминал В.Б. Лопухин, – Столыпин и Миллер, в придаток к основным своим владениям, совместно приобрели небольшое общее имение под Таурогеном с сыроваренным заводом. Столыпин долго был Ковенским уездным предводителем дворянства. Когда он был назначен Ковенским же губернским предводителем, то ввиду ярких способностей и деловых качеств А.А. Миллера, при основательном его знакомстве с местными условиями и бытом, естественно желая к тому же опираться на друзей, Столыпин уговорил Александра Александровича принять назначение на освободившуюся должность уездного предводителя. Сделавшись же премьером с портфелем Министра внутренних дел, Столыпин исходатайствовал приятелю звание камергера и провел его на должность президента города Варшавы (нечто вроде городского головы по назначению) с солидным окладом и прелестною казенною квартирою неподалеку от Саксонского сада. К тому времени Александр Александрович был уже женат и с детьми»².

В имении Кейданы, рядом с большим местечком того же названия, жила многочисленная семья графа Э.И. Тотлебена. Ходили рассказы

¹ Милош Ч. Стихи из книг 1984–1994 гг. // Старое литературное обозрение. 2001. № 1 (№ 277). С. 321.

² Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел... С. 46–47.

о том, что он уверял, будто не может распознать своих восемь дочерей, когда видит их порознь, и только когда они являлись вместе, он узнавал, которая из них Матильда, а которая – Ольга. Графиня О.В. Тотлебен с незамужними дочерьми приезжала из Санкт-Петербурга весной и оставалась до осени. Приезжали также на лето и замужние дочери с детьми, их друзья и подруги, и кейданский дом в сто комнат кипел все лето молодой веселой жизнью. За домом тянулся огромный парк, в отдаленной части которого возвышался минарет. Когда граф Тотлебен построил замок и разбил парк, кто-то из его знакомых сказал ему, что все это очень красиво, но недостает здесь памятника, увековечивающего героя Севастополя, и что следует что-нибудь придумать, напоминающее Крым. Идея эта понравилась графу, и он провел ее в жизнь, построив в кейданском парке настоящий минарет. Рядом с минаретом, в маленьком домике, было собрано все, касавшееся покойного графа: его ордена, письма, мундиры, – и называлось это музеем. Когда какой-нибудь полк проходил через Кейданы, направляясь на маневры, что бывало ежегодно, графиня, в память мужа, приглашала офицеров ночевать в доме и устраивала в их честь обед и танцы. П.А. Столыпин начал ездить к Тотлебенам еще мальчиком верхом на лошадях с братьями и даже ходил туда пешком, хотя расстояние между обоими имениями было восемь верст.

Очень дружны были Столыпины также с семьей генерала Кардашевского, две дочери-близнецы которого были лучшими подругами дочери П.А. Столыпина – Марии. Бывала у Столыпиных и Е.Б. Бунакова – старая дева, дочь старичка, ковенского мирового судьи, В.А. Бунакова. Дети ее звали «Зетинькой». Когда она приезжала, то всегда просила у П.А. Столыпина массу советов по ведению своих дел: унаследовала она имение Эйраголы с большой мельницей, и все у нее там что-то не ладилось, и вечно она жаловалась на свою неопытность. П.А. Столыпин с поразительным терпением выслушивал ее бесконечные, запутанные и монотонные рассказы о каких-то обижающих ее соседях и чиновниках, о безденежьи, неумении свести концы с концами. Хотя она и осталась одна после смерти своих родителей, но содержала она еще всяких «приемышей», которых требовалось и кормить, и поить, и одевать, и учить. Кроме этих юношей жил в Эйраголах убогий старик Петрович, и «Зетинька» рассказывала о том, как он, сидя себе день-деньской, в уголке столовой, куда ему и есть подают, набивает папиросы, чем и зарабатывает небольшие деньги. П.А. Столыпин старался помочь ей и советами, и вмешательством в ее дела, где это было необходимо, и только

досадовал на то, что совет-то «Зетинька» попросит, а потом, выслушав его, сделает все по-своему, чем все спутает и испортит. А потом «Зетинька» снова являлась, снова просила помощи и словом и делом, и снова П.А. Столыпин серьезно слушал ее, вникал в ее нужды и помогал.

Знакомство с семьей П.А. Столыпина поддерживала и О.И. Лилиенберг – нестарая еще и красивая вдова, которая была женщиной весьма энергичной и деятельной и верной помощницей П.А. Столыпина при устройстве Народного дома. Во всех вопросах, где женский практичный ум нужнее мужского, он обращался к ней и с похвалой отзывался о ее советах и мероприятиях. Когда она приезжала, то привозила П.А. Столыпину в подарок орехи в сахаре и всегда радовалась при этом тому, что случайно узнала, что он их любит.

– А то, – говорила она, – хочется доставить Петру Аркадьевичу удовольствие, а что подарить человеку не пьющему и не курящему, врагу привычек?

Она была своим человеком в доме Столыпиных: много времени проводила с детьми, шила и вязала всякие вещи для дома и для детей, а вечером сидела с супругами Столыпиными в кабинете и слушала чтение.

Другим другом семьи был отставной генерал Ю.А. Лошкарев – толстый, с большими седыми усами с подусниками, приятный собеседник и умный образованный человек. Жил он в Ковно на первом этаже большого дома около бульвара и весь день сидел около окна в большом кресле. Ю.А. Лошкарев страдал одышкой и ночью спал тоже на этом кресле. Когда мимо него проходил кто-нибудь из знакомых, он в любое время года, какой бы ни была погода, открывал окно и разговаривал о том о сем, остря, смеясь, пересыпая разговор шутками. Ю.А. Лошкарев обедал у Столыпиных в определенный день каждую неделю в Ковне и гостил ежегодно недели две в Колноберже. Прощаясь, он всегда говорил:

– *Mille choses à Maman* (Тысячу приветов маме.), и кончилось тем, что дочь П.А. Столыпина – Елена обиженно сказала:

– *Vous dites toujours mille choses et ne donnez jamais rein* (Вы всегда говорите тысячу вещей, но никогда ничего не даете. Здесь игра слов: вещь и привет – называются одним словом).

Жалование П.А. Столыпина не могло покрыть расходов предводителя дворянства. Доходов от имений также не хватало. Архивные данные свидетельствуют о непрерывных заимствованиях у банков. В 1896 г. удельный вес кредитов в доходах составлял 15 %, в 1897 г. – 28 %, в 1898 г. – 35 %, в 1899 г. – 50 %. П.А. Столыпин брал новые кредиты, чтобы расплатиться по старым. Поэтому поскольку расходы

Столыпиных непрерывно росли, а заниматься имениями времени у него не было, то в будущем семью могли бы ожидать крупные финансовые неприятности. Следует добавить, что финансовые неприятности Столыпиных не являлись следствием их роскошной жизни. Единственное, на что семья предводителя дворянства не жалела денег, — это на немецких, английских, французских гувернанток для дочерей и на лечение старшей дочери, у которой были проблемы со слухом. Во всем остальном Столыпины вели весьма скромный для своего круга образ жизни. Должность предводителя дворянства была сопряжена с представительскими расходами. Зато стоимость жизни в провинциальном Ковно была значительно ниже, чем в столице. Предводитель дворянства, отчитываясь перед женой даже в незначительных тратах: «На пристани купил себе за 70 коп. красные татарские туфли»¹. Денежные проблемы Столыпиных объективно отражали разорение поместного дворянства.

Ежегодно в Колноберже Столыпины проводили, как они называли, «праздники рабочих». Устраивались они осенью после уборки урожая. Было обычаем в этот день детям всех наемных рабочих дарить по комплекту теплой одежды, а бабам — по теплomu платку. Шили платья для девочек и рубашки для мальчиков всем столыпинским домом: и жена П.А. Столыпина, и гувернантки, и дети, и горничные, и гостящие в доме друзья. Работали все лето — ведь подарки нужно было приготовить для сорока семей! Подарки, связанные пакетиками по семьям, укладывались в большие корзины. Другие такие же корзины наполнялись яблоками, пряниками, орехами, сладостями. Была и корзина специально для мужчин, а ее содержимое — табак, папиросы, фуражки. В день праздника во дворе господского дома ставились большие деревянные столы, к ним подкатывали огромную бочку с пивом и подносили жбаны с водкой. Веселье с бегом в мешках, лазанием по высокому гладкому столбу, бегом наперегонки, танцами под оркестр продолжалось допоздна. Рабочие приходили семьями, а их дети, получив подарки, тут же переодевались и веселились вместе со взрослыми в новеньких костюмчиках. Случалось, приходили какие-то женщины из дальних деревень, простоудушно заявляли, мол, слышали, что здесь раздают подарки. Для таких незваных гостей всегда находились запасные платки.

Также ежегодно Столыпины устраивали пикники в Игнацегродах — имении сестры П.А. Столыпина — М.А. Офросимовой, которое находилось недалеко от Колноберже, по другую сторону реки Невяжи. Со-

¹ Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». СПб., 2002. Т. 1. С. 34, 104–106.

гласно мемурам М.П. фон Бок: «Ни сама тетя Маша и никто из ее семьи никогда в Игнацегродах не бывал, и долгие годы сдавалось оно в аренду, а мой отец ежегодно туда отправлялся проверять, все ли у арендатора в порядке. Так как через Невяжу в Колноберже не было ни моста, ни паромы, то приходилось ехать кругом через мельницу, тоже принадлежавшую Офросимовым. Папа брал меня всегда с собой, и этот день проходил исключительно весело. Потом, по мере того, как подрастали сестры, их тоже стали брать с собой. Сначала обеих старших, Наташу и Елену, потом и двух младших, Олечку и Ару... Выезжали довольно рано, часов в девять утра. И с той минуты, как Казимир приносил из кухни всякие "вкусности", приготовленные Ефимом, и бережно устанавливал наполненную ими корзину в экипаж, делалось весело и как-то особенно легко. Впрочем, мой отец излучал из себя такую бодрость и энергию, что все, что делалось с ним сообща, было проникнуто духом ясности и бодрости. Ездил папа в Игнацегроды обыкновенно в "курлянке" или "нытычанке" – двух экипажах, не боящихся дорог, как бы плохи они ни были. Ехать надо было через длинную деревню Колноберже, начинающуюся около нашей кузницы и доходящую почти до усадьбы нашего соседа Кудревича. Как и во всех литовских деревнях, в ней перед каждым домом садик... Доехав до мельницы, останавливались и выходили из экипажей. Осмотр мельницы моим отцом, переправа на пароме, причем лошади распрягались, потом кусок дороги по мягкой траве лугов и, наконец, въезд в живописную, запущенную усадьбу – как все это врезалось в мою память. Господского дома в Игнацегродах не было, и на лужайке, где он, должно быть, когда-то стоял, находилась хата, в которой жил арендатор Харнес. Папа сразу начинал с ним длинный хозяйственный разговор, а я бежала в парк. Дорожек, конечно, давно не было, все заросло, но сам парк был расположен настолько красиво, что сохранил свою прелесть. Он спускался тремя искусственными террасами к Невяже: на каждой из террас по пруду, а внизу, среди зелени лугов, узкая, но глубокая серебряная Невяжа. На верхней террасе, против дома арендатора, запрятанный в кустах сирени, очаровательный каменный павильон, так называемая библиотека. В этой "библиотеке" мы и завтракали. К концу завтрака жена Харнеса неизменно являлась с графинчиком домашней наливки собственного изготовления. Графинчик стоял на стеклянном подносе, а кругом него стояли рюмочки – все это голубого цвета, и все это она с глубоким реверансом ставила перед папой на стол. Наливки у нас дома, конечно, делались, и летом большие четвертные бутылки с вишнями, залитыми спиртом, украшали собой окна колнобержского

дома, но подавалась эта наливка только в торжественные дни рождений и именин, почему и стояли в кладовых неимоверные запасы ее. Водку мой отец тоже пил, только когда был к обеду кто-нибудь из соседей, что случалось раза четыре за лето, кроме семейных торжеств. И вспомнить забавно, как графин с водкой запирался осенью в буфетный шкаф, а весной, когда мы приезжали из Ковны, стоял там наполовину полный, готовый к встрече гостей наступающего лета. Наливка арендатора в Игнацегроде казалась мне необычайно вкусной. Папа позволял мне тоже выпить полрюмки, она обжигала мне рот, и я была в восторге. Завтрак проходил очень оживленно... После завтрака папа приказывал подать лошадей, и мы ехали через леса, в фольварк Эйгули, принадлежащий тоже тете Офросимовой, а оттуда, на пароме – домой. Эйгули от Игнацегрода находились довольно далеко, и ехать приходилось верст семь. При въезде в лес кончалось царство арендатора Харнеса, и его сменял лесник Повилайтис, который верхом сопровождал наш экипаж, давая объяснения и отвечая на вопросы моего отца. Повилайтис ужасно любил показывать по плану, куда нам ехать и где мы в данное время находимся. План лежал открытым на коленях у папы, и Повилайтис, ехавший рядом с экипажем верхом, склоняясь над планом в своей фуражке с зеленым околышем, с лошади, водил с воодушевлением по плану тоненькой хвостинкой. Папа говорил в мою сторону: – Il faut lui faire plaisir (Нужно ему доставить удовольствие) – и потом, обращаясь к нему:

– Ну, Повилайтис, покажи-ка, я что-то не понял, в каком месте, ты говоришь, лес прочистить надо?

Лицо Повилайтиса расплывалось в широкую улыбку, и он с нескрываемой радостью тыкал по плану своей указкой, очевидно, гордясь пониманием плана. Поездка в Игнацегроды была настоящим пикником, с которого возвращались мы, утомленные и веселые, только часам к пяти-шести. Маленькие же поездки предпринимались часто: в лес за грибами, или ягодами, или на луга. Мы дети, гувернантки и няни ехали на линейке лошадьми, а папа и мама приходили пешком попозже в то место, где мы, разведя костер, пекли картофель»¹.

В 1899 г. П.А. Столыпин был назначен губернским предводителем дворянства и фактически стал вторым человеком в Ковенской губернии после губернатора. В его обязанности входило: 1) председательство: а) в губернском дворянском собрании; б) в дворянском депутатском собрании; в) в собрании предводителей и депутатов дворянства – рас-

¹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине... С. 69.

порядительном собрании, готовившем повестку для губернского дворянского собрания; г) по уполномочию дворянства, о нуждах и пользах общественных; д) в губернском земском собрании; е) в губернском училищном совете; 2) участие: а) в составлении дворянской родословной книги; б) в распоряжениях о наложении на дворян опеки за безмерную и разорительную роскошь, в освидетельствовании умалишенных дворян; в) в производстве суда с сословными представителями; г) в губернском присутствии (управление крестьянами); д) в губернском по земским и городским делам присутствии (управление горожанами); е) в губернском по воинской повинности присутствии; ж) в губернской оценочной комиссии (создание налоговой базы); з) в губернском порядительном комитете (взаиморасчеты с земствами по налоговым сборам); и) в губернском по питейным делам присутствии; к) в губернском по делам об обществах присутствии (регистрация общественных организаций); л) в губернском статистическом комитете; м) в должности одного из директоров, в губернском попечительном комитете о тюрьмах; н) в губернском комитете попечительства о народной трезвости; 3) управление дворянскими суммами (то есть сословной кассой); 4) присутствие в звании действительного члена в губернском попечительстве детских приютов¹.

Местные помещики-паны в подавляющем своем большинстве были польского происхождения и называли предводителя на польский манер «маршалэком». Такое обращение П.А. Столыпин принимал без особых эмоций, справедливо полагая, что только «экономический фактор» может сделать панов заинтересованными участниками задуманных им благотворных для всей губернии изменений. В 1901 г. предводитель дворянства выступил с обширным докладом «Об экспорте в Германию живого скота и мяса в связи с положением ветеринарного дела в губернии». По мнению П.А. Столыпина, у Ковенской губернии имелись «свои собственные пограничные интересы» для торговли с Западом. В самом деле, по его утверждению цены на мясо в Германии были в два-три раза выше внутренних российских, и Ковно был готов наладить экспорт своих мясных продуктов с очевидной выгодой для губернии. Экспортные поставки могли бы осуществляться через российский пограничный пункт Тауруген (Таураге), где для этого необходимо организовать ветеринарную службу. Особое место П.А. Столыпин уделил вопросу об экспортных ставках на товары, предлагаемые на вывоз за границу. Эти

¹ Сборник законов о российском дворянстве / сост. Г. Блосфельдт...

налоги, естественно, устанавливались центром. Однако П.А. Столыпин внес предложения о таможенных льготах для продукции из Ковенского края. Он также призывал организовать сбыт местного помещичьего скота в военное ведомство Ковенской крепости и одновременно со стороны возглавляемого из Сельскохозяйственного общества предложил помощь в организации военной скотобойни. «Открытие новых рынков сбыта, – резюмировал П.А. Столыпин, – создало бы, вероятно, целый ряд побочных производств, имеющих при настоящих условиях немаловажное значение для сельского хозяйства».

П.А. Столыпин также планировал организовать сельскохозяйственную школу с большим интернатом, с отдельным корпусом для ее директора и преподавателей. А полигоном для обучения должна была стать опытная животноводческая станция. Место для будущей школы выбрали неподалеку от Кедайняй, а именно в Дотнуве. У этого обширного имения постоянно менялись владельцы, и П.А. Столыпин добился того, что казна выкупила эти земли и утвердила его проект. А воплотил его в жизнь уже преемник П.А. Столыпина на должности Ковенского предводителя дворянства князь И.С. Васильчиков.

Широкое распространение пьянства в России, огромный вред, наносимый им здоровью, побудили народ в середине XIX в. к стихийному движению за трезвость. Впервые в России общество трезвости было официально учреждено в 1874 г. в селе Дейкаловка Полтавской губернии, а в 1882 г. в селе Татаево Смоленской губернии возникло «согласие» трезвости. К 1900 г. в России действовало 15 городских обществ трезвости, около 140 церковно-приходских в сельской местности и около 10 фабричных и заводских обществ. Кроме того, было 35 эстонских, 10 латышских и 10 финских обществ трезвости. Самое большое в России «Московское общество трезвости», организованное в 1895 г., в 1910 г. насчитывало 434 члена. Общества существовали на средства, полученные от годовых взносов своих членов, или на пожертвования. Они устраивали чайные и столовые, где чай и пища стоили дешевле, чем в обычных заведениях, для посетителей были газеты и журналы, а иногда и небольшие библиотеки с выдачей книг на дом. Общества проводили специальные чтения и беседы о вреде пьянства, раздавали листки и брошюры. В России издавалось несколько ежемесячных журналов, посвященных вопросам борьбы с пьянством: «Деятель», «Вестник трезвости» и «Народная трезвость».

22 декабря 1894 г. Министерство финансов во главе с С.Ю. Витте обратилось к интеллигенции с призывом объединиться для борьбы

с главным народным бедствием – пьянством. Как всегда, организовывалось все долго и мучительно. Лишь к 1898 г. был создан Комитет Санкт-Петербургского Попечительства о народной трезвости (уже при Николае II). В него вошли гласные городской Думы, среди них были предприниматели – владельцы кожевенного завода А.Н. и Н.Н. Брунницыны, помещица, вдова генерал-лейтенанта Е.Ф. Калакуцкая, актер императорских театров Н.Ф. Сазонов. «Августейшим председателем» Комитета стал принц А.П. Ольденбургский. В циркуляре С.Ю. Витте 1894 г. говорилось, что в борьбе с пьянством Попечительство должно устраивать дешевые чайные, столовые, библиотеки, читальни, театральные представления. Всем этим и занялся Комитет.

П.А. Столыпин использовал модное на тот момент политическое веяние и решил построить в Ковно один из первых в России Народных домов, которые старались объединить все формы образовательной и культурной досуговой деятельности. Народные дома ставили перед собой задачу развивать внешкольное образование, бороться с неграмотностью, вести лекционную работу. В них размещались библиотеки с читальнями, театрально-лекционные залы со сценическими площадками, воскресные школы, вечерние классы для взрослых, хоры, чайные, книготорговые лавки. При некоторых Народных домах устраивались музеи, где сосредотачивались различного типа наглядные пособия, используемые при чтении лекций в процессе систематических занятий, передвижные и постоянно действующие выставки. В Ковне Народный дом был построен в 1899 г., там была библиотека, читальный и театральный залы, столовая, комнаты для приезжих. Силами местных актеров на его сцене устраивались спектакли, народные балы. Первые сеансы синемаатографа в городе также состоялись в Народном доме. В труппе городского театра в то время вспыхнула ссора между двумя группами актеров, и было не обойтись без третейского судьи. Обратились к П.А. Столыпину, попросив его временно возглавить театр. В результате он смог добиться примирения в «приюте комедиантов» и помог театру материально, выкупил там ложу для себя, посещал с семьей спектакли, случалось, бывал и на репетициях.

В 1900 г. по инициативе П.А. Столыпина было организовано Сельскохозяйственное общество, которое взяло под свою опеку всю хозяйственную жизнь. Впервые сельскохозяйственные общества появились в первой половине XVIII в., когда стали обращать большее внимание на практическое усовершенствование сельского хозяйства и исследовать влияние на него различных мероприятий, как политических, так и хо-

зяйственных, что, в свою очередь, явилось результатом возникшей тогда науки о сельском хозяйстве. В конце 60-х гг. XIX в. в России существовало всего лишь 30 сельскохозяйственных обществ. В 1898 г. число всех Сельскохозяйственных обществ, как общих, так и специальных, доходило до 300 (в том числе около 170 самостоятельных и 125 отделов). Наиболее крупными были: Вольное экономическое общество в Санкт-Петербурге и Московское общество сельского хозяйства. В 1898 г. на основании положения Комитета министров, министром земледелия был утвержден новый Устав Сельскохозяйственных обществ. Согласно ему лица, желавшие образовать Сельскохозяйственное общество, подавали письменное заявление губернатору, который собственной властью мог разрешить открытие такого общества, если его деятельность распространялась только на территорию губернии¹.

При Сельскохозяйственном обществе, созданном П.А. Столыпиным в Ковенской губернии, был создан склад сельскохозяйственных орудий. Среди основных задач, отраженных в его уставе, – просвещение крестьян, внедрение современных методов хозяйствования на земле. В Обществе сформировались специальные группы – разведения садов, развития домашнего производства, проведения сельскохозяйственных испытаний, разведения породистых животных и т. д. Была создана секция земледелия, имевшая свои окружные агрономические комиссии. Эти комиссии должны были проводить экспертную оценку помещичьих хозяйств и давать свои рекомендации. Иными словами, создавались предпосылки для того, чтобы угоды края постепенно становились передовыми хозяйствами.

П.А. Столыпин председательствовал на годовых собраниях Ковенского общества сельского хозяйства и в 1901 г. сделал доклад об экспорте в Германию живого скота и мяса («Об экспорте в Германию живого скота и мяса в связи с положением ветеринарного дела в губернии»). С одной стороны, этот доклад был посвящен губернским проблемам: «Эпоха зернового хозяйства для нас кончилась, и конкурировать с хлебом внутренних губерний наша губерния не может». С другой стороны, он затрагивал в своем докладе такие общие вопросы, как российско-германская таможенная война, проецируя ее последствия на состояние местной экономики. «При заключении нового торгового договора с Германией у Ковенской губернии, кроме общих с остальными местностями России интересов... существуют свои собственные пограничные инте-

¹ Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ (Утвержденный 28 февраля 1898 г.). СПб.: Тип. Санкт-Петербургского градоначальства, 1898. С. 2–18.

ресы относительно условий экспорта в Германию живого скота, мяса... в свежем и сухом виде». По мнению П.А. Столыпина, у Ковенской губернии имелись «свои собственные пограничные интересы» для торговли с Западом. В самом деле, по его утверждению, цены на мясо в Германии были в два-три раза выше внутренних российских, и Ковно был готов наладить экспорт своих мясных продуктов с очевидной выгодой для местных хозяев. Экспортные поставки могли бы осуществляться через пограничный пункт Тауроген (Таураге), где для этого необходимо было организовать ветеринарную службу. Особое место П.А. Столыпин уделил вопросу об экспортных ставках на товары, предлагаемых на вывоз за границу. Эти налоги, естественно, устанавливались центром. Однако он внес предложения об особых таможенных льготах для продукции из Ковенского края. Характерно, что, выражая точку зрения местных помещиков, заинтересованных прежде всего в сбыте собственной продукции, реформатор мыслил в масштабах всей страны. П.А. Столыпин также призывал организовать сбыт местного помещичьего скота в военное ведомство Ковенской крепости и одновременно со стороны возглавляемого им Сельскохозяйственного общества предложил помощь в организации военной скотобойни. На основании выводов П.А. Столыпина ковенцы обратились в Санкт-Петербург с целью поддержки своей инициативы и получили из столицы России благожелательный ответ¹.

В том же 1901 г. Сельскохозяйственное общество организовывало ярмарку-выставку в Паневежисе, на которой местными помещиками и отдельными крестьянами были представлены различные породы лошадей, коров, овец, свиней, птицы. Выставка имела большой успех – выручка от продажи экспонатов составила немалую по тем временам сумму – приблизительно 30 тыс. руб. В отчетах зафиксировано, что за представленных на выставке-ярмарке коров и жеребцов в качестве поощрения получили денежные премии или сельскохозяйственные орудия – плуги, соломорезки и т. п. – крестьяне Жельвис, Ванагас, Виланишкис, Плаченис, Венажиндис, Иостайтис и другие хуторяне литовского происхождения. Успех выставки позволил организаторам сделать следующий вывод: «Наша Паневежская выставка должна быть хорошим рынком скота и лошадей, так как Паневежис лежит в центре губернии, вблизи такой культурной страны, как Курляндия, вблизи Риги. Имеются две железные дороги. Тем более, что покупатели и продавцы в городе всегда могут найти для постоя помещения за умеренную плату. Мы должны позабо-

¹ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–9.

таться, чтобы каждый экспонент мог дать сведения о пользе, качестве и свойстве представленных им пород и предметов в виде счетных книг и статистических данных, основанных на собственном опыте. Тут желающие могли бы прочитать свои лекции и рефераты». И уже на следующей выставке в Паневежисе программа была значительно расширена. В ней появился раздел сельскохозяйственной промышленности и кустарных промыслов, в том числе изделия кузнечного, бондарного, гончарного, кирпичного, слесарного производств, продукты мукомольного, пивоваренного и винокурного производств. Особо подчеркивалось, что эти промыслы должны развиваться, «ведь в крестьянских семьях всегда была потребность найти заработок в зимние, относительно свободные от работ дни». В этом смысле ярмарка являлась убедительным стимулом для хуторян. В документах выражалась уверенность, что «мы, члены сельскохозяйственного общества, можем оказать громадное влияние на развитие крестьянских промыслов». «Открытие новых рынков сбыта, – утверждал П.А. Столыпин, – создало бы, вероятно, целый ряд побочных производств, имеющих при настоящих условиях немаловажное значение для сельского хозяйства»¹.

В соответствии с планами П.А. Столыпина Ковенское сельскохозяйственное общество в 1905 г. открыло опытную станцию в Байсогале. Он также планировал организовать сельскохозяйственную школу с большим интернатом, с отдельным корпусом для ее директора и преподавателей. А полигоном для обучения должна была стать опытная животноводческая станция. Место для будущей школы выбрали неподалеку от Кедайняй, а именно в Дотнуве. У этого обширного имения постоянно менялись владельцы, и П.А. Столыпин добился того, что российская казна выкупила эти земли и утвердила столыпинский проект. А построена школа была уже при преемнике Столыпина на должности предводителя дворянства Ковенской губернии, князе И.С. Васильчикове. Кстати, его кандидатуру предложил в 1909 г. именно П.А. Столыпин. Примечательно, что устроители школы отклонили государственные учебные программы (из Санкт-Петербурга и Варшавы) и создали свою, приспособленную для Ковенской губернии, в которой особое внимание уделялось льноводству, полеводству, мелиорации, молочному животноводству и свиноводству².

¹ Сведения о выданных на Паневежской выставке 1901 г. наградах. Ковно, 1901. С. 3, 7; Отчет Комитета по устройству Паневежской выставки в 1901 г. Ковно, 1901. С. 5, 7.

² Князь Илларион Васильчиков. То, что мне вспомнилось. М., 2003. С. 11.

Не менее интересна записка, посвященная опыту страхования рабочих в европейских странах, которую П.А. Столыпин также составил в 1901 г. («Об опыте страхования рабочих в европейских странах»). Вопрос о страховании рабочих являлся широко обсуждаемой темой. Ссылаясь на европейский опыт, он писал: «Надо знать, куда мы идем? Если дело пойдет, то приведет к общему страхованию всех рабочих». Он возражал оппонентам, утверждавшим, что страхование приведет чуть ли не к социалистической организации рабочих. П.А. Столыпин предупреждал, что рабочий «готовит нам страшную месть, гораздо более страшную, чем всякое социальное движение, так как она неумолима, как всякое природное движение, – это уход рабочих... людские массы из тех мест, где они угнетены трудными условиями жизни, они ежедневно перемещаются в местности, где гнет материальных условий не так тяжел». Далее он продолжал: «Физическому закону диффузии подчинены не только жидкости, но и людские массы: из тех мест, где они угнетены трудными условиями жизни, они естественно перемещаются в местности, где гнет материальных условий не так тяжел. Но устроит ли касса уход рабочих и эмиграцию? Надо полагать, что она затормозит это явление будет не в состоянии, но бережливым и разумным рабочим она, быть может, поможет противостоять искушению эмиграции, и лучшие элементы, благодаря кассе, будут, быть может, сохранены делу сельского хозяйства, так что касса может оказать влияние на эмиграцию, если не в количественном, то в качественном отношении»¹.

С середины 90-х гг. XIX в. на одно из первых мест выдвинулись проблемы местного самоуправления и его роли в местной культурно-хозяйственной жизни. Как известно, проект Земской реформы предусматривал введение земств в 44 губерниях Европейской России. Но при издании «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1 января 1864 г. правительство отказалось от его введения в 9 западных губерниях (Виленской, Витебской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской) – по причинам особенностей национального состава населения, а также в малонаселенных, с численно незначительным помещичьим землевладением – Архангельской, Астраханской, Оренбургской губерниях. Вопрос о распространении земских учреждений на неземские губернии неоднократно возбуждался местными губернаторами еще в 1870–1880-х гг., ссылавшись на невозможность управлять местным хозяйством без привлече-

¹ РГИА. Ф. 1662. Оп.1. Д. 66. Л. 1, 2.

ния общественности. В середине 1890-х гг. такие обращения становятся все более настойчивыми, находя сочувствие у Николая II. МВД было поручено подготовить соображения о введении земских учреждений в этих регионах. Однако проведенное в марте 1898 г. Особое совещание с участием генерал-губернаторов и губернаторов Северо- и Юго-Западного краев обнаружило существенные разногласия как по характеру планируемых учреждений, так и по их составу и объему полномочий. Сойдясь во мнении о необходимости продолжения земской реформы, одни высказывались за введение в этих губерниях в полном объеме «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г., другие – за непременно ограничение участия в земствах польских помещиков и усиление роли администрации, третьи – вообще выступали против земского самоуправления, считая, что следует лишь реорганизовать правительственные учреждения, занимающиеся местными хозяйственными делами, пригласив в них выборных представителей от населения¹.

Разногласия по этому вопросу вскоре перекинулись и в высшие правящие сферы, приобретая при этом политическую направленность. Бывший в то время министром внутренних дел И.Л. Горемыкин, позиционировав себя принципиальным сторонником земских учреждений, считал, что системе административного управления вообще присущ «недостаток хозяйственной инициативы» и что необходимо передать управление земским хозяйством в руки «плательщиков местных земских сборов», уравнивая его в западных губерниях с городским хозяйством, управление которым уже с 1875 г. осуществлялось на основании общего городского положения. Цель предстоящей реформы он видел в продолжении уже предпринятых преобразований ради окончательного слияния во всех отношениях западных губерний с прочими коренными местностями империи. Пытаясь найти компромисс в решении этого вопроса, он в подготовленном проекте ввел ограничения представительства в земстве польских помещиков и увеличил представительство от крестьян, сосредоточил управление всей хозяйственной частью только в губернских собраниях и управах.

Новый глава МВД Д.С. Сипягин считал, что введение в западных и окраинных губерниях учреждений, основанных на выборных началах, является преждевременным. Николай II, видимо, несколько поменявший свою позицию, предложил министру разработать новый

¹ Корелин А.В. Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2010. № 3. С. 10–16.

проект, который предусматривал бы заведение земским хозяйством правительственными учреждениями при некотором участии местных представителей и только по назначению МВД. Проект был разработан, но убийство 2 апреля 1902 г. Д.С. Сипягина отодвинуло его обсуждение на заседании Государственного Совета. В.К. Плеве, поддержав основную идею своего предшественника, внес в нее существенные поправки. Из проекта сразу были исключены Архангельская, Астраханская, Оренбургская и Ставропольская губернии, население которых было признано несозревшим для самостоятельной земской хозяйственной организации. В западных губерниях управление всем местным хозяйством переходило в распоряжение губернских и уездных комитетов, а также губернских и уездных управ по делам земского хозяйства. Губернские комитеты, в состав которых входили губернатор (председатель), губернский и уездные предводители дворянства, должности которых в крае замещались по назначению правительства, представители важнейших ведомственных структур, непременные члены губернских присутствий, председатель и члены губернской управы и городской голова, а также земские гласные (по два от уезда), назначавшиеся министром внутренних дел по представлению губернатора, были облечены распорядительной властью. Уездные комитеты, состоявшие из уездных предводителей (председатели), исправников, всех земских начальников и податных инспекторов, представителей ведомственных учреждений, городского головы, земских уездных гласных и волостных старшин, назначавшихся губернатором, собирались лишь для предварительного обсуждения важнейших дел по земскому хозяйству. Исполнительная власть возлагалась на губернские и уездные управы. Первые состояли из председателя и трех членов – все по назначению министра внутренних дел, вторые – из уездного предводителя дворянства (председатель), исправника, податного инспектора, двух земских гласных и непременных членов управы, назначавшихся губернатором. Таким образом, весь контроль за земским хозяйством в этих губерниях фактически сосредоточивался в МВД¹.

В день назначенного обсуждения его проекта в Государственном совете В.К. Плеве разослал проект на обсуждение местных «сведущих лиц», среди которых по долгу службы оказался и П.А. Столыпин. В своей докладной записке, направленной В.К. Плеве, он сделал ряд интересных выводов, обобщений: во-первых, он подчеркнул, что свою главную задачу «эксперта» видит в том, чтобы оценить главные осно-

¹ Корелин А. В. Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2010. № 3. С. 10–16.

вания проекта «не с точки зрения административной их преимущества и удобства, а тех результатов, каковыми реформа эта отразится на всем укладе местной жизни»; во-вторых, он дифференцированно подошел к ответу на вопрос о земских гласных, разделив его на три пункта: 1) следует ли вообще вводить в земские комитеты гласных из местных жителей; 2) следует ли их назначать или избирать и 3) предоставить ли им право решающего голоса или только совещательного. Давая положительный ответ на первый вопрос, П.А. Столыпин высказался категорически против проведения земских выборов, ибо они в данной конкретной ситуации противостояния «русской и польской культур» приведут не к гражданскому миру, а, наоборот, к обострению борьбы и создадут «нездоровую атмосферу» в крае. Вместе с тем он считал неприемлемым и назначение гласных, ибо они не будут пользоваться авторитетом среди населения и неизбежно превратятся в пассивных наблюдателей. В поисках правильного решения П.А. Столыпин обратил внимание В.К. Плеве на порядок избрания присяжных заседателей для окружных судов. Имея десятилетний опыт руководства уездной комиссией по состоянию списков заседателей, он убедился на практике, что среди местного населения они пользовались авторитетом и никто не считал их фиктивными представителями. На этом основании П.А. Столыпин полагал, что именно межведомственные уездные комиссии способны обеспечить «умный подбор» земских гласных. Для придания авторитета гласным они должны утверждаться министром внутренних дел. Акцентируя внимание на составе земских гласных, он высказывал мысль о необходимости обязательного введения: во-первых, нескольких крестьян («по мотивам экономическим и политическим»); во-вторых, нескольких еврейских гласных, ибо они могут «дать хорошие практические советы». Что касается третьего вопроса, то, по его мнению, гласные, избранные авторитетной комиссией и утвержденные министром, должны пользоваться правом решающего голоса в земских делах¹. Замечания П.А. Столыпина не были учтены при доработке проекта Положения об управлении земских хозяйств в девяти западных губерниях, ставшего законом 2 апреля 1903 г.

На внутренней стене православной Спасо-Преображенской церкви в Кедайняй помещена памятная доска со следующей надписью: «Расписан храм сей в память статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина вечными молитвенниками о нем в 1913 г. при настоятеле протоиерее

¹ РГИА. Ф. 1162. Д. 68. Л. 1–4.

Антонии Лихачевском, ктиторе Викторе Тарабанько». Кедайняйский край с XVII в. был знаменит своей многоконфессиональностью. Во времена правления князей Радзивиллов (около 150 лет) город Кедайняй был своеобразным островом протестантства в католическом окружении, здесь жили представители 6 национальных и 6 конфессиональных общин. Шотландцы-реформаторы имели одну из самых больших общин во всем регионе Скандинавии и Балтии, немцы-лютеране – отдельное самоуправление, еврейская община была главной во всей Жямайтии (Жмуди). История православной общины в Кедайняй берет свое начало с середины XVII в., когда правитель города князь Януш Радзивилл второй раз женился на дочери господаря Молдавии Марии Лупул. Это был брак по расчету, потому что Радзивилл хотел втянуть своего нового тестя в войну против России. В 1648–1652 гг. он и построил в Кедайняй православную церковь имени Св. Андрея и обосновал здесь мужской православный монастырь. Эта община руссинов (белоруссов), которую составляло несколько монахов из-под Полоцка, была очень маленькая, экономически слабая, и князь поручил попечительство над нею самой большой и сильной общине Кедайняй – реформаторам. Тем не менее уже в конце XVII в. православная община столкнулась с экономическими трудностями, а в конце XVIII в., несмотря на то, что после раздела Речи Посполитой Литва вошла в состав России, совсем исчезла. В начале XIX в. православие в Кедайняй опять воскресло вместе с появлением здесь гарнизона царской армии, а позже – с увеличением количества русских, которые приезжали в город как представители царской администрации¹.

Спасо-Преображенская церковь в Кедайняй была ближайшим православным храмом от Колноберже, естественно, что члены семьи Столыпиных стали ее активными прихожанами. Духовником Столыпиных являлся настоятель кедайняйского храма протоиерей Антоний Лихачевский. Он возглавлял Преображенский приход в Кедайняй более шестидесяти лет! П.А. Столыпин знал и любил отца Антония с детских лет. Этот батюшка часто навещал Колноберже. Из года в год, когда Столыпины переезжали (обычно в апреле) из Ковно в свое поместье, к ним прибывал отец Антоний отслужить молебен и окропить комнаты дома святой водой. Отец Антоний был необыкновенно начитан, обладал живым умом, и Столыпины всегда были рады его посещениям. Их семейные торжества проходили при обязательном участии батюшки. После богослужений в Кедайняй П.А. Столыпин обычно заходил на квартиру

¹ Жиргулис Р. Петр Столыпин и Кедайняйский край... С. 148.

священника, и, случалось, они подолгу беседовали за чаем. В 1893 г. в церковном здании случился большой пожар. Собственных средств для ликвидации его последствий у общины не оказалось, и П.А. Столыпин немедленно организовал Строительный комитет по восстановлению храма и сам же его и возглавил. Еженедельно комитет собирался на квартире протоиерея Антония Лихачевского. Несколько раз П.А. Столыпин ездил в Петербург, где обращался за помощью в главный церковный орган – Священный Синод Русской православной церкви, в итоге литовскому просителю пошли навстречу и выделили на возобновление пострадавшего храма семь тысяч рублей. По просьбе П.А. Столыпина отрядили кое-какие средства и московские благотворители, и со временем Кедайняйскую церковь восстановили. Когда в 1896 г. при Преображенском храме было создано Попечительство, то председателем избрали П.А. Столыпина, справедливо надеясь, что он не обойдет своим вниманием нужды прихода. В 1902 г. в Кедайняй организовали Православное братство, и П.А. Столыпин стал его почетным членом и оставался таким до конца своей жизни. И хотя служил он впоследствии в Гродно, в Саратове, в Санкт-Петербурге, но практически каждый год в летнее время он обосновывался в Колноберже и, само собой, посещал родной храм в Кедайняй.

2. 1902–1906 гг.: ГУБЕРНАТОРСКИЙ ПЕРИОД

2.1. Гродненская губерния: небольшая губерния на национальной окраине

П.А. Столыпин был исполняющим делами губернатора Гродненской губернии с 30 мая 1902 г. по 15 февраля 1903 г. Назначен он был на эту должность министром внутренних дел В.К. Плеве, человеком противоречивым и сложным. Его отец, К.Г. Плеве, до двадцати лет считался германским подданным. Он поступил в Московский университет, который так и не закончил. С 4 июля 1842 г. недоучившийся студент начал преподавать историю и географию в Мещовском уезде Калужской губернии, перейдя в том же году в русское подданство. Там он женился на дочери небогатого помещика Е.М. Шамаевой, и через некоторое время у них появился сын Вячеслав. В 1851 г. семья переехала в Варшаву, где отец первоначально учительствовал, а затем был принят на службу в Окружной штаб Царства Польского. В столице Польши В.К. Плеве поступил в гимназию, но спокойно окончить ее не дали события восстания 1863 г. В 1863 г. он закончил Калужскую Николаевскую гимназию с золотой медалью и поступил на юридический факультет Московского университета. Закончив обучение в университете, В.К. Плеве в 21 год устроился на государственную службу и 16 августа 1867 г. определился кандидатом на судебные должности при прокуроре Московского окружного суда. В 1879 г. его назначили прокурором Санкт-Петербургской судебной палаты. В 1881–1884 гг. В.К. Плеве был директором Департамента государственной полиции.

Одним из главных источников роста революционного движения он считал успех пропаганды революционных идей. Когда, благодаря идейному и организационному руководству «Народной воли», студенческое движение в 1879–1882 гг. обрело серьезный размах, В.К. Плеве, бывший тогда наблюдательным директором Департамента полиции, заметил: «Крамола производит во время студенческих беспорядков рекрутский набор»¹. В беседе с И.И. Янжулом В.К. Плеве заявил, что он «твердо уверен, что неустройство университетской жизни дает пищу развитию у нас революционного духа и подготовляет двигателей всех будущих смут, поддерживая и рас-

¹ Троицкий В.И. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1983. С. 27.

пространя в то же время в народе недовольство чуть ли не каждой мерой правительства»¹.

Большая часть службы В.К. Плеве прошла именно в Департаменте полиции. «Известность Плеве приобрел еще на должности директора департамента полиции, – писал В.И. Гурко, – на которую был назначен вскоре после убийства 1 марта 1881 г. императора Александра II. В ту пору он настолько сумел наладить полицейский аппарат, что ему удалось в короткий срок почти совершенно разгромить революционную партию "Народной воли": не только прекратились террористические акты, столь частые в последние годы царствования Александра II, но даже сами попытки их совершения»².

По воспоминаниям действительного статского советника И.И. Колышко: «Плеве можно назвать русским герцогом Альба. Сын бедного шляхтича какого-то белорусского местечка, Плеве проделал всю свою карьеру без виттовских наскоку и нахрапу, исключительно каторжным трудом, изумительной смесью бархатистости и стали, вкрадчивости и цинизма, умением ненавидеть, поймать, подсидеть. Он уступал Победоносцеву в научности, но не уступал Витте в беспринципности. Такой же интриган и карьерист, он был головою выше Витте по инстинкту и навыку государственника и безмерно культурнее своего соперника. И он гораздо дольше ждал своего дня (будучи гораздо старше Витте), накопив в своей холодной душе гораздо больше яду и мести. В среде русской высшей бюрократии Плеве всегда считался кандидатом в министры, но все почему-то были убеждены, что министром он никогда не будет... Как и все юристы той эпохи, Плеве в свое время либеральничал, что не помешало ему стать при графе Д. Толстом во главе полиции. Ведь либеральничал же на том же посту впоследствии и Дурново, а потом и творец Азефа – Лопухин. Покуда полицейское дело в России руководилось юристами, оно как-то уживалось с либеральными, то есть освободительными чаяниями. Либерализм в России вообще ни к чему не обязывал. В Булыгинской комиссии, стряпавшей Булыгинскую думу, на крайнем левом фланге, то есть во главе "конституционистов", сидел Трепов. Несколько дней спустя после своего приказа "патронов не жалей" у него был интимный разговор с товарищем по полку, и суровый диктатор произнес буквально следующее! – Моя забота – спасти династию. А какими средствами, безразлично. Конституция, так конституция! Но я не останавлиюсь и перед поголовным расстрелом». Карьера

¹ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном. М., 2006. С. 299.

² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М.: НЛЮ, 2000. С. 132.

В.К. Плеве как министра внутренних дел во многом была случайной. После убийства 15 апреля 1902 г. Д.С. Сипягина В.П. Мещерский, этот «ментор» Николая II, «с разбегу предложил царю кандидатуру Плеве – того самого Плеве, которого он не допускал к власти со времен Александра III»¹. Сделано это было, видимо, по старой памяти, ведь после убийства Александра II именно В.К. Плеве разгромил «Народную волю».

В результате этого 4 апреля 1902 г. В.К. Плеве стал министром внутренних дел. Он сразу «понял разницу между Александром III и его сыном». За внешний облик подчиненные прозвали нового министра «Орлом», а один из сотрудников Министерства внутренних дел А. Погожев следующим образом описал своего начальника: «По широким плечам, могучему торсу он напоминал не столько властительного министра, сколь сановитого помещика доброго старого времени. Свободно выражаясь, он в плавной, неторопливой, тихой речи как бы ронял слово за словом, с какой-то рассеянной задумчивостью, производя впечатление человека одинокого, усталого, издевавшего жизнь и людей. Цвет его лица был бледен, густые седые усы характерно окаймляли рот, коротко стриженные волосы серебрились, но замечательнее всего были его брови, от времени до времени сурово нахмурившиеся под влиянием того или иного душевного настроения». На кадета В.П. Обнинского дорвавшийся до власти выходец из низов произвел иное впечатление: «Сын бедного калужского аптекаря (о происхождении и молодости В.К. Плеве в то время ходили разные слухи и сплетни. – *Прим. авт.*), ногами месивший грязь большой дороги... Плебей, он затаил навсегда презрение к родовитости и любил ставить глуповатых предводителей дворянства и губернаторов в неловкое положение умышленно недоступными им вопросами... Умный администратор, наконец. Плеве притворялся перед всяким нужным ему человеком искренним слугою родины и народа и любил в туманных выражениях обнаруживать якобы таившиеся в нем залежи либерального золота, на деле бывшего лишь серым колчеданом. Словом, это была нешаблонная, сложная натура, на голову превосходившая всех влиятельных членов правительства. И только Витте мешал ему на дороге к безраздельной власти над Россией и царем»².

Очень скоро выяснилось, что на своем новом посту В.К. Плеве не устраивал ни значительную часть правящей элиты, ни либеральное об-

¹ Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания... С. 41–43.

² Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М.: Изд-во «Республика», 1992. С. 62.

щество, ни революционеров. Однако даже при таком раскладе сил избавиться от нового министра внутренних дел оказалось совсем не просто. С.Ю. Витте как-то раз заметил: «Плеве так долго добивался поста министра, что, добившись своей цели, он готов был задушить всякого, кого он мог подозревать в способствовании его уходу с министерского поста». В справедливости данного утверждения его автор имел возможность убедиться на собственном опыте. Первыми попробовали отстранить В.К. Плеве «верхи» весной 1903 г. Интригу против министра внутренних дел начал его подчиненный С.В. Зубатов, которому надоела двойственная и слишком осторожная политика начальника в рабочем вопросе, его вечный оппонент С.Ю. Витте и князь В.П. Мещерский, обожавший любые дразги и склоки. Посовещавшись, заговорщики выработали следующий, довольно примитивный план действий. С.В. Зубатов составил подложное письмо, якобы попавшее к нему во время перлюстрации, в котором некий «преданный престолу» человек писал своему знакомому, что В.К. Плеве обманывает своего государя и ведет страну к гибели, а единственный, кто может ее спасти, – это С.Ю. Витте. В.П. Мещерский должен был передать письмо Николаю II, а С.Ю. Витте – взять власть в свои руки после того, как император сместит министра внутренних дел. Однако исход интриги был совершенно иной, чем тот, на который рассчитывали ее участники. Прознав о подкопе под свое кресло, В.К. Плеве в августе 1903 г. вызвал С.В. Зубатова к себе на дачу и в категоричной форме потребовал от своего подчиненного уволиться из Министерства внутренних дел и немедленно покинуть Санкт-Петербург. В том же месяце свой пост министра финансов потерял и С.Ю. Витте.

До сих пор идут споры о том, кем был В.К. Плеве – консерваторм или либералом. По мнению его политического оппонента С.Ю. Витте, В.К. Плеве вовсе не имел никаких убеждений¹. В разговоре с генералом А.Н. Куропаткиным С.Ю. Витте дал следующую характеристику В.К. Плеве: «Человек не государственного склада ума, никаких новых широких путей не изобретет и России не выручит. Но очень умен, опытен, обладает сильным характером, лично смел, очень хитер и чрезвычайно способен к интриге. Необычайно умеет скрывать свои мысли и планы»². Другой российский политический деятель начала XX в. В.И. Гурко отмечал, что «наиболее распространенное мнение» о В.К. Плеве «было, что он – простой карьерист, исповедующий те взгляды, которые в данную минуту в служебном отношении разделять всего выгоднее». Впро-

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин, 1922. Т. 2. С. 185.

² Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 189.

чем, сам В.И. Гурко замечал, что ближайшее знакомство с В.К. Плеве убеждало в обратном. По его мнению, В.К. Плеве хотя и «высказывал те взгляды, которые соответствовали господствующему настроению», но «отнюдь не был индифферентом, он искренне и глубоко любил Россию, глубоко задумывался над ее судьбами, сознавал всю тяжесть того кризиса, который она переживала, и добросовестно стремился найти выход из него»¹.

Кадет И.И. Петрункевич считал, что у В.К. Плеве вообще не было каких-либо постоянных взглядов: «Поляк по происхождению, Плеве стал теперь "истинно" русским, католик по рождению, теперь он "истинно" православный, вчера правая рука Лорис-Меликова, сторонник реформ и удаления графа Д.А. Толстого из министерства народного просвещения, сегодня он вместе с графом Д.А. Толстым – сторонник ежовых рукавиц, а завтра будет устраивать погромы, пороть крестьян и служить молебны Серафиму Саровскому. Его будущее также ясно, как известно его прошедшее»². Ни одна из политических групп российского общества не считала В.К. Плеве своим. Так, уже будучи министром внутренних дел, он вступил в первую православно-монархическую организацию – «Русское Собрание». С другой стороны, о своем настоящем отношении к евреям В.К. Плеве признался И.И. Янжулу: «Все меня почему-то считают юдофобом, тогда как меня скорее следует назвать юдофилом; я с детства знаю евреев и уважаю их за многие почтенные качества... Если мне в качестве товарища министра в некоторых комиссиях пришлось действовать против евреев, то не надо забывать, что я был тогда исполнителем чужих распоряжений, а затем закон вообще не должен ломать жизни и опережать ее»³.

Достаточно неоднозначными были взгляды В.К. Плеве и по отношению к крестьянской общине. Так, А.А. Половцев запечатлел конфиденциальный разговор между ними, происходивший 1 мая 1902 г., в котором недавно назначенный министр внутренних дел заявил бывшему государственному секретарю: «Я сознаю, что коллективизм и выразитель его – общинное владение – вздор, ведущий лишь к неурядице»⁴.

Некоторые современники утверждают, что в студенческие годы В.К. Плеве был... народником. Если учесть, что многие современни-

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 130–131.

² Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Берлин, 1934. Т. 21. С. 336.

³ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном... С. 77.

⁴ Дневник А.А. Половцева // Красный Архив. 1923. № 3. С. 144.

ки В.К. Плеве прошли весьма интересные метаморфозы: В.С. Зубатов и монархист Л.А. Тихомиров в молодости тоже были народниками, а С.Ю. Витте выступал инициатором создания черносотенной «Русской дружины», – это предположение не кажется столь уж невероятным¹. Сам В.К. Плеве говорил следующее: «Я полагаю, что никакой государственный порядок не может оставаться навсегда неизменным и, очень может быть, наш государственный строй лет через 30, 40, 50 должен будет уступить место другому»². Таким образом, В.К. Плеве не собирався сохранять неизменным существовавшую систему государственного устройства, предлагая реформировать различные стороны проводившейся внутренней политики («самые способы управления обветшали и нуждаются в значительном улучшении»³, – писал он в одном из писем А.А. Кирееву), но главное для министра было то, чтобы исторические события развивались «с известной постепенностью» и все общегосударственные вопросы решались «только сверху, а не снизу»⁴. Предвидел он и возможность революции: «Я не отрицаю возможность бурного проявления недостаточно осознанных стремлений», и этот момент министр считал «наиболее опасным для реформ, так как всякий сдвиг растревоженной массы и всякое потворствование даст тот же эффект, как и сотрясение сосуда при нагретой жидкости»⁵.

Здесь уместно затронуть еще один вопрос – «народного представительства». С.Ю. Витте писал, что в молодости «Плеве, который еще не износил свою либеральную шкуру... преклонялся перед графом Лорис-Меликовым, хотевшим положить начало народного представительства, а затем пред графом Игнатьевым, носившимся с идеей Земского Собора»⁶. «Я сторонник земских учреждений и убежден, что никакой государственный строй не мыслим без привлечения общества к местному управлению, считаю, что при самодержавном строе государства необходимо широкое развитие местного самоуправления», – говорил министр внутренних дел председателю Московской губернской управы Д.Н. Шипову. 28 февраля 1904 г. на заседании Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности В.К. Плеве офици-

¹ Иванов А.Е. В.К. Плеве – Министр внутренних дел (1902–1904 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 18.

² Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 176.

³ Письмо В.К. Плеве к А.А. Кирееву // Красный Архив. 1926. № 5 (№ 18). С. 212.

⁴ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом... С. 176, 234.

⁵ Кауфман А.Е. Русский энциклопедист // Исторический вестник. М., 1915. Т. 89. № 2 С. 508.

⁶ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 74.

ально заявил, «что он вообще не считает возможным в настоящее время создавать законы для всей России из Санкт-Петербурга. По его мнению, участие местных сил в обсуждении законодательных предположений является, безусловно, необходимым»¹.

Важным шагом в реализации программы В.К. Плеве стал Манифест 26 февраля 1903 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Он был плодом творчества нескольких людей: В.И. Гурко написал часть, касающуюся крестьян, А.А. Лопухин – об укреплении веротерпимости, Д.Н. Любимов – о реформе местного управления; В.К. Плеве же принадлежала общая реакция. В целом этот документ отражал в общем виде план первоначальных реформ, задуманных В.К. Плеве. В Манифесте констатировалось наличие смуты в государстве, провозглашалось, что вместе с реформами власть будет твердо противодействовать «всякому нарушению правильного течения народной жизни». Манифест призывал «укрепить неуклонное соблюдение властями заветов веротерпимости... благоговейно почитать православную церковь первенствующей и господствующей». Таким образом, делая заявку на изменение правительственной политики, Манифест напоминал, что власть будет строго соблюдать ценностные ориентиры развития, существующие в империи. Остальные части манифеста будут проанализированы в соответствующих главах².

Девиз В.К. Плеве заключался в фразе «сначала успокоение, потом реформы». Для того, чтобы совершить модернизацию страны, реформирование всей внутренней политики, по его мнению, необходимо было создать единый центр, орган, обладающий властью и авторитетом, который стал бы координировать политику различных ведомств. В качестве такового органа он видел Министерство внутренних дел. И как бы ни относилось общество к чиновничеству – это единственная сила, способная провести реформирование империи. Причем в одиночку и бюрократии не справиться со стоящими перед ней задачами. Необходима была поддержка общества. Такова была позиция В.К. Плеве.

Заняв пост министра внутренних дел, В.К. Плеве нуждался в поддержке. Настоящей опорой В.К. Плеве было его Министерство внутренних дел. Многие ближайшие сотрудники В.К. Плеве занимали после его смерти ключевые посты в государственном управлении: П.Н. Дурново, А.В. Кривошеин, В.М. Гурко, Б.В. Штюмер, С.Е. Крыжановский. Некоторые же из них, такие как Н.А. Зиновьев, В.В. Валь, А.С. Стишин-

¹ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 174, 201, 203.

² Любимов Д.Н. Отрывки из воспоминаний // Исторический архив. 1962. № 6. С. 78.

ский и А.А. Лопухин, отошли от активной государственной деятельности. Часть из них (В.И. Гурко, А.В. Кривошеин, С.Е. Крыжановский) стали соратниками П.А. Столыпина. В.К. Плеве пытался привлечь на свою сторону даже лидеров оппозиции. Так, известный либерал, один из основателей кадетской партии П.Н. Милюков в начале 1903 г. сидел в тюрьме «Кресты». Под влиянием ходатайств В.О. Ключевского Николай II предложил В.К. Плеве побеседовать с арестантом и в зависимости от впечатления решить, освобождать ли его досрочно или нет. В.К. Плеве, хорошо зная «Очерки русской культуры» П.Н. Милюкова и имея благоприятные отзывы о нем, как об интелigente и научном работнике высокого профессионального уровня, решил своему собеседнику сделать предложение вот какого рода. Как вспоминал впоследствии сам П.Н. Милюков: «Он (В.К. Плеве) спросил меня в упор: что я сказал бы, если бы он предложил мне занять пост Министра народного просвещения... Я ответил, что поблагодарил бы министра за лестное для меня предложение, но, по всей вероятности, от него отказался». На вопрос «почему?», историк ответил серьезно: «Потому что на этом месте ничего нельзя сделать»¹.

Высказывались разные суждения о том, кто помог П.А. Столыпину занять этот пост исполняющего должность гродненского губернатора. Наибольшее распространение получила версия, что протекция была оказана директором Департамента полиции А.А. Лопухиным, товарищем П.А. Столыпина по Орловской гимназии и даже его дальним родственником. Точнее было бы сказать, что назначение П.А. Столыпина, а также ряда других лиц было связано с перестановками в правительстве, которые начал В.К. Плеве. Он и взял А.А. Лопухина на ключевой пост директора Департамента полиции. В.К. Плеве в условиях нарастающего системного кризиса стремился укрепить среднее звено государственного аппарата новыми администраторами, способными не только к четкому исполнению распоряжений верховной власти, но и к принятию нестандартных решений.

Старый состав губернаторов его явно не устраивал тем, что тот либо не мог, либо не хотел перестраиваться. Очень ярко характеризовал существовавшее положение князь С.Д. Урусов, также совершенно неожиданно назначенный В.К. Плеве Бессарабским губернатором. Он утверждал, что после того, как новый министр внутренних дел начал менять губернаторов, своей должности лишился и «князь Щербатов,

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 144.

который за три года управления губернией приобрел славу прекрасного администратора». Какого же было удивление его преемника, когда тот нашел «в губернаторском столе все министерские пакеты с надписью: "секретно, в собственные руки" нераспечатанными». Причем рассказ этот исходил от самого возмущенного В.К. Плеве¹.

На губернаторские посты западных губерний В.К. Плеве подбирал людей образованных, «в меру либеральных», имевших тесные связи с местным дворянством, дабы оказывать на него влияние. При назначении в Гродненскую губернию учитывалось и то, что П.А. Столыпин хорошо знал национальные и экономические особенности этой западной окраины империи. Не осталась незамеченной В.К. Плеве записка П.А. Столыпина по проекту Положений об управлении земским хозяйством в девяти западных губерниях, представленная им в 1902 г. Не меньшее значение, чем протекция А.А. Лопухина, имело значение содействие директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел А.П. Роговича, который до перевода в столицу служил Ковенским губернатором. В январе 1902 г., провожая губернатора, предводитель дворянства П.А. Столыпин произнес прочувствованную речь: «Надеемся, на блестящем вашем жизненном поприще вам будут сопутствовать лучшие пожелания ковенского дворянства». По инициативе П.А. Столыпина дворяне собрали деньги и учредили в ремесленном училище стипендию имени А.П. Роговича. Естественно, что А.П. Рогович, которому В.К. Плеве поручил «подыскание лиц, пригодных на губернаторские посты», в числе первых кандидатов должен был назвать П.А. Столыпина. Наконец, учитывались пожелания влиятельных польских магнатов. Граф А.И. Тышкевич, чьим мнением о кандидате на пост гродненского губернатора интересовался Николай II, указал на П.А. Столыпина как приемлемого для поляков администратора. Одним словом, все мнения сошлись на П.А. Столыпине, и он получил важное назначение².

Таким образом, П.А. Столыпин попал в ряды так называемых «плевенских губернаторов», целью которых было «овладеть движением» земцев-конституционалистов, вербовавших своих сторонников среди дворянства (социалистов В.К. Плеве предполагал разгромить с помощью полиции, рабочее движение – при содействии С.В. Зубатова и Г.А. Гапона). По плану В.К. Плеве они должны были, «где надо лаской, где угрозой, внести разложение в ряды формирующейся оппо-

¹ Урусов С.Д. Очерки прошлого. М., 1907. Т. 1. Записки губернатора. Кишинев. 1903–1904 гг. С. 5.

² Бородин А.П. Столыпин: Реформы во имя России. М., 2004. С. 50.

зиции». Правда В.К. Плеве ставил в вину П.А. Столыпину чрезмерную склонность «к фразе и позе», но в целом он ценил своего гродненского губернатора¹. В.К. Плеве правительственной телеграммой срочно вызвал в Санкт-Петербург П.А. Столыпина из германского города Бад-Эльстер, где тот с семьей находился на отдыхе (в лечении нуждалась его старшая дочь Мария, перенесшая лихорадку), и предложил ему должность гродненского губернатора (предыдущий губернатор Н.П. Урусов перед этим был назначен Полтавским губернатором)².

М.П. фон Бок так описывала это событие: «В середине мая 1902 г. мы весело выехали в Эльстер. Было нас десять человек, так что в Берлине, где мы проездом останавливались на два дня, пришлось в гостинице занять целую амфиладу комнат. Я была еще очень слаба, и эта остановка была сделана, чтобы дать мне отдохнуть, а папа поехал один вперед, чтобы нанять нам в Эльстере виллу... Папе доктор прописал грязевые ванны для его больной руки, и очень скоро стало появляться в ней, к нашей несказанной радости, подобие жизни, чего не наблюдалось уже восемнадцать лет. Днем, в свободное от лечения время, мы часто катались, посещая с моими родителями соседние города. В одном был музей музыкальных инструментов, в другом – фабрика изделий из перламутра, которыми были переполнены магазины Эльстера, в третьем – еще какая-то достопримечательность. Самочувствие у папы было великолепное. Надежда, хотя и слабая, на выздоровление руки его ободряла, и время протекало чудесно... Моим самым любимым временем дня в Эльстере был вечер, когда так приятно было сидеть на нашем балконе. Вилла лежала поодаль от парка, откуда еле-еле долетали звуки музыки, потом она стихала, и через некоторое время раздавалась песня почтальона, трубившего в свой рог. Вскоре показывался и он сам на длинной желтой тележке. Так поэтичны были мелодии, разносящиеся в тихом воздухе, и такой стариной веяло от самого почтальона и его резвой лошадки, что душа переносилась в давно исчезнувшую Германию Гете, целомудренно-вдумчивую и полную поэзии. За темным сосновым лесом торжественно опускалось солнце, звуки рога умирали вдаль, и мы шли спать, умиротворенные, спокойные и счастливые. Этой жизни дней через десять был неожиданно положен конец. Пришла телеграмма от министра внутренних дел, Плеве, только что сменившего убитого революционером Сипягина, вызывающая папа

¹ Изгоев А. П. А. Столыпин. Очерки жизни и деятельности. М.: Книгоизд-во К.Ф. Некрасова, 1912. С. 15.

² Табачник Д., Воронин В. Петр Столыпин. Крестный путь реформатора. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 43.

срочно в Петербург. Не только мы, дети, но и наши родители настолько сроднились с Ковной, так был чужд какого-нибудь карьеризма мой отец, что все мы себе голову ломали над тем, что мог бы значить подобный вызов, не представляя себе, что речь шла о новом назначении. Грустно простились мы с папой и остались одни в Эльстере, теряясь в догадках и надеясь вскоре увидеть отца снова с нами. Отъезд папы был особенно грустен из-за прекращения столь удачно начавшегося лечения. Дня через три все выяснялось получением телеграммы от папы с сообщением, что он назначен губернатором в Гродну. В той же телеграмме папа сообщал, что едет прямо в Гродну и в Эльстер больше не вернется. Узнав все это, я горько расплакалась: не жить больше в Ковне, которую, когда я там была, я особенно не ценила и не любила, показалось мне вдруг ужасным, и я слышать ничего не хотела ни о Гродне, ни о новых учителях. Кончив курс лечения и пробыв еще в Эльстере срок, назначенный Бехлером, мы вернулись в августе в Колноберже. От папы из Гродны получались довольные письма. С грустью простившись со своими сослуживцами в Ковне и утешаясь мыслью, что многих он будет видеть в Колноберже во время отпусков, он бодро приступил к новой работе. Письма его дышали энергией, были полны интереса к новому делу, и, к счастью, ему очень понравились его ближайшие сотрудники и подчиненные»¹.

П.А. Столыпин прибыл в Гродно 21 июня 1902 г. и был встречен на вокзале представителями местной власти (вице-губернатором В.Д. Лишиным, губернским предводителем дворянства П.В. Веревкиным, уездным предводителем дворянства А.А. Ознобишиным, председателем вольного пожарного общества В.В. Столяровым, управляющим канцелярией губернатора А.В. Оболенским, чиновниками особых поручений К.К. Вейсом и А.К. фон Петерсоном, жандармским полковником А.Н. Бекневым, членами городской управы и городским главой И.С. Михальским), которые преподнесли ему хлеб-соль. Первый визит новый губернатор нанес в кафедральный Софийский собор, где познакомился с духовенством во главе с кафедральным протоиереем и одновременно редактором «Гродненских епархиальных ведомостей» Н. Диковским, поинтересовался историей собора, его святынями, средствами и материальным обеспечением соборного притча. В тот же день П.А. Столыпин посетил епископа Гродненского и Брестского Иоакима.

В полдень 21 июня, выступая с краткой речью в гербовом зале в доме губернатора перед представителями духовенства и местными

¹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце ... С. 109.

чиновниками, П.А. Столыпин высказал надежду на плодотворную совместную работу в проведении в губернии «русских государственных начал». Такое заявление было не случайно, поскольку в губернии существовала скрытая оппозиция имперской администрации со стороны польского дворянства, чье отношение к власти сам П.А. Столыпин характеризовал как «вежливое недоверие, корректное, но холодное, с примесью лукавства». Недаром на второй день своего пребывания в Гродно П.А. Столыпин закрыл Польский клуб, поскольку там, по его мнению, господствовали «повстанческие настроения». Однако это не изменило отношения к П.А. Столыпину поляков, которые, по свидетельству А.В. Оболенского (правителя канцелярии Гродненского губернатора), его «очень любили и уважали», несмотря на то, что он проводил традиционную для русского правительства в западных губерниях политику поддержки православных крестьян-белорусов в противовес католикам полякам-дворянам.

Под резиденцию губернатора был отведен старинный замок последнего польского короля Станислава Понятовского. Помимо жилых помещений, где располагалась семья П.А. Столыпина, во дворце находилось губернское присутствие, губернская типография и много квартир чиновников. В общей сложности в сад, окружавший дом, выходило шестьдесят окон в один ряд. Под той же крышей размещался и городской театр, устроенный в бывшей королевской конюшне и соединенный дверью с жилыми помещениями. У П.А. Столыпина в театре была своя ложа. В верхнем этаже дома он имел частный кабинет, очень красиво отделанный: со стенами резного дуба, обрамлявшего оригинальную серую с красным ткань. В гостях у семьи Столыпиных нередко запросто бывали представители местной аристократии и некоторые чиновники.

А.П. Столыпина о жизни Столыпиных в Гродно повествует так: «Губернаторский дом, в котором поселились родители, был старинной резиденцией польских королей. Это было длинное здание в тридцать два окна на фасаде с двором и садом. Выглядело оно одновременно уютно и величественно. Наверху было только две комнаты, но зато самые красивые. Одна – овальной формы, отделанная резными дубовыми панелями тонкой работы, – служила кабинетом моего отца. На первом этаже во всю длину дворца тянулась великолепная балльная зала с колоннами. Там висел потрясающий зубр, которого, сознаюсь, я поначалу изрядно побаивалась. Это был дикий бык, свирепый зверь, убитый императором Николаем II в Беловежской пуще. С другой стороны дома тянулась такая длинная анфилада комнат, что, стоя в одном ее конце, невозможно было

разглядеть тех, кто находился в противоположном. Единственное, что нам оставалось, гадать, ради развлечения, мужчины это или женщины. Окна всех этих прекрасных комнат выходили в чудесный сад. Когда настали первые весенние дни, мы, перед тем как навсегда покинуть эти прелестные места, успели испытать очарование гродненских вечеров. Посреди города мы наслаждались тишиной полей. Климат в Гродно, как и во всей Литве, очень мягкий и ровный. Я никогда не знала, сколько всего комнат в этом доме и как в точности была расположена наша комната. Но когда устраивались громкие праздники и концерты, шум никогда не проникал в наши комнаты и не тревожил наш детский сон. Как и в Ковно, гродненское общество составляли лишь чиновники и важные помещики. Последние, почти все поляки, были обычно очень остроумными и веселыми. Их называли французами Севера, что им очень льстило. Мама любила с ними беседовать, и я помню одного из них, чье общество она особенно предпочитала, элегантного старика с ласковой улыбкой, носившего по старинной моде парик. Его по-свойски называли "молодой Таташа". Мне, маленькой девочке, это имя очень нравилось»¹.

Сложными были взаимоотношения власти с еврейским населением (в Гродно проживало 80 % евреев), участвовавшим в антиправительственных выступлениях. О решимости П.А. Столыпина в их пресечении, установлении порядка и законности во вверенной ему губернии свидетельствуют события в Белостоке в феврале 1903 г. Узнав об освобождении начальником губернского жандармского управления полковником А.Н. Бекневым из-под ареста ряда активных участников антиправительственных выступлений, П.А. Столыпин приказал Белостокскому полицмейстеру вновь их арестовать. «Опасным я считаю... потакание еврейской молодежи к беспорядкам посредством безнаказанности и дискредитирования действий полиции», – так мотивировал он свой поступок в письме к генерал-губернатору князю П.Д. Святополк-Мирскому от 23 февраля 1903 г.

По воспоминаниям А.В. Оболенского: «Тихо и мирно протекала жизнь в Гродно. Гродненская губерния огромная – и промышленная, и сельскохозяйственная. Климат мягкий и чудные леса. Беловежская пуща в сто пятьдесят тысяч десятин великолепного разнородного леса с тысячелетними дубами, зубрами и массой всякой дичи. Душистая трава зубровка и особая порода ели, очень ценная для музыкальных инструментов и роялей, росли в Беловежье. Царская охота. Браконьерство

¹ Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания... С. 18.

строого преследовалось, а звери часто портили крестьянские поля, прилегающие к лесу. Убытки щедро вознаграждались. Как красиво и далеко было слышно весной пенью тетеревов»¹.

С первых дней пребывания в Гродненской губернии П.А. Столыпин со свойственной ему энергией и деловитостью взялся за работу. По свидетельству М.П. фон Бок, письма его из Гродно в Колноберже, где какое-то время еще проживала семья губернатора, «дышали энергией, были полны интереса к новому делу». По душе пришлось ему и ближайшее окружение из числа сотрудников и подчиненных. П.А. Столыпину было особенно приятно, что губернским предводителем дворянства был ближайший друг его юности П.В. Веревкин. Сошелся он во взглядах и с вице-губернатором В.Д. Лишиным и был очень доволен своим правителем канцелярии князем А.В. Оболенским, которого характеризовал как «честного, добросовестного и способного труженика, с интересом относящегося к работе, получившего прекрасное воспитание в патриархальной, чисто русской, дворянской семье». Гордился губернатор своими чиновниками по особым поручениям, прежде всего К.К. Вейсом, о котором говорил, что «редко приходится встречать человека, столь глубоко порядочного и с такой чистой душой». Впоследствии, покидая Гродно в связи с назначением саратовским губернатором, П.А. Столыпин ходатайствовал перед П.Д. Святополк-Мирским о продвижении по службе А.В. Оболенского («вполне подготовленного к занятию самостоятельной и ответственной должности»), губернского секретаря П.А. Писарева, чиновников особых поручений А.К. Петерсона и Б.И. Алябьева, исходя из того, что в губернии необходимо «вводить в непосредственное соприкосновение с местным землевладельческим элементом представителей администрации, воспитанных в традиции порядочности»².

В свою очередь, П.А. Столыпин произвел благоприятное впечатление в Гродно. А.А. Ознобишин вспоминал: «За двумя хорошими губернаторами в Гродно бы назначен еще лучший губернатор Петр Аркадьевич Столыпин... Личность его была обаятельна. При беседе с ним чувствовалась вся сила его светлого, ясного ума, и невольно являлось к нему чувство расположения и уважения. Опасным даром красноречия он не обладал, но выражался сжато и определенно. Государя он любил нежно любовью, которая сквозила в каждом его слове, произнесенном о государе». Единственным обстоятельством, по словам М.П. фон Бок,

¹ Оболенский А.В. Имя П.А. Столыпина принадлежит истории и сердцу народному // Возрождение. 1955. № 47–48. С. 95.

² Там же. С. 52.

не удовлетворявшим П.А. Столыпина на посту губернатора, было отсутствие полной самостоятельности, поскольку Гродненская губерния, наряду с Ковенской и Виленской, составляли одно генерал-губернаторство и их главы подчинялись генерал-губернатору Северо-Западного края, которым тогда был князь П.Д. Святополк-Мирский. Как губернатор П.А. Столыпин занимался прежде всего текущими административными делами: приемами посетителей и просителей, назначениями и увольнениями, поездками по губернии. Особенностью губернии было то, что ее губернский город был меньше двух уездных – Белостока и Брест-Литовска, выполнявших роль важных торговых центров.

К числу главных дел в губернии П.А. Столыпин относил аграрный вопрос. 22 января 1902 г. «для выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности и соображения мер, направленных на пользу этой промышленности и связанных с ней отраслей народного труда», под председательством министра финансов С.Ю. Витте (сохранившего председательство и после своего назначения в 1903 г. председателем Совета министров), в составе министров земледелия и государственных имуществ и внутренних дел и других лиц по высочайшему назначению было учреждено Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Председателю совещания было предоставлено право приглашать посторонних лиц с совещательным голосом. Для ближайшей разработки вопросов при совещании могли быть образуемы подготовительные комиссии: всего таких комиссий было учреждено 12, включая в это число учрежденную еще в 1901 г. под председательством В.Н. Ковковцова комиссию по исследованию экономического положения среднеземледельческих губерний. Заключение Особого совещания представлялись председателем на высочайшее усмотрение. Делопроизводство было возложено на общую канцелярию министра финансов во главе с управляющим делами И.П. Шиповым. В целях согласования своей работы с действительными условиями жизни, Особое совещание признало нужным предложить местным учреждениям и общественным деятелям представить сведения и соображения о нуждах сельскохозяйственной промышленности и способах их «удовлетворения». Для этой цели были образованы во всех губерниях и областях Российской империи местные Комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности (кроме областей Уральской, Тургайской, Якутской и Приамурского края). В губерниях и областях Оренбургской, Привислинских, Кавказских и Степных были образованы только губернские и областные комитеты, в прочих местностях – губернские (областные) и уездные (окружные) комитеты.

Губернские комитеты состояли под председательством губернаторов, уездные – уездных предводителей дворянства, с участием в тех и других лиц, занимавших выборные дворянские и земские должности, местных чиновников заинтересованных ведомств, представителей сельскохозяйственных обществ, а также всех тех лиц, участие которых признавалось председателями комитетов полезным для дела (в неземских губерниях состав комитетов был несколько иной). Всего было образовано 82 губернских (областных) и 536 уездных (окружных) комитетов. В 78 губернских комитетах (нет сведений о 4 комитетах) приняло участие 2 981 человек, а в 516 уездных комитетах (нет сведений о 20 комитетах) – 10 509. Если принять во внимание, что из числа участников губернских комитетов по крайней мере одна треть состояла одновременно и членами уездных, то общее число опрошенных лиц можно определить в 12–12,5 тыс. человек. Таким образом, по числу участников местные комитеты представляли в России первый опыт массового опроса населения.

На местные комитеты была возложена не подробная разработка отдельных мер, составлявшая задачу самого Особого совещания, а главным образом указание тех нужд, удовлетворение которых представлялось существенно важным. Комитетам был предложен общий вопрос о нуждах сельскохозяйственной промышленности и связанных с ней отраслей народного труда в районах, где они располагались, причем для облегчения систематизирования ответов комитетам были сообщены пункты высочайше утвержденной программы занятий Совещания. Программа эта касалась исключительно экономических и агрономических условий сельского хозяйства, но благодаря предоставленному комитетам праву дополнять ее такими вопросами, от разрешения которых можно было бы по местным условиям ближе всего ожидать поднятия сельского хозяйства, огромное большинство комитетов обсуждали вопросы правовые и общекультурные (если не встречалось к тому препятствий со стороны председателей комитетов). П.А. Столыпин возглавил Гродненский губернский Комитет Особого совещания. Благодаря этой деятельности он погрузился в самую трудную российскую проблему и задумался над ее решением.

Первое заседание Гродненского губернского Комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности состоялось 16 июля 1902 г. под председательством П.А. Столыпина. К этому времени не истек еще месячный срок его пребывания в должности губернатора, но это не мешало опытному администратору, бывшему до приезда в Гродно губернским предводителем Ковенского дворянства, сразу овладеть непростой ситуацией. На заседание, кроме крупных губернских чиновников,

а также уездных предводителей дворянства, были приглашены самые могущественные в губернии земельные магнаты, включая князя Святополк-Четвертинского, Глиндзича, Скирмунта, Пусловского, Рошковского, Микульского и др. Последние отличались одновременно как неприступным шляхетским консерватизмом, так и безудержным стремлением к переменам по западноевропейским стандартам. П.А. Столыпин же был жестким прагматиком, не позволявшим себе и своему окружению не учитывать конкретной ситуации, реальных шансов на реконструкцию сельского хозяйства Гродненской губернии¹.

Открывая заседание губернского Комитета, П.А. Столыпин охарактеризовал в общих чертах его задачи и предстоящую деятельность, обратил внимание на то, что «главными факторами улучшения экономического положения губернии в целом и сельского хозяйства в частности следует считать расселение крестьян на хутора, переход их от так называемого шнурового использования надельными землями к хуторскому хозяйству, устранение череполосности земель, разверстания сервитутов и мелиоративный кредит»². Вслед за этим он остановился на основных пунктах программы, которая должна стать предметом обсуждения и разработки губернского и уездных комитетов. Главными из них были: распространение сельскохозяйственных знаний, улучшение и развитие опытного дела, борьба с вредителями сельского хозяйства (оврагами, песками, болотами, заболеваниями сельскохозяйственных культур, скота и т. д.), пожарами, охрана собственности, устройство и содержание местных дорог, организация народного мелкого кредитования, подъем всех отраслей животноводства, повышение доходности сельского хозяйства, упорядочение внутренней и внешней торговли продукцией села, учреждение хозяйственных союзов (кооперации) и т. д. Выделив из программы предстоящей деятельности эти и другие вопросы, председатель-губернатор особое внимание обратил на расселение крестьян на хутора. Он подробно осветил всю предысторию этого процесса в губернии, начиная с первых шагов по реализации переселенческого закона от 13 июля 1889 г. Неудовлетворительное состояние его он связывал с тем,

¹ Черепица В.Н. П.А. Столыпин – Гродненский губернатор // Правда Столыпина: альманах. Саратов, 1999. Ч. 1. С. 210–236; Черепица В.Н. П.А. Столыпин о нуждах сельского хозяйства в Гродненской губернии // Электронный журнал «ИССЛЕДОВАНО В РОССИИ». URL: <http://zhurnal.apelarn.ru>.

² Черепица В.Н. «Счастлив был задушевному привету из родной Гродненской губернии». П.А. Столыпин и Гродненское духовенство // Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине. Гродно, 2000. С. 2–8.

что в Гродненской губернии, как и в других западных губерниях России, крестьяне владели землей подворно по так называемой шнуровой системе, требующей, чтобы каждый домохозяин в селении имел столько полос земли, сколько усматривается в крестьянском наделе видоизменений в качестве почвы, пахотных земель и покосов. По этой причине подворный участок состоял из многих десятков узких полосок, разбросанных по всем направлениям надела чересполосно с полосками других домохозяев. Такой способ образования подворных участков, по мнению П.А. Столыпина, лишал возможности крестьянскому хозяйству развиваться, обрекая его на трехполье без травосеяния. В Прибалтийских губерниях, где крестьяне тоже владели землей подворно, шнуровое деление между домохозяевами к этому времени было устранено уже почти во всех селениях: подворные участки превращались в хутора, земли которых включались в большинстве случаев в один обруб при усадьбе домохозяина. Сославшись на это, председательствующий подчеркнул, что к такому же переустройству подворных участков следует приступить и в Гродненской губернии, ибо только при этом условии подъем крестьянского хозяйства станет возможным. П.А. Столыпин рассказал о первых попытках в этом направлении со стороны крестьян деревень Горбачи и Сыроежки Волковысского уезда, а также Досиняны, Бобровники, Яриловичи и Грибовцы Гродненского уезда в феврале-марте 1898 г. Последние, хотя и составили приговоры о расселении, но реализовать их по своей бедности и при несовершенстве системы государственной помощи на составление планов хуторных владений, перенос построек, рытье колодцев и т. д., к сожалению, не смогли. В 1899–1902 гг. приговоры на переустройство подворных участков были составлены в около 50 селах губернии, однако по тем или иным причинам выход на хутора также не состоялся, за исключением трех деревень Слонимского уезда (Пересудовичи, Пузы и Мостыки), крестьяне которых достигли намеченной цели. В связи с этим П.А. Столыпин предложил изучить этот опыт расселения и разослать его по всем уездам. Другим вопросом, при обсуждении которого председательствующий высказал особое мнение, был вопрос о кооперативных союзах. Здесь П.А. Столыпин, в частности, выразил желание, чтобы такие союзы были признаны кредитоспособными юридическими лицами, а для этого им необходимо было обеспечить пользование кредитами Государственного банка, так как кооперативы имели здесь прав во много раз меньше, чем любой мелкий торговец¹.

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гродненская губерния. СПб., 1903. Т. XI. С. 9–10.

Первое заседание губернского Комитета закончилось постановлением, что все уездные комитеты должны прислать свои соображения по поднимаемым Особым совещанием вопросам в срок не позднее 15 октября 1902 г. С этим поручением все уездные комитеты успешно справились, предоставив в губернский Комитет как коллективные, так и персональные записки и предложения. Их обсуждение состоялось на его заседаниях 26, 27, 28, 29 ноября 1902 г. во дворце Гродненского губернатора. Открывая первое из них, П.А. Столыпин отметил ту тщательность, с которой отнеслись уездные комитеты к разработке почти всех вопросов, представленных на обсуждение Особым совещанием. Свою личную признательность за проделанную работу он высказал всем председателям уездных комитетов, а также совету Гродненского Общества сельского хозяйства в лице его председателя, губернского председателя дворянства П.В. Веревкина за предоставленные ими записки о нуждах сельского производства Гродненской губернии. Вслед за этим с разрешения председателя губернского Комитета выступил князь Святополк-Четвертинский, который вкратце остановился на законодательных препятствиях, мешающих развитию местного сельского хозяйства, а именно – «отсутствие свободной купли-продажи земли в западных губерниях, что, безусловно, отражалось на всех, к какой бы народности или среде населения не принадлежали». При всей справедливости замечаний князя, председатель не мог не заметить желания придать обсуждению аграрных проблем политическую окраску, поэтому он сразу же заметил, что хотя «всякое политическое ограничение и вносит экономическое стеснение, но в данном случае не настолько значительное, чтобы не заниматься вопросами, с решением которых можно добиться реального сдвига в существующем положении сельского хозяйства, тем более, что отмена тех или иных ограничительных законов составляет прерогативу Верховной власти». В связи со сказанным П.А. Столыпин предупредил, что «не только вопрос, возбужденный князем Святополк-Четвертинским, но и всякий вопрос, связанный с политическими соображениями, будет им по праву председателя снят с обсуждения, как не входящий в область занятий комитета». Что же касается самой записки князя Святополк-Четвертинского, то такая была приобщена им «к делу для отправления по принадлежности»¹.

По вопросу о распространении сельскохозяйственных знаний и развитии опытных участков были заслушаны обстоятельные доклады

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гродненская губерния... С. 182.

председателя Гродненского сельскохозяйственного общества П.В. Вревкина и землевладельца И.И. Глиндзича. Резюмируя эти выступления, П.А. Столыпин отметил, что оба выступления были сведены к идее необходимости расширения народного образования вообще и специального агрономического в частности, однако они не дают ничего нового в сравнении с уже разработанными министерствами проектами, до сих пор остающимися «под сукном» ввиду отсутствия в стране денежных средств. Свои сомнения в отношении финансирования предлагаемого П.А. Столыпин дополнил постановкой вопроса: насколько оправдываются затраты на открытие в Вильно высшего агрономического заведения для края (за это ратовали крупные землевладельцы) и принесут ли выпущенные из ее стен лица немедленную пользу краю при полном отсутствии здесь низших сельскохозяйственных школ, необходимых для крестьян и экономов небольших имений? «Положим, – продолжил председатель комитета, – что необходимо как высшее специальное училище для края, так и сеть низших училищ для губернии. Подобные школы не новость, но во что обойдется открытие таких школ?» Выступивший сразу же после П.А. Столыпина советник губернского правления В.В. Ярошенко обратил внимание на необходимость учреждения средней сельскохозяйственной школы, которая могла бы стать подготовленной базой для поступления ее учащихся в высшее агрономическое заведение, равно и учреждением для подготовки учителей для низших сельскохозяйственных училищ. Подобное учебное заведение, по мнению выступающего, могло бы быть открыто при Свислочской учительской семинарии, и затраты на осуществление этого предложения не были бы очень велики. Такой поворот в прениях, вероятно, не удовлетворил крупных помещиков, которые тотчас же перевели обсуждение этого вопроса в сторону разговоров о состоянии начального образования в губернии вообще. Помещик А.Ф. Микульский, в частности, заявил об «охотном посещении начальных школ крестьянскими детьми», сводя всю аргументацию к имеющемуся антагонизму между министерскими школами (всего 299 на губернию) и церковноприходскими (1200), явно преобладающими в Гродненской губернии. «Если создать один тип школы без политической окраски, – подчеркнул выступающий, – то дело образования выиграет много и только тогда можно будет говорить об обязательности школьного обучения... во всяком случае, следует заботиться об увеличении числа министерских школ». Уловив в словах выступавшего нотки, характерные для определенной части католиков губернии, недовольных укреплением позиции православия, благодаря поддержке властями цер-

ковноприходских школ, председательствующий тонко парировал последнему следующим образом: «Все дело сводится к недоразумению. Господину Микульскому, по-видимому, неизвестно, что церковноприходские школы дети римско-католического вероисповедания могут посещать лишь с разрешения родителей, и, таким образом, обязанности их посещения иноверческим (то есть неправославным) населением не существует... Желательность же увеличения числа министерских школ находится вне всякого сомнения, но народится такое обучение само собою не может, для этого нужно время» ¹.

Замечание П.А. Столыпина в адрес тайно и явно фрондирующих землевладельцев князь Святополк-Четвертинский понял напрямую, а потому признанный лидер местных магнатов сразу же заявил: «Нам нужна рабочая сила человека, нужен физический труд и способность к нему, а не образование. Образование должно быть доступно обеспеченным классам, но не массе, нравственные и государственные взгляды которой таковы, что с введением обязательного образования или с расширением доступа в школы она, несомненно, будет стремиться к государственному перевороту, социальной революции и анархии». Такая позиция вызвала резкую отповедь со стороны губернатора: «Едва ли возможно смотреть на вещи так, как князь Четвертинский. Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведет его к анархии... Для губернии и всей страны нашей необходимо женское образование; на обучение грамоте женщин обращено чересчур мало внимания, и поэтому сеть женских школ также необходима, как и увеличение числа мужских училищ. Для начала желательно учреждение хотя бы одной женской сельскохозяйственной школы для губернии. Распространение сельскохозяйственных знаний, без которых земледельческая страна существовать не может и мало-помалу приходит к разорению, зависит от общего образования. Развивайте его по широкой программе, в связи с преподаванием сельскохозяйственных знаний, и вы дадите большую обеспеченность земледельческому классу, самому консервативному в каждой стране: он будет применять к земле полученные им научные знания, будет более обеспечен, и при этих условиях немислимо развитие социализма, который лишь охватывает массу, когда воспитательно-образовательное дело обставлено неудовлетворительно, когда преобладает безземельный пролетариат, которому бесцельно пре-

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гродненская губерния... С. 19, 183; Черепица В.Н. П.А. Столыпин о нуждах сельского хозяйства в Гродненской губернии... С. 351.

подавать те знания, которые могут быть применимы только к земледелию и служат для подъема культуры земли»¹.

После этого, признав, что вынесенные на обсуждение вопросы достаточно рассмотрены, П.А. Столыпин поставил на голосование вопрос о том, какое учебно-агрономическое заведение (высшее или среднее) следует признать более полезным для края. 15 голосов было подано за открытие в Вильно высшего политехнического училища с отделами по агрономии и сельскому хозяйству и 14 – за среднее сельскохозяйственное училище (предположительно в Свислочи), но поскольку П.А. Столыпин, как председатель, присоединил свой голос в пользу среднего учебного заведения, то вопрос о желательности открытия его решился положительно. Было признано необходимым учреждение при учительских семинариях курсов по садоводству, пчеловодству и культуре ивняка, а также открытие по одной низшей сельскохозяйственной школе в каждом уезде губернии. Вводились должности (по одной на губернию) инструкторов по молочному хозяйству и по организации торфяного дела, кроме того, учреждалась при государственном субсидировании на базе Гродненского общества сельского хозяйства опытная станция. Не были оставлены без внимания и энтузиасты передового опыта на местах: была признана безусловно полезным делом организация показательных наделов с наиболее целесообразной в данной местности системой севооборота, огнестойкими и наиболее практичными постройками. Они могли быть учреждены как на частных, так и на казенных землях со сдачей по низким ценам в аренду местным крестьянам с возложением на них обязательства вести хозяйство по установленному учредителем наделу и одобренному инструкторами плану².

На ноябрьских заседаниях 1902 г. были приняты важные решения по борьбе с оврагами и летучими песками, признаны здесь наиболее важным лесопосадки. Одной из важнейших и грандиознейших задач государства для края «было признано системное осушение болот, организация ветеринарной помощи и введение общегосударственного и общедоступного страхования крупного рогатого скота». Много внимания было уделено мерам по уменьшению сельских пожаров. Самым

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гродненская губерния... С. 20–23; Черепица В.Н. «Счастливым был задушевному привету из родной Гродненской губернии». П.А. Столыпин и гродненское духовенство... С. 33; Черепица В.Н. П.А. Столыпин – Гродненский губернатор... С. 213.

² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гродненская губерния... С. 24–34.

радикальным разрешением этой проблемы было признано расселение крестьян на хутора, поощрение строительства глинобитных построек и огнеупорных крыш, поддержка развития черепичных и кирпичных заводов, нормирование цен на их продукцию в расчете на доходы среднего крестьянского хозяйства. Признавалось также крайне важным в ближайшем будущем «уменьшение или совершенное снижение таможенных пошлин с локомотивов, паровых молотилок, других сельскохозяйственных орудий, а также удобрильных туков и чилийской селитры, которые в России не производятся», уменьшение железнодорожных тарифов на их перевозку. Одновременно губернский комитет ходатайствовал перед правительством о мерах по ограничению вывоза из губернии за границу отрубей и жмыхов и других кормов для скота, были намечены конкретные действия по улучшению качества поголовья. Часть решений затрагивала сельское дорожное строительство, возведение элеваторов, складских помещений и т. д. Но более всего беспокоило членов губернского комитета и его председателя П.А. Столыпина все возрастающее обезземеливание крестьян и как следствие его – отток сельского населения в города, а также нелегальный выезд на заработки за границу. В связи с этим предлагалось вместо безуспешных запретов временной трудовой эмиграции дать ей правильную организацию через учреждение справочных контор и налаживание приемлемой паспортной системы. Вместе с тем П.А. Столыпину удалось убедить членов комитета, что все их решения являют собой лишь ряд, хотя и нужных, но полумер, сердцевина же всех стоящих перед ними проблем – это переход от так называемого шнурового пользования наделами к хуторному, и что «вне этого изменения землепользования поднятие уровня культуры крестьянских хозяйств невозможно». Исходя из признания, что «дробление наделной земли стало принимать угрожающий общему крестьянскому благосостоянию характер», польза от расселения крестьян на хутора была признана комитетом «не подлежащей сомнению». Для успеха этого дела было признано «настоятельно важным издание закона, в силу которого приговоры сельских сходов о переходе к хуторному пользованию наделом могли бы получать обязательную силу». Кроме того, для предотвращения распыления земельной собственности на такие малые части, которые не в состоянии прокормить крестьянскую семью, предлагалось законодательным путем установить размер необходимого минимального участка земли, который не мог быть делим ни при каких условиях¹.

¹ Кузнецов И. Великий реформатор. Петр Столыпин в начале века возглавлял Гродненскую губернию // Белорусская деловая газета. 2000. 18 февраля.

В качестве важнейшей меры по подъему сельского хозяйства губернии, ввиду значительности площадей болот, П.А. Столыпин рассматривал мелиорацию. Говоря об эффективности мелиоративных работ, он приводил в пример Пруссию, где дренаж болот дал подъем урожайности вдвое. Указывал гродненский губернатор на положительный опыт европейских стран и в других областях сельского хозяйства, в частности на «блестящую постановку молочного хозяйства в Дании и на успехи улучшения пород рабочих лошадей в Бельгии». Заметив, что многие эпизоотии вызваны слабым ветеринарным надзором на границе с Германией, в приграничных районах которой распространяется ящур, высказался за установление жесткого ветеринарного надзора. К числу насущных задач в аграрном секторе П.А. Столыпин относил развитие мелкого кредита и кооперации, внутренней и внешней торговли, дорожное строительство. При этом он был против излишней централизации, считая, что местные люди сами лучше разберутся, какие виды улучшений у них наиболее перспективны.

Успех аграрных мероприятий губернатор ставил в прямую зависимость от их системности. Мероприятия сразу должны охватить большую часть хозяйств, настаивал он, так как единичные попытки «едва ли могут поднять общий уровень сельскохозяйственной промышленности целого района или всей губернии». Вместе с тем на заседаниях комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности П.А. Столыпин решительно пресекал попытки начать обсуждение вопросов о реформе волости и введении земства в западных губерниях, заявив, что данные темы не имеют отношения к предмету занятий комитета. Губернатор предупредил, что всякий вопрос, связанный с политическими соображениями, им, по праву председателя, будет снят с очереди. На заседаниях комитета он высказался за страхование рабочих, видя в нем средство против распространения социалистических идей.

Последнее заседание губернского комитета состоялось 28 января 1903 г. На нем князь Святополк-Четвертинский от имени присутствующих попросил председателя комитета П.А. Столыпина принять сердечную благодарность членов комитета «за умелое, беспристрастное, всецело направленное на пользу дела умиротворяющее ведение прений». П.А. Столыпин со своей стороны, выразив искреннюю признательность членам комитета за плодотворную и дружную работу по всестороннему обсуждению нужд сельскохозяйственного производства вверенной Гродненской губернии, объявил работу комитета завершенной. После

чего добавил, что надеется, несмотря ни на какие трудности, на успешную реализацию всего задуманного¹.

Между тем трудности не заставили себя ждать. После того как материалы Гродненского комитета были опубликованы в составе 58 томов, полученных из 300 уездов всех губерний империи, для их изучения была создана специальная научная комиссия «с целью систематизации и выяснения общественного значения работ местных комитетов» во главе с либеральным историком П.Н. Милюковым. В составе ее работали такие видные ученые (юристы, агрономы, землеустроители, экономисты, статистики), как К.К. Арсеньев, В.М. Гессен, И.В. Гессен, М.И. Ипполитов, А.А. Леонтьев, В.А. Розенберг, И.М. Страховский, Н.В. Чехов, Г.И. Шредер. Результатом этой работы стало издание большого сборника статей, озаглавленного «Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (СПб., 1904 г., 439 с.). Во введении к нему П.Н. Милюков, обобщая «итоги» работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и его местных комитетов, в частности, писал, что воспринимать их можно лишь в качестве «мнения», которое «теперь есть также и сила, способная устранить тлетворное влияние сил ему противоположных»².

Наибольшее количество критических замечаний в адрес Гродненского комитета и его председателя П.А. Столыпина сделал либеральный публицист, юрист, литературовед и общественный деятель К.К. Арсеньев. В основном разделе сборника «Сельскохозяйственные комитеты в не земских губерниях» он высказал недоумение по поводу преобладания в составе комитетов чиновников и отсутствия крестьян. Следует заметить, что П.А. Столыпин добивался присутствия на заседаниях комитета крестьян, но последние в силу разных причин уклонились от участия в работе последних. Другое замечание со стороны К.К. Арсеньева было вызвано тем, что на одном из заседаний «председатель Гродненского губернского комитета снял с повестки дня рассмотрение вопроса о земской реформе, ограничившись лишь приобщением к делам комитета». «В том же комитете не было допущено обсуждения записки князя Святополк-Четвертинского о неудобстве постановлений, регулирующих землевладение в Западном крае». В этом смысле, заключал автор, постановления комитетов Северо-Западного края «отличаются вообще меньшей реши-

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гродненская губерния... С. 24–34.

² Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Сб. ст. под ред. П.Н. Милюкова. СПб., 1904. Т. 1. С. 439.

тельностью и определенностью, чем в юго-западных губерниях... Иногда, как, например, в Гродненском губернском комитете, ограничительные постановления, касающиеся поляков и евреев, навлекали на себя председательское (то есть П.А. Столыпина) вето»¹. Оказала ли критика К.К. Арсеньева какое-то воздействие на позицию П.А. Столыпина в те годы и какова была его реакция на нее, доподлинно неизвестно².

Губернатор, пусть и отдаленной небольшой губернии, участвовал и в решении общегосударственных задач. Так, В.К. Плеве прислал ему на отзыв проект упрощенного земского самоуправления в западных губерниях, где доминировали польские помещики. Согласно проекту, земских гласных в таких губерниях должен был назначать губернатор. П.А. Столыпин подошел к проблеме очень рационально. Выборы в Западном крае, где богатый слой населения представляли в основном поляки, а крестьяне и мещане были литовцами, белорусами и евреями, ему виделся опасным делом, так как они обострили бы национальные противоречия. Однако и прямое назначение гласных администрацией виделось губернатору малополезным. Назначенцы не могли бы стать связующим звеном между властью и народом, а только пережимали бы этот канал. В связи с этим П.А. Столыпин предложил создать коллегии выборщиков, которые избирали бы гласных. Он считал важным, чтобы в числе гласных были бы крестьяне и даже евреи. Если учесть официальное отношение к евреям, то это казалось труднообъяснимым. Однако П.А. Столыпин смотрел на вещи без догматизма, считая, что нужны новые подходы. При переработке проекта В.К. Плеве обратил внимание на замечания Гродненского губернатора³.

На посту губернатора П.А. Столыпин всячески содействовал развитию народного образования. Уже к концу 1902 г. по его инициативе в Гродно были открыты еврейское двухклассное народное училище, ремесленное училище, оборудованное всеми техническими приспособлениями, а также женское приходское училище, где кроме общепринятых предметов преподавались еще рисование, черчение и рукоделие. Училище такого типа стало первым в губернии. В 1903 г. началась подписка на учреждение именных стипендий супругов Столыпиных для лучших учащихся Гродненской мужской гимназии. Усилия П.А. Столыпина в области народного образования были замечены, и 27–28 января 1903 г.

¹ Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: сб. ст. под ред. П.Н. Миллюкова... С. 423–427.

² Столыпин П.А. Думские речи. М., 1990. С. 11.

³ Рыбас С. Столыпин. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 29

в Гродно с визитом побывали министр народного просвещения Г.Э. Зенгер и попечитель Виленского учебного округа В.А. Попов. П.А. Столыпин приложил максимум усилий для гармонизации на практике усилий Синода и Министерства в деле народного образования. Вместе с министром, попечителем и епископом Гродненским и Брестским он посетил ряд гродненских церковноприходских школ, где гости присутствовали на уроках гражданской русской истории, географии, пения и закона божьего.

Немало внимания П.А. Столыпин уделял православной церкви, ее заботам и нуждам. В частности, 21 января 1903 г. он издал циркуляр исправникам Гродненской губернии, поручавший усилить надзор за сохранностью церковного имущества ввиду участвовавших краж из храмов в ночное время. О каждом таком преступлении П.А. Столыпин требовал доносить ему немедленно с подробной информацией впоследствии о ходе дознания. Хроника губернской жизни тщательно фиксирует присутствие губернатора на божественных литургиях по случаю тезоименитства царствующего императора и всех представителей Дома Романовых, а также по случаю «чудесного избавления государя Александра III и его семьи от грозившей опасности при крушении царского поезда» и др. П.А. Столыпин постоянно бывал в расположенной рядом с губернаторским домом Св. Александро-Невской церкви. Однако забота о православной церкви проистекала не только из религиозного чувства самого губернатора, но и из политических соображений: он был уверен в объединяющем значении православного населения для многонационального государства.

П.А. Столыпин пробыл в должности гродненского губернатора восемь с половиной месяцев. Покидая Гродно в связи с назначением Саратовским губернатором, он 21 марта 1903 г. присутствовал на прощальном собрании. Выступая с краткой речью перед представителями местного чиновничества и духовенства, Столыпин заявил, что его пребывание в Гродно было похоже «на прекрасный сон, и как сон оно было слишком коротковременным». Несколько ранее, только узнав о предстоящей смене должности, П.А. Столыпин признался А.К. Святополк-Мирскому, что покидать Гродно для него «настоящее горе». Епископом Иоакимом был совершен напутственный молебен, по окончании которого он подчеркнул такую характерную особенность непродолжительной административной деятельности П.А. Столыпина, как верность основным началам государственного строительства в Западном крае – православию, самодержавию и русской народности. П.А. Столыпин отбыл из Гродно 22 марта 1903 г.

2.2. Саратовская губерния: бурное время и беспокойное место

26 марта 1903 г. П.А. Столыпин был назначен на пост Саратовского губернатора. В конце XIX – начале XX вв. Саратовская губерния занимала 13-е место по площади среди губерний европейской части России. Она состояла из 10 уездов. Северную часть Саратовской губернии составляли Хвалынский, Вольский, Кузнецкий, Петровский и Сердобский уезды, сравнительно небольшие по площади. В центральную группу входили многоземельные Саратовский, Балашовский и самый обширный в губернии – Аткарский уезд. На юге губернии находились вытянувшиеся вдоль Волги Камышинский и Царицынский уезды. По своим размерам Саратовский край был вполне сопоставим с рядом европейских государств: он превосходил Данию, Грецию, Бельгию, Швейцарию и некоторые другие страны. По плотности населения Саратовская губерния не относилась к числу наиболее заселенных, хотя в ней, по сведениям первой всероссийской переписи населения 1897 г., на 1 квадратную версту приходилось около 33 человек, тогда как средняя плотность населения 50 губерний Европейской России составляла не многим более 22 человек. Выше среднего губернского была плотность населения в северных лесостепных уездах, тогда как в самом южном – Царицынском – проживали лишь 24 человека на 1 квадратной версте. В степном Самарском Заволжье – Новоузенском уезде – не более 12 человек на 1 квадратную версту. Население губернии в начале XX в. значительно выросло, по данным переписи 1897 г., в ней проживали 2 405 829 жителей. Среди населения края по-прежнему преобладало сельское, оно составляло свыше 2 700 000 человек, или 82 % всех жителей губернии. Население края было многонациональным. Во всех уездах Саратовской губернии преобладало русское население, которое, по данным переписи 1897 г., составляло 76,8 % всех жителей. Второй по численности этнической группой были поволжские немцы – 6,9 % всего населения. В пределах Саратовской губернии они компактно проживали в Камышинском уезде и небольшими группами в Аткарском и Саратовском, а в Самарском Заволжье – в Новоузенском и Николаевском уездах. Украинцы (6,2 %) селились в центральных и южных уездах, тогда как села и деревни мордвы (5,2 %) и татар (3,9 %) располагались, главным образом, в северной части края. Чуваши и другие, еще более мелкие национальные группы составляли все вместе всего 1 % населения¹.

¹ Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. Т. 1. С древнейших времен до отмены крепостного права. С. 260; Краткий исторический очерк

Один из Саратовских губернаторов П.П. Стремоухов оставил о данной губернии такое впечатление: «Саратовская губерния была одною из обширнейших губерний в империи. С севера на юг она тянулась около 700 верст, а в ширину раскинулась на 400. Я полагаю, что площадью она была немногим меньше Бельгии и, во всяком случае, больше какого-нибудь Вюртемберга. Чтобы охарактеризовать размеры губернии, скажу, что на севере ее, в Кузнецком уезде, водились лоси и глухари и росла клюква, а на юге, в Царицынских степях, бродили сайги (род антилоп) и дрофы, вызревал чудесный виноград и пахали на верблюдах. Со своими изгибами Волга протекала по губернии около 800 верст... В преобладающей массе население было великорусское; в Хвалынском уезде проживали татары, кое-где была мордва, а в Камышинском уезде расположились обширные немецкие колонии; кое-где были вкраплены станицы Астраханского казачьего войска. Промышленность в губернии была развита менее значительно, а подавляющая часть населения занималась земледелием. Некоторые помещичьи латифундии были громадны и исчислялись десятками тысяч десятин, например Баланда – графов Шереметевых, Зубриловка – князей Голицыных-Прозоровских, имения графа Орлова-Денисова, Нарышкиных, графа Воронцова-Дашкова. Однако огромная часть земли была уже во владении крестьян... к моему времени помещики были еще богаты и местное дворянское представительство представляло еще из себя силу, с которою надо было считаться... Земство Саратовской губернии считалось весьма работоспособным и передовым... В средней и западной части губернии почву составлял глубокий плодородный чернозем, но особые климатические условия часто поражали губернию неурожаем, и это сильно отражалось на экономике губернии и психике ее населения. Крестьянство отличалось буйным нравом, особенно население местностей, прилегающих к Волге. Песни о Стеньке Разине и легенды о Пугачеве далеко еще не выветрились из народной памяти. Саратовская губерния имела громкое революционное прошлое. Чернышевский и Каракозов были саратовцами, Спиридонова и "бабушка русской революции" Брешко-Брешковская усердно в ней работали. Тут же подвизался и сидел в тюрьме знаменитый ныне Минор»¹.

Саратовского края // Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 г. Саратов: Паровая скоропечатня губерн. правл., 1901. С. 277–280.

¹ Моя борьба с епископом Гермогоном и Илиодором. Из воспоминаний сенатора П.П. Стремоухова // Архив русской революции. Берлин, 1921–1937. Т. 16. С. 5, 8, 10, 13, 18, 35.

Губернский город Саратов рос очень быстро. Правильная и строгая планировка города обращала на себя внимание приезжих и отличала Саратов от множества других волжских городов. Саратов «недаром зовется по Волге красавцем, – писал один из современников. – Высокие, но легкие дома, мощеные, средней ширины улицы, с конками, умеренное движение и оживление производили очень приятное впечатление»¹. В 1897 г. в нем проживали 137 тыс. человек. По числу жителей Саратов был третьим городом России (в ее современных границах) и крупнейшим городом Поволжья. В Казани тогда жили 131 тыс. человек, в Астрахани – 113 тыс., в Самаре и Нижнем Новгороде – по 91 тыс. Население губернского центра было пестрым. 41,8 % саратовцев принадлежали к сельским сословным группам (крестьянам, бывшим немецким колонистам, казакам). Это было вполне естественно не только для Саратова, но и для других быстрорастущих городов, например для Царицына. Высоок был удельный вес мещан и цеховых – 39 %, тогда как купеческое сословие, очень влиятельное и богатое, составляло всего 1,4 % населения города. Духовенства и дворян в Саратове было гораздо больше, чем в среднем по губернии: соответственно – 1,3 % и 3,1 %, что также характерно для крупных губернских центров с их многочисленным штатом чиновников и большим количеством церквей, монастырей, молитвенных домов (в Саратове их было 75).

Современники оставили о Саратове весьма противоречивые воспоминания. Так, А.П. Боголюбов в своих «Записках моряка-художника» приводил высказывание И.С. Тургенева о Саратове 1870–1880-х гг. как о городе «зерновых тузов»², «кулем муки» называл город И.А. Слонов³. «Купеческий Саратов как будто сорвался с цепи: биржа, сделки, поставки, отгрузки, грандиозные прибыли», – замечал П.П. Соколов-Скаля, удивляясь невиданному размаху предпринимательства⁴. Многие констатировали усиление влияния торгового элемента, распространенность немецкой культуры, наличие среди населения различных ответвлений старообрядчества и закрытых сект. Согласно им Саратов представлял

¹ Из командировки на эпидемии в 1892 г.: личные впечатления и заметки // Вестник Европы. 1894. № 8. С. 700.

² Боголюбов Н.Н. Полвека на оперной сцене: Театральные мемуары. М., 1957. С. 206; Ступина А.С. Культурная среда провинциального города (Саратов второй половины XIX – начала XX в. в воспоминаниях современников) // Вестн. Саратов. гос. социально-экономического ун-та. 2007. № 17 (3). С. 190–192.

³ Цит. по: Слонова Н.И. Иван Артемьевич Слонов. Записки о жизни и творчестве. М., 1950. С. 46.

⁴ Соколов-Скаля П.П. Долг художника. М., 1963. С. 20.

и как «город торговый, купеческий»¹, и как главный пункт «немецкого засилья на Волге»², и как город «очень русских «настоев»... и даже каких-то сектантско-хлыстовских заквасок»³. Заметны были в составе местного населения потомки военнопленных французов, ссыльные поляки, а также восточные народы. Смешение народов (немцы, поляки, татары, украинцы), большое количество ссыльной интеллигенции, значительная удаленность от центра и вместе с тем доступность этого центра благодаря водному, а потом и железнодорожному путям сообщения – все эти обстоятельства способствовали созданию особой духовной атмосферы Саратова. Также были отмечены современниками сильно развитые демократические настроения. Со второй половины XIX в. за Саратовом прочно закрепляется репутация беспокойного города. В массовом сознании он был тесно связан с именами С.Т. Разина, Е.И. Пугачева, Н.Г. Чернышевского. «Саратов, родина Чернышевского, слыл крамольным городом», – писал А.Н. Бакулев⁴. Во многих воспоминаниях имеются сведения о революционных кружках, ссыльных студентах и распространении нелегальной литературы. «Саратовская губерния издавна славилась левыми буйными элементами. Видно, дух Стеньки Разина не покинул привольных Волжских берегов», – полагала дочь П.А. Столыпина М.П. фон Бок⁵, обращаясь на страницах воспоминаний к событиям 1905 г. в Саратове.

Вместе с тем в Саратове к рубежу веков сложилась совершенно особенная атмосфера театральной жизни, для которой была характерна тесная взаимосвязь актеров, антрепренеров, режиссеров и городской общественности. «Саратовская публика очень любила свои театры и относилась с большим уважением к их работникам», – писал Н.И. Собольщikov-Самарин⁶. Б.А. Горин-Горяинов считал, что «Саратов был одним из самых "театральных" городов средней провинции»⁷. Возможно, одно из самых точных определений особенной городской атмосферы было дано В.А. Милашевским, считавшим Саратов нетипичной провинцией. «Саратов имел свою "блесткость"... Саратов был город с некоторой неповторимостью», – писал он⁸.

¹ Давыдов В.Н. Рассказ о прошлом. М., 1962. С. 77.

² Боголюбов Н.Н. Шестьдесят лет в оперном театре. С. 3.

³ Милашевский В.А. Вчера, позавчера... Воспоминания художника. М., 1972. С. 43.

⁴ Бакулев А.Н. Полвека на службе жизни // Прометей. М., 1972. Т. 9. С. 112.

⁵ Бок М.П. П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце... С. 85, 86

⁶ Собольщikov-Самарин Н.И. Записки. Горький, 1960. С. 203; Ступина А.С. Культурная среда провинциального города (Саратов второй половины XIX – начала XX в. в воспоминаниях современников)... С. 190–192.

⁷ Горин-Горяинов Б.А. Актеры (Из воспоминаний). М.-Л., 1947. С. 48.

⁸ Милашевский В.А. Вчера, позавчера... С. 12–13.

Саратовская губерния была не чужой роду Столыпиных. Здесь были их родовые земли. Двоюродный дед П.А. Столыпина – Афанасий Алексеевич Столыпин был саратовским предводителем дворянства, а его дочь Мария вышла замуж за князя В.А. Щербатова (саратовского губернатора в 1860-х гг.). На реке Алае находилось село Столыпина, при котором существовал «опытный хутор» с развитым культурным хозяйством европейского образца А.Д. Столыпина. В Вольском уезде Саратовской губернии П.А. Столыпину принадлежало имение при селе Балтат, в котором насчитывалось 1 000 дес. земли (в июне 1902 г. оно было продано за 112,5 тыс. руб.).

Согласно утверждению И.И. Колышко, П.А. Столыпин попал в Саратовскую губернию благодаря протекции Б.В. Штюмерера: «Женатый на Нейдгардт, Столыпин имел "протекцию". Его выдвигал в губернаторы Штюмерер, тогда директор Департамента общих дел при Плеве. Но Плеве долго не соглашался.

– Что вы лезете с этим... (следовал нелестный эпитет).

Наконец, Штюмереру удалось вырвать для своего протеже Саратовскую губернию» (Б.В. Штюмерер являлся одним из частых посетителей салона В.П. Мещерского, и И.И. Колышко, разумеется, был хорошо знаком с ним. Одно время «среди» князя посещал А.А. Столыпин (брат П.А. Столыпина). Поэтому не исключено, что в будущей карьере П.А. Столыпина В.П. Мещерский и его салон сыграли не последнюю роль)¹.

Назначение П.А. Столыпина саратовским губернатором совпало с ростом общественно-политической активности и, как следствие, государственно-управленческой нестабильности в стране. В 1900–1903 гг. Российская империя переживала серьезный экономический кризис, обостривший социальные и политические проблемы и вызвавший всплеск недовольства широких масс населения. По промышленным центрам России прокатилась волна рабочих забастовок. Пробудилось крестьянское движение. Если в 1895–1899 гг. произошло всего 32 крестьянских выступления, то в первые четыре года нового столетия таковых было зафиксировано 670. Особенно большого размаха это движение достигло в 1902 г., охватив треть губерний Европейской России.

Особенно ярко эти проблемы проявились в Саратовской губернии, считавшейся в правящих кругах неблагонадежной. Весной – летом 1902 г. по губернии прокатилась волна крестьянских выступлений. А в 1903 г. местные либералы усилили свои позиции в земских учреж-

¹ Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания... С. 89, 271.

дениях. Усугубляло ситуацию и то, что с 1850 г. Саратов являлся местом ссылки политических преступников. Все это усиливало степень оппозиционных настроений в губернии. Для П.А. Столыпина ситуация осложнялась еще и тем, что он не сталкивался прежде с особенностями крестьянского вопроса в собственно российских губерниях и с достаточно независимыми от администрации органами местного самоуправления. Пребывание П.А. Столыпина в губернии, видимо, не планировалось длительным. Напутствуя нового саратовского губернатора, Николай II ставил задачу «поправить» дела в губернии¹.

Саратовская губерния, в отличие от Северо-Западного края, была типично общинной. Здесь основной формой наделного землевладения являлась крестьянская поземельная община. Село страдало от малоземелья и острой чересполосицы. Саратовская губерния к тому же принадлежала к латифундистскому типу. Около 800 крупных земельных собственников держали в своих руках 34 % всей удобной земли. В то же время около 310 тыс. крестьянских дворов, или 88 % от общего их числа, имели нищенские наделы². Наибольшее число латифундий приходилось на Балашовский, Сердобский, Аткарский, Петровский и Саратовский уезды. Положение в деревне осложнялось отсутствием в губернии достаточного количества арендной земли, что приводило к росту арендных цен. Экономический кризис 1900–1903 гг. и голод 1901 г. в губернии ухудшили общее положение крестьян. Не менее 1/3 всех крестьянских хозяйств в зиму 1901–1903 гг. оказались доведены до крайней нищеты³.

В 1902 г. Саратовскую губернию охватили крестьянские волнения, проявившиеся в основном в поджогах помещичьего имущества. За 1903 г. в Балашовском уезде было зарегистрировано 75, Сердобском – 30, Аткарском – 11 поджогов. В течение 1902–1903 гг. в губернии произошло не менее 163 выступлений крестьян, они пришлись на уезды крупного помещичьего землевладения. Крестьянское движение проходило на фоне вспыхнувшей революционной борьбы в городе: рабочих стачек и демонстраций протеста. В это время в деревню все настойчивее стала проникать революционная пропаганда.

Предшественник П.А. Столыпина саратовский губернатор А.П. Энгельгардт неоднократно лично выезжал в уезды для умирения крестьян.

¹ РГИА. Ф. 662. Оп. 1. Д. 230. Л. 115.

² Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992. С. 20.

³ Гохлернер В.М. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907) гг. // Ученые записки Саратов. ун-та. Саратов, 1956. Т. 55. С. 221–222.

Стремясь остановить рост влияния революционно мыслящей интеллигенции на крестьянское население, видя в этом основной источник всех волнений, он прибегал к высылке из губернии заподозренных в противоправительственной деятельности всех политически неблагонадежных лиц. В марте 1903 г., к моменту приезда П.А. Столыпина в Саратов, крестьянские выступления после зимнего, относительно спокойного периода возобновились. В апреле того же года новый губернатор совершил поездки по Балашовскому и Царицынскому уездам с инспекционной проверкой, по завершении которой представил на имя министра внутренних дел записку, изложив в ней основные причины недовольства крестьян, и наметил меры по их успокоению¹. Изложенная в этом послании позиция по крестьянскому вопросу практически не менялась в течение 1903–1904 гг. Она лишь дополнялась и уточнялась П.А. Столыпиным в отчетах о состоянии губернии за 1902–1903 гг. и в ряде донесений и личных писем на имя министра внутренних дел В.К. Плеве.

В Саратове П.А. Столыпин поселился в старом губернаторском доме (ныне – Московская, 31), его семья некоторое время оставалась в Колнобережье. В октябре 1903 г. он переехал в только что отстроенный губернаторский дом на углу улиц Вольской и Малой Сергиевской. Свою канцелярию П.А. Столыпин разместил в соседнем двухэтажном особняке по ул. Вольской. Вскоре в Саратов вместе с детьми – пятью дочерьми и сыном – приехала его жена, Ольга Борисовна. П.А. Столыпин оказал Саратову значительные услуги: он сыграл значительную роль в открытии местного университета, также было заложено здание Мариинской женской гимназии, заасфальтированы Никольская и Александровская улицы. Губернатор добился для города громадного займа в 965 тыс. руб. на устройство водопровода и мостовых. Началась модернизация городской телефонной сети, состоялись пробные пуски газового освещения. Открывались приюты и ночлежные дома. На Плац-параде на углу улиц Вольской и Бахметьевской открылась глазная лечебница.

Саратов не слишком понравился дочери П.А. Столыпина – Марии, впоследствии она написала о приезде в этот город следующее: «Когда мы выезжали из Ковенской губернии, была осень, с голыми деревьями, туманом, слякотью, а в Саратове, через три дня пути, не считая остановки в Москве, нас встретил жаркий летний день. Папа в белом кителе и летней фуражке, пыльные улицы, духота – все это поразило

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 360. Л. 27–30.

нас. Хотя уже и по дороге становилось все теплее и теплее, но такого контраста мы все же не ожидали. И не в одном этом контраст. Все, все другое, для меня чуждое, не родное. Чистая русская речь мужиков, их внешний вид, знакомый мне лишь по картинкам, виды из вагона на необъятные, без конца, без края, уходящие в даль поля, церкви в каждом виднеющемся издали селе – все непривычное, все знакомое лишь по книгам. А сам Саратов. Боже, как он мне не понравился! Кроме счастья видеть папу, все наводило на меня здесь уныние и тоску: улицы, проведенные будто по линейке, маленькие, скучные домики по их сторонам, полное отсутствие зелени, кроме нескольких чахлах липок вокруг собора. Волга оказалась так далеко за городом, что туда и ходить не разрешалось: такой в тех местах проживал темный люд и так много там бывало пьяных. Красива только старая часть города с собором, типичным гостиним двором с бойкими приказчиками. В этих местах я снова чувствовала что-то близкое и родное, но сразу свыкнуться с этим чисто русским бытом было трудно – давали о себе знать первые семнадцать лет жизни, проведенные на окраине России. Дом наш всем нам полюбился – просторный, с красивыми большими высокими комнатами, весь новый, чистый и о, радость! – освещенный электричеством. Но мама этого новшества не признавала и завела у себя на письменном столе керосиновую лампу. Говорила, что электричество портит глаза. Понемногу стали мы тоже свыкаться с новой жизнью и новыми знакомыми, между которыми оказались и старые друзья, и родственники, помещики Саратовской губернии, князя Гагарины, граф Д.А. Олсуфьев, Катковы. Познакомились и очень сошлись мы с князьями Кропоткиными, живущими в самом городе»¹.

Не очень хорошо отзывалась о Саратове и другая дочь П.А. Столыпина – Александра: «Этот город, большой, современный, холодный, полный незнакомых людей, казавшихся нам враждебными, сразу же нам не понравился. Только что отстроенный губернаторский дом был просторным, современным и элегантным. На следующий день после приезда нас повели на короткую прогулку по улицам, полным народа. Времена были невеселые. Какое-то время за нами следовал бледный молодой студент. Мне не было еще шести лет, но я помню злую усмешку на тонких губах. Вдалеке, сквозь мелкий холодный дождь, видна была Волга, огромная, широкая, как море, мрачное, беспокойное море, казалось, таившее угрозу». А.П. Столыпина приводит также один очень инте-

¹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине... С. 138.

ресный случай, который произошел с ее матерью, Ольгой Борисовной: «Мама с первых же дней возглавила благотворительную деятельность в городе. Дважды в неделю она принимала бедных. Рядом с Саратовом были районы, населенные исключительно ссыльными преступниками и их семьями. Некоторые из них специально переправлялись через реку, чтобы обратиться к маме за помощью. Нужна была истинная смелость, чтобы встречаться с этими пугающими личностями. Однажды, когда мама отправилась с визитами, ее кучер ошибся адресом. Мама вошла в дом и внезапно была встречена незнакомцем. В соседней комнате, судя по всему, происходило собрание, слышался гул голосов. Мама в смущении отступила. Незнакомец, которого ее появление удивило и позабавило, проводил ее с большими почестями. Позже мы узнали, что мама попала прямо на собрание Террористического революционного комитета. Хозяин квартиры, господин Полянов, потом повсюду хвалился, что ему в тот день нанесла визит жена губернатора»¹.

Постепенно у П.А. Столыпина начал складываться определенный порядок работы. Рабочий день у него начинался в 9.30 утра с доклада управляющего канцелярией; в 10.00. – доклад полицмейстера; в 10.15 – 11.00 – прием посетителей; в 11.00 (по понедельникам) – доклад начальника отделения губернского правления по экстренным делам, (по вторникам) – доклад неперменного члена губернского по земским и городским делам присутствия, (по средам) – доклады неперменного члена губернского по воинской повинности присутствия и секретаря губернского статистического комитета, (по четвергам) – доклад неперменного члена губернского по административным и судебным делам присутствия, (по пятницам) – доклад неперменного члена губернского присутствия по продовольственному делу; 11.30 (по понедельникам) – доклады по распорядительному и лесоохранительному комитетам и губернскому комитету по народной трезвости, (по вторникам) – доклады тюремного и врачебного инспекторов, (по средам) – доклады по губернскому по фабричным и горнозаводским делам присутствия и по губернскому по промысловому налогу присутствию, (по четвергам) – доклады делопроизводителя управления Общества Красного Креста и начальника Мариинской женской гимназии, (по пятницам) – доклад неперменного члена губернского по продовольственному делу присутствия; 12.00 – 13.00 (ежедневно, кроме субботы) – «прием представлявшихся и всех нуждавшихся»; 14.00 (по понедельникам) – заседание губернских по

¹ Столыпин А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания... С. 20–23.

воинской повинности и по промысловому налогу присутствий, (по вторникам) – заседание губернского присутствия, (по средам) – заседание губернского по земским и городским делам присутствия, (по четвергам) – заседания лесоохранительного и распорядительного комитетов и губернского по фабричным и городским делам присутствия (заседания лесоохранительного комитета проводились в случае необходимости в последний четверг месяца), (по пятницам) – доклады в губернском правлении¹.

П.А. Столыпин справедливо видел ключевую проблему саратовской деревни в малоземелье. В отчете о состоянии губернии за 1902–1903 гг. он указал, что малоземельными в губернии являются 25 % хозяйств от общей крестьянской массы. Причины малоземелья губернатор усматривал в том, что реформа 1861 г. допустила дарственные наделы, а также в отсутствии у крестьян средств на приобретение земли через Крестьянский банк, требовавший с них предоплаты, составлявшей до 20 % стоимости покупаемой земли. Положение крестьян усугублялось, по мнению П.А. Столыпина, отсутствием в губернии достаточного количества арендуемой земли, следствием чего являлись высокие арендные цены на землю. В целом губернатор верно обозначил причины крестьянской неустроенности. Однако явно занизил процент крестьянских хозяйств, недостаточно обеспеченных землей². Объясняется это, видимо, тем, что внимание П.А. Столыпина привлекали лишь те местности, где крестьяне находились на минимальных дарственных землях, поскольку именно эти районы являлись очагами крестьянских волнений в губернии. В связи с этим начальник губернии особенно отмечал северо-западную часть Балашовского уезда, где действительно находились дарственные земли. П.А. Столыпин полагал, что локальные вспышки в этих районах «среди неграмотного населения» вызывали крупные беспорядки и действовали возбуждающе на «неразвитую» крестьянскую массу. Движение, возникнув в одной местности, отмечал он, мгновенно распространялось на соседние территории. Именно с таким явлением П.А. Столыпин столкнулся в 1903 г. во время поездок по губернии, когда требования о дополнительной прирезке земли исходили не только от малоземельных крестьян, но и от тех, кто, по его мнению, достаточно был обеспечен землей.

Вопрос о малоземелье не всеми трактовался однозначно. Так, А.П. Энгельгардт отказывался признавать малоземелье в губернии.

¹ Саратовские губернские ведомости. 1903. 15 мая.

² История Саратовского края с древнейших времен до 1917 г. Саратов, 1996. С. 238.

Он полагал, что основная проблема заключалась в неэффективном использовании крестьянами своих земель, и, исходя из этого, предлагал ряд мер, направленных на решение природно-экономических проблем, действительно имевших место. Не нашла поддержки позиция П.А. Столыпина и в Министерстве финансов, где полагали, что крестьяне Саратовской губернии вполне удовлетворены землей. С другой стороны, бывший саратовский губернатор А.И. Косич, управлявший губернией с 1887 г. по 1891 г., признавал малоземелье¹. Признание П.А. Столыпиным проблемы недостаточного наделения крестьян землей совпадало с позицией Министерства внутренних дел. Не склонное признавать эту проблему в предшествующие годы, оно в начале XX в., под влиянием крестьянских волнений, осознало ее реальность. В связи с этим в 1903 г. министерством рассматривался вопрос об изменении деятельности Крестьянского банка и проблема переселения. Министерство внутренних дел стремилось направить крестьян на банковские и целинные земли, отвлекая их тем самым от земель помещиков.

Не считая, что малоземелье в губернии является проблемой всеобщей, П.А. Столыпин тем не менее придавал ему исключительное значение. Именно в нем он видел источник нестабильности в губернии. Спокойствие крестьянского населения, по его глубокому убеждению, служило залогом спокойствия в государстве. объезжая уезды, П.А. Столыпин видел, что взоры крестьян обращены на помещичью землю. В отчете министру внутренних дел он указывал на стремление крестьян терроризировать своих бывших хозяев в надежде заставить их снизить арендную плату и даже вовсе отказаться от земли, уступив последнюю за бесценок, что вело к стихийному перераспределению ее в пользу крестьян. Беседуя с сельскими жителями, П.А. Столыпин неоднократно предостерегал их о недопустимости покушения на частновладельческие земельные угодья. Причем помещичью землю, по замечанию губернатора, крестьяне надеялись получить в общинное владение, а не в собственность отдельных крестьян или кулаков. Но тогда это обстоятельство у губернатора серьезных опасений не вызывало. Опасным и более болезненным явлением ему представлялось малоземелье².

Увидев во время поездок мощное стремление крестьян к перераспределению помещичьих земель, П.А. Столыпин, однако, вынес убеждение, что у власти есть шанс направить крестьян в сторону выгодного

¹ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) / под ред. И.В. Пороха. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Т. 2. С. 103.

² Там же. С. 103.

для правительства решения земельного вопроса. Возможность этого он связывал с тем, что крестьяне в основной массе не интересовались политикой, вполне поддавались воздействию властей, верили правительству, проявляя безразличие ко всему, кроме вопроса о земле. Крестьянское же движение в губернии, по мнению губернатора, являлось результатом революционной пропаганды. Проблема малоземелья, считал П.А. Столыпин, используется социалистами для внушения крестьянам своего варианта решения земельного вопроса: увеличение крестьянских наделов за счет помещичьих земель.

Конечно, революционная пропаганда оказывала влияние на крестьянскую массу, однако в этот период она лишь начала проникать в сельскую местность. Так, начало деятельности «Объединенной группы социал-демократов и социалистов-революционеров», наиболее крупной революционной организации в губернии, относится к концу 1902 г. Притязания крестьян на помещичью землю определялись не только влиянием революционеров, но и крайней неравномерностью распределения земель в губернии. Это вообще было характерно для П.А. Столыпина – объяснять значительную часть крестьянских выступлений и требования прирезки земли внешними влияниями, находившими благоприятную почву, как считал губернатор, в неграмотной, «темной» крестьянской среде¹.

Задачу власти П.А. Столыпин видел в том, чтобы перехватить инициативу у революционной интеллигенции и предложить крестьянам свой вариант решения земельного вопроса. Большое значение в связи с этим он возлагал на царский Манифест от 26 февраля 1903 г. Между тем документ содержал крайне умеренные предложения. В Манифесте говорилось о необходимости пересмотра законодательства о крестьянах, но при сохранении крестьянской общины, неотчуждаемости наделных земель, правовой обособленности крестьян. Особое внимание П.А. Столыпина привлекло обещание пересмотра деятельности Крестьянского банка с целью обеспечения крестьян дополнительной землей.

В то же время, почувствовав угрозу режиму, таившуюся в недрах русской деревни, он высказал в адрес правительства справедливые опасения, что при обострении земельной нужды пока относительно спокойная масса может обратиться и против землевладельцев, и против администрации, охраняющей их. Стремясь предотвратить такой ход событий, П.А. Столыпин разработал ряд мер по умиротворению крестьян.

¹ Гохлернер В.М. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.)... С. 223.

Намеченные им действия имели весьма широкий диапазон и включали в себя как меры, направленные на подавление и предупреждение крестьянского движения, так и меры по расширению крестьянского землевладения, для чего предлагалось изменить деятельность Крестьянского банка и обратить внимание на необходимость землеустроительных работ. Причем последние мероприятия губернатор ставил в прямую зависимость от первых. «Пока, однако, крестьянский быт не получил переустройства, – подчеркивал он, – администрация Саратовской губернии должна быть неослабно на страже порядка, так как население местами разнудано, склонно снисходительность считать за слабость и чуть ли не за поощрение со стороны правительства». П.А. Столыпин был убежден, что лишь успокоение в деревне позволит быстро решить земельный вопрос. Репрессивные меры, таким образом, он сделал неотъемлемой частью решения крестьянского вопроса.

19 апреля 1903 г. в местных газетах было издано постановление, которое содержало следующие требования: 1) «воспрещается повсеместно в пределах Саратовской губернии всякого рода сборища и собрания, не дозволенные установленным порядком, независимо от их цели и места»; 2) собравшиеся обязаны по первому требованию полиции разойтись; 3) «всякие вмешательства в действия чинов полиции при исправлении ими обязанностей по службе безусловно не допускается»; 4) виновные в нарушении настоящего постановления подвергаются в административном порядке аресту до 3 месяцев или денежному взысканию до 500 руб.; 5) «настоящее обязательное постановление объявляется населению губернии: в городах Саратове и Царицыне – путем опубликования в местных газетах, в прочих уездных городах, в посаде Дубовка – путем расклейки печатных объявлений, а в селениях – через господ земских начальников на сельских сходах»; 6) постановление это вступает в законную силу со дня его обнародования¹.

Планируемые губернатором действия были выдержаны в духе политики министра внутренних дел В.К. Плеве. С одной стороны, подавление крестьянского движения, как это было в Харьковской и Полтавской губерниях в 1902 г., а с другой стороны – признание существующих проблем деревни и обещание их решить². Полагая, что одной из главных причин волнений в деревне является слабость власти, П.А. Столыпин тут же по приезде в Саратов приступил к укреплению ее репрессивного и административного аппарата. Уже в апреле 1903 г., ввиду тревожного

¹ Саратовские губернские ведомости. 1903. 24 апреля.

² Российские консерваторы. М., 1997. С. 307, 308–310.

настроения крестьянского населения некоторых местностей губернии, губернатор обратился в Министерство внутренних дел с предложением организовать местную конно-полицейскую команду в количестве 150 человек. Правда, подобное подразделение уже существовало при губернаторе А.П. Энгельгардте, но имело временный характер. Прежний губернатор возбуждал ходатайство о расквартировании в г. Саратове одной или двух сотен казаков, но Военное министерство отклонило его. По мнению же П.А. Столыпина, новая команда должна быть постоянной, вооруженной, мобильной силой, способной быстро преодолевать большие расстояния для подавления крестьянских волнений. Пока же команда не была сформирована, он сумел вытребовать в Министерстве внутренних дел 10 тыс. руб. на формирование временной казачьей команды из 50 человек. В августе 1903 г. были учреждены конно-полицейские команды в Саратовской и в не менее беспокойной Полтавской губерниях. Команда состояла из 3 офицеров и 84 казаков с постоянным жалованьем и зачислением срока службы в срочную службу. Последнее обязательство ставило новое формирование на регулярную основу, превращая его в эффективное и преданное власти подразделение.

П.А. Столыпин стремился укрепить и уездную полицию. В связи с беспокойными настроениями крестьянского населения губернии и систематическими преступлениями против имущества землевладельцев он обратился в Департамент полиции Министерства внутренних дел с просьбой отпустить 1000 руб. на сыскную деятельность. В мае 1903 г. губернатор получил требуемую сумму. Особое внимание он уделял институту земских начальников. В них он видел, прежде всего, противовес противоправной агитации в деревне. В своем отчете о состоянии Саратовской губернии за 1903 г., представленном Николаю II, П.А. Столыпин писал: «Получившая широкое распространение политическая пропаганда, особенно среди юношества, агитация между крестьянами, имевшая успех в местностях с малым земельным наделом, поджоги помещичьих усадеб с целью заставить землевладельцев бросать хозяйство и продавать имения, все эти ненормальные явления должны были остановить на себе внимание губернатора и вызвать ряд мер к скорейшему восстановлению законного порядка... Должен упомянуть о том значительном облегчении для местных полицейских органов, которое последовало с введением внутренней полицейской стражи. Ввиду лучшей обеспеченности стражников сравнительно с прежними сотскими, их возможно набирать из грамотных нижних чинов, притом не из местных крестьян, связанных с населением близкими родственными и другими

отношениями, а из пришлых, что благотворно отражается на дисциплине низших органов полиции. При теперешнем отношении вещей есть возможность требовать от полиции и более быстрого раскрытия преступлений, и охраны обывателей от всякого произвола и насилия. Несколько парализует действия стражи лишь то обстоятельство, что она пешая, так как при громадных расстояниях Саратовской губернии на одного стражника приходится местами пространство в 30 верст, что, конечно, делает его иногда совершенно бессильным... Во всяком случае полиция Саратовской губернии в общих чертах и ныне удовлетворительно справляется со своею задачею, а наличность в губернии казачьей конно-полицейской команды облегчает немедленное прекращение каких бы то ни было попыток нарушения законного порядка»¹.

В апреле 1903 г. П.А. Столыпин провел ревизию деятельности земских начальников Балашовского и Царицынского уездов, а в течение 1903–1904 гг. то же самое он предпринял в отношении всех остальных уездов. В итоге проверок губернатор остался недоволен слабым применением земскими начальниками ст. 57 Положения о крестьянских учреждениях, определяющую административно-карательную функцию власти на местах в отношении крестьянского населения. В связи с брожением в губернии П.А. Столыпин предписал земским начальникам активнее применять данную статью. Одновременно он выразил надежду, что слабое применение статьи объяснялось действительным послушанием населения, а не снисходительностью земских начальников к подведомственному населению. Последнее обстоятельство для губернатора было абсолютно неприемлемым. Обращаясь к земским начальникам, он предупреждал, что подобная снисходительность не может быть одобрена, так как дискредитирует местную власть.

3 мая 1903 г. в донесении министру внутренних дел В.К. Плеве П.А. Столыпин доложил «о повторяющихся... поджогах на аграрно-политической подкладке» в Балашовском уезде Саратовской губернии. Так, в частности, П.А. Столыпин указал на следующие выступления крестьян: 1) 16 февраля 1903 г. в с. Бельцине Балашовского уезда была сожжена рига, принадлежавшая землевладелице Вагнер; 2) 23 февраля – стог сена у землевладельца Ливена; 3) 9 марта был поджог в с. Трубецком у волостного старшины; 4) 13 марта в с. Макарове сожгли две риги у крестьян Полякова и Хохлова; 5) 16 марта в имении Зацепина была сожжена рига; 6) 8 апреля – рига и сельскохозяйственные машины

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 67. Л. 3–19

в имении Ливена; 7) 10 апреля в с. Макарове сгорели дома крестьян Мишкова, Угарова и Сергачева, тогда же сожгли ригу крестьянина Игонина в с. Григорьевка Макаровской волости и скотный двор в имении принца Гогенлоэ при с. Журавке; 8) 12 апреля сгорел от поджога амбар с хлебом в имении Васильева при с. Марьине; 9) 13 апреля в третий раз был поджог в имении Ливена (уничтожен стог сена); 10) 14 апреля сгорели надворные постройки в усадьбе землевладельца Сусанова. Причем во время последнего пожара на место происшествия явились местные крестьяне из с. Голицыно и Сестренки, которые, не принимая участия в тушении огня, стали с хохотом и насмешками разбрасывать спасенное имущество и насмехаться над священником, тоже пришедшим на пожар, говоря при этом: «У вас есть молитва на это. Вы должны обойти двор с молитвой и прекратить пожар; всегда должны быть готовы и являться с молитвой». Затем кто-то сломал замок у уцелевшей от огня кладовой, вытащил оттуда ведра водки и варенье, и крестьяне, расположившись здесь же стали пить водку, заедая ее вареньем¹.

За усиление роли земских начальников губернатор высказался во время работы Саратовского губернского совещания по крестьянскому вопросу в 1904 г. Он поддержал идею о передаче части дел из ведения волостного суда земским начальникам, что фактически укрепляло их контроль за крестьянами². Вместе с тем предложил земским начальникам усилить их влияние на деятельность волостного суда. Отношение П.А. Столыпина к роли земских начальников соответствовало установкам Редакционной комиссии Министерства внутренних дел, занимавшейся пересмотром законодательства о крестьянах. Комиссия признавала целесообразным расширить компетенцию земских начальников. Кроме того, предлагалось укрепить их авторитет, улучшив материальное положение и продвижение по службе. В связи с необходимостью усиления роли института земских начальников П.А. Столыпин уделял большое внимание их личному составу. Хотя губернатор не склонен был проводить чистки в связи с недостатком кандидатур на должность земских начальников, он, однако, в тех случаях, когда земские начальники проявляли неблагонадежность, применял к ним административные

¹ Донесение Саратовского губернатора Министру внутренних дел с обзором аграрных выступлений в губернии в феврале-апреле 1903 г. и указанием их причин // Саратовский губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.) / сост. А.В. Вороневцев, А.И. Пиреев. Саратов: Изд-во ООО «СП-Принт», 2012. С. 36–37.

² Пиреев А.И. Губернатор П.А. Столыпин и Саратовское губернское совещание по крестьянскому вопросу // Росс. истор. журнал. № 4. 1998. С. 10–18.

меры. Так, губернатор перевел земских начальников Балашовского уезда Спуве и А.П. Штейнфельда в другие уезды за их участие в съезде врачей и председателей земских управ, который носил оппозиционный характер. На съезде они подписали приветственную телеграмму высланному из Саратовской губернии врачу В.Д. Ченыкаеву. Министру же внутренних дел свои действия П.А. Столыпин объяснил стремлением внушить остальным земским начальникам мысль о недопустимости для них оппозиционных настроений в адрес правительства. Агент власти, назидательно указывал он земским начальникам, не может выражать «сочувствие врагам правительства». Одновременно губернатор не упустил случая указать Балашовскому уездному предводителю дворянства С.А. Унковскому, известному своими либеральными взглядами, на его ответственность в распространении оппозиционных настроений в среде уездных земских начальников. П.А. Столыпин предложил С.А. Унковскому принять меры к объединению последних на почве дела, а не политических демонстраций. Вместо А.П. Штейнфельда начальник губернии назначил А.Е. Тимрота, лично известного ему еще по Северо-Западному краю и состоящему при губернаторе чиновником особых поручений.

В 1903 г. П.А. Столыпин отклонил кандидатуры Исаева и Салова на должность земских начальников, предложенные тем же С.А. Унковским, как политически неблагонадежных. С целью более эффективно выяснения зачинщиков крестьянских волнений, 3 сентября 1903 г. П.А. Столыпин предписал земским начальникам координировать свою деятельность с уездными начальниками, пытаясь таким образом заполнить отсутствие в уезде координирующего административного органа. Подобная мера была повторно им предложена в апреле 1904 г. Вероятно, тогда П.А. Столыпин стал осознавать необходимость более централизованной организации власти в уезде.

Начальник губернии одобрительно отзывался о принятии закона от 5 мая 1903 г., вводившего сельскую стражу вместо прежней сельской полиции. Положительным он считал то, что стражники, в отличие от сотских и десятских, набирались не из местного сельского населения, а со стороны, что ограждало их от личных, семейных, приятельских отношений и способствовало большей эффективности означенной службы. Это обстоятельство действительно способно было обеспечить более надежную опору власти в сельской местности. Отмечая в своих донесениях в Санкт-Петербург, что преследования инакомыслящих по суду, из-за отсутствия формальных оснований, завершаются, как правило, ничем.

П.А. Столыпин придавал большое значение положению об усиленной охране, введенному в Саратовской губернии в 1903 г. Это положение давало губернатору право высылать за пределы губернии политически неблагонадежных лиц, а также издавать обязательные постановления, за нарушение которых он мог применять к виновным административные наказания. В апреле 1903 г. он впервые издал обязательное постановление для губернии, которым воспрещались в пределах Саратовской губернии всякого рода собрания, не дозволенные установленным порядком, независимо от их целей и места. Собравшиеся обязаны были по первому требованию полиции разойтись, а в случае неповиновения их действия оценивались как вмешательство в действия полиции и подвергались либо аресту до 3 месяцев, либо штрафу до 500 руб. В начале XX в. эта сумма была ощутимой. Таким образом, полиция получила возможность любое скопление тех же крестьян объявить незаконным со всеми вытекающими из этого последствиями. В течение 1903 г. губернатор воспользовался постановлением 17 раз. В конце того же года положение об усиленной охране по просьбе П.А. Столыпина было продлено еще на один год, то есть до 1 декабря 1904 г. А в сентябре 1904 г. он вновь ходатайствовал о продлении его действия на 1905 г., мотивируя свои требования беспокойным положением в губернии, особенно в сельской местности. Примечательно, что П.А. Столыпин в своих донесениях правительству считал 1904 г. значительно более спокойным, чем предыдущий, отмечая сокращение числа крестьянских выступлений, ослабление революционной агитации. Тем не менее он предпочитал иметь расширенные полномочия. П.А. Столыпин обычно был склонен управлять чрезвычайными методами. В связи с изменением внутривнутриполитического курса, вызванным действиями министра внутренних дел П.Д. Святополка-Мирского, П.А. Столыпину было предоставлено лишь право издавать обязательные постановления, чем он весьма активно пользовался в 1905 г.

Таким образом, самые первые шаги Саратовского губернатора были направлены на укрепление губернских правительственных структур, непосредственно связанных с жизнедеятельностью крестьян. От этого, по мнению П.А. Столыпина, зависело успешное искоренение всякой попытки покушения крестьян на помещичью собственность. Одновременно с укреплением репрессивного и административного аппарата П.А. Столыпин внимательно следил за событиями, происходившими в сельской местности, мгновенно реагируя на возникающие крестьянские волнения. Чаще всего меры воздействия на крестьянскую

массу носили дискретный характер с целью подавления уже начавшихся волнений либо их предупреждения. Считая, что малейшее снисхождение и попустительство со стороны власти недопустимо, так как лишь укрепляет в крестьянах чувство безнаказанности, П.А. Столыпин принимал меры оперативно и жестко. Наказание, полагал он, должно быть неотвратимым.

Как правило, полагаясь полностью на сведения, полученные от исправников или земских начальников, губернатор отдавал им распоряжения о необходимости применения соответствующих мер. Так, за покушение на землю помещицы Шуваловой, выразившееся в угрозе захвата земли в случае, если она не согласится уменьшить арендную плату, трое крестьян с. Малые Копены Аткарского уезда были подвергнуты в 1903 г. двухнедельному аресту за нарушение обязательного постановления. Также за нарушение обязательного постановления был подвергнут аресту крестьянин Ф. Иванов за распространение среди крестьян слухов о будущей прирезке земли. Кроме того, стремясь не допустить складывания политически неблагоприятной ситуации в деревне, П.А. Столыпин предпринимал предупредительные меры. Так, в мае 1903 г. на основе положения об усиленной охране он выслал из губернии 16 крестьян Петровского уезда. И хотя крестьяне за недостаточностью улик были оправданы судом, в связи с делом о поджогах хлеба местных помещиков, губернатор, целиком полагаясь на местную полицию, признавшую их нравственно виновными в поджогах, все же счел необходимым крестьян выслать. Также за подозрение в неблагонадежности по ходатайству П.А. Столыпина было выслано 11 крестьян Балашовского уезда, где в течение 1903 г. было зарегистрировано более семидесяти поджогов.

Однако простая высылка неблагонадежных за пределы губернии для П.А. Столыпина была мерой недостаточной. Узнав от исправника, что причиной возобновившихся пожаров в Петровском уезде является пагубное влияние на крестьян с. Урлейки Ф. Седова, высланного за участие в аграрных волнениях в соседнюю Пензенскую губернию, губернатор добился в Министерстве внутренних дел запрета Ф. Седову проживания и в Пензенской губернии. А в апреле 1904 г., относительно спокойном, по мнению самого П.А. Столыпина, он высказался против сокращения срока ссылки крестьянину Серкову, ходатайствовавшему в Министерство внутренних дел о досрочном возвращении в Саратов из Олонецкой губернии по состоянию здоровья. Получив сведения от саратовского исправника о том, что местные крестьяне ожидают воз-

вращения Серкова, являвшегося уполномоченным местного сельского общества по ходатайству о земле, принадлежащей местному помещику, чтобы вновь предъявить на нее притязания, губернатор в послании в Министерство внутренних дел указал на нежелательность досрочного возвращения Серкова. Так он надеялся сохранить спокойствие в данной местности.

В умиротворении крестьян П.А. Столыпин полагался не только на чиновников местной полиции, но и принимал в нем личное участие. Так, объезжая губернию с ревизиями и встречаясь с крестьянами, слыша жалобы по поводу малоземелья, он отвечал обещанием прирезки земли, чем вызывал недоумение сопровождавших его земских начальников. Обещая землю, П.А. Столыпин, однако, предусмотрительно не указывал, каким образом земля может быть получена. Действуя таким образом, губернатор надеялся, с одной стороны, успокоить крестьян, а с другой – повысить в их глазах авторитет местной власти.

В экстренных случаях, когда угрозы крестьян в адрес местных помещиков переходили от слов к делу, П.А. Столыпин предпочитал меры более жесткие, чем просто увещевания, выезжая на место в сопровождении войск. Так, в 1903–1904 гг. им были предприняты поездки в с. Шепелевку Балашовского уезда, известную серией поджогов и работой нелегального кружка, и в с. Мордовый Карай, в котором произошла порубка леса помещика Н.Н. Львова, а также в д. Дурасовку Аткарского уезда, крестьяне которой захватили луга помещика Юрьевича.

Схема действий губернатора, с помощью которой он добивался примерного поведения крестьян, везде была неизменно одинаковой. Собирая на сельский сход крестьян, П.А. Столыпин под угрозой расправы и оставления казаков в селе на неопределенный срок выявлял зачинщиков волнений, подвергал их аресту и отправлял в тюрьму для последующего дознания и суда. Далее по предварительному составленному местной полицией списку все политически неблагонадежные лица подвергались аресту или штрафу за нарушение обязательного постановления губернатора¹.

Считая арест мерой недостаточной, П.А. Столыпин требовал от крестьян признания их вины за содеянное, добивался принятия крестьянами извинительного приговора. В случае же их упорства он оставлял в селе казачью команду, находя эту меру весьма действенной. В августе 1903 г. губернатор оставил казаков в с. Шепелевке, подписав послед-

¹ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 81.

ним показать местным крестьянам пример того, как русский человек и честный солдат служит царю и охраняет местных землевладельцев. При этом все расходы по постою были возложены на крестьян. В сентябре 1904 г. по просьбе крестьян команда была отозвана П.А. Столыпиным, который пригрозил, что в случае повторения беспорядков «взыщет с двойной строгостью». Удовлетворенный действиями казаков, губернатор объявил им благодарность. В д. Дурасовке оставленная губернатором казачья команда в течение двух дней сумела внушить крестьянам, как отмечал П.А. Столыпин, «известный трепет». В результате губернатор добился своей цели. Крестьяне составили приговор на имя начальника губернии, признав свою вину и обещая не покушаться более на землю помещика Юрьевича.

Действия П.А. Столыпина вызвали одобрение Санкт-Петербурга. Летом 1904 г. ему была объявлена благодарность министра внутренних дел В.К. Плеве за быстрое и энергичное восстановление порядка в Аткарском уезде¹. Подавляя сопротивление крестьян силой, П.А. Столыпин одновременно заботился о восстановлении помещичьей собственности, требуя возвращения украденного. В Мордовом Карае в 1904 г. он с помощью казаков, которые, по свидетельству очевидцев, избивали крестьян, заставил вернуть помещику Львову похищенный лес². Наряду с подавлением крестьянских волнений П.А. Столыпин исключительно большое значение придавал мерам пресечения революционной пропаганды в крестьянской среде. В ней он видел главную причину крестьянских волнений.

Установив связь между крестьянскими выступлениями и революционной агитацией, губернатор прилагал усилия с целью оградить крестьян от влияния местной оппозиционно настроенной интеллигенции. Опасность он усматривал в том, что в руках сельской интеллигенции (учителей, врачей, земских служащих) находится заведывание сельскими просветительскими учреждениями. Интеллигенция же, по мнению П.А. Столыпина, задавалась целями преимущественно отвлеченными, идущими вразрез с правительственной политикой. Сельская интеллигенция рассматривалась им как потенциально политически неблагонадежная среда. Народные дома, библиотеки со своими читальнями и спектаклями, считал он, не применимы к условиям народной жизни, отвлекают крестьян от нормального труда. П.А. Столыпин от-

¹ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 81.

² Бабилов И.И. Крестьянское движение в Саратовской губернии накануне первой российской революции // Ученые записки Саратов. ун-та. 1956. Т. 5. С. 210–211.

мечал, что деятельность интеллигенции приводит к расколам в сельских обществах, в которых отцы иногда становятся в антагонизм к детям. В поддержке традиционного уклада деревенской жизни власть видела способ сохранения патриархальных, монархических настроений в крестьянской среде. Ломка же патриархальных устоев, приводившая к открытости сельских обществ, способствовала проникновению в их среду революционных идей, чего особенно опасался П.А. Столыпин. Отчасти этим объяснялось его отрицательное отношение к идее введения всеобщего сельского общества и всеобщей волости¹.

С целью воздействия на лиц, проводящих чтения в чайных без разрешения полиции, губернатор издал 19 апреля 1903 г. обязательное постановление о воспрещении собраний, тем самым поставив чтения под контроль полиции. Весной того же года им были уволены со службы четверо учителей Балашовского уезда за революционную пропаганду среди крестьян. В Аткарском уезде в сентябре 1903 г. при содействии П.А. Столыпина был привлечен к дознанию при Саратовском губернском жандармском управлении учитель с. Раковки за распространение в сельской местности социалистических идей. Узнав в январе 1904 г. от губернского жандармского управления о собрании крестьян в доме крестьянина д. Львовки Балашовского уезда с участием местного учителя, губернатор не мешкая приказал балашовскому исправнику осторожно выяснить цель собрания и о результатах донести. А за ведение политических бесед с крестьянами, приходившими за книгами в библиотеку с. Поповки, П.А. Столыпин предписал саратовскому исправнику в январе 1904 г. устранить от должности заведующего библиотекой И. Якоби, не обращая внимания даже на то, что библиотека была учреждена частными лицами и И. Якоби являлся одним из ее учредителей. Кроме того, в начале 1904 г. он был переизбран заведующим на три последующих года. В итоге губернатор добился увольнения И. Якоби.

По настоятельной просьбе П.А. Столыпина Министерство юстиции в феврале 1904 г. отстранило от участия в ходатайствах по судебным делам частного поверенного А.П. Феологова, имевшего большое влияние на крестьян Балашовского уезда. Характерно в этом случае, что А.П. Феологов в тот момент в Саратовской губернии даже не проживал, будучи высланным из нее еще в начале 1903 г. и к моменту рассмотре-

¹ Голованов В.И. Саратовское губернское совещание по пересмотру законодательства о крестьянах // Саратовская земская неделя. 1904. № 8. С. 27–31; Пиреев А.И. Губернатор П.А. Столыпин и Саратовское губернское совещание по крестьянскому вопросу... С. 10–18.

ния своего вопроса служил в Тамбовском окружном суде. Однако то, что он по-прежнему сохранил тесные связи с балашовскими крестьянами, П.А. Столыпина вовсе не устраивало.

Последовательно жесткую позицию губернатор занял и в деле Мариинского земледельческого училища. В 1902 г. оно не без оснований считалось центром революционной пропаганды среди крестьян. В связи с этим в училище была направлена специальная комиссия Министерства земледелия и государственных имуществ, установившая в результате проведенной проверки, что в училище действительно имело место распространение противоправительственных листовок. При этом комиссия заключила, что агитация была привнесена в учебное заведение извне саратовскими революционерами, которые предложили училищному начальству лучше следить за своими питомцами.

Что касается П.А. Столыпина, то он категорически не согласился с таким выводом. Его явно не устраивал ведомственный подход комиссии. В отправленной в апреле 1904 г. на имя министра внутренних дел записке он изложил собственное видение данного происшествия. Агитация, по его мнению, не заносилась в училище извне, а само училище являлось непосредственным центром революционной агитации и пропаганды, в чем он был абсолютно прав. По настоянию губернатора летом 1904 г. в Саратов приезжал директор Департамента земледелия, встречавшийся со П.А. Столыпиным и начальником губернского жандармского управления. В результате в училище были проведены увольнения.

Вместе с тем российское правительство в деле разрешения земельного кризиса пыталось действовать и другими методами. Так, 11 июня 1903 г. министр внутренних дел В.К. Плеве отправил П.А. Столыпину секретное письмо, в котором говорилось, что «за истекший срок со времени наделения крестьян землей успели с очевидностью выясниться значительные недостатки». В связи с этим предлагалось «расширить активное участие органов власти в деле земельного устройства крестьян посредством предоставления им возможности приходить на помощь сельскому населению». При этом, прежде чем приступить к широкомасштабной помощи, П.А. Столыпину рекомендовалось «произвести надлежащий в этом деле опыт», который включал в себя: 1) «расселение крестьян многолюдных селений»; 2) размежевание наделов, отведенных нескольким сельским обществам совместно, в целях устранения чересполосицы; 3) переселение на свободные казенные или приобретенные Крестьянским банком земли; 4) содействие крестьянам к переходу к ху-

торской системе хозяйства. В конце письма В.К. Плеве рекомендовал П.А. Столыпину «избегать всяких поводов к неправильным толкованиям о цели предпринимаемых действий и к возбуждению несбыточных надежд среди крестьянского населения», для чего предпринимаемые «опыты» следовало хранить в строжайшей тайне, передавая сведения о них местным чиновникам лично, а не на бумаге¹.

Уже 24 июня 1903 г. П.А. Столыпин написал В.К. Плеве ответное письмо о том, что для необходимых «опытов» по улучшению крестьянского землепользования им были выбраны «подходящие» дер. Самодуровка и Боровая и с. Жирное. Они являлись типичными представителями малоземельных крестьян Саратовской губернии. Так, дер. Самодуровка и Боровая принадлежали помещице Аничковой, которая продала почти все свое имение перед 1861 г., и при освобождении крестьян им была предложена на выкуп вся наличная земля, а именно в Самодуровке 9 дес. на 51 ревизскую душу, а в Боровой 28 дес. – на 150 душ. К 1903 г. на данных 37 дес. жило увеличившееся вчетверо крестьянское население. В 1882 г. они пытались переселиться на казенные земли Балашовского уезда, но из-за недостатка воды вынуждены были вернуться обратно сильно обнищавшими. В таком же положении находились и жители с. Жирное, в результате чего местная администрация не раз собиралась купить прилегающие к ним наделы у их бывших помещиков князей Гагариных².

Препятствуя распространению революционных идей среди крестьян, П.А. Столыпин в то же время пытался укрепить в крестьянах охранительные настроения. В мае 1903 г. он разрешил земским начальникам принимать подписку среди крестьян на газету известного русского консерватора князя В.П. Мещерского «Дружеские речи». Газета, считал губернатор, всегда отличалась патриотическим настроением, и распространение ее в сельской местности находил желательным. А в мае того же года П.А. Столыпин, поддержав ходатайство Кузнецкого земства об открытии низшей сельскохозяйственной школы, предложил в связи с отсутствием в ней общеобразовательных дисциплин ввести Закон Божий.

¹ Письмо Министра внутренних дел Саратовскому губернатору об организации землеустроительных опытов с целью улучшения крестьянского землепользования // Саратовский губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.) / сост. А.В. Воронечев, А.И. Пиреев... С. 46–49.

² Письмо Саратовского губернатора Министру внутренних дел о землеустроительных мероприятиях, необходимых для улучшения крестьянского землепользования // Саратовский губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.) / сост. А.В. Воронечев, А.И. Пиреев... С. 50–51.

Оценивая эффективность предпринимаемых губернской администрацией мер, П.А. Столыпин, склонный преувеличивать влияние агитации на крестьянские волнения, полагал, что благодаря именно репрессивным мерам удалось добиться заметного снижения революционной пропаганды в деревне, снизив тем самым число крестьянских выступлений. Крестьянское движение в губернии в 1904 г. действительно сократилось, достигнув уровня 1900–1901 гг., когда в губернии регистрировалось чуть более 14 выступлений в год¹. Но не столько по причине ослабления активности радикалов, сколько под силой удара со стороны власти. Такое успокоение оказалось лишь затишьем перед бурей. Однако действия губернатора нашли поддержку у царя.

Достигнутые результаты губернатор считал необходимым закрепить мерами экономического порядка. В течение 1903–1904 гг. им были приняты шаги для смягчения крестьянского малоземелья. Понимая, что высокие арендные цены на помещичьи земли не способствуют приобретению крестьянами дополнительной земли, П.А. Столыпин широко практиковал сдачу земли в аренду крестьянам без торгов. Особенно широкое распространение торги получили в 1904 г. Шел губернатор навстречу и крестьянам, обращавшимся к нему с конкретными просьбами о помощи в приобретении земли через Крестьянский банк. П.А. Столыпин, однако, осознавал, что подобные меры неспособны всерьез разрешить проблему крестьянского малоземелья, так как для этого требовался целый комплекс правительственных мер. Исходя из этого, он изложил в ряде посланий царю и министру внутренних дел свои предложения².

Главной целью П.А. Столыпина было достижение равновесия в пользовании крестьянами земель, нарушенного в 1861 г. Этот перекос необходимо было устранить. Ключевым, по мнению губернатора, был вопрос о реорганизации деятельности Крестьянского банка. Деятельность этого коммерческого учреждения касалась, по справедливому замечанию П.А. Столыпина, преимущественно обеспеченных крестьян, имевших возможность вносить на счета банка необходимые приплаты за купленные земли. Основная же малоземельная масса оставалась в стороне от деятельности Крестьянского банка. Высокие проценты за покупаемую крестьянами через банк землю – выкупные платежи – ухудшали финансовое положение сельских жителей. В связи с этим губернатор

¹ Бабиков И.И. Указ. соч. С. 197, 217.

² Пиреев А.И. Саратовский губернатор П.А. Столыпин и банкетная кампания 1904–1905 гг. // Человек и власть в современной России // Межвузов. науч. сборник. Саратов, 1998. С. 101.

предлагал солидарную деятельность банка с органами, ведающими крестьянским хозяйством и действующими под руководством губернатора. При этом, как он полагал, станет невозможным одновременная рассрочка выкупных платежей в местностях, не оправившихся от недородов и взыскание банком платежей согласно своему уставу. Таким образом, предлагалось более рационально организовать систему выплат, взимавшихся с крестьян, что могло уменьшить финансовое бремя последних.

Предложения П.А. Столыпина касались и вопросов крестьянского землеустройства. Предполагалось дать банку право самостоятельно покупать землю и затем перепродавать ее крестьянам с отложенным платежом и одновременно расширить его землеустроительные функции. Необходимость более активной роли Крестьянского банка в разрешении земельного вопроса осознавалась П.А. Столыпиным еще в Северо-Западном крае. Таким образом, губернатор надеялся превратить банк в активный инструмент в руках правительства для смягчения малоземелья, проблемы столь взрывоопасной для власти. В то же время, предвидя, по-видимому, возможное противодействие расширению землеустроительных функций со стороны Министерства финансов, П.А. Столыпин предлагал даже изъять землеустройство из ведения данного учреждения и передать коллегиальному органу с участием представителя от земства и правительственного агронома, рассчитывая на его более эффективную деятельность. Сумма изложенных мер помогла бы, по мнению губернатора, с одной стороны, малоземельным крестьянам приобретать землю в аренду с зачетом в течение нескольких лет арендной платы в счет стоимости земли, расширяя возможности для малообеспеченных, а с другой – более рационально устраивать земельные участки, способствуя разумной нарезке полей, устройству мельниц, водоемов, обсадке оврагов¹.

Реализация проектов П.А. Столыпина расширила бы возможности крестьян в приобретении дополнительной земли. Но мероприятия были направлены на удовлетворение земель главным образом дворянников. Если же учесть, что масштабы малоземелья в губернии были значительно более широкими, меры губернатора вряд ли утолили бы земельную нужду крестьян и привели к столь желательному для власти успокоению села. Предложения П.А. Столыпина привлекли внимание Николая II, который передал их на рассмотрение в Комитет министров, обсуждавший вопрос о реорганизации деятельности Крестьянского банка. Однако

¹ Пиреев А.И. П.А. Столыпин и Саратовское губернское совещание по крестьянскому вопросу 1904 г. ... С. 11–18.

идея губернатора о придании банку землеустроительных функций действительно не нашла поддержки в Министерстве финансов, где считали, что Крестьянский банк не может и не должен стремиться решить вопрос о наделении крестьян землей в полном объеме. Министерство продолжало рассматривать его прежде всего как коммерческое учреждение. П.А. Столыпин же стремился придать деятельности одного определенную социально-политическую направленность. По всей видимости, именно эти разногласия и явились главной причиной отказа П.А. Столыпина в марте 1905 г. возглавить деятельность Крестьянского банка в качестве его управляющего. Планы губернатора, нацеленные на преодоление крестьянского малоземелья, не предполагали, однако, изменения уклада русской деревни. Позиция П.А. Столыпина определялась его более общими представлениями о путях решения крестьянского вопроса и соответствовала царскому Манифесту от 26 февраля 1903 г. и идеям редакционной комиссии Министерства внутренних дел. Вслед за членами последней, проработавшей с 1902 г. по 1905 г., П.А. Столыпин высказался за такое решение крестьянского вопроса, при котором сохранялась бы сословная обособленность крестьян, неотчуждаемость наделного землевладения и основных его форм (общины и подворного хозяйства)¹.

В материалах редакционной комиссии нашло отражение недовольство правящих кругов общиной. Желательным считалось сделать ставку на фермерское, хуторское хозяйство. Но меры по их созданию касались лишь зажиточной части крестьян, которых к тому же стремились направить на вненаделные земли. Мероприятия же по созданию хуторов на наделной земле оказались крайне ограниченными и не способствовали возникновению широкого круга хуторян. Причем создание хуторов не противопоставлялось общине. Община сохранялась как форма, соответствующая ментальности основной крестьянской массы, ее общекультурному уровню, приверженности охранительным тенденциям. Кроме того, хутора предполагалось создавать на основе не частной собственности на землю, а семейной, что, по мнению В.К. Плеве, возглавлявшего работу редакционной комиссии, создавало класс, обеспеченный особой земельной собственностью, не носящий буржуазного характера и предотвращающий крестьянство от пролетаризации. Следует отметить, что считалось недопустимым создавать фермерство в ущерб решению проблемы малоземелья, которая объявлялась приоритетной.

¹ Пиреев А.И. П.А. Столыпин и Саратовское губернское совещание по крестьянскому вопросу 1904 г. ... С. 11–18.

П.А. Столыпиным были поддержаны и меры землеустроительного характера, направленные на разграничение крестьянских наделов от помещичьих земель¹. Неурегулированность этого вопроса являлась причиной конфликтов между крестьянами и помещиками. Иначе трактовали обозначенную ситуацию министр финансов С.Ю. Витте и возглавляемое им Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. С.Ю. Витте основную проблему усматривал не столько в малоземелье, сколько в малой эффективности крестьянских хозяйств. Он считал необходимым уравнивать крестьян в правах с другими сословиями, предоставив им возможность свободного выхода из общины и создания хуторов на наделной земле на основе частной собственности. Такой подход расширял возможности для буржуазной перестройки русской деревни².

Позиции П.А. Столыпина и С.Ю. Витте расходились существенно. Если для С.Ю. Витте крестьянский вопрос являлся проблемой экономической и правовой и, следовательно, не рассматривался им с позиции экстренного решения задачи укрепления власти, то П.А. Столыпин, напротив, рассматривал его как проблему экономическую и политическую, способствующую укреплению государственного строя³. Расхождение в этом ключевом вопросе стало, по сути, основным камнем преткновения во всех их последующих взаимоотношениях, вплоть до трагической гибели П.А. Столыпина от руки террориста.

В период с 1903 по 1904 г. П.А. Столыпин вплотную соприкасался с проблемами, стоящими перед губернией и страной. Предлагая ряд мер как репрессивного, так и социально-экономического характера, губернатор полагал, что власть располагает реальными шансами укрепить свои позиции в сложных условиях начала XX в. В частности по итогам 1904 г. П.А. Столыпин послал Николаю II вполне успокаивающий отчет, в котором он написал следующее: «В 1904 г. господь бог благословил Саратовскую губернию обильным урожаем. В некоторых уездах такого сбора хлебов, как в отчетном году, уже давно не помнили старожилы. Средний сбор хлебов в губернии выражается цифрой в 108 млн пудов

¹ Пиреев А.И. П.А. Столыпин и Саратовское губернское совещание по крестьянскому вопросу 1904 г. ... С. 11–18.

² Витте С.Ю. Записка о крестьянском вопросе. СПб., 1904. С. 35.

³ Шацилло К.Ф. Предисловие // Петр Аркадьевич Столыпин. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991. С. 16; Корелин А.П., Шацилло К.Ф. П.А. Столыпин – попытка модернизации сельского хозяйства России // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 12.

зерна, в 1904 г. зерна было собрано до 148 млн. пудов. Обилие создает довольство, в атмосфере которого не может быть успеха революционной пропаганде, если она не пустила корней в народные массы, если движение не имеет свойства движения народного. В этом отношении 1904 г. имел характер пробного камня. И, с одной стороны, вывод может считаться утешительным: поджоги во владельческих усадьбах – эта язва мятежной деревни, зло, вкоренившееся в Саратовской губернии, – затихли, их за год было всего 50, захватов помещичьей земли почти не было, и недоразумения на этой почве легко улаживались администрацией. Хотя пропаганда в деревне велась успешно, но внешние проявления ее, несмотря на войну и целый ряд частных мобилизаций в некоторых уездах с наиболее беспокойным населением, не были особенно громки. Таким образом, в смысле возможности для владельцев спокойно проживать и хозяйничать в деревне, а для крестьян прожить безбедно и выполнить все лежащие на них повинности, год прошел благополучно»¹.

Вместе с тем во всех бедах российской деревни П.А. Столыпин продолжал винить общину: «Если это является показателем отсутствия в народном сознании революционных идей, то, с другой стороны, год этот дает печальное доказательство какого-то коренного неустройства в крестьянской жизни. Ведь при нормальных условиях богатый урожай должен был бы создать народные сбережения и вооружить население против грядущих бедствий в виде недорода и голода. На деле же, однако, голод настоящего года застал крестьян в состоянии полного бессилия и беспомощности. Нельзя, конечно, отрицать, что урожай 1904 г. пошел отчасти на пополнение недочетов минувших тяжелых годов, но надо считаться и с тем фактом, что значительная часть заработанных денег (а полевые заработки были громадны) растрачивалась зря по винным и другим лавкам. Видимо, существует непреодолимое препятствие к обогащению, к улучшению быта крестьянского населения, что-то парализует личную инициативу, самостоятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание. Доискиваясь причины этого зла, нельзя не остановиться на всеобъемлющем влиянии на весь уклад сельской крестьянской жизни общинного владения земли, общинного строя. Строй этот вкоренился в понятия народа. Нельзя сказать, чтобы он его любил: он просто другого порядка не понимает и не считает возможным. Вместе с тем у русского крестьянина страсть всех уравнивать, все привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого способ-

¹ Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 83–87.

ного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы деревни должны быть принижены к пониманию, к стремлениям худшего, инертного большинства. Это видится и в трудности привить к общинному хозяйству сельскохозяйственные улучшения, и в трудности часто наладить приобретение всем обществом земли при помощи Крестьянского банка, так что часто расстраиваются выгодные для крестьян сделки». Далее он продолжал: «Доказательством того, насколько крестьянин нуждается в земле и любит ее, служат те несоразмерно высокие арендные цены, по которым сдаются ему земли в некоторых уездах. В хороший год урожай с трудом оправдывает эти цены, в плохой или даже средний – крестьянин даром отдает свой труд. Это создает не только объединение, но и ненависть одного сословия к другому, озлобление существующим порядком, на почве которого легко прививаются пропаганда и возникают аграрные беспорядки, заражающие с невероятной быстротой и соседние, благополучные местности. Показал это и переживаемый год. Жажда земли, аграрные беспорядки сами по себе указывают на те меры, которые могут вывести крестьянское население из настоящего ненормального положения. Естественным противовесом общинному началу является единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве. В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщественников, по образному выражению – мироеда. Вот единственный почти выход крестьянину из бедности и темноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера. Если бы дать другой выход энергии, инициативе лучших сил деревни, если бы дать возможность трудолюбивому землеробу получить сначала временно, в виде искуса, а затем закрепить за ним отдельный земельный участок, вырезанный из государственных земель, или из земельного фонда Крестьянского банка, причем обеспечена была бы наличность воды и другие насущные условия культурного землепользования, то наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли. Такой тип уже народился в западных губерниях, и он особенно желателен теперь, когда вашему императорскому величеству стало благоугодно выслушивать голос земли через Государственную Думу»¹.

Между тем 27 января 1904 г. началась война с Японией. Определенное влияние на начало Русско-японской войны оказал В.К. Плеве.

¹ Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 83–87.

С.Ю. Витте так описывал это: «Когда Куропаткин покинул пост Военного министра и поручение ему командования армией еще не было решено, он упрекал Плеве, что он, Плеве, был только один из министров, который эту войну желал и примкнул к банде политических аферистов. Плеве, уходя, сказал ему:

– Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война. Вот вам государственный ум и проницательность».

И.И. Колышко считал, что «Россия была в пух разнесена этими двумя взбесившимися, понесшими ее конями. Россия была в их тисках взрылена и раскатана, как бараночное тесто. Из организма России был вынут позвоночник. С такой страной можно было делать решительно все, что на ум взбрело: втравить в войну, в революцию, подарить диктатуру или конституцию, возглавить кавалерийским генералом или хлыстом-мужиком. Страной "безграничных возможностей" Россия вышла только из объятий этих двух циников власти, не останавливавшихся ни перед чем, лишь бы эту власть не уступить врагу. Вырывая ее друг у друга, как женщину, Плеве и Витте втапывали ее в яму государственного непотребства. Каждый из них старался стать необходимее другого, и потому каждый создавал обстановку, при которой эта необходимость выступала бы рельефнее. Рельефы политики Плеве сводились к тому, чтобы поколебать необходимость в Витте. Для власти Витте нужна была дружба с Японией, для власти Плеве – война с ней. Для власти Витте нужна была антидворянская экономика (Крестьянский банк), покорность рабочих и промышленников; для власти Плеве нужно было упрочение дворянства (которое он презирал), и нужен был бунт рабочих против хозяев (зубатовщина). Витте создавал еврейские банки, а Плеве – еврейские погромы. Достаточно было одному сказать – "стрижено", чтобы другой подхватил – "брито". Между "стрижено" и "брито" страна, клокотавшая внутренним вулканом, обобранная в пользу Мендельсонов и Ротшильдов (германский торговый договор) и сжатая за горло застенком Плеве, докатилась до попа Гапона»¹.

Война вызвала бурный патриотический подъем во всех слоях русского общества, на время погасив рабочее движение, сведя на нет аграрный экстремизм, умерив оппозиционный пыл либеральной интеллигенции. Губернаторы докладывали об успехе призыва на действительную службу запасных нижних чинов, об охотных поставках владельцами за

¹ Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания... С. 75–76.

хорошее вознаграждение лошадей для армии, о патриотических манифестациях в губернских центрах, об обширных добровольных денежных пожертвованиях в пользу семей убитых и раненых, на усиление флота, в фонд Красного Креста¹. Общей патриотической эйфории поддался даже главный теоретик анархизма П.А. Кропоткин, поразивший посетившего его в Лондоне П.Н. Милокова своим негодованием на японцев и поддержкой русской власти в вопросе войны². Царь, лично провожая войска на фронт, объездил значительную часть Европейской России, посетив в том числе Тулу, Рязань, Тамбов. Повсюду Николай II встречался с депутациями сословий, проводил смотры полков, по традиции вручая им иконы и благославляя на ратный подвиг.

В июне 1904 г., в ходе одной из своих поездок по городам России с инспекторской проверкой воинских частей, готовящихся к отправке на Дальний Восток, где им предстояло принять участие в боевых действиях против Японии, Николай II посетил Саратовскую губернию. Подобно древним московским царям, он любил общаться с богомольцами, христосовался с солдатами, проявлял заботу о сирых и больных. Эту черту царя решил использовать П.А. Столыпин – когда царский поезд проезжал через Саратовскую губернию, он, как губернатор края, подготовил неформальную встречу Николая II с местными жителями. В уездном городе Кузнецке на станции царя ожидала многотысячная толпа. С приветственным словом к царю обратился волостной старшина, которому П.А. Столыпин «велел самому придумать слова и разрешил сказать, как он умеет». Николай II по просьбе П.А. Столыпина обошел выстроенных в ряд школьников, разговаривал со многими учителями и остался доволен такой непринужденной обстановкой. Среди крестьян царь узнал отставника Семеновского полка, даже вспомнил обстоятельства их прежнего знакомства. Крестьяне были в восторге от царя. Поезд продолжил путь, но Николай II, как вспоминал П.А. Столыпин, даже поздно вечером выходил на станцию, чтобы поговорить с солдатами эшелонов, идущих на маньчжурский фронт. По завершении своего пребывания в Саратовской крае Николай II лично поблагодарил его губернатора за оказанный радушный прием³.

4 июля 1904 г. в «Саратовских губернских ведомостях» в рубрике «Из жизни Саратова и губернии» был напечатан следующий отчет о посещении Николаем II г. Кузнецка: «При следовании государя императо-

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

² Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 231.

³ П.А. Столыпин. Переписка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 529, 534.

ра в места расположения войск через г. Кузнецк его величеству имели счастье представляться господин начальник губернии П.А. Столыпин, депутация от дворян в составе: губернского предводителя дворянства М.Ф. Мельникова и уездные предводители: саратовский – князь А.А. Ухтомский, камышинский – С.П. Корбутовский, петровский – Н.С. Кропотков, депутат от Петровского уезда П.А. Васильчиков, помощник предводителя дворянства Вольского уезда граф В.П. Орлов-Денисов, хвалынский – П.Н. Давыдов, кузнецкий – господин Страхов и депутат Сердобского уезда господин Черкасов; от земства: председатель губернской управы А.Д. Юматов, кузнецкая уездная управа и некоторые из гласных; от г. Кузнецка: городской голова, городская управа и гласные городской думы; кроме того – волостные старшины и земские начальники Кузнецкого уезда и депутация от местного управления Красного Креста. Председатель губернской управы и губернский предводитель дворянства произнесли приветственные речи и в ответ удостоились высочайшей благодарности».

Через несколько дней саратовская газета осветила и саму встречу императора Николая II в г. Кузнецке: «Около 3-х часов дня 28 июня сего года императорский поезд плавно подошел к станции Кузнецк, роскошно декорированной флагами и цветами. Его величество государь император изволил выйти из вагона и был встречен г. начальником Саратовской губернии, после чего его величество изволил обходить депутации сословий и обществ, которые расположились в таком порядке: впереди – депутация дворянства с губернским предводителем дворянства М.Ф. Мельниковым во главе, затем – представители земств во главе с председателем губернской земской управы А.Д. Юматовым, представители г. Кузнецка, правление местного отделения Общества Красного Креста во главе с председателем В.Г. Трифоновым, представители мещанского общества и, наконец, представители крестьянского сословия. Государь император изволил обходить всех представлявшихся, принять хлеб-соль и изволил милостиво беседовать с представлявшимися лицами. Между прочим, в беседе с М.Ф. Мельниковым его величество изволил вспомнить, что он уже не в первый раз проезжает через г. Кузнецк, так как проезжал здесь 13 лет тому назад, будучи еще наследником. Заведующая бельевым складом местного отделения Общества Красного Креста госпожа Билетова удостоилась чести лично докладывать его величеству о деятельности местного отделения Общества, на что государь император соизволил выразить свое удовольствие, присовокупив, что о всем ему доложенном он передаст своей матушке – августейшей

покровительнице Общества Красного Креста. После того государь император изволил обратиться к представителям мещанского и крестьянского сословий, с которыми тоже изволил милостиво беседовать. Один из представлявшихся волостных старшин, обратившись к его величеству, осмелился выразить верноподданнические чувства крестьян Кузнецкого уезда. Государь император ошастливил ответом в весьма милостивых выражениях. От представителей сословий и обществ государь император изволил перейти к стоявшей по другой стороне группе учеников и учениц местных городских школ с учителями и учительницами во главе; его величество изволил удостоить милостивыми вопросами заведующих школ: городского, приходского и церковно-приходского и ошастливил милостивым приветствием учеников и учениц. Осведомившись об общем количестве учащихся в г. Кузнецке и о том, существуют ли профессиональные школы, его величество, милостиво простившись со всеми, изволил войти в вагон, и поезд медленно отошел, провожаемый пением "Боже, царя храни" и восторженными криками "ура", покрывавшими пение. Трудно описать восторг всех присутствующих, удостоенных высокого счастья близко видеть своего государя и заслужить его милостивое внимание. Несметные толпы народа, ошастливленного возможностью видеть государя императора, заполняли все пространство, занятое станцией, по всему пути проезда; стоявшие дальше от станции толпы народа также удостоились чести видеть его величество, так как государь император по отбытию поезда долго изволил стоять у открытой двери вагона, милостиво раскланиваясь с восторженно приветствовавшим его величество народом. При обратном проезде государя императора через г. Кузнецк 1 июля сего года около 10-ти часов вечера его величество изволил произвести смотр прибывшему в г. Кузнецк эшелону артиллерии, отправляемому на Дальний Восток. Господин губернатор сопровождал его величество по губернии, следуя в императорском поезде»¹.

П.А. Столыпин в письме своей жене Ольге Борисовне от 2 июля 1904 г. описал это событие так: «Приехал я на несколько часов раньше, чем думал, так как в Кузнецке неожиданно мне было приказано сесть в царский поезд, так как государю угодно меня принять. Эффект на станции был полный, а Бреверн и Казимир, которых я взял с собою, были в упоении. Казимир всю ночь бродил по поезду, а Бреверн похудел от счастья. *C'est une amabilité, de Котя Оболенский, qui a arrangé cette affaire avec l'Empereur. L'Empereur lui a dit, que' il etait très con-*

¹ Саратовские губернские ведомости. 1904. 8 июля.

tent de me voiturier et de me revoir (Было очень любезно со стороны Коти Оболенского устроить дело с императором. Император сказал ему, что был бы очень рад подвезти меня и вновь увидиться со мною – перевод с французского). Он меня принял одного в своем кабинете, и я никогда не видел его таким разговорчивым. Он меня обворожил своею ласкою. Расспрашивал про крестьян, про земельный вопрос, про трудность управления. Обращался ко мне, например, так: "Ответьте мне, Столыпин, совершенно откровенно". Поездкою своею он очень доволен и сказал: "Когда видишь народ и эту мощь, то чувствуешь силу России". Но всего в письме и не напишешь. В заключение государь мне сказал: "Вы помните, когда я вас отправлял в Саратовскую губернию, то сказал вам, что даю вам эту губернию «поправить», а теперь говорю – продолжайте действовать так же твердо, разумно и спокойно, как до сего времени". Затем совершенно серьезно он обещал мне приехать в Саратовскую губернию и в Балашовский уезд (!!). Он отлично помнил, что старшина сказал ему – "Не тужи, царь-батюшка". Вообще эта аудиенция мне будет настолько же памятна, насколько была неожиданна. На всех станциях, где были встречные эшелоны, идущие на войну, государь даже поздно вечером выходил и говорил с солдатами. В Кузнецке настолько же ко мне теплы, насколько холодны в Саратове. Я должен был сняться с дамами Красного Креста, а предводительша поднесла мне маленький золотой жетон в память памятных дней. Был для меня и букет, но когда узнали, что я еду с царем, то просили отдать царю. Я через графа Гейдена водворил букет в салон царя и послал об этом телеграмму в Кузнецк. Я уверен, что телеграмма эта будет в рамке. Вечером пил чай с Гейденом и Котькою. Неприятно только разговор Коти про Сашу. У него, видимо, нелады с Ухтомским, да и Плеве, кажется, потребовал его ухода. Кажется, он накануне отставки и будто бы хочет перейти в "Новое время". Все это грустно, впрочем, скоро его увижу. Сюда приехал со мною Стремоухов (начальник Главного тюремного управления). Завтра он обедает у меня сам-три»¹.

Сам же Николай II о посещении г. Кузнецка оставил, по своему обыкновению, на страницах дневника лаконичную запись: «28-го июня. Понедельник... В Кузнецке была встреча от Саратовской губернии». 1 июля, на обратном пути, Николай II еще раз побывал в Кузнецке, где он был встречен саратовским губернатором П.А. Столыпиным и осматрел «выстроенный эшелон батареи, следующий на Дальний Восток»².

¹ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 114–115.

² Дневники императора Николая II. 1894–1918 гг. / отв. ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1. 1894–1904 гг. С. 216–217.

15 июля 1904 г. неожиданно был убит В.К. Плеве. В этот день он поездом на 9 час. 30 мин. утра с Варшавского вокзала собирался ехать с докладом к Николаю II. Группа боевиков, вооруженная бомбами, двинулась ему навстречу. В.К. Плеве сидел в карете полуразвалившись и смотрел в окно. Е.С. Сазонов бросил бомбу в окно. Раздался оглушительный взрыв, из окон окружающих домов посыпались стекла, слышались крики. Все место взрыва было окутано дымом. Когда прояснилось, зрителям представилась следующая картина: министр В.К. Плеве лежал на мостовой изуродованный. Рядом с ним – тяжело раненый Е.С. Сазонов. В этот день Николай II в своем дневнике записал: «Утром Гессе принес тяжелое известие об убийстве Плеве брошенной бомбою против Варшавского вокзала. Смерть была мгновенная. Кроме него убит его кучер и ранены семь человек, в том числе командир моей роты Семеновского полка капитан Цвецинский – тяжело. В лице доброго Плеве я потерял друга и незаменимого Министра внутренних дел. Строго господь посещает нас своим гневом. В такое короткое время потерять двух столь преданных и полезных слуг» (2 апреля 1902 г. С.В. Балмашовым был убит министр внутренних дел Д.С. Сипягин. – *Прим. авт.*). В отличие от С.В. Балмашова, Е.С. Сазонов был приговорен не к смертной казни, а к бессрочной каторге и покончил с собой в 1910 г.

26 августа 1904 г. на пост министра внутренних дел вступил П.Д. Святополк-Мирский, происходивший из польских князей. Эсеровская газета «Революционная Россия» по поводу убийства В.К. Плеве написала следующее: «Волею народа, Сазонов убил Плеве. Как на дымящихся развалинах Бастилии, устроен был пир и красовалась надпись: "здесь танцуют", так над изуродованным телом Плеве радостно торжествовала многомиллионная Россия. Погиб Палач. Рухнула одна из Бастилий, и самый трон самодержавия пошатнулся... Ошеломленный взрывом, самодержец смутился. Целый месяц колебался царь. Целый месяц был игрушкой в руках придворных партий. Но всем было ясно, что авангард социалистов-революционеров – Боевая организация – сильна, и что всякий второй плеве будет убит. Необходимо было сойти с пути реакции. Неизбежно стало уступить народу. На сцене появился уступчивый министр Святополк-Мирский. Бомба Сазонова открыла "эру доверия"¹.

Несмотря на убийство уже двух министров внутренних дел и идущую войну с Японией, Николай II решил продолжить демократизацию

¹ Перемена декораций (Плеве – Мирский). М., 1904. С. 8–9, 27.

России. В беседе с царем в августе 1904 г. П.Д. Святополк-Мирский отметил враждебность народа России к правительству и сказал о необходимости взаимного примирения. Он предложил программу уступок оппозиции. Она включала в себя расширение самоуправления, предоставление больших прав печати, признание политическими преступниками только террористов, призыв выборных от земств в Санкт-Петербург – как единственное средство правильного развития России и первый шаг к созыву народного представительства¹. Земский вопрос стал едва ли не главным пунктом в программе П.Д. Святополк-Мирского и камнем его преткновения. Рассматривая земство как легальную самостоятельную общественную организацию, ставшую очагом либеральной буржуазно-дворянской оппозиции, он считал, что с помощью земских лидеров, заключив с ними союз, можно было бы расширить и укрепить социально-политическую опору режима. В результате подготовительной работы на стол Николаю II лег доклад с приложением указа «О различных вольностях», в том числе о привлечении в Государственный Совет выборных с мест. В нем приводилась мысль о том, что «правовой строй, необходимый для развития общества и государства, вполне совместим с самодержавием»².

П.Д. Святополк-Мирский не сомневался, что залогом правильного развития государственной жизни является, «во-первых, допущение населения к непосредственному участию в отправлении законодательной и административной власти, сообразованием для этой цели выборного представительного учреждения, облаченного правом надзора за действиями министров, и привлечении их к ответственности, а во-вторых, обеспечение за каждым лицом путем формальных правовых гарантий известного объема неотъемлемых общественных и политических прав: свободы личности, свободы совести и слова, свободы сходов, ассоциаций и прочее»³. Для первоочередного разрешения он предложил следующий круг вопросов: а) преобразование Правительствующего Сената с наделением его «всеми средствами надзора за деятельностью мест и лиц административной и общественной службы»; б) реформа Комитета министров, являвшегося учреждением «в нынешнем его виде во многом устаревшим и не отвечающим тем целям, коим он призван был служить».

¹ Из дневника князя В. Орлова // Былое. 1919. № 4. С. 57.

² Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 118.

³ Дневник князя Е.А. Святополк-Мирского за 1904–1905 гг. // Исторические записки. 1965. С. 250.

Он считал, что в компетенции Комитета могла бы быть «чрезвычайно важная и более свойственная его составу и назначению задача. Этой задачей являлось бы согласование направлений отдельных ведомств по вопросам внутренней политики, ставшее при усложнившихся задачах нашего управления настоящей государственной потребностью»¹.

Помимо этих преобразований, направленных на удовлетворение в известной степени назревших вопросов в области центрального управления, предлагалось: пересмотреть Положение о земских учреждениях; четко разграничить сферы деятельности земских и государственных органов; изменить городовое положение, многочисленные недостатки которого вызвали необходимость издания особого положения об управлении г. Санкт-Петербурга; принять меры по возрождению церковноприходских общин; пересмотреть законоположение о крестьянах; решить два наболевших вопроса о положении раскольников и евреев. Кроме того, он считал необходимым внести изменения в закон о печати с целью смягчения цензуры, в паспортные правила, а также в законы о предупреждении и пресечении преступлений. П.Д. Святополк-Мирский убеждал царя в необходимости проведения реформ. Он считал, что «если не сделать либеральные реформы и не удовлетворить вполне естественных желаний всех, то перемены будут уже в виде революции»².

К концу ноября 1904 г. П.Д. Святополк-Мирский представил всеподданнейший доклад с программой преобразования внутреннего строя Российской империи. В докладе, в частности, предлагалось введение в Государственный Совет некоторого числа выборных представителей населения. Именно это оказалось для царя наиболее болезненным. Для обсуждения доклада он созвал Особое совещание, которое проходило в течение трех дней: 2, 6 и 8 декабря 1904 г. 5 декабря С.Ю. Витте привез П.Д. Святополк-Мирскому проект указа, тот нашел его «более распливчатым», чем его собственный проект. В виттевском проекте был и пункт об участии выборных в Государственном Совете, составленный так, что его можно было «растолковать по желанию в смысле конституции и так, что ничего не хотят изменить». 9 декабря на заседании Особого совещания С.Ю. Витте предложил вовсе вычеркнуть пункт о представительстве, и царь согласился, что так будет лучше. Указ был подписан 12 декабря 1904 г.³

¹ Дневник князя Е.А. Святополк-Мирского за 1904–1905 гг. // Исторические записки. 1965. 254.

² Там же. С. 258.

³ Леонтьева Ю.А. Проект реформ Министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского и его влияние на внутреннюю политику российского государства в начале XX в. //

«Повеяло весной» – эта метафора А.С. Суворина, издателя и редактора «Нового времени», мгновенно вошла в общественное сознание, придав особый колорит социокультурной атмосфере того времени, риторике в печати и в выступлениях общественных деятелей. «Разве речь министра внутренних дел, сказанная 16-го сентября, не веяние весны, не ясный ее признак? – писал А.С. Суворин. – Она говорит об обществе, о земстве, о взаимном доверии, основанном на искренности. Она дает прекрасное настроение, повышает русского человека перед самим собою и перед властью. Эта сентябрьская речь сказана в теплый день и вовсе не гляннула сентябрем. Пушкин очень любил осень, как лучшую пору для творчества. Дай Бог, чтобы и эта осень была началом серьезного и прочного творчества... Ах, как это нужно! Как надоели обещания и то поверхностное творчество, которое напоминает присказку: мы там были, мед и пиво пили, по усам текло, а в рот не попало. Это всего ужаснее так жить, что в рот не попадает; жажда остается, жажда увеличивается, начинаешь сердиться, браниться, нервы расстраиваются и в голову лезет всякая бестолочь... Государственное дело должно бы войти в плоть и кровь русских граждан, оно должно сделаться каждому дорогим, как такое дело, которое каждому обеспечивает порядок, свободу и просвещение»¹.

П.Д. Святополк-Мирский разрешил проводить легальные собрания земских деятелей, в рядах которых было немало представителей интеллигенции, оппозиционных самодержавию. Он открыл доступ в архивы Министерства внутренних дел, провел частичную амнистию, обещал добиться если не отмены, то ослабления цензуры. Каждый шаг министра вызвал ожесточенные столкновения в высших кругах. Еще при вступлении в должность П.Д. Святополк-Мирского царь обещал ему поддержку. Однако Николай II оказался непоследовательным и вскоре после речи П.Д. Святополк-Мирского о доверии к обществу издал рескрипт о том, что никаких реформ ожидать не следует, а после реабилитации министром деятелей Тверского земства, разогнанного В.К. Плеве, Николай II под давлением советников подверг сомнению права министра на подобные действия. В результате этого с середины ноября 1904 г. П.Д. Святополк-Мирский начал подавать прошения об отставке, которые одно за другим были отклонены царем.

Вестник Псковского гос. ун-та. 2010. № 11 (Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки). С. 114–115.

¹ Новое время. 1904. 21 сентября; Архипов И. Мираж «весны» // Звезда. 2010. № 7. С. 149–163.

Новый 1905 г. начался для министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского беспокойно. Поданное им заявление об отставке было отложено Николаем II под предлогом поиска кандидатуры нового министра внутренних дел. П.Д. Святополк-Мирский находился в двойственной ситуации: с одной стороны, он все еще оставался министром, а с другой, он мог быть в любой момент уволен. Эта двойственность и неопределенность сказывалась и на его отношении к происходившим событиям. Неоднократно он пытался поговорить с царем о своей отставке, но в силу личных качеств ни разу не смог довести дело до конца, каждый раз соглашаясь на отсрочку в увольнении от должности. События 9 января 1905 г. послужили поводом для отставки министра внутренних дел, официально последовавшей 18 января. Николай II ждал подобного предлога, чтобы уничтожить политические перспективы П.Д. Святополк-Мирского. Вернувшись в Санкт-Петербург после одиннадцатимесячного отпуска, он нового назначения на службу не получил. П.Д. Святополк-Мирский отошел от политики и числился генерал-адъютантом вплоть до своей смерти, последовавшей в 1914 г.¹

Между тем в России началась революция. Помещичье землевладение и безземелье крестьян, эксплуатация рабочих, политическое бесправие, отсутствие гражданских прав и свобод – эти основные проблемы заявили о себе особенно остро в 1900–1904 гг. Русско-японская война, начавшаяся в 1904 г., обострила социально-экономические и политические противоречия в российском обществе, подготовив почву для революции. Революция началась с расстрела рабочих в Санкт-Петербурге 9 января 1905 г. Вслед за событиями в столице забастовки охватили рабочих Москвы, Риги, городов Украины, Польши, Закавказья. Большинство выступлений проходило не только под экономическими, но и политическими лозунгами. С февраля 1905 г. возобновились крестьянские выступления. Начавшись в центральных губерниях, они перекинулись в Поволжье, Прибалтику, Польшу, Белоруссию, Закавказье. Крестьяне предприняли попытку самостоятельно решить аграрный вопрос за счет помещичьих земель. Значительно чаще крестьянство выдвигало политические требования.

События в Санкт-Петербурге оказали влияние и на Саратовскую губернию. 10 января 1905 г. из столицы в Саратов пришла телеграмма, в которой сообщалось, что по высочайшему повелению саратовскому

¹ Крылова Е.Н. «Правительственная весна» П.Д. Святополк-Мирского // Первая русская революция 1905–1907 гг. и проблемы становления гражданского общества в России. СПб., 2005. С. 131.

губернатору предоставлялось право (вплоть до пересмотра «исключительных законоположений, но не более 1 декабря 1905 г.»): а) издавать для Саратова и всей Саратовской губернии обязательные постановления по предметам, относящиеся к предупреждению нарушения порядка и государственной безопасности; б) устанавливать за нарушение «таковых обязательных постановлений взыскание, не превышающее трехмесячного ареста и денежного штрафа в 500 руб.», и в) «разрешать» в административном порядке дела о нарушениях, изданных согласно пункту а) постановлений. На этом основании П.А. Столыпин признал необходимым возобновить действие обязательного постановления, изданного для Саратовской губернии 19 апреля 1903 г.¹

20 февраля 1905 г. при подавлении крестьянского выступления в дер. Вязовке и Мордовском Карае П.А. Столыпин разработал инструкцию о проведении военных экспедиций, на основе которой он боролся с революционными выступлениями в течение всего 1905 г. Она состояла из следующего порядка действий: 1) «в 4 часа дня – выступление на Вязовку 50 конных артиллеристов, 200 саратовских запасных и 5 казаков». При отряде состоял полицейский чиновник Львов. Прибыв в Вязовку, каратели остановились на «ужин и ночевку», в 5.30 утра, предварительно позавтракав, они двинулись к Караю; 2) в Мордовском Карае в это время уже находилось 4 роты солдат; 3) следование войск производилось следующим образом: впереди казаки, с обоих флангов – конные артиллеристы, пехота – поротно, запасные – пополуротно (восемь парных рядов). У изб зачинщиков они останавливались, урядники, при помощи пяти назначенных для этого казаков, делали обыск; 4) лошади П.А. Столыпина двигались позади отряда в повозке и при натиске толпы должны были прикрываться ротой солдат; 5) сам П.А. Столыпин и гражданское начальство следовали в середине отряда (позади казаков и впереди пехоты); 6) при появлении толпы казаки пытались разогнать ее нагайками, если это не удавалось, то к ним присоединялись артиллеристы. Когда толпа начинала бросаться камнями и палками, то казаки, выстроившись перед толпой, после троекратного предупреждения давали залп из револьверов; 7) если казакам не удавалось произвести залп из револьверов и толпа их оттесняла, то после троекратного звука рожка они отступали и залп давала пехота; 8) в случае нападения толпы сзади, конные артиллеристы бросались их разгонять нагайками и шашками, а задние четыре роты поворачивались кругом и в случае неудачного действия артилле-

¹ Саратовские губернские ведомости. 1905. 13 января.

ристов производили залп (конные при этом отступали к флангам отряда); 9) арестованных перемещали в середину отряда; 10) по окончании операции арестованных под конвоем двух рот отводили в арестантскую, а в случае нападения толпы отряд укрывался от него в домах местных обывателей, предварительно выгнав их на улицу¹.

Весной активизировалось крестьянское движение. Кроме общероссийских проблем саратовское крестьянство в 1905 г. переживало год в связи с неурожаем. Нарастая в течение года, движение достигло своего апогея в октябре, охватив практически всю губернию. По масштабу и ущербу, нанесенному им, губерния лидировала в ряду других наиболее беспокойных областей. Всего в губернии было уничтожено 293 помещичьих имения. Активное участие в революционных событиях в стране приняла и земская либеральная интеллигенция. Под конституционными лозунгами она пыталась подчинить своему влиянию революционные силы. Радикализировались и саратовские либералы, лидеры которых принимали деятельное участие в общероссийском оппозиционном движении. В действиях саратовских либералов, стремившихся, сблизив позиции с демократическими слоями общества, подчинить последних своему контролю, П.А. Столыпин усмотрел революционные черты. В стране сложилось мощное антиправительственное движение, реально угрожавшее самодержавию. Положение власти осложнялось тем, что вооруженные силы, рассматриваемые правительством как главная опора в тех условиях, оказались захвачены широким размахом революционного движения. Под давлением революции власть шла на вынужденные уступки (указ 18 февраля 1905 г., закон 6 августа о законосовещательной Думе 1905 г., манифест 17 октября 1905 г.), надеясь таким образом сбить волну антиправительственных выступлений. Оценивая действенность этих попыток, П.А. Столыпин считал их нецелесообразными, так как они создавали условия, при которых любые оппозиционные силы могли действовать практически легально. Революция 1905–1907 гг. в корне изменила ситуацию как в губернии, так и в стране в целом. В новых условиях П.А. Столыпину пришлось действовать жестче и по-иному взглянуть на возможные реформы. Подавив крестьянское движение в губернии в 1903–1904 гг., П.А. Столыпин считал ситуацию благоприятной для проведения необходимых, с его точки зрения, земельных преобразований, но уже события весны–лета 1905 г. показали губернатору, что предлагаемые им в 1903–1904 гг. меры по ре-

¹ Саратовский губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.) / сост. А.В. Воронежцев, А.И. Пиреев... С. 310–311.

шению земельного вопроса, так и оставшись нереализованными, не отвечают изменившейся ситуации.

Под влиянием земельной нужды и начавшегося в губернии в 1905 г. голода, осложнившего положение деревни, вновь вспыхнуло крестьянское движение. Весной оно охватило 6 уездов из 10, зарегистрировано было 68 выступлений, что было выше среднего общероссийского¹. Причем наряду с требованием земли крестьяне все активнее выдвигали и политические требования. Участились случаи неповиновения власти, отказа внесения выкупных платежей. Крестьянство превращалось в крупнейшую противоправительственную силу. Все это существенным образом влияло на представления П.А. Столыпина на крестьянский вопрос. Претерпели изменения его взгляды на судьбу надельного землевладения и общины, на крестьянскую личную собственность, роль Крестьянского банка.

23 марта 1905 г. П.А. Столыпиным было издано постановление, которое запрещало ношение оружия на улицах и публичных местах, распространялось оно на все города Саратовской губернии и посад Дубовку. Также торговцам не позволялась его продажа лицам, не имевшим разрешения на приобретение оружия от полицмейстера или уездного исправника. Виновные в нарушении данного постановления подвергались в административном порядке аресту до 3 месяцев или денежному взысканию до 500 руб.²

Весной–летом 1905 г. П.А. Столыпин выработал схему действий по пресечению и подавлению ожидаемого правительством всплеска крестьянского движения. Поскольку губерния не была объявлена на положении об усиленной охране, он считал имеющиеся у него полномочия недостаточными. Однако у губернатора по-прежнему имелось право издавать обязательные постановления. В январе 1905 г. он обратился в Министерство внутренних дел с просьбой о предоставлении ему права применять в губернии отдельные статьи положения об усиленной охране. В итоге ему было разрешено применять статьи, дававшие возможность подвергать обыскам и предварительному аресту лиц, подозреваемых в политических преступлениях.

В связи с неэффективностью применения обязательного постановления, недостаточностью налагаемых санкций, предусмотренных

¹ Гохлернер В.М. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.).… С. 227.

² Саратовские губернские ведомости. 1905. 5 мая; Столыпин П.А. Биохроника. М.: РОССПЭН, 2006. С. 110.

за его нарушение, а также переполненностью к лету 1905 г. тюрем П.А. Столыпин обратился в Министерство внутренних дел с предложением высылать из уездов неблагонадежных крестьян по приговорам сельских сходов за счет государства. Возложение финансовых затрат за высылку этих лиц на государство, а не на крестьянские сходы представлялось губернатору вполне обоснованным, мерой более действенной, поскольку сходы часто не располагали для этого средствами, что могло препятствовать желательному для власти очищению деревни от неугодных элементов. Такое право было предоставлено лишь в ноябре 1905 г. Более активно, чем ранее, стали применяться войска. Причем военная сила использовалась не только для подавления крестьянских волнений, но и с целью демонстрации населению имеющейся у власти силы. Отвечая на циркуляр Министерства внутренних дел от 27 апреля 1905 г., предостерегавший губернаторов от использования «военных прогулок», так как это, по мнению правительства, деморализовало армию, П.А. Столыпин указал, что считает подобные «прогулки» весьма эффективными и в случае необходимости намерен применять их и далее. Они могли бы, по его мысли, «показать крестьянам наличность достаточной силы для подавления всякого беспорядка». В дальнейшем губернатор действительно не раз применял «военные прогулки».

Одновременно с этим в ряде случаев П.А. Столыпин был даже вынужден защищать местную интеллигенцию от той части населения, которая не приняла революцию. Так, в марте 1905 г. он издал циркуляр земским начальникам и уездным исправникам Саратовской губернии, в котором говорилось, что «за последнее время... в некоторых частях губернии среди населения» участились случаи «брожения и возбуждения» против учителей, врачей, ветеринаров и других земских работников. П.А. Столыпин объяснял это распространяемым в народе слухом о том, что «лица эти, враги царя, сеют смуту и занимаются революционной пропагандой». Отчасти губернатор полагал, что такое мнение имеет под собой определенную почву, так как действительно имелись «распространяемые злонамеренными лицами в селах революционные воззвания и листки», которые давали пищу этим слухам, «плодя кривотолки и способствуя возбуждению народа против лиц, являющихся часто самоотверженными работниками на пользу народную». Далее П.А. Столыпин посетовал, что данное «явление это особенно печально в настоящее время, когда всякое междоусобие и внутренние распри ведут к ослаблению жизненных, творческих сил страны, подъем которых так необходим в переживаемые нами тяжелые времена» и что «государь

в знаменательных государственных актах от 18 минувшего февраля сам призывает все духовные и умственные силы России к служению отечеству», поэтому «не только излюбленные избранные от населения люди будут участвовать в предварительном рассмотрении законопроектов, но учреждения и частные лица могут доводить до царя предположения свои об улучшениях государственного благоустройства». В связи с этим «в такую минуту рознь в разных слоях населения, недоверие народных масс к культурным силам, которыми мы так бедны, было бы новым и крупным бедствием». Поэтому П.А. Столыпин призвал земских начальников объяснить населению, что земский врач, учитель и прочие земские работники – такие же царские слуги, как и остальные служащие, что всякое огульное обвинение определенного разряда людей бессмысленно и преступно и что обнаружение отдельных злоумышленных лиц, сеющих смуту, влечет за собой их личную ответственность, но не может бросить тень на целое учреждение или корпорацию. Чинам полиции предписывалось всеми мерами оберегать «спокойствие работы», законом возложенной на земских служащих, стараться рассеивать вздорные слухи и обо всем, вызывающем тревогу местных жителей, немедленно доносить губернатору. В заключение П.А. Столыпин напомнил, что Саратовская губерния ждет холеру, поэтому «всячески надо стараться внушить населению, что врачи и студенты-медики, которые будут приглашены в случае появления холеры, рискуют своей жизнью для спасения ближнего, самоотверженно жертвуют собой, делают святое, великое дело, и что население обязано в силу этого само ограждать их от нелепых и злонамеренных наветов, не раз уже парализовавших деятельность врачей во времена серьезных эпидемий»¹.

Вместе с тем на самого П.А. Столыпина было совершено ряд покушений. Так, 18 июля 1905 г. во время объезда им в сопровождении казаков мятежных деревень произошло первое покушение: в губернатора дважды стрелял неизвестный, но не попал. Вначале П.А. Столыпин даже кинулся за стрелявшим, но был удержан за руку чиновником особых поручений князем Оболенским. Сам П.А. Столыпин даже пошутил по этому поводу: «Сегодня озорники из-за кустов в меня стреляли». Другой случай произошел также во время одного из объездов губернии, когда стоящий перед П.А. Столыпиным человек неожиданно вынул из кармана револьвер и направил его на губернатора. П.А. Столыпин, глядя на него в упор, распахнул пальто и спокойно сказал: «Стреляй!» Революционер

¹ Саратовские губернские ведомости. 1905. 10 марта; Столыпин П.А. Биохроника. М.: РОССПЭН, 2006. С. 112.

не выдержал, опустил руку, и револьвер у него выпал. Еще об одном неудавшемся покушении пишет в своих мемуарах дочь П.А. Столыпина – Елена. По её воспоминаниям, заблаговременно был раскрыт заговор, где террорист, которому было поручено убить губернатора, должен был устроиться столяром для проведения ремонта лестницы в особняке губернатора. Заговор был раскрыт, а революционер – арестован. Другая дочь – Мария писала о таком случае: прямо с парохода П.А. Столыпин, в сопровождении полиции, отправился пешком к центру беспорядков на Театральную площадь Саратова. По мере того, как он приближался к старому городу, стали попадаться все более возбужденные кучки народа, все недоброжелательнее звучали крики, встречавшие его. Спокойным ровным шагом он прошел через ряды собравшихся. Недалеко от места митинга из окна третьего этажа прямо к ногам П.А. Столыпина упала бомба. Несколько человек около него было убито, он же остался невредим, и через минуту после взрыва толпа услышала спокойный голос П.А. Столыпина: «Разойдитесь по домам и надейтесь на власть, вас оберегающую»¹. Люди были шокированы и разошлись по домам. Достаточно известен и эпизод, когда П.А. Столыпин в одиночку прибыл в бунтующую деревню. Вокруг дома помещика, где он остановился, собралась большая толпа. Впереди стояли агитаторы. С высокого крыльца вышел губернатор и направился к толпе. Та замерла и приготовилась по первому знаку броситься на П.А. Столыпина. Ждали его первых слов. Но тот не торопился говорить. Он медленно снял свое форменное пальто, протянул его агитатору и спокойно сказал: «Подержи-ка, братец... Жарко у вас здесь». Ошеломленный агитатор машинально взял пальто. И вдруг по толпе пробежал смехок: «Как лакею отдал». Агитатор-вожак моментально потерял свой авторитет в глазах толпы. Через 5 минут П.А. Столыпин уже спокойно говорил с толпой, которая добровольно выдала всех агитаторов². Несмотря на угрозы, П.А. Столыпин в определенные часы совершал каждый день прогулки по улицам Саратова. Однажды он заметил, что по пути его следования расставлено слишком много городских. Чтобы прояснить ситуацию, он вызвал полицмейстера и спросил его: «Зачем это?». Тот ответил: «Для охраны вас, ваше превосходительство». На это П.А. Столыпин сказал: «Вы думаете, они спасут меня? Смерть – воля божья! У нас состав полиции и так не велик.

¹ Бок М. П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1953. С. 150.

² Сарматов Н. Чем влек к себе умы и сердца П.А. Столыпин // Скрипицын В.А. Богатырь мысли, слова и дела. СПб., 1911. С. 81.

Незаконно лишать ее охраны обывателей города. Ее прямая обязанность исполнять ее функции в интересах порядка, а не быть караулом только для губернатора. Чтобы вперед этого не было»¹.

А.П. Столыпина приводила рассказ камердинера П.А. Столыпина – отставного солдата Федора, который сопровождал будущего реформатора по взбунтовавшимся районам: «Представьте себе, сударыни, что, приближаясь к местности Х..., мы обнаружили, что железнодорожные пути были повреждены. Мы вышли из вагона. В свете факелов показались отряд казаков. Вдалеке виднелось зарево большого пожара, и вскоре стало светло, как днем. Это было имение господина Х..., либерала, завсегдатая саратовских собраний, его-то и подожгли первым. Казачий офицер, прискакавший галопом, отдал честь его превосходительству и сообщил, что крестьяне приступили уже к разгрому фруктового сада в имении. Его превосходительство сел в открытую коляску; я забрался на козлы рядом с кучером, и одни, без сопровождения, мы понеслись в сторону пожара через лес. Вдруг коляска развалилась пополам; негодяи подпилили ее в середине, и она еле-еле держалась вместе. Обезумевшие лошади понесли нас вместе с козлами и двумя передними колесами галопом. В тот же момент послышались выстрелы из-за деревьев. Мы увидели позади губернатора, оставшегося в одиночестве, который медленно поднимался. Его огромная фигура в белой форме четко вырисовывалась среди деревьев в свете зарева. Он не спеша шел навстречу убийцам. Те дали еще один залп, но не заделли губернатора. Он продолжал идти навстречу неизвестным нападавшим и, казалось, смотрел, как над деревьями и холмами сияет его звезда. Мятежники перекрестились и обратились в бегство». А отец в тот же день написал маме: «Этой ночью в Х... лесу проказники стреляли по мне из ружья»². Одного из злоумышленников впоследствии опознали, но губернская судебная палата его оправдала.

«Зимой 1905 г., – вспоминал в эмиграции князь Н.Н. Львов, – соседнее с моим имением мордовское село, целою толпою в несколько тысяч человек с топорами и пилами, ворвалось в мой лес и стало сплошь вырубать его. Приехал губернатор, пришла воинская команда. Здесь я увидел на деле, каким мужеством обладал Столыпин. Когда толпа при неистовых криках готова была броситься на солдат, когда камнями был сбит с седла становой пристав и окровавленный упал на землю, когда ротный командир вынул уже шашку из ножен и выпрямились солдаты

¹ Скрипицын В.А. Богатырь мысли, слова и дела... С. 35.

² Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания... С. 32.

(готовые к стрельбе), вдруг на крыльце волостного правления появляется губернатор. Одним своим мужественным видом, своим громким окриком он останавливает бушующую толпу и заставляет ее отступить назад. Кровь не была пролита на моей земле. Этим я обязан Столыпину. ...та же самая толпа, готовая на погром и убийство, на другой же день стала покорной, как овцы. Уехал губернатор, ушла воинская команда... а мордовские мужики, которые накануне в своем буйстве вырвали бороду у старшины, покорились всякому его приказу и безропотно повезли вырубленные деревья на мое гумно»¹.

21 июля 1905 г., через три дня после первого покушения в Балашове, обыватели данного города, озлобленные против медицинского персонала, который оставил службу в земстве, собрались в количестве 2 000 человек напротив гостиницы, где происходило совещание врачей. Из окон раздалось пение революционных песен, к тому же врачи «надрезали» портрет Николая II. Балашовцы начали угрожать устроить им самосуд. При появлении П.А. Столыпина толпа, в передних рядах которой держали портрет императора, пропела гимн и обещала не прибегать к насилию, удовлетворившись обещанием губернатора переписать находящихся в гостинице лиц и в случае их виновности возбудить судебное преследование, но, когда П.А. Столыпин стал лично выводить из гостиницы врачей, укрывавшихся в номерах, в подвале и на чердаке, для препровождения их под конвоем казаков на вокзал железной дороги, некоторые лица из толпы начали бросать в них камни, в результате чего П.А. Столыпин получил повреждение пальца. Из толпы слышались возгласы: «Они стреляют в вас, а мы должны молчать». Ему с большим трудом удалось оградить уезжавших от разошедшейся толпы, но после «препровождения» на вокзал толпа разгромила дом бывшего частного поверенного Фелогова и купца Тараксина, избива врачей Шмелева и Невзорова, попавшихся ей на улице. Несколько казаков, эскортировавших врачей на вокзал, раздраженные беспорядками и угрожающим жестом одного из сопровождаемых ими лиц, нанесли врачам несколько ударов нагайкой, «не имевших сколько-нибудь серьезных последствий». Толпа же у гостиницы разошлась лишь тогда, когда было послано за сотней казаков².

Считая, что одной из причин крестьянских волнений являются тяжелые условия аренды крестьянами помещичьей земли, П.А. Столы-

¹ Львов Н.Н. Граф Витте и П.А. Столыпин // П.А. Столыпин глазами современников. М.: РОССПЭН, 2008. С. 147, 148.

² Саратовские губернские ведомости. 1905. 24 июля.

пин обращался к помещикам с предложениями облегчать условия дачи земли. Следует отметить, что в дореволюционное время он к таким мерам не прибегал. В течение весны–лета 1905 г. он обращался к местным помещикам Н.Н. Левашову, Сенатову, Цернинской, П.П. Дурново и др.¹ В письме Н.Н. Левашову губернатор отмечал, что необходимость уступок крестьянам диктуется сложной обстановкой в губернии. Там, где, по уверению П.А. Столыпина, помещики пошли на уступки, волнений не наблюдалось. Однако Н.Н. Левашов отказался идти на уступки крестьянам. Важно отметить, что наиболее тяжелые, кабальные условия сдачи земли в аренду крестьянам преобладали, как считал губернатор, даже не в помещичьих хозяйствах, а в хозяйствах крестьян-кулаков и купцов, покупавших имения. Просьбы П.А. Столыпина в их адрес были более настойчивы. Так, губернатор вызвал в Саратов богатого крестьянина Киевской губернии Широченко, купившего в Аткарском уезде за полтора миллиона рублей земли князя Оболенского. Широченко, сразу после покупки, изменил условия сдачи земли крестьянам, обставив аренду тяжелыми условиями. Начальник губернии внушил ему недопустимость «беззастенчивой эксплуатации крестьян, доходящих до отчаяния». Такие районы, отмечал П.А. Столыпин, представляли готовую почву для агитации и беспорядков. В ряде случаев ему удавалось добиться уступок, улучшавших положение крестьян.

Обращаясь к исправникам с предложением способствовать в улаживании земельных конфликтов между крестьянами и помещиками, П.А. Столыпин одновременно строжайше предписывал им не допускать самовольного захвата крестьянами помещичьей земли и внушать сельскому населению мысль о возможности лишь добровольного соглашения с помещиками. В случае нарушения этого правила губернатор применял обязательное постановление, тем самым оберегая собственность землевладельцев от покушений. Убежденный, что любое снисхождение к крестьянам, стремившимся насильственным способом завладеть помещичьей собственностью, деморализует ту часть крестьян, которая остается верна правительству и порождает безнаказанность «крамольников», П.А. Столыпин обязывал полицию внимательно следить за настроениями крестьян и немедленно пресекать беспорядки. В связи с поджогами леса в имении Орлова-Денисова губернатор потребовал от исправника проведения расследования. Одновременно он обратился с просьбой к Самарскому губернатору, так как имение граничило с Са-

¹ Карпов Н. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925. С. 145.

марской губернией, принять меры к предупреждению поджогов. Для защиты имущества помещика Кожина, на лугах которого новокрещенские крестьяне скосили траву, П.А. Столыпин выслал войска Петровскому исправнику. Используя войска для демонстрации силы, исправник вступил в переговоры с крестьянами, пытаясь убедить их вернуть сено и выдать зачинщиков. Через сутки он добился своего. Губернатор же, отдав должное мужеству исправника, однако, указал ему, что в случае прихода войск их нужно применять немедленно, не вступая в переговоры с крестьянами.

В экстренных случаях начальник губернии лично выезжал в уезды с войсками. За быстрое наведение порядка в Балашовском уезде в имении Н.Н. Львова и Волконского, где крестьяне рубили лес, губернатору была объявлена в марте 1905 г. царская благодарность. Благодарственную телеграмму прислал также Н.Н. Львов¹. С целью не допустить разрушения помещичьих хозяйств П.А. Столыпин летом 1905 г. лично разъезжал в сопровождении войск по крестьянским дворам с. Ивановки 2-й Балашовского уезда, возвращая имущество местным помещикам². И все-таки сдержат натиск крестьянских волнений не удавалось. Весной 1905 г. в губернии их оказалось больше, чем в среднем по всей стране. Особенно большого размаха протестные выступления крестьян достигли в Балашовском, Сердобском, Аткарском и Петровском уездах – в районах наиболее крупного землевладения. На них пришлось 90 % всех выступлений за январь–июнь 1905 г. С января по июль 1905 г. в губернии было уничтожено 93 имения³. В течении апреля было зафиксировано 4 случая захвата помещичьих земель и раздела их между крестьянами.

В июле 1905 г. П.А. Столыпин издал циркуляр, в котором говорилось о том, что в некоторых сельских обществах происходят весьма нежелательные явления: крестьяне собираются тайно в лесах, обсуждают там свои нужды и тайно принимают приговоры и постановления для отправки их в высшие правительственные учреждения. В связи с чем он предложил земским начальникам разъяснять крестьянам, что о законных своих нуждах они должны «заявлять явно, открыто, на установленных для того законом сходах» и что «верноподданные, желаю-

¹ Агрунов П. Из воспоминаний о первой русской революции // Каторга и ссылка. 1931. № 1 (74). С. 144–148.

² Полвека назад. Саратов. 1955. С. 133–134, 136, 140.

³ Гохлернер В.М. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.)... С. 230.

щие принести челобитную царю о своих нуждах и тягостях, не должны скрываться и прятаться, если намерения их честны и помыслы чисты. Скрываются и действуют тайно те только, которые поступают незаконно». Нарушение закона, по мнению П.А. Столыпина, заключалось в том, что: 1) на тайных «сборищах» участвует не все крестьянское общество, а только небольшая часть и утвержденные на них приговоры не выражают мнения и желания всего общества; 2) там присутствуют и принимают участие лица посторонние, приезжающие с этой целью из городов, и приговор не выражает поэтому того, о чем думают и чего хотят крестьяне; 3) обсуждаются часто вопросы и дела совершенно незаконные – о нарушении права собственности землевладельцев, об изменении основных законов империи и т. д. Вследствие чего земским начальникам надлежало внушить крестьянам, что лишь законным путем ходатайства могут иметь значение и силу и что такого рода ходатайства всегда немедленно передаются по назначению; постановления же по делам незаконным, тайные сходки, «сборища для обсуждения задуманного врагами порядка против собственности» нетерпимы и участие в них будет строго преследоваться и караться¹.

В связи с нарастающим крестьянским движением, участвовавшими случаями противодействия органам полиции, П.А. Столыпин считал необходимым всякое неповиновение останавливать в зародыше немедленными репрессиями. Если не сдержат этого железной рукой, подчеркивалось в его донесении в Министерство внутренних дел в июле 1905 г., то в дальнейшем вряд ли удастся избежать моря крови. Репрессии сводились к аресту зачинщиков и агитаторов. При оказании сопротивления вызывались войска. Если же в недельный срок прокуратура не привлекала зачинщиков к уголовной ответственности и предварительному заключению, в связи с недостатком формальных оснований (а это было достаточно часто), то они подвергались наказанию за нарушение обязательного постановления губернатора (незаконные сборища и вмешательство в действия полиции). По этому поводу П.А. Столыпин согласовал свои действия с прокурором судебной палаты. Меры, предпринятые губернатором, нашли поддержку в правительстве. В августе 1905 г. ему была объявлена благодарность за подавление крестьянского движения².

Особенность крестьянского движения весной–летом 1905 г. П.А. Столыпин видел не только в его размахе. Характеризуя его весной,

¹ Саратовские губернские ведомости. 1905. 10 июля; Столыпин П.А. Биохроника. М.: РОССПЭН, 2006. С. 119.

² История Саратовского края с древнейших времен до 1917 г. С. 261.

он отмечал, что оно незначительно для такой беспокойной губернии, как Саратовская, хотя и превышало средний общероссийский уровень. Масштабы летних выступлений сравнивались с масштабами 1903 г. И только крестьянские выступления, имевшие место осенью 1905 г., он сравнивал с крестьянской войной. Особенность движения в 1905 г., по мнению П.А. Столыпина, заключалась в том, что в крестьянской среде значительно усилилось недоверие к власти. Такое положение дел действительно имело место в жизни страны и губернии. Среди крестьян в целом созрело понимание необходимости борьбы с существующим режимом. За январь–июль 1905 г. в губернии было зарегистрировано 10 выступлений против местной администрации и полиции¹. Если в 1903–1904 гг. большинство крестьян губернии верило власти и ожидало улучшения своего земельного положения от нее, то в 1905 г. вера поблекла². П.А. Столыпин это ясно осознавал. События приобретали неблагоприятный для власти оборот, еще весной 1903 г. вызвавший оправданные опасения у губернатора.

Важным эпизодом во время губернаторства П.А. Столыпина в Саратовской губернии была так называемая «малиновская резня», которая произошла осенью 1905 г. К этому времени Малиновка была волостным центром, крупным селом с 300 дворами и церковью. Село делилось на две части. В «черном» конце Малиновки жили 59 % зажиточных крестьян, владевших по 35–140 дес. земли, 2–3 лошадьми. В другом, «красном» конце – бедняки (41 % населения, 54 % дворов). В 1900 г. в Малиновке сложилась подпольная бедняцкая организация, в которую вошло более 20 человек. Организатором и руководителем крестьянского кружка был бывший конвоир Ф.Е. Синёв. К началу 1905 г. малиновские подпольщики имели группы в селах Змиевке (Змеевке), Каменном Враге (Каменке), в деревнях Песковатке, Драгуновке, Рулевке, Ерышовке и др. 23 октября 1905 г. в Малиновке собрался сельский сход, на котором волостной старшина Малиновской волости В.С. Панкрашкин зачитал Манифест от 17 октября 1905 г., доставленный в волостное правление конным нарочным. За одобрение Манифеста высказались крестьяне «черного» конца Малиновки, в частности Косичкин, братья Поповы, хлеботорговец Грачев. Однако многие крестьяне посчитали, что этот Манифест был издан «для господ», а настоящий «крестьянский» о наделе землей господа спрятали³.

¹ Гохлернер В.М. Указ. соч. С. 228.

² Карпов Н. Аграрная политика Столыпина... С. 50.

³ Ртищевская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: wikirtishchevo.shoutwiki.com.

24 октября 1905 г. из Малиновки в депо Ртищево группой Ф.Е. Синёва были направлены связные для выяснения обстановки. 25 октября группа Ф.Е. Синёва через участника малиновского кружка, работавшего стрелочником на ртищевском железнодорожном узле, В.Н. Макеева получила указание из Ртищева забрать и разделить хлеб из окрестных поместий. Вечером того же дня «красная» половина села собралась на сход. Присутствовало около ста человек. Было принято решение о выступлении на хутор Сусанова, арендовавшего в 7,5 км от Малиновки удельную землю, чтобы забрать из его амбаров хлеб и семена, а с ферм – скот и разделить среди крестьян, о чем известили малоимущих крестьян Каменки, Змеевки, Песковатки и других населенных пунктов Малиновской волости. 27 октября 1905 г. утром более ста подвод со всей Малиновской волости направились на хутор Сусанова. Когда подводы приблизились к хутору, землевладелец сбежал. Крестьяне сбили замки с амбаров. Зерно выгребали и в мешках, и россыпью. До обеда направили в Малиновку, Бахметьевку, Сафоновку и Песковатку 180 подвод с зерном, после обеда – еще более 200 подвод с зерном в другие села и деревни волости. После разграбления хутор сожгли. Днем полковник Н.Д. Свиридов телеграфировал из Салтыковки П.А. Столыпину: «Сего числа по донесению Малиновского волостного правления восемьдесят подвод села Малиновки и деревни Песковатки отбыли в Балашовский уезд на хутор Сусанова с преступными намерениями». Сам Сусанов телеграфировал губернатору уже из Ртищева: «Грабят, жгут имение удельного ведомства Мещеряковской волости. Прошу помощи. Выгнали всех»¹.

Вечером было проведено совещание в доме Ф.Е. Синёва. Избрали Совет действия, установили связь с окружающими селами. Приняли развернутый план и назначили ответственных. Утром 28 октября 1905 г. бунтовщики разграбили и сожгли имения помещицы Бон (Червяковой), находившиеся в 320 метрах от железнодорожного развезда Платицинский (возможно Софьино), и Дружинина, имение которого располагалось близ деревни Песковатки. Всего зерном и мукой загрузили 500 подвод. Кроме того, из господских конюшен безлошадным крестьянам раздали лошадей. В имении Бон бунтовщики также захватили много огнестрельного оружия. Разграбление имения Бон происходило на глазах шестерых солдат, присланных для охраны развезда. Солдаты хотели

¹ Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы (Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания – ноябрь–декабрь 1905 г.) / под ред. А.Л. Сидорова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Ч. 1–2. С. 761.

дать по бунтовщикам залп, однако им запретил это делать унтер-офицер, так как не имел соответствующего распоряжения от начальства. Вечером того же дня часть бунтовщиков отправилась в село Каменный Враг (Каменка) Балашовского уезда, другая разграбила и сожгла имение Симоновой в Новопавловке. Из имения Симоновой всех коров увели в Малиновку, где их зарезали и поделили. В тот же день были разгромлены имения Н.Н. Лихарева в Уваровке, Свиридовых в Бахметьевке, Крузо, Епишевского, Лещева, Кривской в Борках и других местных землевладельцев.

В восстание включились села и деревни до восьми волостей трех смежных уездов – Сердобского, Балашовского и Аткарского. Полковник Н.Д. Свиридов опять телеграфировал П.А. Столыпину: «Движение развертывается, сожжено имение Бон. Пожар в Малиновке. Волостное начальство спаслось бегством. Необходимы войска». Корреспондент газеты «Приволжский край», находившийся на станции Салтыковка, сообщал: «Каждую ночь виднеется зарево пожаров в 6–8 местах... сгорели имения помещиков и купцов: Лихарева (земского начальника), Михайлова, Сусанова, Лещева, Червяковой, Кривской, Устинова, Крузе, Деконского, Янишевского, Фрейгинг, Голубиевской, Шимановской, княгини Гагариной и других... Все пожары производятся крестьянами. Помещиков предупреждают об этом заранее, причем им разрешается забрать движимость. Рассказывают, что крестьяне свои действия объясняют так: «Земля и хлеб наши, движимость ваша, постройки же нужны нам, и мы их приносим в жертву своим предкам, из которых вы пили кровь». Как только разбирают хлеб, сразу же зажигают строения». В ночь с 28 на 29 октября в Малиновке были сожжены дома церковного причта (священника и дьякона)¹.

27–28 октября 1905 г., в имении помещицы Свиридовой, собралось собрание местных реакционеров. На нем присутствовали помещики: Н.Н. Лихарев (бывший земский начальник 8-го участка Сердобского уезда), Десницкий, И.С. Симонов; духовенство: священник Малиновской церкви Н. Николаевский, псаломщик Архангельский, дьякон Селезнев; хлеботорговцы (например, Белоусов), лавочники, полицейские, зажиточные крестьяне, а также полковники В.А. Янишевский и Н.Д. Свиридов, назначенный земским начальником. Согласно принятому плану, волостной старшина В.С. Панкрашкин выехал в Змеевку и Ерышовку, а староста И. В. Гурьянов – в Бахметьевку, Сафоновку

¹ Селиванов Д. Погром в Малиновке // Перекресток России. 2000. 19 декабря.

и Песковатку, где они начали агитацию против бунтовщиков, обвиняя «забастовщиков» в намерении осквернить и сжечь церковь, называя их «безбожниками». Под предлогом защиты церкви от осквернения и кощунства, насилия над духовенством со стороны безбожников и бунтовщиков планировалось поднять верующих, а затем в шуме и суматохе устранить зачинщиков грабежа дворянских имений. Из домов причта были заранее вынесены вещи, а сами священники отбыли в Змеевку «будоражить людей», настраивая их против бунтовщиков.

Согласно другим данным, якобы вернувшись из Каменного Врага, бунтовщики устроили пьяный погром в Малиновке. Последователи Синёва изрубили окна и двери в земской школе, из которой выбросили и осквернили икону святителя Николая Чудотворца. Вслед за этим бунтовщики подожгли дома причта, располагавшиеся посередине села. Священник еще накануне скрылся в селе Змиевке, дьякон укрылся на старой мельнице. Псаломщика бунтовщики оттащали за уши, а беременную дьяконицу раздели догола и подвергли издевательствам. Сбежавшемуся на пожар народу бунтовщики, угрожая огнестрельным оружием, не позволили тушить огонь. По селу прошел слух, что бунтовщики хотят поджечь церковь и волостное правление, а затем начать громить тех, кто не участвовал в бунте. Жители Малиновки запросили соседние деревни о помощи.

Утром 29 октября 1905 г. началось избиение «забастовщиков» и погром их домов. В расправе над бунтовщиками участвовали крестьяне «черной» половины Малиновки совместно с крестьянами из соседних сел – Змеевки, Песковатки и Крутца. Вооружившись ружьями, топорами, вилами, ножами и ломами, они окружили Малиновку, перекрыли все дороги. Одним из первых был убит руководитель малиновского кружка Ф.Е. Синёв, а также его ближайшие соратники С.Н. Шатаев, М.Е. Акинин, Н.Е. Пучков и П.И. Серебряков. Избиение «красной» части села Малиновки продолжалось два дня – 29 и 30 октября. После этого оно перекинулось и на смежные селения. Всего, не считая большого количества искалеченных, было убито: в Малиновке – 42 человека, в Песковатке – 4 и в Крутце – 2 человека. Трупы валялись на улице. Родным не разрешалось хоронить убитых. На третьи сутки тела казненных стащили в овраги и свалили в общую кучу. Пятьдесят домов было разграблено и сожжено. Бунтовщики села Крутец, дав отпор черносотенцам, пошли на разгром хлебных складов, располагавшихся на станции Салтыковка. Однако там они были встречены карательными

войсками полковника Зворыкина, который прибыл в ночь с 27 на 28 октября 1905 г. с 5 ротами пехоты и с 325 казаками¹.

30 октября 1905 г. П.А. Столыпин направил телеграмму министру внутренних дел И.Г. Щегловитову: «Малиновская акция с устрашением против погромщиков церкви и грабителей произвела потрясающее впечатление на всю окрестность. Движение рабочих и крестьян приостановилось». 30 октября 1905 г. в Саратовскую губернию был командирован с особыми полномочиями генерал-адъютант В.В. Сахаров. 3 ноября он прибыл в Саратов. В своем отчете Николаю II о крестьянском движении в Саратовской и Пензенской губерниях В.В. Сахаров, в частности, писал: «Жертвы были между самими крестьянами, когда сталкивались между собой партии громящих с партиями, отстаивавшими порядок; тут были и убийства, иногда весьма жестокие, и калечения, и избиения. Так в деревне Малиновке, где бунтовщики осквернили церковь, крестьяне расправились с ними беспощадным образом, заколов до смерти более 40 человек».

22 ноября В.В. Сахаров был убит в Саратове на квартире у П.А. Столыпина. Пришедшая под видом посетительницы эсерка А.А. Биценко застрелила его. А.П. Столыпина описала это событие так: «Вернувшись домой (с прогулки. – *Прим. авт.*), мы узнали о важной новости: приезде генерала Сахарова, военного министра (на тот момент уже бывшего. – *Прим. авт.*). В то время когда уже началось брожение умов, император посылал своих генерал-адъютантов inspectировать самые неспокойные центры. Мы очень мило провели вечер с генералом. Он сажал нас на колени, угощал конфетами и рассказывал самые забавные истории... На следующее утро генерал давал аудиенции в комнате, соседней со столовой. Вдруг мы услышали страшный шум. В нетерпении узнать, что случилось, мы бросились через весь дом к столовой. Лакей, молодой крестьянин, которого мы только что привезли из деревни, резко открыл дверь, потом с шумом ее захлопнул и, не говоря ни слова, выбежал из залы. Лицо его было искажено. Я подбежала к этой двери и, дрожа всем телом, отворила ее. Наш друг генерал лежал, распластавшись на полу. Неподалеку стояла молодая девушка с револьвером в руке. Подбежали двое грузных жандармов и схватили ее. Я услышала, как один из них спросил: "Мадемуазель, зачем вы это сделали?" Она обратила к ним странный взгляд. Потом я часто слышала, что это объяснялось действием наркотика. Она ответила металлическим голосом, от которого я вся

¹ И.С. С-в (Симонов И.С.) Страничка из истории нашей смуты («Малиновское дело») // Истор. вестник. 1908. Т. CXII. С. 550–557.

похолодела: "Я сделала это, чтобы освободить Россию от тирана". Выяснилось следующее: генерал, расположившись в глубоком кресле, принял с раннего утра целую вереницу посетителей. К полудню, изрядно уставший, но довольный сделанным за утро, он собирался перейти во внутренние комнаты. Он слышал, как в соседней столовой сустились под командой дворецкого множество слуг, накрывавших стол к завтраку. И вдруг объявили, что очень молодая девушка, приличного вида, просит аудиенции. По ее словам, у нее было очень важное дело лично к генералу. Ее пригласили. Генерал, видя, что она засмушалась у входа, подбодрил ее приветливой улыбкой. Она молча подала ему письмо; и пока Сахаров, склонясь над столом с письмом в руках, надевал очки, она выстрелила в него из револьвера почти в упор. Смертельно ранив свою жертву, революционерка поспешила в столовую, чтобы скрыться через внутренние покои. Тяжело раненный старый солдат собрал силы, чтобы подняться, и, спотыкаясь, попытался догнать убийцу. Столовая в этот момент была пуста. Увидев, что ее преследует безоружный раненый генерал, девушка остановилась, как зачарованная, и уже не пыталась бежать из дворца. Не дойдя до нее двух шагов, министр тяжело рухнул на пол, забрызгав кровью креслице моего младшего брата, приготовленное к завтраку. Со всех сторон слышались приближающиеся шаги, но их шум не мог заглушить предсмертных хрипов генерала. Так я впервые увидела кровь. Убийцу генерала не приговорили к смертной казни. Поистине, русские трибуналы были чересчур мягкими. Позднее при советском режиме эта женщина вновь сыграла историческую роль. Она была единственной женщиной, членом советской делегации, поставившей в 1918 г. подпись под мирным договором с Германией в Брест-Литовске»¹.

Вместо В.В. Сахарова в Саратов был прислан генерал-адъютант К.К. Максимович. 30 ноября К.К. Максимович совместно с П.А. Столыпиным, решившим самолично изучить «малиновское» дело, и с отрядом казаков прибыли в Малиновку в качестве следователей. Казаки перекрыли все дороги и тропинки, держали под наблюдением балки и овраги, чтобы никто не мог укрыться или уйти из Малиновки. Волостной староста В.С. Панкрашкин и староста Гурьянов передали П.А. Столыпину список случайно оставшихся в живых 48 «неблагонадежных» крестьян-бедняков. Допросы бунтовщиков, во время которых применялись пытки, проводились в имении Кривских. Крестьян, в том числе несовершеннолетних, пороли нагайками, к телу прикладыва-

¹ Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания... С. 21–22.

ли раскаленное железо, им отрубали пальцы рук и ног, отрезали уши, носы, вырывали волосы, щеки. По результатам следствия 21 «неблагонадежный» из Крутца и 48 «крамольников» из Малиновки, в том числе Е.П. Брыков, братья И.Я. и П.Я. Коротковы, Н.Т. Мещеряков, Н.С. Шубенин и Ф.И. Коротков, были арестованы казаками из конной сотни Казурина и отправлены в саратовскую тюрьму. Вскоре 42 арестованных сослали в Тобольскую губернию, остальные провели в тюрьме два года. В «красной» части Малиновки большое количество домов осталось совершенно без мужчин. Черносотенцам К.К. Максимович и П.А. Столыпин объявили благодарность правительства «за верную службу царю и отечеству» и в качестве поощрения 23 бойцам вручили специально изготовленные медали-жетоны с надписью: «Бей – не пугайся!» Медаль служила знаком, удостоверяющим принадлежность к черной сотне¹.

Однако общественность России с возмущением потребовала показательного процесса над погромщиками в Малиновке и сурового их наказания, и в июле 1906 г. по «малиновскому» делу было произведено судебное расследование, на время которого главные погромщики В.С. Панкрашкин, И. Гурьянов, Ф. Грачев, М. Честнов, Я. Стариков и Ф. Толкунов были посажены в тюрьму. 8 марта 1907 г. в Сердобске начался суд над 61 участником черносотенного погрома. Дело разбирала выездная сессия Саратовского окружного суда. Суд заслушал 240 свидетелей, большинство из которых были потерпевшими или очевидцами погрома. Никто из подсудимых не отрицал своей вины. Обвинителем в процессе был прокурор Воронов. В своей речи прокурор не отрицал преступления, в частности, он сказал: «Малиновское дело по ужасу содеянного не имеет себе равных во всей истории русского суда. Свидетелями убийств их отцов были малиновские дети. Какой материал для агитатора революционного учения представляют из себя эти дети, когда подрастут и осознают безнаказанность убийств их родителей!» Однако Воронов считал, что если по форме погромщики поступали неправильно, то по содержанию были правы, так как они восстали против беспорядков и боролись с лицами, которые стремились ниспровергнуть насильственным путем существующий государственный строй России. Защитниками погромщиков выступали присяжные поверенные из Саратова Аничков, Жданов и князь Девлет-Кильдеев, который и вовсе не находил в их действиях состава уголовного преступления. В своей речи он заявил: «Мое глубокое убеждение, что эти лица не виновны! Они

¹ Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания... С. 550–557.

исполнили свою обязанность! Они совершили правосудие. Суд безобразный по форме, но правильный по содержанию». 14 марта 1907 г. суд вынес погромщикам оправдательный приговор.

После революции в 1918 году на сходе граждан Малиновки был выбран Революционный суд под председательством крестьянина И.П. Манухина, входившего в 1905 г. в кружок Ф.Е. Синёва. Суду вменялось в обязанности рассмотреть дела арестованных малиновских черносотенцев. Революционный сельский суд приговорил к высшей мере наказания – расстрелу: бывшего старосту И.В. Гурьянова, дьякона Д.Р. Селезнева, организатора погрома помещицу Н.Д. Свиридову и помещика В.А. Янишевского. Приговор суда тут же был приведен в исполнение на кладбище дер. Песковатка Г. Мочаловым, при этом помещица Н.Д. Свиридова была зарублена шашкой. Видным участником погрома, а затем секретарем Малиновского отдела «Союза русского народа» (позднее «Союза Михаила Архангела») был некто Токарев. В 1918 г. Токарев был избран на пост председателя Сердобского уездного исполкома. В этом же году он был арестован. Проходивший с 28 июня по 1 июля 1918 г. Шестой уездный съезд Советов вынес решение предать Токарева суду Революционного трибунала, по приговору которого Токарев был расстрелян¹.

Главной причиной аграрных беспорядков начальник губернии упорно продолжал считать не бедственное экономическое положение крестьян, а размах революционной пропаганды в деревне. Характеризуя положение дел на селе в марте 1905 г., П.А. Столыпин отмечал, что оно как никогда наводнено революционными прокламациями, что агитация шла открыто, безнаказанно, корпус же жандармов после издания закона от 10 июня 1904 г. был бессилен и практически бездействовал. В результате, отмечал он, даже благонадежные крестьяне (надежда губернатора на сохранение порядка в деревне) обратили взоры на помещичью землю. Уже в марте в ряде крестьянских приговоров появились требования о прирезке земли за счет помещиков. Земство с экономическими советами, революционеры – буквально все эксплуатировали земельный вопрос в своих политических интересах, вызывая возмущение П.А. Столыпина.

С растущим недоверием крестьян к власти одновременно росла их восприимчивость к тем земельным проектам, которые предлагались агитаторами. Особенно волновало П.А. Столыпина внимание крестьян

¹ Ртищевская энциклопедия...

к предложениям социализации земли. Событие в с. Ивановке 2-й Балашовского уезда, связанное с принятием местным сельским сходом приговора с политическими и экономическими требованиями, давало полное представление о сложившейся ситуации как в губернии, так и в целом по стране. Происшествие это оказало серьезное влияние на взгляды губернатора. В приговоре, адресованном губернскому земству, предлагалось провести демократические выборы в Думу и передать помещичьи земли крестьянам. Обо всем этом немедленно стало известно правительству. По предписанию министра внутренних дел, П.А. Столыпин тут же лично выехал на место. Отчитываясь позже перед министром, он писал: «Я впервые натолкнулся на замкнутую, вполне солидарную крестьянскую массу, фанатически верующую в грядущий социалистический порядок землепользования, причем новое учение по-видимому заняло место прежних идеалов, так как усердие к церкви заменилось полным равнодушием, авторитет царской власти не является уже чем-то незбылемым». Объяснив приговор традиционно влиянием революционной пропаганды, П.А. Столыпин созвал сход с целью добиться коллективного отказа от приговора. Иначе, по его мнению, было бы санкционировано открытое порицание церкви и власти, а также проповеди земельного коммунизма. Одновременно с этим губернатор провел аресты учителей, принимавших участие в составлении приговора. В том же отчете П.А. Столыпин отмечал, что подобные настроения получают все большее распространение в губернии, особенно в Балашовском уезде. При этом высказал опасение в связи с царским указом от 18 февраля 1905 г., давшим крестьянам право высказываться по вопросам государственного благоустройства, так как в тех условиях это могло привести к появлению политических приговоров в деревне и покушениям на помещичью собственность, подтолкнуть волнения¹. Последующие события 1905 г. подтвердили опасения губернатора.

События в Ивановке 2-й были восприняты П.А. Столыпиным как картина возможного будущего, если власть не примет меры к земельному переустройству крестьянского быта. Полагая, что в таком развитии событий отчасти виновата и сама власть, затягивавшая земельные преобразования, П.А. Столыпин предложил незамедлительно сформировать фонд из государственных земель и наделить ею нуждающихся крестьян. Этим он рассчитывал сбить волну крестьянских выступлений и укрепить авторитет власти, после чего приступить к основательным

¹ Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания... С. 51.

земельным преобразованиям, учитывающим новые условия. Сам факт мощного крестьянского движения после вполне благополучного урожайного 1904 г. заставил губернатора более внимательно присмотреться к истокам его возникновения. Усматривая главную причину движения в революционной пропаганде, он объяснял успех последней крестьянской бедностью. Причем в отличие от 1903 г. причины бедности виделись не только в малоземелье, но уже и в существовании крестьянской общины. Отмечая в отчете о состоянии губернии за 1904 г. экономический аспект проблемы, П.А. Столыпин указывал, что благоприятный 1904 г. позволял надеяться на улучшение положения крестьян. Но этого не произошло. Все надежды разрушил голод 1905 г. Виновата в том, по мысли губернатора, была община, препятствовавшая накоплению капитала в крестьянских хозяйствах своим принципом уравнительности. Она сковывала крестьянскую инициативу, лишая их стимулов к интенсивному труду. В критике общины сыграла роль и замеченная П.А. Столыпиным восприимчивость крестьянской общины к социалистическим идеям.

П.А. Столыпин предложил противопоставить общине единоличную крестьянскую собственность. Для этого необходимо было, планировал губернатор, на государственных землях и землях Крестьянского банка создать класс зажиточных крестьян-собственников. Предполагалось изменение деятельности Крестьянского банка. Ему необходимо было предоставить право покупать землю и затем продавать ее крестьянам, однако не с целью расширения крестьянского землепользования, как предлагал П.А. Столыпин в 1903 г., а для насаждения собственников из крестьянской среды. При этом крестьяне-собственники и общинники должны были сосуществовать параллельно. П.А. Столыпин указал и на политические результаты предлагаемых преобразований. По его убеждению, единоличник станет опорой порядка в государстве. Кроме того, появится возможность мирного труда в деревне на почве полной согласованности интересов землевладельцев и крестьян. Эта мысль Саратовского губернатора была особенно близка царю и обсуждалась в Комитете министров в феврале 1906 г., именно в то время, когда шло формирование правительственной программы аграрных преобразований. Вместе с тем, продолжал Столыпин, особенно желателен такой тип собственника в связи с предполагавшейся работой Государственной думы, так как мог стать в ней опорой власти.

Изложенная в мае 1905 г. позиция П.А. Столыпина претерпела ряд изменений. В 1903–1904 гг. вслед за редакционной комиссией он наде-

ялся укрепить позиции власти в деревне за счет расширения крестьянского землевладения, а также создания узкого слоя крепких крестьян, причем проблема малоземелья тогда признавалась властью приоритетной. Непременными условиями преобразований являлось сохранение общины, неотчуждаемость наделной земли и сохранение сословной обособленности крестьян. В новой позиции Саратовского губернатора акценты расставлены иначе. Появилась острая критика общины, чего не было раньше, вследствие чего возникло стремление противопоставить общине слой крестьян-единоличников. Напомним, что раньше речь шла о семейной крестьянской собственности. Наконец, проблема малоземелья, при всей признаваемой П.А. Столыпиным важности, теперь отодвигалась на второй план.

Итак, под влиянием аграрных проблем саратовской деревни, усиленным революционными событиями 1905 г., губернатор делал ставку на создание класса зажиточных крестьян-собственников, видя в них союзников помещикам и дополнительную опору власти. Однако позиция П.А. Столыпина выглядит достаточно умеренной, если учесть, что летом 1905 г., во время работы губернского совещания по пересмотру законодательства о крестьянах, он фактически высказался за сохранение сословной обособленности крестьян. Обсуждая указ от 12 декабря 1904 г., обещавший уравнивать крестьян в правах с другими сословиями, П.А. Столыпин высказал весьма парадоксальное мнение о том, что полноправие, обещанное крестьянам, не противоречит их сословной обособленности. В качестве доказательства тому он ссылаясь на дворянство, имевшее полноправное положение при сохранении известной сословной обособленности. Позиция губернатора нашла поддержку у В.Н. Ознобишина, известного в губернии своими консервативными настроениями и участвовавшего в работе данного совещания.

Об умеренности П.А. Столыпина говорит и его противоречивое отношение к общине. Критикуя ее за экономическую и политическую несостоятельность, он, тем не менее, не предлагал никаких мер по ее реформированию. Между тем некоторые губернаторы, представители высшей бюрократии, дворянство других губерний, занимали в этом плане более радикальную позицию. Так, например, в отчете за 1904 г. херсонского губернатора наряду с критикой общины предлагалось предоставить право залога наделной земли, а также предпринять меры по расселению крестьян по хуторам на наделной земле¹. Генерал-

¹ Красный архив. 1926. № 4. С. 88–89.

адъютант А.П. Струхов, по приказу царя изучавший причины аграрных беспорядков в Харьковской губернии, являясь противником идеи отчуждения наделной земли, в то же время высказался за отмену закона 1893 г., сковывавшего общинников при выходе из общины. Фактически за полную перестройку крестьянских земельных отношений выступили уездные предводители дворянства Харьковской губернии¹. Эти меры в большей степени способствовали реформированию общины, да и всего крестьянского уклада.

В исторической литературе умеренность П.А. Столыпина в отношении общины, в рассматриваемый отрезок времени, объясняется его стремлением мягко реформировать крестьянский уклад. Появившиеся на государственных землях крестьяне-собственники, якобы полагал П.А. Столыпин, станут ярким примером для оставшихся в общине. В результате чего мог начаться процесс внутренней трансформации крестьянского мира². Но учитывая консерватизм крестьян, их привязанность к общине и отсутствие у П.А. Столыпина конкретных предложений по снятию правовых ограничений ее деятельности, такой подход вряд ли привел бы к массовой трансформации крестьян-собственников. Позиция саратовского губернатора определялась не столько намерениями мягко реформировать общину, сколько стремлением скорейшего создания слоя законопослушных крестьян, не затрагивая при этом всего здания крестьянских земельных отношений. Умеренность П.А. Столыпина совпадала с умеренными тогда планами самой власти, не готовой еще к серьезному пересмотру крестьянского вопроса. Вероятно, также губернатор продолжал рассматривать общину в качестве хранительницы патриархальных настроений крестьян, а также видел в ней организацию, удобную для контроля за их жизнедеятельностью.

После относительного затишья в августе–сентябре 1905 г., в октябре крестьянское движение разгорелось с новой силой. Волнениям способствовали революционные события в городах, главным образом всероссийская политическая стачка, а также последствия неурожая в Поволжье. За октябрь–декабрь 1905 г. было зарегистрировано 509 крестьянских выступлений. Только с 16 октября по 4 ноября в Балашовском уезде подверглись поджогам и разгромам 40 имений, в Петровском – 29 имений, в Аткарском – все экономии. За осень 1905 г. крестьяне уничтожили до 200 усадеб. Недоверие к власти, обнаружившееся вес-

¹ Карпов Н. Аграрная политика Столыпина... С. 255–256.

² Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М.: Высш. шк., 1992. С. 27–28, 44–45.

ной, осенью достигло своего апогея. Крестьянство сделало попытку самостоятельно разрешить земельный вопрос, и, конечно же, за счет помещиков. Любопытно, что крестьянскую революцию П.А. Столыпин расценивал как движение, направленное не против власти, а против частной собственности, а посему все свои последующие действия он сосредоточивал главным образом на ограждении помещичьей собственности.

Характерной чертой осеннего выступления крестьян являлось то, что возникло оно практически одновременно в нескольких уездах. Начавшись в Саратовском и Аткарском уездах, оно перекинулось в Сердобский, Балашовский и Петровский. В октябре–ноябре 1905 г. движение охватило все 10 уездов губернии¹. В таких условиях полиция оказалась неспособной противопоставить ему сколько-нибудь действенную силу. В Саратовской губернии, территориально сопоставимой со многими европейскими государствами, в конце 1905 г. полицейской стражи насчитывалось 1 544 человека. Этого было, конечно, недостаточно. Единственной силой, способной противостоять волнениям в деревне, оставались войска. Но армейских подразделений едва хватало даже весной–летом 1905 г., когда движение выглядело гораздо слабее и не столь сплоченным.

Проблема нехватки военной силы приобрела общероссийский характер. Даже командующему Московским военным округом решительно было отказано в увеличении численности войск ввиду повсеместной потребности в войсках для подавления беспорядков². В течение октября П.А. Столыпин неоднократно обращался в Петербург и Казань с просьбой о присылке войск. Ввиду отказа и задержки в этом вопросе он вынужден был прибегать к ультиматумам, заявляя о снятии с себя всякой ответственности за последствия. В начальной стадии погромов, стремясь предупредить их распространение на Сердобский и Балашовский уезды, где уже имели место поджоги имений, П.А. Столыпин после двукратного и безрезультатного обращения в Казанский военный округ, обратился в Санкт-Петербург с просьбой прислать полк пехоты и два эскадрона. Это был необходимый, по его мнению, минимум, без которого в скором времени потребуются вдвое больше войск.

К концу октября в губернию начали прибывать войска из Пензы, Симбирска, Казани, Самары и Оренбурга. Однако сил по-прежнему не

¹ Гохлернер В.М. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.)... С. 240.

² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания Военного министра. М., 1999. Т. 1. С. 513–514.

хватало. Об этом постоянно телеграфировал царю генерал-адъютант В.В. Сахаров, а после его убийства – К.К. Максимович. С целью более эффективного использования войск для защиты имений П.А. Столыпин посоветовал военным начальникам разместить конные отряды непосредственно при приставах, которые в случае необходимости должны были отправлять их в пункты беспорядков, а крупные пешие части предложил сосредоточить в больших имениях с возможным последующим их передвижением. Исправникам губернатор предоставил право в экстренных случаях самим распоряжаться воинскими подразделениями. Данные меры обеспечивали оперативное реагирование на беспорядки. С приездом же в губернию генерал-адъютанта В.В. Сахарова войска были рассредоточены мелкими группами по наиболее беспокойным районам, что оказалось более эффективным.

Благодаря усилиям П.А. Столыпина в конце ноября в распоряжении губернской администрации находились: 34 роты пехоты, 13 сотен казаков, 3 казачьих полка, 2 эскадрона драгун и запасная бригада. Крестьянское движение вызвало шквал обращений помещиков в адрес власти с просьбами и мольбами о помощи. С 21 по 31 октября лишь П.А. Столыпину поступило около 40 телеграмм. Реакция его на погромы имений была значительно более жесткой, чем весной–летом, когда губернатор добивался успокоения в значительном числе случаев демонстрацией силы. Уже 20 октября он послал телеграмму в Елшанку земскому начальнику Михалевскому, приказав ему при сопротивлении крестьян открыть огонь. С подобными требованиями он десятки раз обращался к военным и исправникам в течение всей осени. Отправляя 2 роты в имения Щербаковское и Катковское в Базарный Карабулак, требовал не стесняться применением оружия, предписав действовать энергично и решительно, посылая пулеметную роту и полусотню казаков 22 октября на помощь в имение помещика Беклемишева. С целью произвести впечатление на крестьян П.А. Столыпин предписал исправнику в Бурасах выбить крестьян из с. Тепловки, настигнуть хотя бы одну группу из них и подать ее в крайнем случае силой оружия.

Одновременно с подавлением движения от полиции, как и в предшествующие периоды, требовалось непременно возвращать имущество помещиков. Когда для подавления П.А. Столыпину не хватало собственных сил, он обращался в соседние губернии. Так, саратовский губернатор просил тамбовского начальника губернии дать приказание казакам преследовать балашовских крестьян, терроризировавших местных саратовских помещиков, не стесняясь границами. В то же время и сам

по возможности помогал соседним губернаторам. В декабре 1905 г., не спрашивая разрешения Министерства внутренних дел, послал войска в Самарскую губернию, за что получил высочайшую благодарность. По просьбе саратовских помещиков П.А. Столыпин обратился в ноябре к министру внутренних дел с предложением об организации вооруженной стражи для охраны имений. В ноябре решение о создании стражи было принято. С целью сломить сопротивление восставших крестьян, губернатор, согласно указаниям МВД, предписал земским начальникам не выдавать участникам волнений продовольственную ссуду, распределяемую в связи с начавшимся голодом. Требование П.А. Столыпина вызвало протест со стороны Балашовского уездного предводителя дворянства С.А. Унковского, который отказался выполнять распоряжение губернатора. П.А. Столыпин в ответ на демарш предводителя доложил о его поведении в МВД и одновременно обратился со своим предписанием к земским начальникам непосредственно.

Во время своих поездок по беспокойным местностям губернии в сопровождении войск губернатор прибегал к крайним мерам. Созывая сходы, он добивался от крестьян выдачи зачинщиков беспорядков и возвращения имущества помещикам. При сопротивлении применялась сила. Так, 29 ноября 1905 г. во время поездки К.К. Максимовича и П.А. Столыпина в с. Дурыкино Балашовского уезда казаки стреляли в толпу. Было убито 4 и ранено 10 крестьян¹. Подавляя волнения силой оружия, губернатор широко практиковал испытанное уже средство: аресты за нарушение обязательного постановления. Причем, стремясь сделать меры в отношении зачинщиков более действенными, П.А. Столыпин сознательно допускал нарушения формальностей при аресте и содержании в тюрьме. Лишь в декабре 1905 г., с завершением острого периода времени, он дал распоряжение уездным исправникам соблюдать установленный законом порядок задержания и заняться выяснением действительно виновных.

С целью изолировать неблагонадежных лиц от крестьянской среды, губернатор широко пользовался предоставленным ему правом продлевать предварительное заключение на один месяц. Так, в ноябре 1905 г. по некоторым данным арест был продлен по постановлению начальника губернии 150 крестьянам, участвовавшим в погромах имений. С той же целью П.А. Столыпин вытребовал право высылки из губернии за счет государства неблагонадежных лиц. С 27 января по 16 апреля 1906 г.

¹ Анфимов А.Н. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 63.

более 140 человек было либо представлено к высылке, либо решение об этом уже было принято. В связи с тем, что члены судебных органов все чаще стали отдавать крестьян, принимавших участие в волнениях, на поруки сельским обществам, поскольку тюрьмы были переполнены, П.А. Столыпин в марте 1906 г. обратился к прокурору судебной палаты. Считая такую практику вредной, деморализующей законопослушную часть крестьянства, он высказал убеждение, что судебное преследование виновных до весенних работ 1906 г., когда правительством ожидалась новая волна выступлений, произвело бы прекрасное впечатление на село.

Особые опасения П.А. Столыпина вызвало растущее влияние в губернии Крестьянского союза. В Саратовской губернии местное отделение союза объединяло до 10 тыс. сельских жителей¹. Воздействие его, по мнению губернатора, все явственнее проступало в крестьянских приговорах в конце 1905 г. – начале 1906 г., содержащих требование уничтожения частной собственности на землю и свободных выборов в Государственную Думу. В связи с этим проведение в Рудне съезда крестьян, организованного Камышинской организацией союза, с целью пропаганды идей последнего было запрещено губернатором. Запретил П.А. Столыпин и проведение намеченного на 2 января 1906 г. съезда сельских хозяев, организованного Саратовским сельскохозяйственным обществом, за его демократическую программу, близкую, по мнению губернатора, к программе Крестьянского союза. В этом он нашел поддержку министра внутренних дел П.Н. Дурново².

Препятствуя деятельности Крестьянского союза, начальник губернии в то же время способствовал активизации деятельности правого дворянства. С этой целью он разрешил проведение в сентябре 1905 г. съезда саратовских землевладельцев. А в начале декабря 1905 г., вслед за прошедшим в Москве учредительным Всероссийским съездом землевладельцев, в губернии прошел аналогичный областной съезд. Напуганные крестьянским движением, участники приняли решение об образовании политической партии, отстаивающей интересы помещиков, о возмещении убытков за программы, отсрочке платежей, а также высказались за ликвидацию общины и предоставление крестьянам права продажи наделной земли. Подобные съезды прошли и в уездах губер-

¹ История Саратовского края с древнейших времен до 1917 г. С. 278.

² Пиреев А.И. Земли родной минувшая судьба (Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края). Саратов: Полиграф. компания «Эль-принт», 2007. С. 220.

нии. В конце 1905 г. П.А. Столыпин поддержал попытку дворян объединить интересы землевладельцев и крестьян-собственников. Это, как надеялся губернатор, должно было, с одной стороны, оградить крестьян от влияния Крестьянского союза, а с другой – расширить опору местной власти в деревне. На желательность такого союза он указывал еще в мае 1905 г. в отчете о состоянии губернии за 1904 г. 20 декабря 1905 г. с разрешения губернатора в Петровске состоялся совместный съезд. Решения его П.А. Столыпин принял с удовлетворением, так как участники единогласно проголосовали за постановления, принятые на областном съезде землевладельцев. Однако подобные попытки не получили широкого развития. К концу 1905 г. П.А. Столыпин добился относительного успокоения в губернии. В декабре 1905 г. Саратовское губернское дворянское собрание объявило ему благодарность за наведение порядка. Тогда же в декабре он был высочайше пожалован орденом св. Владимира 3-й степени.

Жесткость методов подавления крестьянского движения, применяемых П.А. Столыпиным, диктовалась как правительственными предписаниями, так и размахом и направленностью движения. Между тем вопрос о целесообразности подобных мер оценивался не всеми однозначно. Так, не соглашаясь с политикой правительства, демонстративно подал в отставку бессарабский губернатор С.Д. Урусов, так же осенью поступил самарский губернатор Д.И. Засядко¹. Против чрезмерной жестокости в подавлении крестьянских волнений выступил и командующий в 1905 г. Казанским военным округом А.И. Косич, бывший саратовский губернатор. Он запретил губернаторам Поволжья использование армейских частей для подавления движения, ибо солдат, настаивал он, призван нести службу отечеству, а не расстреливать народ².

В свою очередь, либеральная общественность обвиняла власть в том, что ею используются средства, лишь разжигающие крестьянское недовольство. Главный акцент, считали они, следовало сделать на необходимых реформах в аграрном секторе, а не только на подавлении. В отличие от них, П.А. Столыпин саму возможность земельных реформ связывал с необходимостью подавления попыток крестьян по-своему решить земельный вопрос. Различие подходов определялось тем, какую цель ставила та или иная политическая сила при планировании земельных реформы. Либералы, преследуя свои экономические и политические цели, считали необходимым учесть интересы крестьян, отсюда

¹ Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996. С. 177.

² Миронов В. Саратовский губернатор А.И. Косич // Волга. 1994. № 9–10. С. 39.

их склонность к признанию крестьянского малоземелья как одной из важнейших проблем деревни. Осуществление или даже провозглашение подобной реформы, не без основания полагали они, позволило бы избежать, по выражению того же П.А. Столыпина, «моря крови».

Позиция П.А. Столыпина определялась стремлением провести такие преобразования, которые укрепили и расширили бы опору помещиков и крестьян-собственников, одновременно отодвигая проблему малоземелья на второй план. Сами же крестьяне требовали себе всю помещичью землю. В этой ситуации для осуществления задуманного, полагал будущий реформатор, власть должна обеспечить себе свободу рук. Этими соображениями была порождена известная столыпинская формула: «Сначала – успокоение, а затем – реформы». Отсюда же – жестокость методов подавления крестьянских волнений. Добившись в конце осени 1905 г. относительного успокоения, П.А. Столыпин однако понимал, что оно не прочно. Когда в конце 1905 г. Министерство внутренних дел предложило губернаторам стянуть войска, рассредоточенные по имениям, к их штаб-квартирам, губернатор по просьбам помещиков просил министерство оставить войска еще на некоторое время, так как любая попытка снять их приводит к возобновлению покушений на помещичью собственность. Эти опасения разделял и К.К. Максимович.

Сдержать крестьян П.А. Столыпин надеялся лишь силой. Однако непрочной стала и сама власть. Еще летом 1905 г., после событий с броненосцем «Потемкиным», губернатор высказывал сомнения в надежности войск. Осенние события 1905 г. еще более убедили его в том, что власть оказалась не готова противостоять революции. Манифест 17 октября 1905 г., по убеждению П.А. Столыпина, усугубил ситуацию, внес сумятицу в действия полиции. Примечательно, что осуществление Манифеста он считал возможным, лишь силой сдерживая беспорядки и опираясь на войска. Этим П.А. Столыпин фактически признал, что Манифест не внес успокоения в общество, все более и более убеждаясь в неэффективности политических уступок со стороны правящих кругов.

Не на высоте положения, как считал губернатор, оказалась и местная полиция, и земские начальники, о повальном бегстве которых он информировал министра внутренних дел. «Во всяком случае, – заявил в январе 1906 г. П.А. Столыпин, – без укрепления власти – фактора первостепенной важности – невозможно водворение порядка». Одновременно с укреплением властных полномочий администрации во избежание возможной катастрофы он предложил утолить земельный голод крестьян в течение зимы 1905–1906 гг. широкой продажей Крестьянским

банком государственных земель. Этим губернатор надеялся отвлечь их от революции и покушений на помещичью землю, а также укрепить авторитет представителей государства. Не менее критическим, по мнению П.А. Столыпина, оказалось положение самих помещиков. Отметив в ноябре 1905 г. в письме министру внутренних дел, что в отдельных районах губернии помещичьи хозяйства практически полностью исчезли, что соответствовало действительности, он предложил предоставлять пострадавшим помещикам беспроцентный государственный кредит на восстановление имений. Идея о льготном предоставлении пришла как нельзя кстати и, разумеется, тут же была поддержана в верхах. И в январе 1906 г. П.А. Столыпин сообщил местным землевладельцам радостную весть: на восстановление разрушенных в Саратовской губернии помещичьих экономий правительство выделило 250 000 руб.

С той же целью весьма важным губернатор считал добиваться от крестьян возвращения помещичьего имущества, захваченного во время погромов. Эта мера оставалась в поле зрения П.А. Столыпина в течение всего периода губернаторства. Необходимость ее он особо отметил в том же ноябрьском 1905 г. в письме министру внутренних дел. Эти и другие аналогичные меры П.А. Столыпин находил крайне важными, иначе, предупреждал он, деревня станет мужицкой и все культурные очаги будут уничтожены. Главную цель крестьянской революции П.А. Столыпин ошибочно видел не в стремлении захватить власть, а лишь в искоренении частной собственности. Следует отметить, что в революции 1905 г., как и двумя годами раньше, саратовский губернатор продолжал рассматривать крестьянство вопреки реальности как силу аполитичную, заинтересованную только в решении земельного вопроса.

В начале 1906 г. ситуация, по мнению П.А. Столыпина, оказалась тупиковой. Указ от 5 ноября 1905 г., предоставляющий Крестьянскому банку право широкой покупки дворянских земель с целью их перепродажи крестьянам, уже не мог дать ожидаемого результата. Крестьяне, распропагандированные революционерами, не заключали с банком сделки по покупке земли, а ожидали, как правило, «черного передела». В то же время помещикам невыгодно по заниженным банковским расценкам расставаться со своими имениями. В этом П.А. Столыпин убедился, выступая посредником между банком и земством в вопросах покупки помещичьей земли. Одновременно губернатор полностью исключал саму возможность частичного отчуждения частновладельческих угодий. Реагируя на крестьянские приговоры с требованиями о насильственном вторжении в святую святых — частную собственность помещиков на

землю, он указывал: «Ни принудительного отчуждения, ни дарового наделения крестьян земель не будет и быть не может». А 3 февраля 1906 г. им были запрещены собрания крестьян для обсуждения вопросов о возможном отчуждении помещичьих земель как возбуждающие среди крестьян сомнения в незыблемости частной собственности. Иначе говоря, П.А. Столыпин был и остался до конца истым поборником сохранения помещичьей собственности в неприкосновенности.

Считая общину полностью разложившейся под влиянием революционеров, он находил бесполезным расширять ее земельные наделы. Поэтому-то, в отличие от 1903 г., П.А. Столыпин не рассматривал проблему малоземелья как приоритетную. Она представлялась ему лишь паллиативом, так как ее решение неспособно было успокоить крестьянство и отвлечь от дворянских земель. В этом губернатор убедился во время осеннего выступления 1905 г., в котором, по его мнению, участвовали и хорошо обеспеченные землей крестьяне. Выход П.А. Столыпин видел в создании класса мелких собственников. Однако если в мае 1905 г. он предлагал создавать его на государственных землях, не трогая общину, то в январе 1906 г. в записке на имя П.Н. Дурново считал необходимым разрешить крестьянам закладывать и продавать свои наделные земли. В то же время он предлагал предписать Крестьянскому банку содействовать единоличным, а не общинным сделкам. Эти меры означали фактическую ликвидацию общины. В результате, надеялся П.А. Столыпин, появится класс мелких собственников, являющийся по природе своей органичным противником всяких разрушительных теорий. Благоприятным для власти он находил то, что крестьянство не имело своих самостоятельных политических целей и при наличии у них земельной собственности могло превратиться в законопослушную массу. Политическую же активность крестьянства Столыпин в 1905 г. традиционно объяснял влиянием революционеров. Здесь необходимо также отметить, что планируемое губернатором создание слоя крестьян-собственников для поддержки государства не было направлено против помещиков как класса, а наоборот, способствовало появлению в деревне союзников дворян. Упрочение государственного строя П.А. Столыпин считал возможным лишь укреплением позиции помещиков, а не игнорированием их интересов.

Таким образом, позиция П.А. Столыпина по крестьянскому вопросу существенно изменилась. Если в 1903–1904 гг., в мае 1905 г. губернатор исходил из необходимости сохранения крестьянской общины, видя в ней хранилище патриархальных, монархических настрое-

ний, то к концу 1905 г. полностью поменял свое отношение к ней. В ходе крестьянской войны П.А. Столыпин неожиданно для себя обнаружил, что крестьянская община чрезвычайно восприимчива к пропаганде социалистических земельных проектов, к тому же представляет собой фактически готовую революционную организацию. Община оказалась опасной для власти¹. И если в мае 1905 г. П.А. Столыпин надеялся ей противопоставить крестьянина-собственника, то уже в январе 1906 г. он призывал к ее ликвидации. Под впечатлением революции правящий класс окончательно осознал необходимость экстренных реформ в аграрном секторе. Однако представления о путях возможных преобразований были различны. Некоторые губернаторы и представители высшей столичной бюрократии склонялись к идее частичного отчуждения помещичьей земли в пользу крестьян.

Так, симбирский губернатор летом 1905 г. направил в Министерство внутренних дел приговор местных крестьян с предложением прирезки земли за счет соседних помещиков. При этом он ходатайствовал об удовлетворении их просьбы. Идея отчуждения помещичьих земель нашла отражение в некоторых проектах, получивших хождение в правительственных кругах, например проект Главногоуправляющего землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлера, исходившего из проблемы признания проблемы крестьянского малоземелья как ключевой. Большой радикальностью отличался проект профессора П.П. Мигулина, основанный на идее принудительного отчуждения значительной части помещичьих земель².

Иной точки зрения придерживалось правое дворянство. На съездах, прошедших осенью 1905 г. и в начале 1906 г., оформилась их программа аграрных преобразований, отвергавшая принудительное отчуждение помещичьей земли и предлагавшая ликвидировать общину³. Помещичьи имения объявлялись очагами культуры в деревне, ликвидация которых привела бы к разорению страны; сохранение же общины называлось не иначе как исторической ошибкой, исправить которую надеялись, лишь преобразовав ее на началах частной собственности на землю. В январе 1906 г. Николай II отверг проекты об отчуждении частновладельческих земель. Было заявлено о неприкосновенности частной собственности. В Совете министров началась разработка правительственной аграрной программы, исходящей из необходимости ломки об-

¹ Бок М.П. П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце... С. 151.

² Аграрный вопрос в Совете министров. М.-Л., 1924. С. 28–43.

³ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 201, 203.

щины. Таким образом, позиция П.А. Столыпина соответствовала правительственным видам и настроениям правого дворянства.

Размах крестьянского движения в 1905 г., реально угрожавший помещичьему землевладению и пошатнувший основы существовавшего строя, убедил П.А. Столыпина в том, что, сохраняя или модифицируя традиционный уклад русской деревни, невозможно обеспечить устойчивость самодержавия. В связи с этим ставку он предлагал делать не на общину, дискредитировавшую себя в глазах власти и экономически, и политически, а на крестьянина-собственника. Союз крестьянина-собственника и помещика, надеялся будущий реформатор, способен будет создать надежную опору власти. Однако подобный союз, создаваемый лишь за счет общинных земель без учета земельных интересов крестьян, вряд ли породил бы в этой ситуации у новых собственников уважение к собственности помещиков.

3. П.А. СТОЛЫПИН-ПРЕМЬЕР: НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

3.1. На посту министра внутренних дел: попытка компромисса с революцией

26 апреля 1906 г. П.А. Столыпин был назначен министром внутренних дел. В то время Министерство внутренних дел было отнюдь не министерством полиции с относительно узкими полномочиями, а центральным органом в системе государственного управления, которому в том числе подчинялись и местные власти. Министерства были учреждены Манифестом Александра I «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г., в том числе: военное, морское, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции и народного просвещения. Первым министром внутренних дел был граф В.П. Кочубей. Министерству внутренних дел подчинялись: Мануфактур коллегия (кроме экспедиции заготовления и хранения вексельной и гербовой бумаги); Медицинская коллегия; Главная соляная контора; Главное почтовое правление; Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства (кроме дела камерального стола и печатания векселей); губернские правления и приказы общественного призрения, казенные палаты, по устройству и содержанию публичных зданий и по исчислению народонаселения. К ведению МВД Российской империи относились и местные административно-полицейские учреждения, сословные органы дворянства и городских сословий. В 1810 г. произошло выделение из Министерства внутренних дел Министерства полиции, которое и стало выполнять функции благочиния, а за МВД остались функции обеспечения и контроля различных сфер деятельности государства.

3 июля 1826 г. Николай I учредил III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии с целью расширить полицейский аппарат. С этого момента началась история тайной полиции в Российской империи. Изначально III Отделение было организовано из четырех экспедиций. На первую экспедицию было возложено ведение предмета высшей полиции и сосредоточение всех сведений о лицах, состоявших под полицейским надзором; вторая – вопросы сект и расколов, а также рассматривала дела по фальшивым монетам и документам и ведала всеми тюремными учреждениями, в которых находились государственные

преступники; третья – делами о проживающих в России иностранцев; четвертая – перепиской всех происшествий в стране¹. 23 октября 1842 г. была создана пятая экспедиция, которая ведала драматической (театральной) цензурой, надзором за книгопродавцами, типографиями, изъятием запрещенных книг, надзором за изданием и обращением публичных извещий (афиш), составлением каталогов пропущенных из-за границы книг, разрешением издания новых сочинений, переводов, наблюдением за периодическими изданиями. В 1880 г. Собственная его императорского величества канцелярия была сокращена. Все отделения, кроме первого, были переданы соответствующим министерствам.

Некоторым заменителем III Отделения стало Охранное отделение. Первое охранное отделение было создано в 1866 г. при санкт-петербургском градоначальнике после покушения Д.В. Каракозова на императора Александра II. Оно называлось «Отделение для производства дел по охранению общественного порядка и спокойствия в Санкт-Петербурге». 12 мая 1886 г. был утвержден штат Санкт-Петербургского охранного отделения, которое с 9 апреля 1887 г. стало именоваться «Отделением по охранению общественной безопасности и порядка в городе Санкт-Петербурге». Санкт-Петербургское охранное отделение являлось органом Департамента полиции Министерства внутренних дел и непосредственно подчинялось санкт-петербургскому градоначальнику. Отделение имело в своем составе общую канцелярию, охранную команду, центральный филерский отряд и регистрационное бюро. Общая канцелярия состояла из восьми столов. Вторым охранным отделением было Московское, созданное 1 ноября 1880 года по распоряжению министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова. Первое время оно существовало как Секретно-розыскное отделение при Канцелярии московского обер-полицмейстера. В 1881 г. оно было переименовано в Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве. Московское охранное отделение, также являясь органом Департамента полиции Министерства внутренних дел, непосредственно подчинялось московскому градоначальнику. В ряде случаев Московское охранное отделение в своей розыскной деятельности выходило за пределы Москвы и Московской губернии, выполняя роль общероссийского центра политического розыска.

6 августа 1880 г. после упразднения III Отделения был создан Департамент полиции. Он тоже входил в состав Министерства внутренних

¹ Андрианов С.А. Исторический очерк Министерства внутренних дел (1802–1902 гг.). СПб., 1902. С. 98.

дел. В его ведении находились охранные отделения, полицейские учреждения, сыскные отделения, адресные столы и пожарные команды. Круг обязанностей Департамента полиции был следующим: 1) предупреждение и пресечение преступлений и охранение общественной безопасности и порядка; 2) ведение дел о государственных преступлениях; 3) организация и наблюдение за деятельностью полицейских учреждений; 4) охрана государственных границ и пограничных сообщений; выдача паспортов русским подданным, видов на жительство в России иностранцам, высылка иностранцев из России; наблюдение за всеми видами культурно-просветительской деятельности и утверждение уставов различных обществ. Эти обязанности были впоследствии детализированы ведомственными инструкциями и распределены по структурам этого органа.

Предшественником П.А. Столыпина на посту министра внутренних дел был П.Н. Дурново, который занял этот пост на следующий день после увольнения А.Г. Булыгина, 23 октября 1905 г. П.Н. Дурново был назначен «временно-управляющим МВД с оставлением в занимаемой должности» товарища министра. С.Ю. Витте, формируя свой «кабинет», уже понимал, что ошибся: с помощью Манифеста 17 октября 1905 г. «перескочить» через революцию не удалось. «Этим думали успокоить страну, больно переживавшую поражение на Дальнем Востоке. Как известно, результат получился обратный. Либеральные реформы только подзадорили революционные элементы и толкнули их на активные действия», – справедливо заметил В.В. Шульгин¹. Стало ясно, что революции надо противопоставить силу. В беседе с князем С.Д. Урусовым 26 октября 1905 г. С.Ю. Витте «очертил положение дел в стране, упомянул об ожидаемых сопротивлениях созыву Думы со стороны крайних партий, недовольных манифестом, который далеко не соответствовал их радикальным программам; указал на ряд показателей, грозящих возобновлением беспорядков, и высказал решительное мнение относительно предстоящей необходимости поневоле принять ряд принудительных, а затем и карательных мер в отношении противников нового строя, желающих сорвать Думу и заменить мирное развитие государственной жизни крутым переворотом». А это предполагало опытного, энергичного и, главное, способного взять на себя ответственность за непопулярные в обществе репрессии министра внутренних дел. Таковым, по мнению С.Ю. Витте, был П.Н. Дурново, человек «твердый, решительный и знающий организацию русской секретной полиции», давно ему

¹ Шульгин В. Годы. Дни. 1920 г. М., 1990. С. 114; Бородин А. Петр Николаевич Дурново. М.: Алгоритм, 2013. С. 136–206.

известный и ценимый за ум, опытность, работоспособность и в эти дни быстро и умело взявший в руки министерство. При этом, отстаивая кандидатуру П.Н. Дурново перед общественными деятелями, С.Ю. Витте подчеркивал и гуманность П.Н. Дурново-директора Департамента полиции, и разумно-либеральные идеи Дурново-сенатора, и корректность Дурново-товарища министров Сипягина, Плеве, Мирского и Булыгина, и взаимную ненависть Дурново и Плеве, и критическое отношение Дурново к Д.Ф. Трепову, и то, что он видел «единственный выход из создавшегося положения вещей... в широких либеральных преобразованиях и в уничтожении исключительных положений». Возможно, было еще одно обстоятельство, побуждавшее С.Ю. Витте с такой энергией проводить П.Н. Дурново в министры. «Говорили, что Дурново заставил Витте дать ему министерский портфель, угрожая в противном случае предать огласке имевшиеся в его руках письма Витте, которые будто бы могли окончательно скомпрометировать Сергея Юльевича в глазах государя». Видимо, и в этом случае дым был не без огня. Сам С.Ю. Витте писал, что инициатива исходила от П.Н. Дурново: «еще до 17 октября» и «немедленно после 17 октября» он, посещая С.Ю. Витте, «намекал, что единственно, кто мог бы удовлетворить требованиям для поста Министра внутренних дел, это он»¹.

Против был царь. Смущала подмоченная репутация. Даже в конце ноября 1905 г., когда стало ясно, «что самый надежный человек (способный на энергию) среди правительства – Дурново», царю не хотелось «его назначать окончательно, потому что он грязненький (надолго запомнилась история выслеживания португальского посланника у его любовницы правительственными агентами, когда он был директором Департамента полиции)»². Как предполагал С.Ю. Витте, настораживал царя и либерализм П.Н. Дурново, выказанный им в Комитете министров при обсуждении вопросов по указу 12 декабря 1904 г. и в бытность товарищем у А.Г. Булыгина, когда он «либеральничал и соперничал с Д.Ф. Треповым». Только после троекратного ходатайства С.Ю. Витте удалось получить согласие Николая II, да и то условное: «Хорошо, но только не надолго»; и не министром, а лишь управляющим министерством³. Революция оказывалась сильнее всех противников П.Н. Дурново.

Первое время, до непосредственного ознакомления с общим положением страны, «Дурново не отдавал себе отчета о степени опасности,

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 262.

² Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 114.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2... С. 118, 498.

угрожавшей государству», чем и объясняется, по мнению В.И. Гурко, его отрицательная реакция на предложение А.В. Герасимова произвести массовые аресты в столице. Когда же командиры воинских частей гарнизона столицы, кроме Г.А. Мина, заявили на собранном им совещании, что не ручаются за свои части «в случае их привлечения к подавлению народных волнений», а городовые и околоточные одной из частей Санкт-Петербурга отказались исполнять свои обязанности, он осознал масштаб угрозы. «Тем не менее, – продолжал В.И. Гурко, – Дурново не растерялся и без излишней торопливости и нервности продолжал идти по избранному пути. Сильная власть главного руководителя как-то сразу почувствовалась ее исполнителями, как столичными, так и провинциальными, и каким-то магнетическим током передалась им»¹. Вот одно из многих подтверждений: «Во главе Министерства внутренних дел, – вспоминал А.П. Мартынов, – стал Петр Николаевич Дурново, маленький сухонький старичок с ясным умом, сильной волей и решимостью вернуть растерявшуюся власть на место. Несколько ясных и твердых распоряжений – и сонное царство ожило. Все заработало, машина пошла в ход. Начались аресты, запрятали жожаков, и все стало, хотя и понемножку, приходить в норму. Наше управление тоже проснулось от спячки, и мы, как никогда, погрузились в производство громадного числа новых дознаний»².

П.Н. Дурново развернул формирование полицейских команд; увеличил оклады полицейским, отличившимся в борьбе с революционными изданиями (обнаружение, конфискация); околоточным надзирателям ввел ежемесячные надбавки в 10–15 руб.; отличившихся при переводе в провинцию повышал в чинах. Были увеличены силы и средства полиции в ряде городов; в Москве, кроме конного жандармского дивизиона, была образована конно-полицейская стража; отличившиеся полицейские получили награды «на общую сумму 5 000 000 руб.»³. Скоро он приобрел и доверие Николая II. Более других неготовым к борьбе с революцией оказалось судебное ведомство. С мест потоком шли жалобы военных и полицейских на то, что их усилия в борьбе с революцией не находят поддержки судебной власти. «Главный военный

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 511–512; Бородин А. Петр Николаевич Дурново... С. 136–206.

² Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // Охранка: Воспоминания руководителей охранных отделений. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 106.

³ Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1935. С. 48, 51.

суд почти сплошь состоял из лиц, уже не способных к работе; в числе председателей окружных судов были тоже устарелые лица и один даже полуслепой»¹. В результате министром юстиции вместо С.С. Манухина, был назначен М.Г. Акимов.

Борьба с революцией была развернута на основе Закона 14 августа 1881 г., который позволял министру внутренних дел и генерал-губернаторам вводить состояние «усиленной охраны», что существенно расширяло пределы власти административных и полицейских органов, а правительству – состояние «чрезвычайной охраны», что позволяло прибегать к «исключительным мерам». Генерал-губернаторы могли предавать преступников военному суду, а в губерниях, где первых не было, предание военному суду могло быть по соглашению министров внутренних дел и юстиции. По инициативе С.Ю. Витте и отдельных министров правовая база борьбы с революцией была существенно расширена. Так, по предложению П.Н. Дурново Совет министров принял дополнения Правил об охране государственного порядка и общественной безопасности и Правил о полицейском надзоре, что позволило существенно усилить репрессии со стороны полиции и местной власти. Министерство внутренних дел разработало специальное разъяснение местным властям и после одобрения его Советом министров циркулярно разослало в губернии и уезды – местные власти должны были оказывать «решительное противодействие нарушителям законного порядка»: наказывать государственных служащих, виновных в бездействии и небрежении своими обязанностями. Министерство внутренних дел предписало военным губернаторам, губернаторам и градоначальникам следить за благонадежностью служащих, доносить в Департамент общих дел о тех из них, кто поддерживает противоправительственное движение, увольнять их².

В октябре-ноябре 1905 г. власть была растерянна, правительство не прибегало к арестам, опасаясь ухудшить ситуацию. Осторожничал и П.Н. Дурново. «С первого своего свидания с Дурново, – вспоминал А.В. Герасимов, – я настаивал на необходимости больших арестов и в первую очередь ареста Совета рабочих депутатов. Дурново ездил к Витте и возвращался с ответом, что предлагаемые мною меры совершенно немыслимы. Единственное, на что они давали согласие, – это

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. Т. 1. С. 450.

² Бородин А. Петр Николаевич Дурново... С. 136–206; Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982. С. 61, 69.

на конфискацию отдельных, наиболее возмутительных изданий или на арест отдельных лиц... Решение каждого вопроса, каждый арест или конфискация, давались тогда с трудом»¹. 26 ноября 1905 г. по личному распоряжению П.Н. Дурново за подстрекательство и руководство почтово-телеграфной забастовкой был арестован председатель Петербургского Совета рабочих депутатов Г.С. Хрусталева-Носарь. Арест Г.С. Хрусталева вызвал открытый призыв готовиться к вооруженному восстанию. 2 декабря 1905 г. был опубликован «Финансовый манифест», рассчитанный на то, чтобы посеять панику среди обывателей, вложивших свои деньги в сберегательные кассы. Среди современников бытовали подозрения, что правительство спровоцировало вооруженное восстание в Москве, чтобы запугать среднего обывателя. Об этом писал П.Н. Милоков, ссылаясь на письмо в «*Matin*» петербургского корреспондента Пьера Леру, взявшего интервью у Ф.В. Дубасова². Г.М. Катков связывал это с П.Н. Дурново: о нем-де «говорили, что в 1905 г. он спровоцировал рабочее восстание, чтобы подавить его силой оружия»³.

2 декабря 1905 г. в Москве восстал гренадерский ростовский полк, солдаты которого, обратившись с воззванием ко всем частям Московского гарнизона, выдвинули требование созыва Учредительного собрания, освобождения политических заключенных, передачи всего земельного фонда в руки крестьян. Однако командованию московского гарнизона удалось изолировать ненадежные воинские части в казармах и тем самым подавить восстание в самом его начале. 4 декабря 1905 г. московский Совет рабочих депутатов принял решение начать с 7 декабря всеобщую стачку в Москве. В тот же день произошли первые столкновения рабочих с полицией и войсками. Московский генерал-губернатор Ф.В. Дубасов ввел в городе чрезвычайное положение. Власти пытались репрессиями восстановить порядок в городе. Однако, несмотря на разгоны казаками стихийных митингов и демонстраций, ситуация в Москве обострялась. 8 декабря власти арестовали членов Московского комитета РСДРП, а вечером того же дня разогнали рабочий митинг в саду «Аквариум». 10 декабря войска взяли штурмом реальное училище И.И. Фидлера, где располагался штаб боевых дружин. В тот же день вооруженные столкновения дружинников с войсками произошли на Пятницкой улице, у типографии И.Д. Сытина. Эти события послужили началом вооруженного восстания в Москве. В течение 10–17 де-

¹ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1985. С. 47–49.

² «Провокация» или не провокация // Речь. 1906. 26 февраля.

³ Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 410.

кабря 1905 г. в городе шли упорные бои. Главным опорным пунктом восставших стала Пресня, где им под руководством З.Я. Литвина-Седого, М.И. Соколова, В.В. Мазурина удалось продержаться около 10 дней. Главной базой восставших стали Прохоровская (ныне Трехгорная) мануфактура и мебельная фабрика Н.П. Шмидта.

Восстание было разгромлено с помощью прибывших из Санкт-Петербурга и Польши гвардейских Семеновского и Ладожского полков. 19 декабря пал последний оплот восставших – Прохоровская мануфактура. Командир Семеновского полка Г.А. Мин лично судил захваченных дружинников в конторе мануфактуры. 14 человек были расстреляны на месте. Участник восстания машинист эсер А.В. Ухтомский вывел поезд с дружинниками-железнодорожниками из Москвы по Казанской дороге, однако вскоре был схвачен и расстрелян. По неполным данным, в ходе восстания погибло 1059 человек. В конце ноября – начале декабря 1906 г. в Московской судебной палате состоялся суд над 68 участниками восстания, которые были приговорены к различным срокам тюремного заключения и каторги. За свои действия в Москве Г.А. Мин заслужил особую похвалу императора Николая II и был произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту императора, а в апреле 1906 г. получил денежную премию «с присовокуплением царского поцелуя». В.И. Ленин назвал Г.А. Мина «дикой собакой». 13 августа 1906 г. Г.А. Мин был убит на глазах у жены и дочери четырьмя выстрелами в спину на перроне станции Новый Петергоф эсеркой З.В. Коноплянниковой. Он был похоронен в Введенском соборе лейб-гвардии Семеновского полка, который после революции снесли. З.В. Конопляникова была повешена по приговору суда 29 августа 1906 г. Она была первой женщиной, повешенной в России в XX в.¹

Между тем жертвами революционного террора с февраля 1905 г. по май 1906 г. стали: городовые (346 человек – 27 % от общего числа жертв), стражники (257 – 20,2 %), околоточные надзиратели (125 – 9,8 %), гражданские чины (85 – 6,7 %), приставы и их помощники (79 – 6,2 %), урядники (57 – 4,5 %), жандармские нижние чины (55 – 4,3 %), фабриканты и старшие служащие на фабриках (54 – 4,2 %), представители сельской власти (52 – 4,08 %), землевладельцы (51 – 4 %), банкиры и крупные торговцы (29 – 2,27 %), полицмейстеры, уездные начальники и исправники (21 – 1,65 %), агенты охраны (18 – 1,4 %), духовные лица (12 – 0,95 %),

¹ Бондаренко И.И., Климов Д.В. Жертвы политического террора в России (1901–1912 гг.) // Терроризм в России в начале XX в.: истор. вестник. М., 2012. Т. 2 (149). С. 190–215.

жандармские офицеры (8 – 0,63 %), генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники (8 – 0,63 %), строевые офицеры (7 – 0,55 %), вице-губернаторы и советники губернских правлений (5 – 0,4 %), генералы (строевые) – 4 (0,31 %), – всего 1 273 человека¹.

Сам П.Н. Дурново был объектом постоянной охоты террористов, «революционеры травили его как дикого зверя». С точки зрения П.Н. Дурново, терроризм – «это очень ядовитая идея, очень страшная, которая создала силу из бессилия»². Что он мог противопоставить этой напасти? Арсенал средств был невелик. В декабре 1905 г. были проведены аресты главнейших революционных деятелей, при обысках в их помещениях было изъято большое количество оружия и взрывных устройств³. Циркуляром от 24 декабря 1905 г. П.Н. Дурново, ссылаясь на ст. 17 Положения об охране и пункт 1 указа от 29 ноября 1905 г., обязал губернаторов и градоначальников все дела о лицах, избалованных в убийстве и покушении на убийство должностных лиц, «передать на рассмотрение военного суда для суждения виновных по законам военного времени с применением наказания по ст. 279 Устава о наказаниях». Однако аппарат МВД оказался неготовым эффективно бороться с террористами. Его агенты – в центре и на местах – не имели нужного опыта, были терроризированы антиправительственной прессой, скованы физическим страхом. Борьбу правительства с террористами тут же окрестили «правительственным террором» и организовали вокруг него свистопляску. Резкое его осуждение раздавалось иногда и с амвона.

Личный состав Министерства юстиции почти поголовно страдал «судебным формализмом», был настроен либерально, а в части – и революционно. Приходилось подсказывать местным властям, как если не преодолеть сопротивление прокуратуры, то хотя бы его минимизировать: «Ввиду разномыслия с прокурорским надзором, следует по меньшей мере иметь настояние, чтобы никто из арестованных не был освобожден и чтобы виновные подвергались самому строгому наказанию по статьям, примененным прокуратурою»⁴. Среди коллег по кабинету П.Н. Дурново не находил должного понимания и поддержки. Так, на заседаниях Совета министров 20 и 23 декабря 1905 г. и 10 и 13 января 1906 г.

¹ Бородин А. Петр Николаевич Дурново... С. 136–206.

² Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 144.

³ Русское слово. 1906. 10 января.

⁴ Телеграмма Министра внутренних дел временному Иркутскому генерал-губернатору генералу Ласточкину, 8 января 1906 г. // Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг. Документы и материалы. М.; Л., 1932. С. 87.

обсуждался вопрос «Об уголовной репрессии по делам об убийстве чинов войск и полиции и других должностных лиц, падающих жертвами честного соблюдения принятой ими присяги на верность службы». Поскольку в действительности однородные преступления могли, в зависимости от начальствующих, «влечь смертную казнь или же не влечь ее», решили, по предложению министра юстиции М.Г. Акимова, поставить решение в зависимость от закона, а не усмотрения. Однако только часть министров высказалась за «применение смертной казни ко всем лицам, посягнувшим на жизнь должностных лиц по политическим целям»; другая часть была против такого закона. Пришлось идти на уступки: во-первых, закон должен был «действовать лишь в пределах крайней необходимости и относиться только к опаснейшим видам преступлений»; во-вторых, суду предоставлялось ходатайствовать о замене смертной казни бессрочной каторгой. П.Н. Дурново предложил дополнить Положение об усиленной охране постановлением о наказании за изготовление и хранение взрывных снарядов и веществ с целью употребления их для преступлений против жизни должностных или других лиц или для уничтожения сооружений. Мотивы его были серьезными: участились случаи употребления разрывных снарядов, выросли хищения взрывчатки из складов, нарастало производство снарядов вследствие простоты их изготовления. Министр настаивал на предании «виновных во всех таковых случаях военному суду и смертной казни». Однако и в этом случае некоторые из членов кабинета настаивали на том, чтобы «выделить из всех прочих категорий метание разрывных снарядов, которое не может быть подведено под понятие покушения на убийство должностных лиц».

Крестьянские волнения, захлестнувшие весной 1905 г. почти всю Европейскую Россию и почти затихшие летом, в октябре–ноябре разгорелись с новой силой. Правительство вынуждено было пойти на чрезвычайные меры: губернии объявлялись на положении усиленной охраны (29 октября – Черниговская и часть Саратовской и Тамбовской; 30-го – вся Тамбовская; 4 ноября – Курская и Пензенская); на места командировались генерал-адъютанты с особыми полномочиями (Ф.В. Дубасов – в Черниговскую, Курскую, Орловскую и Полтавскую; А.П. Струков – в Тамбовскую и Воронежскую; В.В. Сахаров – в Саратовскую и Пензенскую). Губернаторам было предоставлено право удовлетворять просьбы помещиков об учреждении на их средства полицейских должностей и команд для охраны имений. Анализируя причины крестьянских волнений, П.Н. Дурново приходил к выводу, что основная среди них – революционная агитация. По инструкции начальникам

карательных экспедиций, разработанной по инициативе П.Н. Дурново главным военным прокурором В.П. Павловым, немедленному расстрелу «при несомненной доказанности виновности» подлежали следующие категории: подстрекатели «отдельных лиц или целых групп населения на изменение в России образа правления»; подговаривавшие «других к вооруженному восстанию против правительства»; имевшие в своем распоряжении «средства для взрыва или склад оружия»; готовившие ниспровержение существующего государственного строя или подстрекавшие к этому других; подговорщики и подстрекатели к истреблению, повреждению, вымогательству и вооруженному нападению на недвижимое имущество частных лиц и виновные в перечисленных преступлениях; нападавшие «на законных должностных лиц с целью принудить их под угрозой смерти отказаться от своих прав и обязанностей»¹. Для подавления крестьянских волнений широко использовались войска.

С начала 1906 г. у С.Ю. Витте стало крепнуть желание отделаться от П.Н. Дурново. Революция заметно шла на убыль, нужда в нем приуменьшалась, да он оказывался и помехой: чрезмерные репрессии стали, по мнению С.Ю. Витте, причиной крайне неблагоприятных для правительства результатов выборов в Государственную Думу; раздражало вошедшее в обиход прессы словосочетание «кабинет Витте – Дурново»; представлялось невыносимым предстать перед Думой, имея в составе своего кабинета столь одиозную фигуру. Более того: утверждение его в должности министра и другие царские милости по адресу П.Н. Дурново заставляли опасаться, не заменит ли он Витте в кресле председателя Совета министров². Справедливо полагая, что Николай II не согласится по его, С.Ю. Витте, желанию заменить П.Н. Дурново другим кандидатом, С.Ю. Витте подал прошение об увольнении, мотивируя его преимущественно расхождением с П.Н. Дурново³. По-видимому, и Николай II не собирался с ним расставаться. С.Ю. Витте рассказывал, что за два дня до указа об увольнении П.Н. Дурново его жена заезжала к жене С.Ю. Витте и «говорила о том, что государь просил ее мужа остаться и что вот теперь она едет на Аптекарский остров осматривать дачу министра внутренних дел, так как они намерены в самом непро-

¹ Бородин А. Петр Николаевич Дурново... С. 136–206; Революция 1905 г. Материалы и официальные документы. М., 1925. С. 296–297.

² Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний Центрального комитета. М., 1996. Т. 1. 1905–1907 гг. С. 47.

³ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 419, 501.

должительном времени туда переехать»¹. Однако «новый кабинет не пожелал нести за действия его ответственность перед новою Думою»² и 21 апреля в Совете министров П.Н. Дурново «сообщил, что он во время последнего своего всеподданнейшего доклада (20 апреля) спросил государя о своей дальнейшей судьбе, причем его величество изволил указать, что считает нужным, хотя и с сожалением, расстаться с ним; тогда он подал прошение об отставке»³. Прощение это, написанное им собственноручно, «было очень кратко. Указывая, что при назначении ему была поставлена одна лишь задача: так ли иначе ли, водворить порядок – он эту задачу исполнил, а потому – просит об увольнении». Уволен П.Н. Дурново с подарком 200 тыс. руб., любезным рескриптом, пожалованием в статс-секретари с оставлением сенатором и членом Государственного Совета; при этом за ним сохранялись содержание по должности министра (18 тыс. руб.) и аренда (3 тыс. руб.).

27 апреля 1906 г. П.Н. Дурново был в Зимнем дворце⁴. Затем уехал за границу. 19 августа Т.А. Леонтьева убила Ш. Мюллера, приняв его за П.Н. Дурново. 21 августа П.Н. Дурново выехал из Берлина нордэкспрессом домой. Директор Департамента полиции приказал жандармскому подполковнику Мясоедову в Вержболове «учредить самую тщательную охрану». Переезд П.Н. Дурново из казенной квартиры на частную (Моховая, 27) вызвал переполох среди других квартиронанимателей: боясь теракта, они заявили, что вынуждены будут приискивать себе другие квартиры⁵. Видимо, в связи с терактом Леонтьевой П.Н. Дурново стал весьма подозрительным. Для него была организована охрана: двойная смена городских в подъезде квартиры и 6 агентов охранной полиции; при выходе из квартиры за ним следовал опытный пожилой агент охранного отделения Дмитриев; женская прислуга в квартире менялась каждые 2–3 дня; были столь же строгие предосторожности и в отношении пищи; сам П.Н. Дурново внимательно просматривал «газеты прогрессивного направления»⁶.

Впервые П.Н. Дурново и П.А. Столыпин встретились в августе 1904 г. П.Н. Дурново после убийства В.К. Плеве исполнял обязанности

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 732.

² Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 105; Бородин А. Петр Николаевич Дурново... С. 278–295.

³ Воспоминания Министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. // Мемуары русской профессуры / сост. Л.И. Толстая. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. С. 224.

⁴ Кони А.Ф. Избранное. М., 1989. С. 101.

⁵ Свобода и Жизнь. 1906. 9 октября.

⁶ Биржевые ведомости. 1906. 31 октября.

министра внутренних дел. П.А. Столыпин, бывший тогда Саратовским губернатором, просил у В.К. Плеве отпуск (с 1 июля), но так и не получил ответа (В.К. Плеве не успел), 31 июля П.А. Столыпин приехал в Санкт-Петербург. П.Н. Дурново из-за торжеств по случаю рождения наследника принял П.А. Столыпина только 2-го августа. «Дурново встретил меня крайне неприятно; высказал, что перед холерою, казалось бы, я должен быть в Саратове и прочее. Уходя после длинной деловой беседы, я ему высказал, насколько неприятно меня поразила манера его встречи. Он засмеялся и сказал – не обращайтесь внимания». «Все хорошо и прекрасно, – заметил по-французски П.А. Столыпин, – но я к подобному не привык»¹. Заподозрив П.А. Столыпина в манкировании службой (в Саратовской губернии назревала холера, а губернатор отправился в отпуск), П.Н. Дурново к концу беседы был, по-видимому, вполне удовлетворен состоянием дел в губернии и деловыми качествами П.А. Столыпина. В 1905 г., в условиях охвативших страну крестьянских волнений, министр внутренних дел оценил Саратовского губернатора: 4 января 1906 г. по докладу П.Н. Дурново император телеграммой объявил П.А. Столыпину «сердечную благодарность» за подавление «беспорядков в пределах Новоузенского уезда Самарской губернии», отметив при этом «примерную распорядительность», «личную инициативу» и «верную службу»². Ходили слухи, что П.А. Столыпин из губернаторов попал в министры по рекомендации П.Н. Дурново. Тем не менее добрые отношения между ними не сложились.

После отставки всего кабинета С.Ю. Витте 24 апреля 1906 г. именным высочайшим указом председателем Совета Министров был назначен И.Л. Горемыкин. Из министров, входивших в состав предыдущего кабинета, в него вошли лишь те, которых имел право назначить только сам царь: военный министр А.Ф. Редигер, морской министр А.А. Бирелев и министр императорского двора В.Б. Фредерикс. Все остальные министры были заменены. В новый состав правительства вошли: П.А. Столыпин, И.Г. Щегловитов, В.Н. Коковцов, Н.К. Шауфгаузен-Шенберг-эк-Шауфус, А.С. Стишинский, П.М. фон Кауфман, А.П. Извольский, П.Х. Шванебах и А.А. Ширинский-Шихматов. Д.А. Филофоров сменил должность государственного контролера, которую он занимал в правительстве С.Ю. Витте, на пост министра торговли и промышленности. Правительство И.Л. Горемыкина просуществовало недолго, всего два с половиной месяца, до 8 июля 1906 г. «Странное сбो-

¹ П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 562.

² Революция 1905 года и самодержавие. М.; Л., 1928. С. 169.

рище чиновников представлял из себя этот кабинет, – замечал министр иностранных дел А.П. Извольский, – они не были связаны ни общими интересами, ни общей программой, если исключить их антипатию к новому порядку вещей, особенно к принципу ответственного (перед Думой) правительства»¹.

Мало кто из сотрудников И.Л. Горемыкина сомневался в его профессиональной непригодности к ведению дел в новых исторических условиях. В.Н. Коковцов считал, что «едва ли даже способен он просто выполнить свой долг перед государем в такую минуту, для которой он не обладает ни одним из самых необходимых условий»². А.П. Извольскому фигура И.Л. Горемыкина «казалась незначительной» и в качестве предположения, почему именно он был выбран Николаем на этот пост, он обращает внимание на особую любовь к этому чиновнику императрицы. Ей нравилось «упрямство, с которым он обнаруживал свои ультрамонархические чувства». П.А. Столыпин в беседе с В.Н. Коковцовым говорил, что «ему указывают со всех сторон, что личность Горемыкина ...встречает везде самое недвусмысленное осуждение. Ему никто не верит, ибо все знают его величайший индифферентизм и даже цинизм, его угодливость всякому заявлению государя»³. Единственным человеком, который симпатизировал работе И.Л. Горемыкина в бытность его председателем Совета министров в первый раз, был А.Ф. Редигер. В своих мемуарах он писал, что И.Л. Горемыкин «был очень спокоен, ровен и вежлив, при нем заседания Совета министров приобрели совсем иной характер, чем при Витте: они стали спокойным собеседованием членов Совета, причем Горемыкин, однако, сохранил за собой решение вопросов, но это решение он высказывал таким отечески спокойным и вежливым тоном, что этим устранялась всякая обида, столь же спокойно и вежливо он прерывал длинные речи, и заседания от этого стали короче»⁴.

Фигура 66-летнего И.Л. Горемыкина, выбранного Николаем II на роль главы нового состава правительства в крайне ответственный момент – накануне созыва Государственной думы, вызывала недоумение и в среде бюрократии, и в общественных кругах. Создавались негатив-

¹ Извольский А.П. Воспоминания. Петроград-М., 1924. С. 64.

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Париж, 1933. Т. 1. С. 157.

³ Там же. С. 181.

⁴ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания Военного министра: в 2 т. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. Т. 2. С. 27.

ные предпосылки к тому, чтобы попытаться достигнуть соглашения хотя бы с умеренной либеральной оппозицией. Ситуацию усугубляли и другие, весьма знаковые шаги «исторической власти» – от поспешного утверждения 23 апреля 1906 г., за четыре дня до открытия Думы, Основных законов Российской империи до отказа от внесения на рассмотрение депутатов важнейших законопроектов, позволяющих провести преобразования в духе Манифеста 17 октября 1905 г. Единственный направленный в Думу законопроект – о кредите на строительство котельной при оранжерее и прачечной в Юрьевском университете – воспринимался как явное издевательство и вызов народному представительству. Подтверждались опасения В.Н. Коковцова, откровенно высказанные Николаю II, о последствиях назначения премьером малоподходящего в нынешних условиях И.Л. Горемыкина: «Личность Ивана Логгиновича, его величайшее безразличие ко всему, отсутствие всякой гибкости и прямое нежелание сблизиться с представителями новых элементов в нашей государственной жизни, все это не только не поможет сближению с ними, но послужит скорее лозунгом для усиления оппозиционного настроения». Царя же, напротив, устраивало, чтобы будущий глава правительства, ничем не напоминая С.Ю. Витте, был полностью управляем и лично предан: «Для меня главное то, что Горемыкин не пойдет за моей спиной ни на какие соглашения и уступки во вред моей власти, и я могу ему вполне доверять, что не будет приготовлено каких-либо сюрпризов, и я не буду поставлен перед совершившимся фактом, как было с избирательным законом, да и не с ним одним»¹.

И.Л. Горемыкин вызывал у всего спектра оппозиционных деятелей устойчивое раздражение. «Роль "пустого" места, по-видимому, предназначается господину Горемыкину, – предрекал лидер кадетов П.Н. Милюков за несколько дней до созыва Думы в газете "Речь". – Судьба этого политического деятеля очень оригинальна. Ему как-то удалось, при полной политической бесцветности, создать себе некоторую репутацию – по контрасту... И вот опять господину Горемыкину придется, кажется, занять чуждое место, не благодаря собственным достоинствам, а благодаря чужим недостаткам». Считавшихся же более либеральными министрами П.А. Столыпина и И.Г. Щегловитова он объявлял «корректными исполнителями некорректных поручений»². Даже внешний облик И.Л. Горемыкина, по соседству с которым особенно эффектно

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Т. 1. С. 152.

² Милюков П. Год борьбы. Публицистическая хроника 1905–1906 гг. СПб., 1907. С. 308–309.

выделялся П.А. Столыпин, оказывался символичен, порождал ассоциации с отживающей свой век самодержавной «бюрократией». Кадет В.А. Оболенский вспоминал о присутствовавших в Таврическом дворце министрах: «Впереди, с краю, маленький сутулый старичок Горемыкин с невыразительным лицом и с длинными белыми бакенбардами – совершенный Фирс из "Вишневого сада", рядом с ним – красивый и изящный Столыпин»¹. «Невысокий, сгорбленный, с длинными, старомодными седыми баками, как носили дворецкие в барских домах, Горемыкин всем своим обликом олицетворял уходящую в прошлое сановную бюрократию. Говорить речи он, конечно, не умел, пожалуй, обиделся бы, если бы кто-нибудь заподозрил в нем претензию на красноречие»².

Почему Николай II на пост министра внутренних дел выбрал именно П.А. Столыпина? Уже в начале 1905 г. инициативный губернатор стал пользоваться большой популярностью в Санкт-Петербурге. Он был одним из претендентов на вакантную должность управляющего Крестьянским поземельным банком. Из переписки П.А. Столыпина с В.Н. Коковцовым и с женой О.Б. Столыпиной мы знаем, что уже в марте 1905 г. саратовский губернатор был приглашен в Санкт-Петербург, где он вел переговоры с министром финансов о его предполагаемом назначении на должность управляющего Крестьянским поземельным банком. Встреча с В.Н. Коковцовым состоялась 4 марта 1905 г. «Вот существо его и моей речей: "Я остановился на вас, – сказал он, – так как слышал о вашей деятельности и энергии, доложил государю, назвав 2 имени, и государь сказал, что выбор вас будет самый лучший, так как у вас твердо определенные взгляды и богатая энергия"»³. Но П.А. Столыпин от этой должности отказался, мотивируя это тем, что, уходя из Министерства внутренних дел, он тем самым «сжигает корабли», иными словами, ставит крест на служебной карьере и не сможет вновь затем вернуться в систему государственного управления. К тому же, как человек долга, он не мог оставить Саратовскую губернию в период революции.

Впервые кандидатура П.А. Столыпина на пост министра внутренних дел была предложена князем А.Д. Оболенским в октябре 1905 г. на совещании, которое проводил председатель Совета министров граф С.Ю. Витте. Об этом вспомнил 15 сентября 1911 г. на заседании ЦК Со-

¹ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 340.

² Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Лондон, 1990. С. 296.

³ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 571; Кабытов П.С. П.А. Столыпин в 1906 г.: в поисках равноденствующей // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. № 3. С. 740–749.

юза 17 октября его лидер А.И. Гучков. Заседание было посвящено памяти П.А. Столыпина. А.И. Гучков сообщил, что после долгих переговоров С.Ю. Витте взял телеграфный бланк и написал П.А. Столыпину вызов в столицу, но затем на второй день министром внутренних дел был назначен П.Н. Дурново¹. С.Ю. Витте в своих воспоминаниях эту ситуацию воспроизводит иначе. Он писал, что к предложению А.Д. Оболенского о назначении П.А. Столыпина министром внутренних дел «некоторые участники совещания отнеслись "сочувственно"; двое заявили, что Столыпин не знает; один заявил, что, насколько ему известно, Столыпин в своих действиях и мнениях неопределен и изменчив. Граф же Витте на это предложение никак не реагировал, никакой депеши Столыпину не давал»². На совещании присутствовали Д.Н. Шипов, А.И. Гучков, Е.Н. Трубецкой, князь С.Д. Урусов и М.А. Стахович. Сам же П.А. Столыпин писал по этому поводу жене 29 октября 1905 г.: «Не верь газетной утке, что мне предложили пост Министра внутренних дел. Слава богу, ничего не предлагали, и я думаю о том, как бы с честью уйти, потушив с божьей помощью пожар»³.

Как писал в своих воспоминаниях В.И. Гурко, назначенный Николаем II на должность председателя Совета министров И.Л. Горемыкин сумел быстро сформировать новый кабинет министров. Затруднения у него возникли лишь при подборе кандидата на должность министра внутренних дел. Он должен был предложить императору или П.А. Столыпину, или смоленского губернатора Н.А. Звегинцева. В.И. Гурко сообщил И.Л. Горемыкину, что Н.А. Звегинцев пользуется весьма плохой репутацией: будучи уездным предводителем дворянства в Воронежской губернии, растратил суммы губернской дворянской опеки, «а ныне на должности смоленского губернатора слывет за взяточника»⁴. Конечно, назначение П.А. Столыпина на высшую государственную должность породило множество толков и слухов. Многие считали, что восхождением к власти он обязан своему родственнику по линии жены Д.Б. Нейдгардту. Определенную роль сыграли и обер-прокурор Святейшего Синода князь А.Д. Оболенский, и управляющий кабинетом его величества князь Н.Д. Оболенский, которого в узком дружеском круге П.А. Столыпина называли «Котя». Определенное участие в выдвижении П.А. Столыпина проявил товарищ министра внутренних дел Д.Ф. Трепова.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2... С. 900–901.

² Там же. С. 903.

³ Столыпин П.А. Переписка... С. 538.

⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 540.

Назначение П.А. Столыпина на должность министра внутренних дел состоялось после отставки С.Ю. Витте и П.Н. Дурново. П.А. Столыпин просто был вызван в Санкт-Петербург телеграммой председателя Совета министров И.Л. Горемыкина в конце апреля 1906 г. и за день до намеченного на 27 апреля созыва Государственной думы приглашен в Царское Село. Предложение Николая II занять пост министра внутренних дел в новом составе правительства не предполагало возможности отказа. Выслушав опасения П.А. Столыпина, что его опыта работы в провинции может оказаться недостаточно в столь тревожное время и поэтому он просит хотя бы временно назначить его сначала товарищем министра, государь кратко резюмировал: «Тогда я вам приказываю». П.А. Столыпину не оставалось ничего иного, как верноподданнически поцеловать руку самодержцу¹.

При назначении П.А. Столыпина на должность министра внутренних дел Николай II заявил И.Л. Горемыкину, что у П.А. Столыпина «твердо определенные взгляды и большая энергия»². В.Н. Коковцов в воспоминаниях писал о том, какое впечатление произвел П.А. Столыпин на царя в первые дни на посту министра внутренних дел: «Он (П.А. Столыпин) все больше и больше нравился ему ясностью его ума и ему кажется, что он обладает большим мужеством и чрезвычайно ценным другим качеством – полной откровенностью в выражении своего мнения»³. Брат П.А. Столыпина – Александр считал, что назначил Николай II П.А. Столыпина министром внутренних дел «по своему личному почину». Вместе с тем попытки П.А. Столыпина установить взаимодействие с либерально настроенной земской интеллигенцией и гласными городских дум так или иначе способствовали формированию представлений о нем как о либерале. В связи с этим на П.А. Столыпина в Санкт-Петербурге возлагали надежды на то, что ему удастся установить приемлемые для верховной власти отношения с Государственной Думой. Как сообщал жене П.А. Столыпин, император предписывал ему «поставить в какую-нибудь возможность работу совместную с народным представительством»⁴. Судя по всему, П.А. Столыпин был

¹ Архипов И. П.А. Столыпин: «призрачный» путь к реформам // Звезда. 2012. № 12. С. 140–165.

² РГИА. Ф.1662. Оп. 1. Д. 237. Л. 100; Кабытов П.С. П.А. Столыпин в 1906 г.: в поисках равноденствующей... С. 740–749.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. ... С. 165.

⁴ Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862–1911 гг.). Саратов, 2002. С. 119.

наиболее приемлемой кандидатурой для умиротворения страны и проведения либеральных реформ.

Полного доверия к П.А. Столыпину, подозревавшемуся в чрезмерной «левизне», не было даже у председателя правительства. С.Е. Крыжановский вспоминал, что И.Л. Горемыкин, поручив ему уже в первые дни после открытия Думы подготовку изменений избирательного закона, потребовал не рассказывать об этом, в частности, П.А. Столыпину: «В чем была причина – не знаю, могу только догадываться, что ею служило сомнение в политической позиции Петра Аркадьевича, имевшее основание в некоторых его действиях в период выборов в качестве Саратовского губернатора, получивших к тому времени огласку»¹. К примеру, когда после объявления Манифеста 17 октября 1905 г. по России начались черносотенные погромы, П.А. Столыпин, возвратившись из отпуска, для прекращения продолжающегося уже два дня погрома сразу отдал приказ войскам открыть огонь: три погромщика были убиты и восемнадцать ранены. Во время выборов в Думу он отказался выполнить указание министра внутренних дел П.Н. Дурново оказывать давление на избранных от Саратовской губернии крестьян-депутатов, с тем чтобы в Санкт-Петербурге они останавливались в особом «общежитии», устроенном при поддержке МВД полковником М.М. Ерогиным, и сразу попадали под опеку полиции. П.А. Столыпину показался недостойным такой способ «охранения» от левых политических влияний крестьянских избранников (на которых, как известно, власть собиралась сделать ставку, уповая на традиционный монархизм и консервативность крестьянской массы), при этом получило огласку секретное письмо П.Н. Дурново.

Начало вхождения в состав высших эшелонов власти было самым трудным для П.А. Столыпина, поскольку он еще не освоился как со своими новыми обязанностями, так и со своим положением. П.А. Столыпин отмечал, что государственная работа дается ему нелегко и подавляет своим разнообразием, «бездна вопросов, идей, какими необходимо овладеть, чтобы справиться с нею»². 26 апреля 1906 г. он писал жене: «Вчера судьба моя решилась. Я – Министр внутренних дел в стране окровавленной, потрясенной, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая

¹ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 488.

² Шубинский И.П. Памяти П.А. Столыпина. М., 1913. С. 17; Кабытов П.С. П.А. Столыпин в 1906 г.: в поисках равноденствующей... С. 740–749.

вера в бога». И далее он продолжал: «Я надеюсь побыть министром 3–4 месяца. Выдержать продолжающийся шок, поставить в какую-нибудь возможность работу с народными представителями и этим оказать услугу родине». П.А. Столыпин отчетливо осознавал, что он должен противостоять сплоченной и организованной думской оппозиции. «Вся Дума страшно настроена, обозлена основными законами, изданными помимо Думы, до формирования Думы, до формирования кабинета, и будут крупные скандалы»¹.

Ему необходимо было решить ряд важнейших проблем. Прежде всего, он должен был в кратчайшие сроки установить отношения не только с окружением императора и правительством, но и найти сотрудников для своего министерства. «С удивительной быстротой, – отмечал В.И. Гурко, – разобрался Столыпин в петербургской придворной и бюрократической сложной обстановке и сумел быстро завязать связи с теми кругами и лицами, которые были наиболее влиятельны, в чем ему помогло его обширное родство, причем делал он это не ради укрепления своего личного положения, а в целях усиленного осуществления своих политических предположений»². О том, что П.А. Столыпин смог быстро разобраться в сложнейшей иерархии отношений и в хитросплетениях при императорском дворе, свидетельствует и то, что путь от министра до Председателя Совета министров был пройден им в кратчайшие сроки. Росту авторитета П.А. Столыпина способствовало несколько факторов. Отметим все возрастающее доверие к новому министру внутренних дел со стороны царя, которому весьма импонировали его решительные действия, направленные на умиротворение страны. Помимо Николая II, П.А. Столыпина поддерживала вдовствующая императрица Мария Федоровна.

На первых порах, особенно в период деятельности I и II Государственных дум, Николаю II импонировала активность П.А. Столыпина. Так, он принял деятельное участие в подготовке правительственной декларации для I Государственной Думы. Солидаризуясь с А.П. Извольским, он считал, что с декларацией должен выступать не император, а председатель Совета министров И.Л. Горемыкин. Эта идея была поддержана и В.Н. Коковцовым, который в личной беседе с царем доказывал, что «такой шаг не только не предусмотрен в законе, но и не желателен по существу потому, что он создал бы нежелательный прецедент непосредственного конфликта монарха с народным представителем».

¹ Столыпин П.А. Переписка... С. 605–606.

² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 542.

ством». Вскоре П.А. Столыпин убедился в том, что заседания Совета министров носят формальный характер. Причины этого крылись в том, что И.Л. Горемыкин рассматривал «это учреждение как бесполезное новшество». Поэтому на фоне внешне аморфного Председателя Совета министров И.Л. Горемыкина П.А. Столыпин выглядел более предпочтительно.

Первое правительство И.Л. Горемыкина было переходным, оно просуществовало всего два с половиной месяца. Образ сановного старца, не вполне адекватного острой политической ситуации, органически не принимавшего все новое в государственной жизни России, будет неизменно встречаться в воспоминаниях. Так, согласно мемуарам министра внутренних дел В.И. Гурко, И.Л. Горемыкин не скрывал своего неприятия «зловредной» Думы и как будто бы игнорировал новые веяния времени, насущную потребность в реформировании социальных, правовых структур¹.

По мнению В.И. Гурко, «выдающейся чертой характера Горемыкина и его умственного настроения, чертой, с годами все больше в нем развивавшейся, было ничем не возмутимое спокойствие, очень близко граничившее с равнодушием. Именно этой чертой, надо полагать, объяснялась и некоторая его склонность к учению Толстого о непротивлении злу... Не трогайте, не делайте ничего – само все устроится, все "образуется" – вот к чему сводилось его основное жизненное правило и чему научил его служебный жизненный опыт. Любимым, постоянно им повторяемым выражением было "все пустяки", что обозначало – не надо горячиться, не надо волноваться, следует спокойно ожидать, чтобы события и время сами лишили вопрос дня его остроты. Тогда само все устроится – зрелый плод от одного прикосновения свалится вам в руки либо сгниет и тем самым просто исчезнет»².

Далее В.И. Гурко продолжал: «К такому образу действия, а вернее, к такому бездействию побуждало Горемыкина и другое его свойство – присущая ему в высокой степени лень. Это не была лень мысли, ум его постоянно работал и тонко разбирался в окружающей обстановке, а лень всякого "дела"; впрочем, это даже не была лень в точном смысле слова, а очень близкое к этому свойству – опасение всякого беспокойства, опасение чем-либо нарушить свой покой. Глубокий эгоист и при

¹ Соловьев К. «Я напоминаю старую енотовую шубу»: Иван Горемыкин – премьер-министр России // Родина. 2012. № 2. С. 81–84; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 538.

² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 75.

этом сибарит, очень ценивший комфорт во всех его видах, Горемыкин как-то инстинктивно избегал всего, что могло бы повлиять на спокойное, размеренное, вперед тщательно рассчитанное и приуроченное течение его жизни. Свои личные дела Горемыкин вел превосходно. Будучи безусловно честным человеком, он, однако, составил себе к концу жизни прекрасное состояние исключительно бережливостью и хозяйственностью и умением использовать все свои обширные связи и знакомства, не прибегая при этом к предосудительным средствам. Вообще, людьми Горемыкин умел пользоваться превосходно, умел подбирать полезных для себя сотрудников и использовать знания и способности каждого в полной мере, умел, как говорится, чужими руками жар загребать. Широкого размаха у него не было и в помине, щедростью он отнюдь не отличался, и даже благодарности за оказанные ему услуги не испытывал, а за исключением близких ему лиц, то есть собственно семьи в самом тесном смысле слова, едва ли кого-либо любил. Политику свою он строил преимущественно на собственных, а не на государственных интересах, а при столкновении этих двух интересов отдавал предпочтение собственным. Основывал же он свою даже государственную политику на глубоко продуманных, всесторонне и тонко рассчитанных, но маленьких средствах»¹.

И.Л. Горемыкин не скрывал своего неприятия «зловредной» Думы и как будто бы игнорировал новые веяния времени, насущную потребность в реформировании социальных, правовых структур². В его поведении В.И. Гурко усматривал полнейшее равнодушие к происходящему. Когда министры убеждали И.Л. Горемыкина в необходимости скорейшего роспуска I Думы, «белорыбица» меланхолично поглощал простоквашу, будто бы и не замечая своих товарищей по кабинету³. Министр иностранных дел А.П. Извольский описывал скушающего И.Л. Горемыкина в кресле председателя Совета министров, лениво «отмахивавшегося» от всех нововведений в области государственного управления. Он с усмешкой говорил о наивности своих коллег, ставивших вопрос о политическом кризисе, требовавших принятия экстренных мер⁴. Думу же он просто не замечал. По словам А.П. Извольского, И.Л. Горемыкин

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 76.

² Соловьев К. «Я напоминаю старую енотовую шубу»: Иван Горемыкин – премьер-министр России // Родина. 2012. № 2. С. 81–84; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 538.

³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 568.

⁴ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 115.

«публично заявил, что даже не сделает им [депутатам] чести рассуждать с ними, но будет поступать так, как будто их не существует»¹. Министр финансов В.Н. Коковцов вспоминал человека с выражением полного безразличия на лице, безразлично относившегося к законодательным учреждениям² и в то же время сохранявшего загадочное молчание, когда отношения между правительством и депутатами становились все более напряженными³.

В период премьерства И.Л. Горемыкина объединенное правительство существовало лишь номинально. Примечательно, что А.П. Извольский дал весьма низкую оценку Совету министров, в который он сам и входил: «Кабинет Горемыкина – сходбище ничтожных людей, которые ожидают событий, но не в состоянии ни их предвидеть, ни их направлять»⁴. Впрочем, и «белорыбица» довольно критично относился к своим коллегам по правительству. В частности, он жаловался императору на разномыслие среди министров, которые выносили на суд царя даже второстепенные вопросы⁵. Заседания высшей правительственной коллегии поначалу отличались вопиющей беспорядочностью. Они даже проходили не за столом. Министры были «разбросаны» по комнате. Это придавало собраниям характер салонной беседы, на которые руководители ведомств регулярно опаздывали. И.Л. Горемыкин же «председательствовал... вяло, но одновременно с таким видом, что, дескать, болтайте, а я поступлю по-своему»⁶. Согласно воспоминаниям всезнающего журналиста газеты «Речь» Л.М. Клячко, «в заседаниях Совета министров он никогда не спорил, никогда не возражал, не вносил никаких предложений. Он сидел в застывшей позе. Если он иногда вставлял несколько слов, то это отмечалось как исключительное явление. Единственно, за чем он следил, это за тем, чтобы не нарушились prerogatives монархии»⁷. И.Л. Горемыкина чаще всего вспоминали в состоянии полудремы. Впрочем, он спал и в Думе, не обращая внимания на экзальтацию депутатов⁸. Меж тем этот немолодой, флегматичный и вечно дремавший человек оказал существенное влияние на формирование состава Совета министров. Так, он добился отставки министра иностран-

¹ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 109.

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания... С. 148–149.

³ Там же. С. 173.

⁴ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 69. Л. 135.

⁵ Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 520. Л. 18.

⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 553.

⁷ Клячко Л.М. Повести прошлого. Л., 1929. С. 23.

⁸ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 346.

ных дел В.Н. Ламздорфа, предложил кандидатуру Н.К. Шауфуса на пост министра путей сообщений. Именно по его настоянию министром внутренних дел стал П.А. Столыпин¹. У И.Л. Горемыкина было и собственное представление об учреждении, которым он руководил. В частных разговорах он прямо утверждал, что все правительство – в одном царе и его воля не подлежит обсуждению².

Политический дебют П.А. Столыпина в Думе состоялся 8 июня 1906 г., в связи с депутатским запросом князя С.Д. Урусова. П.А. Столыпин пришел в первый раз выступить в Думе, хотя формально не обязан был отвечать на запрос о событиях, случившихся до созыва народного представительства и до начала своей работы в правительстве. Депутатский запрос С.Д. Урусова, в недавнем прошлом товарища министра внутренних дел, затрагивал факты незаконной деятельности сотрудников Департамента полиции и конкретных жандармских офицеров, которые, в частности, организовали типографию, где печатались, а затем распространялись агитационные «погромные воззвания». Обращаясь к депутатам оппозиционной почти в полном составе Думы, глава МВД заявлял с необычной для высокопоставленного чиновника прямотой о желании лично разобраться с фактами произвола и беззакония во вверенном ведомстве, включая Департамент полиции: «Недомолвок не допускаю и полуправды не признаю». Откровенно рассказав о выявленных злоупотреблениях и санкциях, последовавших в ряде случаев, П.А. Столыпин четко обозначил свою принципиальную позицию: «Для Министра внутренних дел, однако, несомненно, что отдельные чины корпуса жандармов позволяли себе, действуя вполне самостоятельно, вмешиваться в политическую агитацию и в политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти действия неправильны, и министерство обязывается принимать самые энергичные меры к тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторения их не будет»³.

П.А. Столыпин всерьез надеялся, что, обличив пороки прошлой деятельности Министерства внутренних дел и списав их на издержки смутного времени, сможет все-таки запрограммировать некие «правила игры», позволяющие работать с Думой. Уверенный в своей правоте, он пытался донести до депутатов, что видит свой долг в обеспечении по-

¹ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1869–1917 гг. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 88.

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания... Т. 1. С. 180.

³ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия! // Полное собрание речей П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 2011. С. 36–37; Архипов И. П.А. Столыпин: «призрачный» путь к реформам... С. 140–165.

рядка, спокойствия и защите жизни граждан от любого насилия, несмотря даже на несовершенство существующих законов: «Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым». Обращало на себя внимание и то, что министр П.А. Столыпин, выступая перед Думой – одной из составляющих законодательной ветви власти, – вел себя подчеркнуто «конституционно»: «Согласно понятию здравого правосознания, мне надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России (шум, свистки)... Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не вправе, изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы (шум, крики: отставка!)»¹.

«Я должен сказать, что по приказанию государя я, вступив в управление Министерством внутренних дел, получил всю полноту власти и на мне лежит вся тяжесть ответственности. Если бы были призраки, которые бы мешали мне, то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков я не знаю», – отвечал не просто с чувством собственного достоинства, но и с демонстративной самоуверенностью министр внутренних дел П.А. Столыпин. Это утверждение, впрочем, на фоне сенсационных заявлений С.Д. Урусова не произвело на депутатов и публику сильного впечатления, способного убедить в беспочвенности предположений о «двоевластии» и «теневых влияниях». Хотя в целом газеты были достаточно лояльны при описании первого появления в Думе П.А. Столыпина и даже позволяли проскальзывать дозированным симпатиям. «Господин Столыпин слушал речь Урусова с глубоким смущением, – отмечал репортер "Биржевых Ведомостей". – Его последняя реплика, которую он произнес с дрожащим от волнения голосом, свидетельствовала, что он сознал всю неотразимость поставленного Урусовым вопроса. Нужно отдать ему справедливость. Он произвел на собравшихся впечатление честного и корректного человека. Вместо ссылок на свое бессилие, он гордо взял ответственность на себя... И тон его речи, и искренность последних заявлений не оставляли сомнений, что этот человек, безусловно способный во имя порядка "закономерно" двинуть пулеметы, органически чужд этой трусливой и в то же время зверской политике Варфоломеевых дней и ночей... Чувствуется, что министр внутренне проникнут сознанием правоты народного предста-

¹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия! // Полное собрание речей П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. ... С. 40–42.

вительства и не относится к нему с обычным для наших сановников легкомысленным презрением... Из всеми сегодня признанной порядочности господина Столыпина необходимо сделать вывод: министерство должно будет уйти или... разогнать Думу»¹.

Впрочем, выступление С.Д. Урусова сразу было объявлено в печати, не избалованной еще громкими политическими разоблачениями «бюрократического строя», «исторической речью». С.Д. Урусова признали «героем дня», «чистым, незапятнанным и выдающимся по своему уму и таланту государственным деятелем» – еще до его разоблачения «темных сил» и называли вероятным будущим «конституционным Министром внутренних дел»². Урусову с беспопытной уверенностью пророчили выдающуюся перспективу: «Ему, несомненно, предстоит еще сыграть крупную роль в политической жизни России»³. Вплоть до поста премьер-министра – главы парламентского «ответственного министерства».

В.И. Гурко дал весьма нелестную характеристику и П.А. Столыпину того периода: «Как это ни странно, но Столыпин, избранный из среды губернской администрации и имевший довольно продолжительный административный опыт, был гораздо ближе к политическому деятелю, нежели к администратору. У него, прежде всего, совершенно отсутствовало умение разбираться между людьми и, следовательно, подбора сотрудников. Сотрудники, выбранные им из среды саратовских сослуживцев, отличались и умственной ограниченностью (например, взятый им в товарищи, впоследствии заменивший его на посту Министра внутренних дел А.А. Макаров), и двуличным подхалимством (как назначенный им управляющим его канцелярией И.И. Кноль), и просто бездарностью (как переведенный им из Саратова чиновник особых поручений Голованов и посаженный им в директора Департамента полиции Белецкий – Самарский вице-губернатор). Не более счастлив был он и в выборе лиц из среды петербургской бюрократии – как, например, А.И. Лыкошин – ничтожная козявка, лишенная самостоятельности мысли и воли, ровно как П.Г. Курлов – умный, ловкий, но совершенно беспринципный пройдоха, незаметно для самого Столыпина не только его обошедший, но сумевший его развенчать в представлении Николая II»⁴.

По мнению И.Л. Горемыкина, в Российской империи Совет министров не мог играть роль парламентского кабинета. Он представлял

¹ Биржевые ведомости. 1906. 9 июня.

² Петербургский листок. 1906. 1 мая.

³ Там же. 12 июня.

⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 357–358.

собой не политическую власть, а только высшее государственное управление, «непосредственный орган действия верховной власти и исполнитель ее предначертаний». По этой причине правительство нельзя было рассматривать отдельно от царя. Борьбу, которую развернула Дума против кабинета, И.Л. Горемыкин объяснял тактикой депутатов, не решавшихся непосредственно критиковать Николая II.

Совету министров ничего не оставалось, как принять этот вызов, так как в его задачу входило представлять императора в Думе и Государственном совете. В связи с этим правительству не стоило озадачиваться программой будущей совместной деятельности с законодательными палатами: «Она (Дума) будет заниматься одной борьбой с правительством и захватом у нее власти, и все дело сведется только к тому, хватит ли у правительства достаточно силы и умения, чтобы отстоять власть в тех невероятных условиях, которые созданы этой невероятной чепухой, – управлять страной во время революционного угара какой-то пародией на западноевропейский парламентаризм»¹. При этом, по мнению И.Л. Горемыкина, объединенное правительство было насущной необходимостью, по крайней мере, для решения двух задач: во-первых, Совет министров смог бы представлять императора в Думе только в том случае, если бы деятельность высшей бюрократии в России в полной мере координировалась кабинетом; во-вторых, консолидация усилий министерств и ведомств должна была способствовать минимизации «бюрократического хаоса» при принятии решений государственного значения. «В настоящем своем виде вся наша правительственная организация представляется сложным, пестрым и иногда неуклюжим наложением учреждений и властей, наследием протекшего со времени реформ Александра I столетия, в течение которого эти учреждения создавались, переделывались и нагромождались одно на другое без достаточного согласования, под влиянием разнородных потребностей государственного управления. Пока не существовало созданных ныне представительных законодательных учреждений, правительство могло действовать с таким несовершенным аппаратом, но ныне он становится решительно непригодным». Для того чтобы государственная власть могла бы успешно бороться с революцией, она должна быть консолидирована, – подытоживал свою мысль И.Л. Горемыкин².

Записку с программой действий будущего кабинета он подал 19 апреля 1906 г., за несколько дней до своего назначения председа-

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 149.

² Там же. С. 149.

лем Совета министров. В самом ее начале будущий глава правительства констатировал невозможность вернуться к дореформенным временам и неминуемость представительных органов власти. В силу этого правительству следовало считаться с Думой, при этом имея в виду, что процесс складывания новой политической системы обречен быть мучительным и долгим¹. От депутатов Думы первого созыва И.Л. Горемыкин многого не ожидал, предсказывая, что народные избранники очень скоро обнаружат свою «деловую неспособность»: они будут «тонуть» в бесплодных прениях, порой позволяя себе дерзкие выходки против представителей власти или даже провоцируя беспорядки среди населения. Однако и в этом случае правительство должно было исключить для себя самое простое решение этого вопроса – роспуск Думы, чреватый серьезными потрясениями для государства. «К этой мере придется прибегнуть лишь в том случае, если Дума узурпирует не принадлежащую ей власть и обратится в Учредительное собрание. Таких действий, конечно, допускать нельзя ни под каким предлогом». Но едва ли подобная ситуация была бы возможна, – предсказывал премьер. От кадетов, занявших лидирующие позиции в Думе, он ожидал предельно осторожную тактику: не штурм государственной власти, а тайного «подкопа» под действовавшее правительство. «При таком обороте дела надо дать Думе самой похоронить свой престиж в народном сознании и обнаружить свое бессилие. Такое положение может представить известную опасность, но эта опасность будет меньше той, которую представило бы распускание Думы с ореолом жертвы политической реакции». В любом случае, по мнению И.Л. Горемыкина, первая сессия законодательного учреждения не могла быть слишком долгой. Он предлагал распустить Думу на каникулы после шести недель работы и созвать ее вновь лишь к моменту рассмотрения государственной росписи². Иными словами, он предлагал будущему правительству тактику выжидания: либо Дума сама подорвет собственный престиж и ее роспуск не будет столь опасен для государства, либо она займет радикальную позицию и власти придется принимать решительные меры.

Как раз к решительным действиям и вынужден был прибегать премьер. К началу июля 1906 г. большинство членов правительства пришло к убеждению, что с роспуском Думы следовало поторопиться. Некоторые из них (А.А. Ширинский-Шихматов, П.Х. Шванебах и товарищ ми-

¹ Соловьев К. «Я напоминаю старую египетскую шубу»: Иван Горемыкин – премьер-министр России... С. 81–84; ГАРФ. 543. Оп. 1. Д. 520. Т. 21–23.

² Там же. Л. 25.

нистра В.И. Гурко) одним июльским утром отправились к И.Л. Горемыкину убедить его в необходимости давно назревшего решения. Доводы министров не достигали цели: И.Л. Горемыкин завтракал и со скучающим видом смотрел на незваных гостей. «Ничто не действовало, – вспоминал В.И. Гурко. – Горемыкин был невозмутим... Равнодушие и мертвенность Горемыкина меня бесили, и мне страстно захотелось его, так или иначе, растормошить». «"Иван Логгинович, – обратился я к Горемыкину, – вы видите, что там?" – сказал я, с нарочитой живостью указывая на окно. "А где, что? – всполошился Горемыкин, очевидно, предполагая, что с улицы грозит какая-то опасность". "Да там, напротив". "Что же напротив?". "Да Инженерный замок". "Ну, так что же?" – спросил несколько успокоившийся Горемыкин. "А то, что если бы то, что совершилось в этом замке 11 марта 1801 г., было отложено на 12 марта, то оно вовсе бы не совершилось, ибо в это время у петербургской заставы был уже выписанный императором Павлом Аракчеев, и он сумел бы разрушить планы заговорщиков. Точно то же и с Государственной Думой. Сегодня, допустим, ее можно разогнать. Возможно ли это будет через неделю – неизвестно". "Вы правы", – сказал еще не успевший впасть в свое невозмутимое спокойствие Горемыкин»¹.

События пошли в ускоренном темпе. 7 июля 1906 г. заседание Совета министров было назначено на восемь вечера. Сам И.Л. Горемыкин был вызван в Царское Село к пяти часам. Его возвращения ждали до девяти. Он пришел веселым, в приподнятом настроении. Оказывается, вопрос о роспуске Думы был по его настоянию решен, а сам И.Л. Горемыкин отставлен от столь тяготившей его должности. В 9.30 приехал и П.А. Столыпин², новый председатель Совета министров. Он рассказал коллегам, какое давление он выдержал со стороны барона В.Б. Фредерикса, уверенного, что роспуск Думы обозначал и конец династии³. В правительстве роспуск нижней палаты вызывал у многих большие опасения. Единодушия не было. На заседании кабинета А.П. Извольский, П.М. Кауфман, В.Н. Коковцов выступили против роспуска Думы, ибо он неминуемо обозначил бы собою явный разрыв правительства

¹ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 567.

² В июле 1906 г. П.А. Столыпин объяснял А.И. Гучкову, что роспуск Думы был вынужденной мерой со стороны властей, объяснявшейся не столько низкой работоспособностью этого состава нижней палаты, сколько ее деструктивной деятельностью. По мнению премьер-министра, она вносила брожение в широкие общественные круги и, что было наиболее опасно, в армию. Таким образом, дальнейшая работа Думы угрожала самому правопорядку.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания... Т. 1. С. 186.

с населением, без поддержки которого немыслима между тем никакая созидательная работа, а следовательно, невозможно и действительное успокоение страны»¹. Министры решительно высказывались даже в пользу обновления состава правительства: приглашения в состав кабинета чиновников, более приемлемых для думского большинства.

Утром 8 июля, после бесконечного заседания кабинета, министры выходили на улицу в страшном возбуждении. Особенно волновался В.Н. Коковцов: «О бирже я не говорю, на бирже будет полный крах. Но что будет в России, что будет в Санкт-Петербурге». На уверения окружающих, что ничего не будет, презрительно пожимал плечами. В.Н. Коковцова успокаивал морской министр А.А. Бирилев: «Что за вздор. А вот пусть попробуют, приведу из Кронштадта несколько флотских экипажей и всех на штыках разнесем». С.Е. Крыжановский впоследствии подмечал, что по насмешке судьбы именно экипажи взбунтовались на следующий день². В ту ночь в самом центре столицы шло активное передвижение войск, что смутило некоторых депутатов³. Эти опасения были не напрасны. В отличие от многих своих коллег, И.Л. Горемыкин был настроен весьма решительно. Бесшумно расхаживая в мягких тапочках по коврам своего кабинета на Фонтанке, он повторял: «Нужна только твердость». Когда же один генерал предостерег против роспуска Думы, премьер возразил: «Народ не тронется, и если революционная чернь пойдет на Петергоф, то уж, конечно, назад не вернется»⁴. Поздно вечером 8 июля после трудного дня – аудиенции у Николая II и совещаний с министрами – И.Л. Горемыкин вернулся домой и приказал ни в коем случае не будить его ни под каким предлогом. Может быть, он что-то знал или нечто предчувствовал, а может быть, его действительно одолевал сон, но именно в эту ночь ему пришел пакет от императора с предписанием приостановить действия, направленные на роспуск Думы. Но И.Л. Горемыкин спал, а в это время Манифест о роспуске печатался, войска в Санкт-Петербурге концентрировались и вешались замки на двери Таврического дворца. За утренним чаем, перед тем как раскрыть пакет из Петергофа, он прочитал «Правительственный

¹ Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. М., 1982. Ч. 1. С. 34–35.

² Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 125.

³ Френкель 3.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб., 2009. С. 207–208.

⁴ Речь. 1914. 2 февраля; Соловьев К. «Я напоминаю старую енотовую шубу»: Иван Горемыкин – премьер-министр России... С. 81–84.

вестник». И лишь убедившись, что Манифест о роспуске Думы уже опубликован, распечатал конверт, дабы убедиться, что опасения его были не напрасны¹.

Уже после своей отставки 19 июля 1906 г. И.Л. Горемыкин подал новую записку императору, в которой обобщал свой опыт на посту председателя Совета министров. Он признавал, что в итоге реализовался тот вариант, который им считался маловероятным: Дума заняла антигосударственную позицию и поэтому была разогнана. Возвращение к прежнему режиму управления было уже невозможным, и перед правительством стояла задача выработать глубоко обдуманную линию поведения по отношению к Думе нового созыва. Его политика не могла быть «реакционной», так как она способствовала бы большей дестабилизации внутриполитической ситуации в стране². Однако «во всяком случае, в расчет надо принимать наихудшие условия и с такой точки зрения следует допускать, что новый состав Думы может быть хуже распущенного ныне – в том смысле, что революционные элементы будут в нем многочисленнее нынешнего». Правительство будет вынуждено вновь распустить представительное собрание и уже всерьез задуматься о реформе избирательного законодательства, чтобы предотвратить разрастание кризисных явлений в сфере государственного управления³.

И.Л. Горемыкин считал, что основная проблема крылась даже не в содержании будущего закона о выборах, а в процедуре его принятия. «Сущность дела в том, что, каков бы ни был новый избирательный закон, если он будет издан без обсуждения и согласия народных представителей, он не будет принят страной в том смысле, что страна не подчинится ему нравственно и сознательно, а в этом вся сила такого закона». Провести же эту инициативу через уже существовавшие законодатель-

¹ Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 286; Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 419; Гурко В.И. Черты и силуэты времени... С. 571; Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 176; Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 гг. М., 2010. С. 167; Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания... Т. 1. С. 192; Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 125–126; Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 71; Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 399; Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.-Л. Т. 7. 1927. С. 96; Рейн Г.Е. Из пережитого. Берлин, 1938. Т. 2. С. 15.

² Соловьев К. «Я напоминаю старую еноговую шубу»: Иван Горемыкин – премьер-министр России... С. 81–84; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 520. Л. 11.

³ Там же. Л. 12.

ные учреждения И.Л. Горемыкину не представлялось возможным. Он предлагал созвать Земский Собор с единственной целью реформировать избирательное законодательство. «Созыв такого собора, если он будет сделан соответствующим народному сознанию способом, опасности не представляет. Напротив, если он произойдет в должном единении воли царской с желаниями народными, он высоко поднимет обаяние власти царской и надолго обеспечит внутренний мир России»¹.

Для того чтобы законотворческий процесс стал более эффективным и предсказуемым, И.Л. Горемыкин предлагал реформировать и Государственный совет. По его мнению, верхняя палата должна была выполнять особую, стабилизирующую функцию в механизме взаимодействия представительной и исполнительной властей: во-первых, она не должна была позволять Думе напрямую противостоять верховной власти; во-вторых, ей следовало уравнивать интересы народные, представленные в нижней палате, государственными интересами. Иными словами, Государственному совету суждено было предлагать альтернативное видение злободневных проблем – исходя из «высших потребностей государственного бытия». Однако, по словам Горемыкина, верхняя палата пока не справлялась со своими обязанностями. «Причина этому лежит, как бы это ни казалось странным, в составе членов Совета по назначению». Реформированный Государственный совет автоматически пополнился всеми членами этого учреждения, назначенными и до 1906 г., людьми иной эпохи, не подходившими для работы в законодательном органе власти. В итоге Государственный совет стал непредсказуемым и не соответствовал предназначенной ему роли. Подобная ситуация бывшему председателю Совета министров представлялась нетерпимой. «Невозможно допустить такое положение, чтобы верховная власть назначала в Государственный Совет половину его членов для того, чтобы не только не встретить в ней той опоры, которую она признает нужной, а для того, чтобы при участии этих членов образовалось в Совете оппозиционное большинство». Впредь правительство должно относиться к подбору членов верхней палаты с величайшей осмотрительностью. Председатель же Государственного совета должен находиться в тесном контакте с представителями высшей бюрократии².

В записках И.Л. Горемыкина была заключена своего рода правовая концепция, в которой отзывалось заметно модифицированное сла-

¹ Соловьев К. «Я напоминаю старую еновую шубу»: Иван Горемыкин – премьер-министр России... Л. 13.

² Там же. Л. 14–17.

вянофильское учение. В соответствии со взглядами бывшего премьера, был бюрократический аппарат, возглавляемый самодержцем, который в своей политике реализовывал государственные задачи, стоявшие перед Россией. Были и народные представители, защищавшие общественные интересы и выполнявшие роль приглашенных экспертов для принятия политических решений. Эти две столь непохожие силы должны были по возможности мирно сосуществовать. Бывший глава правительства отказывал Совету министров в самостоятельной политической роли и в то же время требовал, чтобы это учреждение стало полноценным объединенным кабинетом. По его мнению, Совету министров следовало стать послушным механизмом в руках императора и одновременно именно он и должен был отвечать за все политические решения перед Думой. В Царском Селе об И.Л. Горемыкине не забыли, и в начале 1914 г. ему было суждено вновь возглавить правительство. Сам И.Л. Горемыкин так объяснял В.Н. Коковцову свое назначение: «Я напоминаю старую енотовую шубу, которая давно уложена в сундук и засыпана камфарою, и совершенно недоумеваю, зачем я понадобился; впрочем, эту шубу так же неожиданно уложат снова в сундук, как вынули из него»¹.

3.2. Правительству «джентльменов» – премьер-«джентльмен»

8 июля 1906 г. I Государственная дума была распущена Николаем II. П.А. Столыпин заменил И.Л. Горемыкина на посту председателя Совета министров с сохранением должности министра внутренних дел. По свидетельству С.Ю. Витте, это произошло так: «Одновременно с роспуском Государственной Думы последовало и увольнение Горемыкина и назначение на его место Столыпина. Увольнение Горемыкина было для него неожиданно. Государь император, согласившись распустить Думу и подписав указ, затем объявил Горемыкину, что он его освобождает от поста председателя Совета, что для него, Горемыкина, было совершенно неожиданно. Он не без основания приписывал такое решение его величества, с одной стороны, интриге Столыпина, а с другой стороны – воздействию Трепова. Трепов, который сам выдвинул Горемыкина, как председателя Совета, с ним не уживался. Трепов полагал, что, если будет назначен Горемыкин, то Горемыкин будет во всем его

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания... Т. 2. М., 1992. С. 267.

слушаться, а поэтому он и рекомендовал Горемыкина. Вероятно, Горемыкин во многом и слушался Трепова, но постольку, поскольку это послушание должно было переменить натуру Горемыкина, это было невозможно. Горемыкин любил покой и отдохновение, поэтому он мало являлся в Государственную Думу, выступал в Думе только несколько раз и то с декларациями, заранее написанными и такими, которые могли только раздражать Думу. Трепов находил это недостаточным, он указывал Горемыкину, что Горемыкин должен принимать деятельное участие в дебатах Думы, не спускать Государственной Думе и против каждого ее решения представлять возражения. Это было совсем не в характере Горемыкина. Горемыкин по натуре – манфишист. Вследствие этого, как мне рассказывал Горемыкин, Трепов составил вроде инструкции Горемыкину, как он должен поступать в отношении Думы, в каких случаях он должен являться и как должен воздействовать на Думу. Эта инструкция, с резолюцией государя, что он находит ее правильной, была передана его величеством Горемыкину как бы для руководства. Это окончательно охладило Горемыкина к Трепову, а с другой стороны, и Трепова к Горемыкину. Поэтому, надо думать, уходу Горемыкина, для него совершенно неожиданному, содействовал также и Трепов. Вероятно, Трепов докладывал, что для того, чтобы собрать новую Думу, более спокойную, необходимо, чтобы министерство было составлено из людей марки более либеральной, а потому такие лица, как Горемыкин, Стишинский – главноуправляющий земледелия, князь Ширинский-Шахматов – обер-прокурор Святейшего Синода, должны уйти и быть заменены лицами более либеральной марки. В то время Столыпин крайне либеральничал: он говорил в Думе весьма либеральные речи, давал всевозможные обещания. Он проповедывал и полную веротерпимость и обещал уничтожение всяких исключительных положений, существовавших и поныне существующих для крестьян, и расширение образования, и различные блага инородцам и т. д. Вот Трепов и думал, и не без основания, втереть очки российским избирателям и при помощи такого либерала, как Столыпин, получить более консервативную Думу, сравнительно с I Государственной Думой»¹.

Следует отметить, что министерская система существовала в России до начала XX в. почти 100 лет. Предшествующая министерствам система созданных Петром I коллегий, сменивших, в свою очередь, приказы Московской Руси, ознаменовала собой отказ от феодального

¹ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 320.

принципа управления на основе личного поручения и смешения отраслевого управления с территориальным, устранение параллелизма в деятельности, нечеткости функций. При отсутствии системы отраслевых местных органов управления (ведомств) громоздкость коллегиального принципа принятия решений и общее несовершенство разделения функций управления привели к кризису коллежской системы. А в результате губернской реформы Екатерины II в 1775 г. большинство коллегий было упразднено. Основные функции отраслевого управления (кроме заведования иностранными делами, армией и флотом) перешли к наместникам (генерал-губернаторам) и гражданским губернаторам. Центральным объединяющим началом в управлении оставался лишь генерал-прокурор Сената, ежедневно докладывавший императрице по всем делам внутреннего управления, финансов и юстиции. Восстановление коллегий при Павле I и попытки преобразования органов центрального управления на принципах единоначалия (в 1797 г. была введена должность министра уделов, в 1800 г. – министра коммерции, но соответствующие министерства не были созданы) были непоследовательны и в целом мало успешны. Все это сделало преобразование системы центральных государственных учреждений насущным и необходимым. Сыграл свою роль и пример создания эффективной системы центрального управления, установленной во Франции в годы консульства, а затем империи Наполеона¹.

8 сентября 1802 г. манифестом Александра I было учреждено 8 министерств – военно-сухопутных сил, военно-морских сил, иностранных дел, внутренних дел, коммерции, финансов, народного просвещения и юстиции. Создание министерств и объединяющего их высшего административного органа – Комитета министров, формирование системы ведомств означало решительный шаг по пути модернизации государственной машины Российской империи. Но в 1802 г. было лишь провозглашено создание министерств и назначены первые министры. Аппарат новых центральных учреждений и систему их взаимодействия с местными учреждениями еще предстояло создать. Решающую роль в формировании министерской системы сыграл М.М. Сперанский, по плану которого 17 августа 1810 г. был принят закон «О разделении государственных дел по министерствам», а 25 июня 1811 г. утверждено «Общее учреждение министерств», ставшее законодательной основой для регламентации внутреннего устройства и порядка деятельности министерств на многие десятилетия вперед.

¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 210–279.

Каждое министерство получило следующую структуру: во главе министерства стоял министр с товарищем (то есть заместителем), при министре имелись канцелярия и совет. Рабочий аппарат министерств состоял из департаментов, которые делились на отделения, а отделения на столы. В основу организации каждого министерства был положен принцип единоначалия. Одновременно были провозглашены подчинение министров действовавшим законам и их ответственность за успешность деятельности вверенного им ведомства. Министерская система базировалась на вертикальном подчинении главе каждого ведомства системы местных отраслевых учреждений. Эти учреждения подчинялись министерству (или главному управлению на правах министерства) в административном отношении и были обязаны регулярной отчетностью. Все «места и лица», подчиненные министру, должны были исполнять его предписания «с точностью и беспрекословно». Назначения и увольнения, чинопроизводство, награды и назначение пенсий всех должностных лиц данного ведомства зависели от министра. Служащие каждого ведомства отличались особой формой мундира, а также некоторыми особенностями порядка чинопроизводства и пенсионного обеспечения. Все должности образующих данное ведомство учреждений были расписаны по классам¹.

Наряду с первыми восемью министерствами в 1809 г. было учреждено Главное управление водяных и сухопутных сообщений (с 1810 г. – Главное управление путей сообщения, с 1832 г. – Главное управление путей сообщения и публичных зданий). Законами 25 июля и 17 августа 1810 г. были более четко определены функции Министерств финансов и внутренних дел. Из МВД были выделены Министерство полиции и Главное управление духовных дел иностранных исповеданий (в 1819 г. и, соответственно, в 1832 г. они вновь вошли в Министерство внутренних дел). Тогда же было ликвидировано Министерство коммерции и его функции были переданы в Министерство финансов. В 1811 г. было образовано Главное управление ревизии государственных счетов, а в 1836 г. его реорганизовали в Государственный контроль. В дальнейшем были образованы: Министерство императорского двора и уделов (в 1826 г.), и Министерство государственных имуществ (в 1837 г.), в 1894–1905 гг. – Министерство земледелия и государственных имуществ. В 1865 г. Главное управление путей сообщения и публичных зданий было преобразовано в Министерство путей сообщения. В 1865–

¹ Бельдова М.В. Комитет министров // Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): словарь-справочник. М.: Наука, 1999. Т. 2. С. 347–352.

1868 гг. и 1880–1881 гг. существовало самостоятельное Министерство почт и телеграфов, но затем оно окончательно вошло в состав МВД. С 1902 по 1905 г. существовало также самостоятельное Главное управление торгового мореплавания и портов, вошедшее впоследствии в состав новообразованного Министерства торговли и промышленности.

Совет министров возник в процессе подготовки либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. Александр II не ограничивался Комитетом министров, где рассматривалась масса дел текущей политики, с 1857 г. он созывал совещания министров, управляющих главными комитетами, председателей Госсовета и Комитета министров, других приближенных должностных лиц. Совещания проводились по воле императора, нерегулярно, не имели плана, официального статуса, хотя обсуждали концепции, проекты реформ, работу специальных комиссий, другие общегосударственные вопросы. В результате этого была выявлена целесообразность дополнить дореформенные высшие органы управления новыми. Указом 12 ноября 1861 г. учрежден Совет министров, наделенный статусом высшего при императоре органа, под его председательством для решения вопросов общегосударственного значения. Александр II созывал, проводил его заседания, вносил вопросы на рассмотрение. В состав его вошли высокие должностные лица: Главноуправляющие, председатели Комитета министров и Государственного Совета, другие близкие царю официальные лица. Совет министров рассматривал внесенные Александром II материалы, заключения комиссий, комитетов, других учреждений, разрабатывавших проекты реформ, а также доклады, отчеты министров, их «всеподданнейшие» предложения по реорганизации ведомств. На 150 заседаниях за 1,5 года было рассмотрено более 300 крупных вопросов. Согласованные решения получали после утверждения императором законную силу «высочайших повелений», дополняли, конкретизировали законы. Работа нового органа частично способствовала улучшению координации министерств, ведомств в решении межминистерских, общих вопросов государственного управления, что сказалось положительно на развертывании реформаторской практики. Но Совет министров действовал нерегулярно и нерегламентированно, выполнял роль полуофициальных совещаний при императоре. Детище Александра II созывалось Александром III лишь дважды и прекратило существование в 1882 г.¹

Проведенная на основании именного указа 19 октября 1905 г. реформа Совета министров заметно изменила его положение в аппарате

¹ Макаров С.В. Создание Совета министров Российской империи // Правоведение. 1993. № 2. С. 101–106.

власти самодержавия. Являвшийся ранее весьма редко собиравшимся императором совещательным учреждением, чья деятельность в значительно большей степени зависела от сиюминутных распоряжений монарха, чем от закона, Совет отныне стал самостоятельным, юридически обособленным от императора, постоянным высшим органом государственного управления. Царь теперь должен был руководить работой основных звеньев бюрократического механизма, то есть отдельных ведомств, преимущественно не напрямую, как прежде, а через Совет. Последний, напоминая многими чертами Кабинеты министров в конституционных государствах, вплоть до Февральской революции 1917 г. официально считался и фактически являлся правительством страны органом, отвечавшим перед носителем верховной власти за правильный ход государственного управления. Преобразованный Совет нередко именовался объединенным правительством, что подчеркивало его значение как учреждения, призванного непосредственно координировать и направлять в общее русло деятельность различных (в первую очередь центральных) административных структур и покончить с застарелым недугом российской имперской государственности – ведомственным сепаратизмом¹.

Одним из важнейших результатов реформы Совета министров являлось создание впервые в истории российской государственности института главы правительства председателя Совета министров. Он был призван играть роль, во многом сходную с той, которую играли премьер-министры в странах с конституционными режимами. Как известно, вопрос об учреждении в России в какой-либо форме поста премьера неоднократно поднимался еще в XIX в. Соответствующие предложения тогда осуществления не получили. «Учреждения первого министра я никогда не допущу», – заметил Александр II². Ненужным и нежелательным считали институт премьера, в сущности, все российские цари. Учреждение должности главы правительства, несомненно, означало бы делегирование ему некоторых принадлежавших ранее исключительно

¹ Флоринский М.Ф. Из истории института главы правительства в императорской России (1905–1914 гг.) // История. Мир прошлого в современном освещении. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. С. 496–517; Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982. С. 27–44; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 478–479, 482–483, 487, 498–500; Макаров С.В. Совет министров Российской империи. 1857–1917 гг.: государственно-правовые проблемы. СПб., 2000. С. 43–76.

² Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 159.

монарху полномочий в сфере непосредственного руководства работой центральных звеньев бюрократического аппарата.

К созданию в России кабинета, руководимого премьером, подтолкнул в итоге возведенный актами 6 августа 1905 г. созыв Государственной Думы. Как свидетельствовал опыт эволюции европейских государств, в процессе утверждения парламентаризма «монарх уже для того, чтобы чисто формально оставаться вне партийной борьбы и партийных нападок, нуждался в особой личности, прикрывающей его, то есть держащей ответ перед парламентом, ведущий переговоры с партиями»¹. Конечно, от своего имени председатель Совета министров не мог давать главам ведомств каких-либо указаний. Этим правом по-прежнему обладал только император. Однако и от своего председателя члены кабинета в известном смысле все же зависели. Именно премьер докладывал царю обсуждавшиеся в Совете дела, если они требовали для своего решения санкции монарха, а также вообще все те, по которым «в Совете министров не состоялось единогласного заключения». Председатель Совета имел право обращаться к «начальникам отдельных ведомств и частей управления с требованиями о доставлении ему необходимых сведений и объяснений». При известных обстоятельствах санкция председателя могла заменять решение кабинета как коллективного органа. Так, начальники ведомств обязаны были информировать премьера «о всех выдающихся, происходящих в государственной жизни событиях и вызванных ими мерах и распоряжениях, каковые меры и распоряжения» выносились далее на обсуждение Совета, если это признавал нужным глава правительства. Равным образом и имеющие общее значение всеподданнейшие доклады министров и главноуправляющих по ознакомлению с этими документами премьера могли не только предлагаться далее на рассмотрение Совета, но и «по соглашению его (премьера) с подлежащим министром или главноуправляющим отдельной частью докладываться сими последними непосредственно государю при том, в случае необходимости, в присутствии председателя Совета министров». На особом положении, впрочем, находились министры: военной, морской, иностранных дел и императорского двора, пользовавшиеся в своих отношениях к председателю Совета министров значительной самостоятельностью. Назначение тех или иных лиц на министерские должности являлось и после реформы Совета министров прерогативой короны. Однако премьер имел право представлять царю

¹ Министерская система в Российской империи... С. 113.

рекомендации по поводу замещения соответствующих постов за исключением постов министров военного, морского и императорского двора¹. Председателю Совета подчинялась Канцелярия Совета министров. В сущности, она являлась тем инструментом, с помощью которого премьер руководил работой кабинета. Канцелярии высших государственных учреждений традиционно играли весьма важную роль в системе управления империи. Собирая и обрабатывая необходимую для принятия решений информацию, готовя проекты этих решений и т. п., канцелярии оказывали ощутимое влияние на деятельность тех структур, чьи делопроизводственные нужды они обслуживали².

Превращение П.А. Столыпина в премьера на фоне роспуска Думы не стало триумфальным политическим взлетом. Недоверие к власти со стороны общественности переносилось, естественно, и на его фигуру. «Вера наша без дел со стороны графа Витте оказалась мертва, но и дела П.А. Столыпина не будут ли мертвы без нашей веры?» – задавались риторические вопросы либеральной печатью. Перспективы деятельности правительства под руководством П.А. Столыпина представлялись достаточно пессимистичными. «Каковы же могут быть у страны при торжестве воззрений господина Столыпина надежды на будущее? Если и впредь, невзирая на политический смысл народа, Думу будут распускать всякий раз, как в ней найдутся "нежелательные", "опасные элементы"³.

Возобновленные П.А. Столыпиным после роспуска Думы попытки привлечь в правительство умеренных либеральных деятелей не увенчались успехом. Встретившись 15 июля 1906 г. с приглашенными из Москвы Д.Н. Шиповым и князем Г.Е. Львовым (будущим премьером первого состава Временного правительства в марте–апреле 1917 г.), он убедился в неприятии ими факта роспуска представительства (пусть и не вызвавшего волнений и репрессий). Более того, отказываясь теперь лично от возможности участия в «коалиционном» правительстве, они выставили требование, чтобы семь из тринадцати министров (помимо премьер-министра) были «призваны из общества» и «сплочены единством политической программы». Хотя, как подчеркивали либеральные деятели в письме премьеру, по итогам встречи «главою кабинета должны

¹ Государственный строй Российской империи накануне крушения. Сборник законодательных актов. М., 1995. С. 147.

² Флоринский М.Ф. Из истории института главы правительства в императорской России (1905–1914 гг.)... С. 496–517.

³ XX век. 1906. 15 июля.

быть вы, ибо назначение нового главы явилось бы в настоящее время колебанием авторитета власти». От нового правительства они требовали обращения к стране с правительственным сообщением, четко объявляющим о поставленных кабинетом задачах и информирующим о готовящихся к внесению в новую Думу важнейших законопроектах: «Реформаторство правительства должно носить на себе печать смелости и ею импонировать обществу. Поэтому мы считаем единственно правильной политикой настоящего времени открытое выступление правительства навстречу свободе и социальным реформам, и всякая отсрочка в этом отношении представляется нам губительной». В целом же настрой Д.Н. Шипова и его единомышленников после роспуска Думы оставался неутешительным: «Была утеряна последняя надежда на возможность осознания единения государственной власти с обществом, на честное осуществление свобод, дарованных Манифестом 17-го октября, и на мирный переход к обещанному стране новому государственному строю»¹.

Отказались от участия в правительстве также Н.Н. Львов и лидер партии октябристов А.И. Гучков, настаивавшие на принципе вступления в кабинет «целой группы лиц с какой-то программой». Перед тем как они были приняты Николаем II, П.А. Столыпин предупреждал о неприемлемости для государя этой идеи, о том, что в России не может быть речи о парламентском режиме, ограничение же власти монарха зависит только от его воли². Примечательно, что не удались и переговоры о вхождении в правительство выдающегося юриста А.Ф. Кони. За приглашение в правительство более широкого круга известных общественных деятелей и ученых, в том числе и А.Ф. Кони, ратовал А.И. Гучков: «Он (Столыпин) стал поддаваться. У меня было впечатление, что он готов идти на расширенный состав, но сверху не получил согласия... Я назвал такие имена, как Кони, человек, который с восторгом был бы принят и общественным мнением, и судебным персоналом. Водворение у нас не только правосудия, но и человека, который являлся бы гарантией бескорыстного укрепления правосудия, — это произвело бы сильнейшее впечатление. Он только говорил "я подумаю" — значит, должен был просить согласия. Потом выяснилось, что он получил согласие на Кони, но было нелегко, потому что придворные круги припомнили ему председательствование в окружном суде по делу Засулич»³.

¹ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 461, 469–470; Архипов И. П.А. Столыпин: «призрачный» путь к реформам... С. 140–165.

² Власть и реформы. От самодержавной к Советской России... С. 492.

³ Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 47; Архипов И. П.А. Столыпин: «призрачный» путь к реформам... С. 140–165.

Провал попыток добиться вхождения в правительство знаковых общественных фигур (речь не шла уже о «коалиции») стал, безусловно, негативным фактором для П.А. Столыпина с самого начала его карьеры премьера. В либеральной печати это увязывалось с отсутствием у него в первые недели развернутой программы. «Во всяком случае, конечно, ни один истинно общественный деятель не согласился принять формулу, которую до сих пор поддерживал в своих выступлениях г. Столыпин: "прежде успокоение, потом – перемены". Эта лукавая игра словами... находится в прямом противоречии с честным прямотушием, которого вправе требовать общество от каждого из деятелей»¹. После окончательной неудачи с приглашением в правительство Г.Е. Львова и А.И. Гучкова журналисты писали с явным сарказмом: «Министерство господина Столыпина во всяком случае исполнено большой решимости – взять на свои плечи гигантскую теорему о спасении России без общественных деятелей»². Сформированное в итоге из представителей бюрократии правительство с иронией называли «кабинетом джентльменов» (а самого Столыпина – «премьером-джентльменом»). «Никогда еще Россия не имела такого молодого и красивого министерства, как нынешнее, дополненное вчера тремя – не касаясь их политических и общественных взглядов – чрезвычайно приятными в личных отношениях и корректно-изящными людьми. С премьером П.А. Столыпиным, В.Н. Коковцовым и И.Г. Щегловитовым образовалась бы настоящая ложа «министров-джентльменов» в Государственной думе, если бы последняя существовала бы и не была распущена П.А. Столыпиным. К тому же все шесть умеют говорить, и прения в Думе представляли бы значительный, так сказать, – даже литературный интерес, если бы только Дума не была распущена»³.

П.А. Столыпин, впрочем, исчерпав все возможности «украсить» кабинет кем-либо из популярных общественных деятелей, ощутил, очевидно, относительно большую свободу рук (учитывая и так постоянную «нагрузку» от влияния «темных сил»). Прежде всего, под началом П.А. Столыпина была развернута энергичная деятельность по подготовке законопроектов – прискорбный опыт правительства И.Л. Горемыкина, не снабдившего I Думу материалами для содержательной работы, повторять не планировалось. Как вспоминал В.А. Маклаков, уже в начале работы II Думы депутаты столкнулись с изобилием законопроектов:

¹ XX век. 1906. 19 июля.

² Там же. 26 июля.

³ Там же. 29 июля.

«В первый же день их было внесено 65; в другие дни бывало и больше; так, 31 марта было 150»¹. Приоритетные же законопроекты, составлявшие основу «программы П.А. Столыпина», премьер и не собирался откладывать до созыва Думы, с длительным и, скорее всего, предсказуемо неудачным исходом их рассмотрения. Он проводил законопроекты по ст. 87 Основных законов – посредством указов Николая II.

К лету 1906 г. революционное движение уже шло по нисходящей, сломленное, по словам С.Е. Крыжановского, «энергией Дурново». Однако полностью революция не была подавлена. Так, под самым Санкт-Петербургом в Свеаборге и Кронштадте начались военные восстания. Они явились последним звеном в цепи революционных выступлений в армии и на флоте. Гарнизоны этих военных крепостей, расположенных на Балтике, находились под сильным влиянием эсеров и большевиков. По воспоминаниям мичмана Н.Н. Крыжановского: «В 1906 г. флота в Балтийском море практически не существовало. Было несколько судов учебного значения. Началось формирование отряда судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами и минной дивизии. Туда посылались офицеры, возвращавшиеся с войны. Остальные суда, в том числе и суда учебно-артиллерийского отряда, к которому принадлежал крейсер "Память Азова", комплектовались молодыми мичманами и дотягивающими до пенсии капитанами. Настоящего офицерского личного состава еще не было. Большинство офицеров флота только что сложило свои головы в русско-японской войне»². Ему вторил Г.К. Граф: «Увы, печальную картину представлял... Балтийский флот. Гавани пустовали. В его составе оставалось только несколько боевых кораблей, среди которых самым современным был броненосец "Слава". Остальные еще не вернулись из иностранных портов, где были интернированы в период войны. Крейсера "Россия", "Громобой", "Богатырь" и "Алмаз" находились в пути из Владивостока в Кронштадт»³.

III Съезд Российской социал-демократической рабочей партии, состоявшийся в апреле–мае 1905 г., предложил всем партийным организациям «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредствен-

¹ Маклаков В.А. II Государственная Дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 36.

² Крыжановский Н.Н. Бунт на «Памяти Азова» // Морские записки. 1948. № 3–4. С. 3–18; 1949. № 2. С. 16–31; № 9. С. 3–13.

³ Граф Г.К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914 гг. СПб.:Изд-во «БЛИЦ», 2006. С. 3.

ного руководства таковым». Большая роль в будущем восстании отводилась Балтийскому флоту. Большевики развернули широкую работу в войсках, в результате чего число военных организаций с 27 выросло до 50 к 1906 г. Военные организации наладили массовое издание и распространение нелегальной литературы для армии. Большим влиянием среди матросов и солдат пользовалась большевистская газета «Казарма». Ее номера более чем наполовину состояли из писем и корреспонденций солдат и матросов.

Проводить революционную работу на территории Финляндии было значительно легче, чем в России, здесь не было русской полиции. Финляндию в 1905–1907 гг. называли «красным тылом революции». Такая характеристика вполне справедлива: действительно, не только в годы первой русской революции, но и на протяжении всего периода с конца XIX в. до начала XX в. территория Великого княжества Финляндского служила базой для русских революционных групп социал-демократического и (в меньшей степени) народнического направления. Здесь революционеры скрывались от преследований на территории коренной России, здесь же они проводили свои совещания и конференции, издавали нелегальную литературу, хранили оружие и занимались другими видами деятельности в относительной безопасности, чувствуя себя гораздо более вольготно, чем собственно в России. Активность русских революционеров в Финляндии развивалась зачастую при явном попустительстве местных властей: должностные лица Великого княжества не только сквозь пальцы смотрели на их действия, но подчас даже оказывали им содействие, скрывая от русских полицейских и жандармских властей информацию о нахождении и деятельности революционеров на финской территории или предупреждая последних о грозившей им опасности¹.

Такое парадоксальное на первый взгляд положение было связано с усилением недовольства политикой имперского правительства и ростом сепаратистских настроений в Финляндии. Финляндские власти ревниво относились к попыткам русской полиции пресекать активность революционных групп на территории Великого княжества, усматривая в этом вмешательство в пределы их компетенции. Финские же оппозиционные организации различной направленности – от Красной гвардии до националистической Партии активного сопротивления – непосредственно сотрудничали с русскими революционерами. Последние,

¹ Мусаев В.И. Великое княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 282–290.

выступая против царского режима, оказывались естественными, хотя и временными, союзниками сторонников финской независимости: срабатывал принцип «Враг моего врага – мой друг»¹.

Единение финской и российской оппозиции было продемонстрировано во время массовой демонстрации и митинга в Гельсингфорсе (впоследствии – Хельсинки) 21 мая 1906 г., организованных Красной гвардией и социал-демократическими группами. В демонстрации участвовали представители русских, эстонских и латышских социал-демократов. В числе выступавших на митинге были двое русских ораторов, представившихся депутатами Государственной Думы. Они обратились к собравшимся с посланием от Думы следующего содержания: «Между Государственной Думой и Государственным Советом идет страшный разлад, и потому, как полагают, Дума будет скоро распущена. Затем вспыхнет всеобщая революция, во время которой Финляндия должна организовать весь народ и помочь русским революционерам свергнуть царя с престола». Министерство внутренних дел располагало агентурными данными о том, что некоторые члены Думы предполагали, в случае если Дума будет распущена или депутаты разъедутся на летние каникулы, отправиться в Финляндию и здесь продолжать заседания². Как известно, именно так и произошло: 9 июля, после роспуска I Думы, многие ее депутаты отправились в Выборг. Всю ночь в выборгской гостинице «Бельведер» продолжалось заседание, и на следующий день было принято знаменитое «Выборгское воззвание»³.

В дни октябрьской стачки 1905 г. рабочие Гельсингфорса создали отряды Красной гвардии. Эти отряды существовали вполне легально. К лету 1906 г. Красная гвардия насчитывала до 20–30 тыс. человек, правда, вооружена из них была только часть. В русских войсках, дислоцированных на территории Финляндии большевиками, была создана Финляндская большевистская военная организация, которая подчинялась ЦК РСДРП. Важным центром ее работы была Свеаборгская крепость, здесь позиции большевиков были наиболее сильные. Свеаборгская крепость располагалась на 13 островах и закрывала вход в Гельсингфорс. Главные форты крепости находились на островах – Михайловском, Александровском и Артиллерийском. Центральная крепость и комен-

¹ Мусаев В.И. Великое княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX в.)... С. 282–290.

² РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 16. Л. 2.

³ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М.-Л., 1939. С. 296–298.

датура располагались на Комендантском острове. В 1906 г. в крепости было расквартировано 6 тыс. солдат. В самом Гельсингфорсе стояли 2 батальона 2-го финского стрелкового порта. На полуострове Скатуден (в районе города) находился военный порт и 20-й флотский экипаж. Все эти войска были охвачены революционной пропагандой.

К весне 1906 г. был подготовлен план восстания. Большая роль в нем отводилась Свеаборгу и Кронштадту. По плану восстания предполагалось захватить Свеаборг и Кронштадт, к которым должен был присоединиться Балтийский флот. Это стало бы сигналом к всероссийской стачке и восстанию в Санкт-Петербурге. После того как план восстания стал известен царской охранке, власти поспешили рассредоточить флот по Финскому и Рижскому заливам. Экипажи кораблей были вычищены от «смутьянов», списанных на берег и арестованных матросов заменили гардемаринами и офицерами. Тем самым флот был нейтрализован для восстания. А на него возлагались основные надежды. Как отмечалось в одной из большевистских листовок: «Наша тактика была: готовиться, организовываться и ждать общего движения, тактика эсеров – начинать, а за нами, мол, не отступят и остальные... Все свое дело они вели как заговорщики, рассчитывая на то, что самое важное в этом деле – тайна, внезапность нападения. Мы же полагали, что если уж идти на восстание, то надо придать ему массовый характер, надо подготовить настроение на митингах и массовках и в решительный момент вызвать на улицу многотысячную толпу рабочих»¹.

Правительство, осведомленное через Департамент полиции о готовящихся выступлениях, приняло еще летом 1906 г. ряд предупредительных мер. 3 июня 1906 г. П.А. Столыпин доносил царю: «Получены агентурные сведения, что в морских и сухопутных войсках кронштадтского гарнизона решено приступить к забастовке на экономической почве, а затем предъявить требования политического характера и перейти к вооруженному восстанию в самом непродолжительном времени». Этот доклад и явился причиной того, что 4 июня в Кронштадт экстренно прибыли гвардейская пехота, 2 батареи и 22 пулемета. Командование всем гарнизоном Кронштадта, как сухопутным, так и морским, принял генерал-адъютант Данилов. Через 3 дня значительная часть войск ушла, так как «было установлено, что никаких данных для предположений о немедленном восстании не имеется». Затем в Кронштадт прибыл

¹ 1905 г. Восстания в Балтийском флоте в 1905–1906 гг. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова». Сборник статей, воспоминаний, материалов и документов. Л., 1926. С. 94–98.

другой генерал – Зарубаев, который, пробыв 10 дней, также нашел, что войско и флотские экипажи спокойны, «особенным же внутренним порядком отличается часть инженерных войск, саперная и минная роты». Город в эти дни представлял собой военный лагерь: по улицам двигались усиленные военные патрули, везде стояли полицейские посты, дом коменданта крепости был огражден барьером с установленными за ним пулеметами. Самым экстренным порядком разгружались все боевые склады и разоружались некоторые части. Комендант крепости еще в мае 1906 г. в связи с неблагонадежностью матросов поставил перед главным командиром Кронштадтского порта вопрос о разоружении морских команд. Одновременно с этим штаб Кронштадтского порта дал распоряжение не разводить на судах паров без разрешения начальников отрядов и командиров, причем была дана директива – в случае нарушения этого приказа или сопротивления «немедленно принять самые решительные меры, включительно до потопления неповинующегося судна». На кораблях в самом незначительном количестве оставались десантные пушки и пулеметы. Наряду с этим в Кронштадте шли усиленные аресты: была арестована значительная часть большевистской организации, уцелели лишь несколько человек и главная квартира¹.

2 июля 1906 г. в Гельсингфорсе состоялось совещание, организованное по инициативе кронштадтских эсеров. Большевик М.А. Трилиссер, приглашенный на это совещание, рассказывал о нем следующее: «Выясняется, что приехал от эсеровской организации представитель, который от имени Кронштадта заявил: "Так как Кронштадт поднимается на днях, то предлагает Свеаборгу поддержать его". Эсеры поддержали это предложение, представитель же финляндской организации РСДРП отверг его, указавши на то, что такое выступление должно быть санкционировано партией, которая, учитывая возможность этого выступления, должна выработать общий план действия». По словам М.А. Трилиссера, после долгих споров была принята предложенная финляндской организацией РСДРП резолюция, которая говорила, что «и та и другая сторона энергично готовится к выступлению, и Кронштадт, во всяком случае, не выступает раньше извещения о готовности Свеаборга поддержать это выступление». Такое же решение – не выступать сейчас – должны были принять и свеаборжцы. Гельсингфорские большевики действовали строго по директиве В.И. Ленина. В проекте постановления Исполнительной комиссии ЦК

¹ 1905 г. Восстания в Балтийском флоте в 1905–1906 гг. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова»: сборник статей, воспоминаний, материалов и документов. Л., 1926. С. 51–52.

РСДРП о посылке делегации в Свеаборг В.И. Ленин предложил поручать делегации «повлиять на местных членов партии, революционеров и население в том смысле, чтобы добиться отсрочки выступления... в случае полной невозможности остановить взрыв, принять самое деятельное участие в руководстве движением». Между тем гельсингфорсские эсеры максимально спешили с восстанием и 16 июля 1906 г. на узком совещании своим решили послать 17 июля капитана С.А. Циона на Михайловский остров на собрание представителей ротных комитетов артиллерии и там окончательно разработать план восстания. Эта тактика форсирования вооруженного восстания, без учета своих сил и сил противника, вызвала внезапное, совершенно неожиданное как для эсеров, так и для большевиков начало восстания. По плану, разработанному эсерами, восставший флот должен был идти из Свеаборга в Кронштадт. В момент его выхода в Кронштадт должна была быть послана условная телеграмма, обозначающая сигнал к началу восстания. После этого матросы, захватив свое оружие, должны были получить от Енисейского полка орудия и пулеметы и послать десант на форты. На деле же все получилось иначе¹.

Лидерами восстания в Свеаборге были большевики капитан С.А. Цион, подпоручики А.П. Емельянов и Е.Л. Коханский. С.А. Цион был казначеем нелегальной большевистской газеты «Вестник казармы» – органа военной организации РСДРП в Финляндии, которая издавалась в Гельсингфорсе с 1 мая 1906 г. Всего было выпущено 9 номеров тиражом в 1 000–1 500 экземпляров. Общее восстание на Балтийском флоте было назначено на 29 июля 1906 г., но в Свеаборге восстание началось преждевременно. Солдатам минной роты, расквартированной на Лагерном острове в Свеаборге, прекратили выплату «винных денег» (дополнительное пособие на еду), мотивируя это тем, что деньги будут направлены на улучшение питания. Перемен в питании не произошло, и 16 июля 1906 г. минеры потребовали отдать деньги. Получив информацию о готовящемся восстании на флоте, комендант крепости генерал В.А. Лайминг приказал заминировать подходы к крепости. На следующий день, 17 июля, рота отказалась выходить на занятия и работы. В.А. Лайминг приказал их разоружить и арестовать. Роту разоружили, заперли в казармах и перестали кормить совсем. В дальнейших событиях минеры не участвовали, но четырех из них все равно впоследствии расстреляли как «зачинщиков» восстания².

¹ Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП, ноябрь 1906 г. М.: Партиздат, 1932. С. 74.

² Военные восстания в Балтике в 1905–1906 гг. М.: Партиздат, 1933. С. 246–249.

Это вызвало в ночь с 17 на 18 июля 1906 г. восстание гарнизона, в котором приняли участие 7 артиллерийских рот из 10; к ним присоединились матросы Свеаборгской флотской роты и 20-го флотского экипажа на полуострове Скатудден. Всего в восстании участвовало около 2 тыс. человек. Верными правительству остались тоже около 2 тыс. человек. Солдаты отправились освобождать арестованных, но были отбиты залпом пехотного батальона. Тогда артиллеристы дали пушечный выстрел – сигнал к всеобщему восстанию. Восставшие овладели островами Александровским, Артиллерийским, Михайловским и Инженерным и начали артиллерийский обстрел островов Комендантского и Лагерного, где находились верные царскому правительству войска. Два дня артиллеристы ровняли с землей Комендантский остров с расположенным на нем штабом крепости. К несчастью, снаряды на складах были только учебные («болванки» без взрывчатки), поэтому штабные офицеры благополучно отсиделись в подвале крепостной церкви. Утром 18 июля 1906 г. командир финской Красной гвардии Йохан Кок объявил всеобщую забастовку в поддержку восстания. Красногвардейцы разрушили в нескольких местах железные дороги, ведущие в Хельсинки. 18 июля 1906 г. восставшая Свеаборгская крепость провозгласила лозунги: «Учредительное собрание», «Земля и воля». Утром 19 июля 1906 г. около 150 красногвардейцев прибыли на острова, где располагались восставшие на корабле «Выстрел», единственном находившемся под контролем восставших. Утром снова начался артиллерийский обстрел островов, занятых верными войсками. 19 июля положение правительственных частей стало критическим: в 4 часа дня началась их эвакуация с Комендантского острова. Но в этот момент из-за неосторожности артиллеристов взорвался пороховой погреб на Михайловском острове, погибло около 60 чел., один из руководителей-большевиков – А.П. Емельянов – был ранен¹.

Вечером 19 июля 1906 г. к крепости подошли броненосцы «Цесаревич», «Слава» и крейсер «Богатырь». Они дали четыре выстрела – сигнал, означавший, что корабли на стороне восставших. Сигнал, однако, был ложным. Вследствие принятых командованием флота мер (арест революционных матросов и замена их кадетами морского корпуса) прибывшие корабли не присоединились к восставшим. В 6 часов вечера корабли начали обстрел крепости. Одновременно начали наступление со стороны Гельсингфорса и острова Лагерного переброшен-

¹ Найда С.Ф. Революционное движение в царском флоте. 1825–1917 гг. М.-Л., 1948. С. 288.

ные из Санкт-Петербурга и других пунктов правительственные войска. Е.Л. Коханский с группой восставших под белым флагом отправился к броненосцам, рассчитывая, что прибытие участников восстания на корабли изменит соотношение сил, и они присоединятся к восстанию. Однако их надежды не оправдались. После прибытия на корабли участники восстания были арестованы, и восставшие потеряли «Выстрел» – свой единственный корабль. 20 июля 1906 г. военный совет восставших принял решение прекратить безнадежную борьбу. Было арестовано 900 солдат и 100 гражданских лиц (из них 79 финских красногвардейцев), участвовавших в восстании. Еще около 600 человек погибли или скрылись. Из числа арестованных, А.П. Емельянов, Е.Л. Коханский и 40 других руководителей восстания были приговорены к смертной казни. 967 человек были осуждены военным судом к различным срокам заключения или службы в дисциплинарных ротах. 77 человек было оправдано. Финские красногвардейцы судились отдельно, в финских гражданских судах. 81 человек из них был приговорен к тюремным срокам в 4–8 лет.

Через два дня после начала восстания в Свеаборге произошли восстания в Кронштадте и на крейсере «Память Азова», стоявшем на ревальском рейде. Матросы 1-й и 2-й флотских дивизий вооружились и арестовали офицеров. К матросам присоединилось около 400 рабочих. Был захвачен арсенал, но оружия там оказалось мало. Развить успех восставшим не удалось. Команды стоящих в гавани кораблей были изолированы и не смогли поддержать восстание. Не удалось также захватить почту и телеграф. Части Енисейского пехотного и лейб-гвардейского финляндского полков ружейным и пулеметным огнем рассеяли плохо вооруженные отряды матросов и рабочих. Успешно начали восстание солдаты минной и саперной рот. Минеры захватили укрепление «Литке», а затем смелым десантом на паровозе заняли форт «Константин». Но овладеть артиллерией форта не удалось, так как офицеры и часть солдат из гарнизона «Константина» вывели орудия из строя. Поэтому никакой помощи восставшим минеры оказать не могли. Форт был окружен правительственными войсками и после орудийного обстрела сдался. К утру 20 июля 1906 г. слабо подготовленное и недостаточно организованное восстание потерпело поражение. Началась расправа. Уже в 5 часов утра 20 июля 7 минеров, схваченных на форте «Константин», были расстреляны по приговору военно-полевого суда. В тот же день произошли массовые аресты участников восстания. Всего было арестовано свыше 3 000 человек, в том числе 80 гражданских лиц. По пригово-

рам военно-полевых судов 36 человек было расстреляно, 130 – сослано на каторгу, 1251 – осужден на различные сроки тюремного заключения¹.

Восстание на Балтике тяжело сказалось на премьер-министре. Так, близкий сотрудник П.А. Столыпина С.Н. Сыромятников, явившись к нему однажды утром, застал его в халате. «Вы нездоровы?» – спросил С.Н. Сыромятников. «Нет, – ответил П.А. Столыпин, – мне сообщили ночью, что какой-то крейсер идет бомбардировать Петербург. Я звонил по телефону целую ночь, пока удалось найти батарею и поставить ее при входе в Неву, чтобы расстрелять его. По счастью, крейсер ушел в море. Но я не спал всю ночь». Но вместе с тем Свеаборгское и Кронштадтское восстания давали П.А. Столыпину желанный повод проявить себя в роли усмирителя и предоставляло ему возможность обрушить на мятежников всю силу правительственных репрессий. Стремительный суд и жестокая расправа с участниками восстания, а в особенности с вожаками и агитаторами, должны были, по мысли П.А. Столыпина, запугать революционеров и отбить охоту от активных выступлений против правительства. Поэтому П.А. Столыпин настоял в Совете министров на немедленном предании всех задержанных, в том числе и гражданских лиц, военному суду. Такая мера являлась прямым нарушением действовавших тогда законов о подсудности, так как гражданские лица на территории Финляндии ни в каком случае не подлежали военной подсудности, а должны были судиться в местных судах с применением местных же законов. О состоявшемся решении Совета министров немедленно были посланы телеграммы: П.А. Столыпиным – финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду, а военным министром, генералом А.Ф. Редигером – командиру 22-го армейского корпуса, генералу, барону А.Е. Зальца, который являлся высшим военным начальником в Финляндии. Телеграмма на имя А.Е. Зальца гласила следующее: «Гельсингфорс. Срочно. Командиру 22-го армейского корпуса генералу барону Зальца. 21 июля 1906 г. Лица, не принадлежащие к военному званию, но участвовавшие в мятеже Свеаборгского гарнизона, должны быть судимы совместно с воинскими чинами. № 1522. Военный министр генерал Редигер»².

Сведения о решении Совета министров судить всех участников Свеаборгского восстания, в том числе и финляндских граждан, военным судом достигли Финляндии еще до получения Н.Н. Герардом официального уведомления и вызвали среди местных общественных кругов

¹ Кораблев Ю. Революционные восстания на Балтике в 1905–1906 гг. Л., 1956. С. 43.

² П.А. Столыпин и Свеаборгское восстание // Красный архив. 1931. № 6 (№ 49). С. 144–148.

сильнейшее раздражение. Н.Н. Герард хорошо учитывал местную обстановку и, видимо, не желал идти по бобриковскому пути обострения отношений с финляндскими политическими и общественными кругами¹. Убийство Н.И. Бобрикова, ряд покушений на русских чиновников и, наконец, открытая борьба против наступательной политики царизма в октябре 1905 г., которая привела к полному провалу обрусительных тенденций в Финляндии, являлись предостерегающим фактором против новых авантур со стороны русского правительства, и Н.Н. Герард явно не хотел поддерживать незаконный шаг Совета министров. Пользуясь своим высоким положением, Н.Н. Герард, минуя премьер-министра, обратился непосредственно к царю со следующей телеграммой: «Полученные здесь из Петербурга сведения, что все захваченные в Свеаборге, не принадлежащие к военному званию, предаются военному суду, вызвали крайнее волнение. Теперь общественное мнение возбуждено против Красной гвардии и революционеров; административные и судебные места действуют энергично; законное течение дел дает надежду, что семя революции будет с корнем исторгнуто в этом крае. Предвидеть все последствия от принятия столь неконституционной меры невозможно. В крайнем случае, не соблаговолите ли вы, ваше величество, хотя бы финляндских граждан передать гражданскому суду. Насколько возможно, я ручаюсь, что судебные приговоры будут строгие. Простите, государь, за смелость моего обращения, но долг верноподданного меня к этому обязывает. Финляндский генерал-губернатор Герард. – 22 июля 1906 г. 7 час. 20 мин. пополудни»².

Данная телеграмма была переслана царем 23 июля П.А. Столыпину, а последний передал ее А.Ф. Редигеру для представления справки о существующих законодательных нормах, регулирующих данный вопрос. На следующий день, 24 июля, Главное военно-судное управление, по приказанию А.Ф. Редигера, представило ему справку, из которой с полной ясностью следовало, что гражданские лица в пределах Финляндии не могут быть преданы военному суду. Ознакомившись со справкой и убедившись, насколько вопиющим нарушением законов было распоряжение Совета министров о предании гражданских участников Свеаборгского восстания военному суду, А.Ф. Редигер признал необходимым ознакомить главного военного прокурора с теми мотивами, которыми руководствовался Совет министров, по указке П.А. Столыпина

¹ Генерал Н.И. Бобриков, финляндский генерал-губернатор, с 1898 по 1904 г. проводил в Финляндии жесткую политику обрусения и притеснения коренного населения. Был убит Э. Шауманом в июне 1904 г.

² П.А. Столыпин и Свеаборгское восстание... С. 144–148.

принимая данное решение. «Совет министров признал, что крепость Свеаборг есть не финляндская, а русская территория, – писал А.Ф. Редигер в резолюции на справке, возвращая ее в Главное военно-судное управление. – Председатель Совета министров послал телеграмму действительному тайному советнику Герарду, а я однородную – барону Зальца. Вчера выяснилось, что среди взятых штатских есть финляндцы; я высказал П.А. Столыпину мое мнение, что их надо передать финляндскому суду (гражданскому). – Справку о неприменении в Финляндии военных законов к штатским, даже русским, прошу послать немедленно П.А. Столыпину. Он едет сегодня в Петергоф. Выяснить, по телефону, куда справку послать, чтобы он получил до отъезда. – Редигер»¹.

Во исполнение этого приказания справка была снова переписана и вручена П.А. Столыпину в момент посадки его на пароход «Онега» для следования в Петергоф. Пока пароход шел к царской резиденции, у П.А. Столыпина было достаточно времени, чтобы обдумать создавшееся положение и убедиться, насколько противозаконно было решение, принятое Советом министров по его настоянию. Слишком очевидная незакономерность этой меры и опасение новой вспышки революционного восстания на финляндской окраине, где почти не было надежных русских войск, видимо, побудили П.А. Столыпина к частичному отступлению, и он доложил Николаю II о необходимости ликвидировать инцидент в отношении подсудности финляндских граждан. Дальше этого П.А. Столыпин не пошел. Остальные подсудимые из числа гражданских лиц не имели авторитетных заступников, и с ними, как со своими, можно было не стесняться. Поэтому решение Совета министров о предании их военному суду было оставлено в силе.

Чтобы сохранить лицо и избавить себя от прямого и открытого признания ошибки, Столыпин послал Н.Н. Герарду длинную телеграмму, содержавшую ряд обвинений финляндских политических кругов и местной администрации в попустительстве революционному движению. Частичная отмена решения Совета министров трактовалась как уступка Н.Н. Герарду, ввиду его заверений лояльности финляндских судов и администрации, причем тут же Н.Н. Герарду давалось понять, что от него ожидается соответствующее воздействие на местные органы. «В течение последнего времени, – писал П.А. Столыпин в телеграмме на имя Н.Н. Герарда, – Финляндия сделалась постоянным местом, где лица, злоумышляющие против престола и общества, обсуждают свои преступ-

¹ П.А. Столыпин и Свеаборгское восстание... С. 144–148.

ные замыслы, укрываются от преследования русских властей и осуществляют ввоз оружия для революционных целей, причем практического противодействия этим предприятиям не оказано местной администрацией и судом. С особенной наглядностью это проявилось в допущении почти открытой агитации среди гарнизона Свеаборга и Гельсингфорса на митингах в этом городе перед бунтом и явного самовооружения Красной гвардии. Такое попустительство привело к возмущению части войск и к многочисленным жертвам восстания. При подобных условиях едва ли можно было ожидать от местных полиции и суда полной энергии и непоколебимой твердости в немедленном разоблачении и быстрой строгой каре виновных, поднявших на восстание тех, кто ныне по закону подлежит военному суду. Однако же, приняв во внимание удостоверяемую вами готовность финляндских властей выказать в настоящем случае ту деятельность, почин и твердость, которым отвечает крайняя важность нарушенных виновными государственных, а не только местных интересов, государь император соизволил разрешить не предавать военному суду задержанных в Свеаборге финляндских граждан гражданского ведомства, ожидая от финляндского суда и администрации выполнения до конца своего долга пред престолом и Россией. – Председатель Совета министров Столыпин». Таким образом, конфликт в отношении подсудности военному суду финляндских граждан был ликвидирован не в пользу премьера. Об участии же остальных подсудимых из числа гражданских лиц поспешил позаботиться главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич, который телеграммой от 26 июля 1906 г. на имя А.Е. Зальца подтвердил, что «гражданские лица не из финляндских уроженцев, участники мятежа, должны судиться военными судами»¹.

Тем не менее П.А. Столыпину предстояло воздействовать на финляндскую администрацию и добиться от нее если не содействия, по крайней мере, нейтрального отношения к действиям русской полиции и жандармерии в отношении российских революционеров, находящихся на территории Великого княжества Финляндского. 27 октября 1906 г. товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров обратился к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу с письмом, где после перечисления фактов активной деятельности русских революционеров в Финляндии предлагал, чтобы лица, находящиеся в Финляндии и обвиняемые в совершении преступлений на террито-

¹ П.А. Столыпин и Свеаборгское восстание... С. 144–148.

рии империи, подлежали аресту и высылке в распоряжение российских властей по требованию полицейских или судебных властей Российской империи. Он также предлагал предусмотреть возможность арестов по требованиям российской полиции, передаваемым по телеграфу. 4 ноября 1906 г. гражданская экспедиция Сената издала циркуляр о порядке обысков, арестов и выдачи русских революционеров российским властям, которым предусматривалась возможность обыска или ареста российских подданных на основании письменного постановления российской стороны. Постановление должно было быть предъявлено представителем российской полиции чинам финляндских полицейских органов, которые обязаны были его исполнить.

П.А. Столыпина данный циркуляр не удовлетворил, поскольку реально финляндская полиция по собственной инициативе русских революционеров не преследовала. Революционеры переходили границу с Великим княжеством и оказывались на территории империи в безопасности. Ситуация беспокоила правительство, и в начале февраля 1907 г. у Николая II состоялось совещание по поводу мер, которые необходимо принять в отношении Великого княжества. В разработке плана мероприятий по Финляндии активное участие принял П.А. Столыпин. Он предлагал подготовить введение военного положения в Выборгской губернии и укрепить российскую администрацию в Княжестве. Николай II поддержал П.А. Столыпина и в апреле 1907 г. распорядился начать подготовку текста правительственного сообщения и императорского указа об объявлении Выборгской губернии на военном положении. В ноябре 1907 г. император вновь вернулся к этому вопросу и написал П.А. Столыпину, что «необходимо продолжать приготовления в войсках для введения их в Выборгскую губернию и довести эти приготовления до конца, а затем обождать подходящего момента».

Возможные способы борьбы с деятельностью революционных организаций на территории Финляндии обсуждались Особым совещанием по делам Великого княжества Финляндского 3 ноября 1907 г. Предлагалось несколько вариантов решения проблемы. Часть участников заседания предлагала принять меры, расширяющие полномочия чинов отдельного корпуса жандармов в княжестве. Но большинство склонилось к тому, что расширение полномочий жандармов без объявления Выборгской губернии на военном положении ничего не даст. В итоге Николай II издал высочайшее повеление о том, что если не будут ликвидированы самые опасные организации революционеров в Финляндии, то Выборгская губерния будет объявлена на военном положении. Но во-

енное положение в Выборгской губернии введено не было. Российская сторона объясняла это обстоятельство тем, что накануне введения военного положения русской полицией были арестованы несколько руководителей революционных организаций. После этих арестов военное положение решено было не вводить, но Николай II распорядился установить по границам Финляндии военный кордон, для того чтобы не допускать подозрительных лиц из Финляндии в Россию.

К концу 1907 г. российское правительство вновь обратилось к вопросу о пресечении деятельности русских революционеров на территории Финляндии. 5 декабря 1907 г. П.А. Столыпин обратился с письмом к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу, в котором он с тревогой отмечал: «Поступающие уже с 1905 г. в Министерство внутренних дел сведения свидетельствуют о том, что территория Великого княжества Финляндского и в особенности Выборгская и Нюландская губернии сделались постоянным убежищем русских революционеров, которые не только занимаются систематически пропагандой среди местных войск, но сформировали там прочные организации для руководства агитацией и подготовки террористических актов в империи»¹. По данным МВД, только за 1907 г. в Терийоки, Куоккала и Тампере было проведено около 15 заседаний и конференций русских социал-демократических и эсеровских организаций. В Финляндии были «организованы и подготовлены до мельчайших подробностей» террористические акты, включая убийство главного военного прокурора генерал-адъютанта Павлова и покушение на военного министра. Петербургская полиция установила «существование в местечке Келломяки целого бюро террористов, подготовлявших убийства... и имевших карточки лиц, принявших на себя совершение политических убийств»². «В то же время, – продолжал П.А. Столыпин, – розыскные чиновники, пытаясь продолжать наблюдение за преступниками в пределах Великого княжества, оказываются в исключительно неблагоприятной обстановке, не только не получая поддержки от местной власти, но встречая от некоторых ее представителей, а затем и от населения, явно враждебное отношение, доходившее уже во многих случаях до открытого преследования. Благодаря этому имперское правительство может ныне, на основании непреложных данных тяжелого опыта, констатировать, что во всех случаях, когда русские революционеры пожелают переехать в Финляндию, они делаются недостижимыми

¹ РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

² Там же. Л. 1–2.

в значительно большей мере, нежели при выезде их в одно из иностранных государств, власти коих проявляют гораздо более существенное содействие упорной борьбе русского правительства с революционным движением, нежели органы финляндской администрации». В начале 1908 г. в Финляндии были «предупреждены или закрыты восемь устроенных разными русскими революционными организациями собраний»¹. Сообщалось также о произведенных арестах, конфискации партий нелегальной литературы, обнаружении складов оружия и боеприпасов.

Когда в ноябре 1910 г. Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского под председательством П.А. Столыпина поставило вопрос о присоединении части территории Выборгской губернии к России, в числе обстоятельств, диктовавших необходимость переноса границы, назывались потребности борьбы с революционными элементами, «могущими ныне находить себе... безопасное убежище в нескольких десятках верст от Санкт-Петербурга». Разработанный специальной комиссией законопроект о передаче в состав коронной России финляндских приходов Кивеннапа (Кивиннеб) и Уусикиркко (Новая Кирха) не был, однако, претворен в жизнь. Под нажимом центра финляндские власти были вынуждены отказаться от прежнего либерализма по отношению к противникам царского режима и продемонстрировать несколько большую активность при их преследовании. А.Ф. Лангоф, реагируя на письмо П.А. Столыпина, наметил ряд мер, которые должны были повысить эффективность работы органов охраны правопорядка на территории Великого княжества. Предполагалось «воспретить впредь до времени русским созывать и устраивать совещания, съезды и др. собрания в Финляндии без разрешения генерал-губернатора; вменить в обязанность финляндским властям немедленно принимать меры к удалению из края русских уроженцев, получивших право на пребывание в Финляндии, если от имперских властей поступит сообщение, что эти лица лишаются сказанного права; преобразовать или усилить полицию в Финляндии в такой мере, чтобы она могла с большей быстротой и большим успехом разыскивать русских политических преступников, укрывающихся в Финляндии, иметь за ними неослабное наблюдение, производить обыски и задерживать их»². Однако вплоть до 1917 г. территория Финляндии оставалась для русских революционеров более безопасным местом по сравнению с собственно российскими областями, хотя им и пришлось глубже уйти в подполье.

¹ РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 59. Л. 73.

² Там же. Л. 21.

Тем временем 12 августа 1906 г. на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге на даче премьер-министра П.А. Столыпина произошел взрыв. Террористический акт совершила Боевая организация социалистов-революционеров максималистов. Идеологи Союза эсеров-максималистов, отколовшегося от партии эсеров и находившегося на крайнем фланге российских леворадикальных партий, проповедовали теорию возможности немедленного перехода России к социализму. Отказываясь от выдвижения «минимальных» задач борьбы за гражданские свободы и Учредительное собрание, они считали необходимым осуществлять максимальную социалистическую программу не только социализации земли (этого добивалась вся партия эсеров), но и социализации производства и товарно-денежных отношений. Прямое продолжение теории максималистов – их радикальная тактика, направленная на то, чтобы с помощью активной террористической деятельности вызвать подъем массового революционного движения. Американский журналист Джон Рид, сталкивавшийся с максималистами в 1917 г., называл их «крестьянскими анархистами». В Женеве была принята резолюция группой «аграрных» террористов (25 человек) во главе с М.И. Соколовым. Он начал свою революционную деятельность, будучи учеником в эсеровском кружке в Саратовской губернии. В 1904 г. после ареста и побега оказался в Женеве, где и возглавил группу «аграрных террористов». В.М. Чернов (лидер партии эсеров) не согласился с такими методами борьбы. Тем не менее осенью 1904 г. данная группа выехала в Россию. Одна из руководителей партии эсеров Е.К. Брешко-Брешковская («Бабушка»), которая в этот момент находилась в США, прислала им напутственное письмо, в котором призвала «аграрников» приступить к «активному образу действий». В другой своей прокламации она писала: «Мы, интеллигенты, должны не только звать народ на образование боевых дружин, нет, мы должны самолично стать рядом с крестьянином, взять ружье и нож в свои руки, дать ружье и нож в руки товарища крестьянина и – плечо с плечом, грудью вперед – нападать на врага нашего». Уже на границе часть «аграрных» террористов была арестована, но М.И. Соколову и большинству членов данной группы удалось пробраться в Россию. Свою работу они начали в Екатеринославе, Белостоке и Минске, где призывали не только к аграрному, но и фабричному террору. Раздавались также призывы к грабежу денег, которые принадлежали не только казенным учреждениям, но и частным лицам. В ноябре 1904 г. в Минске М.И. Соколов издал прокламацию, в которой содержались следующие слова: «Бей чиновников царских, капиталистов и помещиков! Бей

покрепче и требуй – земли и воли!» ЦК партии эсеров пытался «утихомирить» М.И. Соколова и его приверженцев, но напрасно. Однако 3 апреля 1905 г. в Курске на собрании «Крестьянского союза» М.И. Соколов был арестован полицией, тем не менее части его сторонников, ранив пристава, удалось разбежаться. Вину М.И. Соколова доказать не смогли и через несколько месяцев его выпустили. Впоследствии они создали движение эсеров-максималистов.

В 1906 г. в столице Российской империи активно работали рабочая, военная и боевая группы максималистов. Сформированная весной этого года, петербургская Боевая организация первоначально была немногочисленна, но вскоре пополнилась «москвичами», «белосточанами» (находящийся сейчас в Польше город Белосток считался «прародиной» тогдашних максималистов и анархистов) и рабочими дружинниками из Екатеринослава (ныне Днепропетровск). К июлю Боевая организация состояла уже из 60 человек. В Исполнительный комитет максималистской «боевки» вошли М.И. Соколов, В.Д. Виноградов, К.С. Мыльников, М.Д. Закгейм и кооптированный в нее заочно С.Я. Рысс. Задачей этой организации являлось осуществление покушений на виднейших царских сановников и самого царя. Возглавлял Союз эсеров-максималистов 25-летний М.И. Соколов («Медведь», «Анатолий», «Петр Васильевич»), обладавший непререкаемым авторитетом у соратников благодаря незаурядным качествам – неукротимой энергии и исключительной смелости. В это время он пользовался еще одной кличкой – «Каин». Ближайшей соратницей М.И. Соколова была Н.С. Климова, она была потомственной дворянкой и дочерью видного земского деятеля, члена Государственного совета и октябриста по партийной принадлежности – С.С. Климова. Вступив на революционный путь 20-летней курсисткой в 1905 г., она стала одной из наиболее ярких женских фигур максимализма¹.

В июне 1906 г. максималистами была организована слежка за П.А. Столыпиным. На деньги, полученные в результате вооруженного нападения на банк Московского общества взаимного кредита 7 марта 1906 г., были сняты конспиративные квартиры, оборудованы мастерские по изготовлению бомб, паспортов, приобретены конные выезды, два автомобиля. Находившиеся в любовной связи М.И. Соколов и Н.С. Климова под видом состоятельных молодоженов поселились в Поварском переулке. Детали покушения отрабатывались в наемной квартире других «супругов» (В.Д. Виноградов и Н.А. Терентьева) на Го-

¹Энгельгардт М.М. Взрыв на Аптекарском острове // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-н/Д, 1996. С. 252–294.

роховой улице. Дочь богатого купца из Оренбургской губернии 25-летняя Н.А. Терентьева по окончании Уфимской гимназии поселилась в Москве. Здесь она поступила на женские курсы и вскоре вступила в партию эсеров. В студенческом общежитии, где жила Н.А. Терентьева, в ее комнате находилась партийная явка. Там она познакомилась с известными впоследствии террористками – З.В. Коноплянниковой, застрелившей летом 1906 г. подавившего московское Декабрьское вооруженное восстание командира лейб-гвардии Семеновского полка Г.А. Мина, и А.А. Биценко. По воспоминаниям Н.А. Терентьевой, А.А. Биценко не удалось получить санкцию на теракт в отношении карателя саратовских крестьян генерал-адъютанта В.В. Сахарова со стороны Боевой организации партии эсеров в лице Е.Ф. Азефа. Однако именно в Москве в это время образовалась так называемая московская оппозиция внутри эсеровского движения, которая не считалась с директивами руководящих органов партии. Как писала в автобиографии Н.А. Терентьева, она в 1905 г. вместе с А.А. Биценко участвовала в изготовлении бомб под Москвой, а потом помогала снаряжаться А.А. Биценко (именно на явке у Н.А. Терентьевой) перед поездкой в Саратов. Во время Декабрьского восстания в Москве в 1905 г. Н.А. Терентьева вместе с вождями московской оппозиции (М.И. Соколовым-«Медведем» и другими) участвовала в баррикадных боях на Бронной и Пресне. В мае 1906 г. она вошла в Боевую организацию максималистов.

В начале июля 1906 г. боевики несколько раз посещали заседания Государственного совета. Первоначально в их план входил захват этого органа власти: в здание должны были ворваться несколько террористов-смертников и взорвать его вместе с собой. И только роспуск верхней палаты парламента именным высочайшим указом на каникулы заставил их отказаться от прежних планов. Решено было убить кого-нибудь из высших чиновников. Разведка велась на Петергофском проспекте и Варшавском и Балтийском вокзалах. Разведчики собирались в чайных и трактирах на Сенной площади, на конспиративных квартирах в Лесном и на Васильевском острове, им показывались фотографии П.А. Столыпина, А.Ф. Трепова, И.Л. Горемыкина, В.Н. Коковцова, А.А. Бирилева. После роспуска I Государственной думы все свои силы они сосредоточили для организации покушения на П.А. Столыпина. Взрывные снаряды изготовил В.О. Лихтенштадт в динамитной мастерской большевистской Боевой технической группы Л.Б. Красина, которая была оборудована в московской квартире А.М. Пешкова (Горького). Охраной мастерской руководил С.А. Тер-Петросян («Камо»). Максималистам удалось рассчитать необходимое количество динамита и изго-

товить метательные снаряды, которые и были использованы при взрыве на Аптекарском острове. Придя к решению взорвать дачу министра в приемный день, боевики прекрасно понимали, к какому количеству случайных жертв может привести подобная акция. Позже, на следствии, Н.С. Климова говорила: «Решение принести в жертву посторонних лиц далось нам после многих мучительных переживаний, однако, принимая во внимание все последствия преступной деятельности Столыпина, мы сочли это неизбежным». Время для теракта было выбрано не случайно. По мнению М.И. Соколова, последние события в стране (разгон Думы и неудачное восстание на флоте, закончившееся многочисленными казнями) создавали атмосферу, в которой система террора должна была «поднять ниспадающую волну революции»¹.

12 августа 1906 г. в четвертом часу к даче премьер-министра подъехал экипаж, в котором находились максималисты «Француз» (Э. Забельшанский), «Гриша» (И.М. Типунков), переодетые в жандармов, и «Федя» (Н.И. Иванов) в штатском. Двое «жандармов» бережно держали в руках портфели, как потом выяснилось, с бомбой весом не менее 6 кг в каждом. Приемная премьера была полна посетителей, ожидавших аудиенции у премьера. «Жандармы», видимо, вызвали подозрение у швейцара и заведующего охраной П.А. Столыпина генерала А.Н. Замятнина. Дело было в том, что незадолго до этого головной убор жандармских офицеров изменили, а приехавшие были в касках старого образца. Швейцар попытался преградить дорогу подозрительным визитерам, а заметивший их из окна приемной генерал А.Н. Замятнин бросился в переднюю. Террористы, видя, что привлекли внимание, и боясь упустить момент, кинулись в подъезд, оттолкнув швейцара. В передней они натолкнулись на выбежавшего навстречу генерала А.Н. Замятнина и с криком «Да здравствует революция!» бросили свои портфели на пол перед собой, после чего раздался оглушительный взрыв. Результатом теракта явилась смерть более чем 30 людей (27 человек было убито на месте, 32 ранено – из них 6 умерло на другой день). В числе погибших оказались бывший пензенский губернатор, член Совета министров внутренних дел С.А. Хвостов и управляющий канцелярией московского генерал-губернатора А.А. Воронин. Кроме них, погибли или были тяжело ранены случайные, ни в чем не повинные люди и даже дети, включая одну из дочерей и сына владельца дачи. У четырнадцатилетней Наташи Столыпиной оказались сильно повреждены обе ноги, и она на

¹ Энгельгардт М.М. Взрыв на Аптекарском острове // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на/Д, 1996. С. 252–294.

всю жизнь осталась калекой, а трехлетний сын Адя (Аркадий) получил перелом бедра. Среди убитых были женщины, одна – на восьмом месяце беременности. Другая, вдова, пришла хлопотать о пособии вместе с маленьким сыном, ручку которого после взрыва нашли в саду. В числе погибших оказался и создатель первого русского броневедомобиля подьесаул М. Накашидзе.

Сами террористы, а также генерал А.Н. Замятнин и швейцар были разорваны в клочья. Но сам премьер-министр чудом остался жив. В момент взрыва он сидел за письменным столом. Несмотря на две закрытые двери между кабинетом и местом взрыва, громадная бронзовая чернильница поднялась со стола на воздух и перелетела через голову П.А. Столыпина, залив его чернилами. Ничего другого в кабинете взрыв не повредил. Все трое при совершении теракта погибли. М.И. Соколов-«Медведь», находившийся поблизости, получил ранение, уйти ему удалось. 10–24 октября 1906 г. в г. Або в Финляндии прошла I Всероссийская конференция максималистов, на которой в качестве программного заявления Союза эсеров-максималистов был принят доклад М.И. Соколова «Сущность максимализма». К этому моменту «максы», как их называли на тогдашнем революционном сленге, оказались в центре общественного внимания. Как вспоминал один из них, Г.А. Нестроев, имя «максималист» гремело по всей России и Европе, вызывая удивление у одних, трепет у других и жажду мести у третьих¹.

Однако время триумфа «максов» действительно оказалось недолгим. Вскоре в руках у Охранки оказались фотографии виднейших членов Боевой организации, включая М.И. Соколова. Дело было в том, что в руководстве Союза подвизался С.Я. Рысс по кличке «Мортимер», завербованный полицией во время ареста. Он вел какую-то странную двойную игру, поставил в известность о своей вербовке «Медведя» и в то же время открыл Охранному отделению важные сведения. С помощью С.Я. Рысса в Москве была обнаружена и выслежена известная максималистка Л.С. Емельянова. При помощи наружного наблюдения полиция пошла по следу: адреса, которыми она воспользовалась по приезде в Санкт-Петербург, помогли филерам нащупать «конспиративки» и явки неуловимых доселе максималистов. Уже 16 октября 1906 г. перед военно-полевым судом в Петропавловской крепости предстала группа схваченных во время зачистки города после ограбления таможни максималистов. Восемь из них во главе с В.Д. Виноградовым были пове-

¹ Энгельгардт М.М. Взрыв на Аптекарском острове // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на/Д, 1996. С. 252–294.

шены. 13 ноября в Одессе были арестованы боевики, выехавшие туда для покушения на командующего Одесским военным округом барона А.В. Каульбарса. Среди них оказалась Н.А. Терентьева, осужденная на пожизненную каторгу. 26 ноября 1906 г. на улице к М.И. Соколову подошел «нищий», стал выпрашивать копеечку. Тот сунул руку в карман – «нищий» (переодетый полицейский) в нее вцепился. Тут же еще шесть человек навалились на него. Скрутили с трудом. 2 декабря 1906 г. М.И. Соколова повесили. С.Я. Рысс был также повешен.

На столь вопиющий террористический акт власти необходимо было как-то ответить. Действовавшие на тот момент законы предусматривали исключительное положение как правовую категорию, которой был посвящен целый блок нормативных правовых актов, регулировавших деятельность администрации и полиции в Российской империи при возникновении чрезвычайных обстоятельств общественного, политического или иного характера. Как писал дореволюционный правовед В.М. Гессен, положение представляет собой «совокупность исключительных полномочий, в чем бы они ни состояли, предоставляемых правительственной власти, при наступлении обстоятельств, угрожающих изнутри или извне существованию государства»¹. Данное понятие отражает субъективность и неопределенность самого явления. Характерное для любого государства, исключительное положение по-разному регламентируется и по-разному реализуется. В Российской империи его значимость всегда была велика. Особенно следует отметить Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», одобренное 14 августа 1881 г. Это был один из первых актов, изданных после гибели императора Александра II его наследником, самодержцем Александром III; закон обозначил новый курс в политике – консервативный. Нельзя, впрочем, сказать, что в предыдущем царствовании совершенно отсутствовали репрессивные меры: напротив, с усилившейся волной терроризма актов, ужесточавших управление и контроль, стало гораздо больше (Положения «Об особых мерах к ограждению общественного спокойствия» от 1 сентября 1878 г., Указ «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда» от 9 августа 1878 г.). Однако все это были лишь точечные меры – попытки стабилизировать положение, ликвидировать социальную напряженность. Неэффективность действий, приведшая к гибели

¹ Гессен В.М. Исключительное положение. СПб.: Право, 1908. С. 74.

царя, определила судьбу правительственных либералов с М.Т. Лорис-Меликовым во главе. К власти пришли консерваторы, стремившиеся подавить революционное движение любыми средствами.

В реформировании и пересмотре нуждалась вся система государственного аппарата. Неопределенность, широта полномочий и бюрократизм порождали произвол. Принятие законов зависело от целого комплекса условий: воли императора, его целей, принципов и отношения, влияния сановников и политического курса в целом. Это был сложный процесс, основную роль в котором играло одно лицо. В 1881 г. Александр III предписал «подвергнуть совокупному пересмотру все временные законы, изданные в последнее время, и начертать, взамен сих узаконений, особое "Положение". 14 августа он же объединил все разрозненные прежде правовые акты в один закон – «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». А 4 сентября был принят указ о его издании. Для рассмотрения данного правового акта необходимо было изначально установить, в чем заключались нормальные полномочия полицейской власти: во-первых, полицейский надзор – негласный и гласный. Кроме того, запрещение пребывания в определенных местностях, высылка иностранцев за границу (закон «Об удалении иностранцев из пределов России» 1893 г.), вооруженное принуждение и ввод войск на территорию.

И все же все это входило в ряды постоянных, стандартных полномочий. Полномочия же исключительные регламентировались Положением «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Оно состояло из 36 статей и пяти разделов: общие правила, правила о положении усиленной охраны, правила о положении чрезвычайной охраны, правила для местностей, не объявленных в исключительном положении; правила об административной высылке. Министр внутренних дел являлся высшим должностным лицом. В его полномочия входило: издавать общеобязательные требования; отменять постановления подотчетных ему начальств; ходатайствовать о принятии временных мер; непосредственно их осуществлять. В случаях, когда ситуация требовала срочного действия, местности объявлялись на исключительном положении. «Преступные посягательства против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ» влекли за собой объявление положения усиленной охраны; приведение же «населения известной местности в тревожное настроение» соответствовало чрезвычайному положению. Эти две степени исключительности положения характеризовались различными уровнями

ограничения прав и свобод. Однако сначала было необходимо уточнить правила их введения. Положение усиленной охраны имел право объявлять министр внутренних дел, а также с его утверждением и генерал-губернатор. При этом отчет о данном действии предоставлялся на высочайшее благоусмотрение через Комитет министров. Чрезвычайная охрана вводилась исключительно высочайшим утверждением положения Комитета министров с представления министра внутренних дел. При этом необходимо было четко указывать местности, подлежащие введению вышеупомянутых режимов. Отменялись они в том же порядке, что и объявлялись¹.

Положение усиленной охраны действовало ровно один год, после чего требовало либо продления, либо полной отмены с прекращением действия временных актов, изданных в этот период. То же касалось чрезвычайной охраны, с одной только разницей: последняя действовала 6 месяцев. Высшей властью при усиленной охране обладали генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники. Они могли издавать распоряжения; налагать взыскания, разрешать дела о нарушениях в административном порядке; запрещать собрания всякого рода; закрывать промышленные и торговые учреждения; запрещать определенным лицам пребывание в местностях под усиленной охраной. Кроме того, согласно ст. 17, генерал-губернаторы и в иных местностях министр внутренних дел имели право передавать дела о серьезных и угрожавших правопорядку уголовных преступлениях в ведение военного суда для разрешения по законам военного времени. Власти также были вправе требовать ведения определенных дел при закрытых дверях. Местные полицейские начальники, начальники жандармских управлений, их помощники могли распоряжаться по поводу предварительного задержания подозреваемых лиц (не более двух недель); кроме того, им предоставлялось право производить обыски и накладывать арест на имущество.

Что касается чрезвычайного положения, то при нем сохраняли свое действие все статьи, относящиеся к усиленной охране. Генерал-губернаторы и другие должностные лица утверждались главноначальствующими. Последние могли назначать в подотчетных им местностях определенных лиц, которые имели право не только заниматься гражданским управлением, но и командовать воинскими частями; более того, учреждать военно-полицейские команды для помощи местной полиции; передавать в военный суд дела «об известного рода преступлении».

¹ Махмутова М.В. Исключительное положение в Российской империи: правовые основания // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. М., 2014. С. 211.

ях и проступках»¹. Если распоряжение определенным имуществом или доходом влекло за собой преступление, главноначальствующие имели право налагать на недвижимое имущество арест или секвестр. Помимо перечисленного, закон определял еще ряд полномочий высшей администрации: возможность подвергать аресту, заключению в тюрьме или крепости на три месяца, минуя судебный порядок; отстранять от должности всех чиновников и выборных должностных лиц; распоряжаться на собраниях этих учреждений. Главноначальствующие также имели возможность приостанавливать периодические издания на период действия положения чрезвычайной охраны и закрывать учебные заведения (максимум на 1 месяц).

Положение признавало за высшей властью возможность введения определенных правил в смежных губерниях или областях. Начальникам полиции предоставлялись права подвергать лица, подозреваемые в совершении государственного преступления или участии в деятельности незаконных обществ, аресту «на срок не более 7 дней». Министр внутренних дел при утверждении министром юстиции получил право подвергать гражданских лиц военному суду за государственные преступления, сопротивление властям, нападение на военных, полицейских чинов, должностных лиц. Особо следует отметить правила, которыми регулировалась административная высылка. Частное лицо могло быть выслано в определенную местность административным порядком с необходимостью пребывания там, в течение установленного срока в строгом соответствии с правилами (при этом сам срок ограничивался пятью годами). Впрочем, существовала возможность сокращать и продлевать высылку. Таким образом, Положение от 14 августа 1881 г. довольно детально регламентировало все этапы и виды исключительного положения. Характерен процесс его реализации. Если в Указе 4 сентября 1881 г. можно прочесть о допущении «на время чрезвычайных мер преходящего свойства», то 10 февраля 1905 г., в период начала революции, Комитет министров написал в своем журнале: «Правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, при издании своем имевшие временный и исключительный характер, получили... характер постоянного законоположения... Эти правила существуют уже ныне непрерывно 22 года». Следует отметить, что изначально период действия ограничивался тремя годами. Однако по их истечении Министерство внутренних дел подало ходатайство о продлении, которое,

¹ Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. СПб.: Сенатская тип., 1908. С. 273.

пройдя через Комитет министров, было утверждено верховной властью. Так происходило вплоть до 1902 г. В 1905 г., по окончании трехлетнего срока, Комитет министров решил продлить действие Положения на один год, до его пересмотра. Однако ежегодная пролонгация закона продолжалась вплоть до падения самодержавия.

4 сентября 1881 г. в состоянии усиленной охраны объявлены губернии: Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Киевская, Волынская, Подольская, Херсонская и Бессарабская; градоначальства: Одесское, Таганрогское и Керчь-Еникальское; уезды: Симферопольский, Евпаторийский, Ялтинский, Феодосийский, Перекопский и г. Бердянск Таврической губернии; г. Воронеж с уездом, города Ростов-на-Дону и Мариуполь Екатеринославской губернии, — а с 1882 г. и г. Николаев. До 1905 г., то есть до начала революционной эпохи, в состоянии усиленной охраны остаются непрерывно в течение 24 лет губернии: Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Киевская, Волынская и Подольская; градоначальства: Одесское и Таганрогское; города: Ростов-на-Дону и Николаев. В 1901 г., при первых признаках надвигающейся революции, усиленная охрана охватывает почти всю Россию; так, уже в 1901 г. она вводится почти одновременно в губерниях: Полтавской, Самарской, Виленской, Владимирской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской, Казанской, Ярославской, Томской, Нижегородской, Саратовской, Тифлисской, Бакинской и Бессарабской. С началом революции усиленное положение заменялось чрезвычайным (в 27 губерниях) и военным (в 40), причем преимущественно в тех местностях, что были под усиленной охраной со времени издания Положения.

Впервые вопрос об ужесточении наказаний и передачи гражданских лиц на театре боевых действий (в тот период еще шла война с Японией) и в местностях, объявленных на военном положении (такowymi в 1905 г. постепенно стали практически все губернии в России) под юрисдикцию военно-полевых судов был поднят С.Ю. Витте еще в 1905 г., однако в тот период и император Николай II, и Государственный Совет выступали против этой меры. Более того, члены Государственного Совета в январе 1906 г. отмечали, что «не следует преувеличивать силы и размера революционного движения, особливо в тот момент, когда оно начинает затихать и перестает принимать формы открытых восстаний. Как ни тяжело переживаемое тяжелое время, но оно не успело охватить коренного населения в значительной его части: противоправительственная агитация ведется сравнительно малочисленной партией»

и притом в местностях, где имеется для того благодатная почва... Там же, где такой почвы нет, а между тем этой партии удавалось вызывать временные вспышки мятежа, они были подавляемы при общем сочувствии всей благоразумной части населения»¹. Тем не менее, если до 1905 г. только император, Министерство внутренних дел во главе с министром могли принимать окончательное решение по введению одного из режимов охраны, то после указа 29 ноября 1905 г. должностным лицам, управлявшим губерниями, в случае нарушения сообщений с центральной властью предоставлялось самостоятельное право на введение чрезвычайной охраны. Такая законодательная поправка децентрализовала общую систему безопасности в условиях чрезвычайной ситуации, хотя при этом давала возможность оперативно ликвидировать различные выступления на местном уровне.

6 июля 1906 г. Николай II сделал собственноручную надпись на тексте записки Главного военно-судного управления «Об установлении правил о военно-полевом суде», которая гласила следующее: «Напоминаю Главному военно-судному управлению мое мнение относительно смертных приговоров. Я их признаю правильными, когда они приводятся в исполнение через 48 часов после совершения преступления – иначе они являются актами мести и холодной жестокости». До этого времени в практике военно-окружных судов не было случаев приведения в исполнение смертных приговоров через 48 часов после совершения преступления. На дознание, предварительное следствие, процедуру суда и приведение приговора в исполнение всегда требовалось более продолжительное время, исчислявшееся не часами, а неделями и месяцами. Военный министр сообщил 29 июля 1906 г. председателю Совета министров П.А. Столыпину о воле царя совершать казни не позже 48 часов после совершения преступления. Царь выразил это желание во время доклада ему министра. При этом, как писал министр, Николай II мотивировал свою волю указанием, «что такое быстрое исполнение наказания будет больше устрашать».

Потребовав чрезвычайной быстроты от военной юстиции в решениях дел, исходом которых была смертная казнь, царь не проявил какого-либо недомыслия. Он не признавал в своем суждении никакой оши-

¹ Славнитский Н.Р. Террористические акты в Санкт-Петербурге и деятельность петербургских военно-полевых судов в годы министерства П.А. Столыпина // История в подробностях. 2011. № 8. С. 36–42; Шебалов А. Вопрос о смертной казни за политические преступления накануне I Думы (архивные материалы по истории 1905–1906 гг.) // Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 185.

бочности и продолжал стоять на своей точке зрения даже тогда, когда министрами было указано на ее неправильность. Главный военный прокурор В.П. Павлов в своем обращении к военному министру обратил внимание на трудности осуществления «монаршей воли». Он, прежде всего, указал на то, что «осуществление упомянутой монаршей воли совершенно не зависит от Главного военно-судного управления, так как: 1) дела о гражданских лицах, предаваемых военному суду на основании военного положения или положения об охране, по каковым только делам почти исключительно и постановляются смертные приговоры, передаются в военно-прокурорский надзор, а затем в военный суд лишь по окончании дознаний, производимых жандармской и общей полицией, и следствий, производимых судебными следователями, и по рассмотрении таковых генерал-губернаторами, причем на ускорение означенных актов военно-судебные органы не могут оказывать никакого влияния; 2) при всей обширности пространства Российской империи в ней имеется всего 12 военно-окружных судов. Поэтому в случаях совершения преступлений вне места нахождения суда приходится или командировать туда временный суд, или же доставлять преступника в суд. Как то, так и другое при больших расстояниях требует иногда значительного времени; 3) рассмотрение дела в военно-прокурорском надзоре и в суде, как бы энергично ни действовали чины их, требует обязательного соблюдения некоторых, установленных законом сроков, вследствие чего при наибольшей возможной, без нарушения правил военно-судного устава, быстроте приговор может быть приведен в исполнение не раньше как на шестые или седьмые сутки после передачи дела военному прокурору» (следует отметить, что 27 декабря 1906 г. В.П. Павлов был убит переодетым в форму матроса-писаря суда террористом после того, как в Государственной Думе депутаты-кадеты пригрозили ему расправой, а в газете «Речь» появилась статья В. Беренштама, назвавшего его «палачом», стоящим «по колена в крови»)¹.

В таком же ключе высказался и министр юстиции И.Г. Щегловитов. В своем докладе от 9 августа 1906 г. он высказался отрицательно о проекте создания военно-полевых судов и о казнях через 48 часов после совершения преступления. В осторожных выражениях министр юстиции писал, что практически было бы весьма затруднительно выявить «те случаи, когда до постановления судебного приговора надлежит считать по делу вполне безусловно доказанным состав преступле-

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1962. Т. 4. С. 91.

ния, а равно и виновность в оном обвиняемого и когда, следовательно, на упомянутое дело надлежало бы распространить проектируемый порядок». Правил, подобных проектируемым, не было ни в одном государстве. На этом основании И.Г. Щегловитов предлагал обсудить предположение об издании нового закона в Совете министров и представить результаты такого обсуждения государю для дальнейших его указаний.

19 августа 1906 г. (через неделю после покушения на П.А. Столыпина на Аптекарском острове) в качестве «меры исключительной охраны государственного порядка» был принят Закон о военно-полевых судах. Террористы объявлялись «врагами общества». Предусматривалось, что «в местностях, объявленных на военном положении... главнокомандующему, командующему армиями, командующим войсками в военных округах и лицам, пользующимся равною с ними властью, предоставляется в тех случаях, когда учинение преступного деяния лицом, подсудным военному суду, является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании, предавать обвиняемым военно-полевому суду, с применением в подлежащих случаях наказания по законам военного времени». Основным отличием таких судов являлось отсутствие на процессе как обвинителя (эти функции на себя брали судьи), так и защитника (обвиняемый должен был защищать себя сам), при этом допускались допросы свидетелей (чаще всего ими становились чины полиции), то есть заседание проводилось без прокурора, защитника и свидетелей при закрытых дверях. Смягчение приговоров исключалось, так как их никто не утверждал, и они приводились в исполнение по приговору самого суда. Возможность подачи прошения о помиловании была запрещена в декабре 1906 г. Суды состояли из четырех строевых офицеров. Они могли выносить приговор по тем делам, где состав преступления был очевиден и преступник был пойман на месте совершения правонарушения. К этому же списку добавлялись подготовка к террористическому акту. Приговор выносился не позже чем через 48 часов после совершения преступления, а приводился в исполнение в течение суток. Приговоренных военнослужащих расстреливали, а гражданских лиц казнили через повешение. Но из-за нехватки палачей повешение часто заменяли расстрелом, который производился воинскими подразделениями. Военно-полевые суды вводились в губерниях, переведенных на военное положение. Таковых к концу 1906 г. в России насчитывалось 82 из 87.

25 августа 1906 г. председатель Московского военно-окружного суда доносил военному министру, что на происходившем 25 августа

в Москве совещании генерал-губернатор заявил, «что он все же будет назначать военных судей председателями военно-полевых судов». Перспектива нести такие обязанности не была для военных юристов приятной и безопасной. Правительство же не было расположено вносить, хотя бы в слабой степени, элемент законности в деятельность новых органов своей расправы. Между тем наличие лиц с высшим юридическим образованием в составе военно-полевых судов могло повлиять на их деятельность в нежелательном для правительства направлении. Вот почему военный министр поспешил разъяснить, что председателями военно-полевых судов должны быть «офицеры от войск, а не чины военно-судебного ведомства».

26 августа Николай II повелел военному министру объявить командующим войсками его требование о безусловном применении закона о военно-полевых судах. Вместе с этим командующие войсками и генерал-губернаторы предупреждались, что они будут лично ответственны перед «его величеством» за отступления от этого закона. Прошло две недели со времени издания закона, а в Санкт-Петербурге еще не было случаев назначения военно-полевого суда. Это очень не понравилось великому князю, родному дяде царя, главнокомандующему Санкт-Петербургским военным округом великому князю Николаю Николаевичу-младшему. Главное военно-судное управление довело до сведения П.А. Столыпина, что по мнению его высочества были «вполне подходящие случаи» для назначения такого суда¹.

6 сентября 1906 г. «генерал-губернаторам, главноначальствующим, губернаторам и градоначальникам» был разослан циркуляр П.А. Столыпина, который гласил следующее: «Беспримерное усиление революционной деятельности, выразившееся в целом ряде возмутительных покушений на должностных лиц, чинов полиции и воинских начальников, а также в попытках устройства вооруженных восстаний, ставит правительство в необходимость принять самые энергичные меры для борьбы с подобными злодеяниями. В этих видах, наряду с некоторыми другими распоряжениями, во всех местностях, где проявления революционного движения приняли особенно угрожающий характер, введены, по ходатайству о том местных начальств, положения об усиленной или чрезвычайной охране, а некоторые из означенных местностей объявлены даже на военном положении. Независимо от сего, признано необходимым законом, удостоившимся утверждения 18 ми-

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1962. Т. 4. С. 93.

нувшего августа, усилить наказуемость за революционную пропаганду в войсках и, наконец, высочайше утвержденным, 19 того же августа, Положением Совета министров генерал-губернаторам, главноначальствующим или лицам, облеченным их властью, предоставлено в местностях, состоящих на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, учреждать военно-полевые суды для суждения в них ускоренным порядком и с применением в подлежащих случаях наказания по законам военного времени таких преступных деяний, которые являются настолько очевидными, что нет надобности в их расследовании. Такие же суды по высочайшему повелению от 20 того же августа введены для лиц военного и военно-морского звания»¹.

Далее П.А. Столыпин продолжал: «Однако все эти меры не достигнут цели и останутся пустой угрозой, роняющей только авторитет власти, если начальствующие лица, обязанные применять их, не проявят самой решительной энергии в пользовании предоставленными им чрезвычайными полномочиями для борьбы с крамолом. Ввиду сего Совет министров возлагает... обязанность немедленно озаботиться организацией военно-полевых судов, для чего войти в сношение с подлежащим военным начальством (отд. I ст. 1 Закона 19 августа) относительно устройства судов и заблаговременного избрания имеющих войти в их состав лиц. Все предварительные по сему предмету распоряжения должны быть сделаны с таким расчетом, чтобы при первом же случае захвата виновного на месте преступления суд мог в указанные в сем законе сроки приступить к разбирательству дела и постановить приговор, а этот последний – быть приведен в исполнение. При этом в ограждение судей от мести, желательно, чтобы имена их не оглашались. Равным образом должны быть заранее приняты все нужные меры к тому, чтобы, в случае совершения преступления в местности, где, за отсутствием потребного числа офицеров или по иной причине, военно-полевой суд не может быть образован, таковой имел возможность немедленно выехать из места расположения войсковых частей на место преступления. Вместе с сим, считая, что лишь неуклонное применение принятой меры может привести к желательным результатам и обеспечить надлежащую силу и быстроту репрессии за преступления, выразившиеся в вооруженных нападениях на должностных или частных лиц, а также в разбоях, грабежах и насилиях»².

12 октября 1906 г. Советом министров был издан циркуляр, в котором разъяснялось, что военно-полевым судам «могут быть передава-

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 625. Л. 2–3.

² Там же. Л. 2–3.

емы... только лица, учинившие убийство, разбой, грабеж и нападение на часового или военный караул, а также вооруженное сопротивление властям и нападение на чинов войск и полиции и на всех вообще должностных лиц, и избобличенных в противозаконном изготовлении, приобретении, хранении, ношении взрывчатых веществ или снарядов»¹. То есть предполагалось, что военно-полевой суд рассматривает дела людей, арестованных на месте преступления или с поличным, что служило доказательством их вины. Жесткость наказания к лицам, уличенным только в приготовлении и хранении взрывчатых веществ, была связана с тем, что большая часть членов Государственного совета придерживалась мнения, что в случае изготовления взрывчатых веществ (и хранения) обвиняемый сам должен доказывать отсутствие преступного намерения (при этом приводили в пример английский закон 10 апреля 1887 г., которым устанавливались такие нормы)².

В программу действий военно-полевых судов входило и применение смертной казни. Вот как это происходило в Санкт-Петербургском военном округе – 19 октября 1906 г. помощник главнокомандующего данного округа издал распоряжение о выполнении смертных приговоров. Было предписано доставлять пароход по заранее условленной телеграмме к Николаевскому мосту в указанный час. Здесь его должен был ожидать конвой, назначенный воинской частью. Этот пароход прибывал с осужденным в Кронштадт к форту № 6. С конвоем следовали: священник, врач, чиновник от градоначальства, палач и чины корпуса жандармов. Эшафот для казни со всеми его приспособлениями должен был быть разборным и храниться в форте № 6 вместе с 20 столбами на случай казни через расстрел. По выполнении казни и погребении трупа конвой и участники выполнения казни возвращались на том же пароходе в Санкт-Петербург. В приведенном распоряжении об исполнении смертных приговоров упоминалась и разборная виселица. Предшествующая история царизма не знала разборных виселиц. Не известно, чем руководствовался ее «изобретатель». Использование нового сооружения вызвало ряд затруднений и нечто вроде протеста со стороны временного кронштадтского генерал-губернатора К.П. Никонова. 23 декабря 1906 г., на четвертом месяце действия этого сооружения он писал санкт-петербургскому градоначальнику, что при каждой каз-

¹ Веретенников Н.Н. Военно-полевые суды и Первая русская революция // Власть. 2010. № 1. С. 118.

² Шебалов А. Вопрос о смертной казни за политические преступления накануне I Думы (архивные материалы по истории 1905–1906 гг.)... С. 192–193.

ни на Лисьем Носу приходится собирать, а потом разбирать виселицу и проделывать это руками нижних чинов караула военно-пороховых погребов. «Так как караул постоянно меняется, то сборке и разборке виселицы приходится обучать все новых людей». Он считал это несовместимым с воинским званием, а потому и просил высылать каждый раз «особо обученных вольных рабочих». Вместе с тем К.П. Никонов убеждал удалить место казни «в лесок», чтобы ее не видел часовой при пороховых погребах.

20 сентября 1906 г. одесский генерал-губернатор А.В. Каульбарс сообщал шифрованной телеграммой военному министру, что по приговору военно-полевого суда уже были расстреляны 25 осужденных. Он был вынужден признать, что частые казни «через расстрел производят неблагоприятное впечатление на войска». На этом основании А.В. Каульбарс просил отпустить ему аванс на оплату палачей для совершения казней через повешение вместо расстрела. Против удовлетворения этой просьбы высказался прокурор В.П. Павлов, и это мнение разделил военный министр. В авансе было отказано. Казни должны были и впредь совершаться бесплатно солдатами¹.

Особенно усердствовал в борьбе с революционным движением прибалтийский генерал-губернатор, по его приказу в Прибалтике одновременно действовали военно-полевые и военно-окружные суды. 27 февраля 1907 г. П.А. Столыпину даже пришлось указать военному министру А.Ф. Редигеру рекомендовать прибалтийскому генерал-губернатору обратить «к военной подсудности лишь дела исключительной важности и только при условии крайней в том необходимости». Не менее активно военно-полевые суды работали и в Варшавском генерал-губернаторстве, которым руководил Г.А. Скалон. В «совершенно секретном» докладе П.А. Столыпину от 6 июля 1906 г. он писал, что случаи смертных приговоров вызвали со стороны революционной организации желание мстить за казненного. Так, после повешения Папая (убившего комиссара по крестьянским делам Борка) жертвами мести революционеров в Варшаве были 17 человек полицейских и жандармских чинов. По словам генерал-губернатора, революционный террор в Польше продолжался уже второй год. Он отражался на деятельности чинов полиции, ряды которой редели. «Желающих занять вакантные места почти нет». Г.А. Скалон выдвинул предложение бороться против террористических актов еще более сильным террором, то есть «путем осу-

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы... Т. 4. С. 95.

ществления в полном объеме ст. 12 Военного положения до применения смертной казни без суда включительно». Генерал-губернатор в своем стремлении защитить «верных царских слуг», учитывая изменившиеся обстоятельства, упоминал довольно критически отмену по высочайшему повелению в феврале 1906 г. расстрелов без суда. Он пояснял, что «орудием репрессии» в борьбе с революцией осталось лишь предание военному суду. Но такой порядок, по утверждению Г.А. Скалона, «не останавливает террористической деятельности революционных сообществ, вызывая с их стороны лишь жестокую месть». Чины полиции «подавлены своей беззащитностью». Если расправа с ними не приостановится, то Варшава и весь край «рискует вскоре остаться без полиции, и никто в полицию служить не пойдет». Генерал-губернатор добавлял, что революционеры находят себе новую поддержку в отмене смертной казни Государственной Думой, что при обсуждении заявления председателя Совета министров П.А. Столыпина о числе павших полицейских чинов раздавшийся возглас – «Мало!» – окрыляет террористов. В заключительной части своего рапорта Г.А. Скалон ставил вопрос: «Достигает ли теперь смертная казнь желаемой цели, то есть устрашения революционеров?» И сам отвечал на него отрицательно: смертная казнь в настоящее время революционеров больше не устрашает. Она – источник все большей ожесточенности боевых организаций, а в результате – убийства чинов полиции. Из создавшегося положения, по мнению Г.А. Скалона, было два выхода: или усиление меры устрашения, «или, наоборот, приостановление всех без изъятия смертных приговоров». Он просил представить поставленный им вопрос на «уважение Совета министров», а ввиду предстоящей «целой серии» смертных приговоров просил сообщить о последующем по телеграфу¹.

Проходил один месяц за другим. В столичных и провинциальных газетах изо дня в день печатались телеграммы о приведении в исполнение смертных приговоров. Сообщались не только одни голые факты, но иногда и некоторые подробности. Если сухие сведения об исполненной казни возмущали общественную совесть небывало большими цифрами повешенных и расстрелянных, то все больше росло негодование широких кругов населения, когда они узнавали о бессудности этих казней. Шел шестой месяц со времени введения военно-полевых судов. Приближалось время созыва II Государственной Думы. Правительство не сомневалось, что Дума второго созыва не одобрит закона о военно-поле-

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы... Т. 4. С. 115.

вых судах. Между тем по действующему законодательству Положение о военно-полевых судах, принятое Советом министров после разгона I Думы, должно было быть внесено на утверждение во II Думу в течение первых двух месяцев ее существования. Неисполнение этого требования означало отказ правительства от продления действия закона. Правительство решило не обращаться к Думе за утверждением закона о военно-полевых судах и отказаться от них.

9 февраля 1907 г. Совет министров посвятил свое специальное заседание вопросу о сокращении применения закона о военно-полевых судах. Результаты этого совещания были доложены 15 февраля Николаю II. Совет министров в пространной записке царю докладывал в очень сдержанных выражениях о необходимости отступления военно-полевой юстиции по всей линии фронта. Он говорил о вынужденности издания закона 19–20 августа 1906 г. ввиду роста в «небывалых размерах преступной деятельности революционных организаций». Министры находили, что более чем пятимесячное действие военно-полевых судов «привело ныне к некоторому, по сравнению с недавним прошлым, успокоению». Поэтому «обстоятельства, вызвавшие применение столь чрезвычайной меры, как военно-полевые суды, если не исчезли, то в значительной степени утратили свою остроту... продолжение же деятельности военно-полевых судов, вызывая в некоторых кругах общества резкое недовольство, может неблагоприятно отразиться на совместной работе правительства с законодательными учреждениями». Совет министров заканчивал свой доклад предложением не вносить закон 19–20 августа 1906 г. в Государственную Думу с тем, чтобы он прекратил свое действие 20 апреля 1907 г. Для того же, чтобы подготовить переход от чрезвычайной юстиции к обычной, министры предлагали «преподать генерал-губернаторам и главнокомандующим циркулярные указания о необходимости по возможности воздерживаться на будущее время от применения военно-полевых судов». В качестве обоснования этого отступления министры указывали, что каждый случай применения этого закона за время действия Государственной Думы приведет к ее вмешательству в действия исполнительной власти¹. За восемь месяцев своего существования военно-полевые суды вынесли 1102 смертных приговора, но в исполнение были приведены чуть более половины из них – 683. В апреле 1907 г. закон о военно-полевых судах автоматически прекратил распространяться на гражданских лиц. Военно-полевые суды прекра-

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы... Т. 4. С. 95.

тили свою деятельность везде, кроме Польши и Кавказа. Заменены они были на так называемые военно-окружные суды, просуществовавшие до 1911 г. К этому времени в общей сложности после их приговоров было казнено около 2,8 тыс. человек.

Однако П.А. Столыпин решил действовать не только карательными мерами. Так, в одной из его заметок есть такой пассаж: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину. К тому же этот путь торжественно возведен, создана Государственная Дума и идти назад нельзя. Это было бы роковой ошибкой – там, где правительства победили революцию (Пруссия, Австрия), они успевали не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, сами становились во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия – признак бессилия правящей власти»¹. Поэтому параллельно с репрессиями решено было перейти к реформам.

В книге А.В. Зеньковского «Правда о Столыпине» подробно представлена эта программа². А.В. Зеньковский был служащим Киевского губернского земства. С П.А. Столыпиным его познакомил начальник Киевского земства граф П.Н. Игнатьев. В мае 1906 г. А.В. Зеньковский встретился с П.А. Столыпиным. На этой встрече они обсуждали финансы земств. Видимо, он произвел хорошее впечатление, и П.А. Столыпин попросил писать ему напрямую доклады по поводу посещения земств в разных регионах и заходить в министерство по приезду в Санкт-Петербург. Согласно записям А.В. Зеньковского, П.А. Столыпин предполагал сделать следующее: 1) разработать новое Положение о Совете министров, при котором состав министров определялся бы по предложению премьера, который за всех отвечал;клады министров должны были быть такими, чтобы на государственную службу шли выдающиеся люди; доклады министров императору могли делаться только после согласования с председателем Совета министров. Таким образом, П.А. Столыпин пытался решить проблему наличия в правительстве министров, которые были некомпетентны или независимы от председателя Совета министров; 2) резко увеличить бюджет примерно с 3 млрд до 10 млрд руб. в год, а потом и значительно больше. Достичь

¹ Цит. по: Дякин В.С. Столыпин и дворянство // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 233–234.

² Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1956.

этого возможно было, прежде всего, за счет переоценки недвижимого имущества (так как его оценка была занижена в 10 раз) и повышения акцизов с вина и водки; 3) реформировать систему образования: увеличение числа средних (до 5 000) и высших (до 1 500) учебных заведений, уменьшить плату за обучение, повысить зарплату учителям; 4) создать Высшую академию для подготовки государственных руководителей; 5) укрепить армию и флот; 6) повсеместно ввести волостные, уездные и губернские земства с понижением имущественного ценза (децентрализация управления); 7) снять все ограничения с евреев и других национальностей; 8) решить рабочий вопрос, трансформировав пролетариат в мелкобуржуазный класс и опору государства путем повышения уровня жизни и создания системы социального страхования; 9) установить более дружественные отношения с США как потенциально единственным долгосрочным союзником; 10) создать международную организацию для разрешения конфликтов между странами, международный парламент с круглогодичными сессиями и штаб-квартирой в небольшом европейском государстве; при нем должно было быть создано специальное статистическое бюро для анализа экономического и социального положения государств, Международный банк для финансовой помощи странам-членам, а при банке – Международный экономический совет для консультирования и предотвращения кризисов; 11) удовлетворить земельные нужды крестьянства; 12) разработать программу интенсивного использования ископаемых природных ресурсов; 13) принять план строительства автомобильных дорог; 14) увеличить заимствования в форме выпуска облигаций для финансирования предлагаемых реформ (дорог, добывающей промышленности); 15) создать новые Министерства: труда, местного самоуправления, национальностей, социального обеспечения, вероисповеданий, по использованию и эксплуатации природных богатств России, здравоохранения.

16 июня 1906 г. в «Правительственном вестнике» был опубликован совместный циркуляр П.А. Столыпина и Главноуправляющего землеустройством и земледелием А.С. Стишинского, в котором говорилось о том, что «именным высочайшим Указом от 4 марта сего года учреждены губернские и уездные землеустроительные комиссии в целях оказания помощи Крестьянскому банку в выполнении возложенных на него высочайшим Манифестом 3-го ноября 1905 г. задач по облегчению покупки крестьянами земель и для содействия населения к устроению в установленном законом порядке недостатков существующего землевладения и землепользования, при неперменном сохранении за-

конных прав частных владельцев». Далее утверждалось, что «широкое осуществление возложенных на землеустроительные комиссии задач, направленных к удовлетворению насущнейших земельных нужд многочисленного крестьянского населения, имеет первостепенное государственное значение»¹.

Ближайшей задачей, по мнению П.А. Столыпина, должно было стать удовлетворение в возможно краткий срок «наиболее назревших и потому нетерпящих отлагательств земельных нужд крестьян. В каждой губернии по открытии землеустроительных комиссий деятельность их должна быть направлена прежде всего к устранению самых острых случаев земельной нужды и неурядицы в земельных отношениях, а рядом с этим им предстоит незамедлительно ознакомиться с общим положением крестьянского землевладения в подведомственном им районе, дабы установить план и порядок дальнейшей работы». «В пределах этой задачи, – полагал П.А. Столыпин, – к обязанностям землеустроительных комиссий ближайшим образом относятся: а) посредничество между продавцами частновладельческих земель и покупающими их крестьянами, а также помощь сим последним в сношениях с Крестьянским банком и в выполнении необходимых формальностей, и б) широкое содействие к переселению крестьян на предназначенные для того казенные земли и на земли, приобретенные Крестьянским банком за свой счет»².

На заседании 12 августа 1906 г. (в день взрыва на Аптекарском острове) председатель Совета министров П.А. Столыпин провозгласил свою линию, направленную на безжалостное подавление всяких беспорядков и проведение либеральных реформ. Впервые – в самом сжатом виде – общая программа деятельности столыпинского кабинета была намечена его главой в правительственной Декларации от 24 августа 1906 г., опубликованной в «Правительственном вестнике». Заявление это было само по себе весьма примечательным. Открывалась Декларация угрозами в адрес революции и, казалось бы, являлась продолжением первоначальной столыпинской установки: сперва успокоение – потом реформы. «Правительство, не колеблясь, противопоставит насилию силу», – гласила она. Основным инструментом «наведения порядка» было избрано введение военно-полевых судов, именовавшихся «скорострельной», «скорорешительной», «пулеметной» юстицией. Но в действительности в эту установку вносилась весьма

¹ Правительственный вестник. 1906. 16 июня. С. 2.

² Там же. С. 2.

существенная корректировка. «Путь правительства – успокоение, порядок и реформы, – возвещал премьер, – правительство не может, как того требуют некоторые общественные группы, приостановить все преобразования, приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолой, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо». Таким образом, теперь предполагалось решать эти две задачи (успокоение и реформы) одновременно – и даже с некоторым смещением центра тяжести на преобразования. Несколько позднее эта установка получила и нечто вроде теоретического обоснования.

П.А. Столыпин разделил предполагаемые реформы на две части. Одни нужно было претворять в жизнь немедленно, не дожидаясь созыва новой Думы, на основании ст. 87 Основных законов, проекты других необходимо было подготовить и внести для обсуждения и принятия в Государственную Думу. К числу первых относились решение вопроса земельного и землеустроительного, некоторые неотложные мероприятия в области гражданского равноправия, свободы вероисповедания и мероприятия, касавшиеся еврейского вопроса, ко вторым – следующие законопроекты: 1) о свободе вероисповедания; 2) о неприкосновенности личности и о гражданском равноправии, в смысле устранения ограничений и стеснений отдельных групп населения; 3) об улучшении крестьянского землевладения; 4) об улучшении быта рабочих и, в частности, о государственном их страховании; 5) о реформе местного управления, которое предполагалось организовать таким образом, чтобы губернские и уездные административные учреждения были поставлены в непосредственную связь с преобразованными органами самоуправления, включающими и мелкую земскую единицу; 6) о введении земского самоуправления в Прибалтийском, а также Северо- и Юго-Западном крае; 7) о введении земского и городского самоуправления в губерниях царства Польского; 8) о преобразовании местных судов; 9) о реформе средней и высшей школы; 10) о подходящем налоге; 11) о полицейской реформе, направленной к слиянию общей и жандармской полиции; 12) о мерах исключительной охраны государственного порядка и общественного спокойствия, с объединением различных видов исключительной охраны в одном законе¹.

В самом же полном и развернутом виде правительственная программа была изложена премьером в его первом выступлении перед

¹ Правительственный вестник. 1906. 24 августа.

II Думой 6 марта 1907 г.¹ Главной задачей провозглашалось построение правового государства. «Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое», – так определил конечную цель преобразований глава правительства. Правда, толкование им этого понятия было довольно своеобразным. Но важно, что П.А. Столыпин безоговорочно признал важнейшие государственно-политические реалии, связанные с принятием новой редакции Основных законов, с учреждением Государственной Думы и реорганизованного Государственного Совета, на усмотрение и одобрение которых и предлагалась правительственная программа. Первоочередной задачей была признана разработка правовых норм для реализации гражданских и политических свобод, провозглашенных в Манифесте 17 октября 1905 г., – свобода слова, собраний, печати, союзов, вероисповеданий, неприкосновенность личности и жилища, тайна корреспонденции и т. п. Этот комплекс законов, определявших права и обязанности граждан, должен был составить правовую базу общества. Другой комплекс должны были составить законопроекты по реорганизации и усовершенствованию системы органов местного управления, суда и самоуправления. В сфере местного управления предполагалось, прежде всего, укрепить губернское и уездное административное звено – расширить полномочия губернаторов, заменить уездных предводителей дворянства, фактически возглавлявших уездную администрацию, коронными начальниками уездов, ликвидировать окончательно скомпрометировавший себя институт земских начальников и заменить их участковыми комиссарами. Последние меры были рассчитаны не только на усиление государственных структур, но и на полное упразднение остатков сословности в местном управлении и восстановление разделения административной и судебной властей на местах. Наконец, новый полицейский устав должен был ограничить деятельность охранного ведомства законными рамками. Реформы местной судебной системы предполагали восстановление института мировых судей, реорганизацию сословно-крестьянских волостных судов, введение в судебные уставы ряда новых статей, заимствованных

¹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия // Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. ... С. 50–64; Корелин А.П. Столыпин и российское общество: политическая программа правительства и попытки ее реализации // Куда идет Россия?... Власть, общество, личность. М., 2000. С. 37–44; Декларация председателя Совета министров П.А. Столыпина 6 марта 1907 г. // Государственная Дума. Второй созыв. Сессия вторая. 1907 год. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. 1. С. 106–120.

из практики западноевропейских стран (допущение защиты на стадии предварительного следствия, введение института условного осуждения и досрочного освобождения из мест заключения и т. п.), а также введение в полном объеме нового Уложения о наказаниях и ряда законов из области гражданского права, особенно касавшихся сферы земельной собственности.

В области местного самоуправления намечалось введение земств в Прибалтике, Западном крае, Польше, Сибири, некоторое расширение компетенции земских управ, создание в качестве низшего административно-общественного звена всесословной волости, поселковых управлений и т. п. Замыслы П.А. Столыпина в этом плане были значительно обширнее – вплоть до введения в местное управление и самоуправление принципов федерализма. Особый комплекс составляли законопроекты социального характера, носившие вместе с тем отчетливо выраженную политическую направленность. Здесь на первом месте, несомненно, были указы от 5 октября и 9 ноября 1906 г., сближавшие в правовом отношении крестьян с остальным населением империи, предоставлявшие им свободный выход из общины и закрепление за ними наделенных земель в личную собственность. Новый курс аграрной политики должен был подвести экономическую базу под процесс обретения крестьянством гражданских и политических прав. «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, – убеждал депутатов П.А. Столыпин, – он остается рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы»¹. Вместе с тем насаждение мелких зажиточных крестьян-собственников должно было привести к созданию консервативного среднего класса, новой социальной опоры власти, укрепить на несколько подновленной основе политический режим, снять социальную напряженность в деревне, отвлечь крестьян от помещичьих земель. Представляя указ 9 ноября 1906 г. на утверждение Думы, а затем и Государственного Совета, П.А. Столыпин вновь и вновь подчеркивал, что насаждение «крепкого личного собственника» в деревне необходимо «для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях», для создания преграды развитию революционного движения². Несомненную политическую направленность имели и разрабатывавшиеся правительством законопроекты по рабочему вопросу, предполагавшие введение новых принципов взаимо-

¹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия // Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете... С. 105.

² Там же. С. 179.

отношений труда и капитала, отношения власти к рабочему движению (свобода экономических стачек, примирительные камеры, профсоюзы, страховые законы и т. п.).

В первой, программной речи во II Государственной Думе 6 марта 1907 г. П.А. Столыпиным был изложен общий план реформ. Причем он сразу сделал оговорку, что нельзя немедленно ожидать появления полной и четкой системы законов «в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения». Основная мысль правительственной программы, как подчеркнул П.А. Столыпин, примечательна: «Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц».

4. ПРАВИТЕЛЬСТВО П.А. СТОЛЫПИНА: СОЮЗ КОНСЕРВАТОРОВ И ЛИБЕРАЛОВ

4.1. Председатель Совета министров и министр внутренних дел П.А. Столыпин

П.А. Столыпин в первую очередь поспешил убрать из правительства таких реакционных деятелей, как главноуправляющий землеустройством и земледелием А.С. Стишинский и обер-прокурор Святейшего Синода А.А. Ширинский-Шихматов. Переговоры с общественными деятелями, проводившиеся П.А. Столыпиным и А.П. Извольским и имевшие целью включить в состав правительства представителей общенности, к положительным результатам не привели. В итоге на первых порах П.А. Столыпин был вынужден работать с тем же составом правительства, что и И.Л. Горемыкин. Он включил в него лишь нового обер-прокурора Святейшего Синода П.П. Извольского (брата министра иностранных дел А.П. Извольского), который ранее был товарищем министра народного просвещения И.И. Толстого и полностью разделял его либеральные взгляды, а также либерального по своим убеждениям главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б.А. Васильчикова. В результате в правительстве П.А. Столыпина сохранили свои посты И.Г. Щегловитов, В.Н. Коковцов, Н.К. Шафгаузен-Шенберг-эк-Шауфус, П.М. фон-Кауфман, А.Ф. Редигер, А.А. Бирилев, А.П. Извольский, Д.А. Философов, П.Х. Шванебах и В.Б. Фредерикс. В качестве новых членов в Совет министров вошли Б.А. Васильчиков и П.П. Извольский.

За время работы правительства П.А. Столыпина в 1906–1911 гг. в нем произошел ряд изменений. Главноуправляющий землеустройством и земледелием Б.А. Васильчиков был в мае 1908 г. заменен на А.В. Кривошеина, министр путей сообщения Н.К. Шафгаузен-Шенберг-эк-Шауфус уступил свой пост С.В. Рухлову, место интриговавшего против П.А. Столыпина П.Х. Шванебаха занял П.А. Харитонов. Постоянные перестановки шли в Министерстве народного просвещения. В январе 1908 г. П.М. фон Кауфман был заменен А.Н. Шварцем, а в сентябре 1910 г. его пост занял Л.А. Кассо. Столь же часто менялся глава Морского ведомства. В январе 1907 г. А.А. Бирилева сменил И.М. Диков, затем в январе 1909 г. его место занял С.А. Воеводский, а в марте 1911 г. морским министром стал И.К. Григорович. В марте 1909 г. свой пост покинул воен-

ный министр А.Ф. Редигер. Его место занял В.А. Сухомлинов. В сентябре 1910 г. министр иностранных дел А.П. Извольский был заменен С.Д. Сазоновым. Постоянно менялись главы Министерства торговли и промышленности. Во время пребывания на своем посту П.А. Столыпина здесь было четыре министра: Д.А. Filosofov, И.П. Шипов, В.И. Тимирязев и С.И. Тимашев. Так же часто менялись и обер-прокуроры Святейшего Синода. Их было трое: П.П. Извольский, С.М. Лукьянов и В.К. Саблер.

Правительство П.А. Столыпина было неоднородно по политическим взглядам: в конце июля 1906 г. из 13 министров один был крайне правый (государственный контролер П.Х. Шванебах), 5 – умеренно правые (двора – барон В.Б. Фредерикс, морской – А.А. Бирилев, военный – А.Ф. Редигер, путей сообщения – Н.К. Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус, юстиции – И.Г. Щегловитов) и 7 – умеренные либералы (внутренних дел – П.А. Столыпин, финансов – В.Н. Коковцов, просвещения – П.М. фон Кауфман, иностранных дел – А.П. Извольский, торговли и промышленности – Д.А. Filosofov, главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Б.А. Васильчиков и обер-прокурор Синода П.П. Извольский). Перемены в составе правительства за время премьерства П.А. Столыпина не затронули лишь четыре министерства: внутренних дел, двора, финансов и юстиции. Все они, кроме последней (замена в мае 1911 г. С.М. Лукьянова В.К. Саблером на посту обер-прокурора Синода), производились по инициативе П.А. Столыпина или с его согласия.

Сам П.А. Столыпин был о себе такого мнения: «Я не переоцениваю себя и хорошо осознаю, что трачу лишь капитал, собранный предками и нам завещанный: безграничную любовь и преданность царю и безграничную веру в Россию... Это – сокровище неисчерпаемое, которое нерасточно, но о котором легко забывают. Каждого, кто к нему прикоснется и в нем черпает, ждет удача. Вот почему мне всегда как-то совестно слушать похвалы. Но по той же причине я хорошо сознаю, что источник сочувствия ко мне некоторых русских людей не во мне самом, а в общности наших русских чувств»¹.

К премьеру П.А. Столыпину со стороны своих сослуживцев отношение было разным. Например, С.И. Тимашев отзывался о нем скорее положительно: «Особенность его характера составляло соединение двух обыкновенно взаимоисключающих качеств – чарующей мягкости

¹ Письмо П.А. Столыпина Варпаховской от 20 сентября 1909 г. // Варпаховская Е.В. Государственная деятельность председателя Совета министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина. СПб.: Изд-ние составителя (Е.В. Варпаховской), 1911. С. XIV.

в отношении к людям (кроме тех, кто становился ему поперек пути) с необычной твердой, железной волей и редкой неустрашимостью. Этот человек действительно не боялся ничего, не боялся ни за свое положение, ни даже за свою жизнь. Он делал то, что находил полезным, совершенно не считаясь с тем, как отнесутся к его действиям люди, имевшие большое влияние в высших сферах. В случае давления свыше у него была простая дилемма: или переубедить, или оставить свой пост, но никогда никаких компромиссов. Быть может, в своей настойчивости он шел даже несколько далеко. Прежде чем принять решение, он охотно советовался и выслушивал чужие мнения. Но раз решение было принято, он не отступал от него, хотя бы явились новые аргументы или возникли не предусмотренные ранее обстоятельства. Гибкость, не в талейрановском смысле, а как некоторая приспособляемость к обстоятельствам, умение уступить в мелочах, чтобы спасти целое и главное, является качеством, к сожалению, необходимым на всяких государственных постах для успешного проведения крупных дел. Этим качеством Петр Аркадьевич не обладал, что едва ли следует поставить ему в упрек, так как отмеченный "недостаток" был следствием цельности и благородства его натуры. И сколько контрастов можно было подметить в его настроениях и действиях в зависимости от обстановки данной минуты! Нежный отец и любящий семьянин, он мог в свободное время целые часы проводить с малолетним сыном, жестоко пострадавшим при взрыве 1906 г., катался с ним на лодке, рассказывал сказки. Приветливым и внимательным был он в отношениях со своими сотрудниками, как на деловых совещаниях, так и в частных беседах, и в то же время беспощадным к политическим противникам, которых он без колебаний выбрасывал за борт, не стесняясь их связями и положением. А сколько неустрашимости выказывал он, выступая в большие парламентские дни перед бурным собранием и покоряя его своим красноречием, нередко полным вдохновения, или выходя один, без охраны, навстречу бушующей толпе, которая быстро успокаивалась, подчиняясь его воле. Кабинет П.А. Столыпина был действительно объединенным правительством, чего нам так не доставало как до, так и после него. Не согласные с ним министры уходили в отставку, а если они задерживались и начинали подпольную интригу, то в один прекрасный день находили у себя на столе указ об увольнении, как было с Государственным контролером Шванебахом»¹.

¹ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» Министра торговли и промышленности // Русское прошлое: историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 6. С. 101–102.

Далее он продолжал: «Для проведения в Совете министров задуманной меры нужно было вперед заручиться поддержкой Петра Аркадьевича, и тогда успех был обеспечен. Я лично не раз испытал этот прием. При самом моем назначении Столыпин особенно подчеркивал государственное значение экономических вопросов, которые после наступившего успокоения выдвигались на первую очередь, и просил во всех сомнительных случаях обращаться непосредственно к нему. Я широко использовал это разрешение и, как только чувствовалось междоусобные трения по интересовавшим меня вопросам, просил Петра Аркадьевича о личном приеме. Здесь уместно отметить одну подробность в технике его работы. Вопреки нашим русским нравам, Петр Аркадьевич очень ценил время, не только свое, но и чужое – он никогда не заставлял ждать. Явившись к нему в назначенный час, можно было с уверенностью рассчитывать на скорый прием и, если предыдущий посетитель задерживался на лишние 15–20 минут, то Петр Аркадьевич всегда сконфуженно извинялся, объясняя причину задержки. Щадя и его время, я старался изложить сущность дела, явившегося поводом к моему посещению, возможно сжато, приводя с достаточною объективностью встречаемые мною возражения. Петр Аркадьевич слушал всегда с полным вниманием, иногда просил дополнительных объяснений и затем принимал определенное решение. Если оно было для меня благоприятно, то я мог быть уверен, что Петр Аркадьевич проведет его в Совете министров. Это давало уверенность и спокойствие в работе»¹.

Похожим образом о П.А. Столыпине отзывался В.И. Гурко: «Кроме врожденной интуиции – этого высшего качества истинно государственных деятелей – Столыпин обладал и другим свойством – способностью вселять в своих слушателей и вообще в лиц, с которыми он имел дело, уверенность в искренности высказываемых им суждений. Какими-то невидимыми флюидами он привлекал к себе людей и внушал к себе доверие и даже привязанность. В сущности, Столыпин был рожден для лидера крупной политической партии, и, родись он в стране с упрочившимся парламентским строем, он, несомненно, таковым и был бы». Но при этом он добавлял: «Оратором он был пылким, но речи его составлялись другими лицами... Вообще, ни характером, ни складом мышления мы со Столыпиным не сходились. У Столыпина премировали во всех его предположениях теоретические соображения, и здесь он

¹ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» Министра торговли и промышленности // Русское прошлое: историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 6. С. 101–102.

был, несомненно, мастером. Верхним чутьем он инстинктивно постигал ту политическую линию, которой надо придерживаться для овладения популярностью, причем спешу сказать, что популярности этой он искал не для себя лично, а для всего представляемого и возглавляемого им государственного строя. Кроме того, в начале своей государственной деятельности он выказывал большую личную скромность, вполне сознавая, что он недостаточно подготовлен по многим основным вопросам государственного бытия. Со временем это радикально изменилось»¹. «По мере успокоения страны, по мере упрочения и своего личного положения, – писал в мемуарах В.И. Гурко, – менялся и Столыпин. Власть ударила ему в голову, а окружавшие его льстецы сделали остальное. Он, столь скромный по приезду из Саратова, столь ясно отдававший себе отчет, что он не подготовлен ко многим вопросам широкого государственного управления, столь охотно выслушивавший возражения, возомнил о себе как о выдающейся исторической личности. Какие-то подхалимы из Министерства внутренних дел принялись ему говорить, что он, Петр Столыпин, второй Великий Петр-преобразователь, и он если не присоединялся сам к этой оценке его личности, то и не возмущался этим. К возражениям своим словам, своим решениям он стал относиться с нетерпимостью и высокомерием. Разошелся он, наконец, и с октябристской партией, найдя ее недостаточно послушной»².

А.П. Извольский относился к П.А. Столыпину особенно хорошо. Он горько скорбел о том, что столыпинская реформа, имевшая целью воспитать уважение к праву собственности, потерпела крушение и вместо нее наступил «социальный и экономический хаос». Даже столыпинские военно-полевые суды представлялись А.П. Извольскому вынужденным компромиссом, чуть ли не либеральной мерой, имевшей целью спасти жертв военно-полевой юстиции от расстрелов без суда. По видимому, он всерьез полагал, что быть повешенным по приговору военно-полевого суда несравненно приятнее, чем быть расстрелянным без соблюдения всех формальностей столыпинской военно-полевой юстиции, вплоть до благословения священника, напутствующего вешаемого на тот свет! А.П. Извольский уверял, что столыпинская реформа имела «исключительный успех» и русское крестьянство встретило ее восторженно. Беда была только в том, что наступила революция, и все труды П.А. Столыпина пропали даром³.

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 580.

² Там же. С. 586.

³ Извольский А.П. Воспоминания. Петроград-М.: «Петроград», 1924.

П.Х. Шванебах был о П.А. Столыпине совершенно иного мнения: «В беседе со мною Столыпин произвел на меня впечатление странное. Он, конечно, принадлежал к породе политических мистиков, верующих в наитие. Требуя доверия себе, он, по-видимому, не понимал, что доверие может основываться только на политически проанализированном плане. "Я верю в свою звезду и в безошибочность своих инструкций. Уверуйте и вы или отходите в сторону". Вместе с тем успехи Столыпина на думской трибуне, видимо, мирили его с самою Думою. У него все более стало проявляться какое-то морбидное влечение к Думе, словно похоть беременной женщины. Нервная ненависть, легко переходящая у эксцентричных женщин во влюбленность, все более овладевала им и в отношениях к корифеям кадетской партии. Передавая в Совете о своих телефонных беседах и о свиданиях с Челноковым, Гессеном и Головиным, в бедном Столыпине проявлялось какое-то кокетство удовольствия, ни дать ни взять, дамочка, повествующая о своих флиртах»¹.

После этого П.Х. Шванебах язвительно добавлял: «Что Столыпин не разбирается в "русской революции", было очевидно с момента роспуска I Думы и призыва его на пост премьера. На всякие заявления о неразрывной связи кадетов с террористами и предательстве кадетской тактики он всегда отвечал, что это обстоятельство он учитывает, что II Дума будет хуже I, что ее придется распустить и т. д. Но при всем этом в Столыпине явственно было желание, если не искать прямого сближения с кадетством, то, по крайней мере, по возможности подлаживаться под его требования. Он верил... в возможность упрочения в России демократического конституционного строя... Эта тенденция сказалась еще в июле 1906 г., когда Столыпин готов уже был принять в министерство "общественных деятелей", которые, под личиной октябризма или мирнообновленства, превратили бы его министерство в кадетское. Что из такого министерства он был бы сам выперт через 6 недель, это я ему говорил в тот день, когда он отправлялся к государю доложить о министерской комбинации. Разрешившийся ночью кронштадтский бунт заставил бросить эту мысль. Но Столыпин не унылся в своих стремлениях задобрить кадетов... Под непосредственным давлением государя, который потребовал организации военно-полевых судов и быстрой репрессии террористических злодеяний, Столыпин подобрал вожжи и на время, по крайней мере, предстал пред лицом России в облике сильного и последовательного борца за порядок. К нему стали сыпаться теле-

¹ Шванебах П.Х. Записки сановника: Политика П.А. Столыпина и II Государственная Дума // Голос минувшего. 1918. № 3. С. 114–138.

граммы и приветствия. Но характерны были его ответы: всегда в смысле обещания реформ и неукоснительного хранения либерального курса»¹.

По воспоминаниям же В.Н. Коковцова наоборот: «Личное поведение Столыпина... и то удивительное самообладание... имело бесспорно большое влияние на резкую перемену в отношении к нему не только двора, широких кругов петербургского общества, но и всего состава Совета министров и, в особенности, его ближайшего окружения по Министерству внутренних дел... отношение к новому председателю... изменилось; он... приобрел большой моральный авторитет и для всех стало ясно», что «в его груди бьется неоспоримо благородное сердце, готовность, если нужно, жертвовать собою для общего блага и большая воля в достижении того, что он считал нужным и полезным для государства. Столыпин... стал всеми признанным хозяином положения, который не постесняется сказать свое слово перед кем угодно и возьмет на себя за него полную ответственность»².

По мнению С.Е. Крыжановского, главное отличие П.А. Столыпина от предшественников состояло в его нетрадиционности. Это не был, как его предшественники, обычный министр-бюрократ. Он предстал перед обществом как «новый героический образ вождя». И эти черты, подчеркивал он, «действительно были ему присущи», чему способствовали «высокий рост, несомненное и всем очевидное мужество, умение держаться на людях, красно говорить, пустить крылатое слово, все это в связи с ореолом победителя революции довершало впечатление и влекло к нему сердца». Но это отнюдь не означало, что он на самом деле был выдающимся человеком. Например, его противник «Дурново... был выше Столыпина по уму, и по заслугам перед Россией, которую он спас в 1905 г. от участи, постигшей ее в 1917-м». На самом деле П.А. Столыпин был не вождем, а человеком, изображавшим из себя вождя. «Драматический темперамент Петра Аркадьевича, – отмечал С.Е. Крыжановский, – захватывал восторженные души, чем, быть может, и объясняется обилие женских поклонниц его ораторских талантов. Слушать его ходили в Думу, как в театр, а актер он был превосходный». Он «был баловень судьбы... все это досталось ему само собою и притом во время и в условиях, наиболее для него благоприятных». Достиг он «власти без труда и борьбы, силою одной лишь удачи и родственных связей». Даже его физические недо-

¹ Шванебах П.Х. Записки сановника: политика П.А. Столыпина и II Государственной Дума... С. 114–138.

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Париж, 1933. Т. 1. С. 232.

статки шли ему на пользу. В результате когда-то перенесенного воспаления легких у него было короткое дыхание, приводившее к вынужденным остановкам во время выступления. И этот «спазм, прерывавший речь, производил впечатление бурного прилива чувств и сдерживаемой силы»¹.

В свою очередь, искривленная во время операции рука «рождала слухи о романической дуэли». А взрыв дачи на Аптекарском острове привлек к нему самые широкие симпатии. Если же отвлечься от всего этого, писал С.Е. Крыжановский, следует признать, что подлинная суть дела состояла в том, что «к власти Столыпин пришел в то самое время, когда революция, охватившая окраины, а отчасти и центр России, была уже подавлена энергией П.Н. Дурново». Под конец своей деятельности П.А. Столыпин в «физическом отношении был уже почти развалиной» и «сам не сомневался в близости конца». «И в политике своей, – констатировал С.Е. Крыжановский, – Столыпин во многом зашел в тупик и последнее время стал явно выдыхаться», так как, прежде всего, эта политика «не была так определена и цельна, как принято думать, а тем более говорить. Она проходила много колебаний и принципиальных и практических и, в конце концов, разменялась на компромиссах... В Петербург Столыпин приехал без всякой программы, в настроении, приближавшемся к октябризму». Но главное все же заключалось в другом: «В области идей Столыпин не был творцом, да не имел надобности им быть. Вся первоначальная законодательная программа была получена им в готовом виде в наследство от прошлого. Не приди он к власти, то же самое сделал бы П.Н. Дурново или иной, кто стал бы во главе. Совокупность устроительных мер, которые Столыпин провел осенью 1906 г., в порядке 87 ст. Основных государственных законов, представляла собою не что иное, как политическую программу князя П.Д. Святополк-Мирского, изложенную во всеподданнейшем докладе от 24 ноября 1904 г., которую у него вырвал из рук граф С.Ю. Витте». Знаменитый «закон Столыпина (Указ 9 ноября 1906 г.) был получен им в готовом виде из рук В.И. Гурки». «Многое другое» – законопроекты о старообрядческих общинах, обществах и союзах – он «нашел на своем письменном столе в день вступления в управление Министерством внутренних дел»².

С.Е. Крыжановский ставил в вину П.А. Столыпину то, что он поддавался влияниям и делал в связи с этим ложные шаги. В частности,

¹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг последнего Государственного секретаря Российской империи. Берлин: Изд-во «Петрополис», 1938. С. 209–221.

² Там же. С. 209–221; Аврех А.Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. С. 253–255.

продуктом такого влияния были законы о Финляндии и Холмщине – «первый по существу, второй – по форме и способам проведения были не только излишними, но и прямо вредными мерами. Впрочем, и тут был не самостоятелен, а действовал под давлением обстоятельств». В первом случае на него надавила «группа влиятельных финноведов», а западное земство было проведено по настоянию националистов. Конечная итоговая оценка П.А. Столыпина была дана С.Е. Крыжановским в следующих словах: «Он первый внес молодость в верхи управления, которые до тех пор были, казалось, уделом отживших свой век стариков. И в этом была его большая и бесспорная государственная заслуга... Он показал воочию, что "самодержавная конституционность" вполне совместима с экономической и идейной эволюцией и что нет надобности разрушать старое, чтобы творить новое... В лице его сошел в могилу последний крупный борец за русское великодержавие. Со смертью его сила государственной власти России пошла на убыль, а с нею покати-лась под гору и сама Россия»¹.

Нелицеприятную критику П.А. Столыпина высказал в разговоре с юристом-международником бароном М.А. Таубе отставной руководитель заграничной агентурой Департамента полиции П.И. Рачковский. Произошла эта беседа приблизительно за год с небольшим до убийства премьера, летом 1910 г. Речь в нем шла о встрече П.И. Рачковского со П.А. Столыпиным. «Я, – говорил П.И. Рачковский, – должен был категорически заявить главе нашего правительства, что работа крайних революционных кругов за границей внушает мне самые серьезные опасения насчет дальнейшего развития противоправительственной агитации и преступлений в России. Конкретные наши указания из Парижа о лицах и путях террористической работы в империи как-то расплываются в Департаменте полиции в ряде неясных, не приводящих к цели репрессий и скорее только раздражают общественное мнение, чем пресекают зло, идущее из-за границы. И вот я сказал Петру Аркадьевичу, что, имея в настоящее время в руках все нити этой преступной деятельности, скрывающейся во Франции и Швейцарии, я чувствую себя в силах радикально пресечь все зло, ликвидировав так или иначе десятка два главарей этой крайней – "большевицкой" – террористической группы: без всякого шума, один за другим начнут они неожиданно умирать в результате какой-нибудь болезни, станут жертвой автомобильной катастрофы или ночного столкновения с каким-нибудь уличным гангстером.

¹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг последнего Государственного секретаря Российской империи... С. 209–221.

И если эти люди исчезнут, то я гарантирую нашему отечеству долгие годы спокойствия, относительного, конечно, и без ежедневных убийств сотен верных слуг государя и отечества. Итак, я прошу вас дать мне устное разрешение на ряд таких необходимых экзекуций; без него я не могу взять это на свою личную ответственность. И вы знаете, Михаил Александрович, что мне ответил наш благородный "конституционный" председатель Совета министров? – Он сказал мне (дословно): "Вы забываете, Петр Иванович, что мы не в Афганистане и не в Персии. Я не могу дать вам такого разрешения". Тогда, – возразил я, – мы не в силах будем остановить тот террористический поток, который прольется на Россию и в случае – не дай бог – какой-нибудь новой войны неизбежно приведет к общей революции и к концу императорской России»¹.

Отношения П.А. Столыпина и С.Ю. Витте всегда были непростые, поскольку последний крайне ревностно следил за энергичной деятельностью своего преемника. Оставшись практически не удел, честолюбивый граф первое время благожелательно относился к П.А. Столыпину, пытаясь даже взять на себя роль «бюрократического руководителя молодого Столыпина»². «Тогда я искренно считал Столыпина честным политическим деятелем, – писал С.Ю. Витте впоследствии, – то есть человеком с убеждениями, не могущем действовать иначе как по убеждению; иначе говоря, я его не считал политическим угодником, действующим из-за карьеры и из-за положения, и приписывал многие его странные действия неопытности и государственной необразованности»³.

Но в начале 1909 г. их отношения ухудшились. Поводом к всплеску неприязни послужила «пасквильная статья» о жене С.Ю. Витте («сплошная бесконечная ложь» – по его мнению). Личная жизнь бывшего премьер-министра по тем временам была бурной и скандальной просто до неприличия, он был женат два раза. Первой его женой стала Н.А. Спиридонова (урожденная Иваненко). Она была замужем, но не была счастлива в браке. С.Ю. Витте познакомился с ней еще в Одессе и, полюбив, добился того, чтобы она развелась с мужем. В 1878 г. они обвенчались, но осенью 1890 г. его супруга скорострительно скончалась. Уже через год безутешный вдовец познакомился в театре с дамой, которая произвела на него неизгладимое впечатление. Даму звали Матильда Ивановна Лисаневич (урожденная Нурок), и у нее был и муж, и ребен-

¹ Таубе М.А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917 гг.). М., 2007. С. 146–147.

² Сидорович Г.П. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. М., 2002. С. 342.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 2001. Т. 2. С. 361.

нок. Но, как известно, преград министр не признавал, поэтому начал добиваться ее расположения и уговаривать расторгнуть брак. Законному мужу эта история, понятное дело, не нравилась, и, чтобы добиться от несговорчивого мужа развода, С.Ю. Витте заплатил Лисаневичу 20 тыс. руб. отступного и для верности пригрозил административными мерами. В 1892 г. С.Ю. Витте женился на любимой женщине и удочерил ее ребенка (своих детей у него не было). Брак благословил сам Александр III. Царь добродушно сказал: «По мне, женитесь хоть на козе. Лишь бы дело шло. Пусть Победоносцев поможет с разводом». И Матильду Ивановну развели в три дня. Однако семья С.Ю. Витте никогда не была принята в высшем обществе. Ведь это неслыханный случай: один из первых людей государства женится на разведенной еврейке, да еще после скандальной истории. Зато Матильда Ивановна сама устраивала шикарные приемы, поражая великосветский Санкт-Петербург своим расточительством. Даже после отставки мужа она не уменьшила обороты, хотя денег заметно убавилось. Тогда С.Ю. Витте обратился к царю за материальной помощью в 200 тыс. руб. (по тем временам гигантские деньги). Николай II безропотно дал требуемую сумму.

Поэтому статью, которую С.Ю. Витте прислал главе правительства с просьбой принять меры против газет, ее напечатавших, П.А. Столыпин отклонил, заметив, что «по прочтении присланной вами мне статьи, я приказал обсудить в Комитете по делам печати, какие возможно принять меры против газет, напечатавших инкриминируемую статью. Из прилагаемой справки вы изволите усмотреть, что обвинение может быть возбуждено лишь в порядке частного обвинения. Очень жалею, что не могу оказать вам содействие в этом деле, и прошу вас принять уверение в искреннем моем уважении и преданности» (на письме есть пометка графа С.Ю. Витте: «Я послал ее премьеру и это его ответ. Одновременно газеты ежедневно штрафуются иногда без всякого повода. Попробуй газета сказать что-либо о двояродной племяннице господина Столыпина, сейчас получила бы возмездие»)¹.

Другое типичное письмо С.Ю. Витте пришло из Брюсселя: он был разгневан мнением, печатно высказанным бывшим главноуправляющим земледелием и землеустройством, государственным контролером, членом Государственного совета П.Х. Шванебахом, в котором, по мнению С.Ю. Витте, содержались выпады против него лично. На это П.А. Столыпин ответил следующее: «Считаю долгом сообщить вам, что

¹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 377. Л. 1–2.

руководимое мною министерство никакого похода против вас не принимало, что я лично считал бы совершенно недостойным правительства – осуждение бывшего его главы в разговоре с корреспондентами и что, как только я узнал (до получения вашего письма) об интервью Шванебаха, я просил его поместить в газетах заметку о том, что он говорил как частное лицо. Повторяю, что я считал бы безумием заниматься критикою времени вашего управления, времени, пожалуй, самого тяжелого в истории России»¹.

Антипатия укрепилась вследствие еще одного обстоятельства: в Одессе, где С.Ю. Витте провел молодые годы, а потом играл видную общественную роль, существовала улица, названная его именем. Городские власти решили переименовать улицу С.Ю. Витте в улицу императора Петра I, что до крайности потрясло бывшего премьера, который увидел в действиях администрации происки своих врагов. С.Ю. Витте незамедлительно обратился к П.А. Столыпину за помощью, съездил в Одессу проверить невредимость табличек со своим именем, заручился поддержкой влиятельных бюрократов. Однако Николай II согласился на постановление Одесской городской думы. Пикантность ситуации состояла в том, что одну из улиц Одессы (та, что пересекала бывшую улицу С.Ю. Витте) называли именем П.А. Столыпина. С.Ю. Витте не осмелился критиковать царя, а весь свой гнев обрушил на П.А. Столыпина².

После этого С.Ю. Витте не стал стесняться в выражениях в отношении П.А. Столыпина и уже после его смерти написал следующее: «Он был человек мало книжно-образованный, без всякого государственного опыта и человек средних умственных качеств и среднего таланта, я это знал и ничего другого и не ожидал, но я никак не ожидал, чтобы он был человек настолько неискренний, лживый, беспринципный; вследствие чего он свои личные удобства и свое личное благополучие и в особенности благополучие своего семейства и своих многочисленных родственников поставил целью своего премьерства... сила Столыпина заключалась в одном его несомненном достоинстве – в его темпераменте. По темпераменту Столыпин был государственный человек, и если бы у него был соответствующий ум, соответствующее образование и опыт, то он был бы вполне государственным человеком. Но в том то и была беда, что при большом темпераменте Столыпин обладал крайне поверхностным умом и почти полным отсутствием государственной культуры

¹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 376. Л. 1–2.

² Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 623.

и образования. По образованию и уму, ввиду неуравновешенности этих качеств, Столыпин представлял собой тип штык-юнкера»¹.

С.Ю. Витте возлагал на П.А. Столыпина ответственность за все-неурядицы государства: военно-полевые суды; перлюстрацию писем; уличал премьера в корысти и карьеризме; обвинял в покровительстве черносотенцам, которые досаждали главе правительства не меньше, чем революционеры. К тому же проведенные П.А. Столыпиным преобразования в какой-то мере были разработаны еще при С.Ю. Витте, поэтому он был обижен на своего коллегу-реформатора. Так, в частности, аграрные реформы П.А. Столыпина С.Ю. Витте считал плагиатом, так как они в целом совпадали с виттевским проектом аграрной реформы, в которой предполагалось обеспечить землей в первую очередь «мало-мощных» крестьян, чтобы поднять, таким образом, общую платежеспособность деревни. Переход из общего владения к индивидуальному предполагалось совершать без всякого принуждения. Этими трудами, по мнению С.Ю. Витте, и воспользовался П.А. Столыпин, но проводил их неграмотно, практически насильственными методами. «В основе этого проекта положен принцип индивидуального пользования, – считал С.Ю. Витте, – вообще, проект этот, в сущности, заимствован из трудов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, но исковеркан постольку, поскольку можно было его исковеркать после того, как он подвергся хирургическим операциям в полицейских руках. Индивидуальная собственность была введена так, как высказывалось и сельскохозяйственное совещание, но вводится она уже не по добровольному согласию крестьян, а принудительным порядком». С.Ю. Витте по этому поводу писал следующее: «Крестьянские преобразования ныне приводятся в исполнение, в будущем грозящие крупными революционными осложнениями», в результате чего получился хаос и «нарождение из крестьян десятков миллионов пролетариев». Далее С.Ю. Витте добавлял: «Можно сказать, что Столыпин был образцом политического разврата, ибо он на протяжении пяти лет из либерального премьера обратился в реакционера... и произвольно, с нарушением всяких законов правил Россией»².

Но главный акцент в своей критике граф С.Ю. Витте делал на деятельность П.А. Столыпина как главы правительства. Он критиковал П.А. Столыпина за проведение важнейших реформ по 87 ст. Основных законов при роспуске законодательных палат: «Одним словом, на осно-

¹ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 451, 571–572.

² Ганский В. Витте против Столыпина // Саратовские вести. 2011. 19 октября.

вании этой статьи, бессовестно коверкая настоящий и совершенно ясный смысл ее, он начал перекраивать Россию». Главное зло С.Ю. Витте усматривал во введении военно-полевых судов, когда «открывался полный произвол администрации в применении смертной казни». Также С.Ю. Витте очень болезненно воспринимал изменение положения о выборах в Государственную думу: «Явился и галантный, обмазанный с головы до ног русским либерализмом, оратор школы русских губернских и земских собраний, который и совершил государственный переворот 3 июня 1907 г.»¹. Также С.Ю. Витте считал, что «супруга Столыпина делала с ним все, что хотела; в соответствии с этим приобрели громаднейшее значение во всем управлении Российской империи, через влияние на него, многочисленные родственники, свояки его супруги». С.Ю. Витте упорно доказывал, что назначения на высокие государственные должности происходили вследствие покровительства семьи Столыпина кому-либо, как, например, назначение министром иностранных дел С.Д. Сазонова, который был женат на сестре жены П.А. Столыпина. Дело дошло до того, что в апреле 1911 г. в гостях у И.И. Толстого С.Ю. Витте, обозвав П.А. Столыпина «дураком и наглецом», который черт знает куда ведет страну, сказал, что «избавить Россию» от П.А. Столыпина «может только случай: какое-нибудь автомобильное несчастье или случайная болезнь»².

С П.Н. Дурново П.А. Столыпин были первоначально союзниками, но постепенно они разошлись. После ссылки в принудительный отпуск в марте 1911 г. П.Н. Дурново характеризовался современниками как «непримиримый враг» П.А. Столыпина, готовый на организацию убийства последнего³. «Столыпин страшнее революционеров, – говорил П.Н. Дурново. – Он разрушает государственность России. Мне легче видеть Министром внутренних дел любого социал-демократа, чем Столыпина. Он вносит туман и смуту. Он подрывает самые корни русского строя»⁴. В беседе с другом юности бароном Ф.Ф. Врангелем летом 1907 г. П.Н. Дурново так отзывался о П.А. Столыпине и его политике: «По моему мнению, П.А. Столыпин, человек безусловно достойный и мужественный, грешит тем, что слишком много придает весу общественному мнению». Роспуск II Думы и изменение избирательного закона П.Н. Дурново одобрял, однако с оговорками. Он находил этот шаг

¹ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 373, 398, 460.

² Толстой И.И. Дневник. 1906–1916 г. СПб., 1997. С. 363.

³ Падение царского режима. Л., 1925. Т. 4. С. 274.

⁴ Русское слово. 1915. 12 сентября.

правительства «слабым, а потому не соответствующим» своим взглядам: «Поводов было достаточно распустить их, а теперь сделали это с обходом: не назначили прямо крайнего срока ответа на требование министерства, вдруг как бы испугались возможности благоразумного решения Думы, скоропалительно закрыли пресловутый парламент, с которым нянчились, как с серьезным законодательным собранием, тогда как его несостоятельность, вернее сказать – непристойность, была давно очевидна... Власть, себя уважающая и желающая, чтобы ее уважали, должна во всем и всегда действовать прямо, открыто, твердо и честно. Все эти оглядывания направо и налево, выпясывание то на одной, то на другой ноге, суть признаки слабости и потому вредны». Избирательный закон, продолжал он, «надо было изменить, в этом, конечно, ни один здравомыслящий человек не сомневается, но я и здесь не вижу каких-либо определенных, для всех понятных, руководящих начал. Так себе, взяли да на глаз прикинули: прибавим-ка тут столько-то голосов, там скинем столько-то, авось ладно выйдет! Да и срок новых выборов слишком близок». П.Н. Дурново был не против временных положений и полевых судов: «Время несомненно ненормальное, и потому для защиты мирных граждан требуются и особые меры, как это было и бывает и в самых правомерных государствах. Но военные суды – это не произвол. Они в областях, охваченных смутю, ведают совершенно определенного рода преступлениями и к этим исключительным правонарушениям применяют сокращенные формы правосудия и более строгие меры наказания, чем суды обыкновенные. Но нельзя применять эти определенные формы произвольно, в одной губернии так, в смежной иначе, смотря по личным взглядам местного сатрапа. Это не сила власти, а дикий произвол». П.Н. Дурново не разделял надежд на правительство П.А. Столыпина: «Я думаю, что нам еще предстоят большие испытания и что, может быть, тогда потребность в мощной руке и выведет сильного человека из мрака неизвестности. Но это так только, мечты для собственного утешения, не основанные на фактах, а только на личном желании»¹.

Выступая 19 мая 1914 г. в Государственном совете против волостного земства, П.Н. Дурново говорил: «Новый закон передает все дело местного управления и хозяйства в руки крестьян, – тех самых крестьян, которые только 8 лет тому назад грабили и жгли землевладельцев и которые до настоящего времени хранят в себе земельные вожделения за счет помещиков. Подавляющее большинство неразвитых и несостоятельных

¹ В обновленной России. Впечатления, встречи, мысли барона Ф.Ф. Врангеля, бывшего директора Императорского Александровского лицея. СПб., 1908. С. 46–48, 50.

людей в новых волостных учреждениях будет стремиться перенести бремя расходов на более состоятельное меньшинство. Отсюда прежде всего последует потрясение едва-едва приходящих в порядок расшатанных грабежами и поджогами 1905–1906 гг. экономических отношений. Поэтому я нахожу, что рискованно создавать самоуправляющиеся единицы, смешивая в них большое число людей неимущих с весьма малым числом имущих, совершенно различных по воспитанию, образу жизни и обычаям, и, наконец, самое главное, когда все помыслы неимущих направлены к отобранию земли у имущих. Вообще, образование местных самоуправляющихся организаций может обещать успех только при условии существования на местах имущественно-обеспеченного большинства... Новые формы землевладения, следует надеяться, помогут образованию класса мелких, но состоятельных собственников, которые и будут служить фундаментом, на котором наши потомки построят все-сословную волость... Дело это затеяно несвоевременно. Я отнюдь не закрываю глаз на несовершенства и неурядицу существующего положения, но, к сожалению, далеко запоздавшие условия и отношения нашей жизни не позволяют резко их изменять и необходимая в таких вопросах политическая осторожность требует от нас жертвы, для одних большей, для других меньшей. Жертва эта есть отклонение перехода к постатейному рассмотрению»¹.

При этом может показаться, что П.Н. Дурново разделял надежды П.А. Столыпина на крестьян-собственников. Думается, не все так однозначно. Конечно, разложение крестьянства и формирование класса крестьян-собственников было для П.Н. Дурново очевидным и объективным фактом. Он и допускал (видимо, в недалеком будущем) возможность введения всесословной волости, когда этот класс состоятельных крестьян образуется. Однако от взгляда П.Н. Дурново (и многих других близко стоящих к крестьянству) не укрылось активное участие в аграрных волнениях как раз состоятельных крестьян – факт настораживающий! Поэтому, по мнению П.Н. Дурново и его единомышленников, «быстрый и малообоснованный переход земельной собственности из рук среднего и крупного землевладения в руки крестьян нежелателен». С государственной точки зрения, полагали они, важно, «чтобы, по возможности, средние и крупные землевладения оставались непоколебимо в руках тех лиц, которые теперь ими обладают»: «В самых помещичьих губерниях земские начальники – присланные из Петербурга, молодые

¹ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1913–1914 гг. Сессия девятая. СПб., 1914. Стб. 2300–2302.

чиновники, которые никаким имущественным цензом не обладают. Во многих уездах России нельзя найти выборного уездного предводителя». Отсюда следовала негативная оценка деятельности Крестьянского банка по покупке и продаже земли за свой счет. Чтобы владельцы меньше продавали, банк следовало, настаивал П.Н. Дурново, лишить права самостоятельной покупки, ибо она создавала «соблазн для слабых землевладельцев»¹.

Не очень хорошо о П.А. Столыпине отзывался А.Ф. Редигер: «Столыпин тогда, на первых порах, производил на меня самое лучшее впечатление: молодой, энергичный, с верой в будущность России, он решительно взялся за реформы. До созыва II Думы Совет министров, действуя по ст. 87 Основных законов, получал обширнейшую законодательную власть, которой Столыпин пользовался широко для проведения новых законов, подчас весьма крупных. Эта полнота власти, к сожалению, оказала дурное влияние на Совет и в особенности – на Столыпина, так как породила у них преувеличенное представление о их значении и положила начало той мании величия, которая, в конце концов, овладела Столыпиным. Занятая мною позиция министра, редко бывающего в Совете и вовсе не желающего давать кому-либо вторгаться в дела армии, невольно привела, в конце концов, к тому, что я фактически стал вне Совета министров, а со Столыпиным, уже с осени этого года, начались столкновения из-за его желания самовластно распоряжаться и в армии»².

По мнению И.И. Колышко, «эпоха Столыпина в царствование Николая II была не менее выпуклой, чем эпоха Витте и Плеве. Со Столыпиным у Николая II был роман, близко схожий, хотя и не столь длительный и глубокий, как с князем Мещерским. Но роман со Столыпиным был лишен главной своей прелести – таинственности. Столыпин правил Россией открыто, почти вульгарно, на манер Витте и Плеве. Вежливо, но твердо он отстранил от этого дела царя. Будучи иного калибра и нравственных качеств, чем его предшественник, обаятельный, талантливый и волевой, юный диктатор совершил, однако ж, ту же ошибку, что и его предшественники. Своей волей и своей личностью он заслони́л от России волю и личность царя. Этого царь не простил никому, – не простил даже беззаветно преданному ему Трепову... В медовые месяцы нового романа, как и во все медовые месяцы, объект царской влюбленности,

¹ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1910–1911 гг. Сессия шестая. СПб., 1911. Стб. 1120–1123.

² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания Военного министра... Т. 2. С. 27.

Столыпин, мог обернуть царя вокруг пальца, – судьбы России зависели тогда исключительно от него. И в эти месяцы Николай II, не сторонник политической полигамии, забыл о князе Мещерском. Но этот последний не забыл о царе. Как только стало ясно, что Столыпин не отменит самодержавия, старый шептун вновь обвинил царя искушением веры в себя... И царь под аккомпанемент "волевых импульсов" Столыпина, обретя то, что было потеряно при Витте, решил управлять Россией, повинаясь "вере в себя". Убийство Столыпина было в этом смысле для него провиденциальным. И потому, когда госпожа Столыпина при посещении царем умиравшего мужа произнесла: – Мой муж, как Сусанин, умирает за ваше величество, – царь только пожал плечами. Заместителем волевого диктатора стал В.Н. Коковцов»¹.

Таким образом, П.А. Столыпин оставил у современников и своего окружения довольно противоречивые впечатления. Вполне возможно, что это свойство каждого крупного политического деятеля. К тому же П.А. Столыпин проиграл, так как не смог довести до конца свои реформы, а значит, многие старались переложить вину на него, что, впрочем, отчасти справедливо, ведь именно он возглавлял правительство, проводившее преобразования. Часть его критиков считала, что его реформы вообще были не нужны и даже опасны при сложившейся на тот момент в России революционной ситуации, которую они еще больше усугубили. Значительная часть воспоминаний о деятельности П.А. Столыпина была написана уже в эмиграции, куда соратники реформатора бежали после 1917 г. Революция для них была катастрофой, в результате которой они потеряли все. Новый мир, который они строили, оказался настолько ужасным, что они первыми покинули его.

4.2. Ближайшее окружение П.А. Столыпина: заместители министра внутренних дел, главноуправляющие землеустройством и земледелием, начальник переселенческого управления

Огромную роль в правительстве П.А. Столыпина играл товарищ (заместитель) министра внутренних дел С.Е. Крыжановский, который ввиду своей профессиональной деятельности был непосредственным

¹ Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания... С. 44–45.

участником событий того времени. Его перу принадлежали многие важные законодательные акты начала XX в.: Положения о Государственной думе, Государственном совете, а также все крупнейшие избирательные законы той эпохи. С.Е. Крыжановский был одним из немногих, кто непосредственно работал над проблемой создания и реформирования представительного учреждения от начала и до конца. Также он принимал участие в разработке проектов преобразований И.Л. Горемыкина, В.К. Плеве, П.Д. Святополк-Мирского, А.Г. Булыгина, С.Ю. Витте. В Российской империи было мало чиновников с таким опытом государственной деятельности. По воспоминаниям обер-прокурора Святейшего Синода князя И.Д. Жевахова, С.Е. Крыжановский «занимал среди министров совершенно исключительное место. Это был один из тех немногих истинно государственных деятелей, в котором огромный ум и широкие государственные размахи сочетались с на редкость выдающимися знаниями. В то время, как каждый министр вращался в круге ведения своего ведомства, Государственный секретарь обнимал государственную жизнь в полном объеме». В.Н. Коковцов указывал на С.Е. Крыжановского как на «человека очень ловкого, способного и могущего при известных условиях принести большую пользу». Его способности признавали не только лояльно настроенные представители бюрократической среды, но и основные противники С.Е. Крыжановского на политической арене – кадеты. По замечанию П.Н. Милюкова, «среди верных старцев, окружавших царя, он был единственным молодым человеком, помнившим университетский курс конституционного права»¹.

С.Е. Крыжановский родился 29 августа 1862 г. в Киеве в семье чиновника. «Сын бакалавра», он провел свое детство частично в Подольской губернии, а также в Седлеце, Варшаве, где служил его отец, и на Холмщине, где семья его владела небольшим имением². Отец – Е.М. Крыжановский был директором 1-й Варшавской гимназии, затем членом учебного комитета при Священном Синоде, а также писателем. Гимназические годы С.Е. Крыжановский провел в Варшаве.

¹ Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя И.Д. Жевахова. М., 1993. Т. 1. С. 117; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919 гг. ... С. 62; Милюков П.П. Воспоминания (1859–1917 гг.). М., 1990. Т. 1. С. 304; Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 569; Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 242; Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера... С. 91.

² Карпачев М.Д. Сергей Ефимович Крыжановский – политический деятель и публицист начала XX в. // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2013. № 2. Сер. История. Политология. Социология. С. 52–59.

Обучаясь в 1-й гимназии, он сблизился с будущими учеными и видными деятелями либерального движения А.А. Корниловым и братьями Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбургскими. В 1880 г. С.Е. Крыжановский поступил на математический факультет Московского университета, но вскоре перевелся на юридический факультет. Значительная часть студенческой молодежи в ту пору деятельно участвовала в народническом движении. Не прошел мимо него и С.Е. Крыжановский. Он установил контакты с участниками демократических кружков. В 1881 г. С.Е. Крыжановский перевелся в Петербургский университет, где продолжал поддерживать отношения с деятелями оппозиционного лагеря. В студенческие годы был дружен с И.М. Гревсом, Д.И. Шаховским, В.И. Вернадским и другими либерально настроенными молодыми интеллигентами. Вместе с ними входил в «Ольденбургский кружок», а после окончания университета – в состав так называемого «Приютинского братства», сообщества деятелей, объединившихся на почве нравственного обновления в духе истинного христианства и человеколюбия. Члены «братства» мечтали о царстве разума на земле, а также признавали необходимость ненасильственного обновления народной жизни и государственного строя России¹.

В Санкт-Петербурге С.Е. Крыжановский принимал участие в студенческих демонстрациях, за что подвергался полицейским репрессиям. В ноябре 1882 г. ему пришлось провести несколько суток под арестом в полиции за участие (довольно, впрочем, случайное) в студенческой сходке². Тем не менее учебу на юридическом факультете он успешно завершил: Санкт-Петербургский университет С.Е. Крыжановский окончил в 1884 г. Служба его началась в 1885 г. Он стал кандидатом на судебные должности при Санкт-Петербургском окружном суде. В 1887 г. молодой юрист привлекался по делу народнического публициста В.В. Водовозова, попытавшегося нелегально издать в России известное в ту пору сочинение либерального немецкого профессора А. Туна «История революционного движения в России». В.В. Водовозов, тоже участвовавший в «Ольденбургском кружке», уговорил С.Е. Крыжановского перевести для приложения к книге с польского языка несколько фрагментов, касавшихся истории революционно-народнического движения³. За попытку

¹ Кузьмина И. Князь Шаховской. Путь русского либерала. М., 2008. С. 120–139.

² Карпачев М.Д. Сергей Ефимович Крыжановский – политический деятель и публицист начала XX в. С. 52–59; Шаховской Д.И. Избранные статьи и письма. 1881–1895 гг. М., 2002. С. 25–28.

³ Водовозов В.В. Историческая библиография // Былое. 1906. № 7. С. 307.

нелегального издания В.В. Водовозов был отправлен в ссылку в Архангельскую губернию, а С.Е. Крыжановский отделался арестом на две недели, но и от такого наказания он по ходатайству отца был освобожден. До 1891 г. он занимал должность следователя в Санкт-Петербурге. В 1891–1896 гг. С.Е. Крыжановский последовательно служил товарищем прокурора Великолуцкого, Рижского, Петербургского окружных судов. С 1896 г. был переведен на весьма ответственную должность начальника земского отделения хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. Он начал курировать деятельность учреждений местного самоуправления, ведавших развитием коммуникаций, просвещения и здравоохранения, а также региональной тарифной политикой. В 1897 г. его назначили членом от Министерства внутренних дел в Комиссию по изменению и дополнению ограничительного закона о евреях. В 1900 г. С.Е. Крыжановский получил видный пост вице-директора хозяйственного департамента этого министерства.

В начале 1900-х гг. по поручению начальства он подготовил несколько законопроектов, направленных на повышение эффективности учреждений местного общественного самоуправления. Наиболее значительным из них был проект «Положения об общественном управлении города Санкт-Петербурга», утвержденный в 1903 г. В этом же году по поручению министра внутренних дел В.К. Плеве он составил проект учреждения в структуре министерства Главного управления по делам местного хозяйства. Новый орган должен был весть вопросами взаимодействия правительства с учреждениями земского и городского самоуправления. С.Е. Крыжановский был тогда же назначен помощником начальника Главного управления. Кроме того, при Главном управлении предполагалось создать еще и Совет по делам местного хозяйства при участии представителей от земств и городских дум. По мнению министра, вводить элементы общественного представительства нужно было осторожно и под безусловным контролем официальных властей. Однако ввести новое учреждение тогда не удалось: в июле 1904 г. министр В.К. Плеве был убит в результате организованного эсерами террористического акта. Совет по делам местного хозяйства начал действовать только в 1909 г., когда министром внутренних дел был П.А. Столыпин. С.Е. Крыжановский в ранге товарища министра внутренних дел стал фактическим руководителем этого учреждения¹.

¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1993. Т. 1. С. 542.

Во второй половине 1904 г. в России активизировалась общественно-политическая оппозиция. Сменивший В.К. Плеве Министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский в обстановке неудачно шедшей для самодержавия Русско-японской войны объявил о новом этапе в политической жизни страны – «эпохе доверия» между правительством и здоровыми силами общества. Началась разработка мер по либерализации государственной политики и общественной жизни. По правилам того времени проекты предполагаемых реформ следовало облечь в форму всеподданнейшего доклада императору. Этот ответственный документ П.Д. Святополк-Мирский поручил подготовить С.Е. Крыжановскому. Через две недели проект доклада был готов. В нем С.Е. Крыжановский подчеркивал необратимость великих преобразований эпохи отмены крепостного права и указывал на то, что в стране созрели условия для нового витка реформ. Но проводить их следует осторожно и при безусловном лидерстве просвещенной администрации. Государственная власть в России, по его убеждению, всегда была и впредь должна остаться безусловным творцом и лидером политического и культурного обновления. Администрация не могла ограничиваться уступками общественной оппозиции, она должна была руководить процессами политического воспитания людей и формирования гражданского общества. Пришло время, полагал он, для постепенного введения в России законосовещательного представительства путем включения в состав Государственного совета выборных членов от губернских земских собраний и от Дум крупных городов. Но самым существенным условием дальнейшего развития России С.Е. Крыжановский считал утверждение гражданственности в широких массах крестьянства. А это предполагало постепенную замену общинного наделного землевладения частной крестьянской собственностью на землю. Подготовленные предложения в конце ноября 1904 г. были представлены министром внутренних дел Николаю II, но полного одобрения не получили. Тем не менее наиболее существенные идеи С.Е. Крыжановского вошли в царский указ от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В этом документе верховная власть объявляла о готовности приступить в ближайшем будущем к умеренной либерализации политической жизни. Однако разразившийся в стране революционный кризис вынудил власти внести существенные коррективы в свои действия¹.

¹ Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984. С. 227–229; Карпачев М.Д. Сергей Ефимович Крыжановский – политический деятель и публицист начала XX в. ... С. 52–59.

В 1905 г. С.Е. Крыжановский стал одним из главных творцов законодательства, оформившего введение в России начал представительного правления. Он принял активное участие в составлении проекта законосовещательного учреждения, введение которого было предусмотрено указом Николая II от 6 августа 1906 г. Именно С.Е. Крыжановский предложил воспользоваться терминологией давнего плана М.М. Сперанского и назвать новое учреждение Государственной думой¹. Тем самым инициаторы реформы избегали упрека «в копировании с западных образцов». В начале 1906 г. С.Е. Крыжановский принял активное участие в подготовке важной реформы Государственного совета, реорганизовавшей это старое законосовещательное учреждение в верхнюю законодательную палату Российской империи. В апреле 1906 г. еще при министре П.Н. Дурново он был назначен на видную должность товарища министра внутренних дел. Возглавивший после роспуска I Государственной думы правительство П.А. Столыпин высоко оценил деловые качества нового сотрудника. Сохранив в своих руках портфель министра внутренних дел, волевой и энергичный премьер-министр видел в С.Е. Крыжановском своего заместителя по Министерству внутренних дел и единомышленника. С.Е. Крыжановский сыграл решающую роль при разработке новой редакции избирательного закона, введенной в действие 3 июня 1907 г. царским указом после роспуска II Государственной Думы. С полной определенностью писал об изложенном очевидец событий В.Ф. Джунковский: «Автором этого закона (3 июня) был С.Е. Крыжановский, весьма талантливый, умный, бывший в то время товарищем Министра внутренних дел и правой рукой Столыпина. Крыжановский отлично знал все слабые стороны характера Столыпина и очень умело и ловко ими пользовался для достижения тех или иных целей. По уму он был выше Столыпина, все смелые законопроекты, все распоряжения, как-то: закон 3 июня, земства в западных губерниях, ограничения евреям и т. д. — все они инспирировались Крыжановским, который был их автором, но провести эти законы С.Е. Крыжановский бы не мог, у него на это не хватило бы храбрости открыть забрало. Столыпин же, если так можно выразиться, был на это ходок, он был храбрый, смелый человек, открытый, и проводил он все эти "страшные" законы со свойственной ему настойчивостью. Таким образом, Крыжановский являлся ему незаменимым подручным». К сожалению, продолжал В.Ф. Джунковский, «Крыжановский, будучи по уму на голову выше

¹ Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг последнего Государственного секретаря Российской империи... С. 63.

Столыпина, по нравственным своим качествам стоял неизмеримо ниже. Он пользовался часто некрасивыми приемами, компрометировавшими Столыпина». Например, при выборах в III Думу откровенно подбирал кандидатов в депутаты из людей, преданных правительству, и прямо настаивал на их непременно прохождении. «Он старался воздействовать на губернаторов, вызывая их в Петербург и давая соответствующие указания сообразно местным условиям. При этом он не останавливался и перед подкупом на казенные средства, дабы провести в Думу желательных кандидатов». По собственному признанию В.Ф. Джунковского, ему С.Е. Крыжановский выдал 5 000 руб. неподотчетных денег на обеспечение желательного правительству исхода избирательной кампании в Московской губернии¹. О политической бесцеремонности С.Е. Крыжановского писал в мемуарах и С.Ю. Витте: «После издания закона в моем присутствии П.Н. Дурново расспрашивал составителя закона 3 июня Крыжановского, почему, например, в таком-то уезде приняты такие-то нормы, а в таком-то другие, и на это Крыжановский, если хотите, пренаивно, отвечал, что это сделано для того, чтобы явился благонадежный выборщик – тут нужно было дать большинство голосов таким-то элементам, а там другим»².

После революции 1905–1907 гг. С.Е. Крыжановский оставался одним из ближайших сотрудников председателя Совета министров П.А. Столыпина. В 1907 г. С.Е. Крыжановский получил чин тайного советника и одновременно был назначен сенатором, сохранив за собой пост товарища министра внутренних дел. Был сторонником нового аграрного курса, направленного на разрушение сельских общинных порядков, на создание эффективных крестьянских хозяйств фермерского типа и на повышение правовой культуры крестьянства. Добивался улучшения отношений между администрацией и земствами. По свидетельству В.И. Гурко, благодаря заботам С.Е. Крыжановского было устроено «в одном из зданий Министерства внутренних дел особое помещение, где прибывающие земцы могли найти все нужные для них справки, где особо для сего назначенные служащие министерства помогали земцам своими указаниями в деле осуществления того или иного земского ходатайства»³.

С.Е. Крыжановский играл важную роль в решении польского вопроса. К польским делам он обращался неоднократно: и когда участвовал в совещаниях графа Д.М. Сольского по установлению правил при-

¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания... С. 242.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3... С. 450.

³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 602.

менения закона о выборах к окраинам империи, и когда разрабатывал в 1907–1908 гг. проекты «о выделении Холмского края из состава Польши» и «о новом государственном устройстве Российской империи». Последний проект предусматривал разделение империи на одиннадцать областей с образованием в каждой областного земского собрания и областного правительственного управления с гражданским начальником во главе. Областные земские собрания, создававшиеся на общих основаниях, принятых для земских выборов, получали широкие законодательные права по всем предметам, не имевшим общегосударственного значения. Если решения утверждались начальником области, они имели силу обязательных постановлений. Если имело место высочайшее утверждение, они приобретали значение местных законов. По мнению С.Е. Крыжановского, Россия нуждалась в децентрализации, которая не только упростила бы процесс управления страной, повысила политическую грамотность населения, снизила влияние оппозиции, но и ослабила бы остроту национального вопроса. В отношении последнего он считал, что защита русского национального интереса необходима, но при условии продуманной политики, избегающей чрезмерных крайностей. А поскольку некоторые окраины стояли выше в культурном отношении, чем коренная Россия, усилия, направленные на обрусение этих народностей, оказывались тщетными и при этом истощали русское национальное ядро. Тогда проект о новом государственном устройстве Российской империи, хотя он и был одобрен Николаем II, отложили до лучших времен¹.

Современники признавали сильный интеллект С.Е. Крыжановского и его влияние на деятельность правительства. По знаниям, таланту и уму, писал С.Ю. Витте, С.Е. Крыжановский был несколькими головами выше следующего министра внутренних дел А.А. Макарова². Но не по человеческим качествам, продолжал бывший премьер. «Крыжановский был, собственно, головою Столыпина, и головою хитрою. Он заставлял Столыпина делать такие вещи, которые бы сам, будучи министром внутренних дел, не делал никогда»³. В 1911 г. министр финансов В.Н. Коковцов, назначенный на пост премьер-министра после убийства П.А. Столыпина, предлагал назначить С.Е. Крыжановского

¹ Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнее Государственного секретаря Российской империи... С. 49, 120–128, 131–133; Соколов А.С. С.Е. Крыжановский и польский вопрос // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2005. № 3. С. 75–77.

² Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 569.

³ Там же. С. 570.

министром внутренних дел. Однако это предложение не встретило поддержки у Николая II. По мнению самого С.Е. Крыжановского, у императора сложилось ложное мнение о нем как о верном соратнике С.Ю. Витте, вынуждавшего царя пойти на крайне неприятные для него уступки общественному движению. В 1911 г. после отставки с должности товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановский был назначен государственным секретарем, в 1916 г. был удостоен звания статс-секретаря. В ноябре 1916 г. в условиях надвигавшегося революционного кризиса были предприняты новые попытки добиться назначения С.Е. Крыжановского на пост министра внутренних дел России. После Февральской революции 1917 г. С.Е. Крыжановский был арестован, но вскоре освобожден. Он подал прошение об отставке, 3 апреля был уволен со службы и некоторое время проживал в Петрограде. 10 июля был допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. После Октябрьской революции, в декабре 1917 г., у него прошли обыски. В начале 1918 г. С.Е. Крыжановский эмигрировал в Финляндию. В июле 1918 г. перебрался в Киев, где входил в «Совет государственного объединения России», получил личное приглашение гетмана П.П. Скоропадского участвовать в его правительстве, но ответил отказом. В том же году направил А.И. Деникину записку, в которой указывал на необходимость солидаризации со всеми антибольшевистскими силами до эсеров включительно. В 1919 г., перед занятием города большевиками, С.Е. Крыжановский выехал в Одессу, а оттуда в Константинополь. С 1920 г. жил в Париже, где редактировал альманах «Русская летопись». Средства на жизнь зарабатывал мелким предпринимательством, а также юридическими консультациями. Был одним из учредителей и председателем правления «Союза ревнителей памяти императора Николая II». Умер в 1935 г. в Париже.

Какое-то время заместителем П.А. Столыпина был Владимир Иосифович Гурко. Происходил он из дворян Тверской губернии (родился в 1862 г.). Его отцом был И.В. Гурко – предпоследний генерал-фельдмаршал Российской империи, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; бабушкой – Е.В. Салиас де Турнемир – известная писательница (псевдоним Е. Тур), русская «Жорж Санд»; дядей – Е.А. Салиас де Турнемир – знаменитый романист; братья Василий и Дмитрий – боевыми генералами, которые сделали блестящую военную карьеру: первый – в 1917 г. был главнокомандующим Западного фронта, второй – являлся одним из основоположников русской военной разведки в Центральной Европе¹.

¹ Воробьева Н.Н. Аграрная реформа 1906 г. Судьба реформатора: Владимир Гурко. [Электронный ресурс]. URL: <http://inb.dnsgb.com.ua/>.

В 1885 г. В.И. Гурко закончил Московский университет и вступил в службу в Московский цензурный комитет. В 1886–1888 гг. он служил комиссаром по крестьянским делам Горецкого и Радоминского уездов Варшавской губернии, где приводил в действие Положение от 19 февраля 1864 г. о крестьянах, вышедших крепостной зависимости в губерниях Привислянского края (после Польского восстания 1863–1864 гг. местные крестьяне были освобождены без выкупа). В 1891–1894 гг. В.И. Гурко занимал должность Варшавского гражданского вице-губернатора. 25 апреля 1895 г. его назначили в Государственную канцелярию, где он работал в отделениях законов, государственной экономии и отделении дел государственного секретаря.

В сентябре 1892 г. В.И. Гурко перевели в Министерство внутренних дел, где он принимал участие в работе межведомственных особых совещаний и комиссии по вопросам деятельности Крестьянского Поземельного банка, особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности о мерах по укреплению крестьянского землевладения и т. д. В 1902 г. министр внутренних дел В.К. Плеве назначил его управляющим Земским отделом МВД, который занимался общественным управлением и поземельным устройством крестьян. К этому времени взгляды В.И. Гурко на крестьянский вопрос вполне сформировались и нашли отражение в его экономических работах¹. В них он последовательно отстаивал мысль, что все сословные и классовые интересы должны быть подчинены общей задаче – обеспечению мощи и процветанию государства. Перспективу социального и экономического развития Российской империи В.И. Гурко видел в формировании класса средних земельных собственников, то есть фермерских хозяйств. «Как интересы государства, так и интересы деревни в равной степени говорят за всемерное содействие образованию владений средней величины из крупных поместий и за прекращение дальнейшего дробления владельческих земель на мелкие участки с переходом их в крестьянские руки», – писал он. В основе концепции В.И. Гурко лежала мысль, что только крепкие крестьянские хозяйства были способны удовлетворить возникшую необходимость в интенсификации аграрного производства, которое, по его мнению, являлось главным источником экономического потенциала страны.

¹ Гурко В.И. Устои народного хозяйства. СПб., 1902; Гурко В.И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб., 1906; Гурко В.И. Наше государственное и народное хозяйство и меры, могущие содействовать нашему экономическому преуспеянию. СПб., 1909; Гурко В.И. Борьба труда и капитала; его неизбежные последствия. Берлин, 1901.

В.И. Гурко выражал опасение, что «экономическое положение России проявляет грозные признаки ухудшения, количество производимых ценностей уменьшается, удовлетворение главнейших народных потребностей понижается, государственные финансы приходят во все большее расстройство», так как при наличии земли и климатических условий «мы не в состоянии добыть от природы необходимое для удовлетворения наших ограниченных нужд»¹. Основную причину такого положения он видел в низкой агротехнической культуре. В.И. Гурко был убежден, что простая передача крестьянам помещичьих земель не решит их экономических проблем и не улучшит их благосостояния. С трибуны Государственной Думы он выступал против любых видов «принудительного отчуждения частновладельческих земель», а также «социализации», «национализации» и пр. Он считал, что следовало менять всю систему сельского хозяйства. Государственная политика должна была быть направлена на ликвидацию общины и создание класса средних земельных собственников. Принципиальное значение для В.И. Гурко имело введение частной собственности на землю, в которой он, на примере западных стран, видел основу общего развития и экономического процветания государства. Первыми шагами на избранном пути, по его замыслу, должны были стать уничтожение круговой поруки и отмена выкупных платежей. В этом ключе им был составлен аграрный раздел Манифеста Николая II от 26 февраля 1903 г. («О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»). Наряду с заявлением о решимости хранить «вековые устои» Российской империи этот документ предусматривал облегчение выхода крестьян из общины.

В апреле 1905 г. его назначили товарищем министра внутренних дел, и он состоял председателем Комиссии по выработке высочайших указов от 5 октября и от 9 ноября 1906 г. В течение ряда лет группа чиновников МВД во главе с В.И. Гурко разрабатывала проект, долженствовавший осуществить крутой поворот во внутренней политике правительства. К приходу П.А. Столыпина В.И. Гурко уже занимал пост товарища министра, основные идеи и направления проекта уже сформировались, работа продолжалась. В отличие от столыпинского замысла, проект В.И. Гурко имел в виду создание хуторов и отрубов на надельных (крестьянских) землях (а не на государственных и банковских). Разница была существенной. Впрочем, не это было самое главное в проекте В.И. Гурко. Образование хуторов и отрубов даже несколько

¹ Гурко В. Устои народного хозяйства... С. 56.

притормаживалось ради другой цели – укрепления надельной земли в личную собственность. Каждый член общины мог заявить о своем выходе из нее и закрепить за собой свой чересполосный надел, который община отныне не могла ни уменьшить, ни передвинуть. Зато владелец мог продать свой укрепленный надел даже постороннему для общины лицу. С агротехнической точки зрения такое новшество не могло принести много пользы (надел как был чересполосным, так и оставался), но оно было способно сильно нарушить единство крестьянского мира, внести раскол в общину. Предполагалось, что всякий домохозяин, потерявший в своей семье несколько душ и со страхом ожидающий очередного передела, непременно ухватится за возможность оставить за собой в неприкосновенности весь свой надел. Проект В.И. Гурко представлял собой удобную площадку, с которой правительство могло приступить к форсированной ломке общины. Государственный секретарь В.Н. Коковцов вообще считал, что П.А. Столыпин якобы пришел к решению о проведении аграрной реформы, попав под влияние «такого страстного человека, каким был В.И. Гурко, давно уже остановившийся на необходимости бороться с общинным землепользованием и не раз пытавшийся влиять в этом смысле на Горемыкина»¹.

В 1906 г. В.И. Гурко вступил в члены Постоянного совета Объединенных дворянских обществ – крайне правой сословно-корпоративной политической организации российского дворянства. Состоял в должности управляющего делами Постоянного совета Объединенного дворянства. Кроме того, в 1908 г. В.И. Гурко стал одним из членов-учредителей Русского окраинного общества.

В октябре–ноябре 1906 г. в связи с необходимостью ликвидировать последствия неурожая В.И. Гурко назначили «заведовать продовольственной частью империи». На этой должности он попал в неприятную историю. Суть ее заключалась в следующем. В начале сентября некто Э.Л. Лидваль обратился к В.И. Гурко с предложением поставить 10 млн пудов хлеба. С ним был заключен соответствующий договор. В связи с этим уфимскому, казанскому, владимирскому, калужскому, костромскому, орловскому, пензенскому, самарскому, симбирскому, тамбовскому и тульскому губернаторам было предписано прекратить закупки хлеба, кроме мелких партий для отдаленных от железной дороги местностей. Оренбургскому губернатору было предписано закупать хлеб только для удовлетворения неотложных нужд. Договор был

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания... Т. 1. С. 255.

заключен 19 октября, но поставки не пошли. Только в середине ноября министерство обратилось к другим поставщикам, срочно закупив 800 тыс. пудов. Продолжалась и поставка ржи Э.Л. Лидвалем, но им было сдано к середине декабря только 915 тыс. пудов. Как сказано в отчете о расследовании дела, эта поставка «составляла государственный интерес первостепенной важности». В вину В.И. Гурко, заключившему данный договор, ставили то, что он выдал Э.Л. Лидвалю аванс в размере 800 тыс. руб., а также не принял должных мер для проверки надежности поставщика. 24 ноября 1906 г. в газетах появилась статья князя Г.Е. Львова «Голодный хлеб». Он отмечал, что правительство вычеркнуло помощь общественного и частного милосердия. В результате население голодает. В то же время устранение правительством общественной помощи свидетельствует об отсутствии у него нравственного побуждения помочь народу. В заключение статьи князь Г.Е. Львов обращался к общественности с призывом: «Вы поглощены страстной политической борьбой, но взгляните на этот "голодный" хлеб и от искреннего чувства любви и сострадания к ближнему утишите бурю в сердце своем и поспешите помочь, протяните голодному кусок хлеба от своей доли»¹.

Таким образом, контракт был исполнен только в небольшой части, далеко не покрывавшей даже аванса. В.И. Гурко был предан суду Сената по обвинению в превышении власти и нерадении в отправлении должности и присужден к отрешению от должности. Задолго до судебного приговора, но после предания суду он вызвал на дуэль депутата от кадетской партии Ф.И. Родичева, который в речи в Государственной Думе характеризовал его поведение в деле с Э.Л. Лидвалем в весьма резких выражениях; Ф.И. Родичев от дуэли отказался. По окончании суда В.И. Гурко привлек к суду редактора газеты «Русь» М.М. Крамалея и его сотрудника С.А. Изнара, обвинявших его в участии в расхищении казенных денег, и добился осуждения их к трем месяцам тюрьмы. 27 марта 1908 г. В.И. Гурко был высочайше помилован. В 1909 г., до истечения трехлетнего срока, в течение которого по закону отрешенный от должности по суду не может быть избираем ни на какие общественные должности, В.И. Гурко был избран в гласные Тверского губернского земства; избрание не было опротестовано. В 1910 г. он был пожалован в звание камергера. В декабре того же года В.И. Гурко баллотировался на должность губернского предводителя дворянства в Тверской губернии, но

¹ Московские ведомости. 1906. 20 января.

был забаллотирован. В августе 1912 г. его избрали от Тверского земства членом Государственного совета, где он примкнул к правым. В 1913 г., при обсуждении в Государственном совете законопроекта о расширении прав замужних женщин, В.И. Гурко, в полную противоположность своим товарищам по партии, высказался за законопроект и, в частности, за допущение раздельного жительства супругов; позднее отстаивал ассигнования на народное образование и выступил с критикой бюджетной политики правительства. В августе 1915 г. он был избран в составе девяти членов Государственного совета в Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. После Октябрьской революции активно участвовал в организации Правого центра, затем – в белом движении, впоследствии эмигрировал. Умер в 1927 г.

Еще одним заместителем министра внутренних дел П.А. Столыпина, внесшим большой вклад в реализацию аграрной реформы, был Александр Иванович Лыкошин, происходивший из дворян Смоленской губернии. А.И. Лыкошин родился 17 сентября 1861 г. В 1882 г. он окончил Императорское училище правоведения с первой золотой медалью и поступил на службу в Министерство юстиции. В 1900 г. А.И. Лыкошин был произведен в действительные статские советники, а в 1901 г. – назначен товарищем обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената, в 1904 г. – членом консультации при Министерстве юстиции. Значительная часть службы в Министерстве юстиции была посвящена им составлению новых гражданских законов. Так, А.И. Лыкошин участвовал в разработке «Проекта гражданского уложения» под руководством известного цивилиста А.А. Книрима, а затем был членом Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения; написал несколько работ по гражданскому праву; принимал участие в составлении проектов вотчинного устава и постановлений о крестьянском землевладении; изучал вопросы крестьянского обычного и государственного права в отношении деревни; сотрудничал с Журналом Министерства юстиции. В 1905 г. он вступил в «Русское собрание».

А.И. Лыкошин участвовал в качестве представителя Министерства юстиции в Комитете по землеустроительным делам и в междоуведомственных совещаниях при МВД, в разработке землеустроительных законов и указа 9 ноября 1906 г. о выходе из общины. В начале 1907 г., оставаясь членом консультации при Министерстве юстиции, он был назначен также членом Совета Министра внутренних дел, а позднее, в том же году, его перевели в МВД и назначили товарищем министра внутренних дел. Сохраняя пост товарища министра, в разные годы он возглавлял

Земский отдел и Техническо-строительный комитет. А.И. Лыкошин стал одним из ближайших сотрудников П.А. Столыпина в подготовке и проведении аграрных реформ: принимал деятельное участие в работе многих комиссий и междуправительственных совещаний, занимавшихся реформами (по пересмотру законодательства о сельском состоянии, по вопросам крестьянского землеустройства, по землеустроительному кредиту, заселению Дальнего Востока и др.). Также он был членом Сельскохозяйственного совета Главного управления землеустройства и земледелия.

В 1908–1911 гг. А.И. Лыкошин представлял реформаторские законопроекты в Государственной Думе и Государственном совете. Доказывая, что указ 9 ноября 1906 г. продолжал курс Крестьянской реформы 1861 г. на развитие мелкой частной собственности в деревне, он утверждал, что сельская община превратилась в административный институт с неясным юридическим статусом, а крестьянская семейная собственность была архаическим пережитком. Утверждая, что Указ 9 ноября 1906 г. не направлен на насильственное разрушение общины, А.И. Лыкошин поднял проблему ее определения: «Число земельных обществ в России никакая статистика точно определить не может, потому что под земельными обществами понимаются самые различные общества. Одни под земельными обществами разумеют общества, которые фактически владеют землей отдельно, другие – такие общества, которые владеют по одному общему акту землеустройства, хотя фактически их владения отдельные». Действительно, ни в одном общегосударственном нормативном акте не содержалось четкого определения общины. Исключение составляли местные положения о крестьянах, которые издавались для различных регионов империи. Это давало повод не только конъюнктурной трактовке общинного союза, но и порождало неразбериху при техническом землеустройстве¹.

Поэтому А.И. Лыкошин стремился донести идею П.А. Столыпина о необходимости выработки единых критериев общины с тем, чтобы осуществить ее постепенную трансформацию в союз свободных землевладельцев. Там же, где община фактически перестала существовать, землеустроителям оставалось лишь провести размежевание земельных наделов между крестьянами. Но даже и тогда правительство готово было пойти на «признание подворными таких земельных общин, в которых община фактически прекратилась». Осторожное отношение к общинному союзу проявлялось и в том, что он использовал термин «подворная

¹ Федорова Н.А. Лыкошин Александр Иванович. Фонд изучения наследия П.А. Столыпина. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=284.

община» даже для обозначения союза подворных землевладельцев, которые уже были фактически не связаны друг с другом.

А.И. Лыкошин отстаивал не только принципы, но и динамику реформирования в деревне, объясняя поступательное движение землеустройства техническими возможностями правительства. Критика противников преобразований основывалась на том, что Указ 9 ноября 1906 г. позволял укреплять землю в частную собственность без сведения ее в один надел, без выдела в натуре и переселения на хутор. Таким образом, создавалось впечатление, что правительству было важно «вбить клин в общину», не производя при этом никаких агроулучшений и даже, наоборот, усугубляя чересполосицу и дефекты землепользования. А.И. Лыкошин указывал, что недостаток землеустроительных мощностей, отсутствие сложившейся системы учета земли и землевладельцев (земельного кадастра), особенности культурного развития деревни могли привести к тому, домохозяева лишились бы возможности вообще укреплять землю в собственность. Как только, по его мнению, первый шаг был сделан и земледельцы стали собственниками, появилась возможность осуществлять культурное землеустройство и производить раздел бывших общинных угодий на единоличные обособленные владения.

Значительное место в выступлениях А.И. Лыкошин уделял вопросам крестьянской семейной собственности. Его позиция основывалась на нескольких принципах: семейная собственность является пережитком патриархальных отношений в деревне; она определялась хозяйственно-правовой обособленностью крестьян, обособленностью крестьянского правосознания; законодатель не сумел дать легального определения институту семейной собственности. Вслед за П.А. Столыпиным, он утверждал, что в сенатской практике – основном источнике по семейной собственности – можно найти определения, удовлетворяющие как ее сторонников, так и противников. Поэтому попытка сохранения этого института, его законодательного определения шла вразрез не только с правовой традицией, но и ходом социально-экономического развития России: «Вопрос не в том, существовала ли у нас семейная собственность... а в том, развилась ли у нас семейная собственность до степени юридического, определенного института»¹.

Определяя статус крестьянского двора, законодатель также должен был превратить домохозяина в полноправного собственника, не обремененного административными обязанностями по отношению к членам

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. Ф. 642 Л. 67; Д. 644. Л. 381.

своей семьи. Предусматривалось разграничивать право на землю и права на жилище во избежание возможного самоуправства со стороны собственника-домохозяина по отношению членов своей семьи. Последнее представлялось безусловным правом каждого живущего в крестьянской усадьбе. Также А.И. Лыкошин неоднократно касался темы возможных спекуляций с землей и опасности образования латифундий. На основании фактического цифрового материала доказывал, что спекуляции с земельным фондом были незначительными. Свободный земельный фонд образовывался в основном из-за потребностей переселения, а также перераспределения земли внутри сельских обществ как средство борьбы с чересполосицей. Тем не менее он указывал на то, что правительство внимательно следило за динамикой земельного рынка и стремилось не только бороться с возможной спекуляцией, но и разрабатывать меры, упреждающие ее. Одной из таких мер он считал сохранение особого статуса для надельной земли: невозможность обращения взыскания на нее по долгам; отчуждение земли только крестьянам и приравненным к ним и т. д. А.И. Лыкошин указывал на возможность введения института упрощенной опеки над сельскими обывателями вследствие их расточительности, участвуя в подготовке соответствующего законопроекта. Существенным нововведением относительно ранее существующих опекунских процедур было указание на замену административного порядка наложения судебным. Закон был принят в окончательной редакции 18 мая 1911 г.

Выступления А.И. Лыкошина всегда подкреплялись большим количеством фактического, цифрового материала. Его отличала тщательная проработка не только предмета обсуждения, но и нюансов. Весь период обсуждения Указа 9 ноября он представлял данные о ходе преобразований, отмечал динамику отдельных мероприятий, их соотношение. Одновременно с этим он уклонялся от обсуждения политических аспектов реформирования. 19 февраля 1911 г., по случаю 50-летия крестьянской реформы, его назначили сенатором, не присутствующим в департаментах. Кроме того, в 1908–1913 гг. А.И. Лыкошин входил в Совет министров. В 1908 г. он был произведен в тайные советники. В феврале 1914 г. А.И. Лыкошин был назначен членом Государственного совета, где примкнул к группе правых. С 1915 г. он состоял членом особого присутствия по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ, кроме того, занимался упорядочиванием оседлого владения казацкого и калмыцкого населения, а также подходящим налогообложением. Умер в Киеве 11 ноября 1918 г.

Став премьером и потерпев фиаско при попытке привлечь в правительство общественных деятелей, П.А. Столыпин, тем не менее, не отказался от мысли ввести в его состав лиц, имевших репутацию либералов. Одним из них был сменивший А.С. Стишинского на посту главноуправляющего землеустройством и земледелием князь Б.А. Васильчиков. Родился он 19 мая 1860 г. в имении Выбити Новгородской губернии. Род Васильчиковых имел долгую историю, происходя от некоего Индриса (во святом крещении Леонтия), который, по свидетельству летописца, в начале XIV столетия «выехал из Кесаревои земли (Германии) к Черниговскому князю» с трехтысячной дружиною. Произошло это событие в 1353 г. А в скором времени потомство Индриса дало начало многим славным русским аристократическим фамилиям: Толстым, Васильчиковым и Дурново. От праправнука Индриса – Василия Федоровича Васильчика и пошел род Васильчиковых, многие представители которого в XVII в. служили стряпчими, стольниками и воеводами. Дедом Д.А. Васильчикова был кавалерийский генерал, граф Илларион Васильевич (1777–1847), герой Бородина, участник подавления восстания декабристов в 1825 г., председатель Государственного совета и Комитета министров, получивший от императора Николая I в 1839 г. «за полезную государственную деятельность» княжеский титул. Отец – Александр Илларионович (1818–1881) в 1860–1870-х гг. был известным общественным деятелем либерального толка и публицистом. Мать – Евгения Ивановна, происходила из дворянского рода Сенявиных¹.

В 1881 г. князь Б.А. Васильчиков успешно окончил Императорское училище правоведения и был причислен к Министерству юстиции. В том же году молодой князь осиротел и, по свидетельству племянника, унаследовав крупное состояние, начал так быстро его проматывать, что его дядя, Сергей Илларионович, обратился к императору Александру III с просьбой высочайше назначить незадачливому наследнику опекуна, под личным надзором царя. Войдя в положение, император внял просьбе С.И. Васильчикова и назначил его опекуном наследства племянника. А опекать действительно было что: повзрослев и образовавшись, Б.А. Васильчиков вступил во владение свыше 31 тыс. дес. земли в Новгородской, Тамбовской, Воронежской и Ковенской губерниях, а также несколькими винокурными и сахарными заводами, паровой мельни-

¹ Иванов А.А. Глашатай «творческого консерватизма». Князь Борис Александрович Васильчиков // Воинство Святого Георгия: жизнеописания русских монархистов начала XX в. СПб.: Царское дело, 2006. С. 356; Васильчиков Б.А. Воспоминания. М.-Псков, 2003. С. 5, 25.

цей. 17 января 1884 г., в возрасте 23 лет князь Б.А. Васильчиков неожиданно для него самого был заочно избран дворянским собранием предводителем Старорусского дворянства и, следуя принципу «На службу не напрашивайся, но от службы не отказывайся», приступил к новым для него обязанностям. Судя по откликам современников, да и по собственным признаниям князя, эта должность пришлась ему по душе, он быстро с ней освоился и в 1887 г. был вторично на нее переизбран. В 1890 г. он стал новгородским губернским предводителем дворянства и находился на этой должности до 1902 г., а с 1900 г. совмещал ее с назначением псковским губернатором.

«Барин с головы до пят, привлекавший к себе истинным благородством поступков, общительностью и бесконечным благодушием... Баловень судьбы. Неглупый, красивый, обаятельный, богатый и знатный... Двадцати шести лет от роду он уже Новгородский губернский предводитель дворянства. Долго занимал эту должность, пользуясь исключительной любовью всей губернии», – писал о князе член Государственного совета П.П. Менделеев. Будучи губернским предводителем дворянства и губернатором, князь Б.А. Васильчиков особое внимание уделял нравственному состоянию благородного сословия, отмечая, что дворянство должно «быть оплотом против сокрушающего влияния демократизма» и желать «развития в своей среде сознания чести и чувства долга перед богом, царем и родиной». Эти пожелания князя дворянству имели под собой опасения, что в России в связи с наступлением во всех отраслях государственной жизни разночинцев, в большинстве своем склонных к оппортунизму, началось пугающее размывание аристократического элемента. В итоге, писал Б.А. Васильчиков в эмиграции, к 1917 г. в стране «не оказалось класса, способного охранить и защитить здание государственности от организованного натиска революционной демократии, и это здание рухнуло, схоронив под своими обломками все достижения тысячелетнего национального творчества»¹.

В 1903 г. Б.А. Васильчиков, после трех лет губернаторства, подал в отставку, намереваясь отойти от дел и заняться управлением своими имениями и организацией своего крупного хозяйства. Однако судьба распорядилась иначе. В 1904 г. разразилась Русско-японская война, и князь, движимый патриотическим чувством, оказался главноуполномоченным Российского общества Красного Креста в Северо-Восточном тыловом районе, охватывающем Приморскую и Амурскую области.

¹ Васильчиков Б.А. Воспоминания. М.-Псков, 2003. С. 91.

А в 1906 г. Б.А. Васильчиков был назначен председателем Главного управления этой организации. Вернувшись в охваченную революцией столицу, он решил включиться в политическую жизнь страны, примкнув к праволиберальному Союзу 17 октября, вслед за одним из его видных деятелей Н.А. Хомяковым (сыном известного славянофила) заявляя, что стал конституционалистом «по высочайшему повелению», подчиняясь изложенной в царском манифесте воле царя. «Если бы 16 октября меня спросили: "Созрела ли Россия для восприятия конституции и своевременно ли дарование ее под натиском революции?", то, вероятно, я на оба вопроса ответил бы отрицательно. Но раз конституция была дарована, я считал своим верноподданническим долгом содействовать ее водворению», — отмечал позже Б.А. Васильчиков.

Благодаря такой позиции князь быстро прослыл конституционалистом. Б.А. Васильчиков пояснял свой «конституционализм» так: «Я тогда (в 1906 г.) думал, как и теперь думаю, что самодержавие для России есть наилучшая форма правления, но при одном условии — при наличии самодержца». Являясь горячим поклонником царствования императора Александра III, политику которого князь считал образцовой, Б.А. Васильчиков заявлял, что «полтора миллиона подданных чувствовали себя в те годы за своим царем как за каменной стеной, и никогда достоинство России и ее мировой престиж не стояли так высоко, как в эти тринадцать лет царствования царя-миротворца». И далее он продолжал: «Это были годы, увы! С тех пор не повторявшиеся, полного удовлетворения национальной гордости русских людей, когда царь свои миролюбивые цели осуществлял не уступками, а подчинением событий своей воле; приемы и цели его политики были понятны и близки русским людям, были просты и несложны, как и проста и несложна идея силы полутора миллиона людей, объединенных единой волей... В отношении внутренней политики и в особенности с точки зрения либерализма, конечно, царствование Александра III было реакционным, но это была здоровая реакция здорового организма после отравления ядом нигилизма, период накопления национальных сил». «Но нашему поколению, — отмечал князь, — выпало на долю пережить период обратного положения, когда самодержавная власть оказалась в руках монарха, проникнутого самыми великодушными побуждениями и пламенной любовью к своему народу и родине, изо всех сил пытавшегося править самодержавно, но лишенного дара быть самодержцем». «Государь Николай II был святым человеком, — писал в эмиграции Б.А. Васильчиков, но «для успеха земного царства не достаточно быть праведником на

престоле», поскольку в «греховном веке» этого обстоятельства недостаточно для укрепления монархии¹.

Довольно быстро Б.А. Васильчиков разочаровался в октябристах, оказавшихся для него слишком либеральными, и покинул их ряды, так как не нашел в них, по его собственным словам, «людей правых убеждений». Сам же он, несмотря на обвинения его со стороны крайне-правых в либерализме, никогда себя к либералам не относил, отмечая, что всегда считал себя консерватором. При этом князь, с 1906 по 1917 г. являвшийся членом Государственного совета, признавался, что никогда не мог ассимилироваться с группой правых верхней палаты российского парламента и их пониманием консерватизма, который Б.А. Васильчиков характеризовал такими эпитетами, как «казенный», «официальный», «бюрократический». Подлинный же консерватизм, полагал он, должен быть не только охранительным, но и творческим элементом государственного развития и «истинного прогресса». «В России последних десятилетий не находилось места для того творческого консерватизма... А казенный консерватизм был всецело поглощен заботой о сохранении существующих форм правления Россией и ограждением этих форм от натиска либеральных идей», – писал князь, предпочитавший рациональное взаимодействие консерватизма с либерализмом их бескомпромиссной борьбе.

Неудивительно, что такие взгляды, столь схожие с политическим мировоззрением председателя Совета министра П.А. Столыпина, привели к тому, что премьер обратил свое внимание на Б.А. Васильчикова, предложив последнему пост Главноуправляющего землеустройством и земледелием и сделав князя своим первым проводником своей аграрной политики. «Однако Министром земледелия, – писал его племянник Г.И. Васильчиков, – дядя Боря стал нехотя, из чувства патриотического долга, так как, хотя он и являлся прогрессивным консерватором, уважал Столыпина и сочувствовал его стремлению упразднить горячо отстаиваемую его же собственным отцом А.И. Васильчиковым крестьянскую общину и заменить ее единоличными хозяйствами, он считал, что эта реформа идет слишком далеко и что Россия еще не созрела до капитализма по западному образцу». Вместе с тем Б.А. Васильчиков горячо поддерживал переселенческую политику П.А. Столыпина, полагая, что в переселении крестьян на окраины Российской империи скрывается «естественное стремление славянской расы, в лице передовых ее пред-

¹ Васильчиков Б.А. Воспоминания. М.-Псков, 2003. С. 192–197.

ставителей, русского народа, на Восток и что единственную преградою этого движения может быть отныне только Великий или Тихий океан»¹.

С.Ю. Витте и В.И. Гурко давали очень емкое описание характера князя. В.И. Гурко говорил, что этот министр представлял собой «тип просвещенного барина, русского европейца, был убежденный конституционалист». С.Ю. Витте же считал, что конституционные убеждения князя весьма относительны и он «либеральный на словах больше, чем на деле». Как С.Ю. Витте, так и В.И. Гурко отдавали должное его высоким моральным качествам. Первый называл его «прекрасным человеком во всех отношениях, джентльменом»; второй – указывал на то, что был он «прямой, честный, не склонный ради благ земных угодничать», «огромные средства и принадлежащее ему по рождению высокое общественное положение – все это давало ему независимость, которая позволяла ему не идти ни на какие компромиссы и "истину царям" даже без улыбки "говорить"». Несмотря на все положительные качества, как С.Ю. Витте, так и В.И. Гурко признавали малую пригодность князя Б.А. Васильчикова к службе. С.Ю. Витте называл его «человеком мало деловым»², а В.И. Гурко – «в полном смысле слова дилетантом, руководствующимся здравым смыслом, но совершенно неспособным со знанием руководить каким-либо сложным делом». В общем, наверное, недалеко от истины высказывание о нем И.И. Толстого, что он «типичный барин и яхт-клубист»³.

Проработав на министерском посту с 27 июля 1906 г. по 21 мая 1908 г., князь Б.А. Васильчиков вышел в отставку, не выдержав, по его собственным словам, постоянных вызывающих нападков со стороны оппозиционных фракций Государственной думы. Сам князь судил о своем министерском опыте так: «Я считаю, что был в свое время очень хорошим предводителем дворянства, хорошим губернатором, никуда не годным министром и абсолютно бесполезным членом Государственного Совета» (в Государственный совет он был введен еще в 1906 г. и состоял членом верхней палаты до 1917 г., принадлежа сначала к подгруппе (позже группе) правого центра, а затем (с 1911 г.) находясь в составе внепартийного объединения, некоторое время являясь его лидером).

¹ Иванов А.А. Глашатай «творческого консерватизма». Князь Борис Александрович Васильчиков... С. 356; Васильчиков Б.А. Речь Главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б.А. Васильчикова в комиссии Государственной Думы по переселенческому делу. СПб., 1907. С. 16.

² Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 366.

³ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916 гг. СПб., 1997. С. 30.

С момента зарождения, создаваемого не без протекции П.А. Столыпина Всероссийского национального союза, Б.А. Васильчиков вступил в его ряды, а в 1909 г. стал членом-учредителем Всероссийского национального клуба, на торжественном открытии которого был избран его председателем. Выступая 21 февраля 1910 г. после своего избрания руководителем этой организации, он заявил: «Национализм в нашем понимании – это культ России и русского, и мы посвящаем себя служению этому культу. ...Мы хотим содействовать тому, чтобы в созвучиях нашей государственной и общественной жизни все громче и громче звучал голос русского национального самосознания, русской национальной гордости». При этом князь охарактеризовал себя как патриота «без оговорок и комментариев»¹. Однако уже в марте 1911 г., оставив руководство клубом, князь отошел от него, заметно сдвинувшись влево.

В годы Первой мировой войны Б.А. Васильчиков вел себя уже довольно оппозиционно, примкнув в 1915 г. к Прогрессивному блоку. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов, человек крайне правых взглядов, в 1915 г. отмечал, что князь, занимая высокое служебное и придворное положение, своими выступлениями «только сгущает неблагоприятную для высоких сфер атмосферу». Императрица Александра Федоровна также замечала: «Увы, Борис Васильчиков сильно изменился к худшему, как и многие другие»². А в декабре 1916 г. вокруг имени князя разразился настоящий скандал. Его супруга, Софья Николаевна, урожденная княжна Мещерская (племянница известного консерватора князя В.П. Мещерского), написала дерзкое письмо императрице Александре Федоровне, в котором разоблачала «темные силы», влиявшие на престол в лице Г.Е. Распутина и лично царицы. В письме указывалось на то, что Александра Федоровна «своим вмешательством в политические дела России ведет царствующую династию к неминуемой гибели и что лучшим исходом было бы добровольное удаление государыни императрицы из пределов России». Сама княгиня С.Н. Васильчикова вспоминала об этом так: «Я села и написала письмо, – никому не сказав ни слова, даже мужу. Я знала, что он не станет меня отговаривать, но он захочет все смягчить, а мне казалось, что я должна сказать со всей резкостью, накопившейся во мне. Я так и написала. ...Я написала про Распутина и про то, что она [Александра Федоровна] не должна вмешиваться в государственные дела, так как причиняет вред России». Эту выходку

¹ Известия Всероссийского национального клуба. 1911. № 1. С. 17–18.

² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917 гг.). Рязань, 2004. С. 135.

царь расценил как оскорбление своей супруги. Узнав о письме, Николай II «побелел от гнева». «К нему, – вспоминала А.А. Вырубова, – было страшно подойти». В результате княгиню С.Н. Васильчикову выслали из Петрограда в имение Выбити, а за ней добровольно последовал и супруг, предварительно сложивший с себя звание члена Государственного совета.

В дни Февральской революции 1917 г. обиженный на верховную власть князь в одном из интервью выразил свое сочувствие перевороту, посетовав, что он решил порвать «со двором и служебным положением в Государственном совете, ввиду того, что он не мог равнодушно выносить установившегося [перед революцией] режима». Позже, правда, князь осуждал революцию, отмечая, что главным ее виновником стало масонство. «Пусть эта революция оказалась не той, какой они ее хотели и какой они ее готовили; это не устраняет их умысла, а только доказывает их недальновидность!» – писал Б.А. Васильчиков. Впрочем, не одних масонов он винил в разразившейся катастрофе, отмечая, что ее причина была одна – «полный разлад, полное духовное разобщение между Царем и народом и общее, проникшее во все слои – от дворцов до хижин, от законодательной палаты до рядов армии – сознание, что причина ощущаемых бедствий и видимого нестроения кроется в недрах Царскосельского дворца». «В этом было много преувеличений, – оговаривался князь, – много неправды, но была частица правды, и эту частицу революция использовала для своего торжества».

В 1918 г. Б.А. Васильчиков был арестован и заключен в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Не желая мириться с выпавшей ему участью политического узника, князь предпринимал попытки освободиться, обращаясь с прошениями к влиятельным большевикам. «Когда я был в тюрьме, – вспоминал Б.А. Васильчиков, – то одно лицо, близкое к семье Стасовых, обратилось к ней [Е.Д. Стасовой, секретарю ЦК большевистской партии в 1917–1920 гг.] с просьбой содействовать облегчению моей участи. По этому поводу последовал следующий разговор: "При старом режиме люди, совершенно не сочувствующие вашему политическим взглядам, не раз заступничеством содействовали облегчению вашей участи; вспомните это и помогите освободить Васильчикова". На что последовал ответ: "Мы, революционеры, на собственном опыте поняли, что с политическими противниками надо обращаться суровее, нежели с нами обращалось царское правительство. Я ничего не сделаю для Васильчикова". Тогда князь обратился к В.И. Ленину с письмом о помиловании, напоминая, как в свое время, являясь псковским губернатором, дал ему разрешение на выезд за границу. Ответа от

В.И. Ленина Б.А. Васильчиков не получил, но вскоре был освобожден, получив с супругой разрешение на выезд из страны. Не став искушать судьбу, князь спешно выехал в Финляндию, а оттуда перебрался в Англию. Остаток своих дней первый председатель Всероссийского национального клуба провел во Франции, куда он переехал в 1920 г. Известно, что он состоял председателем учредительного комитета Свято-Сергиевского подворья и был членом приходского совета церкви преподобного Сергия Радонежского на Свято-Сергиевском подворье в Париже. Скончался Б.А. Васильчиков 13 мая 1931 г. в Русском доме в г. Ментоне и был похоронен на кладбище Сент-Женьев-де-Буа под Парижем.

Весьма сложной личностью являлся следующий после Б.А. Васильчикова главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, который родился 19 июля 1857 г. в Варшаве, в офицерской семье. Свое происхождение он вел от крепостного крестьянина Федора Кривошеина из слободы Кривошеино Воронежской губернии, приходившегося ему дедом. Отец А.В. Кривошеина – В.Ф. Кривошеин дослужился до чина подполковника и получил личное дворянство. Образование А.В. Кривошеин получил типичное для людей его круга в то время: классическая гимназия в Варшаве и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. «Первая жизненная удача ждала его в Петербургском университете: сближение с сыном всемогущего министра графа Д.А. Толстого, Глебом»¹. Впоследствии это знакомство принесло А.В. Кривошеину значительную поддержку. После завершения обучения он поступил на службу в качестве юрисконсульта на железную дорогу, владельцем которой был Савва Мамонтов. В это время он тесно сошелся с представителями видных московских купеческих династий: Морозовыми, Рябушинскими и др. Эти связи он сохранял в течение всей жизни, что нередко становилось поводом для упреков со стороны императрицы Александры Федоровны. Более того, женившись в 1892 г. на Е.Г. Карповой – дочери Г.Ф. Карпова и А.Т. Морозовой (сестры Саввы Морозова), А.В. Кривошеин породнился с Морозовыми. Он приобщился к «новому, своеобразному миру характеров, дел, вкусов, возможностей»². У А.В. и Е.Г. Кривошеиных родилось пятеро сыновей. В это же время у Кривошеиных сложились прочные дружеские отношения с П.Б. Струве, В.В. Розановым, В.М. Васнецовым и другими представителями русской интеллигенции. Частная служба мало устраи-

¹ Тхоржевский И.И. Последний Петербург: Из воспоминаний камергера // Нева. 1991. № 6. С. 203.

² Там же. С. 203.

вала А.В. Кривошеина, и он предпринял попытки перейти на государственную. В 1884 г. приказом по ведомству Министерства юстиции от 31 июля за № 36 его определили на службу «с причислением к Департаменту сего министерства», а 5 сентября того же года был командирован для занятий в Московский архив Министерства юстиции. Одновременно он получил чин коллежского секретаря. В архиве А.В. Кривошеин проработал около года и 15 ноября 1885 г. был уволен (как отмечено в приказе, «по домашним обстоятельствам»).

На государственную службу А.В. Кривошеин вернулся в августе 1887 г., когда приступил к работе в Земском отделе Министерства внутренних дел. Этот этап в его карьере был связан с именем оказывавшего ему покровительство Д.А. Толстого, в то время возглавлявшего МВД. При участии Д.А. Толстого А.В. Кривошеин в 1888 г. был командирован в Южно-Уссурийский край «для выяснения потребностей и нужд переселившихся туда крестьян», а в январе 1889 г. – назначен комиссаром по крестьянским делам Ленчицкого уезда Калишской губернии. В это время и произошло знакомство А.В. Кривошеина с делом, которому он посвятит всю свою жизнь, – с крестьянским вопросом. В 1889 г. он получил чин титулярного советника и был награжден орденом Св. Станислава III степени.

Вернувшись в Санкт-Петербург в 1891 г., А.В. Кривошеин начал карьеру фактически заново: он был назначен «исправлять должность делопроизводителя низшего оклада» с 11 января и через год за отличное усердие был награжден орденом Св. Станислава II степени. В этот период А.В. Кривошеин был «усерден "в меру"»; больше, чем бумаги, его интересовали люди, человеческие и служебные отношения; впечатлительный, восприимчивый, он искусно и осторожно двигался вверх, по лестнице чинов и знакомств¹. В течение 1892–1896 гг. А.В. Кривошеин служил в Земском отделе: участвовал как представитель МВД в Особом совещании под председательством члена Совета министра финансов Д.О. Кабеко для обсуждения вопроса о правах иностранцев в Приамурском крае (1894 г.), был командирован в Новгородскую, Смоленскую, Тульскую, Московскую и другие губернии «для ознакомления на месте... с некоторыми вопросами, касающимися судебной деятельности Земских начальников». Получил чины коллежского асессора (1893 г.) и надворного советника (1895 г.). В это время А.В. Кривошеин приобрел опыт работы с людьми, хорошо зарекомендовал себя в глазах началь-

¹ Тхоржевский И.И. Последний Петербург: Из воспоминаний камергера... С. 203.

ства. Все эти факторы способствовали в дальнейшем быстрому прохождению по служебной лестнице.

С 1896 г. А.В. Кривошеин начал играть уже не подчиненную, а руководящую роль. Так, в декабре этого года он стал помощником начальника Переселенческого управления. В этом качестве А.В. Кривошеин принял активное участие в Подготовительной комиссии при Комитете Сибирской железной дороги, в подкомиссии Особого совещания по делам дворянского сословия, в комиссии по разработке вопроса о размере наследственных пошлин и о способах ее взимания с владельцев заповедных имений. В 1899 г. А.В. Кривошеин был откомандирован в Сибирь. Здесь он ознакомился с условиями передвижения переселенцев по железным дорогам в Европейской России, врачебно-санитарными и продовольственными условиями¹. Особое место в отчете о поездке занимает анализ практики хождения. Выводы о «целесообразности и жизненности» этой меры соответствовали общему направлению правительственной политики. «Под влиянием такого усовершенствования в самых основаниях переселенческого дела значительно уменьшается с каждым годом число случаев неудавшегося водворения прибывших в Сибирь и обратного их возвращения на родину»².

В силу преклонного возраста своего начальника В.И. Гиппиуса А.В. Кривошеин фактически руководил Переселенческим управлением. В 1902 г. А.В. Кривошеин был назначен «исправляющим должность начальника Переселенческого управления». Доброжелательные отношения сложились у А.В. Кривошеина с И.Л. Горемыкиным и Д.С. Сипягиным, занимавшими пост министра внутренних дел, а также с А.С. Стишинским. Их взаимоотношения строились не на подобострастии и раболепии, а на уважении и признании способностей и заслуг друг друга. Отношения с В.К. Плеве в бытность его министром внутренних дел были более сложными; характер последнего (особенно склонность делать замечания в грубой форме) однажды чуть не привел к уходу А.В. Кривошеина, не желавшего мириться с таким обращением³. Но инцидент был исчерпан, и потом В.К. Плеве находился с А.В. Кривошеиным в приятельских отношениях.

В начале XX в. карьера А.В. Кривошеина становится поистине головокружительной. Ему сопутствовало удачное стечение обстоятельств. В качестве исполняющего обязанности начальника Переселен-

¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 89. Л. 2–6.

² Там же. Л. 11.

³ Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 39.

ческого управления А.В. Кривошеин представлял МВД в Совещании по оживлению Черноморского побережья Кавказа (1902 г.), в комиссии для обсуждения вопросов, относящихся к деятельности Крестьянского поземельного банка (1902 г.), в Особом совещании для выработки правил заселения русскими прилегающей к Китайско-Восточной железной дороге территории (1903 г.), в комиссии для обсуждения вопросов в связи с постановкой таможенной части на Дальнем Востоке (1903 г.), в комиссии по преобразованию управления Степными областями (1903 г.), в Совещании при Министерстве земледелия и государственных имуществ по обсуждению проекта инструкции чинам Закавказских поземельно-устроительных партий и др. К 1904 г. А.В. Кривошеин стал одним из компетентных чиновников в этой сфере, что признавалось в бюрократической среде. С.Ю. Витте пригласил его к участию в работе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по вопросам крестьянского правопорядка и землепользования.

В декабре 1904 г. А.В. Кривошеин был произведен в чин действительного статского советника и утвержден в должности начальника Переселенческого управления. Он получил великолепную возможность реализовать свои способности. С этого времени А.В. Кривошеин начал играть самостоятельную роль на бюрократической арене. «Теперь он уже энергичен: разрабатывает подробную аграрную программу, как нельзя более кстати для захваченного врасплох сановного начальства; сближается на этой программе с кругами «объединенного дворянства», быстро выходит на линию товарища министра и сразу же добывает себе «рыцарские шпоры» политического деятеля открытым выступлением против своего же министра Н.Н. Кутлера». Обстоятельства ему благоприятствовали. В мае 1905 г. было реорганизовано Министерство земледелия и государственных имуществ. На его базе и на правах министерства было создано Главное управление землеустройства и земледелия. В новое ведомство из МВД было передано руководство землеустройством и земледелием (в том числе и Переселенческое управление). Так, А.В. Кривошеин, оставаясь начальником Переселенческого управления, получил повышение. 8 июня 1905 г. ему было «повелено быть товарищем Главноуправляющего землеустройством и земледелием».

В начале XX в. проблемы активизации переселения привлекли пристальное внимание правительства. В бюрократических кругах появляется идея использования переселения для решения проблемы малоземелья. В.К. Плеве говорил о желательности «направления выходцев переселенцев из тех губерний, где чувствовалась наибольшая земель-

ная теснота, в том числе губерний малороссийских, в малонаселенные местности Европейской России, где условия ведения хозяйства более привычны русскому крестьянину, чем в Сибири, и в то же время не сопряжены с такими значительными затратами, которые приходится нести сибирским переселенцам»¹. Так правительство возвестило об изменении курса переселенческой политики. Теперь, во-первых, оно брало на себя оказание содействия переселенцам; во-вторых, переселение рассматривалось как средство разрежения населения и, следовательно, частичного решения проблемы малоземелья. А.В. Кривошеин принимал участие в определении основ новой политики – «аграрного курса» В.К. Плеве – в качестве исполняющего обязанности начальника Переселенческого управления.

Правительство приступило к детальной разработке этого курса. На рассмотрение Особого совещания под председательством А.С. Стишинского (куда входил и А.В. Кривошеин) в марте 1903 г. был представлен доклад Полтавского губернского присутствия по вопросу о переселении малоземельных крестьян из Полтавской губернии. Главный вывод: «При современных экстенсивных способах хозяйства невозможно в короткий срок изменить коренным образом экономические условия сельского быта». Проект предполагал переселение не менее половины малоземельных домохозяев деревни (категория владеющих от 1 до 3 дес. земли), то есть примерно 337 027 душ обоего пола, что «обеспечило бы спокойное и мирное развитие губернии на срок в 10–15 лет, необходимый для того, чтобы предпринять ряд общих мероприятий к подъему благосостояния сельского населения путем облегчения перехода к более интенсивным системам полеводства»². В Особом совещании под председательством А.С. Стишинского проект встретил полную поддержку. Совещание признало за ним общее значение и предложило распространить новый порядок на все малоземельные районы³.

Первым политическим шагом А.В. Кривошеина явилась подача через Д.Ф. Трепова анонимной записки «Об объединенном правительстве». По свидетельству хорошо осведомленного либерального журналиста Л. Клячко (Львова), эта записка была подана царю А.В. Криво-

¹ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 83.

² Там же. С. 83.

³ Сысоева Л.Н. Некоторые аспекты оформления и реализации аграрной политики правительства России в начале XX в. // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.). Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. С. 68–83.

шеиным¹. Этот политический маневр сразу вывел А.В. Кривошеина из узковедомственной сферы на политическую арену. Несоответствие между занимаемой должностью и претензиями на значительное влияние компенсировалось влиятельными связями с братьями В.Ф. и Д.Ф. Треповыми и И.Л. Горемыкиным. А.В. Кривошеин оформлял идеи этого кружка в виде анонимных записок, которые представлялись Д.Ф. Треповым Николаю II. Анонимность была обусловлена указанным несоответствием.

К 1905 г. под воздействием обстановки в стране политические взгляды А.В. Кривошеина стали меняться. Если в начале карьеры он выступал безусловным защитником самодержавной власти в полном объеме, то теперь предлагал усиление власти правительства под благовидным предлогом необходимости ответить на появление второй законодательной власти в лице Думы. По его замыслу, Думе нужно было противопоставить «объединенное правительство, наподобие кабинетов министров во главе с премьером, которые существовали в других странах»². Вопрос об объединении деятельности министерств, с которым царь попытался в апреле 1905 г. обойтись как с несуществующим, стал главным предметом занятий Совещания для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной Думе правил под председательством Д.М. Сольского. В Совещании сосредоточилась после 6 августа 1905 г. вся преобразовательская деятельность. В этот день у царя оказалась записка А.В. Кривошеина. Она была весьма яркой по мысли и выразительно составленной, и, несомненно, задела и даже напугала Николая II³. В ней, в частности, говорилось: «Нет сомнения, что в России есть партия, жаждущая ниспровержения существующего строя, которую никакие реформы не удовлетворят»⁴. Самое сильное впечатление на царя произвело напоминание о судьбе Людовика XVI, погибшего, по мнению автора, из-за того, что при открытии в Версале 5 мая 1789 г. Генеральных штатов у его правительства «не было никакого плана» и «государственный корабль был пущен в открытое неизвестное море». Прочитав записку, Николай II нашел в ней «много верного и полезного» и потребовал от Д.М. Сольского, чтобы вопрос об объединении действий министров был «представлен на его решение в скорейшем времени»⁵.

¹ Клячко Л. (Львов) Повести прошлого. Л., 1930. С. 15.

² Тюкавкин В.Г. Предисловие // Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин. Судьба российского реформатора... С. 9–10.

³ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 194.

⁴ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 1.

27 августа 1905 г. Николай II предложил обсудить в Особом совещании записку об установлении единства действий высших органов власти. Записка А.В. Кривошеина выражала идеи, которые уже получили распространение в правительственных верхах, что обнаружилось в ходе ее обсуждения в Совещании¹. Вопрос об объединении правительства сначала рассматривался на частных совещаниях у председателя Государственного совета Д.М. Сольского (21, 23, 26 и 28 сентября). В обсуждении принимали участие: председатель Комитета министров С.Ю. Витте, члены Государственного совета Э.В. Фриш, А.А. Половцев, А.А. Сабуров, И.Я. Голубев, Н.С. Таганцев, министры – А.Г. Булыгин, В.Н. Коковцов, С.С. Манухин, государственный секретарь Ю.А. Икскуль и генерал Д.Ф. Трепов. На этих заседаниях тон задавал С.Ю. Витте. Он энергично выступал за создание «сильного правительства, чтобы бороться с анархией». Он говорил, что революционеры сплочены и организованы и не встречают сколько-нибудь организованного отпора со стороны правительства. Поэтому «прежде всего, надлежит объединить власть, министрам принадлежащую. Министры должны быть соединены в одно целое, в один Совет, который, имея председателя, обсуждал бы программу долженствующих быть принятыми мер, обязательных для каждого отдельного министра после принятия их Советом... Словом, должен быть учрежден так называемый в других государствах кабинет с председателем, именуемым также первым министром»². Необходимость «как можно скорее установить единство министров» признал и Д.Ф. Трепов. И А.В. Кривошеин в своей записке, и С.Ю. Витте добивались упразднения отдельных личных докладов по делам их ведомств, с сохранением лишь докладов председателя³.

Для осуществления общей программы в записке предлагалось: Совет министров и Комитет министров заменить одним учреждением с наименованием его Советом министров; установить, что никакая общая мера внутреннего управления не может быть принята главными начальниками ведомств, помимо Совета министров; поставить во главе Совета министров лицо, которое занимало бы положение руководителя внутренней политики и которое могло бы представлять царю кандида-

¹ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 27.

² Цит. по: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 137.

³ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики... С. 27.

тов на министерские посты, за исключением ведомств: императорского двора и уделов, военного, морского, иностранных дел и государственного контроля¹.

После предварительных совещаний у Д.М. Сольского в государственной канцелярии был составлен проект Мемории Особого совещания по вопросу об объединении деятельности правительства, основанный на записке А.В. Кривошеина от 6 августа 1905 г. Совещание постановило, что: 1) «министры и главноуправляющие отдельными частями обязаны доставлять председателю Совета министров сведения обо всех выдающихся, происходящих в государственной жизни событиях и вызванных ими мерах и распоряжениях, с тем, чтобы последние, в случае надобности, могли быть предложены председателем Совета на его обсуждение»; 2) «всеподданнейшие доклады по делам, имеющим общее значение или касающимся других ведомств, должны быть предварительно сообщаемы главными начальниками ведомств председателю Совета министров, который уполномочен или внести означенные доклады на предварительное рассмотрение Совета, или же предоставить главному начальнику ведомства подвергнуть его доклады непосредственно на благоусмотрение императорского величества, притом, в случае надобности, в присутствии председателя Совета министров»; 3) «дела, относящиеся до ведомств императорского двора и уделов, государственной обороны и внешней политики, должны быть представлены непосредственно ведению подлежащих министров», причем должны быть предусмотрены «и те случаи, когда упомянутые дела должны быть вносимы в Совет министров»². Таким образом, «Записка об объединенном правительстве» легла в основу реформы Совета министров. Хотя нужно отметить, что вряд ли эти положения подготавливались для назначения председателем Совета министров С.Ю. Витте. Вероятнее всего, они формулировались под И.Л. Горемыкина, который вскоре и занял пост премьера.

Авторитет А.В. Кривошеина в кругах, близких к Министерству внутренних дел, породил к нему неприязнь со стороны С.Ю. Витте. С ним они были знакомы по совместной деятельности в Комитете Сибирской железной дороги. Преодолеть свою антипатию С.Ю. Витте так и не смог – ни тогда, когда Николай II пытался (в 1906 г.) назначить А.В. Кривошеина на должность главноуправляющего земледелием и землеустройством, ни в своих мемуарах. Он считал А.В. Кривошеина

¹ Цит. по: Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 136.

² РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 25. Л. 70, 73.

«величайшим карьеристом», обвинял в закрытии Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности¹. Однако С.Ю. Витте не мог не признать, что «не знал о Кривошеине ничего дурного и считает его трудолюбивым и очень неглупым человеком»².

В области аграрной политики взгляды А.В. Кривошеина сначала не отличались от взглядов большинства чиновников, он был сторонником общины. Но затем он стал критиком общинных начал, а потом и пришел к выводу о необходимости разрешения крестьянам выхода из общины. По свойственной ему осторожности высказаться против общепринятого принципа он не хотел, но, будучи прагматиком, а не идеологом, а потому не тяготевший к общине ни идеологически, ни сентиментально, он смог отойти от нее в конце 1904 г. без каких-либо комплексов³. Попытка решения аграрной проблемы вылилась в создание большого количества комиссий, совещаний, комитетов и т. д. Главной их заслугой были сбор и обработка материалов по аграрному вопросу. Окончательная же разработка основных мер в 1906 г. велась в трех ведомствах: МВД (В.И. Гурко), Министерстве финансов (С.Ю. Витте), Главном управлении землеустройства и земледелия (А.В. Кривошеин). Создание параллельных органов при разных ведомствах свидетельствовало о колебаниях правительства и о достаточно активной работе по решению крестьянской проблемы.

Участие А.В. Кривошеина в подготовке аграрных преобразований выражалось в работе различных совещаний и составлении записок. Причем вторая ипостась представляется более интересной в силу того, что именно здесь излагалась позиция А.В. Кривошеина по основным проблемам. Участие А.В. Кривошеина в Совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в работе Редакционной комиссии (дискуссия по поводу полномочий земских начальников⁴) и других аналогичных органах вряд ли можно назвать активным. Для А.В. Кривошеина его значимость была в том, что оно способствовало окончательному оформлению его позиции по аграрному вопросу.

Отношение А.В. Кривошеина к проблемам крестьянства и его предложения по их разрешению высказаны в записке «Земельная политика и крестьянский вопрос». Авторство А.В. Кривошеина по от-

¹ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 540.

² Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 204.

³ Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин. Судьба российского реформатора... С. 61.

⁴ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции... С. 66.

ношению к этому документу долгое время являлось в науке вопросом дискуссионным. Записку считали анонимной или написанной Д.Ф. Треповым. Записка «Земельная политика и крестьянский вопрос» составлена явно в ответ на «Записку по крестьянскому делу» С.Ю. Витте, опубликованную им в конце 1904 г., и носила программный характер. Она была подана Николаю II в начале марта 1905 г. Ее основные положения вошли в рескрипт 30 марта 1905 г. о закрытии Совещания, что свидетельствовало о глубоком повороте во внутренней политике самодержавия. Записка «Земельная политика и крестьянский вопрос» подчеркивала важность решения крестьянского вопроса «для нашего дальнейшего исторического существования. Правильное разрешение этого вопроса облегчит выход из многообразных затруднений настоящего и создаст прочную основу для здорового развития в будущем». А.В. Кривошеин осознает также и последствия пренебрежения им: «искусственное перенесение из области культурно-экономической в область правовых отношений грозит самыми печальными последствиями». Так же оговаривается и политическое значение неотложности решения этой проблемы. А.В. Кривошеин призвал правительство опереться на «земельные условия, оставшиеся верными исконным началам русской государственности. Поместное дворянство, в значительной степени и крестьяне, в подавляющем большинстве, представляют тот нравственный и физический оплот, который может быть противопоставлен революционному натиску». Предполагаемые меры у А.В. Кривошеина носят не только экономико-правовой, но и политический характер. Это отличает его позицию от точки зрения С.Ю. Витте и является прообразом столыпинской ставки на «крепких и сильных». Таким образом, А.В. Кривошеин сформулировал политическую направленность будущих преобразований: «Прочное хозяйственное обеспечение сельского населения сделает его невосприимчивым к революционной пропаганде и создаст в зажиточном, наделенном землею крестьянстве необходимый для государства охранительный элемент». Но все же кратчайший путь к стабилизации правящего режима и положения в стране А.В. Кривошеин видел в отклике на земельные требования народа. Он призвал принять меры для экономического подъема крестьянства: «Изменение поземельных отношений и широкое развитие экономических реформ представляют в данный момент более настоятельный и существенный вопрос, чем какая бы то ни было реформа политическая»¹.

¹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

А.В. Кривошеин прекрасно осознавал все недостатки положения крестьян (падение уровня жизни, рост недоимок окладных сборов, снижение покупательной способности, измельчание крестьянских наделов) и делал вывод о «крайне неудовлетворительном состоянии земледельческого промысла в большинстве земледельческих районов Европейской России». Причины такого плачевного состояния сельского хозяйства А.В. Кривошеин видел «прежде всего в экономических условиях, складывающихся для земледельческого населения крайне неблагоприятно, так как вся наша финансово-экономическая политика последнего десятилетия не была сообразна в должной степени с нуждами сельского населения».

Записка содержала уничижительную критику финансово-экономической политики С.Ю. Витте. А.В. Кривошеин объявлял ее односторонней и утверждал, что причиной наблюдаемого ухудшения положения сельского населения является финансовая система последнего десятилетия – чрезмерное увеличение податного бремени ради железнодорожного строительства и поддержания золотого обращения. Таким образом, А.В. Кривошеин давал отрицательную оценку политике С.Ю. Витте, нанося, в силу своего положения при дворе, ощутимый удар его авторитету. Глубинные причины кризиса А.В. Кривошеин усматривал в «крайне неудовлетворительных порядках землепользования, вследствие чего земля далеко не приносит того дохода, который могла бы давать при... более рациональных приемах ее эксплуатации». Здесь автор акцентировал внимание на необходимости упорядочения землепользования, то есть землеустройстве. Он осознавал проблему крестьянского малоземелья. Недостатки общинного владения А.В. Кривошеин видел в том, что оно «воспитывает население в неуважении к чужим правам, тормозит у крестьян всякое культурное сельскохозяйственное начинание, убивает в них трудовую энергию». Преимущество подворного владения – отсутствие переделов; однако и оно сопряжено с «разбросанностью и дробностью земельных угодий, что препятствует ведению правильного хозяйства»¹.

Из этого положения А.В. Кривошеин выводил два основных вопроса, к которым сводились задачи земельной политики: предоставление земли нуждающимся крестьянам и улучшение существующих форм крестьянского землепользования. Главными экономическими рычагами

¹ Сысоева Л.Н. Проблема финансирования сельского хозяйства в годы столыпинской аграрной реформы // Россия в глобальном мире: проблемы становления и развития. Воронеж: Центрально-Черноземное книжн. изд-во, 2007. Вып. 1. С. 178–182.

политики, по мнению А.В. Кривошеина, должно было стать переселение и деятельность Крестьянского банка, аренда казенных земель, землеустройство крестьянского надела (прежде всего отграничение его от помещичьих земель). 30 марта 1905 г. было учреждено Особое совещание под председательством И.Л. Горемыкина. Большинство его членов являлись сторонниками взглядов меньшинства сельскохозяйственного совещания, а отдельные считали радикальными даже решения Редакционной комиссии. К задачам Совещания была отнесена разработка «мер к предоставлению крестьянам удобнейших... способов пользования наделными землями, облегчению переселения и расширению своего землевладения при содействии Крестьянского банка». Для достижения поставленных целей отмечалась необходимость «образования центрального ведомства, которое приняло бы на себя исполнение всей распорядительной работы по улучшению крестьянского землевладения». Возникла идея создания ведомства, в компетенцию которого должно было войти сельское хозяйство. Авторами этой идеи были А.В. Кривошеин и И.Л. Горемыкин¹.

Вскоре она была реализована: образовалось Главное управление землеустройства и земледелия. Однако И.Л. Горемыкин выступал категорически против передачи Крестьянского банка из Министерства финансов в ГУЗиЗ, аргументируя свой протест тем, что такая передача связана «с необходимостью расчленения управления кредитного учреждения» и, следовательно, с дополнительными расходами, а также угрожает «всей системе государственного кредита». Для общего руководства «всеми земельными и переселенческими делами» предлагалось учредить особый комитет (впоследствии Комитет по землеустроительным делам). Участие в создании и работе Совещания о мерах к улучшению крестьянского землепользования было первым активным официальным действием А.В. Кривошеина. Он решал политические и аграрные проблемы с сохранением дворянского землевладения. В то же время искал удовлетворения крестьянского земельного голода не путем «неосуществимого уравнительного обеспечения земель каждого, а в качественном устройстве земельной площади»². Активность А.В. Кривошеина в разработке аграрных законопроектов, принципиальная позиция по отношению к проекту Н.Н. Кутлера обратили на него внимание Николая II. 4 февраля царь представил его как преемника отставленного Н.Н. Кутлера.

¹ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.: проблемы торгово-промышленной политики... С. 30.

² Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин. Судьба российского реформатора... С. 67–68.

Председатель Совета министров С.Ю. Витте отказался ввести А.В. Кривошеина в свой кабинет и 12 февраля поставил Николая II в известность о том, что сложит с себя полномочия главы Совета, если «министерство не будет солидарно, хотя бы по взаимному друг к другу отношению». Николай II пошел на уступки и назначил А.В. Кривошеина временно, и дал председателю Совета министров возможность подобрать кандидата на пост ГУЗиЗ. Вокруг преемника Н.Н. Кутлера развернулась борьба между С.Ю. Витте и Д.Ф. Треповым. С.Ю. Витте удалось настоять на своем и избавиться от присутствия А.В. Кривошеина и С.В. Рухлова в Совете министров¹.

6 января 1906 г. основания будущей реформы были рассмотрены правительством. Большинство министров высказались против законопроекта, составленного под руководством Н.Н. Кутлера. Они утверждали, что нарушение права собственности, этой главной основы общественной жизни, чревато опасными последствиями для государства. Передача части помещичьих земель крестьянам не успокоит их, потому что после этого они будут стремиться к захвату всей частновладельческой земли. Хотя проект предусматривал отчуждение в основном земель, «впустележащих» и находившихся в аренде у крестьян, его противники считали, что передача даже части помещичьих земель приведет к общему падению сбора хлебов ввиду худшей обработки земли крестьянами. Итак, ставка на частную собственность получила «высочайшее» одобрение. Главные установки были согласованы; оставалось выработать соответствующие законодательные акты, чем и занялась бюрократическая машина. В начале 1906 г. учреждается Комиссия при Главном управлении землеустройства и земледелия для рассмотрения ближайших мер к устройству земельного быта крестьян. Она предложила более широкую программу мер по «успокоению» и буржуазной перестройке деревни. Заменив Н.Н. Кутлера (еще до его отставки) во главе Комиссии для рассмотрения ближайших мер к устройству земельного быта крестьян, А.В. Кривошеин приступил к составлению проекта на новых началах, — в сущности, к новой политике вместо отвергнутой. Он смог представить 17 февраля правительству свой проект, одобренный комиссией на заседаниях 31 января, 7 и 10 февраля. В своих решениях Комиссия исходила в основном из предложений, выдвинутых январским съездом представителей дворянства, а также предложений, содержавшихся в «Записке о преобразованиях в крестьянском устройстве и об аграрных

¹ Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. М., 1982. С. 106.

мероприятиях», представленной А.В. Кривошеиным Николаю II в начале февраля. А.В. Кривошеин представил этот документ как «Перечень ближайших мер к устройству земельного быта крестьян». А.В. Кривошеин писал: «Правительство должно, наконец, перейти от широковещательных обещаний к делу, приступить к осуществлению столь долго разрабатываемых, столь всесторонне изученных, но доселе даже в ничтожной мере не осуществленных мер, направленных к подъему крестьянского благосостояния»¹.

Проект А.В. Кривошеина состоял из 10 пунктов и предусматривал сначала те меры, которые могли быть проведены на основании существовавшего законодательства, то есть до созыва Думы: «облегчение покупки частновладельческих и казенных земель крестьянами при помощи банка, широкое использование казенных земель для устройства малоземельных и безземельных крестьян, полюбовное) и беспопытное разверстание чересполосных угодий, разделение сельских обществ, выполнение землемерных работ за счет казны. Для осуществления этих мероприятий предусматривалось учреждение местных землеустроительных комиссий на основе привлечения местных сил и широкой децентрализации; предлагалось возобновить переселенческое движение, согласовать деятельность Крестьянского банка с ведомством землеустройства»².

Кроме этих немедленно осуществимых мер, надлежащим ведомствам предлагалось разработать и внести в Думу ряд предположений об облегчении крестьянам перехода к хуторскому и подворному землепользованию и выдела в частную собственность отдельных домохозяев их участков наделной земли; об отграничении и обязательном по требованию одной из сторон разверстании крестьянской земли; о предоставлении Крестьянскому банку права выдачи ссуд под залог наделной земли для вынесения доплат к ссудам, выдаваемым этим банком на покупку вненаделной земли и для уплаты вознаграждения за наделы выходящим из общества домохозяевам. Он должен включать меры по дальнейшему развитию и упорядочению переселенческого дела и арендных отношений, а также содержать условия передачи Главному управлению землеустройства и земледелия свободных казенных земель для обеспечения нуждавшихся в земле крестьян.

¹ Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 69.

² Цит. по: Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985. С. 20.

6 октября 1906 г. А.В. Кривошеин был назначен заведующим Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками вместе с должностью товарища министра финансов. С этого времени начинается его активная исполнительная роль в проведении аграрной реформы. Назначение А.В. Кривошеина совпало со значительным расширением компетенции Крестьянского банка, ставшего главным исполнительным органом государственной земельной политики. Деятельность банка развивалась не только в области увеличения крестьянского землевладения, но и в области укрепления действительно рентабельного частного владения, сохранение которого А.В. Кривошеин считал «необходимым для экономического развития России и сохранения ее культурного облика»¹.

При руководстве банком А.В. Кривошеину пришлось столкнуться с огромными затруднениями. Прежде всего, это касалось землеустроительных функций и механизма взаимодействия с землеустроительными комиссиями. В 1906 г. банк совсем не был приспособлен к землеустроительной работе и не имел подготовленного персонала на местах. Для исправления сложившегося положения в июле 1907 г. наряду с обыкновенными отделениями и конторами были созданы первые особые отделения на местах с участием представителей МВД и ГУЗиЗ, которые в сотрудничестве с землеустроительными комиссиями должны были «согласовывать инструкции банка с местными условиями». Изменения коснулись и операционной стороны деятельности банка. С 1905 г. банк стал играть большую роль в мобилизации землевладения. Путем скупки и перепродажи земель, выдачи ссуд на покупку земель, операций по залогам и перезалогам земель банк сосредоточил большие средства². Крестьянскому банку было разрешено покупать частновладельческие земли за свой счет и уже от себя продавать крестьянам, с целью ликвидации малоземелья. В именном высочайшем указе Правительствующему Сенату от 3 ноября 1905 г. говорилось: «Озабочиваясь неотложным удовлетворением нужд малоземельного сельского населения в землеустройстве, в видах успешного выполнения возложенной на банк задачи содействовать увеличению площади землевладения малоземельных крестьян, предоставить ему право выдачи малоземельным ссуд в полном размере оценки»³.

Работа А.В. Кривошеина в должности заведующего пришлась на самый сложный период в истории Крестьянского банка. В это вре-

¹ Совет министров Российской империи в 1905–1906 гг. Л., 1990. С. 263.

² Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 317.

³ Сысоева Л.Н. Некоторые аспекты оформления и реализации аграрной политики правительства России в начале XX в. С. 68–83; РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 246. Л. 147.

мя деятельность банка была наиболее интенсивной. На 1906–1907 гг. пришлось наибольшее количество приобретенной земли. Достаточно сказать, что за два года Крестьянскому банку было предложено к продаже 10 579 953 дес. земли – свыше 20 % всей земельной собственности дворян, и куплено свыше 60 % земли, приобретенной банком у частных владельцев за 1906–1915 гг.¹ Например, в 1907 г., когда банк находился под руководством А.В. Кривошеина, было куплено 1 191 имение (против 522 за 1895–1905 гг.) общей площадью 1520 тыс. дес. (против 961 тыс. дес. за весь период 1895–1905 гг.). За 1906–1907 гг. банк затратил на покупку 2,6 млн дес. помещичьих земель 218,5 млн руб. и выдал крестьянам посреднических ссуд на 171 млн рублей. Всего банк выпустил именных обязательств на 370,5 млн рублей и принял на себя долгов на 207 млн руб.² Тем не менее банк при всем желании не мог купить всей предложенной ему земли.

21 мая 1908 г. А.В. Кривошеин был назначен главноуправляющим землеустройством и земледелием. Так А.В. Кривошеин стал ближайшим помощником П.А. Столыпина и главным проводником реформы. Теперь он получил возможность координировать все направления: и деятельность Крестьянского банка, и землеустройство, и переселенческую политику. Землеустройство вышло на первый план и требовало больше внимания как в области разработки законодательства, так и в реализации. В 1904–1906 гг. А.В. Кривошеин занимал консервативную позицию, что определило его близость к И.Л. Горемыкину, В.Ф. и Д.Ф. Треповым. Однако реакционером А.В. Кривошеин никогда не был. Об этом свидетельствовал его реалистичный и либеральный подход к практическим вопросам управления (привлечение земства). «Еще в охранительные годы В.К. Плеве он не постеснялся открыто критиковать репрессивную по отношению к земству политику всесилового министра. Позже, в 1906 г., в землеустроительном проекте центральное место было отведено А.В. Кривошеиным привлечению представителей земства и крестьян в местные землеустроительные комиссии»³. Важнейший этап карьеры и эволюция политических взглядов А.В. Кривошеина тесно связаны с именем П.А. Столыпина. Их сближение и совместная работа стали поворотным пунктом жизни А.В. Кривошеина. В течение десяти лет он проводил в жизнь земельную реформу. П.А. Столыпин

¹ Цит. по: Василевский Е.Г. Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М., 1960. С.52.

² Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа... С. 321.

³ Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин. Судьба российского реформатора... С. 137.

и А.В. Кривошеин вообще отлично дополняли друг друга. «Один – вождь, рыцарь, весь – сила и смелость. Другой – такт, расчет и осторожность. И оба – энтузиасты. Энтузиасты не самодержавия, а великой России, нуждавшейся в исторической скрепе власти».

В период работы с П.А. Столыпиным и под его непосредственным влиянием А.В. Кривошеин сформировался как деятель с определенной политической программой, которой он придерживался до конца жизни и не пожелал ею поступиться в 1915 г. Он надеялся, что П.А. Столыпин сможет спасти Россию. А.В. Кривошеин понял и принял стремление опираться на общественные силы дворянства и буржуазии. В это время его еще называли «правее Столыпина», потому что он оставался консерватором не столько по убеждениям, сколько по старым связям. Но на этом этапе его можно назвать уже умеренным консерватором. «Из правого политического деятеля он постепенно стал – "центральный". Работать с Думой; во главу угла ставить хозяйственное укрепление России "снизу"; прекратить наверху междоусобицу русских образованных людей, деление их на "мы" и "они". Одновременно подавлять воинствующую революцию, силы и шансы которой явно ослабевали по мере того, как страна богатели». Такова была «столыпинская традиция», продолженная и разработанная А.В. Кривошеиным. Политика П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина была «единственно верная – создать благосостояние крестьян и поставить нашу экономическую жизнь на прочные основания». С 1908 г. реформа «резко прибавила темпы»¹. Первой проблемой стало кадровое обеспечение землеустроительной процедуры и закрепление ее в компетенции ГУЗиЗ. В 1908 г. А.В. Кривошеин внес в Совет министров свои предложения «О заведовании землемерной частью землеустроительных комиссий». Он предлагал: «Ввиду особой важности закрепить существующее положение заведования землемерной частью землеустроительных комиссий и придать означенной отрасли Межевого управления должную во всех частях определенность и устойчивость. Следует возложить общее руководство работами Межевого управления, поскольку последние касаются предмета ведения землеустроительных комиссий, на Главноуправляющего землеустройством и земледелием, в заведовании которого сосредоточено все землеустроительное дело в империи». Заведование землемерной частью землеустроительных комиссий по проблемам кадрового состава землемеров при Комиссиях (поиск и подготовка необходимого числа землемеров) и по техниче-

¹ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М., 1992. С. 101.

скому надзору «возложить на губернские чертежные под ближайшим руководством губернских землемеров. Надзор за землемерной частью землеустроительных комиссий и правильной постановкой технической стороны работы, а равно и меры по подготовке и выбору личного состава по всем губерниям, возложить на Управление межевой частью под непосредственным надзором Главноуправляющего землеустройством и земледелием». С 1909 г. все инструкции по землеустройству стали издаваться Комитетом по землеустроительным делам – межведомственным органом, находившимся под эгидой ГУЗиЗ, где мало считались с концепцией реформы, сложившейся в МВД. 19 марта 1909 г. Комитет по землеустроительным делам утвердил «Временные правила о землеустройстве целых сельских обществ». Они касались раздела селений, выдела земли выселкам и перехода к отрубным владениям целых сельских обществ. С этого времени местные землеустроительные органы все более ориентировались на разверстание наделов целых деревень. Землеустроителям было удобнее так работать, повышалась результативность их труда, но вместе с тем умножалось число мелких отрубников, которых МВД отказывалось считать «крепкими хозяевами»¹.

Большое значение для организации землеустройства и создания его правовой основы имела разработка закона о землеустройстве. Проект закона о землеустройстве, представленный правительством в I, а затем II Думу, но ими не рассмотренный, с новыми изменениями и дополнениями был внесен в III Думу. Став Главноуправляющим, А.В. Кривошеин не отозвал законопроект Б.А. Васильчикова, а, наоборот, уже в ходе его обсуждения 12 декабря 1908 г. обратился в III Думу «с представлением о внесении дополнений, в частности, о распространении землеустройства и на крестьянские купчие земли, которые обходил указ 9 ноября»². А.В. Кривошеин заверял позднее, что Положение о землеустройстве всего-навсего «дополняет» закон 14 июня 1910 г.³ Проект о землеустройстве начал обсуждаться 12 октября 1909 г. Общие основания его не вызвали особенных возражений не только большинства, но и оппозиции⁴. Наиболее оживленные прения в Земельной комиссии III Думы проходили по статье о выделе к одному месту принадлежавшей домохозяину земли, наделной и частной. Чтобы обеспечить

¹ Александровский Ю.В. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. СПб., 1911. С. 545–547.

² Анфимов А.М. Российская деревня в годы I мировой войны. М., 1962. С. 62.

³ Там же. С. 63.

⁴ III Государственная Дума. СПб., 1912. С. 163.

интересы держателей облигаций Крестьянского банка – и ускорить насаждение буржуазного крестьянского землевладения, – было решено считать отрубные и хуторские участки, образованные из наделных и купленных земель, не наделной собственностью, а частной, что переводило не менее 20 млн дес. наделной земли в разряд частного землевладения и могло быть продано за долги кредиторам¹. Это вполне соответствовало интересам правительства, так как позволяло наладить эффективную поддержку через Крестьянский банк.

Расхождения обнаружились при обсуждении и некоторых других статей проекта. Они нашли свое отражение в общих прениях в Думе. Защищая принятый большинством комиссии проект закона, докладчик, октябрист Д.П. Капнист, доказывал, что проект призван бороться с теми недостатками землевладения и землепользования, от которых страдают не только общинники, но и подворники, малоземельные и зажиточные. Землеустройство является первым наиважнейшим шагом в деле перехода к более прогрессивным формам землепользования. В нем «кроется задаток лучшего будущего России»; оно, безусловно, приведет «к повышению материального уровня сельского населения»², о чем слишком мало заботились в последнее время. Но Д.П. Капнист вынужден был признать, что «от предпринимаемой меры нельзя ожидать полного улучшения благосостояния деревенской жизни». Его мнение полностью разделял и А.В. Кривошеин. Он говорил, что «настоящий закон окажется полезнее тому, кто этим путем соберет вокруг себя больше земли, составит более ценное хозяйство»³. Для малоземельных закон принесет пользу лишь тем, что облегчит им ликвидацию своих наделов. А.В. Кривошеин утверждал, что проект закона не предусматривает мер принуждения. Проведение его в жизнь всецело зависит «от доброй воли желающих им воспользоваться». Относительно признания комиссией участков из купчих и наделных земель частной собственностью он пояснил, что правительство считает такую меру неосторожной. Правительство склонно «сохранить и предусмотренную в проекте большую постепенность в проведении землеустройства. Но в принципе оно воз-

¹ Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма... С. 148

² Сысоева Л.Н. Аграрное законодательство России в 1906–1912 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Воронеж: Центрально-Черноземное книжн. изд-во, 2008. Вып. 1. С. 59–66; Государственная Дума. Созыв III. Сессия V. Стенографии, отчет. СПб., 1910. Стб. 35.

³ Государственная Дума... Стб. 50.

ражает против внесенных в проект изменений, имеющих цель ускорить проведение нового закона»¹.

Крупные дискуссии и в Думе развернулись вокруг ст. 13. В целях обеспечения интересов кредиторов и владельцев ценных бумаг Крестьянского банка ст. 13 в правительственной редакции распространяла ответственность за долг банку при выделе участков на незаложенную часть надельной земли. В Земельной комиссии многие высказались против этого. От правительства проект защищал А.А. Риттих – директор Департамента земельных имуществ. Он не отрицал, что ст. 13, прежде всего, защищает интересы держателей облигаций Крестьянского банка. В третьем чтении ст. 13 в редакции правительства отстаивал А.В. Кривошеин. Но, несмотря на все доводы, она была отвергнута². Земельная комиссия Государственного совета внесла в проект ряд изменений. Разногласия в комиссии вызвала ст. 3. «Левые» и «правые» высказались за признание участков из разноправных земель надельными. А.В. Кривошеин предложил считать такие участки частной собственностью. Но большинство членов комиссии с этой точкой зрения не согласилось. Значительная часть изменений и дополнений являлась редакционными поправками. В целом законопроект удовлетворял большинство Земельной комиссии и правительства. А.В. Кривошеин на последнем заседании комиссии заявил, что в таком виде проект «в полной мере обеспечивает успешный и правильный ход землеустройства»³.

Для сторонников группы А.С. Стишинского – А.В. Кривошеина представлялись опасными объединения крестьян на поземельной основе – такие коллективные собственники земли, купленной у Крестьянского банка, и других владений, как сельские общества и крестьянские товарищества. Их земли подлежали включению в общие планы землеустройства под видом уничтожения чересполосицы. Единоличные выделы «исключались вовсе»⁴. А.В. Кривошеин придавал большое значение проекту закона о землеустройстве. Дополняя Закон 14 июня 1910 г., проект раздвигал рамки проведения землеустройства, упрощал этот процесс, «вводил более действительные и более практические

¹ Сысоева Л.Н. Аграрное законодательство России в 1906–1912 гг. С. 56–66; Сидельников С.М. Указ. соч. С. 149

² Там же. С. 158; Сысоева Л.Н. Оформление нормативно-правовой базы столыпинской аграрной реформы // Берегиня. 777. Сова. Воронеж, 2009. № 1. С. 35–45.

³ Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма... С. 166.

⁴ Сысоева Л.Н. Аграрное законодательство России в 1906–1912 гг. ... С. 56–66; Алфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 64.

способы уничтожения земельной неурядицы». Он являлся «последним этапом раскрепощения крестьянской земли и сельскохозяйственного труда»¹. А.В. Кривошеин исходил из того, что причина низкого уровня жизни крестьян не столько в малоземелье, сколько в низкой производительности сельскохозяйственного труда, и поднять ее могло только землеустройство. Проект Положения о землеустройстве был утвержден Николаем II 29 мая 1911 г. и получил силу закона. Его главной задачей являлось устранение недостатков землепользования и землевладения крестьян и других мелких земельных собственников. Действие закона распространялось также на средние и крупные владения, связанные чересполосно с землями крестьян и мелких владельцев. Закон 29 мая 1911 г. сделал возможным переход к хуторам и отрубам, минуя стадию укрепления. Тем самым реформа получала новый поворот. Из рук МВД она стала все более переходить в руки ГУЗиЗ.

В деле осуществления указа 9 ноября 1906 г. П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин старались усилить роль губернаторов. 2 февраля 1910 г. А.В. Кривошеин писал: «Вполне присоединяясь к мнению, что деятельность начальников губерний в области землеустройства не может ограничиваться одним лишь председательством в губернских комиссиях, я считаю необходимым, чтобы местное землеустройство находилось под деятельным руководством со стороны губернатора». Практически полномочия губернатора становятся неограниченными.

Государственные чиновники внимательно следили за ходом аграрных преобразований и землеустройства в частности. Сам А.В. Кривошеин неоднократно совершал инспекционные поездки в разные губернии, чтобы на месте ознакомиться с проведением работ и проблемами рядовых сотрудников ведомства. В 1908 г. состоялась поездка директора Департамента государственных имуществ А.А. Риттиха и А.В. Кривошеина в Поволжские губернии для ознакомления с ходом землеустройства. По ее материалам был написан отчет, представленный в Комитет по землеустроительным делам. Руководители обращали внимание на «несомненные успехи, достигнутые землеустроительными учреждениями Поволжья». Отмечалась «твердая, почти фанатичная уверенность в правильности и жизненности поставленной задачи – создания единоличных владений», которую, по мнению А.А. Риттиха и А.В. Кривошеина, «необходимо сдерживать, дабы предупредить крайности в виде

¹ Цит. по: Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма... С. 166.

стремления не отдать ни одной пяди земли иначе, как в хуторское и отрубное владение»¹.

Деятели землеустроительных комиссий отмечали изменение отношения крестьян к новым формам владения. Вместо «сдержанно-выжидательного отношения прошлого года замечен живой интерес к ликвидационным работам, усиливавшееся стремление к личному владению наделной землей. Видоизменился состав крестьян, укреплявших свои наделы. Закон 9 ноября распространялся в среде крепкого крестьянства и постепенно получал то культурное и политическое значение, которое имелось в виду при его издании»². В «Отчете...» были поставлены ближайшие задачи: «Желательно отвлечение чинов землеустройства и землемеров от ликвидационных работ и сосредоточение их на внутринаделном землеустройстве. Центр тяжести ныне перемещается в сторону улучшения землевладения в его настоящих размерах»³. Также ставятся задачи организации агрономической помощи и привлечения земских сил.

«Постепенно, за две "пятилетки" кривошеинского министерства, росли не только цифровые итоги работы: раскрывалась политическая ценность сближения правительства с общественными силами. В этом отношении А.В. Кривошеин шел уже дальше П.А. Столыпина. Был уже его "левою" рукой». А.В. Кривошеин постепенно переходит на позиции либерального монархизма. «Петербургский делец, министр явно консервативный, повинуюсь только здравому смыслу и сыновней любви к родине, постепенно вырастал в политическую и притом явно либеральную величину»⁴. Прежде всего, эволюция политических взглядов отразилась в земельном вопросе: выдвинутый помещичьему влиянию, А.В. Кривошеин скоро оказался самым «крестьянским» из всех министров. Уже на посту управляющего Крестьянским банком он понял, что жизнь обгоняет его аграрную программу. Надо было поднимать крестьянское хозяйство на той же площади, создавать прочную мелкую собственность. И тут А.В. Кривошеин стал искуснейшим дирижером землеустройства, правой рукой П.А. Столыпина, во многих случаях и его политическим суфлером. В кабинете П.А. Столыпина

¹ Сысоева Л.Н. Оформление аппарата реализации аграрной реформы начала XX в. // Гуманитарные и культурно-исторические аспекты развития российского общества. Воронеж: Центрально-Черноземное книжн. изд-во, 2005. С. 45–63; Вып. 1. С. РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 90. Л. 9.

² РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 90. Л. 9.

³ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 90. Л. 13.

⁴ Тхоржевский И.И. Последний Петербург: воспоминания камергера... С. 203.

А.В. Кривошеин не был простым исполнителем. Его самостоятельную роль отмечали многие современники. По свидетельству министра торговли и промышленности С.И. Тимашева, в кабинете П.А. Столыпина министр земледелия А.В. Кривошеин пользовался особым влиянием. Он «был чрезвычайно близок к премьеру, как его главный сотрудник в проведении земельной реформы и вообще солидарный с ним в важнейших вопросах внутренней и внешней политики... Столыпин внимательно прислушивался к его голосу в Совете»¹.

Доброжелательные отношения с Думой сложились не сразу. Потребовался значительный промежуток времени, чтобы осознать необходимость сотрудничества, а не соперничества. Первые две Думы не внушали А.В. Кривошеину доверия своей левизной, сумбурностью, болтливостью депутатов. К III Думе он стал относиться терпимее, наладил деловые контакты с правооктябристским блоком. Среди его друзей появляются люди умеренно-конституционных взглядов, например, выдающийся политик и промышленник А.И. Гучков. А.В. Кривошеин искал сотрудничества с Думой, а не подчинения беспорядочным инициативам отдельных депутатов в области текущей работы бюрократического аппарата. Он усматривал наилучший путь к обновлению царского режима в максимально возможном слиянии этого аппарата с местной общественностью, прежде всего с земством. Одновременно А.В. Кривошеин продолжал оставаться монархистом, поддерживал хорошие отношения с царской семьей, одновременно питая надежды на мирное сосуществование с обществом при твердом руководстве премьера и полной поддержке его царем². Помимо преданности монархическому строю и патриотическим принципам, его доктрина отличалась прагматичным реализмом и не имела предвзятой идеологической основы, в чем заключалась ее сила.

В Главном управлении землеустройства и земледелия А.В. Кривошеин вырастил целую плеяду блестящих сотрудников: Г.В. Глинка, А.А. Риттих, П.Н. Игнатьев, П.П. Zubовский, Д.Н. Любимов и некоторые другие, которые впоследствии, «пройдя его школу, выдвинулись на разнообразных поприщах государственной службы». «Он обладал даром отличать существенное от второстепенного. Он был требовательным начальником, но не скупился на похвалу и поощрение тем, кто выполнял его директивы с умом и усердием. Он обладал даром приобретать людское расположение». «Как государственный деятель, он стал ловцом

¹ Цит. по: Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 41.

² Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 12.

человеков, беря их везде, где только он их замечал, и с несравненным искусством ставил их на службу государственному делу». Причинами быстрого продвижения по служебной лестнице, по свидетельству современников, были личные качества А.В. Кривошеина: большой ум, незаурядные дипломатические способности, умение входить в доверие или подчинять своему влиянию нужных людей, особое политическое чутье. По словам А.А. Кофода, А.В. Кривошеин «был талантлив, энергичен, чрезвычайно импульсивен и обладал счастливой способностью улавливать, в какую сторону дует ветер»¹. Александр Васильевич был мастером политических компромиссов и интриг, придавал им большое значение. Не случайно Николай II называл его «умным антрепренером»². В основе выдвижения А.В. Кривошеина были и административный талант, и неиссякаемая энергия, редкая работоспособность. Он умел понять главные задачи момента, выделить их и представить четко, кратко и хорошо аргументированно. Не случайно ему поручали написание многих царских манифестов. А.В. Кривошеин пользовался огромной популярностью в общественных и придворных кругах. Ему симпатизировала Александра Федоровна. «Императрица жаловала его в ту пору и показывала свою милость самым наглядным образом: во время его действительной или преувеличенной болезни в ноябре–декабре 1912 г. не проходило ни дня, чтобы дважды, утром и вечером, она не спрашивалась о его здоровье, и святая вода от Серафима Саровского постоянно находилась у него, присланная от имени императрицы»³.

Кризис столыпинской политики привел к усилению в правящих верхах крайне правых групп, для которых П.А. Столыпин был недопустимо либеральным премьером. Скорая отставка П.А. Столыпина была очевидна для А.В. Кривошеина. Он реально оценивал ситуацию. На этот пост дворцовая камарилья выдвигала различных кандидатов. А.В. Кривошеин играл активную роль в закулисных интригах. Весной 1911 г. он советовал Николаю II сохранить П.А. Столыпина на посту премьера, но уже летом пытался проводить своего человека в лице П.Н. Игнатьева. Поэтому не случайно после убийства П.А. Столыпина в правых кругах возникли разговоры о «возможности и желательности назначить премьером именно А.В. Кривошеина»⁴. П.А. Столыпин в свое время гово-

¹ Казарезов В.В. П.А. Столыпин. История и современность. Новосибирск, 1991. С. 61.

² Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи 1906–1917 гг. М., 1998. С. 292.

³ Там же. С. 292.

⁴ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 454. Л. 8.

рил, что «Кривошеин продержался бы дольше»¹, нежели В.Н. Коковцов, которого поддерживал царь. Но в это время расклад был не в пользу А.В. Кривошеина. Симпатии Николая II склонились на сторону В.Н. Коковцова.

Гибель П.А. Столыпина отрицательно сказалась на дальнейшем ходе реформы. Все больше появлялось признаков усталости и апатии тех, кто непосредственно занимался ее проведением в жизнь. Тем не менее правительство продолжало реформу. Правда, административные меры уже не были столь разнообразны и масштабны. В 1914–1916 гг. преобразованиями занимались менее уверенно. Действиям ответственных за реформу чиновников недоставало прежней энергии. А.В. Кривошеин опять начал дрейфовать вправо.

Борьба за премьерское кресло в начале декабря 1913 г. приняла особенно острые формы. 4 декабря Николай II принял в Ливадии А.В. Кривошеина, 6 декабря – В.Н. Коковцова, а 7 и 8 декабря – Н.А. Маклакова². По воспоминаниям П.Л. Барка и К.А. Кривошеина, Николай II в ходе разговора с А.В. Кривошеиным предложил ему самому занять посты премьера и министра финансов. Прозондировав обстановку, выяснив, насколько он сможет влиять на МВД (в частности, на назначение губернаторов), и почувствовав прочность положения Н.А. Маклакова, А.В. Кривошеин «сослался на болезнь и отказался от предложения, еще раз назвав кандидатуры И.Л. Горемыкина и П.Л. Барка»³. Вернувшись в Санкт-Петербург, А.В. Кривошеин заболел, и это обстоятельство сразу же активизировало других претендентов на власть. 26 января Николай II вызвал П.Л. Барка в Царское Село и объявил о его предстоящем назначении в Министерство финансов. 28 января, уезжая в Италию на лечение, А.В. Кривошеин еще раз написал Николаю II, прося его утвердить программу мелиоративных работ вопреки мнению В.Н. Коковцова или отложить решение «до появления свежих людей»⁴. Истинная суть письма заключалась именно в этих словах. 29 января Николай II уведомил В.Н. Коковцова об отставке, подсластив пилюлю дарованием графского титула, что было инициативой А.В. Кривошеина.

Большинство депутатов Думы было уверено, что преемником В.Н. Коковцова будет А.В. Кривошеин. Сам А.В. Кривошеин в послед-

¹ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 218.

² РГИА. Ф. 516. Оп. 2. Д. 303. Л. 417, 434, 436, 441.

³ Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин. Судьба российского реформатора... С. 151.

⁴ Цит. по: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. С. 173.

ние дни пребывания В.Н. Коковцова на посту держал себя «почти премьером»: он «вел переговоры с лидерами Думы, часто совещался с председателем. Было известно, что царь вызывал к себе А.В. Кривошеина и определенно говорил с ним о предстоящем назначении»¹. Добившись назначения главой правительства И.Л. Горемыкина, А.В. Кривошеин стал самой влиятельной фигурой в кабинете и продолжал пользоваться доверием и расположением царя, который предоставил ему возможность быть «фактическим премьером без ответственности юридической»². Именно на это «фактическое премьерство» и рассчитывал А.В. Кривошеин, отклоняя предложение Николая II стать премьером формально. До весны 1915 г. А.В. Кривошеин имел весьма ощутимое влияние на престарелого премьера. Сдвиг правительственного курса вправо и усиление позиций Н.А. Маклакова к концу марта единодушно отмечали и пресса, и сторонники «нового курса» в бюрократических кругах. «Последние заседания Совета министров, – писал П.Н. Игнатьев А.В. Кривошеину 30 марта 1915 г., – все больше заставляют сказать, что дело не клеится... Вы, конечно, сами отлично видите, кто виновник ближайшей этой путаницы и чья рука подсовывает Ивану Логгиновичу не те карты»³.

17 августа 1915 г. А.В. Кривошеин был с докладом у Николая II и завел с ним разговор о политическом положении. А.В. Кривошеин еще питал надежды на разрешение кризиса. Ему пришлось дорого заплатить за то, что в январе 1914 г. он отказался от премьерства. А.В. Кривошеин доказывал полную непригодность И.Л. Горемыкина к своей роли и предложил назначить А.А. Поливанова главой правительства на время войны. Царь отнесся к этой идее сочувственно, но предложил назначить А.А. Поливанова не председателем Совета министров, а «председательствующим в Совете министров». Тут же он сказал, что скоро назначит А.А. Поливанова военным министром. О своей беседе с Николаем II А.В. Кривошеин сообщил А.А. Поливанову прямо за дверями царского кабинета в Александровском дворце Царского Села. Причем рассказывал, что упомянул царю и о необходимости ввести в состав кабинета лиц не из бюрократии, а из числа известных общественных деятелей, и назвал при этом А.И. Гучкова, так пояснив свое предложение: «Я знаю, вы не любите Гучкова, но призвав его, вы произвели бы этим прекрасное впечатление в стране и приобрели бы преданного слугу!» А.А. Полива-

¹ Клячко Л. (Львов) Повести прошлого. Л., 1930. С. 47.

² Из переписки царских сановников // Красный архив. 1933. № 6 (61). С. 133.

³ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 274. Л. 26.

нов после этого разговора ожидал, что не позднее 18 августа он получит предложение возглавить правительство.

В то время как в Совете шла глухая борьба с председателем, А.В. Кривошеин (это было во второй половине августа) готовил свой кабинет и даже получил принципиальное согласие государя. «Разрушила этот план императрица, действующая несомненно под влиянием Распутина». А.И. Гучков рассматривался царской семьей, особенно Александрой Федоровной, как заклятый враг. Согласиться с назначением А.А. Поливанова премьером и одновременно включить в состав правительства А.И. Гучкова означало бы для Николая II вызвать недовольство императрицы, чего он всегда старался избегать. Следовательно, сочетание «Поливанов – Гучков» было для царя неприемлемым, и А.В. Кривошеин наверняка это знал. В.И. Старцев предположил, что «он даже ожидал, что в этих условиях царь поручит должность председателя Совета министров именно ему»¹. Однако лишь упоминание имени А.И. Гучкова стало причиной крушения плана и начала царского недоверия к А.В. Кривошеину. Его ошибка заключалась в том, что он поддался иллюзии, будто царь сможет преодолеть личную антипатию ради государственной пользы.

Напрасно А.А. Поливанов ждал от Николая II предложения возглавить правительство, – его не последовало. 18 августа 1915 г. на заседании Совета министров А.В. Кривошеин предложил просить царя принять весь Совет министров, чтобы просить его не вступать в верховное командование. Но Николай II был непреклонен. 16 сентября в Ставке состоялось заседание Совета министров. Оно началось с выражения царем неудовольствия поведением большинства министров во время «августовского кризиса». С явным злорадством Николай II напомнил, что «либерализирующие министры» боялись закрыть Думу, предрекая «великие потрясения». Но «Дума была распущена и ничего не случилось». А.В. Кривошеин подчеркнул полную невозможность пренебрегать общественным мнением в столь критическое время. «Пока общественность не будет принимать участие в ведении войны, пока не будет сотрудничества между правительством и народом, мы не сможем одолеть врага»². Так закончилось фактическое премьерство А.В. Кривошеина. Он больше не рассчитывал на доверие царя и решил уйти сам.

Карьера А.В. Кривошеина закончилась. Весьма интересно отношение других членов правительства П.А. Столыпина к нему. Так,

¹ Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 159.

² Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин. Судьба российского реформатора... С. 203.

С.И. Тимашев утверждал, что А.В. Кривошеин «был чрезвычайно близок к премьеру, как его главный сотрудник в проведении земельной реформы и вообще солидарный с ним в главнейших вопросах внутренней и внешней политики». Министр торговли и промышленности указывает на широту взглядов главноуправляющего землеустройством и земледелием и его огромный опыт. Он писал: «Кривошеин очень интересовался работой всех ведомств и принимал активное участие в обсуждении предположений, которые вносились ими в Совет Министров. Александр Васильевич был одним из немногих министров, которые понимали крупное значение экономических вопросов и хорошо разбирались в них»¹.

С.Ю. Витте относился к этому человеку весьма настороженно, вплоть до того, что написал письмо царю, чтобы его не назначали министром². В связи с этим С.Ю. Витте замечал: «Я готов, чтобы на место Кутлера был назначен человек с наиконсервативнейшими взглядами, но если он исповедует эти же взгляды по убеждению, а не из-за выгоды и карьеризма»³. Резко отрицательно относился к А.В. Кривошеину И.И. Толстой. В своем дневнике он замечал: «Кривошеин всегда был мне лично крайне антипатичен». Этот государственный и общественный деятель называет А.В. Кривошеина черносотенцем⁴.

Недолюбливал А.В. Кривошеина и В.Н. Коковцов, который по праву считал его двуличным человеком. В своих воспоминаниях он приводил эпизод, когда А.В. Кривошеин за глаза говорил о министре финансов, что «Коковцов думает одно, говорит другое, а делает третье, и полагает, что ему в Совете верят, и он всех проведет». В.Н. Коковцов при этом отметил: «Эта фраза любопытна как образчик отношения Кривошеина. В личных проявлениях со мной он был любезен и даже льстив до приторности, поминутно заезжал, расспрашивал обо всем, получал от меня самые откровенные ответы и направо и налево говорил громко, что такой способ отношений председателя Совета к министрам, как проявляемый мною, представляет собою идеал корректности и благородства»⁵.

¹ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» Министра торговли и промышленности // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 6. С. 111.

² РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.

³ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 204, 205.

⁴ Там же. С. 286.

⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 2. С. 27.

Наиболее взвешенную оценку А.В. Кривошеину давал В.И. Гурко. Не отрицая вышеперечисленных несимпатичных качеств его личности, он тем не менее считал, что «Кривошеин обладал выдающимся умом и тонким политическим чутьем, умением разбираться в сложной политической обстановке». При этом В.И. Гурко обращал внимание на одну из его отличительных черт: он «никогда сколько-нибудь определенно своих политических взглядов не высказывал, так что никто не мог бы цитировать каких-либо его слов и заявлений, по которым его можно было бы причислить к определенному политическому лагерю». В то же время он не был чужд политического интриганства и входил в кружок И.Л. Горемыкина, который строил козни против С.Ю. Витте и в конце концов добился его отставки. Тем не менее В.И. Гурко считал, что выбор А.В. Кривошеина на должность главноуправляющего землеустройством и земледелием был «чрезвычайно удачен». Он писал, что «на министерском посту Кривошеин обнаружил свойства государственного деятеля широкого размаха, смелых начинаний и тонкого политического инстинкта» и «не впал... в одностороннее поддержание лишь той отрасли народного производства, которой он сам ведал»¹. В.И. Гурко начисто отвергал обвинение А.В. Кривошеина С.Д. Сазоновым в трусости и нежелании взять власть в свои руки, оправдывая его поведение тяжелой болезнью. Правда, П.Л. Барк приводил несколько иные причины. Он утверждал, что «Кривошеин не хотел быть премьером и, когда впоследствии государь два раза предлагал ему этот пост, он отказывался. Вероятно, он считал, что нужен прирожденный талант Столыпина, чтобы держать в руках такую недружелюбную аудиторию, коей зачастую оказывалась Государственная Дума, и потому не хотел ставить себя в невыгодное положение»². Что касается личности Кривошеина, П.Л. Барк справедливо отмечал, что «как многие сановники, он был «self-made-man», своей карьерой обязанный исключительно своему труду и выдающимся способностям». Товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов называл А.В. Кривошеина «одним из немногих оставшихся государственных людей»³.

26 сентября 1915 г. последовало увольнение Н.Б. Щербатова и А.Д. Самарина и назначение А.А. Хвостова. Во время сентябрьского доклада А.В. Кривошеин подал в отставку. «Мое дальнейшее пре-

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 2. С. 610.

² Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. № 169. С. 73.

³ Курлов П.Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002. С. 182.

бывание в правительстве бесполезно, а кроме того, я хорошо знаю государя: он злопамятен и не простит мне моего отношения к смене командования»¹. Николай II принял отставку «с облегчением», но он не ожидал такого шага и обеспокоился тем, что в обществе одновременная отставка министров будет воспринята как демонстрация. Царь взял с А.В. Кривошеина слово, что он останется на месяц, сохранив отставку в тайне. В результате 26 октября 1915 г. А.В. Кривошеин был уволен от должности главноуправляющего (с оставлением членом Государственного совета, гофмейстером и статс-секретарем). За ним было сохранено денежное содержание по должности члена Государственного совета в сумме 18 000 руб. в год. Вскоре после отставки он стал главноуполномоченным Российского общества Красного Креста. В 1917 г. А.В. Кривошеин входил в состав Главного комитета Всероссийского союза земельных собственников, был одним из директоров Товарищества мануфактур «Савва Морозов, сын и К°».

Весной 1918 г. А.В. Кривошеин возглавил в Москве «Правый центр», объединивший консервативных политиков, ориентированных в то время на Германию. Он руководил оказанием материальной помощи царской семье, собрав для нее у московских предпринимателей 250 тыс. руб. Во время красного террора избежал ареста. По словам его сына Кирилла Александровича, когда чекисты явились с обыском в контору морозовской мануфактуры, А.В. Кривошеин, воспользовавшись тем, что шел поиск золота в сейфах конторы, спокойно надел плащ, не торопясь поправил галстук, уверенным жестом отстранил часового у дверей и спокойно вышел на улицу. Скрываясь от ареста, А.В. Кривошеин затем перебрался в свободный от большевиков Киев, где стал одним из организаторов и товарищем председателя правой организации «Совет национального объединения России». С 1919 г. стал председателем этой организации. В декабре 1919 г. – феврале 1920 г. он работал начальником Управления снабжения правительства при главнокомандующем А.И. Деникине. Затем уехал в Константинополь, потом во Францию, где ему была предложена должность председателя совета в одном из русских банков, имевших капиталы в этой стране. В апреле 1920 г. генерал П.Н. Врангель предложил А.В. Кривошеину вернуться в Россию и стать его ближайшим сотрудником. После этого он отказался от выгодного банковского предложения и прибыл в Крым. В мае 1920 г. был назначен исполняющим обязанности председателя сформирован-

¹ Курлов П.Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002. С. 205.

ного в Крыму Правительства Юга России, а в июне 1920 г. стал председателем этого правительства и помощником главнокомандующего генерала П.Н. Врангеля. Руководил проведением аграрной реформы на территории, контролируемой армией П.Н. Врангеля. Реформа была направлена на наделение крестьян землей за счет раздела крупных поместий за определенную плату (пятикратный средний годовой урожай для данной местности, для выплаты этой суммы предоставлялась 25-летняя рассрочка). Значительную роль в ее реализации играли органы местного самоуправления – волостные земства, в которых доминировали крестьяне. После военного поражения белых, 30 октября 1920 г. А.В. Кривошеин отбыл в Англию на крейсере «Кентавр». Жил в Париже, затем в Берлине. 28 октября 1921 г. он скончался и был похоронен на русском кладбище в Тегеле под Берлином.

Начальником Переселенческого управления в 1905–1915 гг. был Г.В. Глинка, из дворян польского происхождения. Родился он в 1862 г. в Смоленской губернии. Окончил Московский университет, после чего работал помощником присяжного поверенного (адвоката) Ф.Н. Плевако. Позднее Г.В. Глинка был непременным членом Смоленского губернского присутствия, затем переехал в Санкт-Петербург. Его подчиненный по Переселенческому управлению И.И. Тхоржевский вспоминал: «В одном из самых захудалых уголков Министерства внутренних дел ютилось – тогда еще совсем маленькое и "черносошное" – переселенческое делопроизводство. С проведением Сибирской железной дороги его выделили в особую "часть", все еще скромную. Первым начальником Переселенческого управления был Гиппиус, вторым – Кривошеин, третьим – Глинка. Сановный Петербург не без опаски встретил нового "переселенческого батьку", выдвинутого Кривошеиным. Правые взгляды уживались в Глинке с неискоренимым насмешливым вольномыслием. Вдобавок, как все талантливые люди, он и в отношениях бывал неровен. А главное – был непримиримым врагом всякой бумажной гладкости, не терпел шаблонов, предвзятых планов, и выше всякой системы ставил "нутро", правду, пускай тяжелую, сырую, грубую, неудобную. Сердцу Глинки были понятны и дороги самовольные переселенцы, валом валившие, вопреки всем запрещениям, на Алтай – и творившие в Сибири своими руками великое дело колонизации. С ними у него всегда находился общий язык; он понимал их мужицкое ощущение жизни, темную, неодолимую тягу земную»¹.

¹ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб.: Алетей, 1999. С. 174.

При отсутствии в Сибири земства и общей отсталости сибирской администрации в Переселенческом управлении занимались всем: проводили дороги, торговали молотилками, строили больницы, копали колодцы, корчевали и осушали, сооружали церкви, посылали в глушь – крестить и хоронить – разъездные причты. Всем этим Г.В. Глинка увлекался до самозабвения. «На местах выхода переселенцев завязались прочные и дружеские отношения с земствами. И в разросшемся Переселенческом управлении ежедневно толпились и перемешивались всех толков, всех образцов русские люди... А сам "переселенческий батько" – с упрямо-хохлацкими, висевшими вниз усами – безвыходно, неделями, сидел в думских комиссиях, отстаивая новые, теперь уже многомиллионные кредиты. Страстный спорщик и хлопотун, Глинка любил это "сидение" в Думе; да и Дума его любила. Он сумел отождествить себя с переселенческим делом, жил им – до мелочей. Подчиненные им гордились, авторитет у своих был подавляющий. Хитрый Петербург все это знал и ценил. Он не мешал Глинке – взятому Кривошеиным как бы на поруки – диктовать в своей области, хотя многое там и плохо вязалось со столыпинской главной линией... К оригинальной, красочной, во многом провинциальной фигуре Глинки привыкли. Даже блестящие старческие тени Мариинского дворца, шепотом брюзжащие о нем раньше: "неглиже с отвагой", внутренне его уважали. Глинку сделали товарищем министра, но сохранили за ним Переселенческое управление: боялись тронуть... Он так и оставался бесменным руководителем всего земельного дела в Азиатской России»¹.

В 1910 г. Г.В. Глинка с П.А. Столыпиным и А.В. Кривошеиным совершил поездку по Сибири и Поволжью. С 1912 г. Г.В. Глинка стал исполняющим обязанности товарища главноуправляющего землеустройства и земледелия. В августе 1913 г. он вновь совершил инспекционный осмотр подведомственных ему переселенческих пунктов. В 1915–1916 гг. Г.В. Глинка был товарищем министра земледелия. Однако, по свидетельству И.И. Тхоржевского: «В министры Григорий Вячеславович не прошел. Тщетно опальный Кривошеин проводил именно его на свое место. Впрочем, по складу натуры и дарованиям Глинка едва ли был политическим деятелем. Он был блестящим хозяйственником, одним из строителей нашего народного и государственного благополучия перед войной, русского, невиданного раньше расцвета в предвоенные годы. Прервав переселение, война принесла Глинке новую великую и ответственную заботу – продовольственного снабжения армии. Глинка и тут

¹ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера... С. 175.

работал сверх силы – безмерно, бескорыстно; и пусть хаотично, переобременяя себя мелочами, зато всегда продуктивно; труд Григория Вячеславовича был всегда связан – крепким ремнем! – с реальными колесами жизни. Военное командование им дорожило; государь сделал сенатором (в 1916 г. – *Прим. авт.*); союзники французы прислали командорский крест Почетного легиона». После революции 1917 г. Г.В. Глинка побывал в Константинополе – «турецким нищим», как он сам над собою подсмеивался. 15 июня 1920 г. Г.В. Глинка стал начальником Управления земледелия и землеустройства в правительстве барона П.Н. Врангеля в Крыму. В ноябре того же года с остатками белой армии Г.В. Глинка эвакуировался в Константинополь, а затем переехал во Францию. В эмиграции он участвовал в деятельности Красного Креста. Г.В. Глинка умер в 1934 г. и был похоронен на кладбище в Сен-Женевьев де Буа под Парижем.

4.3. Министр финансов, министры путей сообщения

Бессменным Министром финансов и заместителем председателя Совета министров был В.Н. Коковцов – одна из основных и весьма независимых фигур в правительстве П.А. Столыпина. Родился он 6 апреля 1853 г. в Новгороде, будучи выходцем из дворянской семьи, получил образование в Александровском (Царскосельском) лицее, который окончил в 1872 г. Отличался успехами во многих науках, но внезапная смерть отца помешала ему посвятить себя научной карьере. В 1873–1879 гг. служил в Министерстве юстиции, в 1879–1890 гг. был старшим инспектором и помощником начальника тюремного управления Министерства внутренних дел; в 1890–1896 гг. занимал должности от помощника статс-секретаря до товарища государственного секретаря (по Департаменту государственной экономики) в Государственной канцелярии. Досконально изучив вопросы бюджета и государственного хозяйства, в 1896 г. В.Н. Коковцов получил пост товарища министра финансов. Министром в то время был С.Ю. Витте, В.Н. Коковцов успешно с ним сработался. Неоднократно получал похвалы от начальства за содействие развитию русской промышленности, в том числе за активное участие в разработке законопроекта о казенной винной монополии. В целом финансовая политика В.Н. Коковцова основывалась на сохранении твердого курса рубля и золотого денежного обращения¹.

¹ Шилов Д.Н. Государственные деятели российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917 гг. СПб., 2001. С. 303.

Бывший в 1901–1903 гг. председателем комиссии «О благосостоянии» крестьян в центральных губерниях, а в 1902–1904 гг. – государственным секретарем, В.Н. Коковцов отличался честолюбием, но был лишен подобострастия, не выпрашивал наград. По политическим воззрениям был убежденным монархистом. С февраля 1904 г. стал главой Министерства финансов с приданными ему учреждениями торговли, промышленности и железнодорожных дел. Пробыл в этой должности 10 лет (с перерывом с октября 1905 г. по апрель 1906 г.), участвовал в заключении торгового договора с Германией на 12 лет в июле 1904 г. В 1904–1906 гг. с целью покрытия военных расходов, связанных с Русско-японской войной, распорядился о проведении займов, увеличении пошлин с наследства, акцизов с продажи пива (при этом пополнив казну за счет «питейных» средств почти на треть), спичек, дрожжей, нефти, о введении гербового сбора, избегнув при этом прямого повышения налогов. Перед революцией 1905–1907 гг. царь Николай II переложил на него решение «рабочего вопроса». Пойдя навстречу пожеланиям крупных промышленников, В.Н. Коковцов одновременно попытался удовлетворить и требования рабочих. С этой целью возглавил комиссию, выработавшую программу, включающую пересмотр закона о стачках, сокращение рабочего дня, создание больничных касс, но так как эта программа носила рекомендательный характер, то она закончилась провалом. В конце 1904 г. В.Н. Коковцов поддержал на Путиловском заводе в Санкт-Петербурге позицию администрации в ее противостоянии с рабочими. В результате там 3 января 1905 г. вспыхнула стачка, которая стала прологом первой российской революции 1905–1907 гг.¹

В 1905–1906 гг. В.Н. Коковцов работал в комиссии по выработке рабочего законодательства, действовавшей в Государственном совете, и настаивал на попечительно-охранительном решении рабочего вопроса. В 1905 г. как член Государственного совета принимал участие в разработке проекта законосовещательной Думы в комиссии А.Г. Булыгина и был противником предоставления Думе законодательных полномочий. Несмотря на записанное в Манифесте 17 октября 1905 г. обещание придать таковые парламенту, настаивал на необходимости нарушить его и передать царю prerogative и инициативу пересмотра Основных законов, что и было сделано.

Будучи министром финансов и преследуя цель накопления золотой наличности, В.Н. Коковцов способствовал заключению трех круп-

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919 гг.)... С. 863.

ных иностранных займов (1906 г., 1908 г. и 1909 г.). Не сумев провести широких финансовых реформ и не имея собственной финансовой программы, он решил войти в историю русских финансов как инициатор политики бездефицитного бюджета за счет жесткой винной монополии (в связи с чем думские «левые» именовали государственный бюджет «пьяным»), сокращения отчислений как на военные нужды, так и на культурные потребности. В управлении промышленностью поддерживал французские банки, их инвестиции в русские предприятия. Во внешней политике выступал за укрепление русско-французских связей и вместе с тем за последовательное смягчение противоречий с Германией. Выступая с трибуны Государственной Думы, В.Н. Коковцов обнаружил немалый ораторский талант (за что в кулуарах был прозван «граммофоном»). Ограничительно толкуя финансовые права парламента, в 1908 г. прославился заявлением «Слава богу, у нас нет парламента!», встреченным аплодисментами на правой и свистом на левой стороне Думы и взятым впоследствии назад. В 1910 г. распространился слух о заключенной им невыгодной для государства сделке по продаже принадлежавших казне акций Владикавказской железной дороге на бирже, однако Николай II был так расположен к В.Н. Коковцову, что эта неудача не повлияла на его карьеру.

Этого «старейшего из министров, умудренного многолетним опытом в делах государственных», можно назвать вторым по влиянию человеком в столыпинском кабинете, по крайней мере, на первых порах его существования. Министр промышленности и торговли С.И. Тимашев считал, что многие министры обвиняли его в «чрезмерной скупости, затруднявшей, даже парализовавшей начинания других ведомств»¹. В этом-то и крылась суть того, что многие министры и их товарищи откровенно недолюбливали этого, в общем, весьма квалифицированного специалиста в своем деле и финансиста с мировым именем. В этом таилась и причина того, что В.Н. Коковцов в конце концов стал неуютен премьеру П.А. Столыпину.

Стремление во что бы то ни стало добиться бездефицитного бюджета и попытка урезать статьи, шедшие на нужды армии, а также изъять у армии экономические капиталы вызвали стойкую неприязнь к В.Н. Коковцову военного министра А.Ф. Редигера. В сердцах он писал: «Главным инициатором отобрания у войск экономических капиталов был, очевидно, Коковцов. Это ему не помешало в 1909 г. письменно

¹ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» Министра торговли и промышленности... С. 109.

докладывать государю... что он никогда не отказывал в средствах на настоящие нужды армии! Сделанное... им в 1909 году заявление... было лишь выражением его самоуверенной хвастливости и лживости!»¹. К слову сказать, В.Н. Коковцов сам осознавал, что армия недофинансируется, и писал об этом в своих воспоминаниях², однако он все объяснял отсутствием средств в казне. Неприязнь военного министра усиливалась еще и тем, что В.Н. Коковцов был «совой», а А.Ф. Редигер – «жаворонком». Длинные речи министра финансов, которых последний не понимал, мешали А.Ф. Редигеру вовремя вернуться с заседания Совета министров и лечь спать³.

Весьма противоречивую характеристику В.Н. Коковцову давал С.Ю. Витте. То он обвинял В.Н. Коковцова в том, что тот был мастером интриг, хотя делал это совершенно голословно, то признавал его «серьезным деятелем», достойным занять пост премьера после гибели П.А. Столыпина⁴, хотя ранее называл его «бесцветным чиновником»⁵. Не менее противоречивое описание характера В.Н. Коковцова дал товарищ Министра внутренних дел В.И. Гурко. Он явно его недолюбливал и в то же время был вынужден отдавать ему должное. Отсюда и противоречия в описании характера В.Н. Коковцова. В.И. Гурко не без иронии называл его «часовым у казенного сундука». Вместе с тем он не мог отказать В.Н. Коковцову в «логическом уме, литературной образованности, весьма гладкой и обстоятельной речи». С одной стороны, В.И. Гурко считал, что В.Н. Коковцов «не был склонен жертвовать или хотя бы рисковать собственными интересами». С другой – замечал, что «порученные ему государственные интересы, как он их понимал, он защищал упорно и стойко». В.И. Гурко приводил два характерных случая, когда В.Н. Коковцов не побоялся отказать самому Николаю II и императрице, что, по мнению этого автора, «говорило столько же в пользу его государственной честности, сколько обнаруживает узость его государственных взглядов». Вообще В.И. Гурко считал, что В.Н. Коковцов был «сухой и мелочный по природе» и одной из главных черт его было «отсутствие полета мысли и отсутствие фантазии»⁶.

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 87.

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. ... Кн. 1. С. 209.

³ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра... Т. 2. С. 88.

⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. М.-Таллинн, 1994. Т. 3. С. 569.

⁵ Там же. Т. 2. С. 548.

⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 545–547.

Переписка В.Н. Коковцова со своими друзьями и с теми, кому он симпатизировал, свидетельствует совершенно об обратном. Он был достаточно ранимый человек, иногда впадавший в меланхолию, даже склонный к некоторой рисовке. В письме В.Н. Коковцова от 28 сентября 1910 г. А.П. Извольскому автор выражал печаль по поводу ухода последнего с поста министра иностранных дел, сравнивал себя с чеховским «дядей Ваней». Он писал: «Грустная фигура этого "дяди Вани", остающегося одиноким в серой обстановке, когда другие уезжают на новую, более привлекательную жизнь, – мне кажется именно моей фигурой. Я становлюсь все более и более одиноким; между мною и окружающими моими все больше и больше раздвигается щель и с каждым днем все яснее и яснее кристаллизуется для меня мысль о близости моего ухода, – на покой, в забвение, в частную жизнь почетного пенсионера, не привязанного более ни к делу, ни к месту, ни к людям»¹.

В.Н. Коковцов, видимо, вообще очень хорошо относился к тем личностям, которым симпатизировал вне зависимости от мнения о них царя. Так, он совершенно открыто поддерживал опального товарища военного министра А.А. Поливанова, приглашал его на обеды, активно с ним общался, когда тот, по его мнению, несправедливо был отправлен в отставку. Особое благородство и порядочность В.Н. Коковцова отмечает П.Л. Барк. Он писал о том, что П.А. Столыпин последние годы своего правления искал замену В.Н. Коковцову и его выбор пал на П.Л. Барка. «Коковцов знал, – вспоминал будущий министр финансов, – что меня привлекли в правительство для его замены и посему не мог питать ко мне особенно дружелюбных чувств». Однако когда газеты, желавшие угодить новому премьеру, начали злобные атаки на П.Л. Барка, В.Н. Коковцов «проявил... чувство великодушия и полной лояльности... Он мог воспользоваться сложившейся обстановкой и освободиться от возможного конкурента», – замечает П.Л. Барк. Но когда министр торговли С.И. Тимашев заявил В.Н. Коковцову о просьбе своего товарища об отставке, то тот «решительно высказался против», заявив, что «члены правительства не должны... обращать внимание на интриги и клевету и спокойно продолжать работу». После этого травля П.Л. Барка в газетах прекратилась.

Наиболее емко и четко охарактеризовал личность В.Н. Коковцова заменивший А.П. Извольского в должности министра иностранных дел С.Д. Сазонов, который выделил как его положительные, так и отрица-

¹ ГАРФ. Ф.559. Оп.1. Д. 88. Л. 8.

тельные черты: «У Коковцова была масса врагов из-за его малоуживчивого нрава, отсутствия гибкости и вкорененной долгой бюрократической службой привычки поступать по своим убеждениям, не принимая во внимание мнений своих противников». И тем не менее он называл его «незаурядным государственным человеком».

Работая вместе с П.А. Столыпиным, В.Н. Коковцов критиковал премьера за попытки разрушить общинные формы крестьянского землепользования и желание подтвердить автономию Финляндии, был против введения земств в западных губерниях. Консерватизм его оказался созвучен взглядам царя, и после убийства П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. В.Н. Коковцев был назначен председателем Совета министров с сохранением поста министра финансов.

Поднявшись на вершину власти, новый премьер не обнаружил ни смелости, ни оригинальности мысли и действий. По большинству вопросов (о национальных окраинах, еврейскому вопросу, о свободе печати) он продолжал линию П.А. Столыпина. Он был неподкупным, добросовестным администратором, категорически не принявшим начавшееся «посредничество» Г.Е. Распутина в отношениях между премьером и царем. Это неприятие стало причиной увольнения В.Н. Коковцова в январе 1914 г. со всех постов. При этом ему выразили благодарность, пожаловали графский титул, но В.Н. Коковцов был раздосадован и отвечал: «Я хотел умереть, неся просто имя, переданное мне». В декабре 1915 г. он стал председателем Департамента Государственного совета, связанного с финансовым кредитом. В 1918 г. был арестован ЧК, но после допроса отпущен. В 1918 г. нелегально перешел границу с Финляндией, эмигрировал во Францию. Там стал председателем Интернационального коммерческого банка (бывшего Петроградского международного коммерческого банка).

В.Н. Коковцов принял активное участие в подготовке Российского зарубежного съезда. С сентября 1923 г. по 19 января 1924 г. он входил в инициативную группу по подготовке съезда, в которой также участвовали Н.Н. Шебеко, А.Ф. Трепов, С.Н. Третьяков, М.М. Федоров, А.Н. Крупенский, В.И. Гурко, Н.В. Савич. 19 июня 1924 г. состоялось собрание русских общественных организаций, где была провозглашена резолюция, выработанная комиссией под председательством В.А. Маклакова, которая предусматривала избрание комитета, который должен был представлять интересы русских за границей. Процесс консолидации русских организаций закончился созданием «Русского комитета объединенных организаций», председателем которого осенью 1924 г.

был избран В.Н. Коковцов. На этой должности он был до 1939 г. «Русский комитет» объединил деятельность 325 организаций, куда входили и православные приходы. Благодаря деятельности общественных организаций, координируемых комитетом, удавалось спасти от голодной смерти тех русских, которые не могли получить работу¹. В 1933 г. вышли мемуары В.Н. Коковцова. Скончался он в оккупированном немцами Париже в 1943 г. во время Второй мировой войны.

В 1906–1909 гг. министром путей сообщения в правительстве П.А. Столыпина был Н.К. Шауфус, который родился в 1846 г. в Харьковской губернии. В 1863 г. он окончил 2-й Московский кадетский корпус, а в 1864 г. – Александровское военное училище с отличием и в этом же году был произведен в прапорщики и зачислен в Гренадерский саперный батальон. В 1866 г. Н.К. Шауфус поступил в Николаевскую инженерную академию, которую закончил в 1869 г. по 1-му разряду и первым в выпуске, за что был занесен на мраморную доску академии. С 1869 г. он служил в Николаевской инженерной академии на должности репетитора по строительному искусству. В конце 1869 г. по личной просьбе с разрешения военного министра Н.К. Шауфус был откомандирован на службу в общество Рязанско-Козловской, а затем в общество Курско-Киевской железной дороги. В 1892 г. его назначили директором Московско-Курской железной дороги. Все это время Н.К. Шауфус продолжал числиться в инженерных войсках и получал очередные воинские чины, в результате чего в марте 1893 г. был произведен в полковники. Одновременно с 1893 г. он исполнял обязанности начальника Московско-Нижегородской железной дороги, а с 1894 г. – еще и Муромской железной дороги. С ноября 1899 г. Н.К. Шауфус занимал должность начальника Николаевской железной дороги и одновременно стал членом Инженерного комитета Главного инженерного управления. За отличие по службе в апреле 1901 г. Н.К. Шауфус произвели в генерал-майоры. В декабре 1902 г. Николай II разрешил генерал-майору Н.К. Шауфусу именоваться впредь со всем своим потомством Шафгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус, о чем было объявлено в приказе по Министерству путей сообщения.

В октябре 1905 г. Н.К. Шауфус получил назначение на должность начальника управления железных дорог и стал членом совета Министерства финансов по тарифным делам. В апреле 1906 г. он занял пост

¹ Соколова Е.А. Общественная деятельность В.Н. Коковцова в эмиграции // Известия Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 49. С. 188–192; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия (История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека 1920–1971 гг.). Париж, 1971. С. 23.

министра путей сообщения, сменив К.С. Немешаева. Руководство им Министерством путей сообщения пришлось на самый трудный период столыпинской аграрной реформы, когда за Урал начали переселяться миллионы крестьян. Министерство к этому было совершенно не готово: не хватало специальных переселенческих вагонов, в организации перевозки господствовала полная неразбериха. Однако на этой должности Н.К. Шауфус получил воинский чин генерал-лейтенанта. 26 января 1909 г. в специальном рескрипте на его имя император Николай II отметил его заслуги «в деле упорядочения работы железных дорог, расстроенных во время войны и беспорядков 1905 г., организации перевозок продовольственных грузов в области, постигнутые неурожаем» и объявил об удовлетворении его просьбы об освобождении от обязанностей министра «ввиду пошатнувшегося здоровья». В оставшиеся годы жизни Н.К. Шауфус был членом Государственного совета, работал во втором его Департаменте. Скончался Н.К. Шауфус 29 ноября 1911 г. и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге.

Следующим министром путей сообщения был С.В. Рухлов. Родился он 24 июня 1852 г. в Вологде в семье губернского секретаря. Его отец, В.Н. Рухлов, был землемерным учеником, из крестьян. Впоследствии, когда С.В. Рухлову удалось сделать блестящую карьеру, многие современники подчеркивали его незнатное – «из простых мужичков» – происхождение. Начальное образование С.В. Рухлов получил в Вологодской мужской гимназии, а затем поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Окончив его со степенью кандидата права, он в 1873 г. поступил на службу в Департамент исполнительной полиции Министерства внутренних дел, а в марте 1876 г. стал помощником столоначальника. В мае 1879 г. С.В. Рухлов был переведен в Главное тюремное управление Министерства юстиции, где многое сделал для реорганизации быта и труда заключенных. В августе 1892 г. он был назначен помощником статс-секретаря Государственного совета в Департамент государственной экономики, а с декабря 1895 г. сам занял должность статс-секретаря Департамента. В январе 1903 г. С.В. Рухлов был утвержден в качестве товарища главноуправляющего торговым мореплаванием и портами великого князя Александра Михайловича, которого неоднократно замещал во время отсутствия, а в 1904 г. стал одним из инициаторов образования и первым председателем Российского морского союза. В ноябре 1905 г. он был назначен членом Государственного совета. В отличие от многих других сановников, С.В. Рухлов хорошо учитывал изменившиеся в ходе революции общественные условия Рос-

сии и принимал активное участие в политической жизни. В 1908 г. он выступил в качестве одного из организаторов и первого председателя монархической организации «Всероссийский национальный союз», деятельность которой была направлена на обеспечение господства русских в пределах Российской империи и упрочение русской государственности на началах самодержавия. По свидетельству А.Н. Яхонтова: «С.В. Рухлов, когда затрагивались национальные вопросы, не допускал уступок и послаблений, ставя на первую очередь интересы русских народных масс». Он публично выражал антисемитские взгляды, являлся почетным членом «Русского народного союза имени Михаила Архангела»¹.

В январе 1909 г. С.В. Рухлов занял пост министра путей сообщения Российской империи, и время его руководства ведомством вплоть до войны 1914 г. оказалось отмечено последним подъемом железнодорожного и шоссейного строительства. При нем значительно повысилась пропускная способность и рентабельность железных дорог, которые впервые за многие годы стали приносить государству прибыль. Он стремился координировать работу своего министерства с деятельностью других ведомств. Признанием его заслуг стали специальные правительственные награды, полученные министром за содействие делу крестьянского переселения на окраины империи, а также за высокую организацию транспорта при проведении мобилизации 1914 г. В мае 1912 г. император Николай II пожаловал С.В. Рухлову почетное звание статс-секретаря. В 1914 г. министр был назначен членом Комитета финансов, а в августе 1915 г. возглавил Особое совещание по транспорту. Во многом благодаря усилиям С.В. Рухлова железные дороги Российской империи выдержали напряжение первого года войны. Однако в 1915 г. появился новый претендент на его должность, А.Ф. Трепов, считавший, что транспортная сфера требует дальнейших преобразований, и 27 октября последовала отставка министра с награждением его алмазными знаками к ордену Святого Александра Невского, портретом Николая II с собственноручной подписью и оставлением членом Государственного совета с повышенным содержанием. Подводя итоги своей многолетней службы, С.В. Рухлов говорил: «Вся суть в том, что карьеры я вовсе не

¹ Васильева М. Рухлов Сергей Васильевич // Вологда в минувшем тысячелетии: человек в истории города. Вологда, 2007. С. 94–95; Коновалов Ф.Я. Рухлов Сергей Васильевич // Выдающиеся вологжане: биографические очерки. Вологда, 2005. С. 45–48; Федорченко В.И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: энциклопедия биографий: в 2 т. Красноярск; М., 2000. Т. 2. С. 344–345.

делал, а она сама как-то сделалась... У меня была привычка, какое бы дело ни подвернулось, делать его как следует, вполне добросовестно, вот и все. Меня интересовало справиться с задачей не как-нибудь, а непременно хорошо. Вот и весь секрет моей карьеры».

У современников о С.В. Рухлове сложилось мнение как о противнике промышленных монополий. Министр торговли и промышленности С.И. Тимашев считал, что С. В. Рухлов к промышленности «относился с прямой враждебностью, считая ее видных представителей людьми вредными с точки зрения общегосударственных интересов страны». Несмотря на то, что большая часть его жизни прошла за пределами Вологодской губернии, он поддерживал контакты с вологжанами и сопереживал их интересам. Памятуя о годах учебы в Санкт-Петербургском университете и не понаслышке зная о проблемах студентов, приехавших из провинции, С.В. Рухлов стал инициатором учреждения Общества вспомоществования учащимся в Санкт-Петербурге вологжанам. Общество оказывало помощь студентам в виде выдачи беспроцентных ссуд без определенного срока их погашения. В декабре 1910 г. на базе этого общества было открыто Вологодское подворье – благотворительное заведение гостиничного типа (располагалось по адресу: Митавский переулок, дом 3, квартира 22). Здесь приехавшим в Санкт-Петербург в поисках работы вологжанам предоставлялся бесплатный ночлег и содержание сроком до пяти суток. За благотворительную деятельность в пользу учащейся молодежи города и «в знак искреннейшей признательности городского общества за особенное сочувственное отношение к важнейшим нуждам города» Вологодская городская дума ходатайствовала о присвоении С.В. Рухлову звания «Почетный гражданин города Вологды», на что 19 декабря 1901 г. было дано «высочайшее соизволение». Присвоение С.В. Рухлову звания одновременно с И.Я. Дуниным-Борковским и В.Н. Зубовым позволяет предположить, что в числе «многих и существенных услуг», оказанных им Вологде, которые отмечались при его представлении к званию, подразумевалось и содействие решению вопроса о железной дороге.

С.Ю. Витте не любил С.В. Рухлова и «не желал иметь в его лице соглядатая великого князя Александра Михайловича», по словам председателя Совета министров, большого интригана. С.Ю. Витте писал, что С.В. Рухлов «как угодливый человек... был готов преклоняться перед малейшими желаниями своего великокняжеского шефа»¹. О на-

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 211.

значении С.В. Рухлова министром путей сообщения С.Ю. Витте замечал, что тот «имел в своей жизни отношение к путям сообщения вообще и железнодорожному делу в особенности, как я к медицине»¹. В то же время С.Ю. Витте признавал, что С.В. Рухлов был «умным и дельным» чиновником, а П.Л. Барк называл его «очень сведущим и энергичным человеком». В.И. Гурко смотрел на деятельность С.В. Рухлова весьма скептически. Он считал, что этот чиновник «безусловно, честный человек и добросовестный работник, но государственным деятелем он не был. Не хватало у него для этого не столько ума, сколько замаха и энергии»². Желая повысить доходность железных дорог, С.В. Рухлов попытался достичь этого, «уменьшив почти до полного прекращения пополнение подвижного состава и ухудшив состояние путей», что, по мнению В.И. Гурко, резко отрицательно сказалось во время Первой мировой войны. Разделял это мнение и С.И. Тимашев. О моральном облике С.В. Рухлова С.Ю. Витте писал, что «по политическому образу мыслей это – "чего изволите", – и считал его «малокультурным в европейском смысле»³.

Многие авторы, в том числе и С.Ю. Витте, подчеркивали ксенофобию С.В. Рухлова. В.И. Гурко писал, что во время войны Совет министров почти в полном составе поддерживал необходимость предоставления евреям права селиться вне черты оседлости. Остался при отдельном мнении только С.В. Рухлов. Как замечал В.И. Гурко, «коренной горячий русак» С.В. Рухлов заявил: «Я не вношу разногласия... но и не могу присоединиться к этому решению. Вся страна страдает, а льготы получают евреи»⁴. Примечателен и эпизод, приведенный С.Ю. Витте, когда С.В. Рухлов пытался запретить лицам нерусского происхождения участвовать в строительстве железной дороги Щепетовка–Проскуров и даже считал их участие «опасным в политическом отношении». Граф И.А. Потоцкий, инициатор строительства этой дороги, при аудиенции задал С.В. Рухлову вопрос: «Ваше высокопревосходительство, изволите ли вы знать этот край? Вы, вероятно, судите по неверным сообщениям». Что же ответил министр путей сообщения?! По свидетельству С.Ю. Витте, ответ заключался в следующем: «Нет, я сам служил в этом крае. Я служил помощником смотрителя тюрьмы в Летичеве». На это И.А. Потоцкий не без юмора позволил себе «почтительно заметить его высокопревосходительству, что он, вероятно, знаком только с клиента-

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 215.

² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 118.

³ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 210.

⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 670.

ми того заведения, в управлении которого он принимал участие, а не с жителями этого края вообще»¹.

Нелестную характеристику С.В. Рухлову дал И.И. Колышко: "Банщиком" прозвал его Витте. Рухлов, действительно, был красен, важен и по-банному расчесывал свои деревянные волосы. Рухлов был из вологодских мужичков: говорил на "о", отличался необыкновенным трудолюбием и еще большим лукавством. Начало его карьеры во мраке. Кверху толкнул его великий князь Александр Михайлович, в бытность свою главой ведомства торговли и промышленности. Вологодский мужичонка прилип к его врагам: Безобразову, Абазе, великому князю Александру Михайловичу. Когда Витте пал, Рухлов проник в Государственный Совет. И понемногу его имя стало providенциальным. Для путейского ведомства вновь настала эпоха, когда искали кулака, чтобы образумить и кое-как спасти его. Остановились на Рухлове. Но Рухлов перед Витте был пигмеем, а ведомство за 12 лет хилковского управления безмерно опустилось и развратилось... "Банщик" всей своей вологодской тяжестью нажал на ведомство. Всем усердием выскочки повернул руль. Всю свою меднолобость противопоставил здравому смыслу. Задачей Рухлова – первой и единственной – было сокращение расходов и увеличение доходов. Он буквально слизал все запасы дорог, обстриг их рассчитанное на завтрашний день хозяйство. При Рухлове почти прекратились долгосрочные заказы, а цены на рельсы, скрепления, вагоны, паровозы были сбиты до смешного. В результате – бесконечные крушения, хроническая голодовка дорог в запасах и трест всех русских заводов, противопоставивших рухловскому усердию – стачку. На железных дорогах, на заводах и в финансировавших их банках поднялась паника. Разорялись подрядчики, упекали на каторгу стрелочников. А "банщик" давил, пока не выдавил весь железнодорожный дефицит и не дал казне "прибыль". В результате этого: Коковцов поздравил коллегу, а дороги – стали... Спасла... лишь смерть "банщика")»².

Сверх этого И.И. Колышко добавлял: «Кроме сберегателя, Рухлов был еще националистом из паствы Меньшикова и Балашева. Национализм насаждал он и в ведомстве. Все инославные и инородные элементы были из него устранены. Лучшие инженеры – начальники и строители дорог, если в жилах их текла не истинно русская кровь, были беспощадно удалены. В ведомстве восцарствовал некий проходимец Лавров, взятый Рухловым из Союза русского народа для "наблюдения" над

¹ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 216.

² Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания... С. 87–88.

инженерами. Самая мрачная реакция, изуверство и тупая хозяйственность – таковы черты этого "банщика" – подыгрывавшего под господ¹.

После Февральской революции С.В. Рухлов находился под следствием, но весной 1917 г. уехал из Петрограда на Кавказские Минеральные Воды в свое имение под Пятигорском. 29 августа 1918 г. бывший министр был арестован Чрезвычайной комиссией Северного Кавказа и в конце октября вместе с другими заложниками по делу «О покушении на жизнь вождей пролетариата» зарублен шашками у подножия горы Машук в окрестностях Пятигорска. С.В. Рухлов был похоронен на месте расправы, близ Лазаревской церкви, в одной могиле с другими жертвами «красного террора»².

Министр народного просвещения П.М. фон Кауфман (с 1914 г. – Кауфман-Туркестанский) в правительстве П.А. Столыпина проводил те же меры, что и в кабинете И.Л. Горемыкина. П.М. Кауфман родился 7 мая 1857 г. в Тифлисе. По окончании в 1877 г. Александровского лицея с золотой медалью поступил на службу в канцелярию Комитета министров в Отделение по земским и городским делам. В 1879 г. П.М. Кауфман стал производителем Комиссии для изыскания средств к сокращению государственных расходов; в 1880 г. – секретарем председателя Комитета министров П.А. Валуева, затем – делопроизводителем канцелярии главного начальника Верховной распорядительной комиссии графа М.Т. Лорис-Меликова, впоследствии был переведен им в Министерство внутренних дел. В 1880–1881 гг. П.М. Кауфман состоял при сенаторе А.А. Половцеве и по его поручению провел ревизию административных и местных выборных учреждений Киевской и Черниговской губерний; собрал ценные материалы о быте и управлении края. С 1881 г. заведовал делопроизводством Земского отдела и канцелярией Особой комиссии для составления проектов местного управления, составил несколько записок по результатам ревизий. В 1883 г. по рекомендации А.А. Половцева (ставшего государственным секретарем) П.М. Кауфмана назначили делопроизводителем отделения законов Государственной канцелярии, а в 1886 г. перевели в отделение дел государственного секретаря в качестве помощника статс-секретаря Государственного совета, где он участвовал в разработке важнейших законодательных актов начала царствования императора Александра III. В 1892–1896 гг. П.М. Кауфман

¹ Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания... С. 88.

² Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений, 1802–1917 гг.: биобиблиографический справочник. 2-е изд. СПб., 2002. С. 643–645.

был управляющим делами, а в 1896–1903 гг. – товарищем главноуправляющего Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, с 1896 г. – товарищем председателя Главного попечительства детских приютов. П.М. Кауфман был автор проекта преобразования Опекунского совета и местного управления в столичных заведениях ведомства с целью установления правил материальной и уголовной ответственности почетных опекунов и управляющих отдельными заведениями. Проект был одобрен Александром III, но встретил резкий протест со стороны членов Опекунского совета и не был полностью осуществлен. Он активно участвовал в деятельности Российского общества Красного Креста¹.

В 1903 г. П.М. Кауфман был назначен присутствующим в Первом департаменте Сената, а с 1906 г. – членом Государственного совета. С 24 апреля 1906 г. по 1 января 1908 г. П.М. Кауфман был министром народного просвещения. При нем увеличился кредит на народное образование; был представлен в Государственную думу проект введения всеобщего начального образования; упростился порядок открытия народных училищ, при которых были учреждены попечительства; разрешен прием девочек в городские училища вместе с мальчиками; разрабатывались новые положения о начальных и городских училищах и женских учительских семинариях. Под руководством П.М. Кауфмана были выработаны новые правила о народных училищах для инородцев; разрешили открывать частные учебные заведения для евреев на общих основаниях, а также школы для старообрядцев и сектантов; детей старообрядцев стали принимать в учительские семинарии. Также был разработан проект Положения о высших городских училищах. Циркуляром от 15 марта 1906 г. он восстановил в средних учебных заведениях систему переводных экзаменов, что вызвало протест учащихся и резкую критику в печати. 15 марта 1906 г. были запрещены сходы и собрания учащихся средних учебных заведений. В Совет министров был внесен законопроект об улучшении пенсионного обеспечения народных учителей и создан Съезд представителей учительских институтов. За время руководства П.М. Кауфманом Министерством народного просвещения открылось 139 мужских и женских гимназий и 375 частных средних учебных заведений, 52 прогимназии были преобразованы в гимназии.

11 июня 1907 г. вступили в действие «Правила о студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных за-

¹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964. С. 413–414.

ведений», направленные на развитие студенческого самоуправления. Вместо инспекции был учрежден институт проректоров. Велась работа над новым университетским уставом, в основу которого был положен принцип самостоятельности университетов в организации научно-учебной жизни и подчинение университетов как государственных учреждений контролю Министерства по хозяйственным и административным вопросам. Разрабатывался проект учреждения Саратовского университета, были открыты: Археологический институт в Москве, Психоневрологический институт, Педагогическая академия и Курсы востоковедения в Санкт-Петербурге, Казанские и Одесские высшие женские курсы, медицинское отделение при Киевских высших женских курсах. В Государственную Думу было внесено представление об открытии в Москве Народного университета А.Л. Шанявского. В 1906 г. П.М. Кауфман выступил с предложением узаконить прием женщин в высшие учебные заведения наравне с мужчинами, однако Совет министров его не поддержал. Как можно сделать вывод из дневника И.И. Толстого, главную роль в министерстве играл не он, а товарищ министра народного просвещения И.П. Герасимов, который держал в своих руках всю политику в области образования. При отставке П.М. Кауфмана со своего поста ушел и И.П. Герасимов, и политика правительства в области просвещения резко изменилась.

После отставки с поста министра народного просвещения П.М. Кауфман работал в Государственном совете и входил в группу центра и работал в комиссиях по: народному образованию, вопросам вероисповедания, о порядке издания касающихся Великого княжества Финляндского законов и постановлений общегосударственного значения; был членом Постоянной комиссии по личному составу и внутреннему распорядку, Комиссии по военным сухопутным и морским делам и др. Он неоднократно публиковал в различных периодических изданиях работы по русской истории. С декабря 1915 г. стал главноуполномоченным Российского общества Красного Креста при Верховном главнокомандующем; пытался противостоять влиянию Г.Е. Распутина, за что в конце того же года был удален из Ставки. Неоднократно выступал с критикой придворных кругов и по этой причине в январе 1917 г. не был включен в число присутствующих членов Государственного совета. Во время Гражданской войны П.М. Кауфман работал в Российском обществе Красного Креста на юге России. В 1920 г. он эмигрировал во Францию и стал членом Главного управления данного общества. 6 марта 1926 г. умер в Париже. Похоронен на кладбище Пер-Лашез.

Сменивший в январе 1908 г. на посту министра народного просвещения П.М. фон Кауфмана А.Н. Шварц был человеком консервативным до ретроградства и весьма желчным, чему, вероятно, способствовала и его тяжелая болезнь – астма. В своих воспоминаниях лишь А.Ф. Редигер пишет, что со А.Н. Шварцем он «всегда сидел рядом во время кофепития» в Государственном совете и они «усердно беседовали на всевозможные темы»¹. Родился А.Н. Шварц 4 января 1848 г. в городе Тула. Отцом его был Н.П. Шварц, майор Корпуса инженеров путей сообщения, мать – урожденная Красовская. А.Н. Шварц был правнуком профессора Московского университета и известного деятеля масонства Иоанна-Георга (И.Г.) Шварца. Уже в раннем детстве А.Н. Шварц с особенной любовью занимался древними языками, окончательно же его научные интересы сложились во время учения в Московском университете, под влиянием лекций Ф.Е. Корша и Г.А. Иванова. Читая с 1875 г. лекции в Московском университете, А.Н. Шварц был последовательно директором 1-й и 2-й прогимназий, 5-й гимназии, Константиновского межевого института. В 1900 г. А.Н. Шварц был представителем России по учебному делу на Парижской всемирной выставке. Принимал деятельное участие в комиссиях по переустройству средней школы в министерствах М.П. Боголепова и П.С. Ванновского. В 1900 г. был назначен попечителем рижского учебного округа. В одном из частных писем так характеризовал свою деятельность в этот период: «Дел у меня здесь много. Приходится сражаться с немцами и с латышами». С 30 мая 1902 г. А.Н. Шварц стал попечителем Варшавского учебного округа, а с 6 сентября 1905 г. – попечителем Московского учебного округа. В условиях революционных событий консервативный попечитель смог продержаться на своем посту только два месяца. 16 ноября 1905 г. он стал сенатором, а с 6 декабря 1906 г. – членом Государственного совета. После окончания революционных потрясений был приглашен П.А. Столыпиным в состав правительства в качестве министра народного просвещения для того, чтобы нормализовать ситуацию в учебных заведениях. Предложение это А.Н. Шварц принял неохотно, так как считал курс П.А. Столыпина «полностью непоредленным»². Кроме того, он полагал, что развал школы еще не был достаточно ясен для общества, а так как без содействия общества провести какие бы то ни было меры

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания Военного министра... Т. 2. С. 388.

² Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о государе. М., 1994. С. 11.

было... трудно, то... время для энергичных действий в этой области еще не наступило». А.Н. Шварц реально оценивал столичную бюрократию, которая проводила «малодушную политику... направленную на сделку с кем угодно и чем угодно, не исключая собственной совести, лишь бы удержать собственное положение, власть, оклады и тому подобные блага»¹.

А.Н. Шварц выступал за деполитизацию средней и высшей школы, против создания в них молодежных организаций как революционной и либеральной, так и монархической направленности. Считал, что университетский диплом не должен давать особых прав для занятия должностей на государственной службе, так как задачей высших учебных заведений, по его мнению, должна была стать подготовка ученых, а не облегчение карьеры для выпускников. Был сторонником строгого соблюдения действовавших ограничительных законов, в том числе касавшихся возможности получения женщинами высшего образования, «процентной нормы» для лиц иудейского вероисповедования и др. В связи с этим не был популярен среди общественности, с чем соглашался и сам в частном письме: «Ужасное это министерство. И все делается для того, чтобы поскорее и решительнее меня столкнуть. Пресса, Дума, университеты – все против. Я, однако, не унываю. Будь что будет, а кое-что я все-таки проведу». Однако свою политику ему удалось проводить не более полугода, после чего П.А. Столыпин увлек его «по пути фантастических затей и будто бы радикально целебных мер». А.Н. Шварц оценивал ситуацию так: «Хватаются за многое, не оканчивают ничего»².

С.Ю. Витте винил П.А. Столыпина в отставке А.Н. Шварца³. И.И. Толстой по этому поводу совершенно справедливо замечал: «Такое попустительство (а может быть и солидарность со Шварцем) Столыпина не говорит в пользу его политической прозорливости». Вообще, И.И. Толстой весьма отрицательно относился к деятельности этого консерватора. В письме И.И. Толстого своему бывшему товарищу министра И.П. Герасимову от 22 августа 1908 г. он утверждал следующее: «Что касается деятельности Шварца, то просто обидно видеть, как он сознательно, и как мне кажется из подхалимства, разрушает все, что

¹ Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о государе... С. 5.

² Там же. С. 54; Порхова Т.М. Министр народного просвещения А.Н. Шварц: «Человек принципиальный, державший заглядывать в будущее, а не ограничиваться временными компромиссами» // Известия Московск. гос. индустриального ун-та. 2006. № 2 (3). С. 108–109.

³ Там же. С. 90–91.

было налажено за время с 1905 г. по 1908 г., независимо от того, важно или не важно затеянное его предшественниками». Далее И.И. Толстой писал: «Я сказал бы, что он просто провоцирует беспорядки и недовольствие как среди молодежи, так и педагогического персонала всех рангов». В своих воспоминаниях граф характеризовал А.Н. Шварца как личность, имеющую крайне «мало чуткости к потребностям времени», а в дневнике называет его *borniert*, то есть «ограниченным, тупым», «дураком», «меднолобым» и «вандалом»¹.

Интересно, что сам А.Н. Шварц гордился своими ультраконсервативными выходками. В данном случае показателен пример с вольнослушательницами Петербургского университета, описанный самим А.Н. Шварцем. Сам факт приема на учебу девушек на правах вольных слушательниц страшно возмутил министра. Он писал, что «профессора без всяких справок с существующими законоположениями не только допустили до слушания лекций женщин, не имевших на то никакого права ни в силу своего пола, ни на основании полученного ими образования... но даже пообещали им, допустив на правах вольнослушательниц, дать возможность закончить образование во всем согласно с правилами, установленными для настоящих студентов». Министр народного просвещения попытался через год выгнать этих девушек из университета. Безусловно, такая попытка вызвала недовольство общественности. Обращались к самой царице и в Государственную думу. Однако А.Н. Шварц с гордостью отметил: «Я был совершенно глух ко всем этим внушениям»². Министр народного просвещения был страшно возмущен тем, что П.А. Столыпин передал дело на рассмотрение Николаю II, который и решил его в пользу поступивших на учебу. А.Н. Шварц оценивал свои действия как принципиальность и гордился ею. Стремление А.Н. Шварца защитить свою самостоятельность в качестве министра привели к разногласиям с П.А. Столыпиным, и 25 сентября 1910 г. он был уволен в отставку с производством в чин действительного тайного советника и оставлением членом Государственного совета, где входил во внепартийную группу. Умер А.Н. Шварц 5 января 1915 г. в Петрограде.

Следующим министром народного просвещения был Л.А. Кассо, который родился в 1865 г. в семье богатого бессарабского помещика. Получив высшее образование за границей (в Гейдельбергском и Берлинском университетах), Л.А. Кассо с 1892 г. состоял доцентом по ка-

¹ Толстой И.И. Дневник 1906–1916 гг. С. 199, 204, 211.

² Там же. С. 22.

федре церковного права в Юрьевском университете. В 1895 г. он стал профессором Харьковского университета по кафедре гражданского права, а с 1899 г. – ординарным профессором Московского университета. В 1895–1989 гг. последовательно защитил магистерскую и докторскую диссертации на темы «Преемство наследника в обязательствах наследодателя» и «Понятие о залоге в современном праве» (обе – в Университете Св. Владимира в Киеве). Впервые П.А. Столыпин заговорил о Л.А. Кассо в конце 1907 г., когда перед премьер-министром встала проблема поиска нового министра народного просвещения взамен П.М. фон Кауфмана. В письме Николаю II от 22 декабря 1907 г. он выделял две фигуры, подходящие на этот пост: педагога и административного деятеля А.Н. Шварца и Л.А. Кассо. В письме А.Н. Шварцу от 25 декабря 1907 г. было видно, что П.А. Столыпин принял решение назначить на пост министра именно А.Н. Шварца, поскольку лучше его знал. Однако Л.А. Кассо также оставался в поле зрения П.А. Столыпина: «Все мы обязаны готовить людей и иметь помощников, способных продолжать дело. Поэтому я и позволил себе, в качестве кандидата на пост товарища министра, упомянуть профессора Кассо – я его не знаю и никогда не видел, но задавшись целью выискивать людей, я не мог не обратить внимание на все то, что слышал про настоящую культурность, образованность и благородство этого человека»¹. Кассо принял пост министра в тот период, когда преобразования уже начались. Остается открытым вопрос о причинах выбора П.А. Столыпина, поскольку он сам считал Л.А. Кассо «большим знаком вопроса». По-видимому, П.А. Столыпин колебался в отношении его назначения: «Я Кассо знаю. Он был у меня после назначения директором лицея. Я, конечно, помнил твой отзыв о нем, – писал он А.Ф. Мейендорфу, – и, при настоящих обстоятельствах, вспомнил о нем. Смущает меня очень уж нерусский его вид, воспитание и, кажется, "внутренний мир". Кроме того, близкое родство с такими великими интриганами, как Крупенский, тоже заставляет задуматься»². В 1911 г. Л.А. Кассо был назначен П.А. Столыпиным на пост министра народного просвещения. Немедленно после своего назначения Л.А. Кассо начал проводить непримиримо-консервативную политическую линию.

Между тем по университетским городам России после смерти Л.Н. Толстого прокатилась волна многочисленных несанкционирован-

¹ Письмо Шварцу А.Н. от 25.12.1907 г. // Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 186.

² Там же. С. 620.

ных траурных шествий-манифестаций. В ряде случаев имели место стычки с полицией. Сходки с произношением речей памяти Л.Н. Толстого, с участием не только студентов, но и преподавательско-профессорского состава, были перенесены в стены университетов. Правительство отвечало налетами полиции, студенты – срывом учебных занятий. Все, как всегда, вышло по доктору Н.И. Пирогову, первым сравнившим студенческие волнения с «барометром общественного настроения». В январе 1911 г. вышли циркуляры министра просвещения «О надзоре за учащимися высших учебных заведений»; «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений» и др., фактически уничтожавшие университетскую автономию: они запрещали проведение студенческих собраний и возлагали, по сути, полицейские функции на университетскую администрацию. Как писала газета «Русские ведомости» от 29 января 1911 г., в ответ на эти циркуляры 28 января 1911 г. на экстренном заседании совета Московского университета ректор А.А. Мануйлов представил совету доклад о создавшемся в университете положении и заявил, что при таких условиях он не видит возможности нести на себе обязанности ректора и подает прошение об отставке. Такие же заявления были сделаны помощником ректора М.А. Мензбиром и проректором П.А. Минаковым. Совет признал, что при создавшемся положении выборная университетская администрация не может нести возложенные на нее обязанности. 2 февраля в «Правительственном вестнике» появился указ, согласно которому А.А. Мануйлов, М.А. Мензбир и П.А. Минаков увольнялись от должности. 3 февраля 1911 г. подали прошение об отставке университетские профессора В.И. Вернадский, Н.А. Умов, В.А. Хвостов, С.А. Чаплыгин, Г.Ф. Шершеневич, Д.М. Петрушевский, А.А. Эйхенвальд, И.П. Алексинский; приват-доценты: Ф.Ф. Кокошкин, А.А. Кизеветтер, В.И. Сыромятников, П.Н. Сакулин, В.И. Полянский, Г.В. Вульф, Н.В. Давыдов, А.Э. Вормс, Н.К. Кольцов, Б.А. Кистяковский, Н.Н. Шапошников, А.А. Боровой, Г.И. Россолимо, А.В. Цингер, М.Н. Гернет, Д.Ф. Сеницын, В.М. Устинов, А.В. Кубицкий, Н.Д. Виноградов. П.И. Новгородцев и С.Н. Булгаков подали прошение на другой день. В последующие дни в отставку подали профессора К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев (после отставки ими было основано Московское физическое общество), М.М. Новиков, В.П. Сербский, П.П. Лазарев, приват-доценты Н.А. Кабанов, Л.С. Лейбензон. Всего уволено или подало в отставку около 130 преподавателей и сотрудников Московского университета, в том числе 21 профессор. Конфликт

начал разрешился только после Февральской революции 1917 г., когда уволенные профессора были восстановлены в своих должностях¹.

Расправившись с Москвой, Л.А. Кассо принялся за другие города. В своих воспоминаниях лидер кадетов П.Н. Милюков напоминал, что вслед за «небывалым в академической жизни разгромом Московского университета» подобные события произошли в Киевском политехническом институте, в Донском институте, в Томском университете: «"Неблагонадежные" были заменены "благонадежными" и уровень преподавания был сильно понижен. Ушли наиболее талантливые и знающие, в том числе все те, кто по политическим взглядам был более или менее близок к оппозиционным партиям». Л.А. Кассо увольнял отдельных неблагонадежных профессоров и преподавателей, заменяя их своими ставленниками, запрещал студенческие кружки и собрания, принимал самые крутые и беспощадные меры против оппозиционного студенчества, вплоть до поголовного увольнения всех слушательниц женского медицинского института в 1912 г. Из Санкт-Петербургского университета тогда же были принудительно уволены его ректор в 1910–1911 гг. Д.Д. Grimm (член Государственного совета по выборам от Академии наук и российских университетов), известные профессора-правоведы М.Я. Пергамент и И.А. Покровский, а видный экономист М.И. Туган-Барановский не был утвержден в звании профессора. В Психоневрологическом институте не был утвержден профессором выдающийся психиатр и невропатолог, председатель Русского общества нормальной и патологической психологии В.М. Бехтерев. (Позднее, в июне 1914 г., на заседании Совета министров Л.А. Кассо и вовсе попытался поставить вопрос о закрытии Психоневрологического института как политически неблагонадежного высшего учебного заведения.) В 1912 г. Совет Санкт-Петербургского университета возбудил в Сенате дело против действий Л.А. Кассо, и, хотя Сенат поддержал министра, это был, вероятно, первый случай в российской истории, когда подведомственное учреждение оспаривало в судебном порядке решение главы ведомства.

Не менее решительно действовал Л.А. Кассо и в области средней и нижней школы. Наиболее важными из относящихся сюда мероприятий являлись: усиление внешкольного надзора за учащимися, фактическая отмена родительских комитетов, ограничение инициативы учителей, детальная выработка школьных программ. Отдельно были введены некоторые ограничения в преподавании общественных дисциплин. К при-

¹ Вестник воспитания. 1917. № 3. С. 42, 43; Валентинов А. Последние студенты. Берлин, 1922. С. 20–21.

меру, в преподавании истории было предписано «особенно отмечать роль и значение отдельных выдающихся личностей, не уклоняясь в сторону исторических гипотез и теорий или шатких и научно не оправданных обобщений, например, в области социально-экономической». Также были изданы «Правила о внешкольном надзоре за учениками среднеучебных заведений», в которых школьникам запрещалось находиться на улице после 22 часов летом и после 20 часов зимой, требовалось ношение ими вне школы официально установленной формы одежды. По воспоминаниям П.Н. Милюкова, «с целью изолировать школу от общества» Л.А. Кассо «уничтожил так называемые "родительские комитеты", служившие такой связью. Он также не пошел навстречу требованиям Думы допустить переход из средней школы (кроме гимназии) в высшую и тем сохранил изоляцию средней школы, вопреки идее о единой линии образования, господствовавшей в педагогических кругах».

Такие приемы Л.А. Кассо не раз вызывали резкие протесты даже со стороны Думы. П.А. Столыпин публично не комментировал действия Л.А. Кассо. Их переписка также сводилась к обсуждению технических аспектов деятельности Министерства народного просвещения: преобразование системы образования в Туркестанском крае, открытие на Челябинском переселенческом пункте училища для детей за счет средств Министерства народного просвещения, восстановление слушательниц Санкт-Петербургского женского Медицинского института и т.д. Уже после гибели П.А. Столыпина Л.А. Кассо предпринял ряд мер по повышению контроля за профессорско-преподавательским составом.

Назначение Л.А. Кассо министром народного просвещения было для многих полной неожиданностью. Дело в том, что его никто не знал. Так, С.Ю. Витте свидетельствовал, что «назначение Кассо для всех было загадкой, ибо о том, кто такой Кассо, никому не было известно, ибо этот господин никогда ни в чем себя не проявил»¹. Недоумевали по поводу этого назначения И.И. Толстой² и С.И. Тимашев³. С самого начала своей деятельности Л.А. Кассо проявил себя как политик ультраконсервативного толка. Это вызвало стойкую неприязнь бывшего министра просвещения И.И. Толстого, который резко критиковал политику Л.А. Кассо⁴ и называл его «молодым, но из ранних господинчиком».

¹ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 538.

² Толстой И.И. Дневник 1906–1916 гг. С. 326–327.

³ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» Министра торговли и промышленности... С. 113.

⁴ Толстой И.И. Дневник 1906–1916 гг. С. 332.

По крайней мере, мало кто из его коллег расстроился, когда, возвратившись из германского плена, Л.А. Кассо умер от переживаний и надломленного здоровья. Пожалел его лишь один министр финансов П.Л. Барк, который охарактеризовал его следующим образом: «Хотя Л.А. Кассо принадлежал в составе Совета министров к небольшой группе крайне правого направления и большинство членов Совета не были его единомышленниками, тем не менее это был человек очень симпатичный по своим личным свойствам и качествам, воспитанный, высокообразованный, всегда корректный в обращении»¹. Эти положительные качества косвенно признавал и С.Ю. Витте, указывая в своих воспоминаниях, что «Кассо милый человек, отличный собеседник», прибавляя, впрочем, «и человек, который, будучи Министром народного просвещения, никогда ничем не будет стесняться, а уже тем паче русскими законами»². На посту министра народного просвещения Л.А. Кассо пробыл до 1914 г.

4.4. Военные, морские министры, министр иностранных дел, промышленности и торговли, государственный контролер, обер-прокуроры Святейшего Синода

В 1905–1909 гг. военным министром был А.Ф. Редигер. Он родился 31 декабря 1853 г. в семье генерал-лейтенанта Ф.Ф. Редигера, потомственного дворянина Великого княжества Финляндского немецкого происхождения (дед по линии отца был родом из города Ганау). Отец в то время состоял на должности директора новгородского графа А.А. Аракчеева Кадетского корпуса. А.Ф. Редигер учился в Финляндском кадетском, а с 1870 г. – в Пажеском корпусе. В 1872 г. из камерпажей он был произведен в прапорщики и назначен в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1876 г. А.Ф. Редигер окончил геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба с малой серебряной медалью, за успехи в учебе был произведен в поручики. В 1877–1878 гг. он участвовал в Русско-турецкой войне. В 1879 году произведен в капитаны, в 1881 г. – в подполковники. В 1882–1883 гг. А.Ф. Редигер служил товарищем военного министра Болгарии русского барона А.В. Каульбарса – в чине полковника болгарской армии и заведовал хозяйственной частью. 8 апреля 1884 г., на двенадцатом году офицерской службы, он

¹ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1965. № 167. С. 87.

² Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 539.

был произведен в полковники. 20 марта 1884 г. его назначили делопроизводителем Канцелярии Военного министерства, в которой он служил до назначения министром.

А.Ф. Редигер стал военным министром в июне 1905 г., в один из самых сложных периодов российской истории. Истинный чиновник, он всецело был поглощен только тем делом, которое ему поручено, – Военным министерством. Его не интересовали те революционные процессы, которыми была охвачена Россия. В то время, когда назначенный председателем Совета министров С.Ю. Витте и товарищ министра внутренних дел Д.Ф. Трепов метались, не зная, как обуздать эти процессы, остальные министры, «бесцветные чиновники, Коковцев, Шванебах, генерал Глазов, генерал Редигер, сидели спокойно и молчали»¹. По мнению А.И. Гучкова, «при первом соприкосновении с военными делами мы подвели итоги всему прошлому и наметили себе план, причем надо сказать, что мы с самого начала самые дружеские отношения установили с Военным министерством, во главе которого стоял Редигер – очень умный, знающий и благородный человек, и я не сказал бы – безвольный, но все-таки не отличавшийся особой энергией по устранению препятствий. Он нам раскрыл всю картину, ожидал нашей помощи в смысле кредитов»².

Когда А.Ф. Редигер вник в дела Военного министерства, он понял необходимость срочных преобразований и, прежде всего, в структуре военного ведомства. По мнению С.Ю. Витте, суть вопроса заключалась в следующем: «Великий князь Николай Николаевич выдумал разделение министерства на Военное министерство и генеральный штаб и посадил начальником генерального штаба своего человека генерала Палицына, одновременно устроив Комитет государственной обороны, который в сущности говоря делал то, что хотел великий князь Николай Николаевич. Военный министр, покойный Сахаров, оказался не вполне сговорчивым, а потому он ушел с поста Военного министра и на его место был назначен Редигер, которого великий князь считал более сговорчивым»³. Сам А.Ф. Редигер вспоминал об этом так: «По существу... каждый великий князь норовил выкроить себе автономный удел и от него не только не было возможности избавиться, но даже не было возможности добиться чего-либо ему неугодного»⁴.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин: Изд-во «Слово», 1922. С. 491.

² Гучков А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 195.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II... С. 491.

⁴ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания Военного министра... Т. 2. С. 216.

В марте 1909 г. А.Ф. Редигер был уволен в отставку в чине генерала от инфантерии, но оставлен членом Государственного совета. Однако уже «12 августа последовало упразднение Совета государственной обороны, то есть уничтожение доминирующего влияния великого князя Николая Николаевича на военные и морские дела». Подводя итоги своей работы на посту военного министра, А.Ф. Редигер писал: «В течение почти четырех лет я усиленно работал, и моя совесть была чиста в том отношении, что я сделал, что мог. Внезапное увольнение от должности вызвало во мне чувство обиды, которое держалось долго и лишь много позже сменилось благодарностью судьбе за то, что мне суждено, чтобы не нести какой-либо ответственности за политику, приведшую к войне 1914 г. и за вступление в войну с недостаточно подготовленной армией»¹.

Работа в Государственном совете А.Ф. Редигеру не нравилась. «Эти заседания были мне крайне противны: сидеть и часами слушать речи, особенно на темы, которые меня не интересуют, для меня всегда было тягостно». В этот период он большую часть времени посвятил написанию своих воспоминаний. 10 октября 1909 г. он был избран в члены Финансовой комиссии, в состав ее VI отдела, рассматривавшего военную и морскую сметы, в которой затем состоял до 1917 г. За проведение ревизии в Морском министерстве он был награжден: «На Пасху 1912 г. я получил алмазные знаки Александра Невского – награду за работу по ревизии морского ведомства»². Осенью 1917 г., за несколько дней до Октябрьской революции А.Ф. Редигер с семьей покинули Петроград. Попасть в Крым, где он хотел обосноваться, удалось не сразу. Пришлось немало поскитаться по Украине и Новороссии, прежде чем ненадолго осесть в городе Переяславле Полтавской губернии поблизости от села Черевки, имения родителей жены. А.Ф. Редигер умер 26 января 1920 г. в Севастополе.

В 1909–1915 гг. военным министром был В.А. Сухомлинов. Родился он 4 августа 1848 г. в г. Тельши Ковенской губернии. В 1861 г. он поступил в Александровский кадетский корпус в Вильно. Однако летом 1863 г. в связи с реформой военного образования и начавшимся Польским восстанием корпус был расформирован, и В.А. Сухомлинов был переведен в Санкт-Петербург в 1-ю военную гимназию, по окончании которой был зачислен юнкером во 2-е военное Константиновское училище. Спустя несколько дней он был переведен в Николаевское кавалерийское училище, после окончания которого в 1867 г. был при-

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания Военного министра... Т. 2. С. 296.

² Там же. С. 345.

нят в лейб-гвардии Уланский его величества полк, расквартированный в Варшаве. В 1871 г. после успешной сдачи экзаменов В.А. Сухомлинов был зачислен в Академию Генерального штаба. В 1874 г. он получил звание старшего адъютанта 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, а в марте 1877 г. – чин обер-офицера для особых поручений при штабе 1-го армейского корпуса.

В.А. Сухомлинов принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., первоначально занимаясь организацией гражданского управления в болгарском городе Тырново, а затем выполняя разведку турецких укреплений под Плевной. За боевые отличия он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотым оружием. По окончании Русско-турецкой войны В.А. Сухомлинов был назначен правителем дел Николаевской академии Генерального штаба, являясь ближайшим сотрудником начальника Академии генерала М.И. Драгомирова. На этой должности В.А. Сухомлинов руководил практическими занятиями по тактике и одновременно читал лекции в Николаевском кавалерийском училище и Пажеском корпусе. За время преподавания в Академии им был написан ряд учебных пособий по тактике. Ему также было поручено преподавание тактики и военной истории великим князьям Петру Николаевичу и Сергею Михайловичу.

В январе 1886 г. В.А. Сухомлинов был назначен главой офицерской кавалерийской школы и в течение почти 12 лет руководил ею. В это время им был написан ряд учебных пособий и рассказов, а также историческое исследование о Мюрате. Кроме того, в разное время начальник школы сотрудничал с журналами «Разведчик», «Военный сборник» и газетой «Русский инвалид». Часть своих трудов он публиковал под псевдонимом Остап Бондаренко. В 1899 г. В.А. Сухомлинов вступил в должность начальника штаба Киевского военного округа; через три года он стал помощником командующего, а с 1904 г. – командующим войсками Киевского военного округа. В октябре 1905 г. после произошедших в Киеве беспорядков он был назначен на пост киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. Спустя три года император Николай II назначил его начальником Генерального штаба. В этой должности В.А. Сухомлинов занимался составлением новых мобилизационных планов, а также являлся членом Совета государственной обороны.

В марте 1909 г. В.А. Сухомлинов занял пост военного министра Российской империи. Он являлся сторонником развития и использования новых видов техники; благодаря ему в русской армии были созданы автомобильные части, появился военно-воздушный флот. В полках

были образованы пулеметные команды, а в корпусах – авиаотряды. При нем были расформированы резервные и крепостные войска, за счет чего были усилены полевые войска. В 1911 г. в русской армии была создана военная контрразведка и утверждены «Положение о контрразведывательных органах» и «Инструкция начальникам контрразведывательных органов». В Совете министров у В.А. Сухомлинова сложились сложные отношения с министром финансов В.Н. Коковцовым, который стремился сократить военные расходы.

Оценка деятельности и личности военного министра В.А. Сухомлинова его коллегами во многом отрицательна как с морально-нравственной, так и с профессиональной точек зрения. Все знали о том, каким образом был достигнут развод его будущей жены со своим мужем В.Н. Бутовичем¹, о положении Екатерины Викторовны в доме В.А. Сухомлинова в качестве содержанки. Чета Редигеров из-за этого даже отказывалась принимать ее в своем доме². Сам П.А. Столыпин был «не в восторге» от назначения военным министром В.А. Сухомлинова, и не только потому, что «с его приходом углубился конфликт Военного министерства и Министерства финансов»³, но и потому, что этот человек поддерживал тенденции министерского сепаратизма.

Граф С.Ю. Витте так характеризовал В.А. Сухомлинова: «Он мне представлялся человеком способным, но поверхностным и легкомысленным; большой любитель женского пола; женат уже на третьей жене, из которых две последние были разведены, и, к его несчастью, и третья жена ныне больна едва ли не смертельной болезнью»⁴. С.Ю. Витте также замечал, что «оказалось, что он презабавный балагур» и имел «некоторые положительные достоинства, в том числе уравновешенность и спокойствие, которые он проявил, будучи генерал-губернатором в Киеве»⁵. О деловых качествах нового военного министра С.Ю. Витте был достаточно невысокого мнения. «Я не думаю, чтобы Сухомлинов был из тех, которые могли бы поставить нашу армию на высоту, подобающую значению России», – писал бывший председатель Совета министров, хотя и оговаривался, что слабо знает В.А. Сухомлинова.

¹ Кнышевский П. «Дело» генерала Сухомлинова // Новое время. 1994. № 32. С. 32–34.

² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания Военного министра... Т. 2. С. 308.

³ Королева Н.Г. Совет Министров России в 1907–1914 гг. // Исторические записки. М., 1984. Вып. 110. С. 119.

⁴ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 496.

⁵ Там же. С. 413

Отлично представлявший, кем именно является В.А. Сухомлинов, А.Ф. Редигер соглашался с оценкой С.Ю. Витте. Он признавал этого государственного деятеля «легковесным, недостаточно вдумчивым»¹. Тогда возникает вопрос: почему все-таки, будучи военным министром, А.Ф. Редигер выдвинул такого человека на должность начальника Генерального штаба, прекрасно зная, что тот может оказаться его соперником и сам занять должность министра? Ответ мы находим в самих воспоминаниях А.Ф. Редигера. Во-первых, он ценил В.А. Сухомлинова как блестящего организатора. Он писал: «Сам он [Сухомлинов] не работник, но умеет задать подчиненным работу, руководить ими, и в результате оказывалось, что работы, выполненные под его руководством, получались очень хорошие»². Во-вторых, как утверждал А.Ф. Редигер, он «перед выдвижением способных людей... никогда не останавливался», а поэтому и не боялся выдвинуть годного к делу генерала на должность начальника Генерального штаба.

Большинство министров – коллег В.А. Сухомлинова по кабинету явно его недолюбливали. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов подчеркивал, что В.А. Сухомлинов был крайне непопулярен во время Первой мировой войны, «но не за свои политические убеждения, которых у него не было, а вследствие его необычайного легкомыслия и полного отсутствия качеств, нужных Военному министру в пору опасных внешних осложнений». В.Н. Коковцов терпеть не мог В.А. Сухомлинова и даже настаивал на его отставке. Он писал: «На совести Сухомлинова лежит... его непростительно легкомысленное отношение и поразительная неразборчивость в поступках, очевидная для всякого, кроме него самого, причинившего столько вреда России и государю своими легкомысленными, беспринципными поступками».

Единственным человеком, который отзывался о В.А. Сухомлинове однозначно положительно, был товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов П.Г. Курлов. Он писал: «Несомненно, Военный министр много сделал для исправления дефектов, на которые указал опыт японской войны. Он был создателем военной авиации в России, расширил военно-автомобильное дело, создал более правильную организацию военных сообщений, поставил на должную высоту мобилизационную часть, провел в Государственной думе новый устав о воинской повинности, улучшил ремонтное кавалерии, санитар-

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания Военного министра... Т. 2. С. 231.

² Там же. С. 230.

ный и ветеринарный отделы армии, реорганизовал военное хозяйство, повысил военное образование армии путем введения кадров сверхсрочнослужащих нижних чинов и ряда целесообразных изменений в военно-учебных заведениях и, наконец, несмотря на... трудности, произвел перевооружение артиллерии». В обстановке Первой мировой войны, когда к весне 1915 г. обнаружился большой недостаток снарядов и другого военного снаряжения, В.А. Сухомлинова стали считать главным виновником плохого снабжения русской армии. В июне 1915 г. он был уволен с должности военного министра, и вскоре было начато расследование его деятельности на министерском посту. В марте 1916 г. он был уволен с военной службы, в апреле – арестован и, пока продолжалось следствие, находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. В октябре его перевели под домашний арест. В качестве соучастницы была также привлечена его жена Е.В. Бутович. Суд над В.А. Сухомлиновым продолжался в течение месяца. Ему были предъявлены обвинения в измене, в бездействии власти и во взяточничестве. Большинство из обвинений не подтвердилось, однако В.А. Сухомлинов был признан виновным в неподготовленности армии к войне и приговорен к бессрочной каторге и лишению всех прав состояния. Его жена была оправдана. Каторга вскоре была заменена на тюремное заключение, и В.А. Сухомлинов был помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. После Октябрьской революции он был переведен в тюрьму «Кресты». В мае 1918 г. в результате амнистии его освободили, после чего он выехал в Финляндию, а оттуда – в Германию. В эмиграции написал воспоминания, в которых постарался реабилитировать себя. Скончался В.А. Сухомлинов 2 февраля 1926 г. в Берлине.

Морской министр И.М. Диков считался фигурой переходного периода, родился он в 1833 г. в семье дворян Херсонской губернии, живших в Николаеве. В 1854 г. И.М. Диков поступил в Черноморскую школу флотских юнкеров. В том же году, будучи на плавательной практике на корабле «Двенадцать апостолов», И.М. Диков встретил Крымскую войну и оказался в числе защитников осажденного Севастополя, получив за личную храбрость «Знак отличия Военного ордена» (так называемый «Георгиевский крест»). В следующем году его произвели в гардемарины, а в 1856 г. дали офицерский чин мичмана. На корвете «Кречет» он участвовал в Кавказской войне 1862–1864 гг., поддерживая огнем русские войска и прибрежные редуты. Тогда же И.М. Дикова произвели в лейтенанты и наградили орденом Святого Станислава 3-й степени, медалью и крестом «За покорение Кавказа». Во время Русско-турецкой

войны 1877–1878 гг. он, возглавив отряд судов, перешел в устье Дуная, где в Сулинском гирле поставил минное заграждение, на котором вскоре подорвалась канонерская лодка «Суна». Затем И.М. Диков участвовал в бомбардировке Сулина, во время которой, находясь на шхуне «Опыт», вступил в перестрелку с броненосцем «Хавэн Рахман» и повредил его. В 1881–1885 гг. И.М. Диков возглавлял Черноморский учебный минный отряд. В конце 1886 г. его назначили исправляющим должность главного инспектора минного дела и перевели в Санкт-Петербург. В 1890 г. И.М. Дикова снова назначили на Черноморский флот – младшим флагманом практической эскадры. С 1897 по 1900 г. он служил в Санкт-Петербурге в должности председателя Морского технического комитета, а с 1901 г. он член Адмиралтейств-совета. В декабре 1905 г., ровно через 50 лет беспорочной службы, И.М. Дикова произвели в адмиралы; ему шел 68-й год. С 1906 по 1907 г. он состоял членом Государственного совета обороны. В 1907 г. адмирала И.М. Дикова (в 75 лет) назначили морским министром.

С.Ю. Витте писал, что он «человек весьма порядочный, с незапятнанной во всех отношениях репутацией, Георгиевский кавалер». Далее премьер замечал, что И.М. Диков «ни по своим способностям, ни по своим летам... не был предназначен для того, чтобы занять пост Морского министра, а потому он продержался на этом посту очень недолго». А.Ф. Редигер, соглашаясь с С.Ю. Витте по поводу личных качеств И.М. Дикова, дал ему весьма странную характеристику как профессионалу. Он написал следующее: «Генерал-адъютант Иван Михайлович Диков, моряк, участник Севастопольской обороны, был чрезвычайно хороший и почтенный старец лет семидесяти; в военных делах он ничего не понимал»¹. В начале 1909 г. И.М. Дикова наградили бриллиантовыми знаками ордена Святого Александра Невского и назначили членом Государственного совета. Умер в конце 1914 г. За заслуги перед Отечеством и как защитника Севастополя его похоронили во Владимирском соборе рядом с могилами П.С. Нахимова, В.А. Корнилова и других адмиралов, защищавших город в период Крымской войны.

И.М. Диков был заменен на посту морского министра С.А. Воеводским, который происходил из дворян Смоленской губернии. Родился в 1859 году в семье адмирала А.В. Воеводского (1813–1879). После окончания морского корпуса в 1878 г. был произведен в гардемарины. В 1878–1881 гг. С.А. Воеводский находился в кругосветном плавании

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания Военного министра... Т. 2. С. 68.

на клипере «Джигит». В 1884 г. он окончил курс Николаевской морской академии по кораблестроительному отделению, был произведен в чин лейтенанта; с 1886 г. плавал в Балтийском море и за границей. В 1899 г. был назначен командиром лодки «Храбрый», строившейся на Санкт-Петербургском адмиралтейском заводе. В первое же заграничное плавание лодка потекла. Представленное по этому поводу донесение С.А. Воеводского произвело сенсацию разоблачением недостатков отечественного судостроения, фактическим руководителем которого был адмирал В.П. Верховский. Лодка была исправлена в Тулоне. Назначенный командиром учебного судна «Верный», С.А. Воеводский плавал в 1902–1903 гг. в отряде судов морского корпуса. В 1906 г. он командовал отрядом судов морского корпуса и в августе того же года был назначен начальником Морской академии и директором Морского корпуса; на этом посту С.А. Воеводский был произведен в 1907 г. в контр-адмиралы и зачислен в свиту Николая II. В 1908 г. его назначили товарищем морского министра, а в 1909 г. – морским министром. По всеобщему убеждению С.А. Воеводский был милым человеком, но плохим министром. Будущий товарищ Морского министра М.В. Бубнов говорил о нем: «По своему характеру... он не сумел ничего сделать», а С.Ю. Витте так характеризовал морского министра: «Сам по себе он представляет скорее кавалергардского офицера, нежели моряка. Человек он почтенный, в смысле деловом и в смысле таланта ничего собой не представляющий; человек с хорошими манерами и весьма порядочный»¹. А.Ф. Редигер, познакомившейся с С.А. Воеводским лишь в Государственном совете, замечал, что «не такой человек нужен был тогда на должность морского министра: чтобы привести в порядок морское ведомство, нужна была железная воля и твердая рука». Вместе с тем бывший военный министр относился с огромной симпатией к этому своему коллеге по Государственному совету и замечал, что «будь они у Воеводского, он при своем уме и знаниях может быть и справился бы с задачей, но тогда он, вероятно, не был бы тем симпатичным человеком, которого я узнал и полюбил уже после увольнения его от должности министра с назначением его в члены Государственного Совета»². В марте 1911 г. С.А. Воеводский оставил пост министра с назначением членом Государственного совета, где вошел в группу правых. После Гражданской войны жил в эмиграции. Умер 18 августа 1937 г. в Виши, похоронен в Ницце.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 513.

² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания Военного министра... Т. 2. С. 332.

Следующим морским министром стал И.К. Григорович, родился он 26 января 1853 г. на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. Его отец служил на флоте и был генерал-майором, потомственным дворянином Полтавской губернии, а мать была урожденной баронессой фон дер Ховен-Приваловской. Впоследствии семья Григоровича переехала в Кронштадт, а потом в Ревель. В 1869 г. отец решил отдать сына в морской корпус. После успешного окончания И.К. Григорович был произведен в гардемарины, а в 1875 г. – в мичманы. В 1878 году И.К. Григорович и еще несколько русских моряков на пароходе «Цимбрия» с целью отвлечения внимания Великобритании от русско-турецкого театра военных действий отправился в Северную Америку, где вошел в состав экипажа корабля «Забияка». В период с 1883 по 1899 г. он проходил службу на кораблях различных флотов Российской империи. 15 февраля 1899 г. капитан 1-го ранга И.К. Григорович принял командование новейшего эскадренного броненосца «Цесаревич», а в 1903 г. прибыл в Порт-Артур, где и вошел в состав Тихоокеанской эскадры. Вскоре началась Русско-японская война. В апреле 1904 г. по высочайшему повелению он был назначен главным командиром порта и военным губернатором Порт-Артура с производством в контр-адмиралы. Во многом благодаря И.К. Григоровичу русская эскадра, базируясь в осажденном городе почти до последних дней, сохраняла способность сражаться на море и содействовать армии. Но судьба Порт-Артура решалась не в море, а на суше. По возвращении в Россию адмирал И.К. Григорович был прикомандирован к адмиралтейству. Летом 1905 г. его назначили начальником штаба главного командира Черноморского флота. Черода восстаний на кораблях и в береговых частях Черноморского флота вынудила правительство произвести полные кадровые перестановки. И.К. Григорович был назначен в Либаву командиром порта имени Александра III. Непокойно было и там. В октябре 1908 г. адмирал получил новый перевод по службе в Кронштадт. 9 февраля 1909 г. командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта И.К. Григоровича назначили заместителем морского министра¹.

После Русско-японской войны главными силами военных флотов стали дредноуты. Броненосцы, потерянные Россией в Порт-Артуре и Цусиме, утратили значение. Страна получила уникальный шанс включиться в новый тур гонки морских вооружений почти на тех же условиях, что и ее соперники. Но время шло, а дело стояло на месте. Препятствием на пути строительства флота стала Государственная Дума. Депутаты не ве-

¹ Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: энциклопедия биографий: в 2 т. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 1. С. 347–349.

рили первым лицам адмиралтейства. Они считали, что флот обойдется дешевыми миноносцами и подводными лодками, а деньги нужны для усиления армии. А о строительстве новых морских заводов они вообще не хотели слышать. Адмирал И.К. Григорович с грустью писал: «1909 г. прошел бесцельно. Из-за отсутствия доверия морскому ведомству со стороны законодательных учреждений никакой деятельности проявить было нельзя». В Думе на морских руководителей напал А.И. Гучков, а также другие депутаты. Все сводилось к тому, что пока адмиралтейство не покончит со старым порядком, не реорганизует ведомство, пока не откроет все свои дефекты, ассигнования выдаваться не будут. Такое же отношение к морскому ведомству было и у членов Совета министров. Для постройки линкоров правительство просило у Думы 30 млн руб. ежегодно. Премьер-министр П.А. Столыпин, убеждая законодателей, говорил, что это послужит мировым интересам России. Ему вторил министр иностранных дел А.П. Извольский, говоря, что в то время без флота нельзя даже быть равноправным государством, а у России такие задачи, осуществление которых невозможно без морской силы. Средства на закладку первых четырех линкоров П.А. Столыпин нашел, употребив права, данные ему «Положением о порядке верховного управления страной».

Закончился 1909 г. и начался следующий с грозными нападками на адмиралтейство в периодической печати. Предполагавшееся усиление турецкого флота не могло не беспокоить законодательное учреждение, а вместе с тем по морскому ведомству ассигнований не давали. Смета на 1911 г. проходила трудно, с нападками, которые скорее относились к самому министру, чем к ведомству. Морской министр уже стал меньше появляться в думских комиссиях, отправляя на «растерзание» И.К. Григоровича. 18 марта 1911 г. адмирал И.К. Григорович получил пакет с письмом Николая II предлагавшим прибыть в Царское Село. В полдень следующего дня И.К. Григорович вышел из кабинета царя морским министром. Возглавив адмиралтейство, он сделал сильный ход, представив Николаю II проект закона об императорском русском флоте. Первым шагом должна была стать многолетняя судостроительная программа. Предполагалось ввести в боевой состав 189 кораблей, построить новые базы, и особенно важно – возродить флот на Тихом океане. Русский адмирал рассчитывал, что миноносцы и подводные лодки будут готовы к началу 1914 г., а броненосцы к 1915 г. Он понимал, что период времени с 1914 по 1915 г. будет критическим для России в случае войны с Турцией, если она получит заказанные в Англии два dreadnoughta, но морской министр принял «меры» и соглашения с некото-

рыми лицами, строящими турецкие корабли, – насколько возможно поддержать эту постройку. Казенные заводы России с заказами не справлялись. Корабли строились 5–7 лет, а надо было их вводить в строй за три года. А.К. Григорович перевел казенное кораблестроение на коммерческое начало. Привлек частный капитал. Дело пошло, но утвердить закон о флоте не удавалось никак. Против выступали все те же лица во главе с А.И. Гучковым. За ним стояли интересы поставщиков армий. В пользу закона о флоте сама того не желая выступила Турция. Началась очередная балканская война. Турция закрыла черноморские проливы. Убытки промышленников и землевладельцев превысили стоимость крупной судостроительной программы. В обеих столицах бушевали страсти. Газеты требовали объявить туркам войну. Заседание в Думе началось в закрытом от публики зале. А.И. Гучков отвратительно и гадко выступал против ассигнований. Он лгал и пугал расходами, которые никто не просит, и требовал денег только на армию. В зале было сильное возбуждение. Но законопроект был принят при неистовых аплодисментах в первом часу ночи. После чего адмирал А.К. Григорович сказал «Слава Богу, теперь я спокоен – флот будет»¹.

Об И.К. Григоровиче его сослуживцы по Совету министров отзывались положительно. С.Ю. Витте писал о нем, правда, основываясь на слухах, что «Григорович толковый, знающий, впрочем, достаточно переговорить несколько слов с Воеводским и с Григоровичем, чтобы видеть разницу между тем и другим: второй – человек серьезный, а первого серьезным человеком считать трудно». А.Ф. Редигер знал нового Морского министра во время их совместной работы по осмотру судостроительных заводов. Бывший военный министр считал, что И.К. Григорович человек «самоуверенный, способный зазнаться, но интересный собеседник». Вместе с тем А.Ф. Редигер отмечал, что «его репутация во флоте и обществе была неважная», однако фактов, порочащих морского министра, он просто не знал. А.Ф. Редигер также дал И.К. Григоровичу деловую характеристику: «Он оставался министром почти шесть лет до революции 1917 г.; судостроение при нем шло успешно; о том, как велось при нем хозяйство Морского министерства, я судить не берусь, но личный состав флота при нем, очевидно, остался столь же недисциплинированным, озлобленным и готовым к бунту, как и раньше»².

¹ Русин А.И. Памяти адмирала И.К. Григоровича // Морской журнал. 1930. № 3. С. 1–6.

² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания Военного министра... Т. 2. С. 332.

Достаточно нелюбимую картину морального облика И.К. Григоровича дал товарищ морского министра М.В. Бубнов: «Сам Григорович, человек очень не глупый, был однако эгоист и карьерист до мозга и костей, сильно лебезивший и пресмыкавшийся перед чинами и лицами высочайшего двора». М.В. Бубнов обвинял своего шефа в двуличии. По его словам, И.К. Григорович, «состоя в должности товарища министра... возмущался отношением к нему министра, который почти не допускал его с докладами к государю, хотя по закону по хозяйственным вопросам товарищ морского министра должен был делать личные доклады императору в присутствии морского министра. Когда же Григорович сам сделался министром, то он на первом же докладе попросил отмену этого закона, поставив товарища министра лишь исполнителем приказов министра. Чем дольше он оставался в должности и по мере того, как он приобретал фавор при дворе, он делался все больше и больше падишахом в министерстве».

К началу Первой мировой войны страна не успела построить новый флот, но у России уже были моряки, способные воевать и на старых кораблях. Немецкому флоту путь к русской столице закрыли мины, береговая артиллерия и пушки устаревших броненосцев. В годы Первой мировой войны флот продолжал расти. В строй вступили семь dreadnoughtов. Атака Петрограда с моря стала невозможной. Русский флот завоевал господство на Черном море. Эскадренный миноносец типа «Новик», лучший в своем классе, вступил в бой с двумя германскими эсминцами и вышел из него победителем. Подводная лодка «Краб» стала первым в мире подводным заградителем. Ее действия сказали новое слово в тактике подводного флота. Несмотря на войну, к 1930 г. строительство океанского флота предполагалось завершить полностью. Однако заводы остановились в феврале 1917 г. А.И. Гучков не простил И.К. Григоровичу своего поражения. В марте 1917 г. он стал военным и морским министром. Против И.К. Григоровича началось судебное следствие. Оно завершилось ничем, бывший министр был чист. Через его руки прошли миллионы, но ни одного казенного рубля к ним «не прилипло». Большевики к адмиралу И.К. Григоровичу претензий тоже не имели. В 1919 г. его приняли на службу в Морскую историческую комиссию и дали паек. В голодном и холодном Петрограде это было равносильно спасению. С конца 1923 г. он начал оформлять документы на выезд за границу для лечения. 14 апреля 1924 г. в Петроградском губотделе НКВД РСФСР ему было отказано в выезде за границу. Однако позднее И.К. Григоровичу все же удалось добиться разрешения на выезд, и осенью 1924 г. он уе-

хал во Францию, где и остался. Жил он в небольшом курортном городке Ментона на юге Франции, снимая комнату в пансионе. Зарабатывал на жизнь, продавая свои картины. О родине он помнил всегда и доживал свой век с советским паспортом. Скончался 3 марта 1930 г. в возрасте 77 лет. Похоронен на русском кладбище в Ментоне.

Министром иностранных дел в 1906–1910 гг. (практически весь срок премьерства П.А. Столыпина) был А.П. Извольский. Он был выходцем из старинного дворянского рода и родился 6 марта 1856 г. в фамильном имении во Владимирской губернии, в семье провинциального чиновника, будущего губернатора. А.П. Извольский получил образование в привилегированном Императорском Александровском лицее. В 1875 г., блестяще окончив лицей – с первой золотой медалью и занесением фамилии на почетную мраморную доску, – он поступил на государственную службу в Министерство иностранных дел. Большую роль в его карьере сыграли связи его жены – графини М.К. Толь. Дипломатическая карьера А.П. Извольского протекала неровно, хотя вначале довольно успешно: он служил в Канцелярии МИДа, затем на Балканах под началом посла в Турции князя А.Б. Лобанова-Ростовского, которого считал своим учителем. После Турции молодой А.П. Извольский набирался опыта, служа в Болгарии, Румынии и США. Сравнительно самостоятельное положение он приобрел не ранее 1894 г., когда был назначен министром-резидентом в Ватикане. Затем А.П. Извольский был произведен в действительные статские советники, что отвечало общепринятым представлениям об успешной, но не блестящей карьере. Прослужив три года в Риме, он был переведен на Балканы – посланником в Сербию, а еще через три года – при баварском королевском дворе в Германии. Оказывать сколько-нибудь заметное влияние на российскую внешнюю политику он стал позднее, заняв пост посланника в Токио (1899–1902). Назначение в ноябре 1899 г. посланником в Японию не только поставило его в эпицентр внешней политики России, переместившейся во второй половине 90-х гг. XIX в. на Дальний Восток, но и ввело в область интересов мировой политики в этом регионе, где шла борьба великих держав за сферы влияния и раздел Китая. Пребывание А.П. Извольского в Японии совпало с заключением англо-японского союза против России и быстрым нарастанием угрозы дальневосточной войны. Выступал за уступки со стороны России в отношении Японии по вопросу Маньчжурии¹.

¹ Гусева А.Ю. А.П. Извольский (Министр иностранных дел России 1906–1910 гг.) [Электронный ресурс] // Дипломатический вестник. 2001. № 10. Режим доступа: http://www.ln.mid.ru/dip_vest.nsf.

В ноябре 1902 г. А.П. Извольский был направлен послом в Данию. Этот пост стал для него трамплином: именно оттуда он, как и некоторые из его предшественников, поднялся на самую вершину. Несмотря на «провинциальное» значение Дании в европейской политике, этот пост рассматривался как весьма желанный вследствие тесных родственных связей датской королевской семьи с Романовыми (вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать Николая II, была датской принцессой). Русские посланники как бы оказывались в кругу царской семьи и имели шанс завоевать доверие вдовствующей императрицы и царя, для чего требовались таланты не столько дипломата, сколько царедворца. Обязанный назначением в Копенгаген придворным связям своей жены, А.П. Извольский этот шанс не упустил. Деятельность его на посту посланника в Дании не была связана со сколько-нибудь значительными событиями международной жизни или дипломатическими акциями, за исключением его инициативы в установлении благоприятного для России статуса датских проливов Зунда и Бельта, оставшейся нереализованной, и обеспечения прохода через них эскадры адмирала З.П. Рождественского во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. В воспоминаниях он весьма подробно описывал два эпизода своей службы в Копенгагене – беседы с английским королем и германским кайзером, которые позволили ему из первых уст получить представление о политических намерениях руководства обеих стран и основных тенденциях развития европейской политики.

В марте 1906 г. Николай II предоставил своему посланнику в Дании трехнедельный отпуск для поездки по европейским странам с целью ознакомления и согласования основных контуров будущего внешнеполитического курса с тремя наиболее авторитетными послами России – во Франции, Англии и Италии. В своих воспоминаниях А.П. Извольский утверждает, что с ними было достигнуто «полное единомыслие» во взглядах в отношении политической линии, которая привела в дальнейшем к Тройственному соглашению России, Англии и Франции. В апреле 1906 г. 50-летний А.П. Извольский был назначен министром иностранных дел. Он выступал убежденным сторонником европейской ориентации России. По его мнению, ее дальневосточная политика «лет на 50 опережала время». Поэтому в первую очередь он наметил ликвидировать «наследие графа Ламздорфа в Азии» и вернуть Россию «лицом к Европе», где, как он считал, были сосредоточены ее основные интересы и назревали серьезные международные конфликты. В соответствии с основными задачами система А.П. Извольского

предусматривала поддержку и укрепление франко-русского союза как основы политики петербургского кабинета; постепенную ликвидацию напряженности в Азии путем урегулирования отношений с Японией и Англией и восстановления близких связей с Китаем; восстановление и поддержание возможно лучших отношений с Германией, не следуя по пути соглашения в Бьерке, но и не жертвуя этими отношениями ради сближения с Англией; продолжение и развитие согласия с Австро-Венгрией на Балканах с использованием для активизации македонских реформ западных держав¹.

Главным постулатом этой программы было безусловное признание необходимости обеспечить стране длительную мирную передышку, продолжительность которой П.А. Столыпин определял в 20–25 лет, а А.П. Извольский – всего в 10 лет. Практическая реализация этой задачи представлялась А.П. Извольскому в виде политики неприсоединения к двум противостоящим в Европе блокам государств и стабилизации отношений с ними путем заключения соглашений по спорным вопросам, а также разрешения противоречий с Японией на Дальнем Востоке и продолжения линии на совместные согласованные действия с Австро-Венгрией на Балканах. Краеугольным камнем внешнеполитической системы России и основой европейского равновесия оставался союз с Францией, который предполагалось укреплять на основах равноправного партнерства. В формировавшейся политике «равноудаленности» России от Берлина и Лондона А.П. Извольский видел возможность с помощью активной дипломатии, опираясь на поддержку тех и других, быстрее восстановить внешнюю безопасность и великодержавные позиции империи и, по возможности, перейти к решению стоявших на очереди внешнеполитических задач.

Мнения коллег о министре иностранных дел А.П. Извольском являются достаточно противоречивыми. О себе он говорил: «Я пользовался при дворе в Царском Селе репутацией "либерала"»². Видимо, эта репутация и создала столь неоднозначное отношение к его персоне. Объективный и всегда честный в своих оценках А.Ф. Редигер в письме О.И. Холщевниковой давал высокую оценку А.П. Извольскому как специалисту. Он писал: «От 9-ти до 12-ти часов был у Извольского на консультации, он очень умный и деятельный человек, ясно понимающий дело,

¹ Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 350; Гальперин А. Англо-японский союз. 1902–1921 гг. М., 1947. С. 258; Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910 гг. М., 1961. С. 75.

² Извольский А.П. Воспоминания... С. 14.

и с ним приятно вести таковое». Признавал высокую квалификацию А.П. Извольского как специалиста и граф С.Ю. Витте¹. Другие же министры и их товарищи указывали на излишнюю любовь А.П. Извольского ко всему западному. Некоторые из них относились к этому снисходительно, других это раздражало. Когда отношения с Думой стали невыносимыми для Совета министров и министр юстиции И.Г. Щегловитов указал на желательность ее роспуска, то бывший до этого противником закрытия законодательной палаты министр иностранных дел вдруг изменил свою позицию. Причину такого поворота не без юмора описывает В.Н. Коковцов: «Извольский без всякого вызова с чьей-либо стороны сказал, что и он начинает понимать всю необходимость роспуска и полагает даже, что невыгодные от того последствия значительно преувеличиваются вообще, так как он только что получил сообщение от нашего посланника в Португалии, который подробно доносит ему о только что состоявшемся роспуске кортесов², который произошел без всяких осложнений и не вызвал никакого брожения в стране». По воспоминаниям В.Н. Коковцова, «Шванебах подхватил это заявление и, делая серьезный вид, сказал: "Мы должны быть очень благодарны Александру Петровичу за то, что он облегчает нашу трудную задачу... и мы можем более смело и спокойно принять наше решение, так как пример португальских кортесов может для нас служить большим успокоением". Далее В.Н. Коковцов заметил: «Не знаю, понял ли Извольский всю иронию этих слов, но мы не раз, говоря между собой об этом вопросе, всегда ссылались в шутку на португальский пример». Не отставал от В.Н. Коковцова в своем ироническом, а может быть, и несколько злобноватом описании министра иностранных дел и В.И. Гурко. Он отмечал, что А.П. Извольский всегда опаздывал на заседания Совета министров, «так как беспрестанно обедал в том или ином иностранном посольстве, откуда появлялся во фраке *une fleur à la boutonnière* (с цветком в петлице). Неизвестно почему он, кроме того, предпочитал сидеть верхом на стуле лицом к его спинке... с лицом, похожим на мопса, и с неизменным моноклем в глазу, он выдавал себя за знатока парламентарных нравов и обычаев и стремился играть роль эксперта. Влиянием он, однако, не пользовался». Но особенно уничтожающую характеристику дал А.П. Извольскому товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский: «А.П. Извольский корчил из себя просвещенного европейца, глубоко усвоившего западную культуру, и стремился быть посредником между Столыпиным и кадета-

¹ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 523–524.

² Кортесы – парламент Португалии.

ми. В действительности это был трафаретный дипломат, человек легкий и неумный»¹.

А.П. Извольский, всегда поддерживавший П.А. Столыпина в его либеральных начинаниях и даже участвовавший в переговорах с умеренными общественными элементами, начал постепенно, по мере правления политики столыпинского кабинета, расходиться с ним во взглядах. Сам А.П. Извольский писал об этом так: «Причины нашего расхождения носили исключительно политический характер и отнюдь не уменьшили чувство величайшего преклонения перед ним и моего личного дружеского расположения, которое я продолжал питать к нему до самой его смерти». Однако дипломатические неудачи России во время управления А.П. Извольским Министерством иностранных дел и переживания его по этому поводу заставили этого дипломата просить отставки со своего поста.

Здесь, видимо, сказалась глубокая психологическая вовлеченность министра иностранных дел в свою работу. Он отождествлял себя со своей деятельностью. Это подтверждает и оценка личности А.П. Извольского его коллегой и преемником на посту министра иностранных дел С.Д. Сазоновым. Последний отмечал, что «этот талантливый и в сущности добрый, несмотря на наружное бессердечие, человек имел слабость, которая чрезвычайно усложняла и портила жизнь как ему самому, так и всем его окружающим. Она состояла в том, что он усматривал во всем, что происходило в области как политической, так и частных отношений, и что могло касаться его хотя бы самым отдаленным образом, признаки личной к себе несправедливости и злого умысла». Отсюда и проистекали отмечаемые этим автором нервность и мнительное самолюбие². Именно поэтому А.П. Извольский воспринял вынужденные уступки Австро-Венгрии как собственный провал. С.Д. Сазонов вспоминал: «Замечая в личных отношениях своих светских знакомых охлаждение к себе и читая ежедневно ожесточенные нападки на свою политику в печати, Александр Петрович страдал невыразимо». По мнению С.Д. Сазонова, это и было причиной того, что «его охватило одно желание, одна мечта — уехать из Петрограда и переменить неблагоприятный министерский пост на менее тягостный и ответственный: главы одного из наших посольств». 14 сентября 1910 г. А.П. Извольский был отправлен в отставку и назначен послом в Париже.

¹ Крыжановский В.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего Государственного секретаря Российской империи. Берлин, 1928. С. 91.

² Сазонов С.Д. Воспоминания... С. 9–10.

На посту посла в Париже А.П. Извольский способствовал более осторожной позиции союзницы в период агадирского кризиса 1911 г. В беседе с председателем Совета министров Ж. Кайо он подчеркнул оборонительный характер русско-французской военной конвенции 1892 г. и не преминул напомнить о поведении самой Франции в сходных обстоятельствах боснийского кризиса. За дипломатическую поддержку, оказанную Россией, он сумел выторговать у союзницы обещание содействия русской политике в Турции и Китае. В напряженной обстановке 1912–1914 гг., когда царская дипломатия встала на путь укрепления тройственной Антанты, А.П. Извольский сыграл активную роль в развитии русско-французского союза и установлении отношений согласия с Англией. В годы Первой мировой войны посол в Париже принимал участие в переговорах держав Антанты о координации их военных усилий и согласовании целей борьбы. Правда, секретные договоры о предполагаемом переделе мира заключались главным образом в Лондоне и Петрограде. Но к подготовке и оформлению одного из них – соглашения России и Франции начала 1917 г. о взаимной свободе определения европейских границ – А.П. Извольский имел самое прямое отношение. После Февральской революции 1917 г. он выразил готовность сотрудничать с Временным правительством, однако, когда в мае 1917 г. состав его изменился, А.П. Извольский должен был выйти в отставку, предпочтя остаться во Франции. К социалистической революции в России А.П. Извольский отнесся враждебно. Он пережил ее всего на два года. Умер 16 августа 1919 г. в Париже.

Министром промышленности и торговли в правительстве П.А. Столыпина был С.И. Тимашев. Принадлежал он к старинному дворянскому роду (из потомственных дворян Астраханской губернии). Родился в 1858 г. В 1878 г. окончил Александровский лицей, после чего поступил на службу в Государственную канцелярию. В 1879 г. С.И. Тимашев отправился изучать экономические и финансовые науки в Берлинском, Венском и Гейдельбергском университетах. В 1884 г. познакомился с министром финансов Н.Х. Бунге, который пригласил его на службу в Министерство финансов, где в августе того же года он занял должность чиновника особых поручений и курировал вопросы внешней торговли и таможенного тарифа. В 1893 г. новый виток карьеры – Государственный банк, в котором С.И. Тимашев последовательно занимал должности помощника управляющего и управляющего. За успешное руководство банком в годы Русско-японской войны он был награжден орденом Святого Владимира II степени.

В 1909 г. С.И. Тимашев возглавил созданное в 1905 г. Министерство торговли и промышленности. По свидетельству самого С.И. Тимашева: «Оно было для меня совершенно неожиданным: я не только его не искал, но сделал все от меня зависящее, чтобы это назначение не состоялось, к чему имел немало веских причин. Положение управляющего Государственным банком меня вполне удовлетворяло. Банковский аппарат был хорошо налажен и функционировал прекрасно, так что руководство им не представляло особенных трудностей. Персонал служащих был мне близко знаком, со старшими сотрудниками установились самые тесные отношения, особенно окрепшие в условиях "боевой" работы за 1905–1906 гг. Министр финансов Коковцов, относясь ко мне с полным доверием, предоставил банку достаточную самостоятельность и независимость, так что я не испытывал тяжести подчинения начальству и в этом отношении от повышения ничего не выигрывал. Равным образом я не приобретал никаких выгод и в материальных условиях службы. С другой стороны, я, несомненно, много терял, прежде всего душевное спокойствие, так как сразу втягивался в политическую борьбу, которой я был чужд и по характеру мало к ней приспособлен. Кроме того, я получал в управление ведомство, хотя и близко мне известное по прежней службе, но совершенно неорганизованное, наскоро скроенное из частей разных учреждений и не успевшее сплотиться при постоянной смене министров (я был бы пятым на пространстве 4 лет). Но мои усилия избавиться от угрожавшего назначения при настойчивости П.А. Столыпина были тщетны. С Петром Аркадьевичем до того я виделся всего три раза, из них два – на официальной почве. Однажды он пригласил меня для объяснений по одному банковскому кредиту, принимая участие в судьбе неисправного должника, получившего из банка крупную ссуду. Несмотря на заступничество Столыпина, предоставить этому должнику какие-либо облегчения не оказалось возможным. Затем в другой раз я был вызван в заседание Совета министров, где слушалось нашумевшее в свое время дело о выданных еще при Витте огромных ссудах торговому дому Л. Полякова в Москве»¹.

С.И. Тимашева министр финансов во втором правительстве И.Л. Горемыкина П.Л. Барк, хорошо знавший С.И. Тимашева и считавший его своим другом, ценил как личность и как специалиста своего дела. Он лишь отмечал излишнюю нервность этого государственного деятеля, которая, впрочем, не мешала ему «трудиться с огромной энер-

¹ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» Министра торговли и промышленности... С. 101–102.

гией». Бывший министр просвещения И.И. Толстой характеризовал его так: «Тимашев лицеист по воспитанию, типичный бюрократ и пользуется покровительством Коковцова (тоже лицеиста)». Безусловно, по данному отзыву трудно судить как о профессиональных, так и о личных качествах этого чиновника. По крайней мере, если В.Н. Коковцов и покровительствовал С.И. Тимашеву, то последний явно интриговал против председателя Совета министров. П.Л. Барк приводил сведения о том, что именно С.И. Тимашев предлагал П.А. Столыпину кандидатуру П.Л. Барка на пост министра финансов вместо В.Н. Коковцова, когда П.А. Столыпин стал им недоволен. В частности, П.Л. Барк писал следующее: «Председатель Совета Министров П.А. Столыпин задался целью готовить кандидата для замены Министра финансов Коковцова... он (Тимашев) неоднократно обменивался со Столыпиным мнениями о различных кандидатах, причем оба пришли к убеждению, что наиболее подходящим лицом получения портфеля Министра финансов могу быть я»¹. Скорее всего, эти сведения недалеки от истины, так как сам С.И. Тимашев замечал, что «постоянное стремление Коковцова урезать кредиты озабочивало и раздражало Петра Аркадьевича. Он прислушивался к сетованиям других министров на невозможность развивать деятельность при систематических возражениях финансового ведомства, и чувствовалось, что замена Коковцова другим, менее упорным министром соответствовала бы его видам»². Об охлаждении отношений В.Н. Коковцова с П.А. Столыпиным (вследствие ли этих интриг, или по иным причинам) в конце премьерства последнего свидетельствует и П.Г. Курлов, который упоминал о насмешливых словах В.Н. Коковцова по поводу аграрной реформы П.А. Столыпина.

6 декабря 1911 г. С.И. Тимашев был назначен членом Государственного совета, где он примыкал к группе центра, затем к внепартийному объединению. В феврале 1915 г. С.И. Тимашев ушел в отставку с министерского поста, оставаясь членом Государственного совета. В августе 1915 г. его избрали членом Особого совещания по обороне; с 26 августа 1915 г. он председательствовал в созданной Особым совещанием Подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам. С падением монархии политическая карьера С.И. Тимашева закончилась. Последние годы жизни он провел за написанием мемуаров, недолгое время работал в Наркомате финансов. Умер в 1920 г.

¹ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1965. № 157. С. 59.

² Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» Министра торговли и промышленности... С. 109.

Государственным контролером в правительстве П.А. Столыпина был П.А. Харитонов. Родился он в 1852 г. в дворянской семье. В 1873 г. окончил Императорское училище правоведения в Петербурге по 1-му разряду. В этом же году его определили на службу в Департамент Министерства юстиции в чине титулярного советника. Он последовательно служил в трех отделениях: гражданском, законодательном и распорядительном. В 1883 г. П.А. Харитонов был назначен исполняющим должность юрисконсульта при Министерстве юстиции. С 1886 г. работал старшим чиновником Кодификационного отдела, а с 1893 г. – помощником статс-секретаря Государственного совета. 14 февраля 1904 г. стал товарищем Государственного секретаря. 1 января 1906 г. он получил звание сенатора. 23 апреля 1906 г. был назначен членом Государственного совета с оставлением в звании сенатора. С 12 сентября 1907 г. по 25 января 1916 г. П.А. Харитонов был государственным контролером. В Совете министров отношение к нему было двойственным. Так, крайне высокого мнения о нем придерживался С.И. Тимашев. Он писал: «П.А. Харитонов был человеком необыкновенно тонкого ума; его называли в шутку мудрецом. В наиболее деликатных, иногда щекотливых вопросах обращались к испытанной мудрости Петра Алексеевича, который обыкновенно находил выход из самых затруднительных положений»¹. Столь же высокую оценку давал государственному контролеру и товарищ морского министра М.В. Бубнов, считая, что «из всех, проследовавших перед моими глазами членов Совета министров, самым умным, со светлым и либеральным умом был П.А. Харитонов». Мало того, М.В. Бубнов называл П.А. Харитонova «государственным, большого ума человеком» и указывал на его ответственное отношение к своему служебному долгу.

Иного мнения о П.А. Харитонове были В.И. Гурко и С.Ю. Вите. В.И. Гурко считал его «не менее честолюбивым, чем Философов, но пробивавшим себе дорогу упорным трудом», указывал, что он в порученных ему делах «проявлял незаурядную работоспособность». Вместе с тем он обвинял П.А. Харитонova в том, что «он решительно стоял на точке зрения начальства, не стесняясь резко ее изменять при сменявшихся настроениях верхов либо переменившихся обстоятельствах»². В.И. Гурко считал, что сначала П.А. Харитонов придерживался весьма консервативных взглядов, а потом резко изменил свои воззрения и «пре-

¹ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» Министра торговли и промышленности... С. 111.

² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 116.

вратился в решительного сторонника парламентарного строя». Товарищ министра внутренних дел замечал: «Насколько такой крутой оборот Харитонов был искренен, я решить, разумеется, не могу, но смелости произведенного volte-face¹ отрицать нельзя». Здесь, видимо, сказалось общее свойство всех чиновников беспрекословно подчиняться своему начальству, разделять его точку зрения.

О деятельности П.А. Харитонов в качестве государственного контролера В.И. Гурко отзывался явно критически: «Состоя... Государственным контролером, он не выказал необходимого мужества для обнаружения тех крупных злоупотреблений, которые неизбежно по временам обнаруживались по некоторым ведомствам. При нем, как и при его предшественниках, контроль работал очень тщательно, но следствием его работы были только начеты за неправильно израсходованные рубли и копейки, а растроченные миллионы по-прежнему как-то ускользали из поля зрения. В крайнем случае, о них говорилось лишь в не подлежащих опубликованию, совершенно секретных ежегодных всеподданнейших отчетах Государственного контролера». С.Ю. Витте называл П.А. Харитонов «человеком умным, отличным чиновником, благодушным, культурным». Вместе с тем граф указывает на то, что этот государственный контролер не был принципиальным человеком и был «продуктом воспитания петербургских канцелярий вообще и государственной канцелярии в частности. Этот продукт выражался в преклонении формуле "чего изволите"»². Умер П.А. Харитонов в 1916 г. в Петрограде.

Обер-прокурором Святейшего Синода в 1906–1909 гг. был П.П. Извольский, брат министра иностранных дел А.П. Извольского. Биография у него была достаточно пестрая – служил в Министерствах иностранных и внутренних дел, был членом училищного совета, возглавлял одно из отделений Российского общества Красного Креста. В 1893 г. его даже командировали в Палестину и Сирию для осмотра школ Палестинского общества. Руководил Киевским, Рижским и Санкт-Петербургским учебными округами. В ноябре 1905 г. – июле 1906 г. П.П. Извольский был товарищем министра народного просвещения. Назначен был на эту должность по инициативе министра графа И.И. Толстого как «очень умный и опытный... из всех попечителей наиболее популярный благодаря своей тактичности и культурным формам обращения с людьми», а также «свой человек в высшем обществе... известный государю». Заведовал делами вузов и научных учреждений, а также Департамента общих дел.

¹ Volte-face – поворот, быстрое изменение мнения на противоположное.

² Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 460.

Среди своих коллег слыл человеком достаточно прогрессивных убеждений. А.Н. Шварц даже называл его «простачком, несомненно, кадетского оттенка»¹. Пришел П.П. Извольский на эту должность, по всеобщему мнению, благодаря своему брату Александру Петровичу, тогда министру иностранных дел, который вспоминал, что его брат Петр «пользовался репутацией умеренного либерала и симпатизировал октябристам». Министр иностранных дел также указывал, что П.А. Столыпин рассматривал назначение П.П. Извольского как временное, «так как... все же не терял надежды образовать коалиционный кабинет и намеревался снова попытаться сделать это после открытия II Думы». И.И. Толстой имел весьма высокое мнение о своем бывшем товарище, что подтверждают их личная переписка и воспоминания графа. Поздравляя П.П. Извольского с вступлением в должность обер-прокурора Святейшего Синода, И.И. Толстой писал: «Узнав из газет о вашем назначении, не могу удержаться, чтобы не приветствовать вас из дебрей финского скита². Поздравляю не столько вас... а министерство Столыпина, которое в Вашем лице приобретает человека, убеждения которого мне известны». В воспоминаниях И.И. Толстой указывал на то, что П.П. Извольский, вступая в должность товарища министра, «успел досконально ознакомиться с делом, составлявшим предмет занятий и попечения Министерства народного просвещения». О человеческих качествах П.П. Извольского И.И. Толстой также отзывался весьма положительно. Он говорил, что П.П. Извольский на время начала министерской деятельности И.И. Толстого был «из всех попечителей наиболее популярный благодаря своей тактичности и культурным формам обращения с людьми». Он отмечает также, что П.П. Извольский «мягок и любезен» и «легко поступаетя подробностями в надежде достигнуть главного».

В.И. Гурко относился отрицательно к описанным И.И. Толстым качествам П.П. Извольского. Он считал, что последний был «по характеру человек мелкий и нерешительный, а по природе добрый и не способный к какому-либо противодействию». О назначении П.П. Извольского на пост обер-прокурора Святейшего Синода В.И. Гурко отзывался весьма скептически и считал, что он «едва ли имел в то время какие-либо познания в области церковных вопросов»³. Видимо, это было действительно так, потому что С.Ю. Витте дал о нем следующий отзыв: «Этот Извольский, обер-прокурор, человек очень порядочный, имеет

¹ Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о государе... С. 8.

² И.И. Толстой отдыхал в своем имении под Выборгом (тогда Финляндия).

³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 592.

некоторые достоинства, но, конечно, не представляет собою человека, который мог бы с успехом занимать какой бы то ни было государственный пост, а особливо пост обер-прокурора Святейшего Синода, так как Извольский никогда никакого отношения к церковному управлению не имел и по натуре недостаточно широк для поста министра». Разочаровался в своем коллеге и И.И. Толстой, но совершенно по другой причине. Он считал, что П.П. Извольский, «став обер-прокурором, очень уж резко переменял фронт и из либералов обратился в охранителя»¹. После отставки с поста обер-прокурора в 1909–1917 гг. он был членом Государственного совета по назначению. Входил в группу центра. В Государственном совете П.П. Извольский занимался в основном вопросами образования. В начале 1917 г. в рамках «чистки» назначаемой части Совета от недостаточно консервативных членов он был освобожден от присутствия. В числе членов Государственного совета по назначению в мае 1917 г. его вывели за штат и в декабре 1917 г. он был окончательно уволен со службы. В 1917–1920 гг. П.П. Извольский жил в Ялте, а в октябре 1920 г. эмигрировал в Турцию, затем, в 1922 г., уехал в Мюнхен, в 1923 г. – в Париж, а затем – в Брюссель. В 1922 г. он принял сан священника и впоследствии был протоиереем и настоятелем православной церкви в Брюсселе, благочинным в Бельгии и Нидерландах. Умер в 1928 г. под Парижем.

В 1909–1911 гг. обер-прокурором Святейшего Синода был С.М. Лукьянов, человек еще более далекий от церкви, чем П.П. Извольский. С.М. Лукьянов был известен, прежде всего, как крупнейший специалист в области патологической физиологии, педагог, государственный и общественный деятель. В 1879 г. он окончил Медико-хирургическую академию; в 1883 г. защитил докторскую диссертацию, два года стажировался в Западной Европе, затем был профессором в Варшавском университете. В 1894 г. – апреле 1902 г. С.М. Лукьянов исполнял обязанности директора Петербургского института экспериментальной медицины. С 1902 г. он состоял товарищем министра народного просвещения В.Г. Глазова. Однако сработаться со следующим министром И.И. Толстым ему не удалось, и он был вынужден покинуть свой пост. И.И. Толстой, безусловно, считал С.М. Лукьянова обер-прокурором реакционным. Достаточно привести дневниковую запись бывшего министра народного просвещения от 17 июня 1909 г. о деятельности этого человека на своем посту. И.И. Толстой писал следующее: «Вчера...

¹ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 17.

Святейший Синод решил уволить целую кучу профессоров из всех Духовных академий за либерализм... Это увольнение массовое большей частью выдающихся преподавателей явилось следствием епископских ревизий и, с другой стороны, актом мести. Хорошего ничего из этого для церкви не произойдет»¹. С.Ю. Витте, зная С.М. Лукьянова по его деятельности на посту товарища министра народного просвещения, отзывался о нем также весьма скептически. Он считал, что С.М. Лукьянов «не может внушить какое бы то ни было доверие в ведомстве»². Сам же С.М. Лукьянов в своих неоконченных воспоминаниях подчеркивал глубокую религиозность своей семьи, особенно отца. Из личного архива этого государственного деятеля мы узнаем, что он был большим поклонником В.С. Соловьева и исследователем творчества знаменитого религиозного философа. После Октябрьской революции 1917 г. (1918–1935) С.М. Лукьянов был профессором кафедры общей патологии Государственного клинического института и Ленинградского института усовершенствования врачей.

Формирование и эволюция правительства П.А. Столыпина складывались постепенно. Он смог сразу избавиться от таких фигур, как А.С. Стишинский и А.А. Ширинский-Шихматов, и ввести в правительство Б.А. Васильчикова и П.П. Извольского. А.П. Извольский свидетельствует, что назначение его брата было «много раз отвергнуто императором, и только благодаря настойчивости Столыпина оно, наконец, состоялось»³. Таким образом, с самого начала своей премьерской карьеры П.А. Столыпин постепенно начал формирование единого правительства. Лично им был намечен курс на подготовку множества проектов либеральных реформ, которые должны были быть представлены на рассмотрение II Думы. Как писал А.П. Извольский, «из-за неоднородности Кабинета Столыпину приходилось самому направлять работу по подготовке различных законопроектов. Что касается аграрного вопроса, наиболее важного из всех, то он взял на себя труд по изучению всех его деталей, и ряд указов, касающихся этого вопроса, могут рассматриваться как его личная заслуга». Однако в конце концов П.А. Столыпину удалось создать единый кабинет, о чем свидетельствовал С.И. Тимашев, ставший министром торговли и промышленности в конце 1909 г. Он утверждал: «Кабинет П.А. Столыпина был действительно объединенным правительством, чего нам так недоставало как до, так и после него. Не-

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 248.

² Там же. С. 114.

³ Извольский А.П. Воспоминания... С. 154.

согласные с ним министры уходили в отставку, а если они задерживались и начинали подпольную интригу, то в один прекрасный день находили у себя на столе приказ об увольнении, как было с государственным контролером Шванебахом». Единственным членом кабинета, который, по свидетельству С.И. Тимашева, занимал относительно независимое положение, был В.Н. Коковцов. Однако к концу своего премьерства П.А. Столыпин стал им тяготиться.

С.И. Тимашев называл и других влиятельных членов правительства П.А. Столыпина, по сути дела составлявших его костяк и всегда солидарных с премьером. Это были главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, государственный контролер П.А. Харитонов и министр путей сообщения С.В. Рухлов. Как писал С.И. Тимашев, они «обыкновенно действовали солидарно и оказывали друг другу поддержку в важнейших вопросах, проводившихся через Совет министров». Остальные же министры «обыкновенно ограничивались выступлениями по делам своих ведомств и сравнительно редко принимали участие в прениях по другим вопросам». С.И. Тимашев указывал на единственную кандидатуру члена правительства, назначенную вопреки желанию П.А. Столыпина. Это был обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер, известный своими консервативными взглядами. Однако этот человек стал министром за четыре месяца до гибели Петра Аркадьевича и за это время не мог никак повлиять на расклад сил в правительстве.

Серьезный диссонанс в работу правительства вносил В.А. Сухомлинов, который демонстративно не желал участвовать в заседаниях Совета министров, однако П.А. Столыпин имел веские рычаги влияния, способные если не заставить военного министра подчиняться, то, по крайней мере, нейтрализовать сепаратизм. Мостиком между премьером и Военным ведомством служил товарищ военного министра А.А. Поливанов, который формально не входил в состав правительства, но участвовал в большинстве заседаний Совета министров, умел ладить со всеми ключевыми фигурами правительства и фактически исполнял должность военного министра. А.А. Поливанов, видимо, имел хорошие отношения и с А.В. Кривошеиным. По крайней мере, он несколько раз в шутку в своем дневнике называл его Кривошеевым. С В.Н. Коковцовым он дружил, П.А. Столыпин его ценил и уважал. В IV главе мемуаров А.А. Поливанова мы находим следующую запись: «Отношения ко мне... генерала Сухомлинова и генерала Мышлаевского были мало доброжелательными, по доходившим до меня слухам оба эти лица...

придумывали способы как меня устранить от дел Военного министерства, и если ни на каком способе, не остановились, то этому воспрепятствовал тот авторитет, которым я пользовался в Совете Министров и, в частности, у председателя Совета Столыпина и министра финансов Коковцова». И этот авторитет был вполне заслуженным. Шестнадцать раз А.А. Поливанов за время своего пребывания товарищем министра был назначаем исполнять должность военного министра во время командировок А.Ф. Редигера и В.А. Сухомлинова, причем, по признанию многих своих коллег-министров, был гораздо квалифицированнее последнего¹. На его плечах лежала обязанность осуществлять связь Военного ведомства с Государственной Думой. Стараниями А.А. Поливанова трения членов правительства с Военным ведомством сглаживались. К тому же П.А. Столыпин имел возможность поставить на место желавших независимости морского и военного министров, как это прекрасно описал М.Ф. Флоринский².

Итак, в правительство П.А. Столыпина входили в основном либеральные государственные деятели. К ним относились: Б.А. Васильчиков, А.В. Кривошеин, С.В. Рухлов, П.М. фон Кауфман, И.К. Григорович, А.П. Извольский, С.Д. Сазонов, Д.А. Философов, В.И. Тимирязев, С.И. Тимашев и П.П. Извольский. К консервативному крылу Совета министров принадлежали: А.Н. Шварц, Л.А. Кассо, В.А. Сухомлинов, П.Х. Шванебах и В.К. Саблер. Однако эти министры, не имея численного перевеса, никак не могли нарушить единства кабинета.

Огромную роль в создании сплоченного коллектива играл сам председатель Совета министров, причем не только на профессиональном, но и на личностном уровне (большинство министров испытывало к нему чувство симпатии). Вообще, многое в этом правительстве держалось на чисто личностных отношениях. Консервативный и не понимавший необходимости единства правительства А.Ф. Редигер симпатизировал либералу А.П. Извольскому, дружеские отношения связывали самого А.П. Извольского и В.Н. Коковцова; вероятно, на той же основе образовалось и ядро правительства: А.В. Кривошеин, С.В. Рухлов и П.А. Харитонов. П.А. Столыпин и С.Д. Сазонов были связаны родственными узами. Основу столыпинского кабинета составляли чинов-

¹ Сазонов С.Д. Воспоминания... С. 326–327. Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. № 176. С. 97.

² Флоринский М.Ф. Кабинет П.А. Столыпина и проблема единства государственного управления в 1906–1911 гг. // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1993. Вып. 2 (№ 9). С. 31.

ники с огромным опытом работы: В.Н. Коковцов, А.В. Кривошеин, А.П. Извольский, однако по масштабу личности все они явно уступали главе правительства, который прилагал основные усилия для обеспечения действий Совета министров как единого целого. Важно отметить, что сами министры осознавали правительство П.А. Столыпина единым коллективом. При этом возникает другой вопрос, смогло ли правительство достигнуть при этом единства государственного управления? Вероятно, нет. Мешали межведомственные разногласия, наличие других влиятельных государственных институтов и, что самое важное, противодействие самого царя Николая II.

Научное издание

Сафронов Сергей Алексеевич

**П.А. СТОЛЫПИН: РЕФОРМАТОР НА ФОНЕ
АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ**

В двух томах

ТОМ 1. ПУТЬ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОЛИМПУ

Редактор *И.Н. Байкина*

Корректор *Ю.И. Молокова*

Компьютерная верстка *О.А. Кравченко*

Подписано в печать 22.10.2015. Печать плоская. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,4. Тираж 500 экз. Заказ № 845

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru